ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МОСКВА
2023

STATE
ACADEMIC UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

ORIENTAL COURIER

2023 (3)

Published quarterly

Founded in January, 2019
Moscow

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВОСТОЧНЫЙ КУРЬЕР

2023 (3)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в январе 2019 года
Москва

Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 — 77287 от 25 ноября 2019 г.
ISSN: 2686-8431

Периодическое издание
Рецензируемый научный журнал

Журнал издается под руководством:
Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН)
Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН)

E-mail: oriental-courier@yandex.ru
URL: https://oriental-courier.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук. 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12, комн. 251

Государственный академический университет гуманитарных наук. 119049, г. Москва, Мароновский переулок, 26, комн. 222

Periodical
Peer-reviewed journal

The journal is published under the supervision of:
State Academic University for the Humanities (GAUGN)
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (IOS RAS)

E-mail: oriental-courier@yandex.ru
URL: https://oriental-courier.ru

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 251

State University for the Humanities.
26, Maronovskiy Lane, Moscow, Russia, 119049, room 222

Восточный курьер. № 3. — М.: ГАУГН, ИВ РАН, 2023. — 308 с.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения ГАУГН, ИВ РАН, редколлегии и редакции журнала.
Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

Макет и верстка — Н. В. Бусыгин
В оформлении обложки использованы рисунки © Ю. А. Молоканова
На обложке: Шкатулка. Мьянма, г. Паган, 1950-е гг. Бамбук, лак, роспись
© Собрание ГМВ, инв. № 4680/1–2 II

© ГАУГН, 2023
© ФБГУН ИВ РАН, 2023
© Редакция журнала «Восточный курьер» (составитель), 2023

Редакционно-издательский совет

А. К. Аликберов, д-р ист. наук,
Институт востоковедения РАН
В. Я. Белокреницкий, д-р ист. наук, профессор,
Институт востоковедения РАН
В. В. Наумкин, академик РАН, д-р ист. наук,
профессор, Институт востоковедения РАН,
Государственный академический университет
гуманитарных наук
А. Л. Рябинин, д-р ист. наук, профессор,
Институт востоковедения РАН, Государствен-
ный академический университет гуманитарных
наук, НИУ Высшая школа экономики
Д. В. Фомин-Нилов, канд. ист. наук,
Государственный академический университет
гуманитарных наук

Главный редактор

Д. В. Дубровская, д-р ист. наук,
Институт востоковедения РАН,
Государственный академический университет
гуманитарных наук

Заместитель главного редактора

А. И. Василенко,
Институт востоковедения РАН,
Государственный академический университет
гуманитарных наук

Редакционная коллегия

И. Г. Актамов, канд. пед. наук,
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
А. С. Балахванцев, д-р ист. наук,
Институт востоковедения РАН
Е. Ю. Ванина, д-р ист. наук,
Институт востоковедения РАН
М. В. Грачев, канд. ист. наук,
Государственный академический университет
гуманитарных наук,
Институт стран Азии и Африки МГУ

Editorial Advisory Board

Alikber K. Alikberov, DSc (History),
Institute of Oriental Studies, RAS
Vyacheslav Ya. Belokrenitskiy, DSc (History),
Professor, Institute of Oriental Studies, RAS
Vitaly V. Naumkin, Academician, DSc (History),
Professor, Institute of Oriental Studies, RAS,
State Academic University for the Humanities
Aleksey L. Ryabinin, DSc (History), Professor,
Institute of Oriental Studies, RAS,
State Academic University for the Humanities,
National Research University
Higher School of Economics
Denis V. Fomin-Nilov, PhD (History), State
Academic University for the Humanities

Editor-in-Chief

Dinara V. Dubrovskaya, DSc (History),
Institute of Oriental Studies, RAS,
State Academic University for the Humanities

Deputy Editor-in-Chief

Anastasiya I. Vasilenko,
Institute of Oriental Studies, RAS,
State Academic University for the Humanities

Editorial Board

Innokenty G. Aktamov, PhD (Pedagogy),
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan
Studies of the Siberian Branch, RAS, Ulan-Ude
Archil S. Balakhvantsev, DSc (History),
Institute of Oriental Studies, RAS
Evgeniya Yu. Vanina, DSc (History),
Institute of Oriental Studies, RAS
Maxim V. Grachyov, PhD (History),
State Academic University for the Humanities,
Institute of Asia and Africa,
Moscow State University
Alexey Yu. Drugov, DSc (Politology),
Institute of Oriental Studies, RAS

А. Ю. Другов, д-р полит. наук,
Институт востоковедения РАН
Д. Н. Замятин, д-р культурологии,
НИУ Высшая школа экономики
М. С. Круглова, канд. ист. наук,
Институт востоковедения РАН,
Государственный академический университет
гуманитарных наук
М. И. Крупянко, д-р. политологических наук,
Институт востоковедения РАН
В. А. Кузнецов, канд. ист. наук,
Институт востоковедения РАН:
Государственный академический университет
гуманитарных наук
Е. В. Кузнецова, канд. пед. наук,
Государственный академический университет
гуманитарных наук
П. А. Куценков, д-р культурологии, канд. искусствоведения, Институт востоковедения РАН
Д. В. Микульский, д-р ист. наук, профессор,
Институт востоковедения РАН
А. А. Столяров, канд. ист. наук,
Институт востоковедения РАН, Российский
государственный гуманитарный университет
Т. Л. Шаумян, канд. ист. наук,
Институт востоковедения РАН
Доминик Вуястик, д-р филол. наук, профессор,
Университет Альберты (Альберта, Канада)
Кандарпа Дас, д-р ист. наук, вице-канцлер
Университета Гириджананда Чоудхури,
профессор (Индия)
Розалин ван дер Пул, д-р культурологии,
профессор Академии креативных и исполнительских искусств, Лейденский университет
(Лейден Нидерланды)
Сихам Шериф, канд. социол. наук, профессор,
Университет Алжира 2 (Алжир)

Редакция

Н. В. Сафонова,
Институт востоковедения РАН
(*ответственный секретарь*)
П. И. Абанина,
Государственный академический университет
гуманитарных наук
(*научный редактор*)

Dmitry N. Zamyatin, DSc (Culturology),
National Research University
Higher School of Economics
Maria S. Kruglova, PhD (History),
Institute of Oriental Studies, RAS,
State Academic University for the Humanities
Mikhail I. Krupyanko, DSc (Politology),
Institute of Oriental Studies, RAS
Vasily A. Kuznetsov, PhD (History),
Institute of Oriental Studies, RAS,
State Academic University for the Humanities
Evgeniya V. Kuznetsova, PhD (Pedagogy),
State Academic University for the Humanities
Pyotr A. Kutsenkov, DSc (Culturology),
Institute of Oriental Studies, RAS
Dimitry V. Mikulsky, DSc (History),
Institute of Oriental Studies, RAS,
State Academic University for the Humanities
Alexander A. Stolyarov, PhD (History),
Institute of Oriental Studies, RAS,
Russian State University for the Humanities
Tatiana L. Shaumyan, PhD (History),
Institute of Oriental Studies, RAS
Dominik Wujastyk, PhD, Professor,
University of Alberta (Canada)
Kandarpa Das, PhD, Professor,
Gauhati University, Vice Chancellor of the
Girijananda Chowdhury University
(Assam, India)
Rosalien Van der Poel, PhD,
Academy of Creative and Performing Arts
(ACPA), Leiden University (Leiden, Netherlands)
Siham Cherif, PhD (Sociology), Professor,
Université Alger 2 (Algeria)

Editorial Group

Natalia V. Safonova,
Institute of Oriental Studies, RAS
(*Executive Editor*)
Polina I. Abanina,
State Academic University for the Humanities
(*Academic Editor*)

Опубликованные в журнале «Восточный курьер / Oriental Courier» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.6. Исторические науки

5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.3. Археология
5.6.4. Этнология, антропология и этнография
5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования
5.6.6. История науки и техники
5.6.7. История международных отношений и внешней политики
5.6.8. Документалистика, документоведение, архивоведение

5.9. Филология

5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы
5.9.4. Фольклористика
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.5. Политология

5.5.1. История и теория политики
5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики
5.5.4. Международные отношения

Содержание

От редакции:

12 Продолжая дело предшественников

ВОСТОК: ОСТРЫЕ ВОПРОСЫ

13 Akhmedov Vladimir M. The Lebanon Hezbollah and the Syrian Crisis: Religious and Military Dimensions

21 Боков Т. А. К вопросу о причинах начала вооруженного конфликта между правительством Йеменской Республики и хуситским движением в 2004 г.

35 Кирчанов М. В. Исламский консерватизм в интеллектуальном дискурсе современной Индонезии

50 Петросян А. Г. Демографические последствия сирийского конфликта для армянской общины Сирии

61 Сафонова Н. В. Пути распространения радикального исламизма в современной Франции: взгляд французских исследователей

68 Якимова Е. А. Эволюция подходов партии «Зеленые / Союз 90» к отношениям Германии и Израиля

ЧИТАЯ ИСТОЧНИКИ

77 Байтенов Э. М. «Благое пространство», зиккурат, купол: предварительные заметки

86 Завидовская Е. А. Книжный фонд китаеведа академика В. М. Алексеева в собрании Синологической библиотеки: история формирования и особенности

96 Кузьмин С. Л., Митруев Б. Л. Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг как бог войны: исторические и религиозные основания

112 Лаврентьев Н. В. «Повержены все, которые с ним»: тексты проклятий о Нубийских династиях в эпоху Среднего царства

126 Микульский Д. В. Материалы об аравийском поэте и *ханифе* Умаййа б. Абу-с-Салте в *Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар* ал-Мас'уди (ум. 956)

132 Пясецкий В. Г. Непрочитанные письма сочувствия и поддержки цесаревичу Николаю (новые сведения об инциденте в г. Оцу 29 апреля / 11 мая 1891 г.)

ВЕСТИ С РАСКОПОК

140 Малых С. Е. Пометки В. С. Голенищева на древнеегипетской керамике из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина: к вопросу об установлении провенанса музейных предметов

149 Прусаков Д. Б. От дельты до Дельты: о природных условиях и поселенцах на Главном Ниле в 5-м тысячелетии до н. э. Часть III

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НА ВОСТОКЕ

160 Константинова Д. А. Общественно-политический статус женщины в Египте при президенте Абдельфаттахе ас-Сиси

ПОДНЕБЕСНАЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

170 Коньков А. С. Популяционно-генетическая история Китая в контексте популяционно-генетической истории Восточной Азии

ВОСТОЧНЫЙ ВЕРНИСАЖ

180 Гожева Н. А. «Повелитель Золотой черепахи», или Надписи на мьянманских лаках из собрания Государственного музея Востока

196 Горяева Т. М. От искусства пространства к искусству понимания: о выставочном проекте ГМИИ им. А. С. Пушкина «Всеобщий язык»

ВОСТОК ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСКУССТВА

208 Ванина Е. Ю., Крылова А. С. «Верх — низ»: индийские слуги и хозяева на киноэкране. Часть II

222 Катасонова Е. Л. Не только Хокусай: три волны японской культуры на Западе. Часть I

234 Чернышева А. И. Японизм в русской печатной графике рубежа XIX–XX веков

262 Kuvatova Valeria Z. Eastern and Western Influence in Wall Paintings of Abuna Yemata Gus Church (Ethiopia)

273 Щербакова А. Э. Первый из первых: история одного портрета Фетх Али-шаха

НАУЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

283 Челышева И. П. Тибетский буддизм в индийской долине Кангра: история и современность. Часть II

РЕЦЕНЗИИ

301 Кузьмин С. Л. Рецензия на: Соколов Б. В. Барон Унгерн и Гражданская война на Востоке. Москва: Вече, 2022

Contents

Editorial:

12 In the Footsteps of the Predecessors

CONTEMPORARY EAST: PRESSING MATTERS

13 Ахмедов В. М. Ливанская «Хезболла» и кризис в САР: религиозные и военные измерения

21 Bokov Timofey A. On the Reasons of the Beginning of the Armed Conflict between Yemeni Government and the Huthi Movement in 2004

35 Kirchanov Maxim V. Islamic Conservatism in the Intellectual Discourse of Modern Indonesia

50 Petrosyan Aida G. Demographic Consequences of the Syrian Conflict for the Armenian Community of Syria

61 Safonova Natalia V. The Spread of Radical Islam in Contemporary France: The View of French Researchers

68 Iakimova Elizaveta A. Evolution of "Alliance 90 / The Greens" Approaches to German Relations with Israel

READING HISTORICAL SOURCES

77 Baitenov Eskander M. "An Auspicious Space", a Ziggurat, the Dome: Preliminary Notes

86 Zavidovskaya Ekaterina A. Academician Vasiliy M. Alekseev' Book Collection in The Sinological Library: History and Specifics of the Fund

96 Kuzmin Sergius L., Mitruev Bembya L. Baron R. F. von Ungern-Sternberg as the God of War: Historical and Religious Grounds

112 Lavrentev Nikolay V. "All Who Are with Him are Defeated": Execration Texts of the Middle Kingdom on the Nubian Dynasties

126 Mikulsky Dimitry V. About the Arabian poet and hanif Umaiya ibn Abī s-Salt in al Masoudi's Work *Meadows of Gold and the Mines of Germs* (d. 956)

132 Pyasetsky Vladimir G. The Unread Letters of Sympathy and Support to the Crown Prince Nicholas (New Data on the Incident in Otsu, April 29 / May 11, 1891)

ARCHAEOLOGY NEWS

140 Malykh Svetlana E. Notes by Vladimir S. Golenischev on Ancient Egyptian Pottery from the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts: On the Provenance of Museum Objects

149 Proussakov Dmitry B. From the Delta to *the Delta*: Natural Conditions and Settlers on the Main Nile in the Fifth Millennium BC. Part III

GENDER-RELATED PROBLEMS IN THE EAST

160 Konstantinova Daria A. Socio-Political Status of Women in Egypt during President Abdel Fattah Al-Sisi's Rule

CELESTIAL EMPIRE: PAST AND PRESENT

170 Konkov Andrey. S. Population-Genetic History of China in the Context of the East Asian Population History

EASTERN VERNISSAGE

180 Gozheva Natalia A. "Lord of the Gold Turtle", or The Myanmar Lacquers' Inscriptions from the State Museum of Oriental Art Collection

196 Goryaeva Tatiana M. From the Art of Space to the Art of Understanding: The "Universal Language" Exhibition Project of the Pushkin State Museum of Fine Arts

ORIENT: AN ARTISTIC VIEW

208 Vanina Eugenia Yu., Krylova Anastasia S. Top & Bottom: Indian Servants and Masters on Screen. Part II

222 Katasonova Elena L. Not Just Hokusai: Three Waves of Japanese Culture in the West. Part I

234 Chernysheva Anna I. Japonisme in Russian Printed Graphics at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century

262 Куватова В. З. Восточное и западное влияние в стенописи церкви Абуна Йемата Гу (Эфиопия)

273 Shcherbakova Anna E. First of the First: The Story of Fath Ali Shah's Portrait

ACADEMIC JOURNEY

283 Chelysheva Irina P. Tibetan Buddhism in Kangra Valley: History and Modernity. Part II

BOOK REVIEW

301 Kuzmin Sergius L. Review of: Sokolov B. V. Baron Ungern and the Civil War in the East. Moscow: Veche, 2022

Продолжая дело предшественников

В прошлом номере мы начали перечислять издания, вдохновившие концепцию и эстетику «Восточного курьера», отметив в первую очередь прославленный «Курьер ЮНЕСКО». Давайте вспомним сегодня яркое явление востоковедческой периодики — уникальную «Восточную коллекцию», журнал, издававшийся РГБ и выходивший с 1999 по 2015 год. В редколлегию журнала входили такие зубры отечественного востоковедения, как академики А. Куделин и В. Наумкин, президент ИСАА МГУ М. Мейер, д. и. н. Е. Ванина (частый автор «ВК»), М. Титаренко, директор Института Дальнего Востока РАН, и И. Попова, директор Института восточных рукописей РАН. Хочется подписаться под словами из заключительного обращения к читателям Александра Полещука (главного редактора «Восточной коллекции» в 2001–2015 годах), сказавшего: «востоковеды получили возможность обнародовать… свои творческие работы, выходящие за академические рамки, сопровождая их оригинальными иллюстрациями» (см.: http://orient.rsl.ru).

Однако закон сохранения творческой энергии действует, и хочется верить, что творческие работы с оригинальными иллюстрациями ныне можно найти на страницах «Восточного курьера», подтверждение чему — уникальные материалы о росписях малодоступной эфиопской церкви, о японизме в Европе и в России, о выставках лаковой миниатюры Мьянмы и о выставке-блокбастере ГМИИ им. А. С. Пушкина «Всеобщий язык» на страницах номера, который вы держите в руках.

Хорошего осеннего чтения и приятного разглядывания, дорогой читатель!

Всегда ваш Восточный курьер

DOI: 10.18254/S268684310028315-4

The Hezbollah of Lebanon and the Syrian Crisis: Religious and Military Dimensions

Ливанская Хезболла и кризис в САР: религиозные и военные измерения

© 2023 **Vladimir M. Akhmedov**

PhD (History), assistant professor, Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia
shamyarabist@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-4952-2964

Владимир Муртузович Ахмедов

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия; shamyarabist@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-4952-2964

The article studies the role of Hezbollah in the Syrian crisis and its interactions with Damascus and Tehran. The author analyzes historical preconditions for origin and genesis of Hezbollah in Lebanon, focusing on actual political, social, economic, ethnic, ideological and regional role of the Organization in the Syrian crisis based on historical background. The author investigates rivalry between Damascus and Tehran for maintain control under Hezbollah in view of Iranian military intervention in the Syrian events. Main attention paid to Iranian politics regards Hezbollah in view of developments of the Syrian crisis. The article stresses a significant role of Tehran in the Syrian crisis and underlines Iranian efforts to penetrate in the key Syrian political institutions. Due to the developments of the Syrian military confrontation Hezbollah appeared under full Iranian control. In this regard, the author supposes and demonstrates that perspectives of Hezbollah depend on political will and the readiness for mutual compromises between key regional actors in the Syrian crisis.

Keywords: Middle East, Hezbollah, Shiites, Lebanon, Syrian Crisis, Iran

For citation: Akhmedov Vladimir M. The Hezbollah of Lebanon and the Syrian Crisis: Religious and Military Dimensions. *Oriental Courier.* 2023. No. 3. Pp. 13–20. DOI 10.18254/S268684310028315-4

В статье исследуется роль ливанской Хезболлы в сирийском кризисе и ее взаимоотношения с Дамаском и Тегераном. Автор анализирует исторические предпосылки зарождения и развития Хезболлы в Ливане, уделяя особое внимание актуальным политическим, социальным, экономическим, этническим, идеологическим, региональным измерениям места Хезболлы в условиях сирийского кризиса, основанным на историческом контексте. Автор исследует соперничество между Сирией и Ираном за контроль над организацией; рассматривает роль Хезболлы в развитии гражданской войны в САР в условиях вооруженной интервенции Ирана в сирийские события. Большое внимание уделяется политике Тегерана в отношении Хезболлы в условиях сирийского кризиса. Автор отмечает весомую роль Ирана в сирийском противостоянии и предпринимаемые Тегераном усилия по проникновению в основные институты сирийского государства. Автор считает, что в условиях вооруженного конфликта в САР, ливанская Хезболла оказалась под полным контролем Тегерана. Перспективы развития Хезболлы во многом определяются политической волей и готовностью к взаимным компромиссам между ключевыми внутренними и внешними участниками на поле сирийского кризиса.

Ключевые слова: Ближний Восток, Хезболла, шииты, Ливан, сирийский кризис, Иран

Для цитирования: Ахмедов В. М. Ливанская Хезболла и кризис в САР: религиозные и военные измерения. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2023. № 3. С. 13–20. DOI 10.18254/S268684310028315-4

Hezbollah origins

A number of external and internal factors influenced the emergence of Hezbollah in Lebanon. In 1970–1980s Lebanon was going through a protracted state crisis. The Shiite communities of Lebanon played a significant role in these events. Most Lebanese Shiites identified themselves with holy places in Najaf, Karbala (Iraq), Qom (Iran) rather than with Damascus. On 1920–1944s, (French mandate) the Shiite elites noticeably strengthened their positions after their Ja'afarite[1] legal schools received official recognition from France. The Shiites clergy was not part of the general Arab movement for unification with Syria. Therefore, they supported the independence of Lebanon even under the conditions of a protectorate [Olmert, 1987]. The Shiites were the one of the fastest growing population groups. Nevertheless, most of them remained politically the most backward stratum of the Lebanese society. In 1950s Shia'a represented 3.6 % of the local elites in Lebanon. Residents of Southern Lebanon experienced an acute shortage of standard household services. With agricultural production in decline and population growth in Lebanon, there was a massive migration of rural population to urban and suburban areas. The development of urbanization processes contributed to the transformation of the Lebanese Shiites into a politically mobilized stratum of Lebanese society. Shiite youth got the opportunity to study in local higher educational institutions. Many university graduates shared the ideas of a radical reorganization of the state institutions and foundations of the society [Nasr, 1985].

After the Islamic revolution in Iran in 1979, the main directions of Iran's foreign policy were

1 The Jaʿfarī school (الجعفري الفقه) of jurisprudence in Shia Islam. Named after the sixth Imam Ja'far al-Sadiq. Since 1960s Jaʿfari school has been afforded the status of "5th school" along with the four Sunni schools. In Iran, Jaʿfari jurisprudence is enshrined in the constitution [Nasr, 2007, p. 69].

determined by the specific character of state's power building based on Shiite clergy, which took root in politics. Traditional Islamic values served as the main ideological justification for Iran's foreign policy. The external factor played a significant and sometimes decisive role in Iran's policy [Arab-Iranian Relations, 1988, p. 3–18, 73–103]. Iranian leaders have made their bet on Lebanon since the early 1980s. Taking advantage of the Israeli occupation of Southern Lebanon and 1982 war, Iran sent about 3,000 fighters from the elite units of the Islamic Revolutionary Guard Corps (IRGC) through Syria to the country. Their task was to support the Shiite movement in Lebanon [Akhmedov, 2001]. In an effort to realize the idea of creating an Islamic republic in the image and likeness of Iran, the leaders of Iran clearly understood that it was impossible to achieve without establishing their complete control over the Shiite community of the country. The solution of this problem had a special resonance under conditions of struggle for Lebanon. By the early 1980s the Amal[2] organization has won a strong position in the Lebanese Shiite community. Its leadership (N. Berry) enlisted the support of Damascus and did not want to lose its influence on the Shiite community, reorienting itself to the interests of Iran. The Iranian leadership launched a powerful propaganda campaign against N. Berry and provided significant financial and ideological support to his deputy H. Mousavi, a graduate of Tehran University and a zealous supporter of the ideas of Ayatollah Khomeini. In summer 1982, H. Moussavi accused N. Berry of betraying interests of the Lebanese Shiites. He announced his withdrawal from Amal and created a new Shiite organization (Islamic Amal). Later, this organization became one of the main instruments of Iranian foreign policy in Lebanon. The ambiguous attitude of the Islamic authorities of Tehran towards Amal looks quite justified.

After the Syrian military redeployment in Lebanon in 1976, Iran's oppositions groups passed through training courses in the camps of the Shiite movement Amal, controlled by Damascus [Shireen, 1996]. An Israeli invasion in Lebanon (1982) advanced into the regions of Khalid and the western Beka'a (valley), where the Amal and al-Da'awa[3] detachments were operating, showed the lack of new organizational forms and counteracts methods to struggle with Tel Aviv. This was the reason for the split of Amal. Members of "al-Daawa" and other Islamic organizations decided to dissolve themselves. In June 1982, at the organizational congress in which representatives from various regions of Lebanon took part, a decision was made to create a new Hezbollah organization. One of its leaders was Abbas Moussavi. The fighting backbone made up of an Islamic youth cell, that decided to act as an independent Islamic group in the fight against Israeli troops. H. Nasrullah himself, who was 22 at the time, did not take part in the work of this youth cell. In 1985, at a meeting of pro-Iranian organizations in Lebanon, the leaders of Hezbollah, Islamic Amal and other Lebanese groups adopted long-term program guidelines. Their essence was to strengthen the positions of Iran and Hezbollah in Lebanon. The task was to liberate the occupied south of Lebanon, war with Israel up to its complete destruction, fight against Western primarily American influence in Lebanon. In this regard, at the end of 1987, the leaders of Iran reoriented themselves. They made a bet in the leadership of Hezbollah on Sheikh Subhi Tufayli. He was originally from the village of Brital (Beka'a Valley). S. Tufayli was considered in Tehran as a politician, loyal to Iran. After the withdrawal of Israeli troops from the most of Lebanese territory in 1985 Hezbollah, with the active support of the Islamic Revolution's Guards Corp (IRGC) began to build its own arsenal.

2 Amal (Arabic acronym and words game "the hope") — Lebanese Resistance Detachments (Regiments). First known as militia in the Movement of Dispossessed (Haraka-t-al-Musta'adafin) established in Iraq by Musa al-Sadr. Al-Sadr was born in Qom (Iran). He was the son of ayatollah from a family of Lebanon's Jabil Amil with branches in Iraq and Iran. Founder of Amal as independent Shiite militia. In 1978 al-Sadr departed for Libya at the invitation of Muammar Gaddafi. He was never heard from again.

3 Islamic Call Party (Ḥizb ad-Daʿwa al-Islamiyya) is a Shia Islamist political party. Founded first in Iraq in 1960.

THE RISE OF HEZBOLLAH

The strengthening of Hezbollah, especially its position in the areas of traditional influence of Amal, soon led to increased rivalry between two organizations, which in the second half of the 1980's took the form of violent armed clashes, along with the aggravation of Palestinian civil strife in Lebanon. Damascus intervention was able to stop the bloody clashes between Amal and Hezbollah, which took on a particularly violent character in 1988. Because of the so-called Taif Accords of 1989, Syria managed to prevent the disarmament of Hezbollah, leaving it as the only Lebanese organization with military infrastructure. Damascus was able to exercise control over the supply of weapons to Hezbollah. In January 1989, "special agreements" were reached between Damascus and Tehran. Lebanese Hezbollah has rebuilt its military infrastructure and resumed operations in southern Lebanon. In 1991, Hezbollah became the leading Lebanese resistance force operating in the south of the country against the South Lebanese Army (SLA) and Israeli troops. By this time, it became clear, that the policy of creating an Islamic republic in Lebanon, similar to the Iranian one, was facing great difficulties.

In the summer of 1992, the Iranian leadership recommended that Hezbollah leaders transform organization from a purely paramilitary group into an active political force in Lebanese society. The leaders of the organization announced the rejection of sabotage and terrorist methods and somewhat reduced the level of military activity in southern Lebanon. In the fall of 1992, Hezbollah won 8 out of 128 seats in the Lebanese parliament, which allowed it, blocking with other Islamist deputies, to have from 10 to 20 % of the vote and thus to claim the role of one of the leading political forces in Lebanon [Akhmedov, 2002]. H. Nasrullah formally headed the organization in February 1992 after the death of A. Mousavi during an Israeli Air Force raid on southern Lebanon. Former Hezbollah Secretary General S. Tufayli, the leader of the "radicals", did not join the leadership, and his supporters, who came from the Beka'a and the northern regions, lost almost all leadership positions in the organization. The regular congress of Hezbollah, held in July 1995, retained control over the leadership of the organization in the hands of H. Nasrullah and his supporters. In 1992, the combat forces of the military wing in Hezbollah were separated into an independent combat unit, not formally associated with the organization. Hezbollah preserved the organization's weapons as a serious advantage to challenge eventual changes in the region.

The total number of Hezbollah members by the beginning of the 2000s numbered over 10,000 soldiers. Over the past two decades, the activities of Hezbollah structures subordinated to the military tasks of the Islamic Resistance. Iran, together with Syria, pursued an active policy to strengthen its influence in the Middle East. This political line corresponded political developments in Lebanon. In summer 2006 (Israeli attack on South Lebanon) Hezbollah successfully contained Israeli offence. During the toughest political crisis in Beirut (2008) that nearly broke the country on the brink of civil war, Hezbollah took power in the country and became a military political force in 2009 resisting Israeli aggression in Gaza (Palestine).

HEZBOLLAH BETWEEN DAMASCUS AND TEHRAN

A number of important factors, which had a significant impact on its policy, determined Iran's activities in the Middle East. Iran's support for Hezbollah used to strengthen its influence in Lebanon as a tool to contain Israel's aspirations. Iran was involved in the inter-Palestinian and Israeli-Palestinian conflicts. It provided international support and assistance to Palestinian Hamas [Ehteshami, Hinnebusch, 1997, p. 27–57]. In the parliamentary elections in Lebanon in August–September 2000, Hezbollah won 12 seats in parliament. Acting in such different guises, Hezbollah had hundreds and thousands of activists and supporters in Lebanon. Its secular and religious activities were an important part of the life of the

Shiite community in Lebanon and provided it with a solid and long-term basis for mobilizing new loyal members and fighters from among the local population into its ranks. Over the past two decades, the Shiite bourgeoisie of Lebanon has grown stronger. It waged an active struggle for the redistribution of the existing zones of financial and economic influence, transportation routes and trade markets. The Shiite "nouveau riche" used the potential of Hezbollah to exert a beneficial influence on their economic competitors, both from among the Shiites and representatives of other faiths. In exchange for supporting the organization, they provided Hezbollah with their financial assistance.

The process of creation of Hezbollah was determined by the strong desire of the Iranian political elite to integrate into the Lebanese political life, rather than by an attempt to export the Islamic Revolution abroad. Hezbollah has always been a "problematic" organization from the point of view of the Syrian regime. In fundamental questions of Islamic faith and practice Hezbollah was closer to Tehran, and the ideological orientation of the organization was far from the ideas of non-proletarian socialism of the ruling Syrian Ba'ath party. In addition, the tasks of Hezbollah in Lebanon did not always coincide with Damascus' plans for this country and the region as a whole. Syria had to closely monitor that Hezbollah's actions against Israel complied with the established "rules of the game", as well as constantly monitor the activities of the organization so that it did not go beyond the Syrian interests and political plans in the region. In 1990–2000, Syria controlled Hezbollah. This control facilitated by the fact that since 1976 a 30,000-strong contingent of Syrian troops deployed in Lebanon. Damascus used Hezbollah to contain Israel, but did not want to strengthen an organization that could rival it in Lebanon. The Syrian control over the organization has been steadily lessened by the growing influence of the Islamic Republic of Iran in the Levant.

Iran sought to maintain the influence on Hezbollah in order to use it as influential tool in the region. Iran has traditionally played a major role in supplying Hezbollah with weapons and training the organization's fighters. Iranian assistance to Hezbollah was more in depth and strongly ideologues. Iranian assistance was based on the commonality of the Shiite doctrine, ideological principles and had deep historical roots. Thus, in 1999–2000 4 Boeing-747 aircraft delivered (monthly) military supplies from Tehran to Damascus for the fighters of the organization and the IRGC in Lebanon. In early 2000, Iran supplied Hezbollah with a batch of the latest anti-tank weapons. Iranian planes have been freely landing in Damascus airport with cargo intended for IRGC fighters in Baalbek, bypassing Syrian customs service. Iran's annual aid to Hezbollah estimated at $ 30 million [Stork, Lesch, 1990].

The situation began to change after the "Cedar Revolution" in Lebanon in 2005, which was in some sort caused by the US policy in the region. With the withdrawal of the Syrian troops from Lebanon Hezbollah's positions strengthened. This helped Iran to increase its influence in Lebanon. Since that time, Iran's influence on Hezbollah has grown noticeably stronger. In 2006, Hezbollah showed its strength in the battle with Israel in southern Lebanon. Iran gradually began to dominate in this Arab country. Hezbollah has become Iran's main tool in the Levant and containment of Israel [Akbarzadeh, 2016]. Hezbollah gained an important role in developing Syrian-Iranian alliance that was characterised with contradictions due to the varying degrees of the political expierences and different geography of the two states. The Syrian and Iranian elite's ideological and worldviews played an important role in building this contraversial alliance. Syrian and Iranian leaders shared some perceptions; their ideologies in certain aspects overlap. Iran tried to spread revolutionary Islam to create Muslim unity in the region by surmounting Arab–Iranian political division. Tehran demonstrated its solidarity by actively participating in the Arab–Israeli struggle.

Meanwhile, Syria, as the heartland of Arab nationalism, has striven to overcome the political fragmentation of the Arab world by acting as

a trigger for Arabs Unity. Hafez Al-Assad and Ruhollah Khomeini regarded their alliance as a vital tool to increase regional autonomy by diminishing foreign penetration into the Middle East. Iran's influence on Syria increased especially after Bashar Al-Assad had come to power in June 2000. Iranian penetration into Syria peaked in 2007–2009. At that time, Iran signed a series of profitable economic contracts with the new Syrian leadership and an agreement on military cooperation that got it prolongation in 2019–2022. This allowed Iran to penetrate almost all the institutions of the Syrian state, at first in the army and security apparatus, and to start to play an increasing role in Syrian society, exerting a beneficial influence on the mentality and views of the ruling Syrian elite.

The Syrian Tense

Syrian Crisis put Hezbollah in a difficult position. The unrest in Syria showed the full extent of the severity of the division of the former alliances in the region. The Syrian Crisis has become a real test for Hezbollah. The rebellion against al-Assad's regime dealted severe ideological blows to Hezbollah's ally in Tehran. Iran needed Syria for a number of reasons. Due to the efforts of Al-Assad's regime, Tehran managed to thwart the emergence of united front of the USA and its Arab allies against Iran. Damascus served as a conduit for Iranian policy in Lebanon. Iran has always viewed Damascus as an important link in the "Islamic resistance", where Hezbollah played a leading role. As events developed in Syria, Tehran could no longer count on the previous support of Damascus to protect its interests in Lebanon. Taking into account the Syrian events, many Lebanese political forces could change their attitude towards Iran; reconsider the previous nature of their ties with Tehran [Akhmedov, 2010, p. 152-173]. Iran also feared that regime change in Syria could undermine Iranian interests in the region. Iran played a leading role in maintaining the current regime in Syria.

Since January 2012, the Iranian Central Bank opened a multi-billion dollar credit line to the Syrian authorities, which allowed them regularly pay salaries to the personnel of the Syrian armed forces, fighting against the armed opposition. At the same time, Iran sent several thousand Hezbollah soldiers, advisers and specialists from the elite al-Quds corps (IRGC's detachment), as well as Shiite militias from Iraq and Afghanistan, to assist Al-Assad's army. As the Syrian armed uprising turned into a civil war, Iran increased its military presence in Syria. In fact, Iran's politics in Syria determined by considerations of an internal order, the priority of which was the desire by any means to achieve the nuclear power status[4]. Iran considered Syria as a "trump card" in a larger geopolitical game. Tehran viewed Damascus as an important springboard in spreading its influence in the region [Akhmedov, 2010, p. 134–153]. In the context of the Syrian crisis, Hezbollah built its strategy around a 5-year plan. According to this plan, Hezbollah on the eve of the events began to create weapons depots on the Syrian territory and to organize secret Islamic resistance units. At the same time, Hezbollah did not count on a prolonged armed conflict in Syria. The organization was afraid that a long war in Syria could affect its position in Lebanon. Hezbollah had no desire to incur future human and material losses in Syria. Regard those perceptions the leadership of Hezbollah adopted a plan to build an outwardly independent structure in Syria. This militia troops had to be under control of the Shur'a Council and subordinate directly to the Secretary General of Hezbollah H. Nasrullah. By this Hezbollah sought to expand its influences far beyond Lebanon and to strengthen its position in Iraq and Yemen.

However, despite the presence of Hezbollah in Syria, Iraq, Yemen, where its detachments carried out independent paramilitary actions, they remained connected with their center in Lebanon, which provided interconnection with the "theaters" of military operations in Syria, Iraq

4 Some experts consider that Iran, experiencing at this time a luck of force ability to gain a victory over Syrian military opposition, has played a significant role in Moscow taken decision to involved military in Syrian conflict on the fall 2015 [Akhmedov, 2022, p. 272].

and Yemen. As long as Syria remains the main battlefield, Hezbollah continues to create armed formations on its territory. In the 2020s total number of Hezbollah's fighters in Syria countered about 50 thousands, who was recruited from various social and religious strata of the Syrian population. The enlisting was emphased on Syrias Muslims who adopted Shiite's faith (Ja'afarite school), as well as representatives of the Christian and Druze communities. Hezbollah has tried to build a Lebanese model of "Islamic Resistance" in Syria[5]. High-ranking Hezbollah officers were in constant contact with representatives of government forces in Syria and Iraq, managing their actions. Iran considered Hezbollah as one of the important instruments for ensuring its national security and as a key element of its policy in the Middle East. In 2022-2023 Iran–Israeli military confrontation escalated and spreaded over Levant on Iraq, Arabian Peninsula, Türkiye and Caucasus. Complicated military situation (on the brink of a new war) ushered changes in the behavioral patterns of Hezbollah. The organization began to act tougher and more frankly. Its activity was not limited to Syria, but also extended to Palestine.

During his speech in June 2022, the leader of the organization H. Nasrullah lashed out at Israel and a number of other countries[6]. Such an unexpected "revelation" of Iran's main ally in the Levant was a reflection of the strong irritation of Hezbollah leadership with an increase in Israeli strikes on Iranian military facilities in Syria. The bombing of Damascus Airport by Israeli aircraft in 2022-2023 severely damaged its infrastructure and disabled Iran's main transport artery, which it used to supply weapons and ammunition to the Lebanese Hezbollah [Kasir, 2023]. During the participation in the Syrian campaign, the organization has lost several thousand high-ranking officers and thoroughly spoiled relations with political forces in Lebanon and Gulf Arab states. After massive Israeli attacks on Hezbollah's positions in Syria and Iran (Isfahan) in January-March of 2023, Hezbollah activated its new "secret" detachment "Kataib Al-Radwan"[7] and granted its bases in the South Lebanon to HAMAS[8] for rockett's strike on Israely residences in Al-Jalil (Occupied Palestine)[9]. In view of the ongoing military conflicts in Syria and all over Middle Eeast, Hezbollah and Tehran are doomed to cooperate in the Levant and on the problem of Levant, in particular.

References / Список литературы

Ахмедов В.М. Ливанская "Хезболла" как "центр силы" на Ближнем Востоке. Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке. Сост. М.Р. Арунова. М.: ИИИиБВ – Академия геополитики и

5 Iran-tahsh'a-wujood-hisb-allah-al-israeli-ala-hududha-al-shimaliya. *Al-Arab*. July 10th, 2022. [Iran scares Israeli Hezbollah presence on its northern borders (in Arabic)]. URL: https://www.alkhaleejpost.com/posts/16663 (accessed 06.08.2022)

6 Iran-tahsh'a-wujood-hisb-allah-al-israeli-ala-hududha-al-shimaliya. *Al-Arab*. July 10th, 2022. [Iran scares Israeli Hezbollah presence on its northern borders (in Arabic)]. URL: https://www.alkhaleejpost.com/posts/16663 (accessed 06.08.2022)

7 Ma-Ghiya-Kataib-Al-Radwan? January 8th, 2023. [What is battalions Radwan? (in Arabic)]. URL: https://www.raialyoum.com/%D9%85%D8%A7-%D9%87%D9%8A-%D9%83%D8%AA%D8%A7%D8%A6%D8%A8-%D8%A7%D9%84%D8%B1%D8%B6%D9%88%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%A7%D8%A8%D8%B9%D8%A9-%D9%84%D9%80%D8%AD%D8%B2%D8%A8-%D8%A7%D9%84%D9%84/ (accessed 09.02.2023).

8 HAMAS (Arabic acronim and words game "High couradges spirit"). Islamic resistance movement. Founded in Palestine (Gaza) in 1991 as a military branch of "Muslim Brotherhood" under the blind eye of Israel that considered to use it (undercover) to counter secular Organization for Palestine Liberation (PLO).

9 Ma-Ghiya-Kataib-Al-Radwan? January 8th, 2023. [What is battalions Radwan? (in Arabic)]. URL: https://www.raialyoum.com/%D9%85%D8%A7-%D9%87%D9%8A-%D9%83%D8%AA%D8%A7%D8%A6%D8%A8-%D8%A7%D9%84%D8%B1%D8%B6%D9%88%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%A7%D8%A8%D8%B9%D8%A9-%D9%84%D9%80%D8%AD%D8%B2%D8%A8-%D8%A7%D9%84%D9%84/ (accessed 09.02.2023).

безопасности, 2001. С. 11–33 [Akhmedov V. M. The “Hezbollah” of Lebanon as “Force Center” in the Middle East. Islamism and Extremism in the Middle East. Comp. M. R. Arunova. Moscow: IIMES - Akademiya geopolitiki i bezopasnosti, 2001. Pp. 11–33 (in Russian)].

Ахмедов В. М. *Сирийский кризис и борьба Ирана за Ближний Восток*. М.: ИВ РАН, 2022. 272 с. [Akhmedov V. M. *The Syrian Crisis and Iran’s Fight in the Middle East*. Moscow: IOS RAS, 2022. 272 p. (in Russian)].

Ахмедов В. М. *Современная Сирия. История. Политика. Экономика.* М.: ИВ РАН, 2010. 224 с. [Akhmedov V. M. *Contemporary Syria. History. Politics. Economy.* Moscow: IOS RAS, 2010. 224 p. (in Russian)].

Akbarzadeh S. Why Iran Needs Hizbullah. *The Muslim World*, 2016. Vol. 1. Pp. 127–140.

Al-Hamid T. Israel-Iran wa-t-tahgyeer-al-istartidgeyi. *Asharq Al-aswat*. February 1st, 2023. [Al-Hamid T. Israel-Iran…strategically change (in Arabic)]. URL: https://aawsat.com/home/article/4130901/الحميد-طارق/إسرائيل--إيران-والتغير-الاستراتيجي (accessed 10.03.2023).

Arab-Iranian relations. Ed. by Khair El-Din Haseeb. Beirut: Center for Arab Unity Studies, 1988. 568 p.

Ehteshami A., Hinnebusch A. R. *Syria and Iran. Middle powers in penetrated regional system.* London; New York: Routledge, 1997. 238 p.

Iran-tahsh’a-wujood-hisb-allah-al-israeli-ala-hududha-al-shimaliya. *Al-Arab*. July 10th, 2022. [Iran scares Israeli Hezbollah presence on its northern borders. *Al-Arab* (in Arabic)]. URL: https://www.alkhaleejpost.com/posts/16663 (accessed 06.08.2022)

Kasir K. Al-hisb-wa-l-mihwar-yastae’eddan-li-l-harb-wa-t-taswiya. *Azaz*. March 4th, 2023. [Kasir K. The Party (Hezbollah) and Axis (Islamic Resistance) preparing for war...and peace. *Azaz* (in Arabic)]. URL: https://asasmedia.com/news/395915/ (accessed 15.03.2023).

Ma-Ghiya-Kataib-Al-Radwan? January 8th, 2023. [What is battalions Radwan? (in Arabic)]. URL: https://www.raialyoum.com/%D9%85%D8%A7-%D9%87%D9%8A-%D9%83%D8%AA%D8%A7%D8%A6%D8%A8-%D8%A7%D9%84%D8%B1%D8%B6%D9%88%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%A7%D8%A8%D8%B9%D8%A9-%D9%84%D9%80%D8%AD%D8%B2%D8%A8-%D8%A7%D9%84%D9%84%D9%84/ (accessed 09.02.2023).

Nasr S. Roots of the Shi’i Movement. *MERIP Reports*, No. 133, June, 1985.

Nasr V. *The Shia Revival: How Conflicts within Islam Will Shape the Future.* New York: W. W. Norton & Company, 2007. 320 p.

Olmert J. The Shi’is and the Lebanese State. Martin Kramer (ed.) *Shi’ism, Resistance, and Revolution.* Boulder, Colo.: Westview Press, 1987. 324 p.

Shireen T. H. Iran and Syria: From Hostility to Limited Alliance. *Iran and the Arab World*, eds. Houshang Amirahmadi and Nader Entessar. New York: St. Martin’s Press, 1996. Pp. 198-216.

Stork J, Lesch A. Background to the Crisis: Why War? *Middle East report*, No. 167. November-December 1990. Pp. 11-18.

DOI: 10.18254/S268684310028316-5

К вопросу о причинах начала вооруженного конфликта между правительством Йеменской Республики и хуситским движением в 2004 г.

On the Reasons of the Beginning of the Armed Conflict between Yemeni Government and the Huthi Movement in 2004

© 2023 **Тимофей Александрович Боков**
первый секретарь Посольства России в Сирии
timofejbokov@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-8477-6639

Timofey A. Bokov
First Secretary, Embassy of the Russian Federation to the Syrian Arab Republic timofejbokov@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-8477-6639

В статье рассмотрены предпосылки и причины начала в июне 2004 г. масштабной военной операции против хуситского движения (ХД), проведенной йеменским правительством. Отмечено, что эпизод, давший старт неуклонно разраставшемуся вооруженному конфликту (2004–2010), стал одним из ключевых как для истории самих хуситов, так и для развития Йеменской Республики (ЙР) в целом: именно он запустил процесс стремительной трансформации ХД из небольшой группы сторонников провинциального общественно-политического деятеля в силу национального значения. В общейеменском же масштабе событие стало первым в длинной цепи кризисных явлений, приведших в итоге к коллапсу государственности в период Арабской весны. Проанализированы точки зрения хуситов, представителей властей и западных исследователей относительно причин вооруженного противостояния. Показано, что к 2004 г. в провинции Саада, ставшей основной ареной борьбы правительства ЙР и хуситов, сложилась взрывоопасная обстановка, сформированная целым рядом негативных факторов политического, экономического, социального, религиозного и управленческого характера.

Продемонстрировано, что президент ЙР Али Абдалла Салех на протяжении всего пребывания у власти предпочитал разрешать возникавшие конфликты с оппонентами при помощи дозированного применения силовых методов. С привлечением источников установлено, что высокопоставленные йеменские силовики-салафиты целенаправленно дезинформировали главу страны относительно намерений хуситов, демонизируя их и фактически вынудив лидера ЙР санкционировать операцию в Сааде.

Дана характеристика сформировавшемуся в силовых структурах ЙР в период после революции 1962 г. при поощрении йеменских властей влиятельному «салафитскому лобби», члены которого были причастны к организации атаки государства против ХД. Выдвинуто предположение, что салафиты занимались подстрекательством к военной операции, руководствуясь стремлением ослабить своих традиционных противников из числа зейдитов или даже нанести им поражение, отвлечь внимание йеменской общественности и А. Салеха от укрепления собственных позиций, получить доступ к дополнительным источникам доходов от боевых действий и процветавшей в Сааде контрабандной торговли.

Ключевые слова: Йемен, хуситы, хуситское движение, Хусейн аль-Хуси, салафиты

Для цитирования: Боков Т. А. К вопросу о причинах начала вооруженного конфликта между правительством Йеменской Республики и хуситским движением в 2004 г. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2023. № 3. С. 21–34. DOI 10.18254/S268684310028316-5

This paper examines reasons which made the Yemeni Government start a large-scale military operation against the Huthis in June 2004. It is noted that this operation led to a constantly unfolding armed conflict (2004–2010) and heavily influenced both Huthi Movement and the Government. It was exactly the point from which a rapid transformation of the Huthis from a relatively small group of followers of a provincial political leader into the nation-wide force began. This military operation also marked the beginning of a series of crises which resulted in a collapse of Yemen's statehood during the Arab Spring.

Opinions of Huthis, Yemen authorities and Western researchers regarding the reasons which led to the conflict are analyzed and acknowledged either misleading or not giving a comprehensive understanding of what exactly provided an impetus to the events in question. It is demonstrated that a combination of negative political, economic, social, religious, and administrative factors created an explosive situation in Saada region (main arena of the conflict) by 2004. It is shown that during his entire rule Yemeni President Ali Saleh, when dealing with opponents, preferred limited repressions to the full-scale violence, so to order a military operation against Huthis he must have been convinced that they had real anti-government aspirations. It is also established that Yemeni high-ranked Salafi military and security commanders — members of the so-called "salafi lobby" — were deliberately misinforming Saleh regarding Huthis' intentions and thus played a key role in the beginning of the conflict.

A brief overview of this powerful group of people, which formed after the 1962 revolution with the help of the Republican authorities, is provided. It is suggested that among the reasons of the Salafis for such actions was their desire to weaken their traditional Zaydi rivals or even inflict a crushing defeat on them; distract Saleh's and Yemeni public attention from their own strengthening during that period; and profit of the military actions and the smuggling which was flourishing in Saada.

Keywords: Yemen, Huthis, Huthi Movement, Husayn al-Huthi, Salafis

For citation: Bokov Timofey A. On the Reasons of the Beginning of the Armed Conflict between Yemeni Government and the Huthi Movement in 2004. *Oriental Courier.* 2023. No. 3. Pp. 21–34. DOI 10.18254/S268684310028316-5

22 июня 2004 г. власти Йеменской Республики (ЙР) неожиданно для всех начали полномасштабную военную операцию против видного зейдитского общественно-религиозного деятеля Хусейна аль-Хуси и его набиравших в предыдущие два года силу сторонников, базой которых были горы Марран в северо-западной провинции Саада. За следующие шесть лет вооруженный конфликт, состоявший из шести «горячих» фаз (т. н. «саадских войн») и хрупких перемирий между ними, распространился на соседние регионы и даже докатился до окрестностей столицы Саны, а в 2009 г. в него официально вступила Саудовская Аравия на стороне правительства ЙР.

В этот период хуситское движение (ХД) из небольшой группы сторонников провинциального лидера превратилось, в силу ряда причин[1], в одного из сильнейших акторов в политическом пространстве страны. Кроме того, боевые действия тяжким бременем легли на бюджет ЙР и дали повод для резкой критики правительства со стороны оппозиции. В итоге они стали одним из главных факторов, приблизивших коллапс йеменской государственности в ходе Арабской весны и последовавших за ней событий.

В связи со сказанным выше представляется, что установление причин, приведших к началу вооруженного конфликта между властями ЙР и ХД, является важной задачей для исследователя новейшей истории Йемена. Оно несомненно поспособствует более глубокому пониманию процессов, происходивших в стране в 2000-х гг. и оказавших непосредственное влияние на развитие ситуации в 2010-х гг.

Основные версии начала конфликта между хуситами и правительством Йемена

Несмотря на то, что данная проблема привлекала пристальное внимание как самих участников противостояния, так и западных исследователей, она до сих пор не была решена. Для начала рассмотрим основные имеющиеся на ее счет мнения.

Хуситы убеждены, что операция против них была инициирована Вашингтоном и стала ответом на активную критику внешней политики США[2]. Первым, кто высказал эту точку зрения, был, по всей видимости, сам Аль-Хуси, в интервью арабской редакции радио «Би-Би-Си» летом 2004 г. заявивший: «Мы уверены, что эта кампания организована по указанию Соединенных Штатов» [Шабакат аль-Фуркан, 2004]. В доказательство этого предположения обычно приводятся два факта: 1. Состоявшийся за две недели до начала конфликта визит президента ЙР А. Салеха в США, в ходе которого он «на полях» саммита т. н. Большой Восьмерки встретился с американским лидером Дж. Бушем-младшим; 2. Опубликованный летом 2004 г. в СМИ призыв американского Посольства в Йемене к гражданам страны поддержать действия властей [Руят Ансар Алла, 2013, с. 5].

Как представляется, данная версия имеет целый ряд слабых мест и должна быть признана несостоятельной. Во-первых, судя по имеющимся в нашем распоряжении шифртелеграммам дипмиссии США в ЙР (опубликованы на Интернет-портале «Викиликс»), вплоть до начала боевых действий в Сааде хуситы находились вне поля зрения Соединенных Штатов (нет ни

1 Основные из них: неизбирательные действия правительственных сил, результатом которых были многочисленные жертвы среди мирного населения и масштабные разрушения гражданской инфраструктуры, а следствием — переход многих местных жителей, не симпатизировавших ранее ХД, на его сторону; умелое взаимодействие хуситов с племенами; наличие в рядах движения большого числа *сейидов* (потомки Пророка, традиционно занимающие одно из высших мест в иерархии сверхтрайбализированного йеменского общества), которые сумели сплотить воедино разношерстный племенной элемент.

2 Лозунг хуситов, т. н. «*сархa*» («крик»), гласит: «Бог Велик! Смерть Америке! Смерть Израилю! Проклятие иудеям! Победа исламу!». Пропагандирование *сархи*, в первую очередь посредством ее выкрикивания в мечетях после пятничной молитвы, было основным методом политической борьбы ХД в то время.

одной депеши, где они бы упоминались). Впоследствии же в Вашингтоне относились к ХД спокойно[3]. В частности, в донесениях, составленных в ходе первой саадской войны, хотя и отмечен антиамериканский настрой движения, утверждается, что оно «не связано с международным терроризмом» [US Embassy in Sanaa. Sa'da Fighting, 2004], а идеология Аль-Хуси расценивается как едва ли имеющая шансы на широкую популярность [US Embassy in Sanaa. ROYG Forces, 2004].

Во-вторых, отрицательное отношение к США — на фоне их недавних на тот момент вторжений в Афганистан и Ирак — было фактически «общим местом» йеменской политики. Публичные критические замечания в адрес Вашингтона позволял себе даже Салех, а оппозиционные силы, включая суннитов различных радикальных направлений, оперировали резкими суждениями относительно Соединенных Штатов ничуть не меньше, чем хуситы. В этой связи остается неясным, почему необходимо было подталкивать власти ЙР к подавлению именно ХД.

Что до упомянутого заявления американской дипмиссии, то его публикация — по просьбе Салеха — стала не столько отражением отношения США к ХД, сколько знаком поддержки президента страны. Аналогичные коммюнике выпустили также посольства Франции и Саудовской Аравии [US Embassy in Sanaa. Sa'da Fighting, 2004].

Официальную версию йеменских властей относительно начала конфликта можно представить следующим образом. Намеревавшийся провозгласить себя имамом *сейид* Аль-Хуси поднял антигосударственный мятеж, опершись на основанное им незаконное вооруженное формирование. При этом его поддерживали зарубежные шиитские силы. Беспочвенность и противоречивость[4] этих и ряда других обвинений, выдвигавшихся йеменским руководством в адрес хуситов, автор в свое время показал в отдельной статье [Боков, 2021].

Вкратце: имеющиеся в нашем распоряжении источники либо не подтверждают, либо прямо опровергают правительственные инвективы против хуситов. Так, в частности, нет ни одного доказательства того, что Аль-Хуси действительно стремился установить имамат. Кроме того, он неоднократно скептически отзывался о центральном элементе исна-ашаризма — вере в сокрытого имама: «Некоторые серьезные авторитеты из числа двенадцатеричников… верят, будто бы Махди существует с 255 г. х. вплоть до наших дней — и Бог знает как долго еще будет существовать. Едва ли такой имам и *худжжа*[5] мог бы пребывать в сокрытии так долго, будучи *худжжей* Господа для Его рабов…» [Аль-Хуси, 2006, с. 17].

Другой пример: в ряде телеграмм посольства США в Сане прямо говорится о неубедительности попыток йеменских чиновников доказать американским партнерами наличие у хуситов связей с Ираном. В одной из депеш, к примеру, подчеркнуто, что власти ЙР «хотят представить саадских повстанцев как орудие Тегерана, надеясь таким образом обеспечить себе содействие, в т. ч. и финансовое, со стороны Соединенных Штатов и Саудовской Аравии» [US Embassy in Sanaa. Sa,ada War, 2009].

Разные точки зрения о причинах начала вооруженных столкновений государства и ХД высказывались западными исследователями. Так, к примеру, австрийская антрополог М. Брандт в своей блестящей монографии о роли племен в хуситском конфликте предполагает, что дело было прежде всего в противоборстве админи-

3 Только в декабре 2020 г., в самом конце президентского срока Дж. Трампа, ХД было внесено в список террористических организаций. Впрочем, уже в феврале 2021 г., в первые недели пребывания у власти Дж. Байдена, оно было исключено из этого перечня.

4 Первым, кто обратил внимание на внутренние противоречия в правительственной версии начала конфликта с хуситами был отечественный исследователь С. Н. Серебров [Серебров, 2008, с. 73].

5 Худжжа в шиизме — видимое доказательство божественного присутствия на земле [*Ислам*, с. 282].

страции Саады, состоявшей преимущественно из уроженцев других регионов, и местного населения — в первую очередь, шейхов племен и практикующих зейдитов [Brandt, 2017, p. 155–156].

Это противоборство действительно имело место и будет несколько подробнее рассмотрено ниже. Вместе с тем, Саада в этом смысле была не исключением, а скорее правилом внутренней политики Салеха. Как наглядно показал С. Дэй, после гражданской войны 1994 г.[6] во всех губернаторствах проигравшего Южного Йемена на все ключевые посты почти без исключений назначались северяне [Day, 2012, p. 138–147]. При этом с учетом еще свежих к середине 2000-х гг. воспоминаний местных жителей о недавнем сокрушительном поражении, уровень социальной напряженности там была едва ли ниже, чем в Сааде.

И. Блуми выдвигает гипотезу, согласно которой к вооруженному конфликту привело изменение баланса сил в йеменско-саудовском приграничье. По его мнению, Королевство в тот период резко ужесточило контроль над прежде «пористой» границей. Это в свою очередь привело к сокращению объемов контрабандной торговли, которая для многих саадцев составляла основной источник доходов [Blumi, 2012, p. 92].

В целом это действительно было так, однако схожая ситуация складывалась в соседнем Джоуфе, а также в Хадрамауте, где подобного рода военных действий в итоге не произошло (на Джоуф лишь позднее распространился хуситский кризис). Так что, как представляется, объяснять начало вооруженного противостояния в Сааде лишь этим фактором не вполне верно.

Авторы доклада «Обезвреживая Саадскую бомбу с часовым механизмом» из «Международной кризисной группы» считают, что власти ЙР начали операцию против хуситов из-за сильного раздражения их действиями [International Crisis Group, 2009, p. 3].

Действительно, Салех «имел зуб» на ХД. В частности, в январе 2003 г. сторонники движения нанесли ему личное оскорбление. Направлявшийся тогда в Мекку президент сделал остановку в Сааде и после молитвы в Большой мечети города хотел обратиться к присутствовавшим с речью. Однако в этот момент сразу несколько последователей Аль-Хуси принялись выкрикивать *сархy* и вынудили йеменского лидера ретироваться [International Crisis Group, 2009, p. 3].

Этот и ряд других подобных резонансных инцидентов способствовали тому, что правительство ЙР обратило на хуситов самое пристальное внимание и даже начало против них репрессии («крикунов» сотнями хватали и бросали в тюрьмы, где часто подолгу держали без суда и следствия). Однако, как будет показано далее, Салех в целом предпочитал любые конфликтные ситуации разрешать либо посредством переговоров, либо при помощи дозированного насилия. Так что сложно согласиться с тем, что скандирование каких-либо лозунгов безоружными людьми, тем более не критиковавшими руководство страны напрямую, могло стать поводом для начала против них военной операции.

Л. Видин и аналитики из центра «РЭНД» полагают, что Салех посредством кампании против хуситов стремился упрочить государственное присутствие в Сааде — отдаленном от Саны сверхтрайбализированном регионе, сложный горный ландшафт которого традиционно препятствовал установлению там эффективного контроля внешних акторов [Wedeen, 2008, p. 179; Salmoni, Loidolt, Wells, 2010, p. 125–126].

Как представляется, глава ЙР действительно рассматривал укрепление центральной власти в Сааде как одну из целей операции против ХД.

6 В 1994 г. часть политической элиты бывшей Народной Демократической Республики Йемен (НДРЙ, т. н. Южный Йемен), недовольная итогами произошедшего в 1990 г. объединения с Йеменской Арабской Республикой (ЙАР, т. н. Северный Йемен), решила восстановить независимость. В ходе разгоревшейся гражданской войны (апрель–июль) южане потерпели сокрушительное поражение.

Последняя была прекрасным предлогом для того, чтобы ввести в провинцию, населенную рьяно охраняющими свою известную независимость от Саны племенами, крупные армейские формирования. Ряд местных шейхов (особенно лояльных государству и/или из числа симпатизировавших салафитам), позициям и авторитету которых напрямую угрожали хуситы, должны были если не поддержать ВС ЙР, то хотя бы — скрепя сердце — не препятствовать их действиям.

Вместе с тем, Салех и сам был *кабили*[7] и едва ли мог не понимать, что полномасштабные боевые действия в таком регионе как Саада с большой долей вероятности приведут к антагонизации части (в лучшем случае) племен, существенным потерям с обеих сторон, итоговому затягиванию конфликта и сопутствующим чувствительным финансовым издержкам (дело, как известно, обернулось в итоге именно так).

Саада накануне начала конфликта: «идеальный шторм»

Итак, как мы видим, западные исследователи выделили несколько факторов, которые, по их мнению, сыграли важную или даже ключевую роль в начале саадских войн. Однако ни один из них нельзя счесть единственным или главным. Как представляется, вернее было бы сказать, что в Сааде к лету 2004 г. сложилась комбинация из большого ряда негативных обстоятельств, своего рода «идеальный шторм». Рассмотрим его основные составляющие.

1. Крайне низкий уровень экономического развития провинции. О нем говорили как сторонние наблюдатели, так и сами йеменцы. Например, в докладе центра «РЭНД» отмечается, что правительство ЙР не проводило должной работы по развитию инфраструктуры и социального обеспечения Саады и соседних с ней Хаджи и Амрана [Salmoni, Loidolt, Wells, 2010, p. 5]. В 2005 г. популярная местная англоязычная газета «Йемен Таймс» характеризовала Сааду как один из наименее развитых регионов страны [Is War the Only Solution, 2005].

Хуситы и некоторые наблюдатели предполагают, что причиной такого положения дел была намеренная маргинализация провинции со стороны правительства. Справедливо это суждение или нет, решить сложно. С одной стороны, подобная линия властей вполне укладывалась в общую политику дискриминации зейдитов и в первую очередь страты *сейидов*, проводившуюся республиканцами со времени свержения имамата в 1962 г.[8]. С другой же, Йемен в начале 2000-х гг. был крайне бедным государством и о каком бы то ни было серьезном развитии его в целом или отдельных регионов речи не шло. К тому же Саада была преимущественно аграрной провинцией, лишенной залежей углеводородов, как те же Мариб, Шабва или Хадрамаут.

Так или иначе, важно отметить, что экономическая обстановка в Сааде в первой половине 2000-х гг. действительно была крайне депрессивной.

2. Упадок сельского хозяйства, обусловленный истощением подземных источников воды. С конца 1970-х гг. (в то время начался непродолжительный период роста благосостояния йеменцев, в основе которого лежали денежные переводы из-за границы от уехавших на заработки граждан) в стране стала появляться продвинутая техника по бурению скважин. Благодаря ей на время была частично решена острейшая водная проблема. В 1980-х гг. в Сааде наблюдался аграрный бум (еще одной его причиной стала протекционистская политика государства по отношению к местным фермерам). Однако подземные источники довольно быстро истощались. Это было вызвано как отсутствием зако-

7 Т. е. был членом племени (конкретно — племени Санхан конфедерации Хашид).

8 Такие действия республиканцев были обусловлены тем, что, в соответствии с установлениями зейдизма, сейиды — это законные претенденты на власть и, следовательно, они представляли большую потенциальную угрозу для нового руководства страны.

нодательного регулирования их использования, так и гидрологической безграмотностью местных фермеров. К 2000-м гг. вновь разразившийся водный кризис вынудил часть земледельцев перейти на выращивание менее прихотливых и одновременно менее прибыльных культур, а кого-то — и вовсе сменить вид деятельности [Lichtenthäler, 2016].

3. Упомянутый аграрный бум 1980-х гг. усугубил постепенно начинавшиеся на северо-западе Йемена после революции 1962 г. социальные изменения. В Сааду пришел большой внешний капитал. Его обладателями были многочисленные уроженцы других провинций, которые не имели кровных связей с местными племенами, принадлежащими в основном к конфедерациям Хаулян бин Амр и Бакиль. Происходившее таким образом **размытие традиционного состава населения** также было важным фактором, способствовавшим дестабилизации ситуации в регионе. Новые жители губернаторства, преимущественно *кабили* из союза Хашид, зачастую пренебрегали интересами коренных саадцев и устоявшимися в этой местности нормами обычного права [Lichtenthäler, 2016].

4. Сельскохозяйственный упадок и усиление социальной напряженности заставляли рядовых *кабили* все чаще обращаться к шейхам с просьбой о посредничестве в спорах (в основе которых часто лежали вопросы водопользования и/или проблемы с «чужаками»). При этом, по свидетельству Г. Лихтентхелера, лидеры племен, также испытывавшие на себе негативные последствия развивавшегося кризиса, часто ставили личное выше общественного, используя подобные ситуации в своекорыстных интересах. Таким образом, **деградировали отношения между старейшинами племен и рядовыми *кабили*** [Lichtenthäler, 2016, p. 201–202].

5. Дополнительно усугубило и без того ухудшавшуюся обстановку упомянутое выше **ужесточение контроля над йеменско-саудовской границей**. В 2000 г. Сана и Эр-Рияд подписали соглашение, согласно которому ЙР окончательно признавала суверенитет КСА над занятыми в ходе войны 1934 г. провинциями Асир, Джизан и Наджран. Была также четко демаркирована государственная граница между странами в этом районе.

Власти ЙР были вынуждены начать борьбу с процветавшей на северо-западе страны контрабандой. Однако попытки укрепить контроль Центра над традиционно полуавтономными и к тому же весьма труднодоступными районами вызвали резкую негативную реакцию местных жителей, в первую очередь у крупных бенефициаров незаконного трафика из числа региональной племенной и административной элиты.

Сильное противодействие «снизу» не позволило властям достичь своих целей. Так, министр внутренних дел Р. Аль-Алими в 2003 г. в беседе с американским дипломатом признался, что правительство испытывает большие трудности с контролем транспортного потока в присаудовских районах, причем не только в Сааде, но и в Хадрамауте [US Embassy in Sanaa. Minister of Interior, 2003]. Неспособность Саны эффективно решить проблему вынудила Эр-Рияд в том же году начать возведение защитной стены на границе с ЙР. Этот проект[9] оказал заметное негативное влияние на и без того нервозную ситуацию в провинции.

6. Яркой иллюстрацией набиравшего в начале 2000-х гг. обороты конфликта между центром и периферией в Сааде стали **сложные отношения, которые установились у назначенных из столицы руководителей региона с местными жителями**. Как сообщается, бывший в то время губернатором провинции Я. Аль-Омари (человек с репутацией жесткого управленца) довольно быстро вступил в конфликт с саадскими нотаблями, чье влияние он стремился ослабить. Кроме того, рядом своих публичных действий он настроил против себя и практикующих зейдитов. Рассказывают, в частности, что однажды, идя по улице, он бросил ком грязи в табличку

9 Довольно быстро возведение стены было приостановлено. Впоследствии КСА использовало возможность возобновления строительства как дополнительный рычаг давления на ЙР.

с именем имама, в честь которого была названа одна из мечетей, воскликнув: «Времена имамов прошли!» [Hamidi, 2009, p. 183].

7. В то же время фиксировалось **изменение сложившегося в предыдущий период соотношения сил между местными салафитами и зейдитами**.

Первые, поддерживаемые властями, Саудовской Аравией и рядом местных шейхов в противовес зейдитам и конкретно — *сейидам*, в 1990–1980-х гг. сумели существенно укрепиться в Сааде. Их главным оплотом стал учебный центр «Дар аль-Хадис», довольно быстро приобретший международную известность[10].

В 2001 г. скончался основатель этого университета местный уроженец М. Аль-Вадии. Незадолго до смерти он разделил управление своими сторонниками между двумя людьми. Главой движения был назначен М. Аль-Васаби, а руководителем «Дар аль-Хадиса» — Я. Аль-Хаджури. Таким образом в прежде сплоченной среде саадских салафитов возник известный вакуум власти [Wedeen, 2008, p. 166, 252].

Одновременно в провинции происходила постепенная консолидация зейдитов вокруг харизматичного Аль-Хуси. В 2002 г. он сформулировал *сархху* и предложил своим сподвижникам использовать ее скандирование как инструмент политической борьбы. Такого рода переход от практиковавшихся зейдитами ранее преимущественно «спокойных» просвещенческих практик по сохранению собственной религиозно-культурной идентичности к активным действиям способствовал притяжению к формировавшемуся вокруг Хусейна движению новых сторонников.

В связи со сказанным выше правильным представляется мнение Л. Видин о том, что одним из вероятных поводов для начала военной операции властей ЙР против хуситов было стремление сдержать усиление зейдитов Саады на фоне ослабления местных салафитов [Wedeen, 2008, p. 166, 180].

8. В начале 2000-х гг. в Сааде, так же, как и во всем Йемене, стал отчетливо ощутим **демографический кризис**. Только за последнее десятилетие XX в. число жителей ЙР увеличилось на 50% — с 12 до 17,8 млн человек [Yemen Population, 2022]. Взрывной рост населения на фоне затяжного экономического кризиса привел к появлению в стране сотен тысяч молодых людей, лишенных реальных перспектив: слабое государство не могло обеспечить им необходимое количество рабочих мест, а отсутствие стабильного дохода затрудняло построение семьи и не позволяло вести сколько-нибудь достойную жизнь. Для Саады, как одного из наименее развитых регионов страны, все эти трудности были особенно характерны.

9. Весной 2004 г. в мире произошло сразу несколько событий, которые значительно усилили и без того **резко отрицательное отношение йеменцев к США и Израилю**.

22 марта в Газе израильтянами был убит лидер движения «ХАМАС» шейх А. Ясин, а 17 апреля та же участь постигла его преемника А. Рантисси. 28 апреля разразился скандал в связи со вскрывшимся массовым применением пыток в отношении арабских заключенных в контролировавшейся американцами тюрьме «Абу-Грейб» в Ираке. Все это блестяще подтверждало правоту Аль-Хуси и верность предложенного им лозунга.

А. Салех и кризисные ситуации

Итак, к лету 2004 г. в Сааде сложилась крайне напряженная ситуация, обусловленная большим количеством политических, экономических, социальных, религиозных и управленческих факторов. Обстановка была очевидно взрывоопасной, однако все еще остается неясным, почему именно власти ЙР (а конкретнее — Салех, без санкции которого столь важный шаг не мог быть предпринят) решили начать военную опе-

10 В частности, обучение там прошли десятки если не сотни наших соотечественников, в первую очередь — выходцы из поволжских регионов.

рацию против хуситов. Образно говоря, что послужило искрой, приведшей к детонации?

Прежде всего необходимо отметить, что, несмотря на авторитарный стиль правления и регулярное использование искусственно созданных внутриполитических кризисов в качестве одного из главных инструментов укрепления своей власти[11], Салех не был склонен к чрезмерному насилию. Лишь однажды — в 1994 г., когда абсолютно реальной стала угроза отделения Юга — он пошел на полноценные боевые действия. Во всех остальных известных случаях (кроме саадских событий, конечно), когда требовалось усмирить вышедших «за рамки» оппонентов, йеменский лидер прибегал либо к бескровным репрессиям, либо к дозированному применению силы. Рассмотрим ряд соответствующих примеров.

В 1998 г. в провинции Далиа в районе бывшей границы между ЙАР и НДРЙ начались выступления южан, недовольных дискриминационной политикой Саны в отношении своего региона. Помимо прочего они нанесли артиллерийский удар по одной из военных частей, за которым последовало вооруженное противостояние протестующих и ВС ЙР. Оно продолжалось несколько месяцев, а затем сошло на нет. В 1999–2000-х гг. столкновения несколько раз вспыхивали вновь, однако в итоге прекратились окончательно. При этом йеменская армия давала противнику принципиально симметричный ответ [Day, 2012, p. 184].

В 2001 г. нечто похожее произошло в провинции Ибб. Здесь против властей выступили представители оппозиционной суннитской партии «Ислах», которые были недовольны результатами прошедших выборов в органы местного управления. В итоге несколько населенных пунктов — очагов «смуты» — были обстреляны из танков, после чего ситуация успокоилась [Day, 2012, p. 188].

Интересен и инцидент с А. Аль-Куфайшем, уроженцем Юга, сделавшим хорошую военную карьеру на Севере и имевшим близкие отношения с А. Салехом. В конце 1990-х гг. вокруг него сформировался кружок влиятельных южан (т. н. «Общественный форум»), обсуждавших перспективы развития своей малой родины в рамках единого Йемена. В 2002 г. Аль-Куфайш передал Салеху записку с предложениями по вопросу государственной политики на Юге. Президент не ответил. Через месяц текст документа был опубликован в одной из газет. Лидер ЙР расценил этот шаг как неприемлемый. В итоге Аль-Куфайша подвергли травле в СМИ (главным обвинением были его якобы сепаратистские устремления) и лишили всех постов. «Общественный форум» распался [Day, 2012, p. 191–193].

Таким образом, мы видим, что в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в ЙР неоднократно фиксировались разного рода кризисные ситуации, в той или иной степени создававшие угрозу государству. Власти, однако, если и применяли насилие, то только в ответ на агрессивные действия своих оппонентов и очень точечно, не позволяя при этом ситуации выйти из-под контроля.

«Салафитское лобби» и его роль в начале кризиса в Сааде

С учетом вышесказанного можно предположить, что для того, чтобы отдать приказ о начале масштабной военной операции против группы оппонентов, А. Салех должен был быть твердо убежден в наличии у них намерения открыто выступить против государства, как это было в случае с южанами в 1994 г.

В целом определенные опасения такого рода в отношении Аль-Хуси были обоснованы. Он был *сейидом* и видным зейдитским авторитетом, т. е. имел право на имамат. У него было несколько тысяч последователей, которые теоретически могли стать ударной силой антиправительственного восстания. Кроме того, к июню 2004 г. Аль-Хуси уже несколько раз демонстри-

11 Этой характерной черте правления Салеха посвящена монография С. Филлипс [Phillips, 2011].

ровал «неповиновение» Салеху, в частности, отказавшись запретить своим сторонникам скандировать *сарху* в публичных местах[12] [Аль-Хивар, 2010].

Тем не менее всего этого было явно недостаточно для того, чтобы отдать приказ о начале полноценной военной кампании. Аль-Хуси ни разу не отозвался плохо о президенте ЙР[13] (хотя периодически позволял себе завуалированную критику в его адрес), никогда не говорил о необходимости организации вооруженного выступления против центральных властей, установлении имамата и т. п. Более того, он принципиально воздерживался от каких-либо четких внутриполитических требований, предпочитая облекать свои призывы в максимально сглаженные формулировки: «заявлять о своей позиции», «следовать Корану» и т.д.

Однако Салех, судя по всему, не владел объективной информацией о реальных намерениях Аль-Хуси и основных положениях разработанной им идеологии. Точнее будет сказать, что имевшиеся в распоряжении президента ЙР сведения сильно искажали существовавшую действительность.

На данный момент источников, которые могли бы однозначно подтвердить данную гипотезу, нет. Вместе с тем существует сразу несколько косвенных доказательств, которые в своей совокупности позволяют признать ее верной. Для начала на эту мысль наводит продемонстрированная выше несостоятельность и внутренняя противоречивость версии властей о причинах начала конфликта.

Кроме того, в нашем распоряжении имеется весьма любопытный документ — небольшое письменное послание Аль-Хуси Салеху, составленное в конце апреля 2004 г., то есть всего за два месяца до начала первой саадской войны. Приведем его текст целиком:

«Именем Господа,
Господин президент Али Абдалла Салех,
Да благословит Вас Бог!

Меня посетили Галеб аль-Муайид, Яхья Бадреддин аль-Хуси и шейх Салех Али аль-Ваджман. Я говорил с ними о многом, включая и Ваше недовольство мною, которое меня удивляет. Я уверен, что со своей стороны не сделал ничего, что могло бы привести к такому Вашему отношению ко мне. Мы ничего против Вас не имеем и очень высоко Вас ценим. Я действую только исходя из сознания своего долга верующего человека и патриота против врагов веры и мусульманской общины — США и Израиля. Не слушайте запугиваний *лицемеров, которые преследуют своекорыстные цели* [здесь и далее курсив мой. — *Т. Б.*]! Поверьте, мы не обманываем Вас и ничего против Вас не замышляем! Подтверждение этому — наше прошлое и наше настоящее. Они разоблачают *тех, кто преследует своекорыстные цели*! Поверьте, я искреннее и честнее с Вами [чем они. — *Т. Б.*]. Бог даст, в личном разговоре мы рассмотрим вопросы, волнующие Вас и всех остальных. Братья доведут до Вашего сведения детали нашей с ними беседы.

Мир Вам, милость и благословение Господа.
Ваш брат,
Хусейн Бадреддин аль-Хуси»[14].

По стилю и содержанию письма ясно, что Аль-Хуси, хорошо осведомленный о недовольстве Салеха, пытается «оправдаться» в глазах президента. Характерно, что с этой целью он в

12 Со слов брата Аль-Хуси Яхьи известно, что Салех однажды через посредников передал Хусейну пожелание, чтобы его сторонники перестали скандировать *сарху*. Аль-Хуси якобы ответил отказом, предложив президенту сперва законодательно запретить лозунг [Аль-Хивар, 2010].

13 Впервые Аль-Хуси позволил себе открытую критику Салеха уже после начала первой саадской войны. В интервью арабской редакции радио «Би-би-си» он охарактеризовал йеменского лидера как «тирана, действия которого расходятся с установлениями веры и Бога» [Шабакат аль-Фуркан, 2004].

14 Послание неоднократно публиковалось как в Интернет-ресурсах, так и в литературе. Автор воспользовался текстом, размещенным на официальном портале движения «Ансар Алла» [Аль-Хуси, 2004].

столь коротком послании счел нужным сосредоточиться в первую очередь на одном — по-видимому, самом главном для него — аргументе: вокруг йеменского лидера есть люди, которые его обманывают. Для их обозначения в тексте однажды употреблено слово «المنافقون» (лицемеры) и дважды «المغرضون» (те, кто преследует своекорыстные цели). При этом не уточняется, кем именно были эти люди.

Ответ на этот вопрос, судя по всему, можно найти в другом документе — докладе движения «Ансар Алла» о причинах конфликта в Сааде, представленном в ходе Конференции по национальному диалогу[15] в 2013 г.: «Правительство с самого начала неверно оценило проблему и ее возможные политические, социальные, религиозные и экономические последствия. Так случилось потому, что власти не имели о ней точных сведений. При этом те данные, которые поступали от спецслужб и «старой гвардии» [прореспубликански настроенных влиятельных шейхов. — *Т. Б.*]» являлись дезинформацией, цель которой была в достижении собственных корыстных целей и сведении личных счетов. В интервью газете «аль-Васат»[16] известный торговец оружием шейх Фарес Маннаа именно на силовиков возложил ответственность за произошедшее в Сааде, обвинив их в том, что в их докладах руководству страны о ситуации в провинции содержалась дезинформация» [Руят Ансар Алла, 2013].

Подтверждение этого предположения хуситов есть и в одной статье, опубликованной в номере газеты «Йемен таймс» от 7 апреля 2005 г.: «Конфликт начался потому, что отдельные члены партии “Ислах” из т. н. “салафитского лобби” поняли, что Салех и его партия “Всеобщий народный конгресс” начали им противодействовать. Именно “салафитское лобби” запустило противостояние в Сааде, чтобы отвлечь от себя внимание» [Bin Sallam, 2005].

Два эпизода из истории взаимоотношений Аль-Хуси и Салеха также являются косвенными доказательствами верности предложенной гипотезы.

Весной 2004 г. известный зейдитский деятель М. Аль-Мансур выехал в Сааду для беседы с Аль-Хуси в качестве эмиссара президента ЙР. Прождав в административном центре региона 11 дней, он был вынужден вернуться, так и не получив возможности увидеться с адресатом послания, которое должен был передать. О причинах неудачи своей миссии он рассказал французскому исследователю С. Дорлиану: «Дело было в приближенных к президенту людях из числа ваххабитов. Яхья аль-Омари и Али Мохсен аль-Ахмар не хотели, чтобы я добрался до Хусейна аль-Хуси» [Dorlian, 2013, p. 135].

В июне 2004 г., за считанные дни до начала вооруженного противостояния, Аль-Хуси обратился к шейху Хасану Гатаю с просьбой убедить Салеха в своих мирных намерениях. Шейх выехал в Сану, однако встретиться с президентом не смог, поскольку был арестован Али Мохсеном [Brandt, 2017, p. 164].

Как видим, члены т. н. «салафитского лобби» по меньшей мере дважды воспрепятствовали непрямым контактам Аль-Хуси и Салеха, способным привести к деэскалации ситуации.

Итак, несмотря на отсутствие прямых доказательств причастности высокопоставленных йеменских силовиков-салафитов к принятию Салехом решения о начале первой саадской войны (таких, какими могли бы стать «признания» кого-то из них или доклады спецслужб, ложившиеся на стол президента ЙР), факт ее наличия следует считать установленным.

Что собой представляло и как появилось это «салафитское лобби» в силовых структурах ЙР? Дело в том, что, как отмечалось выше, после 1962 г. республиканские власти последовательно проводили политику по укреплению в стране,

15 Состоявшийся в 2013–2014 гг. под эгидой ССАГПЗ и ООН форум основных политических сил Йемена. Его участники в рамках девяти рабочих групп искали пути преодоления важнейших вызовов, стоявших перед страной. Одна из групп была посвящена т. н. «проблеме Саады».

16 К сожалению, найти оригинал этой статьи не удалось.

включая и традиционно зейдитские регионы, позиций суннизма, в т. ч. в его салафитском изводе. Представители этого течения, а также члены «Братьев-мусульман»[17], регулярно назначались на министерские должности, создали разветвленную сеть средних учебных заведений, первыми получили право издавать негосударственную газету, а в начале 1990-х гг. основали крупнейшую оппозиционную политическую партию «Ислах».

Активно проникали радикальные идеи и в силовые структуры. Е. К. Голубовская писала об этом процессе в 1970–1980-х гг. так: «Влияние “Братьев-мусульман” с каждым годом все возрастало. Их сторонники были достаточно широко представлены в… правительстве, армии, органах госбезопасности» [Голубовская, 1989, с. 238]. Еще в конце 1970-х гг. руководителем Центральной службы безопасности ЙР (ЦСБ) был назначен симпатизировавший «Братьям-мусульманам» брат А. Салеха Мухаммад. Другой известный сторонник крайних идей — соплеменник главы ЙР генерал Али Мохсен аль-Ахмар — к 2000-м гг. стал, по общему мнению, вторым человеком в стране и оказывал большое влияние на принятие основных решений.

Понятно, что при таком руководстве и нижние чины подбирались соответствующие. В 1980–1990-х гг. многие йеменцы принимали участие в боевых действиях в Афганистане и Боснии, откуда в массе своей вернулись окончательно радикализированными. Поскольку йеменские спецслужбы были плотно вовлечены в организацию этих «командировок», неудивительно, что многие из «муджахидов» сделали потом хорошие карьеры в йеменских органах госбезопасности. К середине 2000-х гг. как минимум в руководстве двух «мухабаратов» — ЦСБ и влиятельного Аппарата политической безопасности — преобладали офицеры-салафиты.

Заключение

В заключение следует назвать вероятные мотивы, лежавшие в основе таких действий представителей т. н. «салафитского лобби» в отношении Аль-Хуси и его сторонников.

1. Салафиты и ранее прибегали к агрессивным методам ведения борьбы со своими главными идеологическими противниками — зейдитскими активистами. В частности, разрушали могилы почитаемых имамов, захватывали мечети и т. п. [Haykel, 1996]. В начале же 2000-х гг., как было отмечено выше, постепенно происходила консолидация зейдитов Саады вокруг Аль-Хуси и их переход от чисто просветительской деятельности к политической. В таких условиях, и особенно на фоне известного ослабления позиций последователей М. Аль-Вадии, салафитам было выгодно попытаться сдержать или даже разгромить соперников руками государства.

2. Необходимо согласиться с приведенным выше мнением аналитиков из газеты «Йемен Таймс», согласно которому операция против хуситов была необходима салафитам для того, чтобы отвлечь внимание от происходившего в начале 2000-х гг. усиления собственных позиций на внутриполитической арене. В 2003 г. был создан крупный оппозиционный политический блок «Ликаа Муштарак» (букв. «совместная встреча»), локомотивом которого стала исламистская партия «Ислах»[18]. Кроме того, как уже было сказано, в этот период набирали административный вес и наиболее заметные салафиты, такие как генерал Али Мохсен. Чрезмерное усиление позиций радикально настроенных суннитов раздражало как светских йеменцев, так и Салеха. Канализация их недовольства в направлении главных оппонентов была для салафитов притягательной опцией.

3. Кампания против хуситов сулила большие прибыли разного рода. Во-первых, в йеменской

17 Запрещенная в РФ террористическая организация.

18 В «Ликаа Муштарак» вошли, помимо «Ислаха», Йеменская социалистическая партия (ведущая политическая сила Юга), зейдитские партии «аль-Хакк» и «Союз народных сил», а также маловлиятельная «Народная насеристская юнионистская организация». Таким образом, «Ислах» фактически оказался во главе блока, представлявшего интересы не только исламистов, но и южан и зейдитов, недовольных правительством Салеха.

армии и в мирное время практиковался широкий набор способов «отмывания» средств (прикарманивание финансирования, выделявшегося на т. н. «призраков» — числившихся в частях, но реально отсутствовавших или даже вовсе не существовавших военнослужащих; реализация вооружений на черном рынке и т. д.) [Brandt, 2017, p. 159]. Начало масштабных боевых действий могло существенно увеличить эти доходы. Во-вторых, установление реального военного присутствия в Сааде (а ВС ЙР в боях против хуситов командовал как раз Али Мохсен) позволяло получить контроль над маршрутами и потоками контрабанды, которая являлась сверхрентабельным делом, причем вполне безопасным для столь влиятельных, как Али Мохсен, людей.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что именно целенаправленные действия высокопоставленных йеменских силовиков-салафитов по дезинформации Салеха относительно намерений ХД, обусловленные узкокорыстными мотивами, в начале 2004 г. привели в Сааде к вооруженному противостоянию между правительством ЙР и хуситами. При этом крайне напряженная обстановка, сложившаяся к тому моменту в провинции, способствовала стремительному расширению конфликта и вовлечению в него больших масс местных жителей, испытывавших недовольство собственным бедственным положением, ответственность за которое они возлагали прежде всего на центральные власти.

Список литературы / References

Аль-Хивар. Кадият ва-хивар. Харб Саада. *Маа Яхья Бадреддин аль-Хуси* (Проблема и разговор. Саадская война. [Встреча с] Яхьей Бадреддином аль-Хуси). *Интервью Я. Аль-Хуси телеканалу «Аль-Хивар»*. 11 января 2010 г. [The Problem and the Talk. Saada War. [A meeting with] Yahya Badr al-Din al-Huthi. *TV Channel "al-Hiwar" Interview with Mr. Yahya al-Huthi*. January 11, 2010 (in Arabic)]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=676abisbMdU (accessed 21.08.2022)

Аль-Хуси Х. Письмо Али Абдалле Салеху от 27 апреля 2004. *Аль-Бидая аль-уля ли-тардид ас-сарха аль-уля фи ваджхи аль-мустакбарин (Начало скандирования первой сархи в лицо возгордившимся)*. [Al-Huthi H. Letter to Ali Abdullah Saleh, April 27, 2004. *The First Beginning of chanting of the Sarkha in the faces of the arrogant ones* (in Arabic)]. URL: https://www.ansarollah.com/archives/259602 (accessed 30.08.2022)

Аль-Хуси Х. Сурат аль-Бакара: мин айа 252 иля айа 274 (ад-дарс аль-хади ашар) ([Комментарий к] суре «Корова» от айата 252 до айата 274 (урок одиннадцатый)). *Расшифровка лекции, прочитанной Х. Аль-Хуси 5 ноября 2003 г*. Б. м., 2006 [Al-Huthi H. Surat al-Baqara: from ayat 252 to ayat 274 (the eleventh lesson). Publ. n.a., 2006 (in Arabic)].

Боков Т. А. Об одной проблеме в изучении хуситского движения (три клише антихуситской пропаганды). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика.* 2021. Т. 13. № 1. С. 74–90 [Bokov T. A. One Problem in the Study of the Houthi Movement (Three Cliches of anti-Houthi Propaganda). *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2021. Vol. 13. Iss. 1. Pp. 74–90 (in Russian)].

Голубовская Е. К. *Политическое развитие Йеменской Арабской Республики.* М.: Наука, 1989. 280 с. [Golubovskaya E. K. *Political Development of the Yemen Arab Republic*. Moscow: Nauka, 1989, 280 p. (in Russian)].

Ислам: Энциклопедический словарь. Отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Наука, 1991. 315 с. [*Islam. Encyclopedic Dictionary*. Prozorov S. M. (ed.). Moscow: Nauka, 1991, 315 p. (in Russian)].

Руят Ансар Алла ли-джузур кадият Саада (*Принципиальные подходы «Ансар Алла» к причинам проблемы Саады*). Сана, 2013 [*Principal Approaches of "Ansar Allah" to the Reasons of the Problem of Saada*. Sanaa, 2013 (in Arabic)].

Серебров С. Н. Йемен на пороге гуманитарной катастрофы (к событиям в горах Саады).

Восток (Oriens). 2008. № 5. С. 66–79 [Serebrov S. N. Yemen on the Brink of a Humanitarian Catastrophe (to the Events in the Mounatins of Sa'ada). *Vostok (Oriens)*. 2008. No. 5. Pp. 66–79 (in Russian)].

Шабакат аль-Фуркан ас-сакафия. Иттисаль аш-шахид аль-каид ас-сейид Хусейн Бадреддин аль-Хуси маа Хасан Зейд фи аль-харб аль-уля 2004 (Телефонный разговор мученика-лидера сейида Хусейна Бадреддина аль-Хуси с Хасаном Зейдом в ходе первой войны 2004 г.). *Телефонное интервью Х. Аль-Хуси радио «Би-Би-Си», опубликованное на канале культурной организации «аль-Фуркан»*. [Shabakat al-Furqan al-thaqafiya. Telephone talk of leader and shaheed sayyid Husayn Badr al-Din al-Huthi with Hasan Zayd during the first war 2004. *Telephone interview oh H. al-Huthi to the BBC radio, published on the YouTube channel of cultural organization "al-Furqan"* (in Arabic)]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=WQAcQnKqsI0 (accessed 21.08.2022)

Bin Sallam M. Conflicting reports as. *Yemen Times*. April 7, 2005.

Blumi I. *Chaos in Yemen. Societal Collapse and the New Authoritarianism*. London and New York: Routledge, 2012. 208 p.

Brandt M. *Tribes and Politics in Yemen. A History of the Houthi Conflict*. New York: Oxford University Press, 2017. 466 p.

Day S. W. *Regionalism and Rebellion in Yemen. A Troubled National Union*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 336 p.

Dorlian S. *La Mouvance zaydite dans le Yemen contemporain. Une modernisation avortée.* Paris: L'Harmattan, 2013. 254 p.

Hamidi A. Inscriptions of Violence in Northern Yemen: Haunting Histories, Unstable Moral Spaces. *Middle Eastern Studies.* 2009. No. 45:2. Pp. 165-187.

Haykel B. A Zaydi Revival? *Yemen Update*. 1995. No. 36. Pp. 20–21.

International Crisis Group. Yemen: Defusing the Saada Time Bomb. *Middle East Report.* 2009. No. 86. 31 p.

Is War the Only Solution? *Yemen Times*. April 4, 2005.

Lichtenthäler G. *Political Ecology and the Role of Water. Environment, Society and Economy in Northern Yemen*. London and New York: Routledge, 2016. 280 p.

Phillips S. *Yemen and the Politics of Permanent Crisis.* New-York: Routledge, 2011. 168 p.

Salmoni B. A., Loidolt B., Wells M. *Regime and Periphery in Northern Yemen*. The Huthi Phenomenon. Santa Monica – Arlington – Pittsburgh: RAND Corporation, 2010. 382 p.

US Embassy in Sanaa. Minister of Interior on Yemen-Saudi Security Cooperation. *Cable*. June 23, 2003. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/03SANAA1451_a.html (accessed 21.08.2022).

US Embassy in Sanaa. ROYG Forces Kill Rebel Cleric al-Houthi in September 10 Raid. *Cable*. September 12, 2004. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/04SANAA2421_a.html (accessed 21.08.2022)

US Embassy in Sanaa. Sa'da Fighting: Update and Implications. *Cable*. July 26, 2004. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/04SANAA1771_a.html (accessed 21.08.2022).

US Embassy in Sanaa. Sa,ada War: Despite Claims of Ceasefire, Civilians Suffer, No End to the Fighting in Sight. *Cable*. August 26, 2009. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09SANAA1599_a.html (accessed 21.08.2022).

Wedeen L. *Peripheral Visions. Publics, Power, and Performance in Yemen*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2008. 300 p.

Yemen Population. *Country Economy.* URL: https://countryeconomy.com/demography/population/yemen (accessed 30.08.2022).

DOI: 10.18254/S268684310026469-3

Исламский консерватизм в интеллектуальном дискурсе современной Индонезии

Islamic Conservatism in the Intellectual Discourse of Modern Indonesia

© 2023 **Максим Валерьевич Кирчанов**

Доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,
Воронеж, Россия
maksymkyrchanoff@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-3819-3103

Maxim V. Kirchanov

DSc (History), associate Professor, Voronezh State University
Russian Federation, Voronezh, Russia
maksymkyrchanoff@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-3819-3103

В статье анализируются особенности развития и основные векторы трансформации политической идеологии мусульманского консерватизма в современной Индонезии. Показано, что активность правых мусульманских интеллектуалов содействует формированию и развитию уникального дискурса в современной индонезийской политической культуре. Автор анализирует вклад интеллектуалов консервативного сегмента уммы в функционирование правой идеологии. Предполагается, что мусульманские интеллектуалы активно используют религиозную аргументацию для политической мобилизации. В статье показана роль идеологических противоречий в плюралистическом индонезийском обществе, которые существенно влияют на стратегии кон-

сервативных мусульманских интеллектуалов как участников политического воображения. Предполагается, что политическая модель мусульманского консерватизма в современной Индонезии основана на равитии и воспроизводстве нескольких нарративов: 1) активность мусульманских консервативных интеллектуалов, ставшая результатом процессов политической модернизации и секуляризации, содействует реисламизации индонезийского общества, 2) важным компонентом современного политического воображения является шариатизация, основанная на неприятии светского индонезийского национализма и идеологии панчасилы как одной из его производных, 3) мусульманский призыв и идеи исламизации занимают особое место в политическом воображении консервативного сегмента индонезийской уммы, представители которой настаивают на необходимости как защиты, так и продвижения ислама. В статье показано, что мусульманские консерваторы и традиционалисты в современной Индонезии генерируют альтернативные политические концепции, основанные на неприятии модернизации и секуляризации, последовательной критике и осуждении их результатов, определяемых как негативные и деструктивные для Индонезии как страны с мусульманским большинством.

Ключевые слова: ислам, Индонезия, политическое воображение, политический ислам, исламизм, мусульманский консерватизм, реисламизация, антимодернизм, традиционализм

Для цитирования: Кирчанов М. В. Исламский консерватизм в интеллектуальном дискурсе современной Индонезии. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 3. С. 35–49. DOI 10.18254/S268684310026469-3

The paper analyzes the features of development and the main vectors of transformation of the political ideology of Muslim conservatism in modern Indonesia. It is shown that the activity of right-wing Muslim intellectuals contributes to the formation and development of a unique discourse in modern Indonesian political culture. The author analyzes the contribution of the intellectuals of the conservative segment of the Ummah to the functioning of the rightist ideology. It is assumed that Muslim intellectuals actively use religious arguments for political mobilization. The article shows the role of ideological contradictions in the pluralistic Indonesian society, which influence significantly the strategies of conservative Muslim intellectuals as participants in the political imagination. It is assumed that the political model of Muslim conservatism in modern Indonesia is based on the development and reproduction of several narratives, including 1) the activity of Muslim conservative intellectuals resulting from the processes of political modernization and secularization contributes to the re-Islamization of Indonesian society, 2) an important component of the modern political imagination is Shariatization based on rejection secular Indonesian nationalism and the ideology of pancasila as one of its derivatives, 3) the Muslim call and the ideas of Islamization occupy a special place in the political imagination of the conservative segment of the Indonesian ummah, whose representatives insist on the need to both protect and promote Islam. In general, the presented article shows that Muslim conservatives and traditionalists in modern Indonesia generate alternative political concepts based on the rejection of modernization and secularization, consistent criticism and condemnation of their results, which are defined as negative and destructive for Indonesia as a country with a Muslim majority.

Keywords: Islam, Indonesia, political imagination, political Islam, Islamism, Muslim conservatism, re-Islamization, anti-modernism, traditionalism

For citation: Kirchanov Maxim V. Islamic Conservatism in the Intellectual Discourse of Modern Indonesia. *Oriental Courier.* 2023. No. 3. Pp. 35–49. DOI 10.18254/S268684310026469-3

Введение

Современная Индонезия является самым густонаселенным мусульманским государством в мире. На протяжении истории ислам в Индонезии обрел уникальные черты и особенности, которые в значительной степени выделяют его из остальной части мусульманского мира. По мнению большинства исследователей современный индонезийский ислам смог ассимилировать местные доисламские культурные и этнические традиции, что повлияло на его относительно умеренный и толерантный характер. В этой ситуации ислам в Индонезии самым тесным образом пересекается с местными этническими особенностями групп и сообществ, населяющих эту страну. Другой не менее важной специфической характеристикой ислама в Индонезии на протяжении его истории является институциональная оформленность.

В такой ситуации в рамках мусульманских организаций в Индонезии сложилась уникальная типология исламского политического лагеря. Поэтому мы можем выделять не только собственно мусульманские группы, но образовательные, интеллектуальные, культурные и политические партии, которые в той или иной степени артикулируют исламский голос в современном индонезийском обществе, хотя последнее развивается в рамках светской модели, основанной на трансплантации в индонезийские контексты западных политических институтов и ценностей. Формально значительная часть общественных организаций, действующих в современной Индонезии, определяет себя как «мусульманские». Анализируя подобные группы, следует принимать во внимание то, что они могут относиться к движениям, идеологические предпочтения которых актуализируют различные спектры политического ислама.

Особое место среди мусульманских групп в современной Индонезии занимают фундаменталисты. Фундаменталистские исламские движения в целом сосредоточены на усилении ислама, на превращении его в центральный элемент индонезийской государственности, но, понимая и осознавая светский характер последней, они вынуждены формально использовать относительно умеренные и лояльные группы, которые активны как в сфере образования, так и в проповеди ислама. В целом, цели подобных движений связаны с исламизацией индонезийского общества.

Поэтому в центре авторского внимания окажутся исламские организации, ограниченные мусульманскими правыми. Целью статьи является анализ идеологических предпочтений правых как сегмента политического ислама в современной Индонезии. В число задач статьи входит изучение основных особенностей и деятельности правых консерваторов как мусульманской организации, анализ основных идеологических предпочтений данного сегмента в современном индонезийском обществе, выявление перспектив развития политического ислама в современной Индонезии на примере мусульманских правых консервативных групп.

Историография вопроса

Современная отечественная и зарубежная историография ислама в Индонезии имеет опыт изучения индонезийского исламизма как фактора функционирования политического ислама в частности и развития страны в целом. В центре внимания исследователей оказывается проблематика, связанная с генезисом и историей исламизма, с радикальными и умеренными группами исламской ориентации, их политической программой, интеллектуальной историей и эволюцией, актуальными предпочтениями и ценностными ориентациями. Вместе с тем следует признать, что большинство публикаций по данной проблематике носит общий характер. В сложившейся историографической ситуации анализ современного исламизма на организационном уровне, представленном активностью традиционалистов и консерваторов, как правило, редуцируется до изучения наиболее радикальных групп, партий и движений

исламистской ориентации и направленности, до особенностей развития и продвижения исламистской политической и идеологической повестки в современном индонезийском обществе [Bruinessen, 2013].

В историографии радикального ислама [Solahudin, 2013] актуализируются проблемы истории [Кирчанов, 2022a], его характера как естественной альтернативы либеральным [Кирчанов, 2022b], то есть модернистским, более умеренным течениям, склонным действовать в рамках сложившегося светского политического пространства [Кирчанов, 2022c]. История постепенной радикализации ислама как реакции на процессы модернизации и секуляризации индонезийского общества, проблемы генезиса фундаменталистских и консервативных течений [Кирчанов, 2022d], их идеологическая программа и политические предпочтения [Кирчанов, 2022e] в современной историографии в целом интегрируются в более широкие исследовательские контексты, представленные работами не о собственно радикальном исламе, но о борьбе с ним в рамках проводимой светскими элитами политики дерадикализации [Другов, 2020] и противодействия радикальному исламизму [Другов, 2021]. Таким образом, современная история индонезийского радикального ислама, его идеологические мутации, изменения и трансформации [Ефимова, 2018] изучаются в современной историографии менее активно в отличие от других аспектов современной политической и интеллектуальной истории уммы [Кирчанов, 2023], что придает дополнительную актуальность анализу консервативных тенденций в развитии ислама современной Индонезии.

Консервативный ислам в современной Индонезии: основные участники

Консервативные течения в современном индонезийском исламе отличаются значительным разнообразием. Автор не анализирует здесь исламские политические партии традиционалистский ориентации, рассматривая консервативный спектр более широко, через призму активности общественных групп и движений.

В истории радикального исламистского сегмента в современной политической культуре Индонезии следует выделить два этапа. Первый датируется концом 1990-х – 2020 г., когда индонезийский исламизм фактически оформился политически, идеологически и организационно, что позволило радикальным группам относительно открыто действовать в Индонезии. Ликвидация 31 декабря 2022 г. Фронта защитников ислама и 13 июня 2022 г. Хилафатул Муслимин — крупнейших легальных групп индонезийских исламистов — привела к тому, что радикальный дискурс политического ислама оказался под контролем более умеренных мусульманских консерваторов, которые тем не менее склонны отрицать и не признавать легитимность современного индонезийского светского государства и панчасилы в качестве его идеологической основы.

В центре авторского внимания — четыре подобные организации: «Хидаятулла», «Джамиат Хейр», «Совет Расулуллы» и «Совет моджахедов». Все эти группы могут быть локализованы в политическом пространстве современной Индонезии как сторонники мусульманского консерватизма. Усиление этих групп в современной Индонезии, начиная с 2022 г., вероятно, свидетельствуют о том, что «издержки репрессий намного перевешивают их преимущества, хотя репрессии кажутся эффективными в подрыве способности исламистов к мобилизации, они могут привести к разрушительным последствиям… эта политика подкрепляется чрезмерным применением силы против исламистских активистов… цена репрессий напрямую влияет на общественное настроение, поскольку разочаровавшиеся исламистские группы способствуют созданию теорий заговора… роспуск одной или двух радикальных группировок не обязательно отвлекает внимание населения от социальных проблем» [Nuraniyah, 2021], что понимается как

вызов идеологами и активистами таких консервативных групп, как «Хидаятулла», «Джамиат Хейр», «Совет Расулуллы» и «Совет моджахедов», вынуждая их приспосабливаться к ситуации, адаптируя методы пропаганды.

Перечисленные группы, действующие на территории современной Индонезии, фактически актуализируют логику элит, согласно которой последние «терпимы только к тем, кто поддерживает государственную идеологию; критика государственной идеологии и политики считается неприемлемой, а тех, кто высказывает критику, обвиняют в угрозе государству и его единству» [Putra, Sandang, 2020]. «Хидаятулла» начала свою активную деятельность 1 мухаррама 1393 г. по Хиджре (5 февраля 1973 г.), представляя собой мусульманскую образовательную и просветительскую организацию. У истоков движений стоял Усдадз Абдулла Саид, активно занимавшийся проповедью ислама. С 2000 г. «Хидаятулла» действует как общеидонезийская организация. «Джамиат Хейр», созданная в 1901 г., позиционирует себя как преимущественно образовательную организацию и фактически является одной из старейших общественных групп в современной Индонезии. «Совет Расулуллы» активно действует с 1998 г., ставя в качестве основной цели приобщение к исламу немусульман и тех, кто утратил связи с уммой. «Совет моджахедов» был создан по итогам учредительного съезда организации, состоявшегося 5–7 джумада аль-уля 1421 г. (5–7 августа 2000 г.), поставив целью защиту ислама и продвижение законов шариата как основы жизни общества на территории Индонезии.

Концепт «реисламизация» в идеологии мусульманского консерватизма в современной Индонезии

Цели, которые ставят перед собой мусульманские консерваторы в современной Индонезии, формально могут различаться, но в целом большинство из них стремится к широкой трансформации страны, намереваясь отказаться от принципов светского государства в направлении его последовательной исламизации, для чего предполагается внедрить законы шариата и отказаться от ряда достижений политической модернизации и секуляризации в направлении усиления роли традиционных ценностей.

Подобная программа консерваторов мотивируется их восприятием и явной идеализацией ислама. Фундаменталисты настаивают, что ислам представляет собой «учение, а также систему жизни, ведущую человечество к сущности счастья в этом мире и в будущем. Ислам ведет людей от тьмы к свету, от заблуждения к спасению, от тирании к справедливости, от коррупции к выгоде» [Haq, 2023]. Апелляция к законам шариата стала общим местом в политической доктрине индонезийского мусульманского консерватизма. Вместе с тем следует принимать во внимание и то, что современные идеологи шариатизации общества склонны излишне идеализировать шариат [Massoud, 2019], игнорируя при этом положительные последствия политики вестернизации, инициированной светскими элитами.

Подобное неприятие некоторых инициатив светских элит на протяжении 2010-х гг. не стало препятствием для умеренных исламистских политических партий в поддержке фактически секулярного режима [Fealy, 2014]. Как полагает Ризки Алиф Альвиан, научный сотрудник Университета Гаджа Мада, современная «тактика политико-исламских групп, использующих демократические каналы для выражения своих консервативных устремлений, значительно изменила ландшафт индонезийской демократии» [Alvian, 2017], позволив исламистам не только открыто выражать свои идеи, но и критиковать демократические формы политики в достаточно радикальных формах, призывая к отказу от нее.

Традиционалисты не только настаивают на том, что мусульмане должны следовать религиозным предписаниям в традиционалистском понимании, но и указывают на важность противостоянию институтам и нормам

светского права [Keputusan Kongres… 2013]. По мнению консерваторов, Индонезия как государство «обязана практиковать исламский шариат» [Kongres Mujahidin V… 2018]. Обращение именно к исламу в качестве универсального принципа общественного устройства со стороны исламистов мотивируется тем, что современное общество, по их мнению, переживает «крах демократической системы, светских, националистических и либеральных идеологий» [Rekomendasi Mudzakarah… 2013], которые могут быть заменены только исламом. В такой ситуации исламисты отвергают умеренные тренды в современном индонезийском исламе, руководствуясь фобиями перед «появлением нового течения ислама или новой формы ислама, которая изменит дух ислама изнутри» [Lubis, 2018].

Кроме этого, консерваторы акцентируют внимание на большей социальной и экономической ответственности и справедливости [Ciri Umat…2015], которая, по их мнению, отличает ислам от религий Запада. В такой системе координат видение ислама основано на его противопоставлении западному миру, который, по их мнению, слаб и нестабилен, так как «западная капиталистическая экономика начала разрушаться» [Akhir Zaman… 2018]. Активное использование подобной риторики в современной Индонезии свидетельствует о том, что ислам в этой стране, как и в других регионах с преобладанием мусульман, является в большей степени политической идеологией, а не религией в традиционном понимании [Ayoob, 2004].

Именно отталкиваясь от подобного некритического восприятия ислама, Хидаятулла как одна из наиболее последовательных консервативных групп стремится «построить исламскую цивилизацию с элементами народа и нации» [Visi dan Misi, 2020], в которую будет интегрирован каждый индонезиец, но не в качестве гражданина, а как верующий, «регулярно читающий Коран и совершающий намаз» [Gerakan Nawafil… 2021]. Идеологи консерватизма воспринимают подобных верующих как «кораническое поколение» [Bashori, 2023b]. Идеологи Хидаятуллы формально декларируют необходимость мирной и постепенной трансформации Индонезии, для чего предполагается активно заниматься проповедью ислама и развивать религиозное образование как основу функционирования «исламского сообщества» [Visi dan Misi, 2020].

Последнее воспринимается как универсальная альтернатива современному обществу, которое, по мнению консерваторов, пребывает в состоянии кризиса, проявлением которого стали «межобщинные и социальные конфликты, угнетение человечества, варварская эксплуатация природных и человеческих ресурсов, разгул коррупции, распространение наркотиков и преступность» [Rekomendasi Mudzakarah… 2013].

Внедрение такой альтернативной модели, по мнению консерваторов, возможно только в случае радикальной исламизации индонезийского общества, пересмотра внешней и внутренней политики, что должно привести не просто к сближению светского и религиозного права, но к замене первого вторым [Keputusan Kongres… 2013]. Вероятно, именно склонность к подобной риторике стимулирует ситуацию, при которой «политический ислам почти всегда занимает маргинальное положение в политической борьбе в Индонезии, демонстрируя неспособность исламско-политических групп создавать межгрупповые коалиции, так как сильная внутренняя фрагментация политического ислама не позволяет этим группам добиться значительного влияния» [Alvian, 2017].

Исламский призыв в идеологии современных мусульманских консерваторов

Несмотря на описанную ситуацию сторонники консервативного ислама активно осваивают целевую аудиторию, представленную группами населения, которые не только сохраняют приверженность к исламу, но и не смогли воспользоваться результатами социальных и экономических трансформаций. Активисты Хидаятуллы указывают на важность проповеди ислама в тех

регионах, где население менее исламизировано, чем, например, на Яве. Консерваторы воспринимают проповедь ислама как стратегическую задачу, так как его распространение определяется ими как «пульс жизни, в то время как отказ от проповеди означает смерть» [Bashori, 2023a].

Поэтому значительное место в деятельности консерваторов занимает пропаганда ислама в публичных и общественных пространствах, используемых ими для разъяснения основных вопросов веры, включая намаз, пост и хадж [Chalid, 2015]. В такой ситуации «Хидаятулла» патетически декларирует, что население, например, Ириан-Джая «подобно рыбе, которая стремится в воду, муравьям, влекомым сахаром, детям, играющим в мяч или джентльменам, приветствующим кофе» [Hadi, 2022] и так же стремится стать мусульманами.

Подобные декларации были бы маловероятны, если бы в предшествующее десятилетие мусульманские консерваторы не были столь активны в реисламизации индонезийского общества. Формой реисламизации социума в современной Индонезии стала политическая активность консерваторов, настаивающих не только на внедрении шариата в государственную службу, но и на отказе от рыночной экономики, на выходе из МВФ и на разрыве с Всемирным банком [Rekomendasi Indonesia… 2013]. Поэтому консерваторы упорствуют в том, что шариат не только «универсален и может принести пользу и улучшение всем людям», но и обязан быть «основой индонезийской мусульманской общины в осуществлении ее политических прав» [Kongres Mujahidin V… 2018].

Механизмом реисламизации стали, например, проповеди консервативно настроенных интеллектуалов [Al Habsyi, 2015b], направленные как на критику «немусульманской, светской, либеральной и националистической враждебности» [Video Dialog… 2013] светских элит в отношении ислама, так и на большую популяризацию основных положений веры [Al Habsyi, 2015c] в обществе, которое, по мнению консерваторов, слишком подвержено влиянию секулярных идей. По мнению исламистов, «индонезийскому народу необходимо получить просвещение и правильное понимание происходящего, чтобы построить идентичность нации и государства на основе философии и конституции унитарного государства Республики Индонезия» [Legalisasi Perzinahan… 2021], что, по мнению сторонников консервативного ислама, могут достичь только они, а не светские элиты.

В вину правящим группам, с одной стороны, консерваторы ставят создание и поддержку «несостоятельной политической системы, гедонистической и хаотичной экономики» [Rekomendasi Indonesia… 2013]. С другой, исламисты обвиняют светские элиты в намеренной фальсификации истории, настаивая на том, что независимая Индонезия была создана как государство, основанное на особой роли ислама, во второй половине XX – первой четверти XXI века, целенаправленно принижаемой сторонниками секуляризма [Lubis, Rosmali, 2018]. Светскость последовательно критикуется консерваторами, уверяющими, что в Индонезии «при наличии религии люди могут стойко преодолевать повседневные трудности и неуверенности, потому что знают, что Бог всегда с ними. Мало того, религия в слаборазвитых странах также способствует возникновению сообществ, в которых люди работают рука об руку, облегчая страдания», что отличает ее от Запада, где «в странах с развитой экономикой основные потребности были удовлетворены, так что людям больше не нужен Бог или религия для облегчения страданий. Влияние религии на жизнь людей также ослабло» [Hudiyana, 2020]. Стремясь не допустить аналогичных последствий секуляризации в Индонезии, сторонники консервативного ислама делают ставку именно на защиту традиционализма, почти автоматически содействуя делигитимации новаций.

Поэтому консерваторы постулируют одновременную уникальность и универсальность ислама как религии, которая «будет существовать с момента возникновения до конца света потому, что ислам обладает высокой жизненной силой

в плане защиты своих учений и в каждую эпоху всегда найдется группа людей, которые его защищают» [Awwas, 2020]. Особое внимание уделяют консерваторы подготовке кадров квалифицированных проповедников [Abi Aziyz, 2023], способных обращать в ислам немусульман, проповедуя во Вьетнаме, Таиланде, Камбодже и на Филиппинах [Elthanimbary, 2023], для чего активно изучаются местные языки и культуры [Hidayatullah Berangkatkan 30… 2023]. Реализация подобных образовательных стратегий в Индонезии была бы маловероятна без наличия системы среднего и высшего мусульманского образования, в основе которого лежит изучение мусульманской религии и арабского языка» [Misi, 2023]. В такой ситуации особо подчеркивается, что мусульманин должен не только знать Коран и регулярно читать его, но и проповедовать [Al Hafidz, 2023].

Исламская альтернатива современного мусульманского консерватизма в Индонезии

Кроме этого, консерваторы в определенной степени содействуют «арабизации» индонезийского мусульманского интеллектуального дискурса, регулярно апеллируя к образу Мухаммеда, ансаров и мухаджиров [Al Habsyi, 2015b]. Поэтому консервативные исламские организации Индонезии сосредоточивают усилия на умеренной критике капиталистической экономики [Khalid, 2015], противопоставляя последней социализацию, в основе которой лежат ценности ислама [Hidayat Ingatkan… 2023]. В рамках такой модели социализации консерваторы считают возможным, по их мнению, избежать крайностей модернизации, сформировав новую систему управления, в рамках которой не только «политическая система государства будет построена в соответствии с исламским шариатом, а нравственное развитие нации будет соответствовать исламскому шариату», но и «система образования будет интегрирована с религией» [Rekomendasi Indonesia… 2013].

В целом подобные настроения в современном политическом исламе следует воспринимать как продолжение салафитской идеологии начала 2000-х гг., подъем которой был купирован на волне консолидации общества в условиях активного перехода к демократии. По мнению индонезийских исследователей, «развитие индонезийского салафитского призыва свидетельствует о возвращении салафитского движения к аполитичной форме Их нежелание выходить на практическую политическую арену связано не только с травмирующим опытом репрессий, но мотивируется богословскими соображениями, так как салафиты утверждают, что призыв через практическую политику — это новый путь, не имеющий юридической основы в исламских источниках» [Wahib, 2011, p. 148]. Вместе с тем подобную аполитичность современных мусульманских консерваторов следует воспринимать как их вынужденный и сознательный выбор, маневр, формально позиционирующий их вне рамок политики, но фактически превращающий их в участников политического процесса.

«Хидаятулла» в качестве своей центральной миссии видит содействие распространению ислама, для чего «проповедники специально отправляются в отдаленные и слаборазвитые районы, регионы, где мусульманское население составляет меньшинство и даже за границу для выполнения миссии призыва» [Bidang Dakwah… 2023] немусульман обратиться в ислам. Распространение и принятие ислама немусульманами воспринимается в качестве социальной и политической панацеи от «светского материализма, светского гуманизма, секуляризации науки» [Rekomendasi Mudzakarah…2013]. Последовательная исламизация общества, по мнению индонезийских мусульманских консерваторов, может быть достигнута мирным путем, например, путем участия в выборах.

Айнуддин Чалик, например, подчеркивает, что «успех выборов является обязательным для всех индонезийских мусульман. Выборы — это общая воля индонезийского народа». В такой

ситуации изменения в структуре политической власти мусульманами воспринимаются как проявление воли Аллаха. Поэтому «смена лидерства неизбежна, этому не следует сопротивляться. Смена руководства — это Божественная воля» [Chalik, 2023]. Исходя из такой логики, попытки оспорить результаты выборов 2024 г. объявляются не только неконституционными, но и противоречащими воле Аллаха: «каким бы сильным ни был режим, он должен пасть и потерпеть поражение по милости Божией» [Chalik, 2023]. В такой ситуации исламисты получают поддержку не только со стороны социальной уязвимых групп населения, которые склонны разделять ценности и принципы религиозного консерватизма, но и «части образованного молодого среднего класса, чьи стремления к восходящей вертикальной социальной мобильности осложняются реальным положением, в котором они оказались» [Hadiz, Rakhmani, 2018].

Современные индонезийские мусульманские консерваторы склонны предлагать религиозную легитимацию индонезийской государственности, выражая тем самым свое несогласие с идеологией панчасилы и политикой правящих элит, которые, по их мнению, отличаются антиисламским характером. В этой ситуации религиозные правые в современной индонезийской политике, подобно сторонникам радикального ислама в других странах, «представляют миру образ ислама, который нетерпим и противостоит социальным изменениям» [Kuru, 2021]. Активность таких групп в современной Индонезии следует, вероятно, воспринимать как «доказательство того, что стремление к созданию исламского государства всегда будет проявляться в каждом режиме и в любое время» [Prasetya, 2022]. По мнению Лукмана аль Хакима, индонезийцы как «мусульмане, получают от Аллаха исключительное право на соблюдение исламского закона, чтобы жизнь в мире протекала упорядоченно, целенаправленно, мирно и благополучно. Если мы отвергнем это поручение Аллаха, то Аллах ниспошлет Свою кару, так что жизнь станет хаотичной, полной страха, вражды, войн и различных жизненных конфликтов» [Kongres Mujahidin VI… 2023].

В политическом воображении мусульманского консерватизма любые политические изменения легитимируются с помощью религиозных аргументов. Поэтому предполагается, что обновленное общество в качестве своего основания может иметь только «столпы ислама» [Mukhtar, 2023], а источником исламизации должна стать мечеть и религиозная школа, определяемая как источник появления «лидеров и полководцев, которые победят все религии и идеологии» [Halike, 2023], что приведет к распространению ислама в мире в целом, и к внедрению норм шариата в Индонезии в частности [Kongres Mujahidin VI… 2023].

Именно поэтому в Индонезии постепенно растет понимание того, что система мусульманского образования «способствует росту нетерпимости и радикального восприятия проблем в учебных заведениях» [Mutohar, 2018]. Что касается Совета моджахедов, то его идеологи выступают за внедрение законов шариата [Thalib, 2023] как основы права в Индонезии, что получает поддержку в наименее модернизированных регионах, где формальные «мусульманские лидеры слабы, а борьба за религиозную власть ожесточена» [Pelletier, 2020]. В такой ситуации идеологи традиционализма стремятся ограничить политическую активность верующих, которые объединены вокруг крупнейших и умеренных организаций индонезийского ислама, включая «Мухаммадию» и «Нахдатул Улама», позволив им только «участвовать в создании разумного гражданского общества посредством качественного образования, основанного на Коране и Сунне» [Visi, 2023].

Консервативные мусульманские интеллектуалы, настаивая на том, что только «ислам, который содержит совершенные учения и всеобъемлющие концепции, всегда предлагает решение любой проблемы, независимо от того, касается ли это отдельных лиц, семей, общин или нации и государства» [Haq, 2023], крайне критически воспринимают любые проявления мусульман-

ского модернизма, считая их неуместными и излишними. Идеям мусульманской реформации фундаменталисты противопоставляют внедрение экономических принципов, основанных на исламе, которые, по их мнению, позволяют экономике развиваться не только как социальная, но и капиталистическая, то есть получать прибыль [Bidang Ekonomi, 2020].

Выводы

Идеологическая программа проанализированных консервативных групп носит охранительный, частичный реакционный и, в целом, традиционалистский и антимодернистский характер. В сложившейся социальной и политической ситуации активизация консерваторов в индонезийской умме стала реакцией на углубляющиеся процессы модернизации и демократизации общества Индонезии, что неизбежно содействует ее превращению в современное динамично развивающееся государство, что, в свою очередь, не может не стимулировать ответные реакции консервативной части уммы, которые аккумулируются в рамках той части политически активных мусульман, которые склонны к традиционализму. В этой ситуации основными критиками политической модернизация, неизбежно ведущей к секуляризации, являются именно мусульманские консерваторы.

Векторы и траектории функционирования подобных групп в современной Индонезии остаются неопределенными. Тем не менее их роль и значение в рамках индонезийской уммы может постепенно возрастать. Поэтому во внимание следует принимать ситуативный характер усиления мусульманских консерваторов и традиционалистов. Кроме этого, проанализированные консервативные организации могут играть роль формально законного прикрытия для более радикальных политических групп и партий мусульманской или откровенно исламистской направленности. В такой ситуации представляется логичным допускать усиление роли проанализированных групп в индонезийском обществе к 2024 г., то есть ко времени проведения очередных президентских выборов.

Нельзя исключать, что активность мусульманских консерваторов в современной Индонезии будет ограниченной, отличаясь вторичностью. Консервативные группы в индонезийском обществе могут выступить в качестве союзников мусульманских партий, интегрированных в фактически светскую политическую культуру современного поставторитарного социума.

Список литературы / References

Другов А. Мусульманский радикализм и терроризм в современной Индонезии. *Религия и общество на Востоке*. 2020. № 4. С. 230–254 [Drugov A. Muslim Radicalism and Terrorism in Modern Indonesia. *Religion and Society in the East*. 2020. No. 4. Pp. 230–254 (in Russian)].

Другов А. Индонезия: почему распущен Фронт защитников ислама? *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2021. Т. 1. № 1. С. 114-130 [Drugov A. Indonesia: Why is the Defenders of Islam Front disbanded? *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. 2021. Vol. 1. No 1. Pp. 114–130 (in Russian)].

Ефимова Л. М. Ислам и власть в современной Индонезии: поиски баланса в условиях демократии. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2018. Т. 2. № 4 (41). С. 69-87 [Efimova L. M. Islam and Power in Modern Indonesia: Finding Balance in a Democracy. *Southeast Asia: Actual Problems of Development.* 2018. Vol. 2. No 4. Pp. 69-87 (in Russian)].

Кирчанов М. В. Исламское государство Индонезия в современной индонезийской культуре памяти. *Minbar. Islamic Studies.* 2023. Т. 16. № 2. С. 337-358 [Kirchanov M.V. Islamic State of Indonesia in modern Indonesian culture of memory. *Minbar. islamic studies*. 2023. Vol. 16. No 2. Pp. 337-358 (in Russian)].

Кирчанов М. В. Мусульманская умма в Индонезии в 2021 г.: участники, процессы и противоречия развития. *Исламоведение*. 2022a. Т. 13. № 1. С. 5–18 [Kirchanov M.V. Muslim Ummah

in Indonesia in 2021: Participants, Processes and Contradictions of Development. *Islamic studies.* 2022a. Vol. 13. No. 1. Pp. 5–18 (in Russian)].

Кирчанов М. В. Политический ислам в Индонезии в 2021 г.: умма между модернизацией и радикализацией. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2022b. Т. 2. № 2 (55). С. 112–124 [Kirchanov M.V. Political Islam in Indonesia in 2021: Ummah between Modernization and Radicalization. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. 2022b. Vol. 2. No. 2 (55). Pp. 112–124 (in Russian)].

Кирчанов М. В. Проблемы радикального ислама в дискурсе индонезийского мусульманского либерализма второй половины 2010-х – начала 2020-х гг. (на примере проекта tirto.id). *Дискурс-Пи.* 2022c. Т. 19. № 3. С. 54–69 [Kirchanov M. Problems of Radical Islam in the Discourse of Indonesian Muslim Liberalism in the Second Half of the 2010s –early 2020s (on the example of the tirto.id project). *Discourse-Pi*. 2022c. Vol. 19. No 3. Pp. 54–69 (in Russian)].

Кирчанов М. В. Радикальный ислам и умма в Индонезии в 2021 г.: акторы, процессы и противоречия. *Minbar. Islamic Studies*. 2022d. Т. 15. № 2. С. 353–376 [Kirchanov M. V. Radical Islam and Ummah in Indonesia in 2021: Actors, Processes and Contradictions. *Minbar. islamic studies*. 2022d. Vol. 15. No 2. Pp. 353–376 (in Russian)].

Кирчанов М. В. Фронт защитников ислама как ведущая организация индонезийского крайне консервативного политического ислама во второй половине 2010-х годов. *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты.* 2022e. Т. 18. № 2. С. 163–178 [Kirchanov M. V. Defenders of Islam Front as the leading organization of Indonesian extreme conservative political Islam in the second half of the 2010s. *Islam in the Modern World: Domestic and International Political Aspects*. 2022e. Vol. 18. No. 2. Pp. 163-178 (in Russian)].

Abi Aziyz Q. Murid Lulusan Hidayatullah Banyuasin Emban Tugas Dakwah. *Hidayatullah*. 2023. Mei 22 [Abi Aziyz Q. Students Graduates of Hidayatullah Banyuasin Board School Undertake Da'wah Tasks. *Hidayatullah*. 2023. Mei 22 (in Indonesian)] URL: https://hidayatullah.or.id/murid-lulusan-hidayatullah-banyuasin-emban-tugas-dakwah/ (accessed 15.05.2023).

Akhir Zaman Ditandai dengan Kehancuran Institusi Ekonomi Kapitalis Ribawi. *Hidayatullah*. 13.08.2018. [Marks of the Destruction of Ribawi Capitalist Economic Institutions. *Hidayatullah*. 13.08.2018. (in Indonesian)] URL: https://hidayatullah.or.id/akhir-zaman-ditandai-kehancuran-institusi-ekonomi-kapitalis-ribawi/ (accessed 15.05.2023).

Al Habsyi H. Kewajiban Sholat Jum'at Untuk Laki Laki. *Majelis Rasulullah*. 27.04.2015b. [Al Habsyi H. Obligation of Friday Prayers for Men. *Majelis Rasulullah*. 27.04.2015b. (in Indonesian)] URL: https://www.majelisrasulullah.org/kewajiban-sholat-jumat-untuk-laki-laki/ (accessed 15.05.2023).

Al Habsyi H. Syarat–syarat shalat Jum'at. *Majelis Rasulullah*. 2015c. Mei 14. [Al Habsyi H. Friday prayer requirements. *Majelis Rasulullah*. 2015c. Mei 14. (in Indonesian)]. URL: https://www.majelisrasulullah.org/syarat-syarat-shalat-jumat/ (accessed 15.05.2023).

Al Hafidz B. Safari Dakwah Ramadhan Sulbar Sasar Kota, Pulau, Pedalaman dan daerah Minoritas. *Hidayatullah.* 2023. Maret 31 [Al Hafidz B. Sulbar Ramadhan Da'wah Safari Targets Cities, Islands, Interior and Minority areas. 2023. Maret 31 (in Indonesian)] URL: https://hidayatullah.or.id/safari-dakwah-ramadhan-sulbar-sasar-kota-pulau-pedalaman-dan-daerah-minoritas/ (accessed 15.05.2023).

Alvian R. A. Siasat Islam-politik mengubah lanskap demokrasi Indonesia. *The Conversation*. 18.10.2017. [Alvian R. A. The political-Islamic strategy changed the landscape of Indonesian democracy. *The Conversation*. 18.10.2017. (in Indonesian)] URL: https://theconversation.com/siasat-islam-politik-mengubah-lanskap-demokrasi-indonesia-84148 (accessed 15.05.2023)

Awwas I. S. Meneguhkan Militansi Islam. *Majelis Mujahidin*. 23.10.2020. [Awwas I. S. Affirming Islamic Militancy. *Majelis Mujahidin*. 23.10.2020. (in

Indonesian)] URL: https://www.majelismujahidin.com/meneguhkan-militansi-islam/ (accessed 15.05.2023).

Ayoob M. Political Islam: Image and Reality. *World Policy Journal.* 2004. Vol. 21. No 3. Pp. 1–14.

Bashori M. Kemajuan Diraih dengan Kinerja dan Loyalitas Tinggi. *Hidayatullah*. 2023a. Mei 22 [Bashori M. Progress Comes with High Performance and Loyalty. *Hidayatullah*. 2023a. Mei 22 (in Indonesian)] URL: https://hidayatullah.or.id/kemajuan-diraih-dengan-kinerja-dan-loyalitas-tinggi/ (accessed 15.05.2023).

Bashori M. Sekolah Integral Hidayatullah Mamuju Siapkan Generasi Qur'ani. *Hidayatullah*. 2023b. Mei 29 [Bashori M. Hidayatullah Mamuju Integral School Prepares the Qur'anic Generation (in Indonesian)] URL: https://hidayatullah.or.id/sekolah-integral-hidayatullah-mamuju-siapkan-generasi-qurani/ (accessed 15.05.2023).

Bidang Dakwah dan Pelayanan Umat, 2022 [Field of Da'wah and People's Services (in Indonesian)] URL.: https://hidayatullah.or.id/bidang-dakwah/ (accessed 15.05.2023).

Bidang Ekonomi, 2020 [Bidang Economics, 2020 (in Indonesian)] URL: https://hidayatullah.or.id/bidang-ekonomi/ (accessed 15.05.2023).

Bruinessen M. van. The Survival of Liberal and Progressive Muslim Thought in Indonesia. *Contemporary Developments in Indonesian Islam: Explaining the "Conservative Turn".* Singapore: ISEAS Publishing, 2013. Pp. 224–232.

Ciri Umat nya Rasulullah SAW, Umat Yang Selalu Ditengah. *Majelis Rasulullah*. 26.10.2015. [Characteristics of the people of Rasulullah SAW, people who are always in the middle. *Majelis Rasulullah*. 26.10.2015. (in Indonesian)] URL: https://www.majelisrasulullah.org/216092674/ (accessed 15.05.2023).

Chalid U. Sunnah, Rukun dan Wajib Haji. *Majelis Rasulullah*. 14.09.2015. [Chalid U. Sunnah, Pillars and Mandatory Hajj. *Majelis Rasulullah*. 14.09.2015. (in Indonesian)] URL: https://www.majelisrasulullah.org/sunnah-rukun-dan-wajib-haji/ (accessed 15.05.2023).

Chalik A. Sambut Pemilu 2024 sebagai Pesta Rakyat, Bukan Petaka Rakyat. *Hidayatullah*. 2023. Mei 4 [Chalik A. Welcome the 2024 Election as a People's Party, Not a People's Disaster. *Hidayatullah*. 2023. Mei 4 (in Indonesian)] URL: https://hidayatullah.or.id/sambut-pemilu-2024-sebagai-pesta-rakyat-bukan-petaka-rakyat/ (accessed 15.05.2023).

Elthanimbary R. Program Dakwah 'Southeast Asia Loves Al Quran' Tiba di Filipina. *Hidayatullah*. 2023. Maret 27 [Elthanimbary R. The Dakwah Program 'Southeast Asia Loves Al Quran' Arrives in the Philippines. *Hidayatullah*. 2023. Maret 27 (in Indonesian)] URL.: https://hidayatullah.or.id/program-dakwah-south-east-asia-loves-al-quran-tiba-di-filipina/ (accessed 15.05.2023).

Fealy G. Uneasy alliance: Prabowo and the Islamic parties. *New Mandala*. 09.07.2014. URL: https://www.newmandala.org/uneasy-alliance-prabowo-and-the-islamic-parties/ (accessed 15.05.2023)

Gerakan Nawafil Hidayatullah, 2021 [Nawafil Hidayatullah movement, 2021 (in Indonesian)]. URL: https://hidayatullah.or.id/gerakn-nawafil-hidayatullah/ (accessed 15.05.2023).

Hadi A. Romantika Dakwah di Papua. *Hidayatullah*. 31.01.2022. [Hadi A. The Romantics of Da'wah in Papua. *Hidayatullah*. 31.01.2022. (in Indonesian)] URL: https://hidayatullah.or.id/romantika-dakwah-di-papua/ (accessed 15.05.2023).

Hadiz V., Rakhmani I. Memasarkan moralitas dalam demokrasi Indonesia. *The Conversation.* 05.02.2018. URL: https://theconversation.com/memasarkan-moralitas-dalam-demokrasi-indonesia-89655 (accessed 15.05.2023)

Halike Y. B. Inilah Sembilan Urgensi Masjid dalam Menyiapkan Generasi Rabbani. *Hidayatullah*. 2023. Maret 29 [Halike Y. B. These are the Nine Urgent Mosques in Preparing the Rabbani Generation. *Hidayatullah*. 2023. Maret 29 (in Indonesian)] URL: https://hidayatullah.or.id/inilah-sembilan-urgensi-masjid-dalam-menyiapkan-generasi-rabbani/ (accessed 15.05.2023).

Haq N. Peradaban Islam Manifestasi Tauhid. *Hidayatullah*. 20.01.2023. [Haq N. Islamic Civilization Manifestation of Monotheism.

Hidayatullah. 20.01.2023. (in Indonesian)] URL: https://hidayatullah.or.id/download-khutbah-jumat-peradaban-islam-manifestasi-tauhid/ (accessed 15.05.2023).

Hidayat Ingatkan Peran Jamiat Kheir dalam Sejarah Indonesia. *Jamiat Kheir.* 2023. Juni 3 [Hidayat Reminds the Role of Jamiat Kheir in Indonesian History. *Jamiat Kheir.* 2023. Juni 3 (in Indonesian)] URL: https://jamiatkheir.sch.id/hidayat-ingatkan-peran-jamiat-kheir-dalam-sejarah-indonesia/ (accessed 15.05.2023).

Hidayatullah Berangkatkan 30 Santri Berdakwah di Kawasan Asia selama Ramadhan. *Hidayatullah.* 2023. Maret 17 [Hidayatullah Departs 30 Santri to Da'wah in the Asian Region during Ramadan. *Hidayatullah.* 2023. Maret 17 (in Indonesian)] URL: https://hidayatullah.or.id/hidayatullah-berangkatkan-30-santri-berdakwah-di-kawasan-asia-selama-ramadhan/ (accessed 15.05.2023).

Hudiyana J. Benarkah sekularisme berkaitan dengan kemajuan berpikir suatu masyarakat? Belum tentu. *The Conversation*. 27.11.2020. [Hudiyana J. Is it true that secularism is related to the progress of a society's thinking? Not necessarily. *The Conversation*. 27.11.2020. (in Indonesian)] URL: https://theconversation.com/benarkah-sekularisme-berkaitan-dengan-kemajuan-berpikir-suatu-masyarakat-belum-tentu-150734 (accessed 15.05.2023)

Khalid U. Syarat Zakat Lanjutan & Syarat Haji. *Majelis Rasulullah*. 27.07.2015. [Khalid U. Advanced Zakat Terms and Conditions for Hajj. *Majelis Rasulullah*. 27.07.2015. (in Indonesian)] URL: https://www.majelisrasulullah.org/syarat-zakat-lanjutan-syarat-haji/ (accessed 15.05.2023).

Keputusan Kongres Mujahidin IV Tentang Rekomendasi Indonesia Bersyari'ah. *Majelis Mujahidin*. 12.02.2013. [Decision of the Fourth Mujahidin Congress on Recommendations for Indonesia Bersyari'ah. *Majelis Mujahidin*. 12.02.2013. (in Indonesian)] URL: https://www.majelismujahidin.com/keputusan-kongres-mujahidin-iv-tentang-rekomendasi-indonesia-bersyariah/ (accessed 15.05.2023).

Kongres Mujahidin V "Peran Islam Dalam Mengatur Dan Memakmurkan Negara". Rekomendasi Kongres Mujahidin V. *Majelis Mujahidin*. 07.08.2018. [Mujahidin Congress V "The Role of Islam in Regulating and Prospering the Country". Recommendations of the V Mujahidin Congress. *Majelis Mujahidin*. 07.08.2018. (in Indonesian)] URL: https://www.majelismujahidin.com/rekomendasi-kongres-mujahidin-v/ (accessed 15.05.2023).

Kuru A. T. Bagaimana Nahdlatul Ulama memprakarsai reformasi Islam dan berupaya menyebar pengaruh di dunia Muslim. *The Conversation*. 05.10.2021. [Kuru A. T. How Nahdlatul Ulama initiated Islamic reform and seeks to spread influence in the Muslim world. *The Conversation*. 05.10.2021. (in Indonesian)] URL: https://theconversation.com/bagaimana-nahdlatul-ulama-memprakarsai-reformasi-islam-dan-berupaya-menyebar-pengaruh-di-dunia-muslim-168768 (accessed 15.05.2023)

Kongres Mujahidin VI: Indonesia Bersyariah Menyempurnakan Kemerdekaan Republik Indonesia. *Majelis Mujahidin.* 2023. Juni 16 [Congress of the Mujahidin VI: Sharia-compliant Indonesia Completes the Independence of the Republic of Indonesia. *Majelis Mujahidin.* 2023. Juni 16 (in Indonesian)] URL: https://www.majelismujahidin.com/kongres-mujahidin-vi-indonesia-bersyariah-menyempurnakan-kemerdekaan-republik-indonesia/ (accessed 15.05.2023).

Lubis R. Islam Nusantara, produk lama yang masih relevan pada zaman Internet. *The Conversation*. 10.09.2018. [Lubis R. Islam Nusantara, an old product that is still relevant in the Internet era. *The Conversation*. 10.09.2018. (in Indonesian)] URL: https://theconversation.com/islam-nusantara-produk-lama-yang-masih-relevan-pada-zaman-internet-100967 (accessed 15.05.2023)

Legalisasi Perzinahan Mengancam Perguruan Tinggi Melalui PERMENDIKBUD. *Majelis Mujahidin*. 09.11.2021. [Legalization of Adultery Threatens Higher Education through PERMENDIKBUD. *Majelis Mujahidin*. 09.11.2021. (in Indonesian)] URL: https://www.majelismujahidin.com/legalisasi-perzinahan-mengancam-perguruan-tinggi-melalui-permendikbud/ (accessed 15.05.2023).

Lubis B., Rosmali E. Mudzakarah 1000 Ulama: Pendirian Negara Republik Indonesia Berdasarkan Konsep Agama. *Majelis Mujahidin*. 09.08.2018. [Lubis B., Rosmali E. Mudzakarah 1000 Ulama: The Establishment of the Republic of Indonesia Based on the Concept of Religion. *Majelis Mujahidin*. 09.08.2018. (in Indonesian)] URL: https://www.majelismujahidin.com/mudzakarah-1000-ulama-pendirian-negara-republik-indonesia-berdasarkan-konsep-agama/ (accessed 15.05.2023).

Misi, 2020. [Mission, 2020 (in Indonesian)] URL: https://jamiatkheir.sch.id/ (accessed 15.05.2023).

Mukhtar A. Muruah dan Meneguhkan 4 Pilarnya. *Hidayatullah.* 14.02.2023. [Mukhtar A. Muruah and Strengthening the 4 Pillars. *Hidayatullah.* 14.02.2023. (in Indonesian)] URL: https://hidayatullah.or.id/muruah-dan-meneguhkan-4-pilarnya/ (accessed 15.05.2023).

Massoud M. F. Penjajahan yang sebabkan ekstremisme Islam, bukan aturan syariat. *The Conversation.* 17.05.2019. [Massoud M.F. It was colonialism that caused Islamic extremism, not sharia rules. *The Conversation.* 17.05.2019. (in Indonesian)] URL: https://theconversation.com/penjajahan-yang-sebabkan-ekstremisme-islam-bukan-aturan-syariat-116289 (accessed 15.05.2023)

Mutohar A. Radikalisme di sekolah swasta Islam: tiga tipe sekolah yang rentan. *The Conversation*. 2018. Mei 16. [Mutohar A. Radicalism in Islamic private schools: three vulnerable types of schools. *The Conversation*. 2018. Mei 16. (in Indonesian)] URL: https://theconversation.com/radikalisme-di-sekolah-swasta-islam-tiga-tipe-sekolah-yang-rentan-96722 (accessed 15.05.2023)

Nuraniyah N. The Costs of Repressing Islamists. *New Mandala*. 29.10.2021. URL: https://www.newmandala.org/the-costs-of-repressing-islamists/ (accessed 15.05.2023)

Pelletier A. Riset: Persaingan merebut otoritas agama menyuburkan tumbuhnya kelompok militan Islam di Jawa. *The Conversation*. 16.10.2020. [Pelletier A. Research: Competition for religious authority fosters the growth of Islamic militant groups in Java. *The Conversation*. 16.10.2020. (in Indonesian)] URL: https://theconversation.com/riset-persaingan-merebut-otoritas-agama-menyuburkan-tumbuhnya-kelompok-militan-islam-di-jawa-148641 (accessed 15.05.2023)

Prasetya A. Kemunculan Khilafatul Muslimin: Sulitnya menumpas akar ekstremisme agama dan ambisi pendirian negara Islam. *The Conversation*. 05.07.2022. [Praseteya A. The Emergence of Khilafatul Muslimin: The difficulty of eradicating the roots of religious extremism and the ambition to establish an Islamic state (in Indonesian)]. *The Conversation*. 05.07.2022. URL: https://theconversation.com/kemunculan-khilafatul-muslimin-sulitnya-menumpas-akar-ekstremisme-agama-dan-ambisi-pendirian-negara-islam-184897 (accessed 15.05.2023)

Putra I. E., Sandang Y. Hypocrisy or imagination? Pseudo-pluralism in Indonesia. *New Mandala*. 01.12.2020. URL: https://www.newmandala.org/hypocrisy-or-imagination-pseudo-pluralism-in-indonesia/ (accessed 15.05.2023)

Rekomendasi Indonesia Bersyari'ah Kongres Mujahidin IV. Sentul City, Bogor, 18 Syawwal 1434 H/25 Agustus 2013 M. *Majelis Mujahidin*. 2013. Februari 12 [Recommendations for Indonesia Bersyari'ah Mujahidin Congress IV. Sentul City, Bogor, 18 Shawwal 1434 H/25 August 2013 M. *Majelis Mujahidin*. 2013. Februari 12 (in Indonesian)] URL: https://www.majelismujahidin.com/keputusan-kongres-mujahidin-iv-tentang-rekomendasi-indonesia-bersyariah/ (accessed 15.05.2023).

Rekomendasi Mudzakarah Nasional Pra Kongres Mujahidin IV. *Majelis Mujahidin*. 12.02.2013. [Recommendation of the National Mudzakarah Pre-Congress Mujahidin IV. *Majelis Mujahidin*. 12.02.2013. (in Indonesian)] URL: https://www.majelismujahidin.com/rekomendasi-mudzakarah-nasional-pra-kongres-mujahidin-iv/ (accessed 15.05.2023).

Solahudin M. *The Roots of Terrorism in Indonesia: From Darul Islam to Jem'ah Islamiyah*. Cornell: Cornell University Press, 2013. 257 p.

Thalib M. Indonesia Bersyariah. *Majelis Mujahidin*. 2023. Juni 18 [Thalib M. Sharia Indonesia. *Majelis Mujahidin*. 2023. Juni 18 (in

Indonesian)] URL: https://www.majelismujahidin.com/mars-majelis-mujahidin-indonesia-bersyariah/ (accessed 15.05.2023).

Video Dialog Lintas Agama “Mencari Solusi Mengatasi Kemelut Negara Indonesia”. *Majelis Mujahidin*. 2013. Agustus 28 [Interfaith Dialogue Video “Searching for Solutions to Overcome the Crisis of the Indonesian State. *Majelis Mujahidin*. 2013. Agustus 28 (in Indonesian)] URL: https://www.majelismujahidin.com/video-dialog-lintas-agama-mencari-solusi-mengatasi-kemelut-negara-indonesia-1/ (accessed 15.05.2023).

Visi, 2020 [Vision, 2020 (in Indonesian)] URL: https://jamiatkheir.sch.id/ (accessed 15.05.2023).

Visi dan Misi, 2020 [Vision and Mission, 2020 (in Indonesian)] URL: https://hidayatullah.or.id/visi-dan-misi/ (accessed 15.05.2023).

Wahib A. B. Dakwah salafi: dari teologi puritan sampai anti politik. *Media Syari’ah: Wahana Kajian Hukum Islam dan Pranata Sosial*. 2011. Vol 13. No 2. Pp. 147–161 [Wahib A. B. Salafi da’wah: from puritan theology to anti-politics. *Media Syari’ah: Wahana Kajian Hukum Islam dan Pranata Sosial*. 2011. Vol 13. No 2. Pp. 147–161 (in Indonesian)].

DOI: 10.18254/S268684310028206-4

Демографические последствия сирийского конфликта для армянской общины Сирии[1]

Demographic Consequences of the Syrian Conflict for the Armenian Community of Syria

© 2023 **Аида Гагиковна Петросян**

преподаватель Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия
aidapetrosyan05@gmail.com
ORCID ID: 0009-0007-4407-8554

Aida G. Petrosyan

Lector in State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia
aidapetrosyan05@gmail.com
ORCID ID: 0009-0007-4407-8554

В статье рассматриваются демографические последствия конфликта в Сирии для армянской общины в этой стране. Первая часть посвящена описанию динамики изменения численности армянской общины Сирии в период с момента ее формирования в 1915 – начале 1920-х гг. до 2011 г. Выделяются проблемы, связанные со сбором и систематизацией данных как относительно численности населения САР в целом, так и численности сирийских армян, проживающих в Сирии внутри общины. Рассматривается география расселения армянской общины Сирии и численность армянского населения в отдельных сирийских городах и районах. Отмечается, что

1 Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема No. FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).
The article was prepared at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 “Historical and cultural traditions and values in the context of global history”).

в течение XX – начала XXI вв. произошло сужение географии армянского присутствия в Сирии вследствие угасания некоторых небольших армянских общин. В третьей части выделяются основные демографические последствия сирийского конфликта для армянской общины. Обращается внимание на то, что в результате начавшейся в условиях сирийского конфликта массовой эмиграции ее численность уменьшилась примерно в три раза.

Отмечается, что подобный резкий спад является серьезным вызовом на пути сохранения общины, особенно если обратить внимание на возрастной состав эмигрировавших армян, значительную долю которого составляет молодежь. Кроме того, уменьшение численности армянской общины отрицательным образом сказалось на активности армянских общинных организаций и институтов, действующих в Сирии. Еще одним серьезным последствием оттока значительной части армянского населения из Сирии является изменение традиционного этноконфессионального облика некоторых сирийских городов (в частности Алеппо), что может сказаться на взаимоотношениях между различными этноконфессиональными группами.

Ключевые слова: армянская община, сирийский конфликт, этноконфессиональное многообразие, демография, последствия конфликта, Сирия

Для цитирования: Петросян А. Г. Демографические последствия сирийского конфликта для армянской общины Сирии. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2023. № 3. С. 50–60. DOI: 10.18254/S268684310028206-4

The paper looks into demographic consequences of the Syrian conflict for the Armenian community. The first section studies the dynamics of the number of Armenians living in Syria from the period of when the community was established (1915–1920s) till 2011. It also outlines some issues related to collecting and systematizing population data both in Syria in general and within the Armenian community particularly. The second part of the paper deals with the geography of the Armenian community and the number of Armenians living in different Syrian cities and towns. It is stressed that during the 20th century the geography of the Armenian presence narrowed due to "weakening" of Armenian communities in some Syrian towns or villages.

The third section focuses on some of the main demographic consequences of the conflict in Syria for the Armenian community. It is highlighted that due to mass emigration during the war the number of Armenians living in Syria has dropped nearly three times. A sharp decline like that is a great challenge to preserving the community especially since a big share of the Armenians who emigrated are of young age. Also, the decline in number has affected the potential of the Armenian organizations and institutions in Syria. Another major challenge due to Armenian emigration is the transformation of the traditional ethno-confessional image of some of the Syrian cities and towns (mainly Aleppo) which can affect the relations between different ethno-confessional groups in Syria.

Keywords: Armenian community, Syrian conflict, ethno-confessional diversity, demography, conflicts studies, Syria

For citation: Petrosyan Aida G. Demographic Consequences of the Syrian Conflict for the Armenian Community of Syria. *Oriental Courier.* 2023. No. 3. Pp. 50–60. DOI: 10.18254/S268684310028206-4

Одним из наиболее серьезных последствий сирийского конфликта, наряду с вызовами социально-экономическому и политическому развитию Сирии, является угроза этноконфессиональному многообразию в САР. В результате оттока значительной части населения за пределы Сирии, а также в результате его внутреннего перемещения произошло нарушение этноконфессионального баланса в стране в целом и в отдельных ее районах в частности.

В задачи статьи входит рассмотрение демографических последствий сирийского конфликта для армянской общины Сирии, которая, несмотря на относительно небольшую численность, всегда являлась важной составляющей сирийского общества. В целом говорить о точных цифрах относительно отдельных этноконфессиональных групп в Сирии, в том числе и сирийских армян, крайне сложно. Это касается и данных по численности в XX веке, и статистики последних десятилетий.

И если сложности с данными мандатного периода связаны с наличием довольно большого числа источников, предлагающих абсолютно разные цифры, то для периода после обретения Сирией независимости характерно фактическое отсутствие открытых официальных данных по этноконфессиональному составу населения.

В связи с этим чрезвычайно полезными оказываются данные, собираемые внутри отдельных общин (хотя в случае, например, с армянской общиной, есть проблема их систематизации).

Численность армянской общины до начала конфликта в Сирии

История присутствия армян в Сирии насчитывает много веков. Однако институциональные основы современной армянской общины в этой стране были заложены в период с 1915 по начало 1920-х гг., когда на территории страны нашли убежище десятки тысяч армян, спасавшихся от геноцида. И если до этого численность так называемых «старых армян» («аль-арман аль-кадим») составляла по разным оценкам от 25 до 44 тысяч человек [Greenshields, 1978, p. 39], то уже после численность армянского населения этой страны резко увеличилась.

Так, например, в 1918 г. она достигла, по некоторым оценкам, 142 тыс. человек [*Армянская диаспора*, 2003, с. 512]. Но все же по разным причинам как на этапе становления армянской общины, так и в дальнейшем, ее численность подвергалась значительным колебаниям, преимущественно в сторону снижения.

И если в 1921–1924 гг., с одной стороны, численность армянских беженцев в Сирии пополнялась за счет прибытия новых беженцев-армян [*Армянская диаспора*, 2003, с. 89], то с другой — очень многие из них, прибывая сначала в Сирию, затем эмигрировали в другие страны [Топузян, 1986, с. 167].

Армянский историк О. Х. Топузян обращает внимание на то, что из нашедших убежище в Сирии 225 тыс. армян в 1924 г. оставалось только около 150 тыс. беженцев[1] [Топузян, 1986, с. 167]. Вероятно, речь идет о численности армянских беженцев в Сирии и Ливане вместе взятых, так как одно армянское периодическое издание приводит такую же цифру относительно их суммарной численности в Сирии и Ливане в 1924 г., но с небольшим уточнением, согласно которому на Сирию из 150 тыс. приходилось 100 тыс. человек (цит. по [Абрамян, 1967, с. 21–22]).

Согласно данным епархий Алеппо, Дамаска и Латакии Армянской апостольской церкви, в 1932 г. в Сирии проживало уже 88650 армян [Гегард, 1996, с. 160]. Такое снижение можно, вероятно, объяснить продолжавшейся в тот период эмиграцией.

По данным Гражданского реестра, в 1938 г. численность сирийских армян составляла чуть менее 100 тыс. человек (98880) [Greenshields, 1978, p. 137]. Однако они не включают армян-протестантов[2], а также армянское население Александреттского санджака.

В работе “Syria and Lebanon: A Political Essay” А. Хаурани приводит следующие данные относительно численности армян в Сирии в конце 1943 г.: 101747 армяно-григориан и 16790 армяно-католиков. Если иметь в виду, что армяно-протестанты включены в общую статистику по протестантам Сирии (11187 человек) [Hourani, 1946, p. 386], то можно предположить, что на

1 Отметим, что сложно определить, на какую статистику ссылается автор.

2 Обычно они включались в общую статистику, охватывавшую все протестантское население Сирии.

тот момент армянское население Сирии составляло около 120 тыс. человек.

Представляется, однако, что последние цифры являются несколько завышенными, особенно если обратить внимание на то, что по состоянию на 1948 г. численность армянской общины Сирии, согласно армянскому периодическому изданию "*Հայաստանի կոչնակ*" (выпуск за июль 1948 г.), составляла примерно 85–90 тыс. человек [Айастани кочнак, 1948, с. 703–704].

Даже если учитывать масштабы репатриации сирийских армян в Советскую Армению в 1946–1947 гг. (согласно армянскому исследователю О. У. Меликсетяну, за эти два года в Армению из Сирии и Ливана репатриировались более 32 тыс. человек [Меликсетян, 1985, с. 241]), трудно представить, чтобы за пять лет численность общины упала так резко. Установление данных о ее динамике в течение второй половины XX – начала XXI в. представляется еще более сложной задачей, в силу больших различий между доступными нам цифрами.

Некоторые данные кажутся очень завышенными: например, представленная в работе итальянского исследователя Н. Мильорино цифра в 150 тыс. человек относительно численности армянской общины Сирии по состоянию на конец 1960-х гг. [Migliorino, 2008, p. 148] или статистика, на которую ссылается американский историк армянского происхождения С. Паяслян, и согласно которой в 1996 г. в Сирии проживало 115 тыс. армян [Payaslian, 2007, p. 117]. При этом, согласно другим армянским исследователям, уже в 2003 г. численность сирийских армян составляла около 65–70 тыс. человек [*Армянская диаспора*, 2003, с. 515].

Объяснить подобные резкие скачки в численности общины можно, пожалуй, лишь неточностью имеющихся данных статистики или проблемой ее сбора и систематизации. Эта проблема характерна и для периода до начала конфликта в Сирии в 2011 г. Так, очень часто в разных исследованиях армянской общины относительно ее численности упоминается цифра в 100 тыс. человек; при этом приводятся и другие данные, согласно которым до 2011 г. она составляла 50–80 тыс. человек [Пашаян, Арутюнян, 2011, с. 13].

Даже с учетом отмеченных сложностей с централизованным сбором статистики как в целом внутри Сирии, так и в рамках армянской общины, согласно ее представителям, существует несколько источников, на которые можно опираться при установлении численности сирийских армян. Речь идет прежде всего о списках прихожан, собираемых армянскими церквями, и данных о численности учеников армянского происхождения в армянских школах [Архив интервью автора, 2022].

Согласно данным, которые удалось собрать автору статьи в ходе бесед с представителями руководства армянской общины Сирии, по состоянию на 2011 – начало 2012 гг. в Сирии проживало от 80 до 90 тыс. армян [Архив интервью автора, 2022][3].

География расселения армянской общины Сирии

Для оценки демографических последствий конфликта для армянской общины Сирии важно определить особенности географии ее расселения. До начала сирийского конфликта армянское население присутствовало в следующих городах и селах Сирии: Алеппо, Дамаск, Кесаб, Латакия, Камышлы, Хасаке, Якубие, Тель-Абьяд, Рас-эль-Айн, Хомс, Дейр-эз-Зор, Ракка, Аль-Маликия (Дерик), Амуда, Гнемие, в некоторых из которых оно было весьма значительным по численности. В случае с другими речь иногда идет лишь об одном-двух десятках армянских семей; при этом все же они также являются важной частью армянской общины Сирии с исторической и культурной точки зрения.

Одним из центров армянской общины Сирии традиционно является Алеппо, который как до,

3 Иногда называют и меньшую цифру — 70 тыс. человек [Архив интервью автора, 2022].

так и после конфликта остается городом с наибольшей численностью армянского населения Сирии. Армянская община Алеппо является одной из самых «старых» ближневосточных армянских общин. В годы геноцида Алеппо стал ключевым центром скопления армянских беженцев, очень многие из которых впоследствии пополнили ряды уже существовавшей «старой» общины и заложили основы формирования современной армянской общины Алеппо. До начала конфликта численность армянского населения Алеппо составляла около 55–60 тыс. человек [Архив интервью автора, 2022].

Хотя армянская община Дамаска значительно уступает в численном отношении общине Алеппо (по состоянию на 2011 г. в Дамаске проживало около 7–10 тыс. [Архив интервью автора, 2022]), Дамаск является не менее важным центром для сирийских армян: в нем, как и в Алеппо, находятся крупные организации и структуры, составляющие институциональную основу армянской общины Сирии.

Еще один важный элемент армянской общины Сирии — община Кесаба[4] и прилегающих сел (Багджагаз, Дузагадж, Карадуран), армянское присутствие в которых насчитывает много веков. Традиционно как Кесаб, так и эти села были населены преимущественно армянами. В 2003 г. армянское население Кесаба составляло 1,5 тыс. [*Армянская диаспора*, 2003, с. 517][5]. Небольшая армянская община есть также и в столице провинции Латакия (1,6 тыс. человек по состоянию на 2003 г.), а также ее селах Арамо и Гнемие [*Армянская диаспора*, 2003, с. 516–517].

Весьма значительное по численности армянское население на протяжении многих лет сохранялось и на северо-востоке Сирии, преимущественно в провинции Эль-Хасака. По состоянию на 2003 г. в г. Камышлы проживало около 12 тыс. армян, в Дерике (Аль-Маликие) — около 100 армянских семей, в Хасаке — около 80 семей, в Рас-эль-Айне — около 30 семей[6] [*Армянская диаспора*, 2003, с. 519–520].

Численность армян в соседней провинции Ракка в начале 2000-х гг. была относительно небольшой. Так, в Тель-Абьяде проживало примерно 40 армянских семей, а численность армян Ракки составляла примерно 500–600 человек [*Армянская диаспора*, 2003, с. 519–520]. Кроме того, по данным на начало 2000-х гг. относительно небольшое по численности армянское население присутствовало в провинции Идлиб: в Якубие (150 семей) и в соседнем селе Гние; а также в провинции Дейр-эз-Зор (20 семей — в столице провинции) [*Армянская диаспора*, 2003, с. 519–520].

В целом в течение XX в. география расселения армянской общины Сирии несколько сузилась по причине репатриации сирийских армян в Армянскую ССР, эмиграции в другие страны, переселения внутри Сирии. Как следствие армянские общины в некоторых районах страны стали медленно угасать, а где-то и вовсе исчезать. В качестве примеров армянскими исследователями выделяются общины в Аазазе, Амуде[7], Айн Арусе, Эль-Бабе, Дербесие, Хаме, Хомсе[8], Манбидже, Джараблусе [*Армянская диаспора*, 2003]. Несмотря на это, по состоянию на начало конфликта в Сирии в 2011 г., армянская община по-прежнему продолжала сохранять весьма значительное по численности присутствие во многих сирийских городах и районах.

4 Кесаб имеет очень большое символическое и историческое значение как часть армянской общины Сирии.

5 Мы не располагаем более свежими данными (в доконфликтный период) относительно численности армян, проживавших в Кесабе и некоторых других районах и городах Сирии, о которых речь пойдет далее.

6 Доступны данные исключительно относительно численности армянских семей, а не в целом армянского населения, но можно исходить из того, что традиционный состав армянских семей — это 4–6 человек.

7 Несмотря на то, что в Амуде, как и в некоторых других перечисленных городах к 2011 г. практически не оставалось армян, все же они имеют важное значение как исторические центры армянской общины Сирии.

8 В Хомсе и прилегающих селах армянское присутствие сохранялось даже в период сирийского конфликта. В городе есть армянская школа и церковь. И хотя речь идет о небольшом количестве армянских семей, нельзя говорить о полном угасании местной общины.

Здесь, однако, стоит обратить внимание на важное обстоятельство: если рассматривать численность армянского населения Сирии в процентном соотношении с общей численностью населения страны, получаются очень небольшие цифры.

Так, с учетом того, что общая численность населения Сирии в 2011 г. составляла почти 23 млн человек [Population Total, 2020], а численность армян — 80–90 тыс. человек, то в процентном соотношении на долю сирийских армян приходится менее 0,5%.

При этом можно выделить несколько факторов, которые делали присутствие армянской общины в Сирии «заметным». Сирийские армяне в большинстве случаев всегда жили достаточно компактно. Наиболее ярко это видно на примере Алеппо, в котором традиционно существовали так называемые «армянские кварталы». Вместе с тем, как было показано, в Сирии есть города и села с преимущественно армянским населением, например, Кесаб и окружающие его села, которые часто тоже называют «армянскими».

Кроме того, современная армянская община Сирии имеет четкую и развитую структурно-организационную основу, являющуюся важным фактором сохранения идентичности и культурной самобытности сирийских армян. Наличие общинных институтов и активной общинной жизни позволяют говорить не просто о наличии этнических армян в составе населения Сирии, а об их присутствии в качестве этноконфессиональной общины, являющейся важной частью культурной, общественно-политической и экономической жизни сирийского общества.

Последствия сирийского конфликта для демографического профиля армянской общины

После начала вооруженного конфликта в Сирии и последовавшей массовой эмиграции населения произошел резкий спад численности армянской общины. Если в 2011 г. на территории Сирии проживало, по разным оценкам, от 70 до 90 тыс. армян[9] [Архив интервью автора, 2019; 2022], то по состоянию на 2017 г., согласно данным Берийской епархии Армянской апостольской церкви, из них оставалось уже примерно 32–32,5 тыс. человек (в Алеппо около 20 тыс. армян, в Дамаске 3 тыс., в Латакии, а также в Кесабе от 3 до 3,5 тыс., в Камышлы 3 тыс. и около 3 тыс. в других городах) [There are nearly 20,000 Armenians… 2019]. Согласно другим источникам, во всей Сирии на тот момент оставалось всего 20–25 тыс. армян, из них в Алеппо около 8–10 тыс. [Овян, 2018, с. 36–42].

По словам представителей общины, ее численность по состоянию на 2022 г. уменьшилась на 2/3 от доконфликтных цифр [Архив интервью автора, 2022], то есть составила примерно 25–30 тыс. человек. Если посмотреть на изменения в численности армянских общин в отдельных сирийских городах, то они выглядят следующим образом.

По состоянию на 2022 г. из 55–60 тыс. армян, проживавших в Алеппо до начала сирийских событий, по приблизительным оценкам остается около 1/3, то есть примерно 20 тыс. человек [Архив интервью автора, 2022]. Некоторые источники называют и меньшие цифры, которые колеблются от 8 до 15 тыс. человек [Архив интервью автора, 2022].

За годы войны многие армяне Алеппо перебрались в более безопасные города Сирии: Тартус, Латакию, — став внутренне перемещенными лицами. Некоторые из них после того, как прекратились активные бои, вернулись в Алеппо [Армяне Алеппо возвращаются к мирной жизни… 2019], но все же это незначительным образом изменило трансформировавшуюся за годы войны демографическую ситуацию. Последствия резкого спада численности армянского населения наиболее ярко заметны именно в случае с армянской общиной Алеппо, поскольку армянское население в этом городе тра-

9 Данные Берийской епархии ААЦ.

диционно жило компактно, в рамках нескольких кварталов.

Несмотря на весьма скромную — в сравнении с общиной Алеппо — численность армянской общины Дамаска, последняя также упала весьма резко за годы конфликта. С доконфликтных 7–10 тыс. человек она снизилась до 3 тыс. (к 2017 г.) [There are nearly 20,000 Armenians… 2017]. К 2022 г. она немного выросла (это, как представляется, было связано, с улучшением условий безопасности), однако, по словам общинного руководства в Дамаске, не превышала все же 4–5 тыс. человек [Архив интервью автора, 2022].

За годы конфликта значительно уменьшилось и армянское население Камышлы. Для того чтобы увидеть эту отрицательную динамику, можно сравнить численность армян в Камышлы по данным на 2003 г. — 12 тыс. человек [*Армянская диаспора*, 2003, p. 519] (поскольку данные на момент начала конфликта найти весьма проблематично) с их численностью в 2017 г. — 3 тыс. человек [There are nearly 20,000 Armenians … 2017].

В условиях конфликта в Сирии появилась серьезная угроза существованию некоторых армянских общин на севере страны. Так, вследствие начала турецкой операции в октябре 2019 г. большинство проживавших в Рас-эль-Айне и Тель-Абьяде армян были вынуждены их покинуть. В первые же дни после ее начала 14 из 16 проживавших на тот момент в Тель-Абьяде армянских семей были эвакуированы сначала в Хасаку, а затем в Алеппо [Своих в обиду не дадим… 2019; В посольстве Армении в Сирии… 2019]. В Рас-эль-Айне по состоянию на начало 2022 г., по данным представителей общины, оставалось всего несколько семей (в 2015 г. их было 12, а в 2012 г. 27) [Архив интервью автора, 2022].

В результате, когда большинство армянского населения из Рас-эль-Айна и Тель-Абьяда было эвакуировано в Алеппо, сложилась двойственная ситуация: сложно утверждать как то, что армянские общины в них уцелели, так и то, что они исчезли. С одной стороны, практически все армянское население покинуло эти города, а с другой, в них продолжают действовать армянские церкви, у людей остаются дома и сельскохозяйственные угодья [Архив интервью автора, 2022].

Возвращение армян в Рас-эль-Айн и Тель-Абьяд представляется весьма маловероятным, особенно если учитывать фактор турецкого контроля над этими территориями. По словам некоторых армян, вынужденно покинувших эти города, турецкие силы преграждали им доступ к собственным домам [Mollica, Hakobian, 2021, p. 267–268], что в будущем может стать серьезной проблемой.

Для оценки перспектив сохранения армянской общины Сирии важно также представить направления миграции сирийских армян. На отдельных этапах конфликта вместе с эмиграцией за пределы САР многие сирийские армяне переезжали (временно или на постоянной основе) в более безопасные на тот момент районы внутри Сирии: сначала в основном из Алеппо в Дамаск, Латакию, Кесаб, Тартус, а затем из северо-восточной Сирии в Алеппо и в прибрежные районы.

Интересным примером является Тартус: до конфликта он практически не имел армянского населения, а в годы войны стал одним из центров, куда в поисках безопасности переезжали армяне из других сирийских городов. Но все же в условиях вооруженного конфликта очень большая часть сирийских армян была вынуждена покинуть Сирию, чаще всего выбирая для эмиграции Республику Армения. Согласно данным Министерства диаспоры Республики Армения, с начала сирийского конфликта до середины 2015 г. в Армению из Сирии прибыло примерно 22 тыс. армян [Humanitarian Border Management… 2016, p. 18].

Ереванский офис представителя Верховного комиссара ООН по делам беженцев предоставил данные, согласно которым по состоянию на конец 2018 г. в Армении в статусе беженца, лица, ищущего убежища, или в статусе, «близком к

статусу беженцев», находились 14 709 человек, прибывших из Сирии [United Nations High Commissioner for Refugees, 2018].

Сирийские армяне объясняют выбор Армении в качестве основного направления эмиграции несколькими причинами. Во-первых, Республика Армения воспринимается многими армянами диаспоры как историческая или вторая родина. Во-вторых, значение имела географическая близость Армении к Сирии. Это было важно как для тех, кто планировал вернуться в Сирию, так и для тех, кто, обосновавшись в Армении, продолжал поддерживать связь с общиной в Сирии. И, наконец, в-третьих, большинство приехавших в Армению сирийских армян либо уже имели гражданство РА, либо могли его получить по прибытии в упрощенном порядке. Обладание паспортом РА позволило сирийским армянам, оставшимся в Армении, воспользоваться всеми правами гражданина страны; кроме того, имея армянский паспорт, они могли в упрощенном порядке отправляться оттуда и в другие страны.

Во многих случаях РА действительно становилась своего рода транзитным государством, откуда сирийские армяне направлялись в другие страны. Доля таких людей составляет около 25 % (5–6 из 22 тыс.) [Архив интервью автора, 2019].

Помимо Армении, сирийские армяне эмигрировали в другие страны, в которых уже на протяжении многих лет существуют крупные армянские общины. Так, около 10–15 тыс. сирийских армян уехали в Ливан [Keshishian, 2015] (относительно Ливана приводятся и более высокие цифры — около 20 тыс. [Архив интервью автора, 2022]), около 2 тыс. в Иорданию и примерно 8 тыс. в США, Канаду, страны ЕС [Zolyan, 2019]. По некоторым данным, только в Канаду по состоянию на 2016 г. прибыло около 5 тыс. армян из Сирии [Почему сирийские армяне уезжают из Армении, 2019].

Уменьшение численности армянской общины вследствие эмиграции армян из Сирии — основной демографический вызов, прямым следствием которого является снижение активности общинных структур. Так, за годы конфликта в результате слияния было закрыто несколько армянских школ (в Алеппо вследствие уменьшения числа учащихся было принято решение об объединении пяти армянских школ[10]), а в действующих школах уменьшилась доля учеников армянского происхождения. В одной из армянских школ Дамаска число армянских учеников в 2021/2022 гг. составляло 150 из 350 учеников, в другой 112 из 339. Конечно, в этих школах и до конфликта получали образование представители других этноконфессионалных групп (в основном арабы-христиане), но все же доля армянских учеников по объективным причинам всегда была выше [Архив интервью автора, 2022].

Армянские молодежные, спортивные и культурные объединения, по словам их лидеров, также стали ощущать последствия оттока армянского населения — в основном, молодежи [Архив интервью автора, 2022]. То, что значительную долю покинувших Сирию армян составляла молодежь, является серьезным вызовом для сохранения армянской общины. Официальных данных по возрастному составу мигрировавших, конечно, нет, но на эту тенденцию указывают большинство опрошенных автором представителей армянской общины [Архив интервью автора, 2022]. Вероятнее всего, в будущем она серьезно скажется на особенностях возрастного состава общины.

Еще одна серьезная проблема заключается в том, что в результате эмиграции сирийских армян, а также их перемещения внутри Сирии произошли значительные изменения в этноконфессиональной ситуации в некоторых районах страны. Особенно это заметно в случае с «армянскими» кварталами Алеппо, в которых традиционно наряду с преимущественно армянским населением жили в основном только арабы-христиане. В результате конфликта и оттока христианского населения в них стало

10 Речь только о школах, находящихся под патронажем партии «Дашнакцуцюн».

появляться и даже преобладать мусульманское население.

Изменение этноконфессионального баланса в Алеппо уже привело к изменению привычной для армян социальной среды, что может значительно осложнить задачу сохранения армянской идентичности и культуры в будущем. С другой стороны, трансформация этноконфессионального облика города в целом и отдельных его кварталов в частности может привести и к появлению межконфессиональной и межэтнической напряженности. По словам некоторых опрошенных автором жителей Алеппо, это становится заметным уже сейчас [Архив интервью автора, 2022].

Речь не идет о появлении серьезных межконфессиональных противоречий, особенно если учитывать особо подчеркиваемое всеми респондентами, опрошенными автором статьи, обстоятельство, что различные этноконфессиональные группы в Сирии всегда сосуществовали достаточно мирно. Но все же в результате отмеченных выше изменений возникла новая этноконфессиональная ситуация, которая не могла не сказаться на взаимоотношениях разных этноконфессиональных групп. Примечательно при этом то, что, как отметил один из респондентов, «к этой ситуации не были готовы ни те мусульманские семьи, которые переезжали в армянские / христианские кварталы, ни проживавшие там армяне», поскольку каждая из этих групп имеет свой уклад жизни и привыкла жить в определенном социальном окружении [Архив интервью автора, 2022].

С названными выше проблемами тесно связаны и некоторые другие вызовы социального характера. Так, в результате эмиграции большого числа сирийских армян произошли серьезные изменения в сферах занятости, традиционно считавшихся «армянскими» (например, ювелирное дело, пошив обуви, автомеханика). Если раньше ими занимались преимущественно армянские мастера, то сегодня их доля значительно снизилась [Архив интервью автора, 2022].

Справедливо заметить, что такая тенденция наблюдалась и до начала конфликта и была вызвана тем, что новое поколение сирийских армян в большинстве случаев, получив высшее образование, предпочитало не заниматься ремеслами (во многих армянских семьях в Сирии они обычно передавались из поколения в поколение).

Но все же конфликт и вызванная им вынужденная эмиграция усилили эту тенденцию. В будущем это может повлечь за собой изменения традиционного облика армянской общины и особенностей культуры сирийских армян.

Выводы

От динамики изменения численности армянской общины Сирии сегодня напрямую зависит потенциал сохранения (и восстановления) общины. Для его оценки можно выделить две стратегии действий, которых придерживались сирийские армяне в период конфликта и после окончания его военной фазы: 1) эмигрировать 2) остаться и укреплять общинные структуры[11].

Если посмотреть на первую группу, то можно заметить, что стабильной тенденции к возвращению в Сирию уехавших оттуда армян не наблюдается. Однако стоит признать, что очень сложно отследить точную статистику относительно случаев возвращений — особенно, если учитывать, что некоторые люди фактически живут «на две страны».

Говорить о том, насколько вероятна эмиграция представителей второй группы, также весьма непросто. Но в отношении этой группы важными представляются следующие обстоятельства. Во-первых, среди них есть люди, которые имеют принципиальную позицию относительно необходимости сохранения общины. Как следствие, они не рассматривают вариант эмиграции вовсе. Во-вторых, учитывая то, что в условиях

11 Стоит учитывать и то, что были люди, которые не могли уехать в связи с различными обстоятельствами.

послевоенного времени основным «выталкивающим» фактором является тяжелая экономическая ситуация, можно заметить, что несмотря на нынешние условия в Сирии, новых больших потоков эмиграции не наблюдается. Это можно объяснить в том числе и тем, что переезд в новую страну также сопряжен с большим числом трудностей (от социально-экономических до культурных)[12].

Таким образом, можно предположить, что вероятность эмиграции большой доли оставшегося сегодня в Сирии армянского населения, является маловероятной. Это, конечно, можно считать позитивным обстоятельством с точки зрения проблемы сохранения общины.

Кроме того, многие уехавшие (речь преимущественно о сирийских армянах в Армении и Ливане) сохраняют связь с Сирией и продолжают воспроизводить культуру, характерную для армянской общины Сирии, уже в новых странах проживания. Вместе с тем несмотря на условия конфликта и значительное ослабление демографического потенциала общины, сегодня продолжают действовать общинные институты, вокруг которых строится общинная жизнь сирийских армян. Еще одним фактором, позволяющим положительно оценивать перспективы сохранения армянской общины, является заинтересованность в этом сирийского руководства, демонстрирующего готовность содействовать восстановлению общины.

Список литературы / References

Абрамян А. Г. *Краткий очерк истории армянских переселенческих очагов* (Աբրահամյան Ա. Գ. *Համառոտ ուրվագիծ հայ գաղթավայրերի պատմության*). Ереван: Издательство «Айастан», 1967. Т. 2. 424 с. (на арм.) [Abrahamyan A. G. *A Brief Outline of the History of Armenian Settlements*. Yerevan: «Hayastan» Publishing House, 1967. Vol 2. 424 p. (in Armenian)].

Армяне Алеппо возвращаются к мирной жизни: посол Армении рассказал о ситуации в Сирии. *Sputnik Armenia.* 2019 [The Armenians of Aleppo are Coming Back to a Peaceful Life. The Armenian Ambassador Talked about the Situation in Syria. *Sputnik Armenia.* 2019 (in Russian)]. URL: https://m.ru.armeniasputnik.am/exclusive/20190311/17646565/armyane-aleppo-vozvrashchayutsya-mirnoj-zhizni-posol-armenii-rasskazal-situacii-sirii.html?mobile_return=no (accessed 11.07.2019).

Армянская диаспора / Под ред. О. М. Айвазяна (*Հայ սփյուռք* / գլխ. խմբագիր-տնօրեն Հ. Մ. Այվազյան). Ереван: Издательство «Армянская энциклопедия», 2003. 732 с. (на арм.) [*Armenian Diaspora*. Ed. by H. M. Ayvazyan. Yerevan: Armenian Encyclopedia Publishing House, 2003. 732 p. (in Armenian)].

Архив интервью автора, проведенных в Ереване (февраль–март 2019 г., июль 2022 г.), Дамаске и Алеппо (январь–февраль 2022 г.) с представителями армянской общины Сирии, общинными религиозными и общественными деятелями в Ереване, Алеппо, Дамаске, представителями органов государственной власти Сирийской Арабской Республики и Республики Армения [*Author's Interview Archive.* The author interviewed representatives of the Armenian community of Syria, the community's public and religious leadership, representatives of the government authorities of the Syrian Arab Republic and the Republic of Armenia. Interviews were conducted in Yerevan (February–March 2019, July 2022), Damascus and Aleppo (January–February 2022). (in Russian)].

Айастани кочнак (*Հայաստանի կոչնակ*). 1948. 24 июля. Т. 48. № 30. (на арм.) [*The Gotchnag (An Armenian Weekly)*. 1948. July 24. Vol. XLVIII. No. 30. (in Armenian)].

В посольстве Армении в Сирии рассказали о мерах по оказанию помощи общине. *Sputnik Армения.* 2019 [The Ambassy of Armenia in Syria About Relief Measures for the Community. *Sputnik Armenia.* 2019 (in Russian)]. URL: https://ru.armeniasputnik.am/20191010/V-posolstve-Armenii-v-Sirii-rasskazali-o-merakh-po-okazaniyu-pomoschi-obschine-20724048.html (accessed 11.11.2019).

Гегард. Ежегодник сирийских армян. Том «Е». История (*Գեղարդ. Սուրիահայ տարեգիրք*. Ե.

12 Есть случаи, когда покинувшие Сирию армянские семьи впоследствии возвращались по этим причинам.

Գիրք. Պատմական). Алеппо: Виолет Джебеджеан Градаран, 1996. 667 с. (на арм.) [*Geghard. Yearbook of Syrian Armenians*. History Volume. Aleppo: Violet Jebejean Gradaran, 1996. 667 p. (in Armenian)].

Меликсетян О. У. *Взаимосвязь Родина–Диаспора и репатриация (1920–1980)* (Մելիքսեթյան Հ. ՈՒ. *Հայրենիք–սփյուռք առնչություններ և հայրենադարձություն (1920–1980 թթ.)*). Ереван: Издательство Ереванского университета, 1985. 476 с. (на арм.) [Meliqsetyan H. U. *Homeland–Diaspora Relations and Repatriation (1920–1980)*. Yerevan: Publishing House of the Yerevan State University, 1985. 476 p. (in Armenian)].

Овян В. Армянская община Сирии в поствоенный период (Հովյան Վ. Սիրիայի հայ համայնքը հետպատերազմյան շրջանում). *Глобус*. 2018. № 6 (95). С. 36–42 (на арм.) [Hovyan V. The Armenian Community of Syria in the Post-War Period. *Globus*. 2018. No. 6 (95). Pp. 36–42 (in Armenian)].

Пашаян А. А., Арутюнян Л. М. *Армянская община Сирии: актуальные проблемы* (Փաշայան Ա., Հարությունյան Լ. *Սիրիայի հայ համայնքը. արդի հիմնախնդիրներ*). Ереван: Лусакн, 2011. 131 с. (на арм.) [Pashayan A., Harutyunyan L. *The Armenian Community of Syria. Actual Issues*. Yerevan: Lusakn, 2011. 131 p. (in Armenian)].

Почему сирийские армяне уезжают из Армении? Министр Диаспоры о проблемах сирийских армян (Ինչո՞ւ են սիրիահայերը հեռանում Հայաստանից. Սփյուռքի նախարարը սիրիահայերի խնդրի մասին). *Lragir.am.* 2016 (на арм.) [Why Do Syrian Armenians Leave Armenia: The Minister of Diaspora on the Issues of the Syrian Armenians. *Lragir.am.* 2016 (in Armenian)]. URL: https://www.lragir.am/2016/02/20/128078/ (accessed 11.07.2019).

Своих в обиду не дадим: Заре Синанян обеспокоен ситуацией в Сирии. *Sputnik Армения.* 2019 [We Will Not Let Them down: Zareh Sinanyan is Worried About the Situation in Syria. *Sputnik Armenia.* 2019 (in Russian)]. URL: https://ru.armeniasputnik.am/20191010/Svoikh-v-obidu-ne-dadim-Zare-Sinanyan-obespokoen-situatsiey-v-Sirii-20723402.html (accessed 11.12.2019).

Топузян О. Х. *История армянских колоний Сирии и Ливана (1841–1946)* (Թոփուզյան Հ. Խ. Սիրիայի և Լիբանանի հայկական գաղթօջախների պատմություն *(1841–1946)*). Ереван: Издательство Армянской ССР, 1986. 369 с. (на арм.) [Topuzyan H. *History of the Armenian Colonies of Syria and Lebanon (1841–1946)*. Yerevan: Publishing House of the Armenian SSR, 1986. 369 p. (in Armenian)].

Greenshields T. H. *The Settlement of Armenian Refugees in Syria and Lebanon*. 1915–1939. Durham Theses. Durham University, 1978. 593 p.

Hourani A. H. *Syria and Lebanon: A Political Essay*. London: Oxford University Press, 1946. 402 p.

Humanitarian Border Management. Republic of Armenia. Needs and Gaps Assessment Report. International Organization for Migration. 2016. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/hbm_report_eng.pdf (accessed 11.07.2023)

Keshishian V. Between Anticipation and Misery: The Syrian-Armenian Refugees of Lebanon. *The Armenite.* 2015. URL: https://thearmenite.com/2015/01/anticipation-misery-syrian-armenian-refugees-lebanon/ (accessed 15.07.2019).

Migliorino N. *(Re)Constructing Armenia in Lebanon and Syria: Ethno-Cultural Diversity and the State in the Aftermath of a Refugee Crisis*. New York–Oxford: Berghahn Books, 2008. 256 p.

Mollica M., Hakobian A. *Syrian Armenians and the Turkish Factor. Kessab, Aleppo and Deir ez-Zor in the Syrian War*. Palgrave Macmillan. 2021. 309 p.

Population Total. Syrian Arab Republic. *The World Bank.* 2020. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=SY 36800 (accessed 12.08.2020).

Payaslian S. Diasporan Subalternities: The Armenian Community in Syria. *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 2007. Vol. 16. No. 1/2. Pp. 92–132.

There are nearly 20,000 Armenians living in Aleppo. *Armenians Today*. 2017. URL: https://old.hayernaysor.am/en/archives/232630 (accessed 18.07.2019).

United Nations High Commissioner for Refugees. Armenia. Operational Update. 2018. *UNCHR Armenia.*

Zolyan M. Refugees or Repatriates? Syrian Armenians Return to Armenia. *Open Democracy.* URL: https://www.opendemocracy.net/en/odr/refugees-or-repatriates-syrian-armenians-return-to-armenia/ (accessed 18.07.2019).

DOI: 10.18254/S268684310028214-3

Пути распространения радикального исламизма в современной Франции: взгляд французских исследователей

The Spread of Radical Islam in Contemporary France: The View of French Researchers

© 2023 **Наталия Вячеславовна Сафонова**

Младший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
safonovanat@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-3296-1362

Natalia V. Safonova

Junior research fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
safonovanat@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-3296-1362

Статья посвящена теме, весьма актуальной во Франции на протяжении последних десятилетий, — распространению радикального исламизма. Автор рассматривает основные пути распространения радикального исламизма на основании отчетов исследовательских институтов Франции, а также академических работ французских авторов, изучающих данную тему. Особое внимание уделено исправительным тюремным учреждениям, в которых радикальные исламские и джихадистские идеи получают наибольшее развитие. В связи с этим анализ работы тюремных капелланов приобретает важное значение для понимания особенностей радикализации французских мусульман.

Ключевые слова: ислам, исламизм, радикализация, Франция, мигранты

Для цитирования: Сафонова Н. В. Пути распространения радикального ислама во Франции: взгляд французских исследователей. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 3. С. 61–67. DOI: 10.18254/S268684310028214-3

The paper focuses on the rather pressing topic in France for the last decades — the spread of radical Islamism, in its most dangerous form for society — extremism. The author examines the main ways of spreading radical Islamism on the basis of French research institutes' reports, as well as academic works of French authors studying this topic. Special attention is paid to correctional institutions where radical Islamic and jihadist ideas are most developed. In this regard, the analysis of prison chaplains and their work becomes important for understanding the radicalization features of French Muslims.

Keywords: Islam, Islamism, radicalization, France, migrants

For citation: Safonova Natalia V. The Spread of Radical Islam in Contemporary France: The View of French Researchers. *Oriental Courier.* 2023. No. 3. Pp. 61–67. DOI: 10.18254/S268684310028214-3

Понятия «исламский радикализм» и радикализация прочно вошли в политический и медийный дискурс Франции при Ф. Олланде на фоне террористических атак на почве исламизма. Исследователи считают, что после того, как в 2012 г. француз алжирского происхождения Мохаммед Мера (Mohammed Merah) совершил террористический акт[1], напав на еврейскую школу, инциденты с применением насилия в пригородах с преимущественно мусульманским населением стали носить религиозный характер[2].

С 2012 г. количество исламистских террористических атак начинает расти: в 2012–2014 гг. их число составило пять, а в 2015 г. было зафиксировано уже 17 террористических актов, готовившихся радикальными исламистами. Рост связан в первую очередь с двумя факторами: с участием Франции в военной интервенции в Сирию в целях борьбы с терроризмом и с резким увеличением количества беженцев в страны Европейского союза [Зайцев, 2019, с. 137].

Наряду с внешнеполитическими причинами радикализации мусульман называют и внутренние факторы, такие, как социально-экономическое положение мигрантов и их потомков. Из «наиболее острых социально-экономических проблем во Франции» можно выделить рост числа безработных, затрудненный доступ к высшему образованию и так называемую гетоизацию кварталов, где проживают потомки мигрантов–мусульман [Долгов, 2021, с. 187].

Существует множество различных объяснений популярности идеи радикального ислама у части мусульманской общины Франции, но представляется важным, что французские мусульмане находят свою форму интеграции в общество именно в исламской идентичности, таким образом, предпочитая светской идентичности — религиозную. Исламские практики оказываются важнее республиканских ценностей, а за право их осуществления в общественном пространстве исламистские экстремисты начинают бороться, применяя насильственные методы. Предпочтение террористических способов борьбы происходит в том числе на фоне развития джихадистских идей и отъезда части французских мусульман в Сирию.

1 М. Мера убил раввина, троих детей и трех военнослужащих. Он называл себя членом «Аль-Каиды» [запрещенная в России организация] и после атаки пообещал выложить видеосъемку на *Youtube*, о чем сообщил каналу *France24*, таким образом, намеренно сделав преступление предметом публичного дискурса.

2 Так, беспорядки в 2005 г., вызванные смертью двух подростков-мусульман, были в первую очередь направлены против чиновников, расовой дискриминации, полицейского насилия и системы выборной власти. Подробнее о причинах радикализации и о росте исламского экстремизма см., например: [Сафонова, 2021b].

Исследователи[3], особенно французские исламоведы, уделяют большое внимание не только причинам радикализации французских мусульман[4], но и местам, в которых она происходит. Как правило, выделяют четыре основные локации — мечеть, тюрьму, спортивные клубы и школу.

Известный французский исламовед и политолог Жиль Кепель (Gilles Kepel) назвал тюрьму первым и основным местом радикализации мусульман[5]. Он ведет отсчет с нападений М. Мера, отсидевшего в тюрьмах несколько сроков, после чего несколько раз побывавшего в Афганистане в тренировочном лагере Аль-Каиды. По мнению Кепеля, насильственные методы борьбы, выбираемые исламскими радикалами, лежат в самой концепции джихада, которую активно продвигают экстремисты.

Умеренные мусульманские богословы пытались ограничить насильственный джихад фетвами, постулируя неправомерность убийств мирных жителей и упирая на то, что джихад должен быть в первую очередь «духовным», личным [Kepel, 2003]. Однако победу в пропаганде одержали исламистские боевики, ссылавшиеся в речах о легитимации воинственного джихада на афганский опыт[6].

Проблемам радикализации мусульман в тюрьмах посвящены несколько работ социолога Ф. Хосрохавара (Farhad Khosrokhavar). В книге «Мусульмане Франции и Европы» 2005 г., он пишет, что основная проблема, с которой сталкиваются мусульманские заключенные, — запрет на осуществление в тюрьмах базовых исламских практик, чаще всего мотивированный принципом секуляризма. Именно на секуляризм ссылаются начальники тюрем, объясняя отсутствие в столовых *халяльного* мяса (при этом в столовых часто присутствует кошерное мясо, несмотря на ничтожно малое присутствие в тюрьмах евреев), им же оправдывают незнание особенностей религиозного отправления культа (например, необходимости иметь доступ к воде для омовения), отсутствие или недостаточное количество имамов в местах заключения[7], отсутствие коллективной пятничной молитвы во многих тюрьмах, запрет брать с собой молитвенный коврик для совершения молитв на улице (в некоторых тюрьмах молиться по правилам запрещают даже в камере); и т. д. В женских тюрьмах вновь возникает вопрос ношения хиджаба: помещение тюрьмы рассматривается как общественное пространство, и носить хиджаб в нем запрещено, можно только в камере, что само по себе является абсурдом, ведь женщины должны покрывать голову именно в публичном месте [Khosrokhavar, 2005].

Все перечисленные факторы, а особенно отсутствие необходимого количества имамов, число которых меньше, чем служителей других

3 Проблемы радикализации мусульман и распространения исламского экстремизма во Франции, как и отношение этнических французов к данным процессам активно изучают на основании социологических опросов в Национальном институте статистики и экономических исследований (INSEE), в Институте национальных демографических исследований (INED), в Фонде политических инноваций (Fondation pour l'innovation politique (Fondapol)) и в Институте изучения общественного мнения во Франции и за рубежом (IFOP).

4 См об этом подробнее в: [Сафонова, 2021а].

5 Одной из самых известных работ исследователя на эту тему стала совместная с А. Жарденом монография о генезисе и распространении джихадистских идей во Франции: [Kepel, Jardin, 2017].

6 Кепель также пишет о том, что логика насилия впервые проявилась в суннитском исламистском движении, как ответ на иранскую революцию и на советское вторжение в Афганистан. По этой причине одними из виновных в распространении джихадистских идей выступают США и Саудовская Аравия, поощрявшие ведение джихада против атеистического СССР на территории Афганистана, а также объединение суннитов против политики экспансии шиитского Ирана.

7 Согласно статистическим данным Управления административными службами, в январе 2003 г. насчитывалось 513 священнослужителей католической веры (из них 181 человек были в штате и им официально платили зарплату), 267 протестантских священника (из них 82 человека входили в штат) и 69 мусульманских имамов (из них 30 в штате), также присутствовали 3 православных и 2 буддистских священника [Khosrokhavar, 2005].

культов, несмотря на численное превосходство мусульман в тюрьмах, затрудняет борьбу с радикальным исламизмом. Поскольку задержанные не могут общаться с имамом, они начинают доверять первому встречному мусульманину в тюрьме. Этим часто пользуются радикалы или фундаменталисты, нацеленные на то, чтобы расположить к себе верующих в целях ведомой ими прозелитической деятельности. К тому же подобное отношение к исламу и исповедующим его людям еще раз становится для последних подтверждением, что их религия маргинализирована и отвергаема повсюду во Франции. Поэтому экстремисты успешно используют риторику «отверженности» мусульман от французского общества, пользующуюся успехом у изначально умеренных мусульман, у атеистов и представителей других конфессий.

Таким образом, конструирование идентичности на основе «стигматизирующих» черт видится как ответная мера на исключение и неприятие европейским обществом. По этой причине имеющие французское гражданство молодые люди североафриканского происхождения начинают придерживаться в тюрьме «арабско-мусульманской» идентичности, чтобы отличить себя от других французов.

Безусловно, не только радикальные исламисты, но и простые верующие, хорошо знающие ислам, становятся в такой среде авторитетами среди малограмотных мусульман, к ним обращаются за поддержкой и защитой. К тому же радикальные исламисты, осужденные за джихад, привлекают к себе людей, находящихся в экзистенциальном поиске «смысла». Радикальная и «воинственная» версия ислама привлекает к себе «обиженных обществом» мусульман или выходцев из бедных районов как идеей противостояния обеспеченной части общества, так и идеей борьбы за справедливость (то есть против дискриминации, социальной несправедливости) [Khosrokhavar, 2005]. Тюрьма объединяет таких людей, у них возникает чувство принадлежности к сплоченной группе или «братству» мусульман (единой умме), а джихад становится идеей мести Западу.

Исследование Хосрохавара подтверждает написанная в 2020 г. книга Юго Мишрона и Жиля Кепеля «Французский джихадизм: кварталы, Сирия и тюрьмы» [Micheron, Kepel, 2020], в которой авторы исследовали около 500 джихадистов, находящихся во французских тюрьмах. Они считают, что тюрьма — лучшее место для понимания феномена французских джихадистов, особенно после краха ИГИЛ. Именно там сейчас происходит «переустройство потерпевшего поражения движения». Тот факт, что вербовка новых членов в экстремистское движение успешно проходит в тюрьмах, демонстрируют данные о криминальном прошлом большинства джихадистов. Так, 48% были признаны виновными в каком-либо правонарушении хотя бы раз, на 40% были написаны заявления в полицию, и только 12% не имели судимости [el Karoui, Hodayé, 2021][8].

Говоря о другой важной теме — о влиянии зарубежных салафитских проповедников на имамов в мечетях, на капелланов в тюрьмах, другой французский исследователь (также служащий капелланом) М. Луеслати затрагивает более фундаментальные проблемы организации ислама во Франции [Loueslati, 2015].

По мнению исследователя, регулирование ислама осуществляется по образцу Третьей республики: «мы не хотим конфликтовать с мусульманским миром — “друзьями Франции”, где у нас есть экономические интересы». Это означает, что интересы Министерства иностранных дел ставятся выше Министерства внутренних дел, проводящего законы с оглядкой на внешнеполитическую обстановку: «…мы должны проводить различие между международным геополитическим измерением и внутренним управлением… Нам не нужно просить Марокко

8 Авторы исследования “Les militants du djihad” создали базу данных из 1460 идентифицированных джихадистов, действовавших в 2010–2019 гг. во Франции, Великобритании, Бельгии и Германии, при этом около 700 происходили из Франции (что составляет примерно 30% от общего числа французских джихадистов (2500 человек)).

прислать имамов, мы можем обучать их здесь, во Франции!» [Loueslati, 2015]. Однако, несмотря на то что о необходимости создания собственных кадров говорится уже давно, правительство не может обеспечить разросшуюся мусульманскую общину должным количеством имамов.

Помимо тюрем, важную роль в процессе радикализации играют мечети. О том, что «призрак настоящей радикальной заразы навис над мечетями Франции» [Le spectre … 2015] начали писать еще в 2010-х гг. В 2015 г. отчет Министерства внутренних дел республики сообщил о том, что 41 мечеть их 89 проверенных, находилась под салафитским влиянием. По сведениям из отчета, в стране действует целое салафитское подполье, которое противостоит имамам, выступающим за практику «умеренного ислама» [Islam radical… 2021]. Салафиты действуют по определенной схеме: сначала открывают небольшой молельный зал или маленькую школу поблизости от мечети, затем дискредитируют действующих имамов и привлекают на свою сторону молодых прихожан. Лидеры салафитских групп распространяют идеи о том, что подчиняться законам Республики, а не шариата, — грех и дело «нечестивцев»: необходимо отказаться от гражданской идентичности, чтобы полностью принять мусульманскую. Такая риторика оказывает сильное влияние на молодежь, испытывающую кризис идентичности. Кроме того, включение в подобные радикальные группы схоже с принятием в секту.

К сожалению, как отмечают французские спецслужбы, Французский Совет по делам мусульманского культа[9] недостаточно противодействует радикалам. Существенная проблема состоит в том, что имамы «умеренных» мечетей отказываются обращаться за помощью к властям для борьбы с радикальными ячейками. Некоторые мечети в противовес начинают создавать собственные уставы с правилами членства в них, прописывая порядок голосования за должность имама и прочее. Но эти действия разрозненны и чаще всего неэффективны [Cornevin, 2015].

Тезис о том, что мечети являются важным местом радикализации мусульман, оспаривает известный исламовед Оливье Руа, считающий, что мечеть лишь одно из немногих подобных мест, тогда как основными являются места социализации мусульман, например, спортивные клубы, поскольку рекрутирование чаще всего происходит среди друзей и родственников. Более того, в исследовании «Кто они, новые джихадисты» он отмечает, что большое значение имеет то, что радикалами-исламистами становятся люди, увлеченные философией смерти [Roy, 2017].

Это подтверждается исследованием Института Монтеня, выпустившим книгу «Войны Джихада. Портрет поколения»[10]. По мнению исследователей, онлайн-пропаганда стала самым действенным средством для распространения идеологии, но главная ее роль заключалась в обеспечении возможности подключиться к другим джихадистам для людей, уже стремящихся к джихаду. Поэтому нужно анализировать деятельность вербовщиков, но не с точки зрения «радикализации» или «промывания мозгов», а в контексте самого феномена джихадизма. Из отчета также следует, что 90% исследуемых экстремистов в тот или иной период жизни стали адептами салафитской формы радикального ислама[11], причем только 20% из них радикализовались в тюрьме (однако большинство будущих джихадистов все же через нее прошли) [el Karoui, Hodayé, 2021].

***

Выводы носят тревожный характер: в настоящее время многие осужденные джихадисты продолжают быть приверженцами своих идей и активно их пропагандируют, находясь в ме-

9 Основной представительный орган французских мусульман, созданный по инициативе правительства в 2003 г.

10 Авторы — Хаким аль-Каруи и Бенджамин Ходае, сотрудники Института Монтеня: [el Karoui, Hodayé, 2021].

11 Это подтверждается и другими исследователями, например, О. Руа: «не все салафиты джихадисты, но все джихадисты обычно салафиты» [Roy, 2017].

стах лишения свободы: «большинство тех, кого я интервьюировал в период в 2014–2017 годах, выйдут на свободу до 2022 года. Лишь малая их часть является теоретиками джихада, но именно они станут идеологами джихада будущего», — поясняет Юго Мишрон. Таким образом, несмотря на поражение халифата, исламисты не утратили своего влияния и, потому «джихад — явление долгосрочное» [Эксперт, 2020].

В заключение приведем актуальные и на сегодняшний день выводы из отчета Института Монтеня, авторы которого прописывают два возможных сценария развития событий с «вернувшимися» из ИГИЛ джихадистами и рассматривают их влияние на процесс радикализации французских мусульман. Первый, при котором исламские экстремисты и их новые последователи при выходе из тюрьмы начинают вести борьбу во имя джихада во Франции и в Европе, превращая ее в новый и основной театр действий. Второй, при котором джихадизм приобретает политическую, но столь же опасную форму борьбы, которая будет питать сепаратистские исламистские движения, уже действующие в определенных районах республики [el Karoui, Hodayé, 2021]. Какой бы сценарий ни воплотился в жизнь, очевидно, что в ближайшие десятилетия Франция останется важной мишенью джихадистской идеологии.

Список литературы / References

Долгов Б. В. Исламистский терроризм, политика Запада и исламский фактор в Европе (на примере Франции). *Актуальные проблемы Европы*. 2021. №. 4 (112). С. 173–190. [Dolgov B. V. Islamist terrorism, Western politics and Islamic factor in Europe (the case of France). *Aktual'nye Problemy Evropy*. 2021. No. 4 (112). Pp. 173–190 (in Russian)].

Зайцев А. Я. Противодействие терроризму на примере Французской Республики. *Русская политология*. 2019. №. 3 (12). С. 136–141 [Zaitsev A. Ya. Countering terrorism on the example of the French Republic. *Russkaya Politologiya*. 2019. No. 3 (12). Pp. 136–141 (in Russian)].

Сафонова Н. В. Дискуссии о проблеме радикализации ислама во Франции начала XXI в. *Власть*. 2021a. Том 29. № 5. С. 253–258 [Safonova N. V. Discussions about the problem of radicalization of Islam in France at the beginning of the 21st century. *Vlast'*. 2021a. Vol. 29. No. 5. Pp. 253–258 (in Russian)].

Сафонова Н. В. Проблема исламизма и исламского экстремизма во Франции. *Власть*. 2021b. № 4. С. 290–295 [Safonova N. V. The problem of Islamism and Islamic extremism in France. *Vlast'*. 2021b. No. 4. Pp. 290–295 (in Russian)].

Эксперт: «В тюрьмах сегодня больше французских джихадистов, чем в Сирии и Ираке». *RFI*. 07.01.2020. [Expert: "There are more French jihadists in prisons today than in Syria and Iraq". *RFI*. 07.01.2020]. URL: https://www.rfi.fr/ru/%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F/20200107-hugo-micheron (in Russian) (accessed 06.07.2022).

Cornevin Ch. Poussée radicale dans les mosquées françaises. *Le Figaro*. 20.02.2015. URL: https://www.lefigaro.fr/actualite-france/2015/02/20/01016-20150220ARTFIG00038-poussee-radicale-dans-les-mosquees-francaises.php (accessed 23.08.2023).

el Karoui H., Hodayé B. *Les militants du djihad*. Fayard, 2021. 336 p. URL: https://www.institutmontaigne.org/publications/les-militants-du-djihad (accessed 23.08.2023).

Islam radical: sept structures seront dissoutes «à la fin de l'année». *Le Point*. 26.10.2021. URL: https://www.lepoint.fr/politique/gerald-darmanin-se-felicite-de-la-fermeture-de-la-mosquee-d-allonnes-26-10-2021-2449321_20.php (accessed 11.03.2022).

Kepel G. Les stratégies islamistes de légitimation de la violence. *Raisons politiques*. 2003. Vol. 9. No. 1. Pp. 81–95. URL: https://www.cairn.info/revue-raisons-politiques-2003-1-page-81.htm (accessed 03.02.2023).

Kepel G., Jardin A. *Terreur dans l'Hexagone*. Genèse du djihad français. Paris: Gallimard, 2017. 392 p.

Khosrokhavar F. Les prisonniers musulmans en France. *Musulmans de France et d'Europe*. 2005. 187 p. URL: https://books.openedition.org/editionscnrs/2879 (accessed 23.08.2023).

Le spectre d'une contagion radicale plane sur les mosquées de France. *FDESouche.* 20.06.2015. URL: https://www.fdesouche.com/2015/06/29/le-spectre-dune-contagion-radicale-plane-sur-les-mosquees-de-france/ (accessed 23.08.2023).

Loueslati M. L'islam sans barreaux, entretien réalisé par Xavier Debondride. *Place Publique*, septembre-octobre 2015. URL: http://www.placepublique-rennes.com/media_site/upload/PP37_ENTRETIEN.pdf (accessed 23.08.2023).

Micheron H., Kepel G. *Le jihadisme français: Quartiers, Syrie, prisons.* Paris: Gallimard, 2020. 416 p.

Roy O. Who Are the New Jihadis? *The Guardian.* 13.04.2017. URL: https://www.theguardian.com/news/ 2017/apr/13/who-are-the-new-jihadis (accessed 03.02.2023).

DOI: 10.18254/S268684310028348-0

Эволюция подходов партии «Зеленые / Союз 90» к отношениям Германии и Израиля

Evolution of "Alliance 90 / The Greens" Approaches to German Relations with Israel

© 2023 **Елизавета Александровна Якимова**

кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин Института Востоковедения РАН, Москва, Россия
yaki-elizaveta@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-7609-2261

Elizaveta A. Iakimova

PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation
yaki-elizaveta@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-7609-2261

Статья посвящена анализу трансформации подходов к Израилю среди немецких экологически ориентированных политических сил. В центре внимания — курс партии «Зеленые / Союз 90» с момента ее формирования и по сей день, когда она вошла в кабинет министров Германии под руководством О. Шольца. Дополнительно рассматривается восприятие Израиля предшественниками партии — «зелеными» из ФРГ и ГДР. Целесообразность изучения ближневосточного вектора платформы данной политической силы объясняется тем, что на протяжении своей истории она остается привлекательным партнером при формировании правительственных коалиций, выбирая для себя портфель министра иностранных дел. Более того, немецкие «Зеленые» представлены в Европейском парламенте, что дает им возможность участвовать в принятии решений на наднациональном уровне. В исследовании проанализирована специфика политического представительства экологически ориентированных партий в Германии и Израиле; ретроспектива восприятия ближневосточного государства немецкой партией с особым акцентом на курсе, предложенном Й. Фишером; современная политическая программа альянса «Зеленые / Союз 90», с которой он баллотировался на последних федеральных выборах, и деятельность его члена А. Бер-

бок на посту главы МИД ФРГ. Автор приходит к выводу, что немецкие «Зеленые» согласны с необходимостью придерживаться исторических основ двусторонних отношений, имея разные подходы с правительством Израиля к урегулированию ближневосточного конфликта. Вместе с тем, под воздействием позиции старших коалиционных партнеров, актуальных международных событий и необходимости укрепления собственных позиций внутри страны, партия способна смягчать свою риторику.

Ключевые слова: «Зеленые / Союз 90», Израиль, Германия, коалиционное правительство, мирный процесс

Для цитирования: Якимова Е. А. Эволюция подходов партии «Зеленые / Союз 90» к отношениям Германии и Израиля. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2023. № 3. С. 68–76. DOI 10.18254/S268684310028348-0

The article analyzes the transformation of approaches towards Israel among the German environmentally-conscious parties. The author focuses on the course of the "Alliance 90 / The Greens" from its formation to the present, when the party has become a part of the government. Additional attention is paid to the perception of Israel by its predecessors — the "greens" from the FRG and the GDR. The feasibility of studying the Middle East vector of activity of this political force is explained by the fact that throughout the history it has remained an attractive partner in the formation of government coalitions, choosing the portfolio of foreign minister. Moreover, the German "Greens" are also represented in the European Parliament, having an opportunity to participate in decision-making process at the supranational level. The article considers the specifics environmentally-conscious parties in Germany and Israel, retrospective of perception of the State of Israel by the party, the current political platform of the "Alliance 90 / The Greens" and the activity of its member A. Baerbock as German Foreign Minister. The author concludes that the German "Greens" agree with the need to adhere to the historical principles of bilateral relations, having different approaches with the Israeli government to the Middle East conflict resolution. At the same time, under the influence of the position of senior coalition partners, topical international issues and the need to strengthen its own positions within the country, the party is able to soften its rhetoric.

Keywords: "Alliance 90 / The Greens", Israel, Germany, coalition government, peace process

For citation: Iakimova Elizaveta A. Evolution of "Alliance 90 / The Greens" Approaches to German Relations with Israel. *Oriental Courier*. 2023. No. 3. Pp. 68–76. DOI 10.18254/S268684310028348-0

Партия «Зеленые / Союз 90» и ее предшественники являются активными участниками политической жизни ФРГ с начала 1980-х гг. Также за последние годы партия стала востребованным партнером при формировании правительств на федеральном и земельном уровнях. Доказательством этому могут служить красно-зеленая коалиция Г. Шредера 1998–2005 гг., черно-желто-зеленая «коалиция Ямайка», существовавшая, например, в Сааре с 2009 по 2012 г., а также «коалиция светофор» под руководством О. Шольца, пришедшая к власти в декабре 2021 г. Таким образом «Зеленые» продемонстрировали готовность к сотрудничеству не только с идеологически близкими социал-демократами (СДПГ, «красные»), но и правоцентристами — Христианско-демократическим союзом (ХДС, «черные») или Свободной демократической партией (СвДП, «желтые»). В дополнение к этому, по итогам выборов в Европейский парламент, состоявшихся в мае 2019 г., немецкие «Зеленые» стали вторыми в ФРГ, что свидетельствует об упрочении их позиций на наднациональном уровне, давая возможность влиять на общеевропейский внешнеполитический курс.

Возросший авторитет экологической партии во внутренней жизни Федеративной Республики в сочетании с представительством в институтах ЕС повышает важность поддержания контактов с данной политической силой для Израиля. Кроме того, взаимодействие с ней в составе правительства ФРГ считается в ближневосточном государстве более предпочтительным вариантом в сравнении с иными возможными сценариями, среди которых риски усиления ультраправых в лице партии «Альтернатива для Германии» (АДГ). Указанное обстоятельство связано преимущественно с позицией ряда представителей партии относительно места Холокоста в истории страны, в то время как «Зеленые» не считаются склонными к пересмотру основ политики памяти.

Вместе с тем существует ряд серьезных барьеров для наращивания взаимодействия. Наиболее очевидный из них — расхождение во взглядах на Ближневосточный мирный процесс. Впрочем, как кажется, проблема в действительности имеет более глубокие корни и состоит в идеологическом несовпадении немецких «Зеленых» и правительств Израиля, где правые партии доминируют последние несколько десятилетий [Эпштейн, 2011, с. 169]. Кроме того, отрицательную роль играет отсутствие с израильской стороны собственного развитого политического представительства экологически ориентированных партий даже в рядах парламентской оппозиции [25th Knesset].

Целью настоящей работы является выявление специфики подходов альянса «Зеленые / Союз 90» (сокращенно «Зеленые») к Израилю и связанной с ним региональной проблематике. В фокусе исследования — исторические особенности контактов, программа партии, имеющая прямое или косвенное отношение к израильским интересам, а также перспективы развития межгосударственного взаимодействия с учетом возможных трансформаций как в израильском, так и в немецком правительстве, что в будущем способно отразиться на особом характере сотрудничества двух стран.

Становление экоориентированных партий в Германии и Израиле

«Зеленая» партия была зарегистрирована в Западной Германии в январе 1980 г., став политическим продолжением общественных антиядерных и экологических движений, получивших распространение в ФРГ в конце 1970-х гг. [Grüne Geschichte] Толчком к их появлению послужили нефтяные кризисы 1973 и 1979 гг., побудившие немецкое правительство к разработке планов строительства сразу нескольких АЭС [Grüne Geschichte]. Популярность проблематики, касающейся окружающей среды, подкреплялась локальными проблемами, такими как загрязнение Северного моря [Mayer, Ely, 1998, p. 33].

Первая попытка активного включения в политический процесс была предпринята немецкими экологами еще до регистрации партии на федеральном уровне. За год до этого группа «Зеленых», представляющая ФРГ, приняла участие в выборах в Европейский парламент 1979 г., не преодолев электоральный барьер [Bukow, 2016]. В 1983 г. «Зеленые» избрались в Бундестаг, где заседали в течение последующих семи лет, а в 1985 г. в Гессене впервые вошли в состав земельного правительства.

В 1990 г. западногерманские «Зеленые» проиграли федеральные выборы, что стало следствием их внутренних разногласий и неактуальной партийной программы, игнорировавшей вопрос объединения ГДР и ФРГ [Bukow, 2016]. Тогда на политическую арену вышли их коллеги из бывшей Восточной Германии, ранее основавшие собственную экологическую партию. В результате, в первом парламенте объединенной страны «Зеленые» были представлены депутатами от восточных регионов. В 1993 г. произошло окончательное слияние с еще одним восточногерманским блоком — «Союзом 90», включавшим представителей различных общественных движений, в большей степени ориентированных на социально-экономическую, а

не экологическую повестку. Так завершилось формирование современной партии «Зеленых» в Германии.

В Израиле аналогичный процесс проходил несколько иначе, в том числе потому, что экоактивизм не в полной мере вписывается в сионистскую идеологию, на которой базируется данное государство. В практическом плане политическое и экономическое развитие страны всегда было ориентировано на достижение прогресса, независимо от его последствий для окружающей среды. Однако в философском смысле сионисты стремились проявлять уважение к земле и ее ресурсам, в том числе, принимая во внимание их ограниченность [Tal, 2002, p. 16].

На практике предпринималось несколько попыток политической консолидации израильских экоактивистов. «Партия зеленых» была создана в 1997 г. [Greens, 2023]. Поводом для ее учреждения послужило обрушение моста через реку Яркон во время церемонии открытия 15-х международных спортивных соревнований «Маккабиада» [Greens, 2023]. Катастрофа выявила не только нарушения при строительстве переправы, но и загрязнение вод, от которого скончались три участника игр. Помимо вопросов, касающихся окружающей среды, «Зеленые» отстаивали принципы ненасилия и критиковали излишнюю сосредоточенность властей на проблемах безопасности [On the Greens, 2023]. Партия успела зарекомендовать себя на муниципальном уровне. В 1998 г. ее представители вошли в городской совет Тель-Авива, в 2003 — в местные органы власти в 14 муниципалитетах, в 2008 — в 22 [On the Greens, 2023]. С 1999 г. ею предпринимались попытки пройти в Кнессет.

Самостоятельно экологические партии Израиля ни разу не преодолевали электоральный барьер, что могло объясняться отсутствием консолидации среди политиков, продвигающих вопросы защиты окружающей среды. Так, в 2008 г. был зарегистрирован еще один список под названием «Зеленое движение», который пытался добиться избрания в парламент через альянсы с более крупными общеизраильскими политическими силами — «Меймад», «Ха-Тнуа», «Демократический лагерь» [Orenstein, Silverman, 2012, p. 377–379]. Данная стратегия оказалась более успешной, депутат Я. Коэн Паран представляла «Зеленое движение» в парламенте в 2015–2019 гг., С. Шапир — в 2019 г.

Таким образом, становление «зеленых» политических сил в Израиле и Германии проходило в целом параллельно и в значительной степени оказалось ответом на актуальные экологические вызовы. Вместе с тем, в отличие от коллег из Германии, израильские «зеленые» политики не сумели добиться долгосрочного представительства в органах государственной власти ни через консолидацию в рамках своего политического лагеря, ни посредством вхождения в крупные блоки, что сделало их влияние на жизнь страны крайне незначительным. Кроме того, существенное отличие «зеленых» Израиля и ФРГ состоит в том, что первые не предпринимали попыток обращения к международной проблематике, даже выходя за рамки экологии, они делали акцент лишь на безопасности.

Ретроспектива отношений

В середине 1980-х гг. представители западногерманских «Зеленых» предпринимали попытки установления связей с Израилем по линии межпарламентских контактов. Однако подобная практика вызывала недовольство принимающей стороны в силу отказа немецких политиков от встреч с официальными лицами, которым они предпочитали оппозицию или неправительственные организации левого толка. Самым серьезным обвинением в адрес «Зеленых» стало подозрение в контактах с палестинскими боевиками. В 1984 г. Израиль отказал во въезде «зеленому» депутату Европарламента Б. Хайнрих, которую сочли связанной с террористической ячейкой из ФРГ, проходившей подготовку на палестинских территориях [Markham, 1984]. На завершающем этапе существования ГДР делались политические шаги для формирования собственных контактов с Израилем, однако

представители общественных движений, образовавших в итоге восточногерманские партии «Зеленых» или «Союз 90» в них замечены не были [Якимова, 2020, с. 33–36].

Не способствовала сближению и тогдашняя риторика «Зеленых». В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в рядах партии распространился тезис о необходимости создать на Ближнем Востоке демилитаризованную зону. Это предусматривало запрет на поставки в регион любых вооружений, что в Израиле вызывало опасения с точки зрения поддержания боеспособности страны. Также в немецкой партии шли дебаты относительно того, какую из сторон конфликта стоит поддерживать: группа большинства выступала за необходимость отстаивания палестинских прав, в то время как меньшинство предлагало ориентироваться на первостепенный учет израильских интересов [Humphreys, 2004, p. 410–411]. При этом попыток стимулировать пересмотр исторических основ германо-израильских отношений среди «Зеленых» на начальном этапе их политической активности не предпринималось.

В 1998 г. представитель партии Й. Фишер занял пост министра иностранных дел в правительстве Г. Шредера. Он продолжил поддержку базовых принципов двустороннего сотрудничества, среди которых особая историческая ответственность Германии перед еврейским народом и вытекающая из этого приверженность обеспечению безопасности Израиля. Кроме того, по собственным утверждениям политика, заметное воздействие на формирование его взглядов оказала израильская операция по освобождению заложников захваченного самолета «Air France» в Энтеббе в 1976 г. В числе террористов были два члена немецкой леворадикальной организации «Революционные ячейки», которые отобрали из пассажиров израильтян и тех, кого посчитали евреями, отпустив остальных. Данный факт, по мнению Й. Фишера, свидетельствовал об «имитации языка и действий нацистов» [Humphreys, 2004, p. 413]. Еще одним событием, оставившим отпечаток на взглядах политика, стал теракт у дискотеки «Дольфи» в Тель-Авиве в 2001 г. После взрыва, унесшего жизни 21 человека, он принял решение на переговорах с Я. Арафатом прилагать больше усилий для сдерживания насилия, а также взял с тогдашнего главы правительства Израиля А. Шарона обещание воздержаться от ответных акций возмездия [Humphreys, 2004, p. 413].

В области Ближневосточного урегулирования курс правительства Г. Шредера, выстроенный «Зелеными», базировался на принципе «двух государств для двух народов». Й. Фишер полагал, что Германии не следует выдвигать собственные мирные инициативы, а вместо этого сосредоточиться на работе через ЕС и поддержке американской дипломатии. Он также указывал на значимость экономических инструментов сближения, таких как создание зоны свободной торговли [Chronological Review, 2004], призванной помочь формированию атмосферы взаимного доверия, способствующей будущему политическому соглашению.

Комментируя ситуацию в зоне противостояния, министр иностранных дел старался избегать критики только одной из сторон, стремясь тем самым проявлять сбалансированность [Humphreys, 2004, p. 416]. Более того, на протяжении срока своих полномочий Й. Фишер демонстрировал смягчение риторики в адрес Израиля. Если в 2003 г. глава федерального внешнеполитического ведомства подчеркивал, что строительство так называемой «стены безопасности» на границе Израиля и сектора Газа не приведет к повышению защищенности территорий страны [German Foreign Minister… 2003], то уже в следующем году политик настаивал лишь на том, чтобы барьер возводился вдоль международно признанных границ [Musharbash, 2004].

После ухода в оппозицию альянс «Зеленые / Союз 90» в целом снизил внимание к внешнеполитической проблематике. Это было связано с ограниченным представительством в Бундестаге и необходимостью сконцентрироваться на внутренней повестке для повышения популярности среди электората. В отношении Ближневосточного урегулирования после Й. Фишера «Зеле-

ные» вновь вернулись к более критическому восприятию Израиля. Особенно сложной ситуация стала в 2013 г., когда представители партии начали отстаивать в Бундестаге необходимость особой маркировки товаров, произведенных в поселениях. Такой подход спровоцировал возражения не только со стороны израильских официальных лиц, но и других парламентских фракций в ФРГ. Последние усмотрели в инициативе признаки «нацистской практики» [Weinthal, 2013].

Приведенные факты позволяют утверждать, что «Зеленые» в 1990-е гг. сумели совершить заметную трансформацию своей линии в отношении Израиля в сторону смягчения, отступив тем самым от классических взглядов на Ближневосточный конфликт, свойственных представителям европейского левого политического лагеря, к которому принадлежали. Можно предположить, что причиной для подобных изменений послужило влияние старшего коалиционного партнера — СДПГ, отстаивавшей принципы особых отношений с Израилем. В дальнейшем возвращение к критической линии в адрес государства-партнера могло оказаться следствием ухода в оппозицию, где «Зеленые» начали консолидировать свои усилия с «Левой» партией.

Израиль в актуальной программе альянса «Зеленые / Союз 90»

Программа, с которой «Зеленые / Союз 90» баллотировались на последних федеральных выборах 2021 г. содержит несколько упоминаний об Израиле. Прежде всего, партия, заявляя о приверженности борьбе с антисемитизмом, считает важным пресекать враждебную риторику, связанную с ближневосточной страной [Deutschland. Alles ist drin, 2021]. В данном тезисе заметно влияние Международного альянса в память о Холокосте, предложившего «рабочее определение» антисемитизма, включающее признание таковым критику евреев за действия Израиля [What is antisemitism, 2023].

В региональной повестке блока «Зеленые / Союз 90» заметно наследие Й. Фишера. Во-первых, партия по-прежнему призывает к мирному урегулированию на базе принципа «двух государств для двух народов», признавая как особые обязательства перед Израилем, так и необходимость сдерживания палестинского терроризма [Deutschland. Alles ist drin, 2021]. Во-вторых, в ее программе заметен учет вспомогательных инструментов поддержки политического урегулирования. Комментируя нормализацию отношений между Израилем и умеренными региональными режимами, альянс считает важным предоставить шанс палестинцам извлекать выгоду из новой реальности, характеризующейся расширением экономических возможностей [Bütikofer, 2020]. В духе национальной политики Израиля, «Зеленые» признают его еврейский характер с оговоркой об обязательной защите этнических и религиозных меньшинств [Deutschland. Alles ist drin, 2021], что, однако, не исключает продолжения критики поселенческой активности как основного препятствия к достижению мира.

В дополнение к этому можно отметить определенное совпадение взглядов Израиля и альянса «Зеленые / Союз 90» при обращении к иранской проблематике. Так, немецкая партия считает возможным на основании нарушения прав человека в ИРИ в масштабах Евросоюза накладывать индивидуальные санкции на официальных лиц [Grüne fordern Bundesregierung, 2020]. Подход израильского правительства, в свою очередь, заключается в оказании давления на иранский режим с тем, чтобы добиться его смены, которая в будущем способна привести к пересмотру межгосударственных отношений в лучшую сторону. Вместе с тем израильские власти рассматривают меры, продвигаемые «Зелеными», как недостаточные и ограниченные во времени, поскольку смягчение Тегераном внутренней политики приводит и к ослаблению западного давления [Sabti, 2022]. Кроме того, «Зеленые» не поддерживают выход США из «ядерной сделки», в то время как в израиль-

ское правительство видит в отказе от исполнения данного соглашения способ расшатывания иранской внутриполитической обстановки.

В целом партийная платформа альянса «Зеленые / Союз 90» на выборах 2021 г. содержала преимущественно умеренную критику в отношении Израиля, демонстрирующую опору на наследие Й. Фишера. Это позволило им войти в правительство О. Шольца, закрепив в коалиционном соглашении такие базовые принципы немецкой политики, как особый учет израильских интересов в области безопасности, борьба с антисемитизмом и урегулирование палестино-израильского конфликта. При этом партии удалось привнести в документ и ряд принципиальных для себя пунктов, таких как осуждение израильского поселенчества и иранских нарушений прав человека, дающих основание для наложения рестрикций [Koalitionsvertrag, 2021].

Политика МИД ФРГ в отношении Израиля при А. Бербок

Пост министра иностранных дел в правительстве О. Шольца получила представительница «Зеленых» А. Бербок. Ввиду критической позиции партии применительно к израильскому поселенчеству, в ближневосточной стране с настороженностью восприняли перестановки во властных кругах ФРГ. Впрочем, уже первые шаги главы внешнеполитического ведомства привели к снятию части опасений. В январе 2022 г. Израиль и Германия вынесли на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН резолюцию с призывом принять рабочее определение антисемитизма Международного альянса в память о Холокосте, а в феврале того же года, впервые посещая Иерусалим в новой должности, А. Бербок в качестве первой остановки выбрала мемориал Катастрофы «Яд ва-Шем» [Жидкова, 2022].

Продолжая сохранять преемственность с региональным курсом Й. Фишера, во время той же поездки «зеленый» министр заявила о готовности активизировать миротворческие усилия, в рамках которых один из акцентов был сделан на потенциале экономического и энергетического сотрудничества в регионе с привлечением Израиля и Египта [Жидкова, 2022]. Впрочем, есть основания полагать, что в данном случае МИД руководствовался не только важностью завершения противостояния, но и задачей координации работы со смежным ведомством — министерством экономики и климатической политики. После формирования «коалиции светофор» его возглавил член альянса «Зеленые / Союз 90» Р. Хабек, оказавшийся перед необходимостью диверсификации поставок энергоресурсов в Европу.

На начальном этапе пребывания А. Бербок на посту министра расхождения во взглядах с израильским правительством под руководством ротационных премьер-министров Н. Беннета и Я. Лапида наблюдались на иранском направлении, где ФРГ отстаивала тезис о критической значимости возобновления СВПД по иранской ядерной программе [Жидкова, 2022]. Несмотря на продолжающуюся критику Берлина относительно еврейских поселений на спорных территориях как одного из основных препятствий для завершения ближневосточного конфликта, серьезных разногласий в германо-израильском сотрудничестве данный факт не вызвал. Связано это было с тем, что на тот момент расширение существующих или строительство новых анклавов и форпостов, способных помешать мирному процессу, не планировалось, что Я. Лапид подтвердил на совместной пресс-конференции с А. Бербок в феврале 2022 г. [Lazaroff, 2022].

Ситуация существенно изменилась после выборов в Кнессет 25-го созыва в ноябре 2022 г., завершившихся победой партии «Ликуд» во главе с Б. Нетаньяху. Усугубило обстановку включение в новую правительственную коалицию крайне правых партий «Оцма Ехудит» и «ха-Цийонут ха-Датит», а также планы по проведению масштабных внутренних преобразований, которые стали восприниматься в Европе как угроза демократии. В феврале 2023 г. на встрече с новым министром иностранных дел

Израиля Э. Коэном А. Бербок раскритиковала проект судебной реформы по причине его возможного негативного влияния вплоть до разрушения системы разделения властей, а также не поддержала законопроект, предусматривающий смертную казнь для лиц, обвиненных в терроризме. При этом немецкий политик подчеркнула, что указанные преобразования помешают партнерам страны поддерживать ее в международных организациях [Жидкова, 2023]. В дополнение к этому МИД ФРГ под руководством «Зеленых» заморозил межправительственные консультации с кабинетом министров Б. Нетаньяху и попытался ограничить контакты своих коалиционных партнеров со страной. Так, в феврале 2023 г. внешнеполитическое ведомство не рекомендовало министру юстиции Германии М. Бушману посещение Израиля из опасений, что он может провести нежелательные переговоры со своим тамошним коллегой Я. Левиным. В итоге поездка все же состоялась, но лишь потому, что ее официальной целью было открытие выставки «Федеральное министерство юстиции в тени нацистского прошлого», срыв которого продемонстрировал бы отказ от исторических основ сотрудничества [Жидкова, 2023].

***

Таким образом, за время своего существования альянс «Зеленые / Союз 90» прошел путь от радикально левого восприятия Израиля и его региональной политики к умеренной критике, позволяющей взаимодействовать с данным государством на официальном уровне. Наибольшая сдержанность партии характерна на этапах вхождения в состав правительственных коалиций, где она оказывалась под влиянием старшего партнера — СДПГ. Радикализация, наоборот, заметна в периоды становления партийной линии после объединения политических сил из ГДР и ФРГ, а также в годы нахождения в парламентской оппозиции, где «Зеленые» координировали свои шаги с «Левой» партией. Одним из наиболее существенных препятствий для выстраивания более конструктивных контактов остается заметная разница партийно-политических систем двух государств, приводящая к тому, что немецкие «Зеленые» не имеют в ближневосточной стране влиятельных партнеров в парламентских кругах. Проблема усугубилась после прихода к власти в Израиле правого правительства Б. Нетаньяху, что привело к переориентации альянса «Зеленые / Союз 90» с возражений по поводу поселенческой активности страны на недовольство ее преобразованиями в законодательной сфере, что Израиль способен трактовать как вмешательство в свои внутренние дела.

Список литературы / References

Жидкова Л. Ю. О разработке новой стратегии МИД ФРГ в отношении Израиля и ее возможных последствиях для двусторонних отношений. *Институт Ближнего Востока*. 08.03.2023. [Zhidkova L. Yu. On the development of a new strategy of the German Foreign Ministry towards Israel and its possible consequences for the bilateral relations. *IIMES*. 08.03.2023 (in Russian)]. URL: http://www.iimes.ru/?p=95690 (accessed 22.05.2023).

Жидкова Л. Ю. Первый визит нового главы МИД Германии в Израиль. *Институт Ближнего Востока*. 12.02.2022. [Zhidkova L. Yu. The first visit of the new German Foreign Minister to Israel. *IIMES*. 12.02.2022 (in Russian)]. URL: http://www.iimes.ru/?p=83402 (accessed 22.05.2023).

Эпштейн А. Д. *Генезис и закат «левого» Израиля.* М.: Институт Ближнего Востока, 2011. 380 с. [Epstein A. D. *The Genesis and Fall of "Leftist" Israel.* Moscow: IIMES, 2011. 380 p. (in Russian)].

Якимова Е. А. *Векторы взаимодействия Израиля и Германии в контексте международных отношений.* М.: Институт Ближнего Востока, 2020. 340 с. [Iakimova E. A. *Vectors of Interaction between Israel and Germany in the Context of International Relations.* Moscow: IIMES, 2020. 340 p. (in Russian)].

Bukow S. *The Green Party in Germany. Green Parties in Europe.* Eds. E. von Haute. London: Routledge, 2016. Pp. 112–139.

Bütikofer R. Plenarwoche in Brüssel: Rede zu den Abraham Abkommen. *Reinhard Bütikofer.* 24.11.2020. URL: https://reinhardbuetikofer.eu/2020/11/24/plenarwoche-in-bruessel-meine-rede-zu-den-abraham-abkommen-plenary-session-speech-on-implications-of-the-abraham-accords/ (accessed 22.05.2023).

Chronological Review of Events Relating to the Question of Palestine. Monthly media monitoring review. *United Nations Organization*. February 2004. URL: https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-193547/ (accessed 22.05.2023).

Deutschland. Alles ist drin. Bundestagswahlprogramm 2021. *Bündnis 90/Die Grünen*. URL: https://cms.gruene.de/uploads/documents/Wahlprogramm-DIE-GRUENEN-Bundestagswahl-2021_barrierefrei.pdf (accessed 22.05.2023).

German Foreign Minister Slams Israel for Building Fence. *Haaretz*. 18.12.2003. URL: https://www.haaretz.com/2003-12-18/ty-article/german-foreign-minister-slams-israel-for-building-fence/0000017f-e3bf-d9aa-afff-fbff78b30000 (accessed 22.05.2023).

Greens. *Israel Democracy Institute.* URL: https://en.idi.org.il/israeli-elections-and-parties/parties/greens/ (accessed 22.05.2023).

Grüne Geschichte. *Bündnis 90/Die Grünen*. URL: https://www.gruene.de/unsere-gruene-geschichte (accessed 22.05.2023).

Grüne fordern Bundesregierung zu mehr Konsequenz gegenüber dem Iran auf. *Deutscher Bundestag*. 29.09.2020. URL: https://www.bundestag.de/presse/hib/795280-795280 (accessed 22.05.2023).

Humphreys A. Die Grünen and the Israeli-Palestinian Conflict. *Australian Journal of Politics and History.* 2004. Vol. 50. No. 3. Pp. 407–419.

Koalitionsvertrag zwischen SPD, Bündnis 90/Die Grünen und FDP. *Bundesregierung*. 2021. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/koalitionsvertrag-2021-1990800 (accessed 22.05.2023).

Lazaroff T. Israel won't build settlements that'll prevent two-states — Lapid. *Jerusalem Post*. 10.02.2022. URL: https://www.jpost.com/israel-news/article-696111 (accessed 22.05.2023).

Markham J. M. Israel Bars a Member of German Green Party. *The New York Times*. 18.12.1984. URL: https://www.nytimes.com/1984/12/18/world/israel-bars-a-member-of-german-green-party.html (accessed 22.05.2023).

Mayer M., Ely J. *The German Greens: Paradox Between Movement and Party.* Philadelphia: Temple University Press, 1998. 344 p.

Musharbash Y. Kureis Charmeoffensive. *Spiegel*. 16.02.2004. URL: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/berlin-besuch-kureis-charmeoffensive-a-286643.html (accessed 22.05.2023).

On the Greens. Green-Party. URL: http://www.green-party.co.il/news/more/english (accessed 22.05.2023).

Orenstein D. E., Silverman E. *The Future of the Israeli Enviromental Movement: Is a Major Paradigm Shift Under Way? Between Ruin and Restoration: An Environmental History of Israel.* Pittsburg: University of Pittsburgh Press, 2012. Pp. 357–382.

Sabti B. The 2022 protests in Iran. *The Jerusalem Institute for Strategy and Security.* 10.11.2022. URL: https://jiss.org.il/en/sabti-the-2022-protests-in-iran/ (accessed 04.10.2023).

Tal A. *Pollution in a Promised Land: An Environmental History of Israel.* Berkeley: University of California Press, 2002. 564 p.

Weinthal B. Politicians slam German Greens for 'Israel boycott'. *Jerusalem Post*. 26.05.2013. URL: https://www.jpost.com/diplomacy-and-politics/politicians-slam-german-greens-for-israel-boycott-314363 (accessed 22.05.2023).

What is antisemitism? *International Holocaust Remembrance Alliance*. URL: https://www.holocaustremembrance.com/resources/working-definitions-charters/working-definition-antisemitism (accessed 22.05.2023).

25th Knesset. *Knesset.gov.il.* URL: https://main.knesset.gov.il/EN/About/History/Pages/KnessetHistory.aspx?kns=25 (accessed 03.10.2023).

DOI: 10.18254/S268684310028129-9

«Благое пространство», зиккурат, купол: предварительные заметки

“An Auspicious Space”, a Ziggurat, the Dome: Preliminary Notes

© 2023 **Эскандер Муслимович Байтенов**

доктор архитектуры РФ и РК, ассоциированный профессор-исследователь, Международная образовательная корпорация Казахская головная архитектурно-строительная академия, почетный архитектор Казахстана
Алматы, Казахстан
e-mail: bajte@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-0509-8396

Eskander M. Baitenov

Doctor of Architecture (Russian Federation and Kazakhstan), associated professor-researcher, International Educational Corporation, Kazakh Leading Academy of Architecture and Civil Engineering (KazLAACE), Honorary architect of Kazakhstan
Almaty, Kazakhstan
e-mail: bajte@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-0509-8396

Идея огороженного от внешнего хаоса пространства, весьма актуальная для климатических условий Месопотамии, очевидно, была воплощена как в постройках (загоны для скота, обнесенные стеной поселения, храмы), так и в духовной сфере. В мифах об Эдеме и ковчеге прослеживаются некоторые соответствия со структурой ближневосточных ранненеолитических храмов (но без взаимной зависимости между ними в виде «обозначаемого» и «обозначающего»). Обе линии процесса формообразования — и в архитектуре, и в мифе, развивались по одному и тому же универсальному сценарию последовательного освоения пространственных архетипов: от «фигуры на плоскости» (в архитектуре — ранненеолитический храм, в мифе — Эдем) до «пирамиды»

(в архитектуре — зиккурат, в мифе — ковчег на вершине горы). Истоки идеи ковчега, вмещающего людей и большое количество животных, видятся не в гигантском судне, а в древних искусственных островах (соответствуют стадии «фигура на плоскости»), очевидно, создававшихся шумерами в дельте рек Тигра и Евфрата.

Ключевые слова: Эдем, ковчег, пространственный архетип, миф, ранненеолитический храм, Т-стела, зиккурат, Атрахасис, Утнапишти

Для цитирования: Байтенов Э. М. «Благое пространство», зиккурат, купол: предварительные заметки. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 3. С. 77–85. DOI: 10.18254/S268684310028129-9

The idea of separation of the space from the so-called environmental chaos, which is quite topical for the regional climate of Mesopotamia, was established by both the material activities (cattle pens, fences settlements, temples) and spiritual spheres. Considering the myths on the Eden and Ark one can point out some structural correlations with the Middle East temples of the early Neolithic period (but without their mutual interdependence in the form of the "determining" and "determined"). Both directions of the process of form-development — in the architecture and myth evaluated in line with the same scenario. They were performed by the progressive adoption of the spatial archetypes: from the "figure on the plane" (in architecture, it is the temple of the early Neolithic period and the Eden — in the myth) and up to the "pyramid" (in architecture, it is ziggurat and the Ark on the top the mount — in the myth). The roots of the idea of the Ark, which contains huge amount of people and animals, we can suggest derives not from the gigantic ship but from the ancient Sumerians' activity that created artificial islands (correlated with the stage of the "figure on the plane" of the form-development) in the valleys of the Tigris and Euphrates rivers.

Keywords: Eden, Ark, spatial archetypes, myth, temple of the early Neolithic period, T-stele, ziggurat, Atrakhases, Utnapishty

For citation: Baitenov Eskander M. "An Auspicious Space", a Ziggurat, the Dome: Preliminary Notes. *Oriental Courier*. 2023. No. 3. Pp. 77–85. DOI: 10.18254/S268684310028129-9

Протохрам «Гёбекли тепе» и ранненеолитические храмы типа Невали Чори (Юго-Восточная Турция, ранний докерамический неолит) [Шмидт, 2011; Корниенко, 2006] возведены в дописьменный период[1], поэтому неизвестны достоверные сведения о верованиях, связанных с ними. Впрочем, в «базовых» мифах об Эдеме и ковчеге, в котором во время Всемирного потопа спасаются люди, прослеживаются некоторые соответствия со структурой означенных храмов. Последнее обстоятельство способно помочь проникнуться атмосферой, в которой они возникли и попытаться представить в каком направлении происходило их дальнейшее развитие в контексте ближневосточной культуры.

Образ огороженного от внешнего хаоса пространства, весьма актуальный для климатических условий Месопотамии (засухи, пыльные бури, наводнения) очевидно должен был постоянно воплощаться на самых различных уровнях бытия (загоны для скота, обнесенные стеной поселения, огороженные сады и поля, культово-мемориальные постройки и т. д.), а также дублироваться в духовной культуре. Такими проявлениями «благого» пространства являются Эдем и ковчег.

Идея Эдема могла зародиться из противопоставления освоенного, благоприятного для жизни пространства враждебному окружению. В шумерском мифе об Энки и Нинхурсаг (EN),

1 Автор признателен Т. В. Корниенко за возможность обсуждения темы и предоставление труднодоступной литературы.

в котором Самюэл Крамер видел истоки ветхозаветного Эдема [Крамер, 1991, с. 149–155], особую ценность представляла «сладкая» (пресная) вода и выращенные с ее помощью съедобные растения, а также фрукты и овощи. Все это отражало месопотамские неолитические реалии, где в долинах великих рек необходимо было обустраивать орошаемые участки с окультуренными растениями, защищая их от периодически случавшихся разливов, потравы животными и особенно от летних засух, вызывавших разрушительные песчаные бури [Carolin et al, 2019]. Наиболее продолжительные из них, возможно, даже уничтожили процветавшую Аккадскую империю [Carolin et al, 2019, p. 70].

В поэме «Жалобы Ибби-Суэна», написанной от лица последнего шумерского царя [Белицкий, 1980, с. 183–185], государство которого на протяжении двух десятков лет подвергалось разрушению, все его беды описываются через мрачные образы климатической катастрофы — «безумный вихрь и ураган могучий» с чередой губительных последствий.

Другим архетипическим «отпечатком» пространства, противостоящего внешнему хаосу, является ковчег — миф о потопе был распространен не только на Ближнем Востоке, но и гораздо шире [Фрезер, 1989, с. 167–182]. Бушующие волны и изливающийся с небес ливень обусловили форму знаменитого ветхозаветного ковчега, представлявшего собой нечто похожее на корабль, внутри которого находились Ной, его жена с их сыновьями и женами, животными и т. д. Примечательно, что в более древнем аккадском мифе, в тех же условиях мощной бури, ковчег Утнапишти (прототип Ноя) тем не менее имел форму, далекую от аэродинамической — форму куба. Несмотря на это, «аккадский» ковчег Утнапишти, подобно ветхозаветному, благополучно выдерживает шторм и причаливает на вершину горы Низир. Утнапишти находится в нем с семьей, ремесленниками и «божьими тварями», вплоть до насекомых. В обоих случаях, ковчег представлял собой «огороженное» пространство, защищенное тем самым от агрессивной внешней среды, как и другие его версии — продолговатый ковчег Ксисутра (Ксисутр — строитель ковчега, сведения о нем сообщает Беросс, вавилонский жрец III в. до н. э. [Финкель, 2016, с. 213–215]) и, скорее всего круглый в плане — Атрахасиса (Атрахасис — вавилонский строитель Ковчега [*Мифы народов мира*, т. 1, с. 123]).

Ирвинг Финкель приводит руководство по строительству ковчега Атрахасиса на вновь найденной клинописной глиняной табличке, названной им «табличка ковчега», с очень подробным перечислением количества материалов, необходимых для постройки судна. О форме же и размерах ковчега сообщается не столь подробно и не совсем однозначно, скорее в виде своего рода математической задачи. Принципиальным и совершенно новым в понимании формы ковчега Атрахасиса, является сообщение, что он должен быть построен «на круговом плане». Помимо окружности в плане оговариваются равные друг другу его длина и ширина (что в современном понимании кажется избыточным уточнением[2]), но вместо их размеров дана площадь[3] ковчега в 1 акр, то есть 3600 м² [Финкель, 2016, с. 141, 142, 181].

По мнению Финкеля, ковчег должен был представлять собой нечто вроде гигантского коракла — круглой в плане чашеобразной лодки, широко распространенной в Месопотамии вплоть до XX века [Финкель, 2016, с. 142, 150,

2 Впрочем, последнее уточнение могло быть связано со спецификой архаического мышления, с его характерными повторами и избыточной информацией.

3 Интересно, что И. Финкель, упоминая зиккурат Этеменанки [Финкель, 2016, с. 263], сообщает его высоту и площадь основания, уточняя, что в плане он был квадратным (то есть, «равны его длина и ширина»). Таким образом, за исключением «кругового плана», точно так же описан в мифе ковчег Атрахасиса. Примечательно, что вертикальные членения ковчега Утнапишти (семь частей) совпадают с количеством ступеней зиккурата Этеменанки (шесть платформ, венчаемых святилищем). При этом зиккурат, подобно ковчегу Утнапишти, имел одинаковые размеры в длину, ширину и высоту (очевидно, 91 метр) [Финкель, 2016, с. 263].

158 и др.]. Исходя из описания руководства по строительству ковчега, Финкель делает весьма интересный вывод: само это описание ковчега Атрахасиса является школьной задачей [Финкель, 2016, с. 338]. В школьных геометрических построениях на глиняной табличке, которую приводит Финкель [Финкель, 2016, рис. на с. 143], начерчены фигуры в виде окружности, вписанной в квадрат, но есть таблички и более «насыщенные» сочетанием этих фигур [Robson, 2008, продолжение рис. 2.10. на с. 49].

На наш взгляд, наряду с «круговым планом», то есть с непосредственно круглым в плане ковчегом, это описание могло быть также и руководством к одному из простых способов построения квадрата. В таком случае нельзя исключать, что в табличке ковчега, особенно если она имела отношение к школьной задаче, в том месте, где говорится о построении проекции ковчега «на круговом плане», в следующей за ней строчке, сообщается, что длина должна быть равна ширине, содержится методика построения квадрата. Это было актуально, поскольку Атрахасис, по его же признанию, никогда не занимался судостроением (как и аккадский школьник, впервые постигавший азы геометрии).

Представляется, что алгоритм школьной задачи мог быть следующим: во-первых, по заданной площади (1 акр = 3600 м^2), нужно было вычислить сторону квадрата. Определить ее размер, исходя из площади, было вполне реально, учитывая широкое распространение землемерных работ и практики определения площади земельных участков. Судя по чертежам, первым шагом было вписывание в многоугольник такого участка наиболее крупной фигуры прямоугольника или квадрата, далее — оставшиеся части заполнялись более мелкими фигурами [Robson, 2008, рис. 3.5. на с. 62–63] (возможно, даже существовала таблица прямоугольников со сторонами а + в, соответствовавших различным площадям, — аналог таблицы умножения). Гораздо сложнее было по площади круга определить его диаметр (радиус).

Как признает сам Финкель, «производить вычисления, связанные с кругом, вавилонянам было трудно, потому что число π им было известно лишь в очень грубом приближении» [Финкель, 2016, с. 378]. Квадрат же с площадью в 1 акр (3600 м^2 = 60,0 м х 60,0 м), скорее всего был «типовым» примером, вроде выражения «как дважды два». Во-вторых, на основе диаметра 60 метров обводилась окружность вокруг выбранного центра, а на ее основе строился квадрат. При таком методе построения, ценным было то, что фиксировался центр фигуры плана, и, наверное, еще и то, что все начиналось с этой *исходной,* а следовательно, имевшей высокий семиотический статус точки. Изначально фиксировался центр и соответственно, закладывалась вертикальная ось. С помощью этих базовых параметров, очевидно, активизировались важнейшие пространственные и символические аспекты строящегося объекта.

Ветхозаветный Эдем в какой-то степени является описательной моделью храмов, особенно типа Невали Чори. Это квадратные или прямоугольные в плане постройки с двумя доминирующими антропоморфными Т-стелами в центральной части и аналогичными стелами меньшего размера, расположенными по периметру помещения[4]. Форма храма Невали Чори, напоминает квадратное («кубическое») пространство аккадского ковчега Утнапишти: две центральные стелы — первопредка и его жену соответственно, а стелы, расставленные по периметру, — сопровождавших их людей. Планировка же и обустройство храмов типа Невали Чори, очевидно, преемственно связаны с Гёбекли-тепе, поскольку в центре каждой окружности этого храма также расположено по две Т-стелы, а в окружностях стен — стелы меньшего размера. Выполненные в барельефах многочисленные животные, птицы и даже насекомые напоминают ветхозаветный и в еще большей степени, аккадский миф, где специально подчеркнуто — «**всех букашек принес я туда**» [Хук, 1991].

4 См. о схожих постройках статью, опубликованную в «Восточном курьере» ранее [Брентьес, 2021]. — *Ред.*

Тем не менее видеть в таких структурных ассоциациях прямые аналогии между элементами храмов и мифологическими персонажами не представляется возможным. Подобно тому, как не просматривается прямая иллюстративная связь между героями шумерских мифов и изображениями раннединастической глиптики, то есть, литературы и изобразительного искусства на раннем этапе развития шумерской письменности [Афанасьева, 1979, с. 148, 151]. Так, не известны стелы, изображавшие мужчину и женщину, тогда как существуют парные «мужские» стелы [Корниенко, 2011, с. 90], то есть, «столбы типа Невали Чори», вероятнее всего, изображали мужских персонажей [Корниенко, 2015, с. 105].

В то же время нельзя исключить, что в условиях «тектонических» сдвигов в неолитических представлениях, запечатлевшаяся с раннего неолита пространственная «матрица» в виде огороженного пространства с двумя вертикальными элементами[5], могла «наполниться» за тысячелетия иным, в том числе и «двуполым гендерным содержанием», что и отразилось в мифах. То есть, в дошедших до нашего времени мифах мог быть использован «мифологический алфавит», на котором в древнейших мифах рассказывались «совсем другие истории». Тем не менее и «новые» истории, рассказанные с помощью этого «алфавита», вписывались в «старую» матрицу — пространственную структуру, сложившуюся еще в указанных храмах. В частности, элементом, ассоциированным с упомянутыми парными стелами ранненеолитических храмов, возможно являются, если не Адам и Ева, то два дерева — Дерево познания и Дерево добра и зла, расположенные в центре Эдема.

Подобное защищенное от внешнего хаоса пространство с двумя персонажами известно и в других культурах: авестийская вара, обитель праведников — квадратная ограда-крепость со стороной «в лошадиный бег», возведенная первопредком и культурным героем Йимой (этимологически, «близнец», «двойник»; его сестра Йимак была и его женой — два разнополых персонажа внутри огороженного пространства), куда и были помещены священные огни, люди и животные, чтобы защитить их от насланных богом чудовищных холодов. Такова же квадратная в плане обитель Ямы в Ригведе — рядом с ним его сестра-близнец Ями [*Мифы народов мира*, т. 1, с. 215, 599, т. 2, с. 682, 683].

Говоря об ассоциациях между пространственными характеристиками в мифологических образах и в архитектуре, подчеркнем, что все варианты ближневосточных ковчегов на вершине горы напоминают объемно-пространственную структуру зиккурата — уступчатую пирамиду, венчаемую святилищем. Кстати, и в этих святилищах происходила встреча двух персонажей (царственного и божественного).

Пространственная организация Эдема («цветущий сад») и ковчега («святилище» на вершине горы), как будто бы отражают начальную и завершающую стадии освоения пространства — от ограды (архетип «фигура на плоскости») до пространства, «собранного» вдоль вертикальной оси (архетип «пирамида») [Baitenov, 2022]. Примечательно, что в Ветхом Завете соблюдена именно такая последовательность — сначала Эдем, а затем ковчег.

5 Возможно, что в поисках типологических аналогов парным Т-стелам ранних ближневосточных храмов, нужно обратить внимание на два стоящих рядом дерева, между которыми во время медвежьего праздника привязывался жертвенный медведь-тотем. Примечательно, что у амурских народов (айны, ороки, орочи), медведя привязывали между парными столбами-тугуси с вилообразно раздваивающимися вершинами [Васильев, 1948, с. 97]. Иногда подобные вилообразные столбы устанавливались и на границе жертвенной площадки, что созвучно рассматриваемым ранненеолитическим храмам с двумя центральными стелами и стелами в стенах, огораживающих храм. В Юго-Восточной Азии на больших поминках и во время аграрных праздников привязывали священных жертвенных буйволов к столбам с раздваивающимися вершинами [Васильев, 1948, с. 98]. Возможно, раздваивающиеся навершия столбов (это отчасти ассоциируется с верхней частью Т-стел) в истоках соотносились именно с рогатыми животными. Отметим, что в ранненеолитических культурах Ближнего Востока и Т-стелы, и исключительно важный культ быка очевидно восходят к палеолиту.

Если стадии освоения пространства [Baitenov, 2022] совместить с формой ковчегов, расположенных в хронологическом порядке, то получится, что ковчег Атрахасиса со стеной в один ниндан высотой (6 метров) и площадью «1 акр» (3600 м^2), соответствует архетипу «платформа», далее происходит развитие пространства вдоль вертикальной оси. Апогеем развития всех ковчегов является их остановка на вершине горы, что вместе с ней дает архетип «пирамида». Кубический ковчег Утнапишти в этой последовательности можно считать промежуточной стадией между «платформой» и «пирамидой».

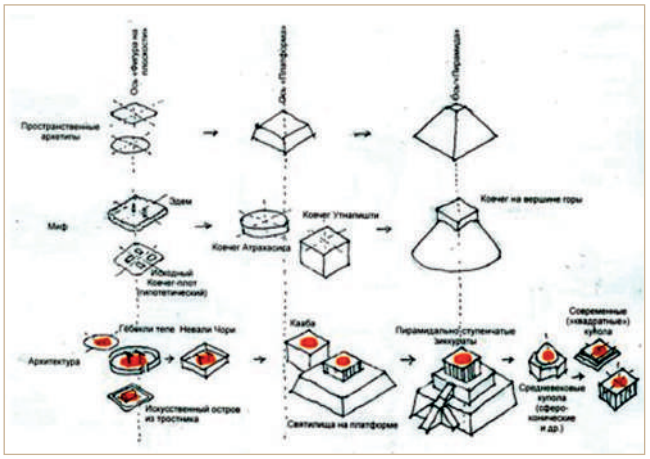
Описание шумерского ковчега Зиусудры (Зиусудра — шумерский строитель ковчега [*Мифы народов мира*, т. 1, с. 469]) не сохранилось, но очевидно и он мог быть не самым ранним в развитии шумеро-аккадской мифологемы. Истоки же темы ковчега на наш взгляд могли быть вообще не в судне, предназначенном для плавания, а в устройствах типа плота, в частности из тростника в виде искусственных плавучих островков. На таких островках в заболоченных дельтах Тигра и Евфрата с их непредсказуемыми разливами и падением уровня воды до недавнего времени проживали маададаны — озерные арабы[6]. Подобные островки с постройками, заселенными людьми и домашними животными (по аналогии с плавающими гнездами лебедей, чомг и других болотных птиц) не были предназначены для передвижения (хотя и не исключали его), они в первую очередь были прекрасно приспособлены к периодическим «микропотопам». Такие острова, расположенные близко один к другому, составляли целые деревни, так что по площади могли приближаться к мифологическим ковчегам. То есть, на ранних стадиях возникновения мифа о ковчеге, в виде предполагаемого нами плавучего острова, в таких размерах не было ничего странного. Будучи же перенесенными на ковчег-судно, они сделали его таким огромным, что, наверное, и в древности можно было смириться с этим только в рамках мифологической реальности.

Искусственный плавучий остров — это по существу плот, а в аспекте структурированного пространства, не что иное как «фигура на горизонтальной плоскости». Это и есть недостающая первая фаза в приведенной выше схеме освоения формы, за которой следуют фазы «платформа» и «пирамида». Надо понимать, что эти фазы («фигура на плоскости», «платформа» и «пирамида»), являются ключевыми станциями в направленном развитии формы. В реальности же могло существовать множество переходных форм, в частности, ковчег Утнапишти.

Таким образом, подчеркнем, что обе линии процесса формообразования — и в архитектуре, и в мифе, проходят по одному и тому же сценарию последовательного освоения пространственных архетипов (*Илл. 1*): от «фигуры на плоскости» через стадию «платформа» — до «пирамиды». В то же время, ни святилища с огороженным «благим пространством», коими являлись ранненеолитические храмы, ни уступчатые сооружения с венчающим их святилищем — зиккураты[7], не являются калькой соответствующих мифов об Эдеме или ковчеге

6 Периодически затапливаемые дельты рек Тигра и Евфрата, где с глубокой древности использовались плавучие островки из тростника, были как нельзя лучшими условиями для возникновения мифа о Потопе и ковчеге. В этой связи примечательно, что кораклы, в которых Финкель видит прототип ковчега Атрахасиса, были распространены в окрестностях Багдада даже в середине XX в., совершенно не встречаясь в заболоченных дельтах рек [Тесиджер, 1982], где и расположены на искусственных островках деревни мааданов. Именно часто затапливаемая «шумерская» дельта могла послужить триггером для возникновения мифа, эхо которого на разные лады могло звучать в областях, заселенных семитами, с учетом сложившихся там «региональных» условий. Во всяком случае, уже Авраам из Ура, находившегося в дельте Евфрата, знал о Потопе [Финкель, 2016, с. 248]. Как известно, традиция дольше всего сохраняется в месте возникновения, тогда как даже пышно цветущее явление вдали от источника быстро выгорает. Это очевидно можно отнести не только к плавучим островам, но и к кораклам, даже если в период своего наибольшего распространения они использовались и в дельте Евфрата.

7 В освоении пространственных архетипов речь идет о «прорыве» в пространственных представлениях, дающем но-



Илл. 1. **Последовательность освоения пространства в мифе и архитектуре** (хронология и масштаб условные). © Рисунок автора
Fig. 1. **The sequence of the development of space in myth and architecture** (chronology and scale are conditional). © Drawing by the author

на вершине горы. Но и миф, и архитектурные сооружения отражают универсальные закономерности освоения пространства и созвучны на уровне архетипа (ранненеолитический храм — Эдем, зиккурат — ковчег на вершине горы).

Возвращаясь к ассоциации между архитектурными и мифологическими формами, основанной на последовательности освоения пространственных архетипов, отметим, что кубическую форму, напоминающую ковчег Утнапишти, имеет древнее мекканское святилище, а ныне — величайшая святыня ислама Кааба. По мусульманскому преданию святилище построено пророком Ибрагимом (Авраамом). Первоначально внутри кубического объема находился каменный идол курейшитов — Хубала (ср., аккадский «монстр» Хувава, Хумбаба), что напоминает название святилища. Считается, что название Кааба — كعبة, восходит к слову الكعب «куб». Такова же, очевидно, этимология слова «куббат», что является основой в названии купола в большинстве ближневосточных, индоевропейских и тюркских языков (менее распространенная альтернатива на основе “dom”).

Разного рода сфероконические и параболические купола — излюбленная форма для венчания античных и средневековых храмовых построек Ближнего (Куббат-ас-Сахра — Купол скалы) и Среднего Востока, а также Средиземноморья. В древности же квадратная в плане форма святилища очевидно была основной — сакральный кубический объем, венчавший зиккурат, также мог иметь истоки в названной традиции. Композиция зиккурата, очевидно, создавалась добавлением субструкций (в виде платформ) к квадрату неолитического храма. Согласно закономерностям формообразования [Байтенов, 2004, с. 198–202, 219], ступенчатая форма могла получиться путем «клонирования» платформ, количество которых со временем увеличивалось. В этом и реализовывался один из принципов формообразования, обеспечивавших «собирание пространства вдоль вертикальной оси» [Baitenov, 2022] (аналогично «клонированием»

вые формы, при этом параллельно могли использоваться и «старые», например, «одноэтажные» храмы в виде огороженного двора, в комплексе с зиккуратами. Кроме того, в сочетании компактного и вертикального объемов мы видим еще и одну из категорий композиционного «кластера» — церковь и колокольня, мечеть и минарет, надгробие и стела с эпитафией и т. д., что в наиболее обобщенном виде ассоциируется с «телом» и душой.

мастабы формировались древнеегипетские ступенчатые пирамиды; в основе «многоступенчатой» структуры пагод прослеживается основа в виде одноэтажного павильона и т. д.).

В этой связи мы предполагаем, что ступенчато-пирамидальная форма зиккурата, возможно, обусловившая и название этого сооружения (кур — «гора»), не была привнесена шумерами извне, как предполагает одна из гипотез [Ру, 2016], но сформировалась в Месопотамии на основе древнейшей местной традиции «одноэтажных» храмов — это сакральное ядро возносилось все выше благодаря увеличивавшемуся со временем количеству платформ под ним. В связи с этим, на наш взгляд, слог «кур», «гур» в названии зиккурата (а может быть и шумерск. GUR), в истоках мог иметь значение не «гора» или «строить высоко» (zaqāru), а быть близким к слову «ограждение», соответствовавшему изначальному сакральному ядру.

Слова «**кур**ук», «**кур**ум», «**гур**-хана» в Центральной Азии означали сакральные места с ограниченным доступом (ср. шум. **hur**rum — «пещера», именно в пещерах часто устраивались святилища, напр. ближневосточная пещера Нахаль Хемар [Borrell et al, 2020]). В этом аспекте со словом «зик**кур**ат» интересно сравнить Akk. **gur**ištu, **hur**datu, **gur**uš-**gar**aš и, может быть, i**gir**û (“vulva”) (см.: [*The Pennsylvania Sumerian Dictionary*]), а также Ḥūr, что ассоциируется с чистыми райскими девами гуриями, которых не касался ни человек, ни джинн [Коран, Сура 55]. То есть, в самом названии (с основой «ограждение») изначально мог быть заложен не только пространственный («гора», «высоко»), но и сакральный смысл («святилище»).

Появление в античности и в средние века в ближневосточном регионе сфероконических и иных куполов, сменивших древние святилища с квадратной основой, а затем обнаружение уже в современной архитектуре на ближневосточной «родине купола» кубических (квадратных) форм с заменой ими теперь уже сфероконических куполов — свидетельство родства всех этих форм на архетипическом уровне (комплекс К. Ататюрка и мечеть Великого национального собрания в Анкаре, мавзолей-музей Надир-шаха в Мешхеде). Таким образом, очевидно, можно поставить вопрос о преемственной связи древнейших храмов со средневековыми купольными культово-мемориальными сооружениями рассматриваемого региона. Последние же, через Византию и Арабский Восток оказали влияние на значительную часть мировой архитектуры (Средиземноморье, Восточная Европа, Средний Восток и т. д.), но на своей «родине», даже в XX веке, безболезненно возвращались к «квадратному» прототипу. Все это может еще раз свидетельствовать о древнейших истоках архитектурных форм и особо устойчивом характере ближневосточной преемственности.

Список литературы / References

Афанасьева В. К. *Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве*. М.: ГРВЛ, 1979. 220 с. [Afanasyeva V. K. *Gilgamesh and Enkidu. Epic Images in Art*. Moscow: GRVL, 1979. 220 p. (in Russian)].

Байтенов Э. М. *Мемориальное зодчество Казахстана: эволюция и проблемы формообразования.* Алматы: КазГАСА, 2004. 243 с. [Baitenov E. M. *Memorial Architecture of Kazakhstan: Evolution and Problems of Shaping.* Almaty: KazGASA Publ., 2004. 243 p. (in Russian)].

Белицкий М. *Забытый мир шумеров*. М.: ГРВЛ, 1980. 432 с. [Belitsky M. *The Forgotten World of the Sumerians*. Moscow: GRVL, 1980. 432 p. (in Russian)].

Брентьес Б. «Пра-мандала» Дашлы-3: как воплотить идею о всемирном владыке в архитектурной форме. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 3–4. С. 190–208 [Brentjes B. The “Proto-Mandala” of Daschly-3: How to Embody the Idea of the World Lord in Architectural Form. *Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 190–208 (in Russian)].

Васильев Б. А. *Медвежий праздник. СЭ*. 1948. № 4. *С. 78–104* [Vasiliev B. A. Bear Holiday. *Sovetskaya Etnographia.* 1948. No. 4. Pp. 78–104 (in Russian)].

Коран, Сура 55:70–74, Ар-Рахман (Милостивый). [Quran, Surah 55:70–74, Ar-Rahman (in Russian)].

Корниенко Т. В. *Первые храмы Месопотамии: Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху*. Н. Я. Мерперт (ред.). СПб.: Алетейя, 2006. 312 с. [Kornienko T. V. *The First Temples of Mesopotamia: Formation of the Tradition of Religious Construction in the Territory of Mesopotamia in the Preliterate Era*. N. Ya. Merpert (ed.). St. Petersburg: Aletheya, 2006. 312 p. (in Russian)].

Корниенко Т. В. Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита: предварительный обзор. *Археологические вести.* 2011. № 17. С. 70–95 [Kornienko T. V. Early Neolithic Steles of Northern Mesopotamia: A Preliminary Review. *Archaeological News*. 2011. No. 17. Pp. 70–95 (in Russian)].

Корниенко Т. В. Гендерные проявления в символике и изображениях человека на территории Северной Месопотамии в эпоху раннего неолита. *Проблемы истории, филологии, культуры.* 2015. № 4. С. 92–108 [Kornienko T. V. Gender Manifestations in the Symbolism and Images of Man in the Territory of Northern Mesopotamia in the Early Neolithic. *Problems of History, Philology, Culture*. 2015. No. 4. Pp. 92–108 (in Russian)].

Крамер С. *История начинается в Шумере*. М.: ГРВЛ, 1991. 240 с. [Kramer S. *History Begins in Sumer*. Moscow: GRVL, 1991. 240 p. (in Russian)].

Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1991. 671 с. [*Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia*: In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Sov. Encyclopedia, 1991. 671 p. (in Russian)].

Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х томах. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1992. 360 с. [*Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia*: In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Sov. Encyclopedia, 1991. 360 p. (in Russian)].

Ру Ж. *Великие цивилизации Междуречья. Древняя Месопотамия: царства Шумер, Аккад, Вавилония и Ассирия. 2700–100 гг. до н. э.* М.: ЗАО Центрполиграф, 2016. 448 с. [Ru J. *Great Civilizations of Mesopotamia. Ancient Mesopotamia: The Kingdoms of Sumer, Akkad, Babylonia, and Assyria. 2700–100 AD BC.* Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2016. 448 p. (in Russian)].

Тесиджер У. *Озерные арабы*. М.: Наука, 1982. 147 с. [Tesiger W. *Lake Arabs.* Moscow: Nauka, 1982. 147 p. (in Russian)].

Финкель И. *Ковчег до Ноя: от Междуречья до Арарата. Клинописные рассказы о Потопе*. М.: Олимп-Бизнес, 2016. 472 с. [Finkel I. *The Ark before Noah: From Mesopotamia to Ararat. Cuneiform Stories about the Flood*. Moscow: Olimp-Business, 2016. 472 p. (in Russian)].

Фрэзер Дж. Дж. *Фольклор в Ветхом завете*. Предисл. и комм. С. А. Токарева. Пер. Д. Вольпина. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1989. 544 с. [Frazer J. J. *Folklore in the Old Testament.* Foreword and comm. by S. A. Tokareva. Transl. by D. Volpina. Moscow: Political Literature Publ., 1989. 544 p. (in Russian)].

Хук С. *Мифология Ближнего Востока.* М.: Наука, 1991. 176 с. [Hook S. *Mythology of the Middle East*. Moscow: Nauka, 1991. 176 p. (in Russian)].

Шмидт К. *Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гебекли Тепе*. Клаус Шмидт. Пер. А. С. Пащенко; прим. и послесл. Т. В. Корниенко. СПб: Алетейя, 2011. 319 с. [Schmidt K. *They Built the First Temples. Mysterious Sanctuary of Stone Age Hunters. Archaeological Discoveries at Göbekli Tepe.* Klaus Schmidt. Trans. by A. S. Pashchenko; notes. and afterword by T. V. Kornienko. St. Petersburg: Aletheya, 2011. 319 p. (in Russian)].

Baitenov E. Forming of Types of Volumetric-Spatial Structures in Architecture. *Athena Transactions in Social Sciences and Humanities.* Vol. 2. *Proceedings of the 4th International Conference on Architecture: Heritage, Traditions and Innovations (AHTI 2022)*. Pp. 119–126.

Borrell F., Ibaneza J., Bar-Yosef. Cult Paraphernalia or Everyday Items? Assessing the Status and Use of the Flint Artefacts from Nahal Hemar Cave (Middle PPNB, Judean Desert). *Quaternary International* 569–570 (2020). Pp. 150–167.

Robson E. *Mathematics in Ancient Iraq: A Social History*. Princeton: Publ., 2008. 472 p.

Carolin S. A., Walker R., Day C., Henderson G. Precise Timing of Abrupt Increase in Dust Activity in the Middle East Coincident with 4.2 ka Social Change. *PNAS*. 2019. Vol. 116. No. 1. Pp. 67–72.

The Pennsylvania Sumerian Dictionary. URL: http://psd.museum.upenn.edu/nepsd-frame.html (accessed 29.07.2023).

DOI: 10.18254/S268684310028340-2

Книжный фонд китаеведа академика В. М. Алексеева в собрании Синологической библиотеки: история формирования и особенности

Academician Vasiliy M. Alekseev' Book Collection in The Sinological Library: History and Specifics of the Fund

© 2023 **Екатерина Александровна Завидовская**

Ведущий научный сотрудник Института Китая и Современной Азии РАН, Центр изучения культур Китая, Москва, Россия
Доцент Брянского государственного университета им. акад. Петровского, Брянск, Россия
katushaza@yahoo.com
ORCID ID: 0000-0002-8369-7776

Ekaterina A. Zavidovskaya

Lead Research Fellow of the Institute of China and Modern Asia RAS, Chinese Cultures Research Centre, Moscow, Russia
Associate Professor of the Bryansk State University, Bryansk, Russia
katushaza@yahoo.com
ORCID ID: 0000-0002-8369-7776

В фондах Синологической библиотеки Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН) хранится около четырех тысяч книг, журналов, карт, оттисков, принадлежавших китаеведу академику В. М. Алексееву (1881–1951) и в 1959 году переданных из библиотеки Института Востоковедения АН СССР в библиотеку Института Китаеведения АН СССР. Эти ценные издания заложили основу Синологической библиотеки, ведущей свою историю с 1958 г. В настоящий момент весь массив этих изданий еще не идентифицирован, но ведется работа по внесению всех изданий из фондов Синологической библиотеки в систему ИРБИС, сведения о небольшой части книг Алексеева зафиксированы на бумажных карточках и отмечены на карточках буквами «Ал». Преследуя цель суммировать имеющийся на данный

момент массив сведений о книжном фонде академика В. М. Алексеева, статья приводит данные о книжных приобретениях академика, содержание актов от 1959 г. о передаче его книг из одного института в другой с указанием количества и номенклатуры. Приведена тематическая классификация изданий на китайском языке, проанализировано несколько случайно отобранных изданий XVIII — начала XX в.

Ключевые слова: В. М. Алексеев, китаеведение, Синологическая библиотека ИНИОН РАН, ксилограф, литограф, акты передачи книг

Для цитирования: Завидовская Е. А. Книжный фонд китаеведа академика В. М. Алексеева в собрании Синологической библиотеки: история формирования и особенности. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 3. С. 86–95. DOI 10.18254/S268684310028340-2

The book funds of the Sinological library as a part of the Institute of Scientific Information on Social Sciences, RAS (Moscow) hold approximately four thousand entries of books, journals, maps, imprints that had originally belonged to the prominent Russian-Soviet sinologist Academician Vasiliy M. Alekseev (1881–1951), and upon his death had been transferred from the library of the Institute of Oriental Studies of the Soviet Union Academy of Sciences to the library of the Institute of Chinese studies of the Soviet Union Academy of Sciences in 1959. This bulk of valuable materials laid a foundation of the Sinological library established in 1958 at the Institute of Chinese studies. Currently the bulk of these entries has not been fully singled out from the remaining book fund of the Sinological library, which is being currently input into the electronic library system IRBIS by the staff, only small portion of Alekseev's materials has been recorded on paper cards, Alekseev's books have "Ал" letters in their inventory number which allows their identification. This study aims to summarize the information available on this fund, provides details on the history of Alekseev's book acquisition efforts, cites acts of the Aleskeev's fund transfer from one library to another in 1959 with the inventory of the transferred items, analyzes recorded part of the fund by subject matter and provides more detailed description of several randomly selected books dated by 18th – early 20th centuries.

Keywords: Vasiliy M. Alekseev, sinology, Sinological library of the ISISS RAS, woodblock print, lithograph print, act of book transfer

For citation: Zavidovskaya Ekaterina A. Academician Vasiliy M. Alekseev' Book Collection in The Sinological Library: History and Specifics of the Fund. *Oriental Courier.* 2023. No. 3. Pp. 86–95. DOI 10.18254/S268684310028340-2

Общие сведения о фонде книг академика В. М. Алексеева из библиотеки ИНИОН РАН

В предисловии к сборнику статей о фондах Синологической библиотеки ИНИОН РАН, вышедшему к ее 25-летию (1983), сказано, что библиотека была создана в марте 1958 г., в основу фондов легли книги, переданные из Института Востоковедения, фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, а также книги из библиотек бывшей Российской духовной миссии в Пекине и Генконсульства СССР в г. Харбине, полученные от Министерства иностранных дел СССР. Значительную культурную ценность представляет коллекция академика В. М. Алексеева (1881–1951), вошедшая в фонд Синологической библиотеки. Она содержит много редких изданий на китайском и западных языках [Барышникова, 1983, с. 5]. Предисловие содержит важное уточнение о том, что библиотека начала путь своего становления с «небольшой, но очень ценной в научном отношении коллекции книг академика В. М. Алексеева»

[Барышникова, 1983, с. 7], «по распоряжению Президиума АН СССР вновь созданной библиотеке была передана китайская часть библиотечного фонда Института востоковедения и коллекция редких книг из собрания академика Василия Михайловича Алексеева (1881–1951)» [Попова, 2018, с. 26].

От заведующей отделом литературы стран Азии и Африки Библиотеки Российской академии наук (ОЛСАА БАН), китаеведа и специалиста по наследию академика Т. И. Виноградовой стало известно, что «алексеевские книги по востоковедению на разных языках почти все (кроме тех, которые разошлись по частным собраниям коллег и учеников), предположительно в 1959 г. были переданы (либо проданы) в АН СССР в Москву. Книг этих — несколько тысяч, если не более».

Благодаря помощи заведующей отделом ББО при Институте Китая и современной Азии РАН Ольги Николаевны Поповой автор статьи изучила список публикаций, касающихся фондов Синологической библиотеки, где сведения о книгах Алексеева крайне скудны. Так, фонда Алексеева немного касается только статья академика Б. Л. Рифтина (1932–2012), вошедшая в вышеупомянутый сборник статей, посвященных 25-летию Синологической библиотеки [Рифтин, 1983]. Рифтин не сообщает, как книги академика попадали в фонд новой библиотеки. Он упоминает о том, что в Синологическую библиотеку поступали книги Алексеева, отражавшие его интерес к творчеству цинского литератора Пу Сунлина (1640–1715), в фонде хранится «отличный набор самых разных изданий “Удивительных историй из кабинета Ляо”», включая и уникальное издание новелл Пу Сунлина под произведения песенно-повествовательного жанра «гуцы» (鼓詞, сказ под барабан) [Рифтин, 1983, с. 46]. Также Рифтин упоминает наличие большого количества ксилографических, литографических, старых наборных изданий классической поэзии, включая чуские строфы, поэзию Тао Юаньмина, Ли Бо, Ду Фу, Сыкун Ту, Су Дунпо [Рифтин, 1983, с. 46].

Говоря о старинных изданиях китайских романов, Рифтин упоминает два экземпляра иллюстрированных изданий романа «Троецарствие» (*Сюсян саньго чжияньи;* 繡像三國志演義), изданных в 1904 г. шанхайским издательством «Шанъу иньшугуань» (商務印書館), из собрания В. М. Алексеева (инв. номера первого бэня К-9201, К-9026) [Рифтин, 1983, с. 54]. Также упоминается литографическое издание романа «Цзинь, пин, мэй» («Цветок сливы в золотой вазе», ок. 1610, авт. Ланьлиньский насмешник) с названием «Переработанная иллюстрированная, призывающая к добру первая книга» (*Гайлянхуэй тугуншань дии синьшу;* 改良繪圖功善第一新書) 1906 г. издания (Гонконг), упоминаний этого издания Рифтин не обнаружил в каталогах, составленных на основе других библиотечных фондов [Рифтин, 1983, с. 62]. Отмечен также литографический экземпляр любовного романа XVII в. «Полностью иллюстрированная третья талантливая книга — удивительная история трех талантов и двух красавиц» (*Цюаньту саньцай цзышуанмэй циюан;* 全圖三才子雙美奇緣) с предисловием, написанным в Шанхае в 1893 г. [Рифтин, 1983, с. 68]. В силу того, что Б. Л. Рифтина интересовали редкие издания романов, он обращал внимание не только на фонд Алексеева, но также на книги, поступившие из владивостокского Восточного института.

Немалую ценность для данного исследования представляет обнаруженная Ольгой Николаевной Поповой папка с актами приема книг из фонда академика Алексеева и описью всех поступлений в Синологическую библиотеку, о чем подробнее будет сказано ниже.

Как формировался фонд В. М. Алексеева, переданный в Синологическую библиотеку

Книга дочери академика Алексеева М. В. Баньковской «Алексеев и Китай. Книга об отце» [Баньковская, 2010] содержит много сведений о том, как ее отец приобретал книги в Китае на протяжении долгих лет. Так, во время его

первой поездки в Шанхай в 1909 году, «самым острым искушениям подвергалось библиофильское сердце Алексеева в Шанхае, который в эти годы стал центром всей книжной жизни Китая благодаря издательству Commercial Press [*Шанъуиньшугуань;* 商務印書館] — самому крупному в мире, выпускавшему такую продукцию новых изданий и перепечаток старых… Алексеев именно тут положил основание своей научной библиотеке и приобрел многие издания для нового преподавания» [Баньковская, 2010, с. 88–89]. Во время командировки в южный Китай в 1912 г., где ему было поручено приобретать книги, «самые основательные книжные приобретения удались в Шанхае, где Алексеев, пустив в ход все свои прежние связи и все время заводя новые, закупал книги в крупнейших издательствах Commercial Press и «Саое шаньфан» [掃葉山房, печатня, основанная в эпоху Мин. — *Е. З.*]. Пошли в ход списки изданий, составленные им заранее в Петербурге по выписанным из Китая каталогам. Предъявив список в магазине издательства, на следующий день ехал получать выложенные для него книги. Однако выяснилось, что Шанхай — центр только полиграфических изданий, "*за настоящими надо посылать в Нанкин*" — что и делалось оперативно, без проволочек», книги были переданы в Азиатский музей [Баньковская, 2010, с. 155].

В собрании Синологической библиотеки ИНИОН РАН есть немалое число книг, датируемых началом XX в., которые, вероятно, приобретались или были заказаны в этот период. В последующие годы Алексеев получал выписанные им из Китая книги, «особо богатым был 1922-й» [Баньковская, 2010, с. 155]. В 1925 г. в Азиатский музей от ученика Алексеева Б. А. Васильева, направленного работать в Гонконг, «поступило 376 названий разнообразного содержания, главным образом касающихся новой китайской науки и беллетристики, а также речи и статьи деятелей Нового Китая» [Баньковская, 2010, с. 180]. Вплоть до самой смерти академик неутомимо занимался налаживанием книгообмена со странами Азии (Китаем, Японией) и странами Европы[1]. Однако в книге Баньковской нет точных сведений о судьбе домашней библиотеки ученого после его кончины. Т. И. Виноградова в личной переписке с автором статьи высказала предположение о том, что, возможно, вдова академика продала домашнюю библиотеку Академии наук, которая потом распределяла издания между библиотеками своих институтов. Важно подчеркнуть, что в собрании ИВ АН СССР оказались именно книги из личного собрания академика.

На основании обнаруженных в Синологической библиотеке актов получены следующие сведения о перемещении книг академика Алексеева из библиотеки одного института АН СССР в другой. Первый акт в означенной папке гласит:

«АКТ

Настоящий акт составлен о том, что представитель библиотеки Института востоковедения АН СССР тов. Бродская Д. Ф. сдала, а представители библиотеки Института китаеведения АН СССР т.т. Зильберг Д. Н. и Костяева А. С. приняли следующие книги из фонда академика Алексеева в количестве 3438 экземпляров на общую сумму 169 933 руб. 90 коп.». Далее Акт включает опись с указанием следующих параметров изданий: 1. № п/п; 2. Инвентарные номера биб-ки Ин-та востоковедения; 3. Автор, название, место и год издания; 4. Цена; 5. Примечания. Далее названия книг расположены в порядке следования русского алфавита. Названия китайских и других книг на восточных языках указаны только в русской транскрипции. Просмотр первых страниц описи, включающей 555 наименований. позволяет сделать вывод о превалировании китайских каталогов (*мулу;* 目錄, *лэйшу;* 類書, *шуму;* 書目), библиотечных

1 По данным М. В. Баньковской, больше сведений об истории приобретения книг В. М. Алексеевым можно восстановить по архивным материалам, хранящимся в архиве Российской Академии наук: фонд Алексеева 820, опись № 2, объединяет документы из раздела «Международные научные связи и книгообмен» [Баньковская, 2010, с. 227, 229].

и издательских каталогов, сборников и собраний по традиционной учености «госюэ» (國學), изданных в основном в Пекине и Шанхае 1910–1930 годов, надо отметить также большое количество карт. Имеется небольшое количество книг на европейских языках.

На последней странице акта, включающего опись 555 изданий, приведены следующие сведения:

«Акт 319
Москва 30 декабря 1959 г.
Мы, нижеподписавшиеся представители Института востоковедения АН СССР Бродская Д. Ф. и Пузицкий Е. В. с одной стороны и Заведующая библиотекой Института Китаеведения АН СССР Зильберг Д. Н. с другой, составили настоящий акт в том, что нами установлено, что в библиотеке Института Востоковедения АН СССР имеется в наличии из библиотеки академика В. М. Алексеева не принятые Институтом востоковедения АН СССР и не введенные в инвентарь следующие издания:
I. Оттисков журнальных статей на русском и европейских языках 657 экз. на сумму — 4084.00
II. Географических карт и планов — 38 экз. на сумму — 1003.00
III. Книг и журналов — 263 экз. на сумму — 5479.65
ИТОГО на сумму — 10566.65» (Десять тысяч пятьсот шестьдесят шесть рублей 65 коп.)
Комиссия отмечает, что в числе нижеперечисленных материалов имеется большое количество дефектных и макулатурных изданий, которые не могут быть приняты в действующий фонд библиотеки и подлежат списанию в макулатуру.
Количество таковых материалов должно быть определено специальной комиссией.
Подписали: /Бродская Д. Ф./
/Зильберг Д.Н./
/Пузицкий Е. В./».

Далее следует опись карт и атласов на двух листах с названиями на русском и английском языках 1900–1940 годов издания. Следующий акт из папки гласит:

«АКТ
Настоящий акт составлен в том, что представитель библиотеки Института востоковедения АН СССР тов. Бродская Д. Ф. сдала, а представители библиотеки Института китаеведения АН СССР т.т. Зильберг Д. Н. и Барышникова Р. Г. приняли следующие книги, брошюры, оттиски, не имеющие инвентарных номеров, из фонда академика Алексеева в количестве 734 экземпляров на общую сумму 6174 руб. 70 коп.». Далее следует опись изданий на европейских языках.

Следующий акт сообщает о приеме теми же лицами книг, брошюр, оттисков, не имеющих инвентарных номеров, в количестве 357 экземпляров на общую сумму 3480 руб. 25 коп. В опись входят издания на китайском языке.

Еще один акт сообщает о приеме теми же лицами книг, брошюр, оттисков, не имеющих инвентарных номеров, в количестве 70 экземпляров на общую сумму 274 руб. 00 коп. К актам прилагается отпечатанный на машинке «Список китайских книг», а также китайских периодических изданий. Указано, что общая цена всех журналов 1041 руб.

На заключительном листе акта приемки указано:

«Общая стоимость всех книг акад. В. М. Алексеева.
Двести восемь тысяч девятьсот семнадцать /208.917/ рублей.
Члены комиссии:
канд. ист. наук /З. И. Горбачева/
научный сотрудник /Б. И. Панкратов/
доцент /Л. З. Писаревский/
Заверен печатью Института востоковедения АН СССР».

По данным О. Н. Поповой, «общее количество переданных изданий приближается к 4 тысячам. Сколько сейчас сохранилось книг из коллекции сказать сложно, т. к. эти книги не вы-

делены в отдельный фонд. За 65 лет существования библиотеки многие экземпляры могли быть утрачены и списаны. В настоящее время создается электронный каталог в программе ИРБИС, все книги из коллекции Алексеева будут помечены, что даст возможность установить их количество». К настоящему времени была отобрана и занесена в бумажную картотеку лишь часть этого массива книг.

Классификация книг В. М. Алексеева из собрания ИНИОН

При написании статьи мы опирались на картотеку бумажных карточек старинных изданий, написанных сотрудниками Синологической библиотеки, в настоящее время книги, принадлежавшие В. М. Алексееву, отмечены на карточках буквами «Ал»[2].

Автор данной статьи составила электронную опись изданий с данной пометкой, которые можно разделить на три группы: 1) 111 книг на китайском языке, изданных в Китае и в редких случаях в Японии. Они принадлежали В. М. Алексееву; 2) 33 книги из «Картотеки старопечатных изданий (до нач. XX в.) на русском, китайском языках (переписано из АК 2015 г.)», на библиотечной карточке стоит отметка «Ал», среди них немало отчетов об экспедициях; 3) 58 книг из «Картотеки старопечатных изданий (до нач. XX в.) на западных языках (переписано из АК 2015)» — на европейских языках, в основном XIX столетия.

Среди книг первой группы можно выделить следующие предметы изданий:

1. Сборники классической поэзии;
2. Сочинения по синологии «госюэ» начала XX века (отображающие процесс модернизации самосознания ученых старой школы и нового восприятия ими традиции);
3. Справочники и хрестоматии по классическому языку для получавших старое образование;
4. Словари старого образца и комментарии к ним (например, «Словарь Эръя с комментариями Го Пу»);
5. Словари Республиканского периода;
6. Учебники для начального образования старого типа (например, «Троесловие»; 三字經, «Тысячесловие»; 千字經);
7. Учебники и научные труды нового типа, издававшиеся в период Республики;
8. Научные труды, написанные в период империи;
9. Классические сочинения и комментарии к ним;
10. Каталоги старых китайских изданий;
11. Классические художественные произведения («Ляочжай» и проч.);
12. Тексты, связанные с традиционными религиями;

Как известно, во время своих командировок в Китай в 1912 и особенно 1926 году В. М. Алексеев стремился снабдить отечественное китаеведение работами, вышедшими в Китае после Синьхайской революции. Приведенный выше перечень отражает тот факт, что в собрании ИНИОН имеются как книги по «классической учености», так и труды, освещающие традиционную науку «госюэ», поэзию и историю с новых позиций, приобретенных китайскими учеными вследствие знакомства с западной наукой. Здесь представлены старопечатные ксилографы, литографы и современная полиграфическая продукция.

Отметим ряд относительно старых книг XVIII в.:

1) «Или чжушу Цзян Гун-янь шу» [儀禮注疏，賈公彥疏]. Т. 1–10, цз. 1–17, без места, 1739 (Книга церемоний. Коммент. Цзя Гун-янь), 17 × 50=850 с., шифр: VII 1/ Или Ал.;

2) «Лицзи чжушу Кун Ин-да шу [儀禮注疏。孔穎達疏]. Т. 1–20, цз. 1–63, без места, 1739

2 Систему шифров в библиотеке создавали сотрудники ИНИОН (шифр — это место в книгохранилище, где стоит книга). Например, VII 1 — это место нахождения книги, «Бай» (авторский знак) — первые три буквы, обозначающие на кого описана книга, это может быть фамилия автора книги или заглавие. К авторскому знаку добавлена пометка «Ал.» для книг из коллекции Алексеева.

(Книга установлений с комментариями Кун Ин-да), К4(2), шифр: VII 1/Лиц Ал.;

3) Сяо Тун. «Чжао Мин вэньсюань» [蕭統。昭明文選, «Литературный изборник» Чжао Мина. — *Е. З.*[3]]. Т. 1–6, цз.1-60. Б. м. Хайлу гань, предисл. 1772 (Антология китайской литературы. Коммент. Ли Шаня)., 2-е изд. К814 (2–3), шифр: VII 1в/Сяо Ал.

Среди книг из «Картотеки старопечатных изданий (до нач. XX в.) на западных языках (переписано из АК 2015)», куда включено 58 книг, есть издания в основном конца XIX в. на русском и европейских языках. Приведем примеры:

1) Мартенс Ф. Ф. Россия и Китай. Историко-политическое исследование. С изменениями и доп. авт. Пер. Вл. Телесницкий, СПб., Типография И. Гибермана, 1881 (шифр: VII 1а/Мар Ал);

2) Bretschneider E. Botanicon sinicum. Notes on Chinese botany from native and Western sources. P. 2–3, Shanghai, Kelly&Walsh, 1892–1895 (шифр: VII 1Г/BreАл).

Анализ нескольких изданий из собрания книг В. М. Алексеева

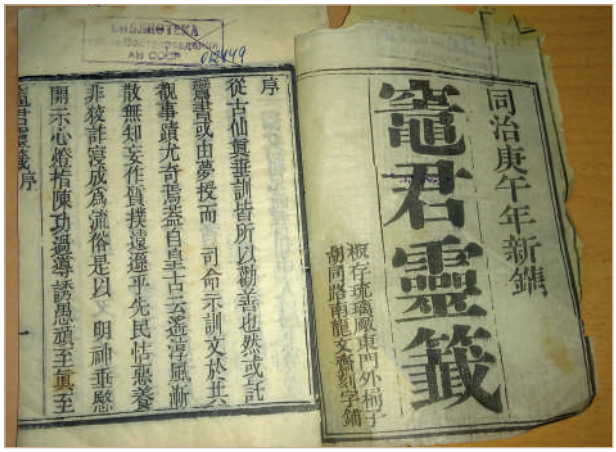
Для демонстрации особенностей данного собрания книг нами было отобрано несколько изданий из разных областей гуманитарного знания. В связи с интересом автора статьи к народным религиям были отобраны следующие брошюры, отпечатанные ксилографическим способом:

1) «Цзаошэнь линцянь» [竈神靈簽, Чудодейственные гадательные бирки Бога очага. — *Е. З.*]. Б. м., 1870 г. (Гадание по духу и божеству очага), шифр VII 1/Цза Ал, К10.57. Размер брошюры примерно 40 × 20 см., на обложке экслибрис «Из книг В. М. Алексеева». Обложка из очень тонкой рисовой бумаги желтого цвета. Под названием напечатано: «Не придавать надругательству/грязи, за это последует кара». Колофон на белой бумаге: 同治庚午年新镌 («Вновь вырезанные доски в год *гэн-у* [1870] под девизом Тунчжи»), слева данные о печатне: 版存琉璃廠東門外桶子胡同路南龍文齋刻字鋪 («Доски хранятся в лавке по вырезанию иероглифов «Вэньлун-чжай» на юге хутуна Тунцзы у Восточных ворот Люличана») (*Илл. 1*). Предисловие с датой и подписью: 嘉慶二十年己卯八月中瀚寶山金世琛敬譔 («В середине восьмого месяца 12 года Цзяцин [1807] почтительно начертал в горах Ханьбао-шань Цзинь Шичэнь»). Далее идет повествование об удивительных истоках гадательных бирок Цзао-цзюня. На отдельной странице — изображение божества, указана его фамилия — Чжан, день рождения, данные о днях и часах поклонения. Далее на три страницы список донаторов, пожертвовавших средства на печать этой книги. Затем номера гадательных бирок и разъяснение их смысла. На последнем развороте ряд верующих, которые дали обет и, прося об излечении (например, «у отца болит зуб»), подарили столько-то экземпляров книги.

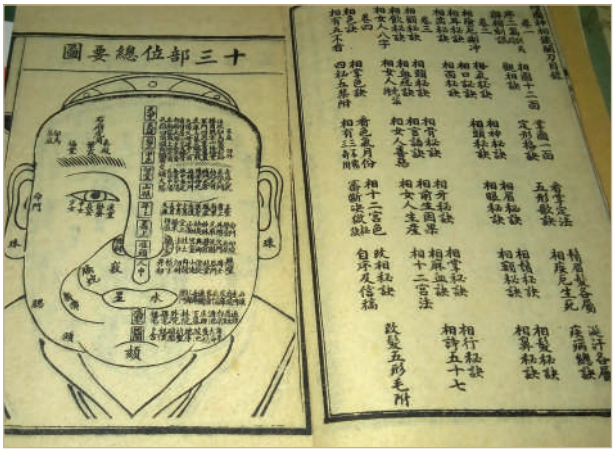
Перед нами любопытный образец литературы, обсуживавшей нужды народной религии в столичном Пекине, культ бога очага был неотъемлемой частью ритуальной практики каждого домохозяйства, в домах могли проводить гадание с использованием бирок. Показательно и то, что верующие жертвовали деньги на печать подобных книг, надеясь стяжать покровительство божества.

2) «Хуэйтушэньсян те гуаньдао» [繪圖神相鐵關刀, Иллюстрированная божественная физиогномика клинка Гуаня. — *Е. З.*]. Т. 1–2. Б. м., предисл. 1725 г., (Гадания на изображениях лиц святых. Илл. и доп. изд.). Т. 1. 1725 раздельная пагинация, Т .2 1725 раздельная пагинация. К4(5) + к953, шифр: VII 1/Шэн Ал. Это небольшая книга в 2 томах на очень тонкой бумаге, на обложке кроме названия экслибрис В. М. Алексеева с шифром «z», а также данные: 癸巳仲春… 子頑署 «Второй месяц года *гуй-сы*

3 В круглых скобках приведен перевод названия книги, написанный на карточке. Автор статьи также приводит свой альтернативный вариант перевода названия книги в квадратных скобках.



Илл. 1. **Колофон брошюры «Чудодейственные гадательные бирки Бога очага»**
1807 г., шифр: VII 1 / Цза Ал
Все фотографии из личного архива автора
© Е. А. Завидовская
Fig. 1. **Colophon of the brochure "Miraculous Divination Sticks of the Stove God"**, 1807, inv. No. VII 1 / Цза Ал
All photos from the author's personal archive
© E. A. Zavidovskaya



Илл. 2. **Разворот книги «Иллюстрированная божественная физиогномика клинка Гуаня»**
1725 г., шифр VII 1/Шэн Ал
Fig. 2. **Book spread of the "Illustrated Divine Physiognomy of the Guan`s Knife"**
1725, inv. No. VII 1/Шэн Ал

[1893] управа Ваня», кроме того, на обложке вертикально написан комментарий сянь-шэна[4] (先生, учителя, консультанта. — *Е. З.*) Алексеева, поясняющий название книги: «Название "железный нож" указывает на то, что книга написана человеком с железным ножом. Тот, кто с ножом, говорит, что его почерк самый быстрый и чудодейственный, также люди Срединной равнины называют готовящего тяжбу писаря «кистью-ножом»». Отметим лишь, что данный комментарий не раскрывает связи книги с физиогномикой. Далее на колофоне название книги: 繪圖神相鐵關刀 «Иллюстрированная божественная физиогномика клинка Гуаня», место издания: 嶺南鳳城逸史子頑氏署 «Канцелярия ученого Ваня, сочинителя неофициальной истории, из города Фэн-чэн[5] в Линнане[6]». На первом развороте представлено содержание книги и изображение лица человека «Главная карта тринадцати частей [лица]» с надписями, представляющими собой терминологию традиционной физиогномики (*Илл. 2*). Мы предполагаем, что В. М. Алексеев мог приобрести эту книгу во время экспедиции по южному Китаю в 1912 г., т. к. его путь пролегал, в частности, и через г. Фошань.

Ван Юнь-у. «Бяньцзуань чжунго вэньхуаши чжи яньцзю» [王雲五。編纂中國文化史之研究, Собрание исследований истории культуры Китая. — *Е. З.*]. Шанхай, без года, 47 с. (Изучение работ по истории культуры Китая), шифр: VII 01 /Ван Ал.

Издание полиграфическое, на обложке круглая печать «Из книг Алексеева», на первом раз-

4 По данным Т. И. Виноградовой, именно в таком перечеркнутом виде литера «зет» ставилась академиком на экслибрисах в основном на китайских книгах из его коллекции, «знаки ß и таинственный ƶ в рукописном варианте с трудом отличимый от знака *цзы* 子» [Виноградова, 2020, с. 775] подробнее о выработанной В. М. Алексеевым системе маркировки своих материалов см. также [Виноградова, 2017].

5 О роли учителей-сяньшэнов в исследовательской работе В. М. Алексеева см. также [Терюкова, Завидовская, 2017].

6 Фэн-чэн (鳳城) — название города Фошань (佛山) в пров. Гуандун.

Илл. 3. **Обложка учебника «Истории китайской литературы»**, 1920 г., шифр VII 1в/Ван Ал
Fig. 3. **Cover of the curriculum book "The History of Chinese Literature"**, inv. No. VII 1в/Ван Ал

вороте отметка: 張菊先生生七十歲生日紀念文抽印本; «Отдельный оттиск в память о семидесятилетии Господина Чжан Цзюя», данная «Серия по истории культуры Китая» (中國文化史叢書) была подготовлена ведущими деятелями «Движения 4 мая» Ху Ши (胡適), Цай Юаньпэем (蔡元培), Ван Юньу (王雲五) в честь юбилея издателя и просветителя Чжан Юаньцзи (張元濟; 1867–1959). Любопытно, что первая статья знакомит с научными публикациями о расовых теориях англичан, в частности, приводятся рассуждения о том, что у пекинцев правое полушарие больше левого и проч. На примере такого рода изданий можно проследить активное освоение китайскими учеными западных публикаций о Китае, основная часть статей — начала XX в., цитируются исследования на английском, французском, немецком языках, немало работ японцев.

3) Ван Мэн-цзэн. «Чжунговэньсюэ ши» [中國文學史; История литературы Китая — *пер. авт.*]. Шанхай, 1920, 97 с. (Исто. кит. лит.: учебник для средней школы), шифр: VII 1в/Ван Ал. Полиграфическое издание, на обложке указано: «Для использования в средней школе, республиканский учебник, издательство: Шанъу иньшугуань», квадратный экслибрис «из книг Алексеева» с литерой «z» (*Илл. 3*). Перед нами образец учебного пособия (иероглифы имени автора установить не удалось), утвержденного Министерством образования Китайской республики для преподавания в средней школе, охватывает все периоды от древности до эпохи Цин, язык изложения материала — классический (вэньянь), не байхуа.

Заключение

В статье представлено первичное изыскание об истории формирования фонда книг академика В. М. Алексеева (1881–1851) в Синологической библиотеке ИНИОН РАН (Москва), ставшей основой данного крупного хранилища книг по Китаю. В статье представлены сведения о передаче 3438 книг, а также оттисков и журналов из Института востоковедения АН СССР в Институт Китаеведения АН СССР в 1959 году. В связи с тем, что на данный момент все книги с обозначением «Ал», хранящиеся в библиотеке не выявлены, еще идет работа по вводу данных о них в систему ИРБИС, данное исследование ограничилось краткой характеристикой изданий из описей 1959 года, а также предлагает систематизацию небольшой части книг, для которых в Синологической библиотеке составлен карточный каталог по тематикам. Что касается направлений, для исследования которых дан-

ный книжный фонд мог быть полезным, тут можно предложить следующие: 1) традиционная народная религия и культура Китая конца эпохи Цин (1644–1911) — периода Республики (1911–1949); 2) осмысление носителями традиционной учености своей культуры и истории через призму западного знания; 3) материалы и отчеты экспедиций как материал по истории изучения Китая представителями иностранных государств; 4) языкознание как составляющая традиционной учености; 5) процессы трансформации содержания и подходов к массовому образованию в Китае первой половины XX в.

Список литературы / References

Баньковская М. В. *Василий Михайлович Алексеев и Китай: книга об отце*. М.: Восточная литература, 2010. 487 с. [Bankovskaia M. V. *Vasiliy Mikhailovitch Alekseev and China: A Book about My Father*. Moscow: Oriental Literature, 2010. 487 p. (in Russian)].

Барышникова Р. Г. Предисловие. *Синологическая библиотека — источниковедческая база советского китаеведения (к 25-летию создания): Сборник обзоров и материалов*. Москва: Институт научной информации по общественным наукам, АН СССР, 1983. С. 5–11 [Baryshnikova R. G. Foreword. *The Sinological Library as A Source Base of The Soviet Sinology (Commemorating Its 25th Anniversary): Collection of Reviews and Materials.* Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Soviet Union Academy of Sciences. 1983. Pp. 5–11 (in Russian)].

Виноградова Т. И. Синологическая картотека В. М. Алексеева как текст и артефакт. *Общество и государство в Китае.* Т. 50: *50-я научная конференция*. Ч. 1. Москва, 2020. С. 769–778 [Vinogradova T. I. Sinological Thesaurus of V. M. Alekseev as Text and Artifact. *State And Society in China.* Vol. 50: *The 50th Conference*. Part 1. Moscow, 2020. Pp. 769–778 (in Russian)].

Виноградова Т. И. *Дневники В. М. Алексеева в «Синологической картотеке» ученого*. Санкт-Петербург: Библиотека Российской академии наук. 2017. Т. 47. № 1. С. 239–253 [Vinogradova T. I. *V. M. Alekseev's Diaries in the "Sinological Card Index" of the Scholar*. Saint-Petersburg, 2017. No. 1 (47). Pp. 239–253 (in Russian)].

Попова О. Н. Юбилей синологической библиотеки. *Синологическая библиотека — источниковедческая база российского китаеведения. К 60-летию основания. Сборник статей и материалов*. Москва: ИДВ РАН, 2018. С. 25–38 [Popova O. N. Anniversary of the Sinological Library. *The Sinological Library as a Source Base of the Russian Sinology (Commemorating Its 60th Anniversary): Collection of Papers and Materials.* Moscow: Institute of Far Eastern Studies RAS, 2018. Pp. 25–38 (in Russian)].

Рифтин Б. Л. Старинные китайские романы в собрании Синологической библиотеки. *Синологическая библиотека — источниковедческая база советского китаеведения (к 25-летию создания): Сборник обзоров и материалов*. Москва: Институт научной информации по общественным наукам, АН СССР. Москва, 1983. С. 45–84 [Riftin B. L. Old Chinese Novels In the Funds of the Sinological Library. *The Sinological Library as A Source Base of The Soviet Sinology (Commemorating Its 25th Anniversary): Collection of Reviews and Materials.* Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Soviet Union Academy of Sciences. 1983. Pp. 45–84 (in Russian)].

Терюкова Е. А., Завидовская Е. А. Рукописное наследие Академика В. М. Алексеева из научно-исторического архива ГМИР, опыт научной систематизации. *Диалог со временем*. 2017. Вып. 61. С. 345–360 [Teriukova E. A., Zavidovskaya E. A. Academician V. M. Alekseev's manuscript heritage in the Research-Historical Archive of the State Museum of the History of Religion. *Dialogue With Time*. 2017. Iss. 61. Pp. 345–360 (in Russian)].

DOI: 10.18254/S268684310028202-0

Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг как бог войны: исторические и религиозные основания

Baron R. F. von Ungern-Sternberg as the God of War: Historical and Religious Grounds

© 2023 **Сергей Львович Кузьмин**

доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия
s.kuzmin@ivran.ru
ORCID ID: 0000-0001-9544-1359

Sergius L. Kuzmin

DSc (History), PhD (Biology), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
s.kuzmin@ivran.ru
ORCID ID: 0000-0001-9544-1359

© 2023 **Бембя Леонидович Митруев**

аспирант, младший научный сотрудник Калмыцкого научного центра РАН, Элиста, Россия
bemitrouev@yahoo.com
ORCID ID: 0000-0002-1129-9656

Bembya L. Mitruev
Postgraduate Student, Junior Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the RAS, Elista, Russia
bemitrouev@yahoo.com
ORCID ID: 0000-0002-1129-9656

Барон Роман Федорович фон Унгерн-Штернберг (1886–1921) — известный военачальник Белой армии времен Гражданской войны в России, в 1921 г. освободивший Внешнюю Монголию от китайской оккупации и восстановивший независимость страны. В публикациях Унгерна нередко называют «богом войны», «белым богом войны» и т. п. В статье проанализированы возможные основания для возникновения подобных характеристик. Основой представленного исследования служат остающиеся доселе малоизвестными данные, собранные монгольским ученым Б. Ринченом, разрозненные мемуарные сведения и до сих пор сохраняющиеся в Монголии воспоминания. Сопоставление приводимых Ринченом сведений с данными других источников показало, что в пользу ассоциации с Гэсэром, рассматриваемым как бог войны, свидетельствует появление Унгерна («белого богатыря») с войском с севера. Унгерн освободил от оккупантов Монголию и, в частности, ее столицу, покровителем которой является Дхармапала Джамсаран, ассоциировавшийся в некоторых буддийских представлениях монголов с Гэсэром. Кроме того, ассоциации с Гэсэром способствовала цель, неоднократно провозглашавшаяся Унгерном, — восстановление власти маньчжурского императора, покровителем которого считался Гэсэр. Наконец, Унгерн мог ассоциироваться с Гэсэром и потому, что в Монголии и в походе на Сибирь барон был легко ранен лишь один или два раза, хотя участвовал во многих боях. В статье обсуждаются и опросные данные.

Ключевые слова: барон Р. Ф. Унгерн, Монголия, бог войны, Гэсэр, Джамсаран

Для цитирования: Кузьмин С. Л., Митруев Б. Л. Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг как бог войны: исторические и религиозные основания. *Восточный Курьер / Oriental Courier.* 2023. № 3. С. 96–111. DOI: 10.18254/S268684310028202-0

Baron Roman F. von Ungern-Sternberg (1886–1921) was famous White Army warlord of the Russian Civil War. In 1921, he liberated Outer Mongolia from Chinese occupation and restored her independence. In publications he is often called the God of War, the White God of War, etc. Possible reasons for these designations are analyzed in this paper. It seems that sporadic information in memoirs and some memories still existing in Mongolia, which serves as the basis for this, may be corresponded with the data of Mongolian scholar B. Rinchen, which remain little known so far. Comparison of his information with other data speaks in favor of the association with Gesar considering the God of War, because the appearance of Ungern (“the White Hero”), advancing with his troops from the north, liberated Outer Mongolia and, in particular, her capital city, whose patron is Dharmapala Jamsaran, who was associated with Gesar in some Buddhist representations of the Mongols. In addition, the association with Gesar was promoted by the goal repeatedly proclaimed by Ungern, the restoration of the Manchu Emperor, whose patron was considered Gesar. Finally, Ungern could be associated with Gesar also because in Mongolia and in the campaign to Siberia, the Baron was lightly wounded only once or twice, although he participated in many battles. Narrative data are discussed.

Keywords: Baron R. F. Ungern, Mongolia, God of War, Gesar, Jamsaran

For citation: Kuzmin Sergius L., Mitruev Bembya L. Baron R. F. von Ungern-Sternberg as the God of War: Historical and Religious Grounds. *Oriental Courier*. 2023. No. 3. Pp. 96–111. DOI: 10.18254/S268684310028202-0

Барон Роман Федорович фон Унгерн-Штернберг (1886–1921) — известный белый военачальник периода Гражданской войны в России, в 1921 г. освободивший Внешнюю Монголию от китайской оккупации и восстановивший фактическую независимость страны. В публика-

циях его нередко называют богом войны, белым богом войны и подобными эпитетами, чаще используемыми в художественной, чем в научной литературе [Михалев, 2018, с. 157–178]. Популяризации этого способствует Интернет, где в наше время можно найти десятки упоминаний данного эпитета, в чем большую роль играет кросспостинг. Основу такой популярности, похоже, заложили опубликованные в 1925 г. мемуары Ф. А. Оссендовского, и в 1934 г. — мемуары А. С. Макеева.

Однако в общем пантеоне тибетского буддизма, который исповедовали Унгерн и большинство монголов, бог войны отсутствует. В то же время в ряде регионов распространения этой религии, как будет показано ниже, в пантеоне существует проявление Гэсэра, называемое «Божество войны Гэсэр, Драгоценность, подчиняющая врагов» (*тиб.* dgra lha'i rgyal po ge sar nor bu dgra 'dul). В «Тибето-монгольском словаре» тибетскому слову *dgra lha*, буквально «божество врага», или «божество (помогающее победить) врага», дан следующий перевод: «сүлд тэнгэр, байлдааны үед нөхөр болох тэнгэр» — «гений-покровитель, божество, помогающее во время войны» [Бүрнээ, Энхтөр, 2012, с. 112]. В Монголии для него используется термин «воинственное божество» (монг. *дайчин тэнгэр*). На официальном сайте «Монгол хэлний их тайлбар толь» дается следующее определение этого термина: «бөөгийн шүтлэгийн дайн байлдааныг захирах тэнгэр» (почитаемое шаманами божество войны, управляющее сражениями) [Дайчин тэнгэр, 2023].

Исторические данные

Причины появления эпитета «бог войны» применительно к Унгерну в литературе носят предположительный характер. Предполагается, что какие-то ламы, видя военные успехи и жестокость Унгерна, могли объявить его *докшитом* — гневным божеством-охранителем буддийского учения. В некоторых публикациях Унгерна ассоциируют с Махакалой, ссылаясь на то, что об этом когда-то говорили ламы (например [Шулунов, 1940, с. 115; Цибиков, 1947, с. 32; Вампилов, 1977, с. 55; Ломакина, 2003, с. 361; Демиденко, 2004, с. 118]). В тибетском буддизме, в том числе школы Гэлуг, преобладающей в Монголии, широко почитается Бегцзэ (тиб. Джамсаран) — гневное божество, защитник буддизма. В Монголии он считается покровителем монастырей Нийслэл-хурэ (Урги, сейчас Улан-Батор) — столицы страны, в 1921 г. освобожденной от китайских оккупантов Унгерном с его Азиатской конной дивизией. Изображение Джамсарана красного цвета, поэтому монголы и буряты называют его *Улаан сахиус* — Красный охранитель. В народной традиции его иногда называют богом войны. Но не только его. В качестве бога войны рассматривается Гэсэр, отчасти инкорпорированный в пантеон буддизма. По словам очевидца взятия Урги бароном Унгерном — Д. П. Першина, народная молва в Монголии называла «богом войны и мечом правды» также героя освободительной борьбы монголов Тогтохо-гуна (комментарий в кн. [Бурдуков, 1969, с. 370]).

Для анализа рассматриваемой проблемы важен анализ дошедших до нас сведений современников, так или иначе контактировавших с Унгерном и(или) с его соратниками. Кроме того, представляют интерес опросные сведения монгольских лам в наше время. Конечно, наибольшую ценность представляли бы документы о соответствующем обряде, но найти их нигде не удалось, равно как и сведения о том, что они когда-то существовали; вероятно, такие документы отсутствовали изначально. Во всяком случае, по словам Д. Чойжамца, хамбо-ламы Центра буддийской религии — монастыря Гандантэгчэнлин (Улан-Батор, Монголия), ему ничего не известно о наличии таких документов в архиве монастыря. Это важная информация, т. к. при социализме туда свезли часть материалов ликвидированных монастырей МНР.

Постараемся проанализировать все дошедшие до нас сведения такого рода, учитывая, что в ряде случаев это могут быть заимствования из общих

источников, кратко обсудив религиозные аспекты данной информации.

Вначале имеет смысл привести все известные сведения из мемуаров современников (общий список изученных материалов см.: [Кузьмин, 2011, с. 616–642]). Их можно разделить на две группы: простое упоминание того, что Унгерн — бог войны и сведения о некоем ритуале, о котором сообщали, что этим ритуалом он был признан богом войны. Рассмотрим обе группы отдельно.

Первым о том, что монголы считали Унгерна богом войны, сообщил Ф. А. Оссендовский в своем знаменитом романе, впервые опубликованном в 1922 г. Он писал, что перед аудиенцией у теократического монарха и главы буддийской церкви Внешней Монголии — Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII его и Унгерна встречали 200 лам, «приветствуя джанджина (генерала) почтительным шепотом: “Хан — бог войны”». По словам Оссендовского, Богдо-гэгэн назвал Унгерна «возрожденным богом войны, ханом благодарной Монголии» [Оссендовский, [1925] 2005, с. 238, 242]. Достоверность этих сведений вызывает сомнения. Книга Оссендовского содержит ряд преувеличений и домыслов, особенно в том, что касается религии (подробнее см.: [Кузьмин, Рейт, 2008]). При обычных аудиенциях гостей Богдо-гэгэна не встречало так много лам. Кроме того, Унгерн получил от Богдо-гэгэна титул дархан-хошой чин-вана в степени хана. Степень — не титул; кроме того, «хан» в данном случае обозначает монгольского удельного князя (монг. *хан*), а не великого хана всей Монголии (монг. *хаан*). В то же время, это упоминание можно считать указанием на то, что Оссендовский в Монголии слышал, что Унгерна называли богом войны.

Унгерновец С. Е. Хитун вспоминал, как он удивился, увидев, что «этот “бог войны”, “грозный барон” пятился на полусогнутых ногах от приседающего монгола, с самой вежливой и дружественной улыбкой» [Хитун, 2004, с. 580–615].

Уже упоминавшийся А. С. Макеев так описывал пленение Унгерна его монгольским дивизионом после того, как Азиатская дивизия взбунтовалась и направилась из Монголии в Маньчжурию. «Монгольская легенда, что барона Унгерна не берут пули, что он “бог войны”, бросилась в их первобытный мозг, и картина резко изменилась. Монголы соскочили с лошадей, пали на землю, и утренний рассвет огласился их жалобными мольбами — простить и помиловать их, поднявших руку на “бога войны”. <… > Группа старших монгол, сидя на корточках под громадным дубом, шепотом решала, как спастись. Убить Унгерна нельзя — он “бог войны”, и смерть его не берет, но освободиться от него нужно. Монголы выработали план... К палатке барона змейками поползло несколько самых отважных храбрецов, бесшумно вползли в палатку, накинули на голову Унгерна тарлык (монгольская верхняя одежда), в одно мгновение скрутили ему веревками руки и ноги и, отдавая поверженному “богу” поклоны, бесшумно исчезли» [Макеев, 1934, с. 110–111]. Макеев не был очевидцем этих событий. Начальник монгольского дивизиона Бишерельту Сундуй-гун описывал их по-другому [Кузьмин, 2011, с. 283–285].

Сходным с Макеевым образом эти события описал и другой унгерновец — М. Г. Торновский, который тоже не был их очевидцем: «Монголы связали Унгерна по рукам и ногам крепкими сыромятными ремнями, поставили палатку, положили в нее бога войны, укрыли тарлыком. <… > Но Унгерн признан Богдо-гэгэном богом войны и убить его — смертный грех, а потому нужно избавиться от него без кровопролития. <… > Генерал Унгерн не есть подлинный бог войны, так как убегает от красных, не победив их» [Торновский, 2004, с. 294, 296]. Этот пересказ содержит занятное противоречие: все-таки считали монголы Унгерна богом войны или нет? Кроме того здесь, как и в рассказе Оссендовского, отмечается, что Унгерна признал богом войны Богдо-гэгэн. О таком признании Богдо-гэгэном писал — очевидно, по рассказам унгерновцев — Дюфур [Dufour, 1942, p. 613].

Д. Алешин, также служивший в Азиатской конной дивизии, свидетельствовал: «Ему [Ун-

герну] говорили, что он сам — возродившийся Цаган Бурхан, или бог войны, и в своем неуравновешенном уме он уверился в том, что он был спасителем мира. …В своем движении Унгерн направил отряды так, чтобы они остановились в разных местах, согласно старым монгольским предсказаниям. Для простых кочевников это казалось чудесным, и они могли лишь предположить, что барон — действительно воплощенный бог войны, посланный на землю с какой-то великой миссией. Когда он провозгласил священную войну за Желтую веру, в сердцах монголов не осталось сомнений. Они присоединялись к нему охотно и слепо. …А что же барон? Монголы не решились убить Цаган Бурхана, своего бога войны. Кроме того, они твердо верили, что он не может быть убит. Не получили ли они только что доказательства этому? Не только русские казаки стреляли в барона, но целый бурятский отряд выпустил несколько залпов в него, и что в результате? Пули не причинили вреда Цаган Бурхану. Теперь несколько сот монгольских всадников лежали на земле, обсуждая ситуацию. Наконец, они решили послать самых храбрых из них к изнуренному барону. Когда они добрались до бога войны, то с почтением связали его веревками и оставили там, где он лежал. Затем они галопом умчались в разные стороны, чтобы Цаган Бурхан не знал, за кем гнаться» [Alioshin, 1941, p. 228, 266].

Основа этого рассказа та же, что у Макеева и Торновского. Вероятно, она восходит к унгерновцу, утверждавшему, что был очевидцем пленения барона монголами. Но здесь интересно, что монголы, по словам Алешина, называли Унгерна Цаган Бурханом (монг. *цагаан бурхан* — белый бог). Похожее упоминание есть лишь у одного мемуариста — Голубева, оставившего большую рукопись об Унгерне, в которую вошли рассказы многих очевидцев, общавшихся с бароном в Урге. Голубев писал: «Унгерну доставляло неизмеримое удовольствие, когда монголы видели в нем что-то неземное, Цаган-Бурхана, “перерожденца”. А может быть, он и действительно верил в то, что он “перерожденец”?» [Голубев, 1926, л. 186].

Любопытно, что, согласно большому монгольско-русскому словарю, *цагаан бурхан* в старину означало оспу. В монгольских книгах, в том числе в мемуарах, применительно к Унгерну такое значение не встречается. Этому может быть два объяснения. (1) Слова *«цагаан бурхан»* говорили монголы. Дословный перевод — «добрый (белый) бог». Такое обозначение оспы, судя по словарю, — устаревшее, связанное с табуированием. Это понятно: у монголов был обычай табуировать некоторые термины и обозначать их другими словами. В данном случае — для того, чтобы избежать оспы, используя термин, который ее умилостивит. (2) В русских мемуарах для Унгерна встречаются термины «белый воин», «белый всадник», «белый хан» и т. п. Более того, есть там такие «переводы с монгольского»: «Цаган Бурхан, или бог войны», «Цаган-Бурхан, перерожденец». Значит, оспа тут ни при чем. Но почему «белый»?

Очевидно, здесь подразумевается старое монгольское предание, что с севера придет великий белый воин, или хан, который разобьет врагов и освободит монголов. Служивший в Азиатской конной дивизии польский татарин К. Гижицкий вспоминал свой разговор с Унгерном: «Вручая генералу рапорт о прошедшей поездке, напомнил я, что в Урге ожидают помощи, но барон, глядя на меня почти весело, произнес:

— Знает ли пан предсказание, которое вынуждает меня идти в глубь Забайкалья?

— Нет.

— А в таком случае выслушайте меня: придет с севера белый человек, а глаза его будут как кусочки льда. Пройдет по земле, как огонь и смерть. Это будет бог войны, который даст счастье и спокойствие монгольским народам. Чтобы это предсказание исполнилось, я должен идти не в Ургу, а залить кровью Забайкалье — так как оттуда придет бог войны, — произнес барон» [Гижицкий, 2018, с. 156].

Итак, можно предположить, что кто-то в Монголии признавал Унгерна тем самым воином и богом войны, и это сохранилось в мемуарах — причем только в мемуарах иностранцев:

подобные упоминания в мемуарах монголов-современников унгерновской эпопеи нам неизвестны. Здесь мы подходим ко второй группе сведений — о некоем ритуале.

Религиозные данные

К. И. Лаврентьев [Лаврентьев, 2004, л. 328] вспоминал о церемонии коронации Богдо-гэгэна VIII как великого хана Монголии, в которой участвовал Унгерн: «А одеяние на нем было действительно необычное: что-то золотисто-алое, с шапкой, украшенной лентами, с какими-то один на другом халатами и курмами одна ниже другой».

Унгерновец Н. Н. Князев вспоминал, что в Монголии Унгерн был принят «как желанный освободитель, перерожденец могучего батора (богатыря) прежних времен и даже гения войны» [Князев, 1934, с. 27]. Князев оставил и довольно подробное описание этой церемонии: «В кумирне Майдари [храм Майдарын-сумэ монастыря Дзун-хурэ в Урге. — *Авт.*] с утра звучал странный оркестр из морских раковин; оглушительно гремели гигантские трубы, и музыка эта сопровождалась аккомпанементом барабанов всевозможных размеров. По храму носились густые облака ароматических курений. Экипаж Богдо-хагана был встречен многочисленным духовенством, разряженным в парадные облачения. Монахи вынесли Богдо из кареты и, осторожно поддерживая под руки, повели через настежь открытые центральные двери храма. Богдо проследовал до главного алтаря, возле которого стоял приготовленный для него трон. Церемония коронации длилась полтора часа. <…> Внутри же храма мерцали тысячи лампад... Можно было рассмотреть изображения Будд и бодхисатв и художественные редкости… Непосредственно вслед за возложением короны на Богдо-хагана, состоялось наречение барона Унгерна воплощением бога войны. Богдо возложил на барона какой-то необычайный головной убор, отдаленно напоминавший митру католического епископа. Затем ламы торжественно взяли барона под руки и вывели из кумирни, чтобы показать народу. <… > Чрезвычайно было также существенно, что высшие духовные авторитеты подвели под него прочный религиозный фундамент, объявив его божественным перевоплощенцем величайшего из легендарных баторов. В этой стране, где самый воздух и каждая пядь земли насквозь пропитаны мистицизмом, хубилган-барон мог блестяще использовать свое положение “живого бога”, чтобы заставить монгольский народ с сердечным трепетом благоговейно преклониться перед его волей» [Князев, 2004, с. 68, 90].

По данным современного монгольского исследователя, сразу после возведения на великоханский престол Богдо-гэгэна барон участвовал вместе с Богдо в храме в некоем ритуале. По воспоминаниям донира Жамбала, в главном храме (цогчин дуган) Унгерн совершил подношение Богдо-гэгэну. Барон и Богдо в это время были одеты в монгольские халаты из шелковой материи с вытканными золотом драконами ([Өвгөн Жамбалын яриа, 1959, с. 79]. В оригинале — опечатка: вместо «Богд» напечатано «Бодоо».).

Отмеченный Князевым головной убор напоминает корону в ритуалах тантрических посвящений. Но Богдо-гэгэн IX выразил сомнение, что это было посвящение в тантру [Кузьмин, 2011, с. 381]. Действительно, тантрическое посвящение — тайное, так что в тантрической короне человек не будет напоказ выходить из храма. Если Унгерн действительно был признан эманацией Джамсарана (см. ниже), это могла быть зимняя ламская шапка. Из таких шапок наиболее походит на митру головной убор цорджа (тиб. *chos rje*) — второго лица после хамболамы в крупных монастырях или высшего должностного лица в небольших монастырях.

Как правило, во время интронизации большого ламы-перерожденца (тиб. *тулку*, монг. *хувилгаан*, *хубилган*), имеющего монашеское посвящение, в традиции Гэлуг используется желтая шапка, называемая «шапка пандиты» (тиб. *pan zhwa*), которую в свое время носил Лама Цонкапа. Верхняя остроконечная часть этой шапки

напоминает шип, от верхней части отходят два длинных «уха» (тиб. *rna ring*), похожие на ленты. Эта шапка отдаленно напоминает митру католического епископа, развернутую на 90°. Во время возведения на трон, шапка, используемая для церемонии, как правило снимается после ее завершения. Иногда, при сопровождении большого ламы на церемонию или проповеди, ламы, имеющие достаточно высокий статус для ношения этого головного убора, надевают его и вне храма. Так, держатель трона монастыря Ганден (Ганден-трипа), являющийся высшим иерархом Гэлуг, надевает остроконечную желтую шапку пандиты, ведя процессию, встречающую нынешнего Далай-ламу XIV для препровождения его на место проповеди.

Что же касается официального признания перерожденцем, то этот ритуал проводится внутри храма и не связан с возложением короны, в которой человек затем выходит наружу.

Отсутствие более точных сведений не позволяет однозначно предположить, какой именно головной убор был использован для Унгерна на церемонии интронизации Богдо-гэгэна VIII как великого хана Монголии. Однако, принимая во внимание тот факт, что он в тот день получил от Богдо-гэгэна титул дархан-хошой чин-вана, скорее всего, на нем была шапка монгольского феодала.

Право носить халат из шелковой материи с драконами (монг. *магнаг дээл*) — символом высокого достоинства — цинские императоры (великие ханы) раньше иногда даровали высшим ламам, некоторым представителям монгольской и тибетской знати. Теперь монгольский великий хан мог даровать такое право Унгерну. Однако если этот халат и использовался, то лишь в описанной церемонии: оранжевый халат барона, в котором он ходил позже, вышит обычным монгольским орнаментом без драконов.

Наиболее важные данные о признании Унгерна богом войны привел известный монгольский ученый Б. Ринчен (1905–1977). Его сын Р. Барсболд сообщил, что к его отцу приходили ламы «старого образца», которых к тому времени оставалось всего несколько человек, они были очевидцами многих событий прошлого; они беседовали, читали свои записи и т. д. По его словам, беседы касались масок для ритуала Цам (Ринчен расспрашивал об этом для своей публикации за рубежом); остальное относится к области предположений; ламы старой школы, как ему кажется, отличались образованностью, хотя его отец был далек от их идеализации.

Очевидно, на основе рассказов лам Б. Ринчен писал: «Барон Унгерн фон Штернберг, взявший Ургу, зимой 1921 г. остановился в Маймачене во дворе китайского храма Гэсэра и объявил ламам дацана Дашсамданлин, которые пришли поднести ему чай и сладости, что он прибыл защищать святую религию Будды и трон великих маньчжурских императоров, покровителей буддизма, от красных и атеистов. Эта новость поразила воображение до слез, и они провозгласили барона Унгерна фон Штернберга воплощением Гэсэра Воинственного — *тобуу Гэсэр-ун хубилган*. Ламы Дашсамданлин-дацана рассказывали, что пули красных русских — *улаан орос* и черных китайцев — *хара хятад* были безвредны для воплощения Гэсэра — *Барон жанжин*, барона-главнокомандующего, и ранить его могла бы только пуля монгола. Ламы монастыря Дзун-хурэ в Урге распространяли слух, что барон Унгерн фон Штернберг был воплощением Бегцзэ или Джамсарана, как я упоминал в своем историческом романе “Заря над степью”» ([Rintchen, 1958, с. 9–10]. Надо отметить, что опубликованные позже переводы и трактовки этой части статьи Ринчена не всегда точны [Ринчен, 1995, с. 42; King, 2016, p. 48; Ратклифф, 2017, с. 70; Ratcliffe, 2019, p. 122–123]). Упомянутый храм Гэсэра см. на *Илл. 1.*

Б. Ринчен отмечал в пояснении, что написал эту статью в 1956 г., а про Унгерна и Гэсэра — впервые в историческом романе «Заря над степью» [Ринчен, 1955, с. 233–239; рус. перев.: Ринчен, 1972, с. 344–345, passim] В монгольском варианте этого романа сказано, что, когда Унгерн изгнал из столицы Монголии китайских оккупантов, в столичном Маймачене ламы

Илл. 1. **Храм Гэсэра в ургинском Маймачене**
По: [МУУТА, КГДТ, К-23974]
Fig. 1. **Temple of Geser in Urga Maimacheng**
Source: [МУУТА, КГДТ, К-23974]

монастыря Дашсамданлин говорили, будто он вновь восстановил автономное правительство, и в честь него вознесли Гэсэру ритуал Сор (тиб. *Zor* — об этом ритуале подробнее см. ниже); они считали, что оккупанты уничтожены благодаря защитнику учения (монг. *чойжин сахиус*), Сору Гэсэра и полководцу Барону — хубилгану Гэсэра, который восстановил во власти Богдохана. Как видим, формулировки здесь несколько другие, чем в процитированной статье Ринчена.

Добавим, что, возможно, монголы рассматривали действия Унгерна как божественное вмешательство Гэсэра именно потому, что он отвечал их чаяниям и молитвам об освобождении Джебцзундамы и Монголии от китайцев. Его борьба с китайскими войсками рассматривалась как прямой ответ на их молитвы к божествам-защитникам, в особенности — Гэсэру, поэтому для них логично было видеть в нем его воинственное проявление.

В русском переводе романа Ринчена это изложено так: «Ламы заявляли, что барон Унгерн — перевоплощенец грозного гения-хранителя желтой религии Джамсарана, перевоплощенец призванного уничтожить зло на земле Гэсэр-хана. Гэсэр-хан считался и гением-хранителем государства дайцинов [империи Цин. — *Авт.*]. Потому-то его нынешнее воплощение в лице Унгерна и должно было восстановить маньчжурскую империю». Затем приводится перевод с тибетского одного из гимнов Гэсэру, где говорится о победе Гэсэра над врагами. По словам Ринчена, в храме Дашсамданлин 300 лам участвовали в молебнах и жертвоприношениях Гэсэр-хану, а перепуганные жители Урги и Маймачена истово молились Гэсэру и просили его уберечь их в эти смутные и грозные времена. Далее Гэсэр-хан упоминается в стиле художественных вымыслов.

В современной Монголии вопрос о признании Унгерна богом войны малоизвестен. Лама Ц. Алтанхуу из восстановленного монастыря Дзун-хурэ в Улан-Баторе сообщил, что старые ламы при социализме предпочитали не говорить об Унгерне. С 1990-х гг. ученые проводили опросы старых лам, но они не касались этой темы. Монголовед К. Телеки, проводившая опросы в 1990-х гг. в Улан-Баторе о прошлом религии Монголии, сказала, что никто не говорил ей об Унгерне. Это видно также по ее недавно опубликованной книге на данную тему [Teleki, 2022]. Это согласуется и с рассказами старых лам, недавно опубликованными монгольскими исследователями: рассказов об Унгерне там нет [Монголын бурханы шашны аман түүх, 2021]. По словам Р. Бямбаа-ламы, в прошлом были разговоры о воплощении Унгерна, но нет точных данных, что его признали Джамсараном; о признании воплощением Гэсэра он не знает. По мнению ламы Ц. Алтанхуу, поскольку Унгерна пригласил в Ургу Богдо-гэгэн VIII, чтобы освободить ее, такое решение не могло быть принято без молитв Джамсарану как покровителю солдат.

Приведенные данные в большинстве опираются на разные источники, что повышает их

достоверность. Эти данные, а также наличие эпитета «бог войны» для Унгерна в мемуарах современников, позволяют допустить, что ламы объявили Унгерна эманацией Гэсэра и Джамсарана. Церемония интронизации Богдо-гэгэна VIII как великого хана (Богдо-хана) Монголии с участием в ней Унгерна в феврале 1921 г. прошла в храме Майдарын-сумэ монастыря Дзун-хурэ в Урге. Так что нельзя исключать, что Богдо-гэгэн VIII санкционировал решение этих лам.

О культе Гэсэра в Монголии

Монгольский оригинал романа Ринчена [Ринчен, 1955] содержит детальные сведения. В нем глава 18, посвященная Гэсэру, фактически представляет научное исследование его культа в Монголии. Дацан Гэсэра в ургинском Маймачене был знаменит по всей стране. Кроме того, богачи хошуна (удела) Далай-Чойнхор-вана почитали Гэсэра. При власти МНРП это влияние упало, большое влияние приобрел богатый монастырь Тариатын-хийд (на северо-западе Монголии, который стал одним из центров народного восстания против социализма в 1932 г.). В этом монастыре каждый год проходил религиозный праздник Цам, на котором почитали Гэсэра. Далее говорится о подчинении монгольских народов цинским императорам, о том, что Гэсэр-хан считался охранителем власти и государства маньчжурского хана (цинского императора). Рассказывается о кодификации книг о Гэсэр-хане во Внешней Монголии. Детально рассказывается о развитии образа Гэсэра по сочинениям лам и кратко о развитии культа Гэсэра в Монголии. Далее Ринчен отмечает, что Богдо-гэгэн V строил дацан Гэсэра, провел ритуал Сор Гэсэра. По этим причинам маньчжурский император очень благоволил к Богдо-гэгэну V и видел в нем своего сторонника. В свою очередь Богдо-гэгэн V проводил большие молебны в монастыре Гуанлосёгийн-сумэ в Маймачене, подносил много изображений Гэсэра, подарил два тома книг по культу Гэсэра, считал, что Гэсэр — эманация Джамсарана, верующим говорил, что надо почитать Гэсэра и дацан Дашсамданлин. Он вырезал деревянное изображение Гэсэра. Подражая Богдо-гэгэну V, другой высший лама Монголии — Заин-гэгэн (халхаский Заяпандита-хутухта) — в Доод-хурэ построил храм Гэсэра. Ринчен писал, что и при Богдо-гэгэне VIII в том же дацане Гэсэра совершали молебен, а в ряде монастырей, в том числе в дацане Дашсамданлин, делали ритуал Сор Гэсэра.

В чем цель этого ритуала? Р. де Небески-Войковиц пишет, что некоторые магические виды оружия, называемые *сор*, похожи на *торма* (тиб. *gtor ma*) — фигуры, которые состоят в основном из теста, обычно имеющие форму небольшой пирамиды. Тибетские ритуальные книги, особенно при описании различных магических церемоний, предписывают исполняющему обязанности священнослужителя разместить эти и другие виды *соров* вокруг *торма*. Соры позже «заряжаются» магическими силами, и, при бросании сора, разрушительные силы затем выпускаются и направляются против противника. Таким образом, *сор* — это разновидность *торма* или крест из нитей, в котором было «заточено» магическое оружие божества. После того, как божество пообещало выполнить все требуемые задачи, это оружие и содержащиеся в нем магические силы высвобождаются путем бросания этих предметов или их размещения в изолированном месте [Nebesky-Wojkowitz, 1996, с. 354].

Гэсэр рассматривался монголами как бог войны — герой добуддийского монгольского и тибетского эпоса, совершивший много подвигов, который должен вернуться для освобождения монголов и тибетцев в тяжелые времена (примерно то, что говорил Унгерн Гижицкому — см. выше).

В Китае Гэсэра стали отождествлять с военачальником по имени Гуань Юй (ум. 294 г.), который в 1594 г. был официально обожествлен как бог войны Гуань-ди. Гуань-ди стал идентифицироваться как Гэсэр в основном в цинское время, когда с середины XVIII в. его храмы распространились в цинских гарнизонных

городках на монгольских и тибетских землях. В период коллапса империи Цин в XX в. определение Гуань-ди как Гэсэра стало акцентироваться в связи с провозглашением независимости Монголии и Тибета, и к середине XX в. исходная идентичность его как китайского божества была почти забыта, храмы стали известны как храмы Гэсэра. Среди последователей школы Гэлуг, преобладающей в Монголии, эта замена была заимствована из народной культуры, причем культ Гэсэра получил развитие в основном в монгольских, а не тибетских регионах. Основные культовые ассоциации этого божества были связаны с Бегцзэ (Джамсараном) и с тибетским местным божеством-покровителем Дзонгцен Шенпа. В то время культ Гэсэра приобрел значительную популярность в китайско-монгольских регионах. Во всех тибетоязычных источниках отождествление Гуань-ди с Гэсэром не было сделано явно [Fitzherbert, 2020, p. 180–185].

В Тибете поклонение Гэсэру как божеству-защитнику довольно популярно в областях Кам и Амдо (где проживает много монголов). Существует ряд текстов ритуалов подношения этому защитнику и традиция посвящений Гэсэра. Одними из самых популярных текстов, связанных с практикой почитания этого божества, являются сочинения Мипама Намгьял Гьяцо (тиб. *mi pham rnam rgyal rgya mtsho*; 1846–1912).

Храмы Гуань-ди (Гэсэра) были и в нескольких городах Внешней Монголии. В ургинском Маймачене (китайской торговой слободе в столице) был храм Дашсамданлин. Богдо-гэгэн V Лобсанг Цультим Джигме Тенпей Гьялцен (1815–1841) освятил там статую Гэсэра, «сделав ее буддийским гелонгом» (монахом), и подарил храму Дашсамданлин книгу «Цикла учений о Гэсэре» (тиб. *ge sar chos skor*) — «сборник заклинаний, магических формул от имени Гэсэра, молитв и заклинаний к Гэсэру». В этом храме были иконографические изображения Воинственного Гэсэра и Мирного Гэсэра, последним был Монах Гэсэр, освященный Богдо-гэгэном V. Монголы ходили в этот храм, молились и делали подношения Гэсэру. Монголы, жившие в Маймачэне, были горячими поклонниками Гэсэра. У них были монгольские рукописные переводы китайского романа «Троецарствие», один из главных героев которого — древнекитайский военачальник Гуань Юй, обожествленный как бог войны Гуань-ди и отождествлявшийся с Гэсэром. Одной главы в тех переводах не хватало — той, в которой говорилось о смерти Гуань Юя; ее чтение рассматривалось монголами как оскорбление. Гэсэру приносили жертвы также монгольские шаманы ургинского Маймачена. Во время цинско-японской войны 1894 г. монголы и китайцы, жившие в ургинском Маймачене, ламы и миряне, стали строить новую статую Воинственного Гэсэра в старом храме Мирного Гэсэра, поскольку старый Монах Гэсэр не охранял маньчжурского императора от врагов. До 1937 г. в Маймачене существовал обычай, что 300 лам Дашсамданлина ежегодно на 30-й день 5-й луны торжественно приносили жертву Воинственному Гэсэру и Мирному Гэсэру [Rintchen, 1958, p. 8–10].

Вместе с тем китайцы ургинского Маймачена рассматривали Гэсэра как Гуань-ди. Судя по фотографии, на его храме находилась надпись на китайском языке с величанием Гуань-ди, сделанным маньчжурским императором Иньчжэнем (1678–1735, правил с 1722 г.): «[Будет почитаться на протяжении] десяти тысяч поколений, [до] предела [существования] людей».

Исследование Ц. П. Ванчиковой показало, что почти все монгольские и бурятские тексты относительно Гэсэра «несут следы буддийского влияния, в них встречается много слов тибетского происхождения, буддийских имен и терминов, что может говорить о том, что они, возможно, были когда-то переведены на монгольский с тибетского языка и что они были написаны во второй период распространения буддизма в Монголии, т. е. в XVI–XVII вв., если судить по тому, что в них встречаются архаичные формы написания монгольских слов и устаревшие грамматические формы... По сходству функций либо по внешнему облику воплощения Гэсэра (или его чудесного скакуна) близки ряду персо-

Илл. 2. **В 1950-х гг. лама Данзан восстановил в Бадма-Ёга-дацане Улан-Батора фигуру Гэсэра.** Образцом послужила фигура, поставленная там до революции по образцу из храма Гэсэра в ургинском Маймачене. До нашего времени все три фигуры не сохранились. На фотографии: справа лама Данзан; слева хамбо-номун-хан габджу С. Гомбожав; слева от него бурятский пандидо-хамбо-лама Гомбоев; первый слева — переводчик в светской одежде.
Фотографию для пересъемки и воспроизведения предоставил ловон-лама Бадма-Ёга-дацана Ц. Гунчин-Иш.

Fig. 1. **In the 1950s, Lama Danzan restored the figure of Gesar in the Badma Yoga Datsan of Ulaanbaatar.** The figure placed there before the revolution, based on the model from Gesar Temple in Urga Maimachen, served as a model for that statue. All three figures have not survived. In the photo: Lama Danzan on the right; Khambo Nomun Khan Gabju S. Gombojav on the left; the Buryat Pandido Khambo Lama Gomboev to his left; an interpreter in secular clothes first on the left.
The photo was provided by Lovon Lama of Badma Yoga Datsan Ts. Gunchin-Ish.

нажей буддийского пантеона; он предстает как божество войны Гэсэр (тиб. *Далха*, монг. *Дайсун тэнгри* или *Дайчин тэнгри*), иногда отождествляется с Джамсараном. Более поздним (с конца XVIII в.) является отождествление Гэсэра с богом войны в китайской мифологии — Гуань-ди, с которым были связаны китайские храмы Гэсэра, расположенные на территории Монголии» [Ванчикова, 2017, с. 147–149].

В 1919–1920 гг. последователь китайского буддизма по имени Дзахар из рода Гувэ собирал деньги с китайской общины для строительства нового храма Гэсэра — рядом с монастырем Гандантэгчэнлин в Улан-Баторе. Этот храм был

построен в 1919 г. В 1930-х гг., когда по всей МНР уничтожались монастыри и храмы, китайцы выступили против его сноса — как храма, принадлежащего Китаю, а не Монголии (лама Ц. Гунчин-иш, личное сообщение). Сейчас это одно из зданий монастыря Бадма-Ёга-дацан. В нем в настоящее время нет изображений Гэсэра, но о прошлом этого храма ламы помнят (*Илл. 2*).

Почему Р. Ф. Унгерна могли счесть воплощением Богдо-гэгэна V?

Как упоминалось выше, в мемуарах современников-монголов упоминаний Унгерна как бога войны найти не удалось, за исключением данных Ринчена. Но есть и другое указание. В бытность Унгерна в Монголии говорили, что он является воплощением пятого Богдо [Наваанамжил, 1956, с. 235–250]. Однако воплощением Богдо-гэгэна V (1815–1841) был Богдо-гэгэн VIII (1869–1924) — современник Унгерна. Не исключено, что эти слухи объясняются смешением двух событий: признания Унгерна воплощением Гэсэра и освящением статуи Гэсэра Богдо-гэгэном V (см. выше).

Возможны и другие объяснения. Лама может иметь разные воплощения: ума (тиб. *thugs*), речи (тиб. *gsung*) и тела (тиб. *sku*), иногда к этому добавляют воплощения качеств (тиб. *yon tan*) и деяний (тиб. *'phrin las*). Первые три могут соотноситься с тремя телами Будды: ум — дхармакая, речь — самбхогакая, тело — нирманакая.

Так, у известного тибетского ламы Джамьянга Кьенце Вангпо (тиб. *'jam dbyangs mkhyen brtse'i dbang po*; 1820–1892) было пять воплощений. Воплощения тела (тиб. *sku*): Дзонгсар Кьенце Джамьянг Чокьи Вангпо (1894? – 1908), Джамьянг Чоки Вангчуг (1909–1960). Воплощения речи (тиб. *gsung*): Карма Кьенцеи Осер (1896–1945), Беру Кхьенце II (Беру или Палпунг Кхьенце) (1946–). Воплощения ума (тиб. *thugs*): Сакья Пунпо Кьенце (1900–1950), Дилго Кьенце Рабсал Дава (1910–1991), Се Пхагчог Дордже (1854–1919). Воплощения качеств (тиб. *yon tan*): Дзогчен Кхьенце Гуру Цеванг (ок. 1897 – ок. 1945), Нангчен Кьенце Кунзанг Дродул (1897–1946). Воплощения деяний (тиб. *phrin las*): Каток Кьенце Джамьянг Чокьи Лодро (1893–1959), позже известный как Дзонгсар Кхьенце Чокьи Лодро.

По мнению ламы Ц. Алтанхуу, воплощение ума Богдо-гэгэна V — это Богдо-гэгэн VIII, а воплощением речи или тела могли считать Унгерна. Кроме того, Богдо-гэгэн V построил в Урге храм Майдарын-сумэ, в нем — статую бодхисаттвы Майдара (Майтреи). Алтанхуу обратил внимание, что в советско-монгольском фильме «Его зовут Сухэ-Батор» показано: именно в этом храме, именно перед этой статуей Унгерн принял буддизм. Данный фильм снят в 1942 г., когда еще были живы люди, которые могли это видеть. По мнению Алтанхуу, потому это и было снято именно в храме Майдарын-сумэ.

Другие аргументы привел лама Н. Амгалан: обсуждаемые слухи могли быть связаны с тем, что Богдо-гэгэн V предсказывал, что в будущем придет человек, который освободит Монголию, и тогда Богдо-гэгэн станет ее теократическим монархом.

Заключение

Таким образом, данные Б. Ринчена проливают свет на разрозненные и основанные на слухах сведения, приведенные выше. По-видимому, в описаниях российскими очевидцами участия Р. Ф. Унгерна в церемонии интронизации Богдо-хана смешались разные события: дарование Унгерну монгольского феодального титула и то, что некоторые ламы могли считать Унгерна эманацией Гэсэра, а затем — Джамсарана, с которым Гэсэр иногда ассоциируется.

В биографии Далай-ламы V приводится случай, когда другой известный военачальник также считался воплощением Гэсэра: «Верхние, средние и нижние монголы[1] говорили, что хал-

1 Т. е. хошуты, восточные монголы и южные монголы.

хаский Ахай Дайчин является воплощением Гэсэра»[2] [blo bzang rgya mtsho, 2009, с. 98]. То, что Унгерн — воплощение бога войны, они могли решить лишь на основе его действий: ведь он не был канонически выявлен как хубилган.

Традиционно выявление перерождения того или иного ламы происходит в детстве. Представители монастыря или ламской резиденции (тиб. *bla brang*) обращаются к высокому буддийскому иерарху с просьбой найти или по крайней мере указать область, где необходимо искать новое воплощение. После нахождения кандидатов в перерожденца проводится процедура их проверки, включающая в себя распознавание вещей, принадлежавших предыдущему перерождению, а иногда и людей из окружения прошлого перерождения. За этим следует формальное оглашение нового перерождения и церемония возведения на трон.

Как известно, в случае с Унгерном эти процедуры не были выполнены, и он был признан воплощением Гэсэра лишь в зрелом возрасте за заслуги перед Монголией, Джебцзундамбой и буддийской религией.

В пользу ассоциации с Гэсэром говорит появление Унгерна — «белого богатыря» — с войском с севера, освобождение им от оккупантов Монголии и, в частности, ее столицы, покровителем которой является Джамсаран. Кроме того, ассоциации с Гэсэром способствовала цель, неоднократно провозглашавшаяся Унгерном: восстановление власти маньчжурского императора, покровителем которого считался Гэсэр. Наконец, Унгерн мог ассоциироваться с Гэсэром и потому, что в Монголии и в походе на Сибирь Унгерн был легко ранен лишь один или два раза, хотя участвовал во многих боях. Правда, в рамках религии защиту от ранений можно объяснить и тем, что Унгерн носил много талисманов, в том числе мантру из сутры «Упокоение черной брани» (тиб. *'phags pa kha mchu nag po zhi bar byed pa zhes bya ba thegs chen po'i mdo*) [Кузьмин, 2011, с. 379].

Возможно, перечисленные выше соответствия и послужили основой того, что Унгерна называли богом войны.

Благодарности

Авторы приносят благодарность Р. Барсболду (Улан-Батор) за сведения о Б. Ринчене, ловонламе Ц. Гунчин-ишу (монастырь Бадма-Ёгадацан, Улан-Батор), хамбо-ламе Д. Чойжамцу (Центр буддийской религии — монастырь Гандантэгчэнлин, Улан-Батор), Н. Амгалан-ламе (ученому секретарю Института науки и культуры Центра буддийской религии — монастыря Гандантэгчэнлин, Улан-Батор), Р. Бямбаа-ламе (профессору кафедры востоковедения Варшавского университета), Ц. Алтанхуу-ламтану (монастырь Дзун-хурэ Дашчойлон, Улан-Батор) и К. Телеки (исследователю Института восточноазиатских исследований, Будапешт) за мнения и информацию о возможных причинах провозглашении Р. Ф. Унгерна воплощением Гэсэра, Джамсарана и Богдо-гэгэна V, высказанные С. Л. Кузьмину; С. В. Дмитриеву (ведущему научному сотруднику ИВ РАН) за перевод китайской надписи в Маймачене.

Список источников и литературы / Sources and References

Бурдуков А. В. *В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма.* Москва: Наука, 1969. 419 с. [Burdukov A. V. *In the Old and New Mongolia. Memoirs. Letters*. Moscow: Nauka, 1969. 419 p. (in Russian)].

Бүрнээ Д., Энхтөр Д. *Төвд-монгол толь*. Улаанбаатар: Монгол улсын их сургууль. 2012. 535 х. [Burnee D., Enkhtur D. *Tibetan – Mongolian Dictionary*. Ulaanbaatar: Mongol ulsyn ikh surguul, 2012. 535 p. (in Mongolian and Tibetan)].

Вампилов В. Барон в павлиньих перьях. *Наука и религия*. 1977. № 2. С. 55–57 [Vampilov V. The

2 hor stod smad bar gsum rnams a kha'i 'di ge sar gyi spral pa yin zhes zer [blo bzang rgya mtsho, 2009, с. 98] (перевод Б. Митруева).

Baron in Peacock Feathers. *Nauka i Religiya*. 1977. No. 2. Pp. 55–57 (in Russian)].

Ванчикова Ц. П. О культе Гэсэра по обрядовым текстам на монгольском языке. *Гуманитарный вектор*. 2017. Т. 12. № 2. С. 145–151 [Vanchikova Ts. P. On the Cult of Gesar According to Ritual Texts in Mongolian. *Gumanitarnyi Vector*. 2017. Vol. 12. No. 2. Pp. 145–151 (in Russian)].

Гижицкий К. *Через Урянхай и Монголию. Воспоминания из 1920–1921 гг.* Москва–Берлин: Директ-Медиа, 2018. 210 с. [Gizicky K. *Through Uryankhai and Mongolia. Memoirs from the Years 1920–1921*. Moscow–Berlin: Direkt-Media, [1929] 2018. 210 p. (in Russian)].

Голубев. *Воспоминания*. 1926. Hoover Institution on War, Revolution and Peace Archives, Stanford, DK254/U7G662. 354 p. (сокр. изд. в кн.: *Барон Унгерн в документах и мемуарах*. М.: КМК, 2004. С. 518–552) [Golubev. *Memoirs*. 1926. Hoover Institution on War, Revolution and Peace Archives, Stanford, DK254/U7G662. 354 p. (Excerpts published in: *Baron Ungern in Documents and Memoirs*. Moscow: KMK, 2004. Pp. 518–522 (in Russian)].

Дайчин тэнгэр. *Монгол хэлний их тайлбар толь*. (Толковый словарь монгольского языка) [Explanatory dictionary of the Mongolian language (in Mongolian)]. URL: https://mongoltoli.mn/search.php?opt=1&ug_id=30708&word=дайчин%20тэнгэр (accessed 07.10.2023).

Демиденко М. И. *Барон Унгерн: белый рыцарь Тибета*. М.: Яуза–Эксмо, 2004. 320 с. [Demidenko M. I. *Baron Ungern, the White Knight of Tibet*. Moscow: Yauza–Eksmo, 2004. 320 p. (in Russian)].

Князев Н. Н. Легендарный барон (отрывки из воспоминаний о генерал-лейтенанте бароне Унгерне). *Луч Азии* (Харбин), 1934. № 4. С. 23–28 [Knyazev N. N. The Legendary Baron. *Luch Azii* (Harbin). 1934. No. 4. Pp. 23–28 (in Russian)].

Князев Н. Н. *Легендарный барон*. Харбин: изд. часть Главного бюро по делам российских эмигрантов, 1942. 211 с. (изд. 2 в кн.: *Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны*. М.: КМК, 2004. С. 13–167) [Knyazev N. N. *The Legendary Baron*. Harbin: Main Bureau of Russian emigres, 1942. 211 p. 2nd ed. in: *The legendary Baron: Unknown Pages of the Civil War*. Moscow: KMK, 2004. Pp. 13–167 (in Russian)].

Кузьмин С. Л. *История барона Унгерна. Опыт реконструкции*. М.: КМК. 2011. 659 с. [Kuzmin S. L. *History of Baron Ungern. A Reconstruction*. Moscow: KMK, 2011. 659 p. (in Russian)].

Кузьмин С. Л., Рейт Л. Записки Ф. А. Оссендовского как источник по истории Монголии. *Восток (Oriens)*. 2008. № 5. С. 97–110 [Kuzmin S. L., Rejt L. J. Notes by F. A. Ossendowski as a Source on the History of Mongolia. *Vostok / Oriens*. 2008. No. 5. Pp. 97–110 (in Russian)].

Лаврентьев К. И. Взятие г. Урги бароном Унгерном в 1921 году. Харбин. 1925. *Барон Унгерн в документах и мемуарах*. М.: КМК, 2004. С. 312–335 [Lavrentiev K. I. Capture of Urga by Baron Ungern in 1921. Harbin. 1925. *Baron Ungern in Documents and Memoirs*. Moscow: KMK, 2004. Pp. 312–335 (in Russian)].

Ломакина И. И. *Грозные Махакалы Востока*. М.: Яуза – Эксмо, 2003. 384 с. [Lomakina I. I. *Formidable Mahakalas of the East*. Moscow: Yauza – Eksmo, 2003. 384 p. (in Russian)].

Макеев А. С. *Бог войны — барон Унгерн: Воспоминания бывшего адъютанта начальника Азиатской конной дивизии*. Шанхай: А. П. Малык и В. П. Камкина, 1934. 143 с. (переизд.: *Барон Унгерн в документах и мемуарах*. М.: КМК, 2004. С. 430–489; *Белая эмиграция в Китае и Монголии*. М.: Центрполиграф, 2005. С. 34–101) [Makeev A. S. God of War — Baron Ungern: Memoirs of the Former Adjutant of the Chief of the Asiatic Cavalry Division. Shanghai: A. P. Malykh & V. P. Kamkina, 1934. 143 p. Also, in: *Baron Ungern in Documents and Memoirs*. Moscow: KMK, 2004. Pp. 430–489; *White Emigration in China and Mongolia*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2005. Pp. 34–101 (in Russian)].

Михалев А. В. Бог войны, или память о «черном бароне» в правом дискурсе современной

России. *Политическая наука*, 2018. № 3. С. 129–146 [Mikhalev A. V. God of War, or Memory of the "Black Baron" in the Right-Wing Discourse of Modern Russia. *Political Science*, 2018. No. 3. Pp. 129–146 (in Russian)].

Монгол бурханы шашны аман түүх. Боть 1–4. Улаанбаатар, 2021 [*Oral History of Mongolian Buddhism*. Vol. 1–4. Ulaanbaatar, 2021 (in Mongolian)].

МУУТА, КГДТ. Монгол Улсын Үндэсний төв архив, Улаанбаатар [MUUTA, KGDT. Central National Archive of Mongolia, Ulaanbaatar (in Mongolian)].

Наваанамжил Г. *Өвгөн бичээчийн үгүүлэл*. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1956. 287 с. [Navaannamjil G. *Memoirs of Old Scribe*. Ulaanbaatar: Ulsyn khevleliin gazar, 1956. 287 p. (in Mongolian)].

Оссендовский Ф. *Звери, люди и боги*. Рига: Г. Л. Биркен, 1925. (М.: Яуза–Эксмо, 2005. 480 с.) [Ossendowski F. *Beasts, Men and Gods*. Riga: G. L. Birken, 1925. New edition: Moscow: Yauza–Eksmo, 2005. 480 p. (in Russian)].

Өвгөн Жамбалын яриа. (записал Ц. Дамдинсүрэн). Улаанбаатар: ЭШХ, 1959. 95 с. [Stories of the old Jambal. Ulaanbaatar: EShKh, 1959. 95 p. (in Mongolian)].

Ратклифф Дж. Мессианский Гэсэр: от религиозного к коммунистическому. *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН*, 2017. № 2 (26). С. 67–74 [Ratcliffe J. Messianic Gesar: from religious to communist. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN*, 2017. No. 2. Pp. 67–74 (in Russian)].

Ринчен Б. Уурийн туяа. Түүхэн роман. Гуравдугаар дэвтэр. Улаанбаатар: Улсын хвлэл, 1955. 345 х. [Rinchen B. *The Morning Dawn.* Historical Novel. Ulaanbaatar: State publisher, 1955. 345 p. (in Mongolian)].

Ринчен Б. На обочинах культа Гэсэр-хана. *Декоративное искусство — диалог истории и культуры.* 1995. № 1–2. С. 42–43 [Rinchen B. On the Margins of the Gesar-khan Cult. *Dekorativnoe Iskusstvo: Dialog Istorii i Kultury.* 1995. No. 1–2. Pp. 42–43 (in Russian)].

Ринчен Б. *Заря над степью*. М.: Прогресс, 1972. 554 с. [Rinchen B. *Dawn above the Steppe*. Moscow: Progress, 1972. 554 p. (in Russian)].

Торновский М. Г. *События в Монголии – Халхе в 1920–1921 годах. Военно-исторический очерк (воспоминания). Шанхай*, 1942. Hoover Institution on War, Revolution and Peace Archives, Stanford, 48014-10. V. P. 1–141 (выдержки под ошибочным указанием «С. Лавров» в кн.: Барон Унгерн в документах и мемуарах. 2004. М. С. 615–620; полное изд. в кн.: Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны. М.: КМК, 2004. С. 168-323 [Tornovskii M.G. *Events in Mongolia-Khalkha in 1920–1921. Military & historical account (memoirs)*. Shanghai, 1941. Excerpts under erroneous indication "S. Lavrov" in: *Baron Ungern in Documents and Memoirs*. Moscow: KMK, 2004. Pp. 615–620; full ed. in *The Legendary Baron: Unknown Pages of the Civil War*. Moscow: KMK, 2004. Pp. 163–323 (in Russian)].

Хитун С. Е. Дворянские поросята. Русская мысль. 04.06–23.06.1970 (переизд. в: *Барон Унгерн в документах и мемуарах*. М.: КМК, 2004. С. 580–615; *Белая эмиграция в Китае и Монголии*. М.: Центрполиграф, 2005. С. 120–133) [Khitun S. E. Noblemen's Piglets. *Russkaya Mysl.* 04.06–23.06.1970. Repr. in: *Baron Ungern in Documents and Memoirs*. Moscow: KMK, 2004. Pp. 580–615; *White Emigration in China and Mongolia*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2005. Pp. 120–133 (in Russian)].

Цибиков Б. *Разгром унгерновщины*. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское государственное издательство, 1947. 159 с. [Tsibikov B. *The Debacle of the Ungernovshchina*. Ulan-Ude: Buryat State Publisher. 159 p. (in Russian)].

Шулунов Ф.М. Контрреволюция и ламство. *Записки государственного научно-исследовательского института языка, литературы и истории*. 1940. В. 2. С. 110-117 [Shulunov F.M. Counterrevolution and the lamate. *Zapiski GosNII Yazyka, Literatury i Istorii*. 1940. No 2. Pp. 110-117 (in Russian)].

Alioshin D. *Asian Odyssey*. London – Toronto – Melbourne – Sydney: Cassell and Co., Ltd., 1941. 321 p.

blo bzang rgya mtsho. za hor gyi ban+de ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i 'di snang 'khrul ba'i rol rtsed rtogs brjod kyi tshul du bkod pa du kU la'i gos bzang las glegs bam dang po («Игра обманчивых проявлений этой жизни монаха из Сахора Нгаванг Лобсанг Гьяцо, изложенная в виде биографии "Парча из дукулы"». Т. 1). *rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum* (*Собрание сочинений Далай-ламы V*). *ser gtsug nang bstan dpe rnying 'tshol bsdu phyogs sgrig khang gis bsgrigs*. Vol. 5. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2009. 532 p. [«The game of deceptive manifestations of this life of the monk from Sakhor Ngawang Lobsang Gyatso, described in the form of a biography "Brocade from Dukula"». Vol. 1. Collected works of the 5th Dalai Lama. Beijing, 2009. 532 p. (in Tibetan)].

Dufour P. L'aventure du Baron Ungern-Sternberg. Mongolie 1921. *Bulleten de l'Universite l'Aurore* (Shanghai). Ser. 4. 1942. T. 3. No. 3. Pp. 599–617.

Fitzherbert S. The Geluk Gesar: Guandi, the Chinese God of War, in Tibetan Buddhism from the 18th to 20th centuries. *Revue d'Etudes Tibetaines, CNRS, Asian Influences on Tibetan Military History between the 17th and 20th Centuries*. 2020. No. 53. Pp. 178–266.

King M. W. Knowing King Gésar between Buddhist Monastery and Socialist Academy, or The Practices of Secularism in Inner Asia. *Himalaya*. 2016. Vol. 36. No. 1. Pp. 44–55.

Nebesky-Wojkowitz R. de. *Oracles and Demons of Tibet: The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities.* Delhi: Book Faith India, 1996. 572 p.

Ratcliffe J. *Becoming-Geser, Becoming-Buryat: Oral Epic and the Politics of Navigating Four Identity Crises*. Ph.D. Theses. Australian National University. 2019. 263 p.

Rintchen B. En marge du culte de Guesser Khan en Mongolie. *Journal de la Société Finno-Ugrienne*. 1958. Vol. 60. Pp. 1–51.

Teleki K. *Reminiscences of Old Mongolian Monks. Interviews about Mongolia's Buddhist Monasteries in the Early 20th Century*. Budapest: Institute of Oriental Studies, Eotvos Lorand University, 2022. 431 p.

DOI: 10.18254/S268684310028204-2

«Повержены все, которые с ним»: тексты проклятий о Нубийских династиях в эпоху Среднего царства

"All Who Are with Him are Defeated": Execration Texts of the Middle Kingdom on the Nubian Dynasties

© 2023 **Николай Вадимович Лаврентьев**

Младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия
n.lavrentev@ivran.ru
ORCID ID: 0009-0008-4658-0940

Nikolay V. Lavrentev

Junior researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia
n.lavrentev@ivran.ru
ORCID ID: 0009-0008-4658-0940

В статье рассматриваются династические линии вождей нубийских областей к югу от 2-го порога Нила в эпоху Среднего царства. Имена правителей нубийцев дошли до нас в специальных списках — «текстах проклятий». Выполненные на небольших статуэтках и сосудах, «тексты проклятий» были обнаружены и опубликованы в прошлом веке. На сегодняшний день насчитывается четыре корпуса текстов, охватывающих практически весь период Среднего царства: Хелуан, Миргисса, Берлин и Брюссель, благодаря которым удалось установить династическую связь между некоторыми правителями, упомянутыми в текстах разных корпусов. Это позволило построить генеалогическую линию почти всех вождей нубийских областей, известных египтянам Среднего царства. Анализ имен правителей, а также дополнительные сведения из других источников, позволили скорректировать примерную датировку корпусов «текстов проклятий», предложенную предыдущими исследователями. Сформированные с помощью данных источников генеалогические линии правителей Нубии и их привязка к датам правления египетских царей XII династии позволили выяснить некоторые подробности политических взаимоотношений между Египтом Среднего царства и нубийскими государствами.

Ключевые слова: правители Нубии, тексты проклятий, нубийские династии, нубийские области
Для цитирования: Лаврентьев Н. В. «Повержены все, которые с ним»: тексты проклятий о Нубийских династиях в эпоху Среднего царства. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 3. С. 112–125. DOI: 10.18254/S268684310028204-2

The paper deals with dynastic lines of Nubian states, which were situated to the south of the 2nd Cataract during the Middle Kingdom. The names of Nubian rulers reached us in special lists — the so-called Execration texts. Carved on small figurines or vessels Execration texts were discovered and published in the previous century. There are four corpuses of texts today, covering almost the entire period of the Middle Kingdom: Helwan, Mirgissa, Berlin, and Brussels. Due to these sources, it was possible to establish a dynastic connection between some of the rulers mentioned in the texts of different corpuses. This made it possible to construct a genealogical line of almost chiefs of Nubian regions known to the Egyptians of the Middle Kingdom. An analysis of the names of the rulers, as well as additional information from other sources, made it possible to correct approximate dating of the corpuses Execration texts, which was given by previous researchers. The genealogical lines of the rulers of Nubia, formed with the help of these sources and their connection to the dates of the reign of the Egyptian kings of the XII dynasty made it possible to clarify some details of the political relationship between Egypt of the Middle Kingdom and the Nubian states.

Keywords: Nubian rulers, Execration texts, Nubian dynasties, Nubian regions
For citation: Lavrentev Nikolay V. “All Who Are with Him are Defeated”: Execration texts of the Middle Kingdom on the Nubian dynasties. *Oriental Courier*. 2023. No. 3. Pp. 112–125. DOI: 10.18254/S268684310028204-2

На протяжении всей истории вплоть до момента объединения под властью царей Напаты, Нубия представляла собой конгломерат независимых друг от друга небольших государств. В период египетского Древнего царства, благодаря упоминаниям в биографиях таких вельмож, как Уни, Хуфхор и Пиопинахт, нам известны некоторые из этих владений — Вават, Сачу, Ирчет и Иам [Белова, 1988, с. 13]. Со временем Вават поглощает остальные области Нижней Нубии и становится единственным политическим образованием между 1-м и 2-м порогом Нила [Dixon, 1958, p. 47].

В эпоху Среднего царства появляется Куш, который предстает как основное независимое государство Нубии, имевшее крупную территорию, военный и экономический потенциал [Redford, 2006, p. 32]. В конце I Переходного периода политика египетских царей XI династии была нацелена на мирное сосуществование и сотрудничество с нубийскими областями, поставлявшими египетской армии воинов-наемников[1]. Однако с приходом к власти XII династии начинается активное завоевание нубийских территорий. Фараону Аменемхету I удается захватить весь Вават и продвинуть сферу влияния Египта за 2-й порог Нила [Redford, 2006, p. 31].

На этом этапе египтяне столкнулись с нубийским царством Куш, центром которого был крупный город Керма. Последующие цари XII династии предпринимали походы в Куш, самыми масштабными из которых были военные походы Сенусерта III. Этот знаменитый фараон-завоеватель не только совершал экспедиции к Керме, но также возвел к югу от 2-го порога Нила внушительную сеть укреплений протяженностью 70 км.

1 Одним из примеров может послужить биография нубийского наемника Чехемау, поступившего на службу царю Монтухотепу II [Darnell, 2003].

Несмотря на то, что египтяне воспринимали Куш как основного противника в Нубии, у нас имеются данные и о других небольших государствах, располагавшихся к югу от 2-го порога Нила. Сведения о существовании других вождеств и независимых областей, об их правителях, нам дают «тексты проклятий» Среднего царства.

До нас дошло несколько корпусов «текстов проклятий», предоставляющих данные о нубийских областях и правителях примерно с периода ранней XII династии до конца Среднего царства. Все открытые на сегодняшний день тексты были изучены и опубликованы в прошлом веке. Первым увидел свет **Берлинский** корпус текстов проклятий, представляющий собой вазы с иератическим письмом на них, опубликованный К. Зете (вазы были обнаружены в древних Фивах) [Sethe, 1926].

Следующий корпус текстов проклятий — **Брюссельский** опубликовал Ж. Познер. В этом случае тексты были нанесены на глиняные фигурки пленников, найденные в Саккаре [Posener, 1940]. Несколько позже Познер перевел и опубликовал **Хелуанский** корпус, тоже представляющий собой фигурки пленников, но уже из алебастра [Posener, 1987].

Последним опубликованным корпусом текстов проклятий является **Миргисский**. Миски с текстами были найдены Дж. Веркутерром при раскопках нубийской крепости Миргиссы и опубликованы И. Кенигом [Koenig, 1990].

На данный момент все корпусы имеют следующую датировку: Корпус Хелуана — сер. правления Сенусерта I — правление Аменемхета II; корпус Миргиссы — годы правления Аменемхета II и Сенусерта II[2]; корпус Берлина — царствование Сенусерта III; Брюссельский корпус — последние годы правления Сенусерта III — начало XIII династии[3]. Таким образом, тексты проклятий могут дать сведения о нубийских правителях, областях и народах почти за весь период Среднего царства.

Все корпусы с текстами проклятий имеют одинаковую схему организации материала, разделенного на секции. Первыми идут списки правителей с упоминанием их родителей, далее перечисляются народы разных областей. Тексты заканчиваются разделом списков стран, перечисляющихся с севера на юг.

В данной работе внимание уделено нубийским вождям и их родителям, имена которых, как правило, тоже указываются текстах (корпусы Миргиссы, Берлина, Саккары). Сравнение имен правителей и их родителей, которые в свое время тоже были вождями, поможет более точно датировать источники с текстами проклятий, реконструировать династическую линию правителей Куша, выявив имена вождей других нубийских политических образований. Восстановление семейных линий правителей областей Верхней Нубии позволит проследить историю взаимоотношения Египта Среднего царства с Кушем и с отдельными территориями южнее 2-го порога Нила.

В период Среднего царства египтяне уделяют много внимания покорению южных областей, что мотивировало их расширять знания о нубийских государствах. Египтяне, создававшие тексты проклятий, как замечает Познер, были лучше осведомлены о нубийских областях, чем об азиатских, и старались максимально точно воспроизвести их названия вместе с именами правителей [Posener, 1940, p. 43–44]. Во всех корпусах источников страны, имеющие правителей, а также сами правители зафиксированы практически в одном и том же порядке, что говорит о точности египетских чиновников и писцов при описании Нубии.

Все источники с текстами проклятий, за исключением корпуса Хелуана, имеют одинаковый список областей с правителями. Это KAs (KAS) — Куш, SAa.t — Саи, wbAt-zpt — Убат-сепет, AwSq — Аушек, mADAy — Маджаи[4]. Самый большой список правителей Нубии указан

2 Датировка текстов проклятий Миргиссы была установлена И. Кенигом: [Koenig, 1990, p. 102].

3 Датировка текстов проклятий, за исключением корпуса Миргиссы, дана по Ж. Познеру: [Posener, 1958, p. 43–44].

4 Маджаи в данном списке появляются наравне с топонимами, имеющими правителей, упомянутыми в списках вождей.

в корпусе Хелуана и включает 11 имен вождей (среди них одна женщина). Сильные повреждения алебастровых статуэток позволяют идентифицировать только 6 топонимов [Posener, 1987, p. 18]. Из них только Куш и Саи фигурируют в последующих текстах проклятий. Учитывая, что корпус Хелуана — самый ранний из рассматриваемых источников, можно предположить, что политическая ситуация в Верхней Нубии претерпела серьезные изменения после правления Сенусерта I, и, возможно, его преемника — Аменемхета II.

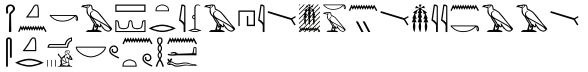
Отсутствие топонимов, стабильно встречающихся в следующих источниках, а также невозможность идентифицировать правителей Куша и Саи в корпусе Хелуана, затрудняют исследование, однако все же можно предположительно реконструировать генеалогию нубийских династий, начиная с середины правления Сенусерта I: в этом поможет анализ имен родителей вождей в корпусе Миргиссы, а также последующие корпусы источников, позволяющие проследить родовые линии нубийских правителей далее до конца XII династии.

§ 1. *K3š* — **Куш**. Этот топоним идет первым во всех списках и корпусах. Предполагалось, что Куш мог открывать список южных стран, являясь при этом государством, объединяющим мелкие полунезависимые племена [O'Connor, 1986, p. 39]. Познер выдвинул предположение, что если Куш следует первым при перечислении вождей и стран, то он располагался между 2-м нильским порогом и о. Саи [Posener, 1958, p. 61]. Впоследствии, благодаря активному сопротивлению Куша экспансии египтян, название этой страны начинает обозначать все политические образования Верхней Нубии [Posener, 1958, p. 62].

Ныне господствует мнение, что Куш, имея центром крупный город Керма, занимал, по меньшей мере, всю долину Донголы [O'Connor, 1986, p. 46]. Располагаясь в крупной и более плодородной долине, по сравнению с другими областями Верхней Нубии, владея самым крупным городом в Нубии эпохи Среднего царства, Куш мог представлять внушительную силу. Видимо, поэтому Куш указан первым во всех списках магических текстов.

В корпусе Хелуана имя правителя Куша не поддается идентификации [Posener, 1987, p. 23], но если принять во внимание данные корпуса Миргиссы, датируемого поколением позже, можно предположить, что в корпусе Хелуана правителя Куша звали так же, как и отца правителя Куша в корпусе Миргиссы.

В корпусе Миргиссы (Аменемхет II — Сенусерт II) указаны имена правителя Куша и его родителей:



[Koenig, 1990, p. 119, l. 1]

ḥḳ3nK3štri3hi (msn) K3nyms.y.nk33skr.wnb.wnt. wḥnᶜ.f — Правитель Куша Териахи, рожденный Кани и Каа, все поверженные, которые вместе с ним.

Во всех корпусах после имени правителя идет имя матери, затем отца. Получается, что отцом и предшественником Териахи на троне Куша был *K33* (Каа). Возможно, это и есть имя, пропущенное в списке вождей корпуса Хелуана. По всей видимости, Каа был современником Сенусерта I, и, возможно, Аменемхета II (по датировке Кенига) [Koenig, 1990, p. 102].

Преемник Териахи фигурирует в Берлинском корпусе (Сенусерт III):

[Sethe, 1926, p. 33]

ḥḳ3nK3š3w3wms.nkwn.yms.yn[…]*3nb.wnt.wḥnᶜ.f* — Правитель Куша Ауау, рожденный Куни, рожденный […]а, все приближенные, которые вместе с ним.

Имя матери может иметь другое прочтение. Вместо *w* в середине имени Куни может идти *3*[5].Таким образом, имя будет читаться не как

5 К такому выводу приходит К. Зете: [Sethe, 1926, p. 33].

Kwn.i — Куни, а как *K3n.i* — Кани. Имя отца сильно повреждено, сохранилась только последняя графема *3*.

Формулировка окончания надписи отличается от других текстов проклятий. Если в других корпусах люди из свиты царя упоминаются в качестве *sḫr.w* — «поверженных, пораженных» [Wörterbuch, 1971, Bd. 4, S. 306, Ab. 10], то в корпусе Берлина имеется другое наименование — *ḥnk.w* — «получатели, доверенные лица» [Wörterbuch, 1971, Bd. 3, S. 118, Ab. 6]. В данном случае Hnk.w следует, вероятнее всего, понимать как «приближенные».

Имя матери Ауау в Берлинском корпусе очень похоже на имя матери правителя Куша Териахи в корпусе Миргиссы. Имя отца, сильно поврежденное в Берлинском корпусе, можно восстановить как KAA (Каа), также бывшего отцом Териахи. В таком случае Териахи и Ауау имеют одних и тех же родителей и являются братьями. Такую гипотезу выдвинул Кениг, заметив, что имена в обоих источниках практически идентичны [Koenig, 1990, p. 104]. Традиция перехода престола от брата к брату была свойственна нубийским государствам. Ярким примером служит наследование власти внутри нубийской XXV династии [Кацнельсон, 1970, с. 143].

Скорее всего, Ауау был младшим братом Териахи, но несомненно, что оба принадлежали одному поколению. Этот факт показывает, что списки вождей из Миргиссы и Берлина близки хронологически.

Ауау сменяет брата на троне Куша и впоследствии передает власть сыну, что подтверждается надписью из Брюссельского корпуса (годы правления Сенусерта III):

[Posener, 1940, p. 48].

ḥḳ3nK3šWttrrssms.ntt.ims.y.n3w33sḫr.ywnb.wnt.wḥnʿ.f — Правитель Куша Утетрересес, рожденный Тети и Ауаа, поверженные все, которые с ним.

Написание имени отца Утетрересеса в данном списке немного отличается от Берлинского корпуса. Тем не менее Познер считает, что это один из вариантов написания имени *3w3w*. По его мнению, на это указывают примеры имен следующих родителей вождей, написанные немного иначе, чем в предыдущем источнике (например, отец правителя Шаата), что, возможно, объясняется смешением знаков при написании сложных имен нубийских вождей. Таким образом, Познер утверждал, что *3w3w* Берлинского и *3w33* Брюссельского корпусов — один и тот же человек [Posener, 1940, p. 49].

Таким образом, династическая линия правителей Куша вплоть до конца XII династии выглядит следующим образом (*Табл. 1*):

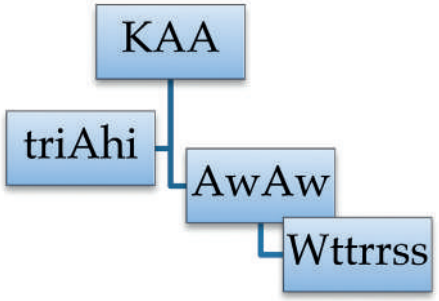


Табл. 1. Линия правителей Куша
© Составлено автором
Table 1. The pedigree of Kush rulers
© Compiled by the author

§ 2. — **Шаат.** Этот топоним обозначает остров Саи [Posener, 1987, p. 25]. По мнению Д. О'Коннора, Шаат как политическое образование мог занимать не только остров Саи, но и прилегающую к нему с юга область Абри-Дельго, ограниченную 3-м порогом Нила на границе с Кушем [O'Connor, 1986, p. 46]. Наряду с Кушем, Шаат является важной приречной областью, имеет политический вес, судя по тому что он упоминается во всех рассматриваемых источниках.

В корпусе Хелуана имя правителя Шаата повреждено, сохранились только последние две графемы — *y* [Posener, 1987, p. 24]. Как и в случае с именем правителя Куша, мы можем реконструировать имя вождя Шаата с помощью

данных корпуса Миргиссы, где указаны родители правителей:

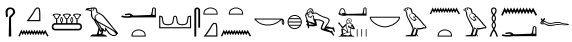
[Koenig, 1990, p. 119, l. 1–2]

ḥḳ3nš3ʿtḫ3s3ỉms.nỉštknḏd.n.sw3pỉssḳr.wnb.wnt.wḥnʿ.f — Правитель Шаата (Саи) Хасаи, рожденный Ишетекен по прозвищу Уаис, поверженные все, которые с ним.

Здесь, как и в остальных источниках текстов проклятий, при упоминании родителей первым идет имя матери. Однако после этого фраза заканчивается часто встречающейся формулой *sḳr.wnb.wnt.wḥnʿ.f* —«поверженные все, которые с ним», без упоминания имени отца.

Отсутствие имени правителя Шаата в корпусе Хелуана, а также умалчивание отца правителя в корпусе Миргиссы, по моему мнению, может свидетельствовать о сильных трениях с Египтом. Хотя не стоит исключать и то, что египтяне попросту не знали отца вождя, либо забыли записать его имя. Вполне возможно, что в период правления Сенусерта I и Аменемхета II правители Саи оказывали активное сопротивление экспансии египтян на юг. Это могло бы объяснить возможную лакуну на месте имени правителя Саи на алебастровых фигурках Хелуана, а также умышленное умалчивание имени отца правителя на сосудах Миргиссы. Возможно, отец правителя погиб на войне с Египтом, и бразды правления на себя взяла его мать. Данная практика получения власти женщиной была характерна для нубийских государств[6].

Следующий правитель Саи также идет без упоминаний родителей:



[Sethe, 1926, p. 33]

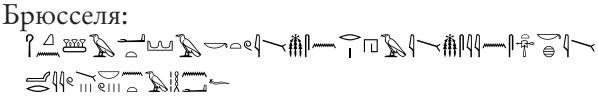
ḥḳ3nš3ʿ.tstḳtnkḫḥnk.wnb.wnt.wḥnʿ.f — Правитель Саи Сетекетенкех, и все приближенные, которые с ним.

Учитывая хронологическую последовательность текстов проклятий, можно предположить, что предыдущий правитель Саи — *ḫ3s3ỉ*, Хасаи, является и отцом, и предшественником Сетекетенкеха.

По предварительной датировке Сетекетенкех был современником фараона Сенусерта III, проводившего активную агрессивную политику по отношению к нубийским областям. Вероятно, египетские войска под командованием Сенусерта III на время захватывают о. Саи и устраивают там военную базу в северной части острова [Török, 2009, p. 88]. Сам же правитель Саи, возможно, был убит, либо взят в плен. Этот факт подтверждается надписями, вырезанными на скалах о. Саи на 10-ый год правления царя, видимо во время его похода в Куш [Delia, 1980, p. 39; Tallet, 2005, p. 172-177]. Саи был важным стратегическим пунктом, на котором была устроена египетская база. В надписи, датированной 10-м годом правления Сенусерта III, имеются сведения об уровне подъема Нила, а также о возвращении автора (скорее всего в составе войска или экспедиции) на север [Davies, 2016, p. 15]. Наличие на о. Саи военного лагеря и перевалочного пункта для снабжения войск египтян было необходимо для дальнейшего продвижения армии к Керме.

Несмотря на следы, оставленные египетскими войсками на о. Саи при походе на Куш, у нас нет свидетельств того, что военный пост продолжал существовать после похода [Török, 2009, p. 88]. А наличие имени правителя Саи в текстах проклятий только подтверждает, что остров и прилегающая территория, если и находились под контролем египтян при Сенусерте III, то только во время военной кампании фараона против Кермы.

Это подтверждается и наличием следующего по хронологии правителя о. Саи в корпусе Брюсселя:



[Posener, 1940, p. 49]

6 Например, в период Мероэ I в. до н. э., известна царица, единолично возглавившая боевые действия против римлян: [Кацнельсон, 1970, с. 224].

ḥḳ3nš3ʿ.t3ktwims.nrh3ims.y.nstikḫiskr.wnb.wnt.wḥnʿ.f — Правитель Шаата Акетуи, рожденный Рехаи и Сетикехи, все поверженные, которые с ним.

Отец правителя носит имя *stikḫi*, Сетикехи, что созвучно с именем предыдущего правителя Саи из Берлинского корпуса — *stḳtnkḫ*, Сетекетенкех. Схожесть имен отметил Ж. Познер, сделавший вывод, что Сетекетенкех ваз Берлина и Сетикехи в надписи на статуэтке из Саккары являются одним человеком [Posener, 1940, p. 50]. Такая версия вполне вероятна, учитывая, что похожая преемственность прослеживается и в случае с правителями Куша — Ауау и Утетересса.

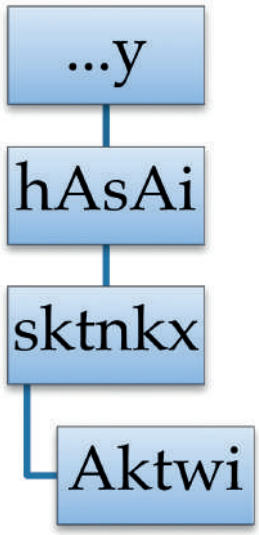


Табл. 2. **Линия правителей Шаата**
© Составлено автором
Table 2. **The pedigree of Shaat rulers**
© Compiled by the author

Учитывая рассмотренные выше источники, можно реконструировать династическую линию правителей Шаата — о. Саи и долины Абри-Дельго. У нас нет данных о правителе Саи раннего Среднего царства, однако в период правления царей Аменемхета II и Сенусерта II этой областью правил Хасаи. В эпоху походов Сенусерта III, вождем Саи был Сетекетенкех, родители которого не названы в источнике, вероятно, его отцом мог быть предыдущий правитель — Хасаи.

Скорее всего, Сетекетенкех и его область подверглись вторжению войск фараона Сенусерта III, что подтверждается надписями с о. Саи. Однако области Шаат, видимо, удается сохранить независимость после походов египтян, что подтверждается наличием следующего правителя Саи — Акетуи. Последний, предположительно, являлся сыном предыдущего правителя Сетекетенкеха (*Табл. 2*).

§ 3. *Wb3.t-sp.t* — **Убат-сепет**. До конца не ясно, где располагалась область под названием Убат-сепет. На сегодняшний день исследователи помещают Убат-сепет в восточной пустыне, примерно на широте о. Саи [O'Connor, 1986, p. 41]. Д. О'Коннор предполагает, что Аушек и Убат-сепет в текстах проклятий открывают список областей, которые находятся не на побережье Нила, а в пустыне [O'Connor, 1986, p. 41].

По мнению К. Лижки, Убат-сепет был, в основном, населен маджаями, а в некоторые периоды прибрежными нубийцами — *nḥs.y* [Liszka, 2012, p. 166]. Благодаря неоднозначному географическому расположению и присутствию в регионе двух этнических групп, Убат-сепет занимает отдельное место в описании нубийских областей.

В корпусе Хелуана не упоминается правитель Убат-сепета, либо иероглифы области и вождя сильно повреждены. Тем не менее есть упоминание данного топонима среди прочих нубийских регионов. В разделе стран на алебастровых статуэтках Хелуана области разделены на две секции — маджаи и приречные нубийцы. Убат-сепет обозначен как область маджаев, в то время как приречные нубийцы расселены в Вавате, Куше, Шаате и Бекесе [Posener, 1987, p. 45-47]. Тем самым подтверждается локализация Убат-сепета в Восточной пустыне.

В период правления царя Аменемхета II Убат-сепет попадает в зону влияния Египта. Возможно, египтяне совершили поход или экспедицию

в эту область. Так или иначе, у нас есть сведения о посольстве Куша и Убат-сепета в так называемых «надписях дани» храма Птаха в Мемфисе. По мнению И. Кенига, Х. Альтенмюллера и К. Лижки, посольства Куша и Убат-сепета представляют два этноса — приречных нубийцев и маджаев соответственно [Altenmüller, 2015, p. 37; Koenig, 1990, p. 105; Liszka, 2012, p. 164]. Начало надписи повреждено, тем не менее исследователи сходятся в том, что здесь упоминаются дети правителей, пришедшие с данью из своих областей [Altenmüller, 2015, p. 36].

Правитель Убат-сепета упоминается уже в корпусе Миргиссы, одновременного правлению Аменемхета II:

[Koenig, 1990, p. 119, l. 3-4]

ḥḳ3n[*Wb3.t-sp.t*] *Bʿkw3ytḏd.w.n.fṯ̱ʿims.nʾIh33sms.y.nwnk3tsḳr.wnb.wnt.wḥnʿ.f* — Правитель Убат-сепета Бакуаит, прозванный Чаи, рожденный Ихаас и Унекат, поверженные все, которые с ним. В отличие от других нубийских вождей, этот правитель имеет египетское имя. После основного имени идет прозвище, причем в данном случае это не нубийское имя-прозвище, а египетское — Tai «мужчина» [Wörterbuch, 1971, Bd. 5, S. 344-345], вероятно, подчеркивавшее физическую силу правителя Убат-сепета.

Египетская традиция, прослеживаемая в имени Бакуаита, косвенно указывает на то, что правитель мог воспитываться при дворе фараона. Выше упоминалось, что дети правителей Куша и Убат-сепета прибыли с данью к царю Аменемхету II. Возможно, они оставались при дворе в качестве заложников и провели там детские и юношеские годы, подвергшись культурному влиянию Египта, а затем вернулись на родину и получили власть. Учитывая, что корпус Миргиссы датируется и годами правления царя Сенусерта II, можно сделать вывод, что Бакуаит прибыл к египетскому двору в конце правления Аменемхета II, а при Сенусерте II вернулся в свою область и стал вождем Убат-сепета.

Данная практика была традиционной в политике царей Нового царства [Morkot, 2001, p. 239]. Возможно, фараоны XII династии тоже брали на попечение детей правителей, чьи земли были захвачены в ходе египетской экспансии. Однако здесь следует обратить внимание на противоречие. Если в предыдущем корпусе Хелуана Убат-сепет фигурирует как территория маджаев, то в Миргисском корпусе эта область принадлежит nHs.y — приречным нубийцам [Koenig, 1990, p. 106]. Видимо, в период первой половины XII династии Убат-сепет становится областью расселения как маджаев, так и приречных нубийцев.

Следующий, Берлинский корпус текстов проклятий содержит информацию о двух правителях Убат-сепета. И первым упоминается уже известный нам Бакуаит:

[Sethe, 1926, p. 34]

ḥḳ3nWb3t-z(pt)Bʿkw3ytḏd.n.fṯ3.yms.nʾIh33sms.y.nWnk3tḥnk.wnb.wnt.wḥnʿ.f —Правитель Убат-с(епета) Бакуаит, прозванный Чаи, рожденный Ихаас, рожденный Унекат, все приближенные, которые с ним.

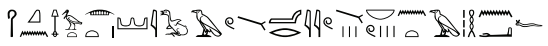
Надпись полностью копирует предыдущий источник — имя правителя и его родителей совпадают с именами правителя и родителей текста корпуса Миргиссы. Следовательно, два источника — корпус Миргиссы и корпус Берлина, близки по времени. Скорее всего, оба приходятся на период правления Сенусерта II. Причем, возможно, Миргисский корпус следует датировать немного раньше, захватывая последние годы правления Аменемхета II, в то время как Берлинский охватывает правление Сенусерта II полностью. Вне всякого сомнения, оба источника по времени привязаны к одному поколению. На это также указывает и то, что в обоих корпусах в качестве правителей Куша фигурируют братья.

В корпусе Берлина фигурирует еще один правитель Убат-сепета:

[Sethe, 1926, p. 35]

ḥḳ3nWb3t-zI3wnyms.nGmḥwms.y.nti[…] *hnk.wnb. wnt.wḥnᶜ.f* — Правитель Убат-с(епета) Иауни, рожденный Гемеху и Ти[…] и все приближенные, которые с ним.

У второго правителя Убат-сепета другие родители, не встречающиеся в предыдущем корпусе Миргиссы, значит, возможно, это другая линия правителей области, не связанная родственными узами с первой. Вероятно, наличие двух линий правителей указывает на то, что страна была разделена между приречными нубийцами и маджаями. Такая же тенденция прослеживается в корпусе Брюсселя. На глиняных фигурках следуют два правителя Убат-сепета:



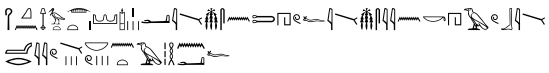
[Posener, 1940, p. 50]

ḥḳ3nWb3t-spṯIṯ3w — Правитель Убат-сепета Ичау, и все поверженные, которые с ним.

В надписи не указаны родители правителя. Само имя вождя египетское, причем нарицательное — субстантив от глагола *iṯ3*, воровать, захватывать [Wörterbuch, 1971, Bd. 1, S. 150], т. е. правитель Убат-сепета назван «вором». Познер предположил, что *iṯ3w* Брюссельского корпуса и Tai Миргиссы и Берлина могут быть схожи и обозначать одного и того же человека [Posener, 1940, p. 51]. Однако такая гипотеза кажется маловероятной. Брюссельский корпус хронологически отстает от предыдущих на целое поколение, что видно на примере правителей Куша. На статуэтках из Саккары назван сын предыдущего правителя Куша, а не брат, как это было в корпусах Миргиссы и Берлина.

Бакуаит, о котором говорит Ж. Познер, не мог быть правителем Убат-сепета при Сенусерте III, т. к. он прослеживается в предыдущих текстах проклятий. Временной промежуток между ними и корпусом Брюсселя слишком велик для жизни одного человека.

О втором правителе Убат-сепета информации гораздо больше:



[Posener, 1940, p. 52]

ḥḳ3nWb3t-zpṯIwnᶜims.nṯhwfims.y.nkh3wbisḳr.wnb. wnt.wḥnᶜ.f — Правитель Убат-сепета Иунаи, рожденный Чехуфи, рожденный Кехауби, все поверженные, которые с ним.

Имя правителя — *Ỉwnᶜi* созвучно с именем правителя Убат-сепета из корпуса Берлина — *Ỉᶜwny*. Тем не менее сомнительно, что совпадение имен указывает на то, что это один и тот же человек. Как уже было сказано выше, эти источники отстоят друг от друга хронологически, к тому же у Иунаи и Иауни разные родители.

Пока что непонятно, кто из этих двух правителей был вождем маджаев, а кто приречных нубийцев. Но мы с точностью можем говорить о том, что Убат-сепет продолжает быть разделенным между названными этносами.

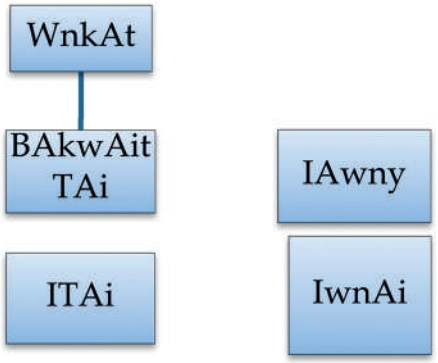


Табл. 3. **Правители Убат-сепета**
© Составлено автором
Table 3. **Rulers of Webet-sepet**
© Compiled by the author

Итак, в начале эпохи Среднего царства Убат-сепет был областью расселения маджаев. Затем, начиная с правления Аменемхета II, этот регион делится на две области, контролируемые маджаи и приречными нубийцами, что было отражено в текстах проклятий. В них, начиная с корпуса Берлина, прослеживаются два правителя одной и той же области. И хотя мы не можем четко определить, кто из них *nḥsy*, а кто маджай, тем

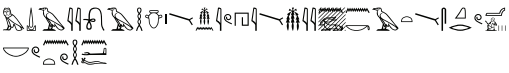
не менее данный факт подтверждает необычное устройство Убат-сепета (*Табл. 3*).

§ 4. Аушек (*ꜣwšk*) и **Маджаи** (*mꜣḏꜣy*). На сегодняшний день для исследователей топоним Аушек и этноним маджаи взаимосвязаны между собой. Аушек был заселен маджаями в эпоху Среднего царства [Liszka, 2012, p. 146]. Данный факт прослеживается и в текстах проклятий, хотя и не так четко, как, например, в более позднем источнике —папирусе Булак 18.

Как уже было сказано, по мнению исследователей, Аушек открывает список областей, располагавшихся в Восточной пустыне [O'Connor, 1986, p. 41]. Сама область Аушек располагалась в северо-восточной части пустыни, примерно на уровне 2-го порога Нила [Posener, 1986, p. 40-41]. Все это также подтверждает тезис о том, что данный регион должны были населять жители пустыни — маджаи.

В самих текстах проклятий Аушек, как правило, следует за именем правителя маджаев, что дает дополнительные основания утверждать, что их вождь правил Аушеком.

В корпусе Хелуана нет записей ни о маджаях, ни об области Аушек. Сведения о правителе маджаев и об Аушеке появляются в корпусе Миргиссы:



[Koenig, 1990, p. 119, l. 5-6]

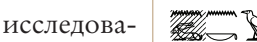
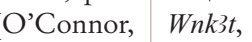
mḏꜣywꜣḥ-ibms.nỉwhims.y.n [*wn*]*kꜣtsḳr.wnb.wnt.wḥnᶜ.f* — Маджай Уах-иб, рожденный Иухи, рожденный [Ун]екат, все поверженные, которые с ним.

Впервые в списках нубийских правителей вождь назван без титула *ḥḳꜣ* — правитель, формулировка начинается с этнической принадлежности. Однако после данной фразы сразу идет правитель Аушека, имя которого не названо:

[Koenig, 1990, p. 119, l. 6]

ḥḳꜣnꜣwšḳsḳr.wnb.wnt.wḥnᶜ.f — Правитель Аушека и все поверженные, которые с ним.

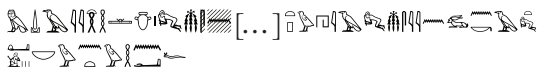
Здесь уже присутствует титул *ḥḳꜣ*, однако отсутствует имя правителя. Данный факт дал основание И. Кенигу сделать вывод о том, что вождь маджаев и есть правитель Аушека [Koenig, 1990, p. 106]. Учитывая, что у Аушека, несмотря на упоминания почти во всех текстах проклятий, нет правителя (за исключением корпуса Брюсселя), можно принять данную идентификацию.

Помимо этого, имя отца вождя маджаев —  *Wnkꜣt*, Унекат совпадает с именем отца правителя Убат-сепета —  *Wnkꜣt*, Унекат, в этом же источнике. Данный факт позволяет сделать следующие выводы. У правителей Убат-сепета (Бакуаит Чаи), Аушека и маджаев (Уах-иб), на момент правления Аменемхета II, был один отец. И хотя, судя по источнику, у них были разные матери, Бакуаит и Уах-иб были братьями, выходцами из одной семьи, которая, видимо, контролировала регионы Восточной пустыни.

Опираясь на сказанное, можно сделать еще один вывод — правитель Убат-сепета Бакуаит Чаи, о котором подробно говорилось выше, тоже был маджаем и правил в той части Убат-сепета, которая принадлежала этому роду.

Имя правителя маджаев, совершенно очевидно, имеет египетское происхождение. Имя вождя — *wꜣḥ-ib* означает «дружелюбный», «внимательный» [Wörterbuch, 1971, Bd. 1, S. 256, Ab. 14-19]. Примечательно, что такое имя было популярным среди египетских царей [Ranke, 1935, p. 72-73].

По мнению Кенига, имя правителя маджаев свидетельствует о большом египетском влиянии в эпоху Среднего царства [Koenig, 1990, p. 106]. Действительно, можно говорить о крупных связях маджаев разных регионов с египтянами в эту эпоху. Маджаи регулярно поступали на службу в Египет, в основном, в качестве воинов [Liszka, 2012, p. 292]. В корпусе Берлина имя вождя маджаев повторяется точно так же, как было зафиксировано с именем правителя Убат-сепета:



[Sethe, 1926, p. 36]

mḏ3yw3ḥ-ibms.n[…]*tpwhi3ms.y.nwnk3tḥnk.wnb.wnt.wḥnᶜ.f* — Маджай Уах-иб, рожденный […] Тепухиа и Унекат, все приближенные, которые с ним.

Имя матери правителя немного отличается от имени из корпуса Миргиссы. Тем не менее имя отца идентично имени Миргисского корпуса, что дает основание заключить, будто Уах-иб — один и тот же человек, присутствующий в двух текстах проклятий. Последнее еще раз подтверждает хронологическую близость корпусов Миргиссы и Берлина и позволяет отнести их к правлению царя Сенусерта II.

Так же, как и правитель Убат-сепета Бакуаит, маджай Уах-иб жил и правил своей областью при Сенусерте II. В Берлинском корпусе обозначено такое же положение Аушека, что и в корпусе Миргиссы, — область была, очевидно, под контролем маджаев [Sethe, 1926, p. 37].

В корпусе Брюсселя отсутствуют сведения о вожде маджаев. Однако впервые появляется запись о правителе Аушека без этнического акцента:

[Posener, 1940, p. 52]

ḥḳ3n3wšḳtghḏwsḳr.wnb.wnt.wḥnᶜ.f — Правитель Аушека Чегехеджу и все поверженные, которые вместе с ним. Хотя это и первая запись имени правителя Аушека, тем не менее его родители не указаны. Вождь маджаев отсутствует на статуэтках Саккары, а в предыдущих источниках маджаи и Аушек шли друг за другом, обозначая этнос и область, в которой он проживал. Напрашивается вывод, что в данном случае правитель Аушека и есть маджай. Данный факт подтверждается сведениями более позднего источника XIII династии, папирусом Булак 18. В нем упоминается *wrnmḏ3.yw3wšḳPkwy* — вождь маджаев Аушека Пекуи [Scharff, 1922, p. 61].

Таким образом, можно проследить династию группы маджаев — правителей области Аушек в Восточной пустыне. Первые сведения о них имеются только в корпусе Миргиссы — это вождь с египетским именем Уах-иб, присутствующий и в Берлинском корпусе. Его преемником, скорее всего, был правитель Аушека из корпуса Брюсселя — Чегехеджу (*Табл. 4*).

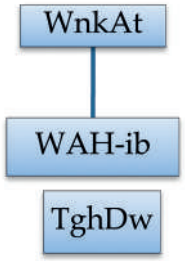


Табл. 4. **Правители маджаев и Аушек**
© Составлено автором
Table 4. **Rulers of Madjai and Aushek**
© Compiled by the author

Суммируя, следует подчеркнуть, что в эпоху Среднего царства, во времена развития египетской экспансии в Нубию, египетские источники свидетельствуют о поколении династий правителей нубийских стран к югу от 2-го порога Нила. Это, в частности, территории приречных нубийцев: Шаат (о. Саи и долина Абри-Дельго), Куш и области Восточной пустыни: Убат-сепет и Аушек, заселенные маджаями.

Сравнение надписей разных корпусов текстов проклятий позволяет реконструировать некоторые политические события исследуемых регионов. Например, династия правителей Куша на протяжении всего Среднего царства сохраняет независимость от Египта, что подтверждает хорошо прослеживаемая генеалогическая линия правителей, которая не прерывалась, как это было с другими областями. Тем не менее Куш и область Шаат подвергались военной агрессии со стороны Египта. При Аменемхете II Куш (вместе с Убат-сепетом) присылает посольство с данью ко двору египетского царя. А в период правления воинственного фараона Сенусерта III египетские войска совершают походы против Шаата и Куша. Именно в это время Шаат

Источник	*K3š*	*š3ꜥ.t*	*Wb3.t-sp.t*	*3wšk*	*m3ḏ3.y*
Корпус Хелуана (ранняя XII династия, Сенусерт I)	Имя повреждено	*…y*	-	-	-
Тексты проклятий Миргиссы (вторая половина правления Аменемхета II — Сенусерт II)	*tri3hy*	*h3s3y*	*Bꜥkw3y.t* (*ṯ3i*)	- (скорее всего, правитель маджаев)	*w3ḥ-ib*
Берлинский корпус проклятий /Фивы (Сенусерт II)	*3w3w*	*štḳtnkḫ*	1)*Bꜥkw3y.t* (*ṯ3i*) 2)*Ỉ3wny*	Не указан под топонимом	*w3ḥ-ib*
Брюссельский корпус проклятий / Саккара (Сенусерт III)	*Wttrrss*	*3ktwi*	1)*Ỉṯ3w* 2)*Ỉwnꜥi*	*tghḏw*	-

Табл. 5. **Нубийские династии в эпоху Среднего царства**
© Составлено автором
Table 5. **Nubian dynasties during the Middle Kingdom age**
© Compiled by the author

на недолгое время был захвачен египтянами и использовался ими в качестве военной базы для походов дальше на юг, о чем свидетельствуют надписи на острове Саи. Однако наличие следующего правителя Шаата в текстах проклятий свидетельствует о том, что регион так же, как и Куш, сохранил независимость после походов Сенусерта III.

По-другому обстоят дела с областями пустыни — Убат-сепетом и Аушеком, а также с группами маджаев. Убат-сепет принадлежал маджаям в период ранней XII династии. Однако уже в годы правления Аменемхета II область разделена, причем, скорее всего, между приречными нубийцами и маджаями. На это указывает наличие двух правителей Убат-сепета, начиная с источников корпуса Берлина. Дети правителя Убат-сепета присутствуют в числе послов при дворе Аменемхета II вместе с посланниками Куша. Вероятно, среди них был будущий правитель Убат-сепета — Бакуаит Чаи. Египетское происхождение имени, а также египетское прозвище позволяют предположить, что он воспитывался при дворе фараона, а затем получил власть у себя на родине.

Наличие у правителей Убат-сепета и Аушека, Бакуаита Чаи и Уах-иба, соответственно, одного отца — Унеката, дает основание заключить, что регионами Восточной пустыни управляла одна влиятельная семья вождей маджаев.

Упоминание в корпусе Брюсселя правителя по имени ITAi «вор», говорит о том, что египтяне давали прозвища своим потенциальным противникам из Восточной пустыни. Также налицо влияние египетской культуры на маджаев.

В текстах проклятий Аушек выделен как область расселения маджаев. Только в корпусе Брюсселя у Аушека есть правитель без обозначения его этнической принадлежности, что, однако, не мешает идентифицировать его как маджая. Имя правителя маджаев — Уах-иб, жившего в период правления Сенусерта II, также свидетельствует о распространении египетского влияния на Аушек.

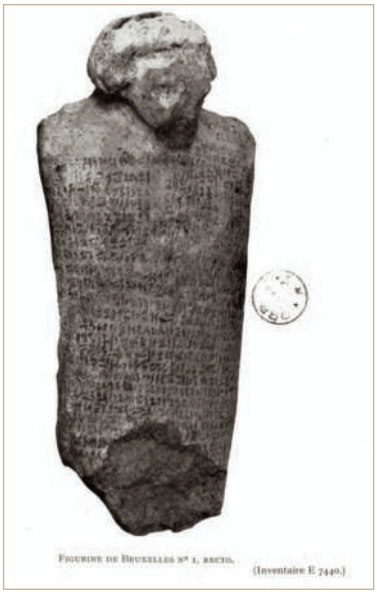
Повторения имен правителей нубийских областей в рассмотренных источниках текстов проклятий позволяют более точно установить датировку некоторых из корпусов. Так, корпус Хелуана может быть датирован, согласно Познеру, не ранее правления фараона Сенусерта I, возможно, захватывая первые годы царствования Аменемхета II.

Корпусы Миргиссы и Берлина, судя по всему, относятся к одному поколению: на это указывают имена правителей Куша — двух братьев Териахи и Ауау. Между братьями вряд ли мог быть большой хронологический промежуток. Также повторяются имена правителей Убат-сепета и маджаев — Бакуаита Чаи и Уах-иба соответственно. Поскольку имена последних, совершенно очевидно, египетского происхождения, можно предположить, что они воспитывались при египетском дворе. О вероятности воспитания Бакуаита при дворе фараона уже говорилось выше. Скорее всего, он попал в Египет как раз во время посольства Убат-сепета и Куша к Аменемхету II. Значит, принять власть он должен был примерно уже при Сенусерте II. Вследствие этого корпус Миргиссы следует датировать второй половиной царствования Аменемхета II и началом правления Сенусерта II. Корпус Берлина следует отнести к правлению Сенусерта II.

Очевидно, что между корпусами Берлина и Брюсселя хронологический разрыв в одно поколение. Следовательно, датировка Познера статуэток Саккары правлением Сенусерта III вполне верна для этого источника. Таким образом, правление нубийских вождей эпохи Среднего царства соответствует следующим периодам царствования фараонов XII династии (*Табл. 5*).

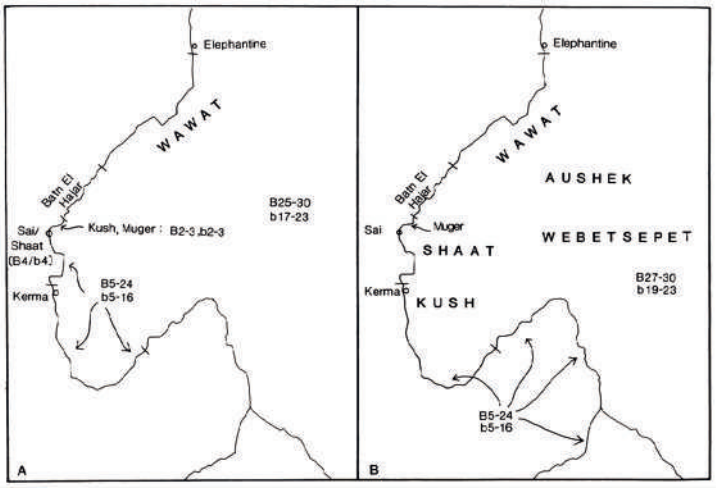
Иллюстрации

Ниже в качестве примера приведены глиняная и алебастровая фигурки с текстами проклятий (*Илл. 1*, *2*), а также карта (*Илл. 3*) с предполагаемой локализацией основных нубийских регионов (по Д. О'Коннору).



Илл. 1. **Глиняная фигурка.** Брюссель, E7440
По: [Posener, 1940, pl. 1]
Fig. 1. Clay figurine. Brussels, E7440
Source: [Posener, 1940, pl. 1]

Илл. 2. **Алебастровая фигурка.** Каир, 63955
По: [Posener, 1987, pl. 4]
Fig. 2. **Alabaster figurine.** Cairo, 63955
Source: [Posener, 1987, pl. 4]



Илл. 3. **Карта Нубии эпохи Среднего царства с предполагаемым расположением областей из текстов проклятий**
По: [O'Connor, 1986, fig. 3]
Fig. 3. **Map of Nubia during the Middle Kingdom with the proposed location of the areas from the execration texts**
Source: [O'Connor, 1986, fig. 3]

Список литературы / References

Белова Г. А. *Египтяне в Нубии (III–II тыс. до н. э.).* М.: Наука, 1988. 497 с. [Belova G. A. *Egyptians in Nubia (III — II millennium BC).* Moscow: Nauka, 1988. 497 p. (in Russian)].

Кацнельсон И. *Напата и Мероэ. Древние царства Судана.* М.: Наука, 1970. 451 с. [Kacnelson I. *Napata and Meroe. Ancient Kingdoms of Sudan.* Moscow: Nauka, 1970. 457 p. (in Russian)].

Altenmüller H. *Zwei Annalen fragmenteaus dem frühen Mittleren Reich.* Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2015. 369 S.

Darnell J. C. The Rock Inscriptions of Tjehemau at Abisco. *ZÄS.* 2003. Vol. 130. Pp. 31–48.

Davies V. The Inscriptions of Senwosret III at the Dal Cataract. *Sudan & Nubia*. 2016. Vol. 20. Pp. 14-17.

Delia R. *A study of the reign of Senusret III*. Columbia: Columbia University, 1980. 296 p.

Dixon D. The Land of Yam. *JEA*. 1958. Vol. 44. Pp. 40–55.

Koenig Y. Les textesd'envoûtement de Mirgissa. *Rd`E*. 1990. Vol. 41. Pp. 101–125.

Liszka K. *"We Have come to Serve Pharaoh: "A Study of the Medjay and Pangrave as an Ethnic Group and as Mercenaries from C. 2300 BCE until C. 1050 BCE".* A Dissertation in Near Eastern Languages and Civilizations. Ann Arbor: "Dissertation Publishing", 2012. 674 p.

Morkot R. Egypt and Nubia. *Empires: Perspectives from Archeology and History.* Cambridge: Cambridge University Press, 2001. Pp. 227–251.

O'Connor D. The Locations of Yam and Kush and Their Historical Implications. *JARCE*. 1986. Vol. 23. 1986. Pp. 27–50.

Posener G. *Cinq Figurines D`Envoutement.* Cairo: IFAO, 1987. 60 p.

Posener G. Pour unelocalisation du pays Koush au Moyen Empire. *Kush*. 1958. Vol. 6. Pp. 39–68.

Posener G. *Princes et Pays D`Asie et de Nubie. Textes hieratiques sur des figurines d'envoûtement du Moyen Empire.* Bruxelles: Fondation Egyptologique Reine Elisabeth, 1940. 114 p.

Ranke H. *Die agyptischen Personennamen.* Bd. I-III. Gluckstadt: Verlag von J. J. Augustin. Gluckstadt. 1935.

Redford D. *From slave to pharaoh. The black experience of Ancient Egypt.* Baltimore: The John Hopkins University Press, 2006. 218 p.

Scharff A. Ein Rechnungsbuch des königlichen Hofesaus der 13. Dynastie. (Papirus Boulaq Nr. 18). *ZÄS*. 1922. Vol. 57. Pp. 51–68.

Sethe K. *Die Ächtungfeindliche rFürsten, Völker und Dinge auf altägyptischen Tongefäß scherben des Mittleren Reiches*. Berlin: Verlag Der Akademie Der Wissen schaften, 1926. 74 S.

Tallet P. *Sésostris III et la fin de la XIIe Dynastie*. Paris: Pygmalion, 2005. 319 p.

Török L. *Between Two Worlds. The frontier region between Ancient Nubia and Egypt 3700 BC — 500 AD.* Brill: Library of Congress Cataloging-in-Publication Data, 2009. 605 p.

Wörterbuch der aegyptischen spracheim Auftrage der deutschen Akademien. Bd. I–V. Unveränderter Nachdruck. Berlin, 1971.

DOI: 10.18254/S268684310028205-3

Материалы об аравийском поэте и *ханифе* Умаййа б. Абу-с-Салте в *Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар ал-Мас'уди* (ум. 956)[1]

About the Arabian Poet and *Hanif* Umaiya ibn Abī s-Salt in al Masoudi's Work *Meadows of Gold and the Mines of Germs* (d. 956)

© 2023 **Дмитрий Валентинович Микульский**

доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
dmitrimikulski@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3239-1670

Dimitry V. Mikulsky

DSc (History). Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow
dmitrimikulski@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3239-1670

Умаййа б. Абу-с-Салт — один из примечательных персонажей арабского исторического предания о доисламской Аравии. Весьма интересны материалы о нем, приводимые великим арабским историком, географом и литератором ал-Мас'уди (ум. 956) в его главном сочинении «Золотые копи и россыпи самоцветов». Организуя эти сведения, ал-Мас'уди демонстрирует высокую степень литературного мастерства и художественного вкуса.

Ключевые слова: ал-Мас'уди, Умаййа б. Абу-с-Салт, доисламская Аравия, средневековая арабская проза, арабо-мусульманские исторические сочинения

Для цитирования: Микульский Д. В. Материалы об аравийском поэте и *ханифе* Умаййа б. Абу-с-Салте в *Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар* ал-Мас'уди (ум. 956). *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2023. № 3. С. 126–131. DOI: 10.18254/S268684310028205-3

1 Публикация подготовлена на основе сообщения, прочитанного на XLV сессии петербургских арабистов, проходившей в Институте восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) 3–5 апреля 2023 г.

Umayya b. Abu ‘l-Salt is one of the remarkable personalities of the Arabic historical tradition about Pre-Islamic Arabia. Extremely peculiar are the materials, that are dedicated to him in the «Meadows of Gold and the Mines of Germs» by the great Arabic historian, geographer and man of letters al-Mas‘udi (d. 956). The said work is the main book by the mentioned Author. In organizing these materials al-Mas‘udi displays a high degree of literary skill and artistic taste.

Keywords: al-Mas‘udi, Umayya b. Abu ‘l-Salt, Pre-Islamic Arabia, Medieval Arabic prose, Arab-Muslim works on History

For citation: Mikulsky Dimitry V. About the Arabian poet and hanif Umaiya ibn Abī s-Salt in al Masoudi’s Work *Meadows of Gold and the Mines of Germs* (d. 956). *Oriental Courier.* 2023. No. 3. Pp. 126–131. DOI: 10.18254/S268684310028205-3

Умайя б. Аби-с-Салт — видная персона арабского исторического предания, касающегося доисламской Аравии. О нем, лице, скорее всего, существовавшем вполне реально, известно, что он происходил из племени сакиф[2], центром которого был город ат-Та’иф[3]. С мекканскими знатными семействами из племени курайш Умайя был связан через свою родительницу, Рукайю бинт ‘Абд Шамс.

Более всего Умайя известен как стихотворец[4]. В мировоззренческом отношении его причисляли к *ханифам* (*хунафа’*)[5]. Интересные материалы, посвященные ему, имеются в главном из сохранившихся сочинений великого арабомусульманского историка, географа и литератора ал-Мас‘уди[6] *Мурудж аз-захаб ва ма‘адин ал-джаухар*[7]. Сведения об Умайи помещаются в главе памятника, именуемой *Зикр ахл ал-Фатра мимман кан байн ал-Масих ва Мухаммад сала-л-Лаху ‘алайхума ва саллам* («Упоминание о людях *ал-Фатры*, что были между ал-Масихом (Христом. — *Д. М.*) и Мухаммадом, да благословит их обоих Аллах и приветствует) [ал-Мас‘уди, Vol. I, 1973, с. 65–75].

Настоящая публикация, равным образом, как и конференция, на которой был зачитано сообщение, послужившее ее основой, посвящены памяти Анны Аркадьевны Долининой (1923–2017). Она была великим переводчиком и замечательным исследователем. В силу этого в настоящем тексте содержатся мои собственные переводы пассажей ал-Мас‘уди, перемежающиеся с рассуждениями исследовательского характера.

Первоначально в сжатом сообщении (объем которого 9,5 строки) ал-Мас‘уди приводит следующие сведения [ал-Мас‘уди, Vol. I, p. 70–71]:

***

Из них (прочих «людей *ал-Фатры*».[8] — *Д. М.*) был Умайя б. Абу-с-Салт ас-Сакафи. Был он стихотворцем и разумным [мужем]. И отправлялся с торговыми целями в Сирию. Его прини-

2 Сакиф — арабское племя, игравшее важную роль в доисламской и арабо-мусульманской истории. В доисламские времена считалось союзником курайш, в силу чего многие выходцы из сакиф занимали высокое положение в Халифате эпохи правления династии Омейядов (661–750), поскольку государи этой династии происходили из бану умайя, одного из ведущих кланов племени курайш [Lecker, 2000, p. 115–116].

3 Ат-Та’иф — город юго-восточнее Мекки, в горах ас-Сарат. Помимо сакиф, был населен выходцами из других племен. До хиджры считался вторым городом Западной Аравии; играл важную роль в караванной торговле с Йеменом. Значение ат-Та’ифа упало после победы ислама и возвышения Медины [Lecker, 2000, p. 432].

4 См. стихотворный диван Умайи б. Абу-С-Салта: [Умайя б. Абу-с-Салт, 1974, с. 676].

5 Об Умайе б. Абу-с-Салте см.: [Montgomery, 2000, p. 831]. Ханиф — в доисламской Аравии, благочестивый человек, веровавший в Единого Бога, но не примыкавший ни к иудеям, ни к христианам [Пиотровский, 1991, с. 273].

6 Об ал-Мас‘уди и его основном труде см.: [Микульский, 2006].

7 Работая над настоящей публикацией, мы пользовались следующим изданием этого памятника: [ал-Мас‘уди, 1973].

8 Ал-Фатра (Фатра) — согласно мусульманской концепции развития человеческой истории, эпоха, простирающаяся между ‘Исой б. Марйам (Иисусом Христом) и Мухаммадом [Pellat Ch. Fatra, 1991, p. 865].

мали люди молитвенных домов (*ахл ал-кана'ис*) из [числа] иудеев и христиан. Он прочитал писания и узнал, что будет дарован арабам Пророк. Рассказывал он стихи в соответствии с воззрениями приверженцев [небесной] религии, в которых упоминал небеса, землю, солнце, луну и ангелов. Упоминал пророков, восстание из мертвых (*ал-ба'с*), воскресение (*ан-нушур*), рай и ад. Почитал он Аллаха, Велик Он и Славен, и полагал Его единственным Божеством (*йуваххидуху*). Из его речей: «Хвала Аллаху, Коему нет сотоварища. Кто не скажет такого, тот нанесет ущерб душе своей». В другом своем речении описал [Умайя] обитателей рая и сказал: «Нет там ни пустой болтовни, ни греховных занятий. Не беседуют они о том, [но спокойно] пребывание их».

Когда же узнал [Умайя] о явлении Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, разгневался от этого и опечалился. Прибыл в Медину, дабы принять ислам, однако воспрепятствовала ему зависть. Возвратился он тогда в ат-Та'иф.

Далее, в беллетризованном сообщении (его объем 11,5 строки) ал-Мас'уди рассказывает историю кончины Умайи [ал-Мас'уди, Vol. I, p. 71]:

***

Однажды, когда пил [Умайя] вино с молодцами, вдруг спустился ворон, трижды прокаркал и улетел. Молвил тогда Умайя: «Знаете ли вы, что он сказал?». Ответили [сотрапезники его]: «Нет». Сказал Умайя: «Сообщает вам ворон, что не выпьет Умайя третьей чаши, как умрет». Сказали собравшиеся (в оригинале *ал-каум. — Д.М.*): «Опровергни же речение его». После сказал [Умайя]: «Пейте [круговую] чашу». Принялись они пить из нее. Когда же дошел черед (*ан-науба*) до [Умайи], потерял он сознание. Долго молчал, потом пришел в себя, произнося [стихи]: «Вот я перед вами обоими, вот я перед вами обоими; Вот я у вас обоих». [После добавил прозой]: «Я тот, в ком осуществились благодеяние, восхваление [Бога] и благодарность [Ему]». [И далее стихами]: «Если простишь, о Боже, простишь обильно. И какой раб Твой непорочен?». Или же сказал он: «Я тот, в ком осуществились благодеяние и хвала, однако не затруднял я себя благодарностью». После принялся он произносить [стихи]: «Истинно, День расчета (Судный день. — *Д. М.*) — день великий. Тогда внезапно и быстро стареет дитя. О, если бы пребывал я, прежде чем открылась мне [истина], На вершинах гор и пас диких козлов! Всякая жизнь, хоть и длится некое время, [Имеет] краткие дни, так что прекращается». После издал он стон, и вышла [с этим стоном] душа его.

Вот так, согласно ал-Мас'уди, принял Умайя б. Абу-с-Салт «молодецкую кончину», — не поверив предсказанию вещей птицы и бросив вызов судьбе, былинному герою Василию Буслаеву, продолжил пить вино и погиб.

Затем ал-Мас'уди вводит самый занимательный элемент в повествовании об Умайи — рассказ (новеллу) о приключении таифского стихотворца в пустыне (объем — 36,5 строки) [Микульский, 2006, с. 71–73].

***

Упомянуло сообщество из [числа] знатоков арабских исторических преданий (*ахл ал-ма'рифа би-аййам ан-нас ва ахбар ман салафа*), среди которых: Ибн Да'б[9], ал-Хайсам б. 'Ади[10],

9 Ибн Да'б — имеется в виду 'Иса б. Йазид б. Да'б б. ал-Хайсам б. 'Ади ат-Та'и [ал-Лайси] (ум. до 795) — медицинский знаток хадисов и исторических преданий, а также собиратель стихотворений и поэт. Был сотрапезником аббасидских халифов ал-Махди (775–785) и ал-Хади (785–786). Чаще упоминается в арабских источниках как 'Иса б. Да'б [Pellat, 1986, p. 742].

10 Ал-Хайсам б. 'Ади — имеется в виду ал-Хайсам б. 'Ади [ат-Та'и] (738 – ок. 824), один из основоположников арабомусульманской историографии. Автор ряда несохранившихся трудов по доисламской истории арабов, по истории Халифата и генеалогии. Ссылки на сочинения ал-Хайсама б. 'Ади содержатся в трудах многих более поздних историков [Pellat, 1986, p. 328].

Абу Михнаф Лут б. Йахйа[11] и Мухаммад б. ас-Са'иб ал-Калби,[12] что курайшиты начинали свои послания со [слов]: «именем Твоим, Боже», а причина этого была в следующем. Отправился Умаййа б. Абу-с-Салт ас-Сакафи в Сирию с людьми из племен (*нафар*) сакиф и курайш и их караваном. И вот, когда ехали они восвояси, то устроили стоянку и собрались поужинать. Откуда ни возьмись явилась небольшая змея и приблизилась к ним. Тут кто-то из них бросил ей в морду камешком. Уползла [змейка]. Собрали они поклажу свою, поднялись, уселись на верблюдов и уехали со стоянки. Когда же отдалились они от стоянки, предстала пред ними на песчаном холме старуха, опиралась она на посох свой. Сказала она: «Что помешало вам покормить Халиму, невольницу-сиротку, которая сегодня вечером приходила к вам?». Спросили они: «Кто ты?». Сказала она: «Я матерь змей, что многие годы тому назад овдовела (*садж'*. — *Д. М.*)[13]. [Клянусь] Господом людей, да рассеетесь вы по странам земным!». После стукнула она посохом своим по земле, подняла тем облако пыли и сказала: «Сделай так, чтобы домой не скоро они воротились, и рассей верховых скотов их». Тут повскакали верблюды, словно на горбе у каждого из них [сидел] шайтан, так что ни одного мы не сумели удержать[14].

Рассеялись [верблюды] по пустынным местам. Едва собрали мы их, [пробегав за ними] с вечера до следующего утра. Когда же поставили мы их на колени, чтобы [усесться на них и] ехать дальше, явилась к нам старуха, ударила посохом, как и в первый раз, и повторила первое свое речение… (эта ситуация повторяется трижды. — *Д. М.*). Застала нас лунная ночь, и отчаялись мы в деле нашем (?). Сказали мы тогда Умайе б. Абу-с-Салту: «Где [умения] твои, о которых ты нам рассказывал?». Тогда отправился [Умаййа] к тому холму, откуда явилась старуха, спустился с противоположного склона, затем поднялся на другой холм и спустился с него. Там предстал перед ним христианский храм (*каниса*), в коем были лампады. И восседал [там некий] муж с белой головой и бородой.

Сказал Умаййа[15]: «Когда встал я над ним, поднял он ко мне голову и спросил: "Истинно, есть у тебя последователи?"». (*Иннака-л-матбу'*). Сказал я: «Да». Сказал он: «Откуда твой повелитель (*сахибука*) являет себя тебе?». Сказал я: «Через левое ухо». Сказал он: «Какое одеяние велит он тебе [носить]?». Сказал я: «Черное». Сказал он: «То речи джиннов. Тогда как владыка этого дела[16] будет вещать в правое ухо, а излюбленное одеяние его — белое. Что же привело тебя? Какова твоя потребность?». Тут поведал я ему историю старухи. Сказал [старец]: «Истину рек ты; она же — лгунья. Она женщина-иудейка, у которой [много] лет тому назад умер муж. Станет она так поступать с вами, пока не погубит вас, если сможет». Сказал Умаййа[17]: «Что же делать?». Сказал [тот муж]: «Соберите ваших вьючных животных. Когда придет она к вам и поступит так же, как поступала [прежде], скажите ей: «Семь сверху и семь снизу — Именем Твоим, Боже!». Тогда не навредит она вам».

Вернулся Умаййа к своим товарищам и сообщил им сказанное. И пришла к ним [та женщина] и поступила так же, как [прежде] поступала. Тут сказали [Умаййа и спутники его]: «Семь сверху и семь снизу — Именем Твоим, Боже!». И не навредила им [старица]. Когда же увидела она, что верблюды стоят неподвижно, сказала: «Узнала я сотоварища вашего. Да побелеет верх

11 Абу Михнаф (ум. 774) — один из ранних арабо-мусульманских знатоков исторических преданий и историков [Gibb, 1986, p.140].

12 Мухаммад б. ас-Са'иб ал-Калби (ум. 763) — историк, знаток родословий и филолог [Atallah, 1997, p. 494–496].

13 См. о традициях употребления рифмованной прозы садж' в доисламской Аравии: [Розов, 2023, с. 26–43].

14 Произошла смена рассказчика с третьего лица на первое. Такие смены рассказчиков характерны для средневековой арабской новеллистической прозы.

15 Смена повествователя. Рассказ теперь ведется от лица Умаййи.

16 То есть пророку, который будет послан арабам.

17 Смена повествователя. Рассказ ведется от лица Умаййи.

его и почернеет низ его!». Когда же застало нас утро, поглядели мы[18] на Умайю — а он покрылся чесоткой по щекам, коленям и груди, а низ его почернел. Прибыв в Мекку, поведали они[19] этот рассказ».

Завершаются рассказы об Умайе б. Абу-с-Салте у ал-Мас'уди авторской ремаркой объемом в 3,0 строки [ал-Мас'уди, Vol. I, p.73].

***

«Был Умайя первым, кто писал «именем Твоим, Господи» до тех пор, пока [не] явил Аллах, Велик Он и Славен, ислам. Тогда оставил подобное [Умайя] и написал: «Именем Аллаха Милостивого и Милосердного». [Имеются] об [Умайе] известия, помимо тех, что привели мы в *Ахбар аз-заман* и иных наших прежних книгах».

Таким образом, комплекс материалов об Умайе б. Абу-с-Салте у ал-Мас'уди включает в себя четыре фрагмента общим объемом в 61,5 строки. В первом, кратком сообщении читатель узнает, кто такой Умайя, а в последнем — ал-Мас'уди подводит итог сказанному и отсылает читателя к прежним сочинениям, что в целом характерно для стилистики этого автора. Таким образом, эти два сообщения играют роль своеобразного обрамления.

Основная смысловая нагрузка падает на вторую (беллетризованную) и третью (новелла) части, в которых рассказано о кончине Умайи и о чудесном приключении, выпавшем на его долю. Подобное использование фрагментов различных жанров для организации повествования о каком-либо лице или событии весьма характерно для той манеры, которой следует великий арабский историк в главнейшем из двух сохранившихся своих сочинений.

Полагаю, что приведенные нами сведения ал-Мас'уди о «сопернике» пророка Мухаммада свидетельствует о том, что, аранжируя их, великий арабо-мусульманский историк и писатель следовал излюбленному своему принципу — беллетризации исторического предания.

Список литературы / References

Микульский Д. В. *Арабо-мусульманская культура в сочинении ал-Мас'уди «Золотые копи и россыпи самоцветов» («Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар»). X в.* М.: Востлит, 2006. — 175 с. [Mikulsky D. V. *The Arab-Muslim Culture in the Work of al-Mas'udi "The Meadows of Gold and the Mines of Germs" ("Murudj al-Dhahab wa Ma'adin al-Djawhar"). 10th Century.* Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006. 175 p. (in Russian)].

Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар. Тасниф ар-раххала ал-кабир ва-л-му'аррих ал-джалил Аби-л-Хасан 'Али б. ал-Хусайн б. 'Али ал-Мас'уди ал-мутаваффи фи 'ам 346 мин ал-хиджра (*Золотые копи и россыпи самоцветов*). Би-тахкик Мухаммад Мухйи-д-Дин 'Абд ал-Хамид 'афа-л-Лаху Та'ала 'анх. Дж. 1–4. Бейрут: Дар ал-фикр, 1973 (Репр. каирск. изд. 1958 г.). —390; 454; 445; 423 с. [*Murudj al-dhahab wa ma'adin al-djawhar. Nasnif al-rahhala al-kabir wa-l-mu'arrkh al-djalil Abi-l-Hasan 'Ali b. al-Husayn b. 'Ali al-Mas'udi al-mutawaffi fi 'am 346 min al-Hidjra* (*The Meadows of Gold and the Mines of Gems) by al-Mas'udi*. Ed. by M. Muhyi l'Din 'Abd al-Hamid. Vol. 1–4. Beirut: Dar al-Fikr (Repr. of the Cairo 1958 edition). 390; 454; 445; 423 p. (in Arabic)].

Пиотровский М. Б. Ханиф. *Ислам. Энциклопедический словарь*. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. С. 273 [Piotrovsky M. B. Kahin. *Islam. An Encyclopaedical Dictionary*. Moscow: Nauka; GRVL; 1991. P. 273 (in Russian)].

Розов В. В. Не только прорицатели: садж' как сакраментальная форма речи в доисламской Аравии. *Ближний Восток и Северная Африка: от доисламской эпохи к Новому времени. История. География. Общество. Труды конференции «Чтения И. М. Смилянской»*. М.: ИВ РАН, 2023. С. 26–43 [Rozov V. V. Not only forecasters: sadj' as a sacramental form of speech in Pre-Islamic Arabia. *The Middle East and Northern Africa: Since the Pre-Islamic Epoch towards the Modern Times. History. Geography. Society. Proceedings of the Conference*

18 Смена повествователя. Рассказ ведется от лица спутников Умайи.

19 Смена повествователя. Рассказ от третьего лица.

The Readings in Memory of I .M. Smilyanskaya. Moscow: IOS RAS, 2023. Pp. 26–43. (in Russian)].

Умаййа б. Абу-с-Салт *Диван Умаййа б.Аби-с-Салт.* Джам‘ ва тахкик ва дираса. Сун‘ат аддуктур ‘Абд ал-Хафиз ас-Стали мударрис ал-адаб ал-джахили фи Джами‘ат Димашк. Дамаск. Ал-Матба‘а ат-та‘авуниййа, 1974. — 676 с. [Umayya b. Abi’l-Salt *The Diwan of Umayy b. Abi’l-Salt.* Collected, Edited and Studied. Fulfilled by Doctor ‘Abd al-Hafiz al-Satali. Damascus: Al-Matba‘a al-ta‘awuniyya, 1974. — 676 p. (in Arabic)]

Atallah W. Al-Kalbi. I. *The Encyclopaedia of Islam*. New Edition (EI2). *Vol. IV*. Leiden: Brill, 1997. Pp. 494–496.

Gibb H.A.R. Abu Mikhnaf. *The Encyclopaedia of Islam*. (EI2). *Vol. I. Photomechanical Reprint.* Leiden: Brill, 1986. Pp. 140.

Lecker M. Al-Ta’if. *The Encyclopaedia of Islam*. (EI2).*Vol. X.* Leiden: Brill, 2000. Pp. 115–116.

Lecker M. Thakif. *The Encyclopaedia of Islam*. (EI2).*Vol. X.* Leiden: Brill, 2000. Pp. 432.

Montgomery J.E. Umayya b. Abi’l-Salt. *The Encyclopaedia of Islam*. (EI2).*Vol. X.* Leiden: Brill, 2000. p. 831.

Pellat Ch. Fatra. *The Encyclopaedia of Islam*. (EI2). *Vol. II. Fourth Impression.* Leiden: Brill, 1991, p. 865.

Pellat Ch. Al-Haytham b. ‘Adi. *The Encyclopaedia of Islam*. (EI2). *Vol. III. Photomechanical Reprint.* Leiden–London: Brill–LUZAZ & CO, 1986. p.328.

Pellat Ch. Ibn Da’b. *The Encyclopaedia of Islam*. (EI2). *Vol. III. Photomechanical Reprint.* Leiden–London: Brill–LUZAZ & CO, 1986. p. 742.

DOI: 10.18254/S268684310028208-6

Непрочитанные письма сочувствия и поддержки цесаревичу Николаю (новые сведения об инциденте в г. Оцу 29 апреля / 11 мая 1891 г.)

The Unread Letters of Sympathy and Support to the Crown Prince Nicholas (New Data on the incident in Otsu, April 29 / May 11, 1891)

©2023 **Владимир Георгиевич Пясецкий**

независимый исследователь, член центрального правления Общества «Россия Япония», Москва, Россия
dima_pias@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-1017-4840

Vladimir G. Pyasetsky

Independent scholar, member of the Central Board of Russia Japan Society, Moscow, Russia
dima_pias@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-1017-4840

Статья посвящена разбору писем из поездки Цесаревича Николая в Японию и случившемуся покушению на убийство в 1891 г. в городе Оцу (префектура Сига). На основе писем и прочих письменных материалов автор излагает ход происшествия и детально разбирает особенности структуры сохранившихся писем. Исследование демонстрирует, кому, в каком виде и каким слогом были написаны представленные письма и как оформлялись конверты, в которые заключались указанные письма. Приводятся предварительные выводы рассмотрения «подарков крейсера “Память Азова”» — как историческая ценность, так и материальные доказательства.

В качестве иллюстраций к статье прилагаются шесть фотографий конвертов, в которых находились письма сочувствия и поддержки после покушения.

Ключевые слова: Цесаревич Николай, город Оцу, письма сочувствия, Д. Е. Шевич, Сандзо Цуда, инцидент 1891 г., история почты, дипломатическая и научная миссии

Для цитирования: Пясецкий В. Г. Непрочитанные письма сочувствия и поддержки цесаревичу Николаю (новые сведения об инциденте в г. Оцу 29 апреля / 11 мая 1891 г.). *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2023. № 3. С. 132–139. DOI: 10.18254/S268684310028208-6

The paper analyses the group of letters from the trip of the Crown Prince Nicholas to Japan and the attempted murder of 1891 in the city of Otsu (Shiga prefecture, Japan). The author, based on letters and other written materials, was able to describe the situation of the incident and analyze detailed features of the structure of the available (not all) letters. This shows to whom, in what form and in what style the presented letters and the envelopes they were in. The preliminary conclusions of the consideration of the "gifts of the 'Memory of Azov' cruiser", both historical value and material evidence, are given.

As illustrations, 6 scans of envelopes are attached to the article, in which there were letters of sympathy and support after the assassination attempt.

Keywords: Crown Prince Nicholas, city of Otsu, letters of sympathy, D. E. Shevich, Sanzo Tsuda, the incident of 1891, history of the post, diplomatic and scientific missions

For citation: Pyasetsky Vladimir G. The Unread Letters of Sympathy and Support to the Crown Prince Nicholas (New Data on the incident in Otsu, April 29 / May 11, 1891). *Oriental Courier.* 2023. No. 3. Pp. 132–139. DOI: 10.18254/S268684310028208-6

Происшествие, случившееся в городе Оцу 130 лет назад и длившееся всего несколько мгновений, подробно изложено в многочисленных статьях, монографиях, телепередачах и интернет-публикациях. В те дни в Японии всерьез опасались возможного «побочного эффекта» покушения на наследника российского престола: дистанция между дружеским визитом и военным конфликтом была невелика.

По сложившейся традиции все русские наследники престола, начиная с Павла I, завершив курс наук, отправлялись в путешествие. Чаще всего путешествий было два: большое — по России, чуть поменьше — по Европе. Но для Цесаревича Николая планировалось необычное, грандиозное морское и сухопутное турне, объединившее сразу оба путешествия. Причем обе части поездки должны были проходить по территории, где раньше не бывал ни один Цесаревич, исключая лишь последнюю часть пути. Двадцатидвухлетний Николай Александрович отправился в путешествие с целью повышения уровня знаний и ознакомления с государственным устройством других стран.

В общей сложности поездка продолжалась более девяти месяцев: из Гатчины посольство выехало 23 октября (4 ноября) 1890 года, а вернулось в Санкт-Петербург 4 (16) августа 1891 года. Маршрут пролегал через Варшаву, Вену, Триест, Грецию, Средиземное море, Египет, Красное море, Аден, Индийский океан, Индию, Цейлон, Сиам, Яву, Сингапур, Китай, Японию и бескрайнюю Восточную Россию [Москвин, Бурыгин, Непомнящий, 2010].

Для морского путешествия Цесаревича был выбран только что введенный в эксплуатацию полуброненосный крейсер первого класса «Память Азова» — крупное океанское судно водоизмещением почти 6700 тонн [Москвин, Бурыгин, Непомнящий, 2010].

Путешествие готовилось тщательно, так как ему придавалось большое государственное значение. Александр III решил основать Великую Сибирскую железную дорогу, и наследник Николай Александрович должен был присутствовать при начале строительства во Владивостоке и лично провезти первую тачку грунта для насыпи железнодорожного пути. Помимо познавательных целей Николай также должен был установить личные отношения и провести переговоры с царствующими особами государств по маршруту путешествия.

Николая сопровождали руководитель всего путешествия генерал-майор свиты князь В. А. Барятинский, флигель-адъютант князь Н. Д. Оболенский (лейб-гвардии Конный полк), князь В. С. Кочубей (Кавалергардский Его Высочества полк), Е. Н. Волков (лейб-гвардии Гусарский Е. В. полк). В группу сопровождения входили принц Греции и Дании Георг (Πρίγκιπας Γεώργιος; 1869–1957), второй сын короля Греции Георга I и великой княжны Ольги Константиновны.

Для написания книги о путешествии к нему был прикомандирован чиновник Министерства внутренних дел князь Э. Э. Ухтомский [Дунаева, 2022, с. 101]. В Японии к свите присоединился посланник России в Японии Дмитрий Егорович Шевич (1839–1906).

Перед визитом в депеше от 16 [28] февраля 1891 года Д. Шевич писал «о неспокойной внутриполитической обстановке и распространении среди японцев ксенофобских настроений» [Накамура, 1983, с. 54]. Речь шла о нападении на российское посольство в ноябре 1890 г. Дипломат был обеспокоен и задержкой во введении в уголовное законодательство Японии статьи, предусматривающей наказание за нападение на представителей царских семей и миссий иностранных государств. По его мнению, правительство должно было «серьезно позаботиться о доставлении себе легальных средств для укрощения каких-либо поползновений со стороны японских анархистов оскорбить чем-либо неприкосновенную особу августейшего гостя Императора» [Накамура, 1983, с. 63].

Министр иностранных дел Японии Аоки Сюдзо (青木周蔵; 1844-1914) заверял Шевича в полной безопасности Николая на время его пребывания в стране.

Цесаревич в городе Оцу

Во время путешествия по Японии планировалась экскурсия на удивительное по красоте озеро Бива, путь к которому проходил через город Оцу. Происшедшее в этом городе изложил в письме императору Александру III главный гофмейстер свиты, князь Владимир Анатольевич Барятинский. Из содержания письма видно, что князь попытался смягчить в письме характер происшествия и избежать излишнего драматизма.

«Как везде в Японии, встреча была весьма торжественна и радушна, как со стороны властей, так и народа… Узкие улицы были полны народом, стоящим по обе стороны; впереди толпы, шагах в 50 друг от друга, находились полицейские. Впереди Цесаревича ехал губернатор и полицмейстер, сзади же Принц Георг, принц Японский Арисугава и потом вся свита, друг за другом, по одному в каждой джинрикше; ехали довольно быстро; на одной из главных улиц полицейский нижний чин в форме (Сандзо Цуда; 津田三蔵) внезапно подбежал сзади к экипажу Николая Александровича и нанес ему удар саблею по голове; Цесаревич выскочил вперед к стоящей толпе; злодей обежал экипаж кругом с видимой целью догнать Великого князя.

В это время подбежал Принц Георг и ударил злоумышленника палкою по голове, что побудило его обернуться ко стороне Принца; тогда один из японцев, везший джинрикшу, сшиб его с ног и ударил его ею по шее, причинив ему сильную рану… (опущен эпизод второго удара)» [Следен, 1904, с. 23].

От третьего удара, способного стать смертельным, цесаревича спасли рикши и принц Георг, сбившие с ног нападавшего. Цуда был тут же схвачен. В этой трагической истории повезло лишь двум физически крепким парням, выбравшим нелегкую профессию, о которой так живо писал английский этнограф Дуглас Следен в книге «Смешные стороны Японии» [Следен, 1904]. «Ваш рикша есть нечто большее, чем проводник — он вместе с тем и философ, и ваш друг, а если в тех случаях, когда поблизости нет полицейского, то даже и ваш покровитель. Если кто-нибудь толкнет или оскорбит его седока, он в ту же минуту опускает дышла и гонится за оскорбителем, и никто, кроме полицейского или профессионального борца, не рискнет остановить бегущего рикшу» [Следен, 1904, с. 59].

В нашей истории все произошло наоборот: рикши остановили полицейского. Принца Георга вез рикша по имени Китагаити Ититаро (北賀市 市太郎), Цесаревича — Мукохата Дзисабуро (向畑 治三郎). За проявленную отвагу оба получили русские ордена и щедрую награду от российского правительства — по 2500 иен единовременно и 1000 иен в качестве пожизненной пенсии (что равнялось годовой зарплате, например, члена японского парламента). Японские власти тоже удостоили героев орденов и пенсий.

Также, эпизод покушения подробно описан в книге «Путешествие на Восток цесаревича Николая», в главе «Инцидент в Оцу» [Москвин, Бурыгин, Непомнящий, 2010, с. 223-232].

Нападение полицейского Сандзо Цуда на наследного принца 11 мая 1891 г. в г. Оцу (префектура Сига) потрясло японскую общественность и заставило японских чиновников приложить максимум усилий для ограничения негативных дипломатических последствий.

На следующее утро с токийского вокзала отошел специальный поезд, в котором находился император Мэйдзи Муцухито. В Киото выехал православный «первосвятитель» Японии епископ Николай Касаткин, которого император лично просил о поддержке в улаживании, казалось, неминуемого конфликта. Святитель Николай лично присутствовал на встрече как миротворец и… переводчик!

В тот же день Император прибыл в Киото. Во время переезда до Кобэ, император Мэйдзи, принц Арисугава, принц Георг, князь Барятинский и русский посланник Шевич ехали в одном вагоне.

Представители политических, официальных, религиозных организаций один за другим посещали Киото.

Учебные заведения, провинциальные училища были предусмотрительно закрыты на два дня, а обычные подготовительные школы закрылись на один день, предварительно отправив письма сочувствия от лица всех учащихся.

За первые три дня после покушения специально образованная комиссия в составе 25 человек получила сотни телеграмм, а **всего поступило около двадцати четырех тысяч писем** различных заявлений с выражением участия, поддержки и сожаления.

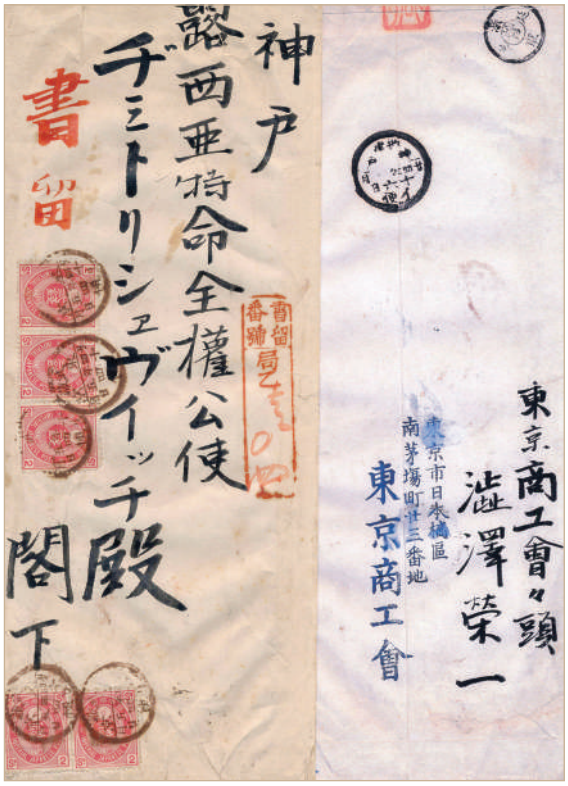
Волей случая небольшое число конвертов оказались в распоряжении автора (*Илл. 1–6*). Писем в конвертах не было, но конверты сами по себе дали разнообразную информацию как о самом событии, так и о филателистических особенностях почтовых отправлений 24 года эпохи Мэйдзи (1891 г.).

Анализ адресов на конвертах

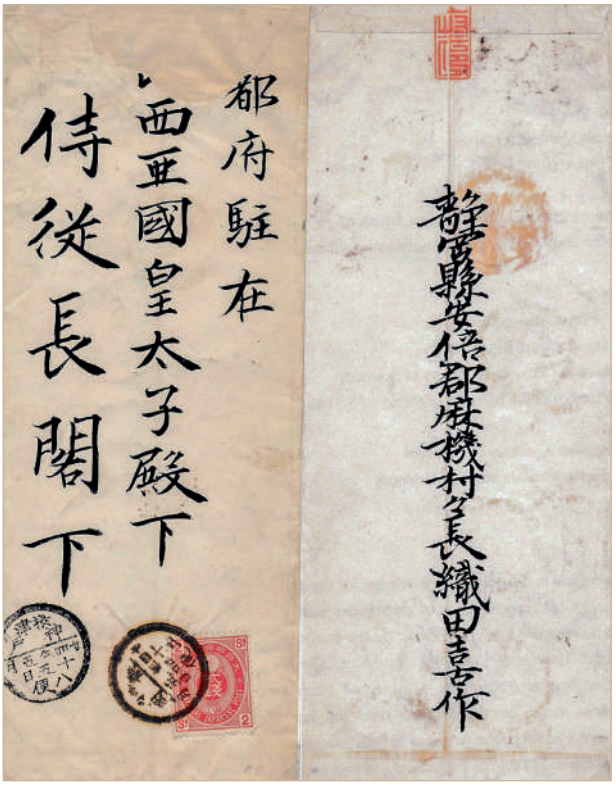
С учетом традиционных методов принятия решений в Японии, можно полагать, что комиссия пыталась выработать общие рекомендации при составлении писем.

1. Большинство писем было направлено «Главному камергеру свиты Цесаревича» (без указания имени);
2. Несколько писем были отправлены в адрес гостиницы в японском стиле (рёкан) «Токива Хотэру» (旅館常盤 ーときわホテル);
3. Одно письмо лично Генерал-майору князю Владимиру Анатольевичу Барятинскому (главному камергеру свиты Цесаревича);
4. Одно письмо предназначалось Посланнику России в Японии Дмитрию Егоровичу Шевичу (1886–1892);
5. Одно — на флагманский крейсер «Память Азова».

С учетом регалий обращение к Цесаревичу было «*дэнка*» («ваше высочество»; 皇太子殿下ーこうたいしでんか), к князю Барятинскому — «*какка*» («ваше превосходительство»; 侍従長閣下ーじじゅうちょうかっか). На конверте одного письма была сделана пометка «*губу*» («высокочтимому»; 供奉ーぐぶ). Некоторые письма имели отметки на клапанах конвертов: «запечатано» (封ーふう; *фу*:) и «с уважением» (謹ーきん; *кин*).



Илл. 1. **Его превосходительству Полномочному посланнику России в Японии Дмитрию Шевичу, в г. Кобэ.** От Эйити Сибусава, Токийская торгово-промышленная палата, отправлено заказной почтой, в конверте с пятью марками из г. Токио, 1891 г.[1]
Fig. 1. **To His Excellency Envoy Plenipotentiary of Russia in Japan Dmitry Shevich, in Kobe.** From Eiichi Shibusawa, Tokyo Chamber of Commerce and Industry, sent by registered mail, in an envelope with five stamps from Tokyo, 1891
Hereafter all the photos © by Vladimir G. Pyasetsky



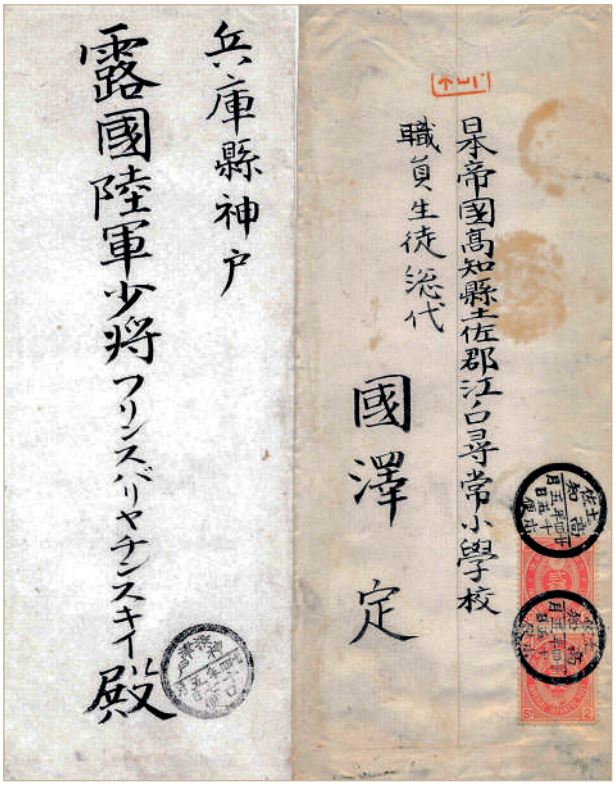
Илл. 2. **Главному камергеру Его Высочества Цесаревича России в г. Кобэ.** От Ода Кисаку старосты деревни Асахата, уезда Абэ, префектуры Сидзуока, 1891 г.
Fig. 2. **To the Chief Chamberlain of His Highness the Tsarevich of Russia to Kobe.** From Oda Kisaku, Chief of Asahata Village, Abe County, Shizuoka Prefecture, 1891

Отправители писем

Адреса отправителей — наиболее интересная часть исследования. Часть писем была отправлена от группы лиц, жителей деревень или небольших городов, которые в настоящее время могли агломерироваться в более крупные населенные пункты.

Есть вероятность обнаружить организации и учебные заведения, которые существуют и в наши дни, возможных потомков авторов писем сочувствия того времени. Многие населенные пункты, указанные на конвертах, прекратили свое существование из-за слияния с другими поселениями (вопросы топонимики).

1 Здесь и далее все фотографии © В. Г. Пясецкий.



Илл. 3. **Его Высочеству князю Барятинскому, генерал-майору армии России, в г. Кобэ, префектура Хёго.** От имени всех учителей и учеников, начальной школы Энокути, директор школы Кунидзава Садаму, Японская Империя, префектура Коти, уезд Тоса, 1891 г.

Fig. 3. **To His Highness Prince Baryatinsky, Major General of the Army, Russia, in Kobe, Hyogo Prefecture** On behalf of all teachers and students, from Enokuchi Elementary School, head teacher Kunizawa Sadamu, Empire of Japan, Kochi Prefecture, Tosa County, 1891

Илл. 4. **Главному камергеру Его Высочества Цесаревича России в рёкан[2] в г. Киото** От Фукухара Дзюнъити от каждого из девяти жителей деревни Цуэмото, уезда Миёси, префектуры Хиросима, 1891 г.

Fig. 4. **To the Chief Chamberlain of His Highness the Tsarevich of Russia to Ryokan, to Kyoto** From Fukuhara Junichi on behalf of nine villagers of Tsuemoto Village, Miyoshi County, Hiroshima Prefecture, 1891

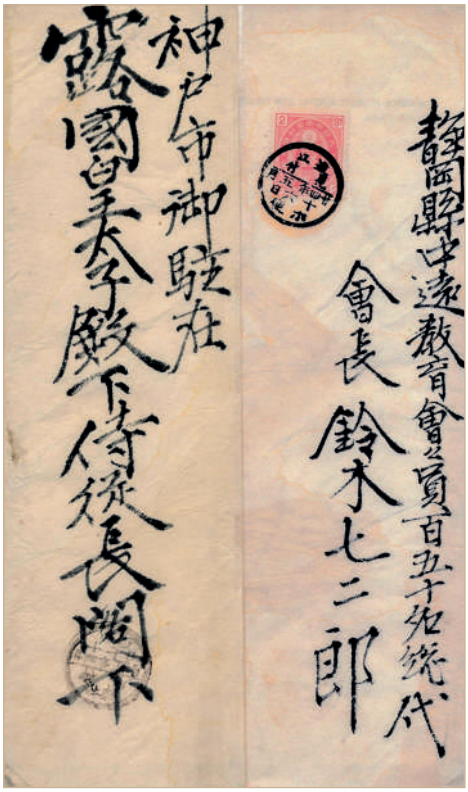
Филателистические аспекты материала и предварительные выводы

На конверты были наклеены стандартные марки выпуска 1883–1892 гг. в 2 сэна. Размеры конвертов и бумага различные: японская *васи* и европейская. Некоторые письма отправлены заказной почтой. Тарифы взимались в зависимости от веса отправлений.

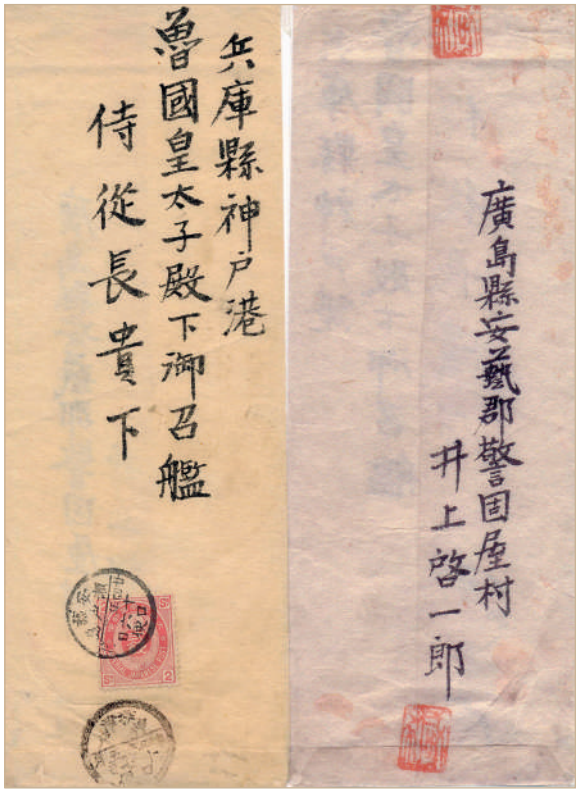
Фронтальная часть писем в большинстве случаев оформлена одинаково, но можно выделить нюансы орфографии.

В 1891 г. в Японии не было стандартного написания слова Россия. На конвертах название нашей страны встречается в четырех вариантах:

2 Рёкан (旅館) — гостиница в традиционном японском стиле.



Илл. 5. **Главному камергеру Его Высочества Цесаревича России в г. Кобэ.** От имени 150 членов Образовательного Общества, Председатель Общества Судзуки Ситидзиро, город Мицукэ, уезд Тюэн, Префектура Сидзуока, 1891 г.
Fig. 5. **To the Chief Chamberlain of His Highness the Tsarevich of Russia to Kobe.** On behalf of 150 members of the Educational Society, Chairman Suzuki Shichijiro, Mitsuke City, Chuen County, Shizuoka Prefecture, 1891



Илл. 6. **Главному камергеру Его Высочества Цесаревича России на флагманский корабль, порт Кобэ, префектура Хёго**
От Иноуэ Кэйитиро из деревни Кэйгоя, уезда Аки, префектуры Хиросима, 1891 г.
Fig. 6 **To the Chief Chamberlain of His Highness the Tsarevich of Russia to Flagman Ship in Kobe seaport, Hyogo Prefecture**
From Inoue Keiichiro of Keigoya Village, Aki County, Hiroshima Prefecture, 1891

露西亜国 (*Росиакоку*), 露国 (*Рококу*), ロシア (*Росиа*), 魚西亜 (*Росиа*).

Имеющиеся конверты интересны для исследователей японской каллиграфии по стилю написания. У японоведов может возникнуть вполне естественный вопрос, кто же читал эти письма (24 000!) в 1891 году? Автору не удалось найти фамилий драгоманов того времени. Школа профессиональных переводчиков только зарождалась, более подробный анализ приведен в монографии Г. Д. Ивановой «Русские в Японии XIX — начала XX в.» [Иванова, 1993, с. 21-23]. Возможно, наш известный соотечественник В. М. Мендрин включил информацию того времени в свой труд «Японский эпистолярный стиль», Владивосток 1914 г. [Мендрин, 1914]. Можно предположить, что на фоне действительно дорогих подарков, погруженных на палубу крейсера «Память Азова», ценность этих писем, посчитали незначительной.

Есть еще одна причина, по которой конверты оказались в хорошем состоянии: на конвертах

были наклеены стандартные марки того периода номиналом в 2 сэна, выпущенные миллионными тиражами. В современном каталоге японских марок их стоимость около 50 иен, т. е. по курсу на 2022 г. — около 20 рублей.

В приложении предлагается несколько вариантов конвертов с переводом. Особенности конвертов и написание адресов:

— Все конверты имеют прямоугольную форму разных размеров (от 75 × 200 до 95 × 240 мм).

— Марки наклеивались и на адрес отправителя, и на адрес получателя.

— Конверты были направлены спустя 3–5 дней после покушения.

— На иллюстрациях расположение сторон слева (кому) направо (от кого).

Список литературы / References:

Дунаева Е. Д. Вклад князя Э. Э. Ухтомского (1861–1921) в изучение буддизма. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 4. С. 91–104 [Dunaeva E. D. Prince Esper E. Ukhtomsky's (1861–1921) Contribution to the Buddhist Studies. *Oriental Courier*. 2022. No. 4. Pp. 91–104 (in Russian)].

Иванова Г. Д. Русские в Японии XIX — начала XX в. М.: Восточная литература, 1993. 170 с. [Ivanova G. D. Russians in Japan of the 19th — the Beginning of the 20th Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1993. 170 p. (in Russian)].

Мендрин В. М. Соробун. Анализ японского эпистолярного стиля. В 2 ч. Владивосток: Издательство, 1914. 565 с. [Mendrin V. M. Sorobun. The Analysis of Japanese Epistolary Style. In 2 pts. Vladivostok: Publ., 1914. 565 p. (in Russian)].

Москвин А. Г, Бурыгин С. М., Непомнящий Н. Н. Путешествие на Восток цесаревича Николая. М.: Вече, 2010. 240 с. [Moskvin A. G., Burygin S. M., Nepomnyaschiy N. N. Journey to the East of Tsarevitch Nicholas. Moscow: Veche, 2010. 240 p. (in Russian)].

Накамура Синтаро. *«Японцы и русские» из истории контактов.* М: Прогресс, 1983. 303 с. [Nakamura Shintaro. *"The Japanese and the Russian" from the History of Contacts.* Moscow: Progress, 1983. 303 p. (in Russian)].

Сибусава Эйити. Беседы дождливыми вечерами. М.: Научная книга, 2002. 248 с. [Shibisawa Eiichi. *Talks in the Rainy Evenings.* Moscow: Nauchnaya Kniga, 2002. 248 p. (in Russian)].

Следен Д. *Смешные стороны Японии.* СПб: Товарищество Художественной печати, 1904. 132 с. [Sleden D. *Funny Sides of Japan*. St-Petersburg: Tovarischestvo Hudozhestvennoi Pechati, 1904. 132 p. (in Russian)].

DOI: 10.18254/S268684310028344-6

Пометки В. С. Голенищева на древнеегипетской керамике из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина: к вопросу об установлении провенанса музейных предметов[1]

Notes by Vladimir S. Golenischev on Ancient Egyptian Pottery from the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts: On the Provenance of Museum Objects

© 2023 **Светлана Евгеньевна Малых**

кандидат исторических наук
участник научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369-П,
Исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова
старший научный сотрудник Института востоковедения РАН;
Москва, Россия malyh2002@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2077-7285

Svetlana E. Malykh

PhD (History)
member of the academic group for the RSF project 19-18-0369-П,
Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS,
Moscow, Russia
malyh2002@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2077-7285

1 Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 19-18-00369-П «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников), https://rscf.ru/project/22-18-35012/.
The article was prepared with the support of the grant no.19-18-00369-П ("The Classical Orient: Culture, worldview, the tradition of studying in Russia (based on materials from the collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts and archival sources)") of the Russian Science Foundation, https://rscf.ru/project/22-18-35012/.

Установление провенанса многих музейных предметов, собранных коллекционерами в XIX – начале XX вв., в большинстве случаев остается проблематичным, так как они в основном были приобретены у торговцев антиквариатом. Это справедливо и для коллекции египетских древностей В. С. Голенищева, в настоящее время находящейся в ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве. Среди разнообразных памятников здесь представлено более ста керамических сосудов. Анализ картотеки Голенищева, его краткие записи и пометки карандашом и чернилами на самих предметах позволяют установить место происхождения некоторых их них. В основном это были некрополи Гебелейн и Семайна (Верхний Египет), реже Береника (на Красном море) и Элефантина. Вместе с технологическим анализом глины и морфологическим анализом, в ряде случаев позволяющим установить место изготовления керамики, это углубляет наши знания о музейных памятниках.

Ключевые слова: Древний Египет, ГМИИ им. А. С. Пушкина, коллекция В. С. Голенищева, древнеегипетская керамика, музейное дело

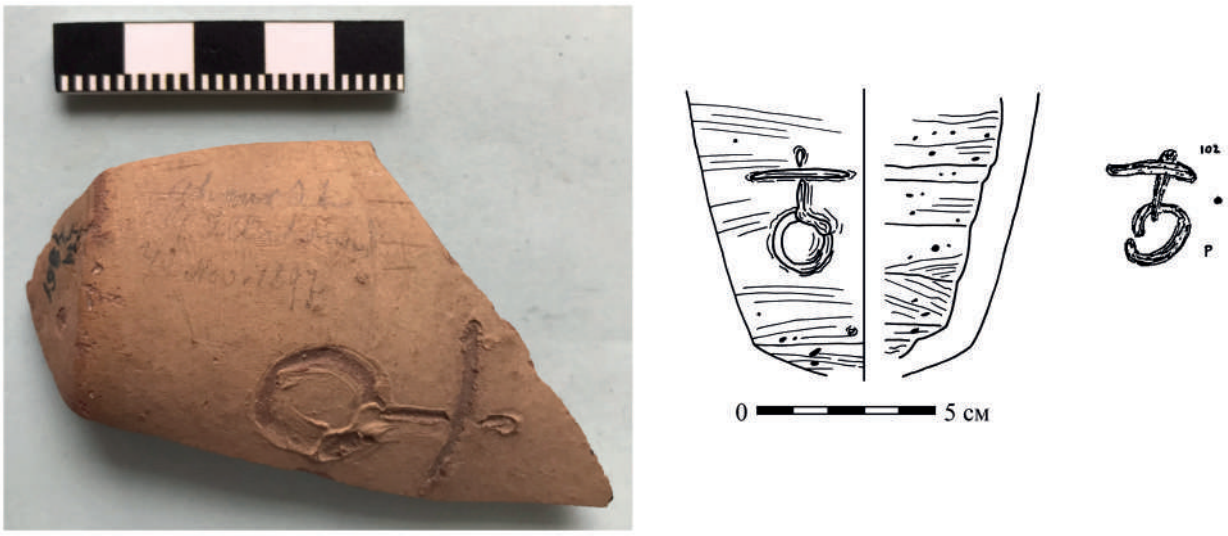
Для цитирования: Малых С. Е. Пометки В. С. Голенищева на древнеегипетской керамике из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина: к вопросу об установлении провенанса музейных предметов. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2023. № 3. С. 140–148. DOI 10.18254/S268684310028344-6

Determination of the provenance of many museum objects collected in the 19th and early 20th centuries remains problematic in the most cases, since they were mainly purchased from antiques dealers. This is also true for the collection of Egyptian antiquities by Vladimir S. Golenischev, currently located in the Pushkin State Museum of Fine Arts in Moscow. Among the various artifacts, more than a hundred ceramic vessels are represented here. An analysis of Golenischev's card file, his brief notes and notes in pencil and ink on the objects themselves allow us to determine the place of origin of some of them. These were mainly the necropoleis of Gebelein and Semaine (Upper Egypt), less often Berenice (on the Red Sea coast) and Elephantine. This deepens our knowledge about museum objects together with the technological analysis of clay fabric and morphological analysis, which in some cases makes it possible to define the manufacturing place of pottery.

Keywords: Ancient Egypt, Pushkin State Museum of Fine Arts, collection of Vladimir S. Golenischev, ancient Egyptian pottery, museum collections

For citation: Malykh Svetlana E. Notes by Vladimir S. Golenischev on Ancient Egyptian Pottery from the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts: On the Provenance of Museum Objects. *Oriental Courier.* 2023. No. 3. Pp. 140–148. DOI 10.18254/S268684310028344-6

Установление провенанса музейных предметов нередко является камнем преткновения для исследователей. В музейных коллекциях место их происхождения — если не находки, то хотя бы покупки — во многом остается тайной за семью печатями. Конечно, дело обстоит иначе, если памятники происходят из археологических раскопок, однако для большинства коллекций древностей, собранных в XIX – начале XX вв., это именно так. Это в равной мере относится и к коллекции древнеегипетских предметов, собранных Голенищевым и хранящихся в ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве. Например, если рассматривать группу керамических сосудов, то на более чем 100 предметов, приобретенных египтологом-коллекционером, в его картотеке имеется лишь пять указаний на место происхождения сосудов: две чаши с семенами льна из Гебелейна, экспонирующиеся в зале № 1, два крупных кувшина времени правления XVIII династии с налепами в виде женских голов из Семайны [Путь к бессмертию… 2002, с. 81–82,



Илл. 1. Слева и в центре — **донце амфоры I, 1а 4961 эпохи Нового царства из Гуроба с пометками В. С. Голенищева.** Источник: коллекция ГМИИ. © фото и рис. С. Е. Малых
Справа — **гончарная метка на аналогичной амфоре из раскопок У. М. Ф. Питри.** По: [Petrie, 1890, pl. XXVIII.102]
Fig. 1. On the left and in the center — **the bottom of amphora I, 1a 4961 of the New Kingdom from Gurob with Vladimir S. Golenischev's notes.** The Pushkin State Museum of Fine Art. © photo and drawing by Svetlana E. Malykh
On the right — **potmark on a similar amphora from the excavations of W. M. F. Petrie.** Source: [Petrie, 1890, pl. XXVIII.102]

№ 171–172] и донце египетской амфоры эпохи Нового царства из Гуроба.

Что касается кувшинов с налепами в виде женских голов I, 1а 5360 и 5361 времени ранней XVIII династии (сер. XVI– начало XV вв. до н. э.) то в настоящее время в ходе археологических исследований в Египте установлено, что центром их производства был Медамуд — поселение в 8 км к северо-востоку от Луксора. Согласно пометке Голенищева на карточках к этим сосудам, они происходят из Семайны, расположенной в 50 км к северо-западу от Луксора. В районе этого арабского селения располагался город Хиу, в греко-римское время известный как Диосполис Парва, и некрополи от додинастического времени до Римского периода. Примечательно, что в своей книге 1901 г. "Diospolis Parva. The Cemeteries of Abadiyeh and Hu. 1898–9" английский археолог У. М. Ф. Питри упоминает «большое кладбище J ранней XVIII династии, полностью разграбленное дилерами антикваров, которое является источником всех объектов, упоминаемых как происходящих из Семайны» [Petrie, 1901, p. 32]. Действительно, в коллекции Голенищева оказалось немало предметов из Семайны.

На фрагменте египетской амфоры I, 1а 4961 с гончарной меткой в виде иероглифического знака *nfr* карандашом почерком Голенищева была продублирована информация, содержавшаяся в карточке: "Ghourab (Illahoun) 4. Nov. 1897" (*Илл. 1*), по-видимому, указывающая не только место обнаружения предмета, но и день, когда находка была сделана. Вряд ли этот фрагмент сосуда был приобретен у торговцев антиквариатом. Что касается собственно предмета, то такая форма донца характерна для амфор конца XVIII–XIX династий (ок. XIII–XII вв. до н. э.) [Hope, 1989, p. 102–103, fig. 2.1, 2.3–2.6; Jacquet-Gordon, 2012, p. 187–188, fig. 74a, d]. Гончарные метки в виде знака *nfr* встречаются уже во времена Среднего царства [Gallorini, 1998a, p. 102 (6.1: UC 44984, EA 74494); Gallorini, 1998b, p. 94, 129, nos. 281, 371], однако в данном случае

мы имеем точную аналогию из раскопок Питри в Гуробе, которую он отнес ко времени правления XIX династии [Petrie, 1890, pl. XXVIII.102]. Питри работал в Гуробе, Иллахуне и Хаваре в 1888–1889 гг., т. е. за восемь лет до находки Голенищева, что не исключает того факта, что оба предмета с аналогичными (но не полностью идентичными метками) были сделаны в древности в одной гончарной мастерской.

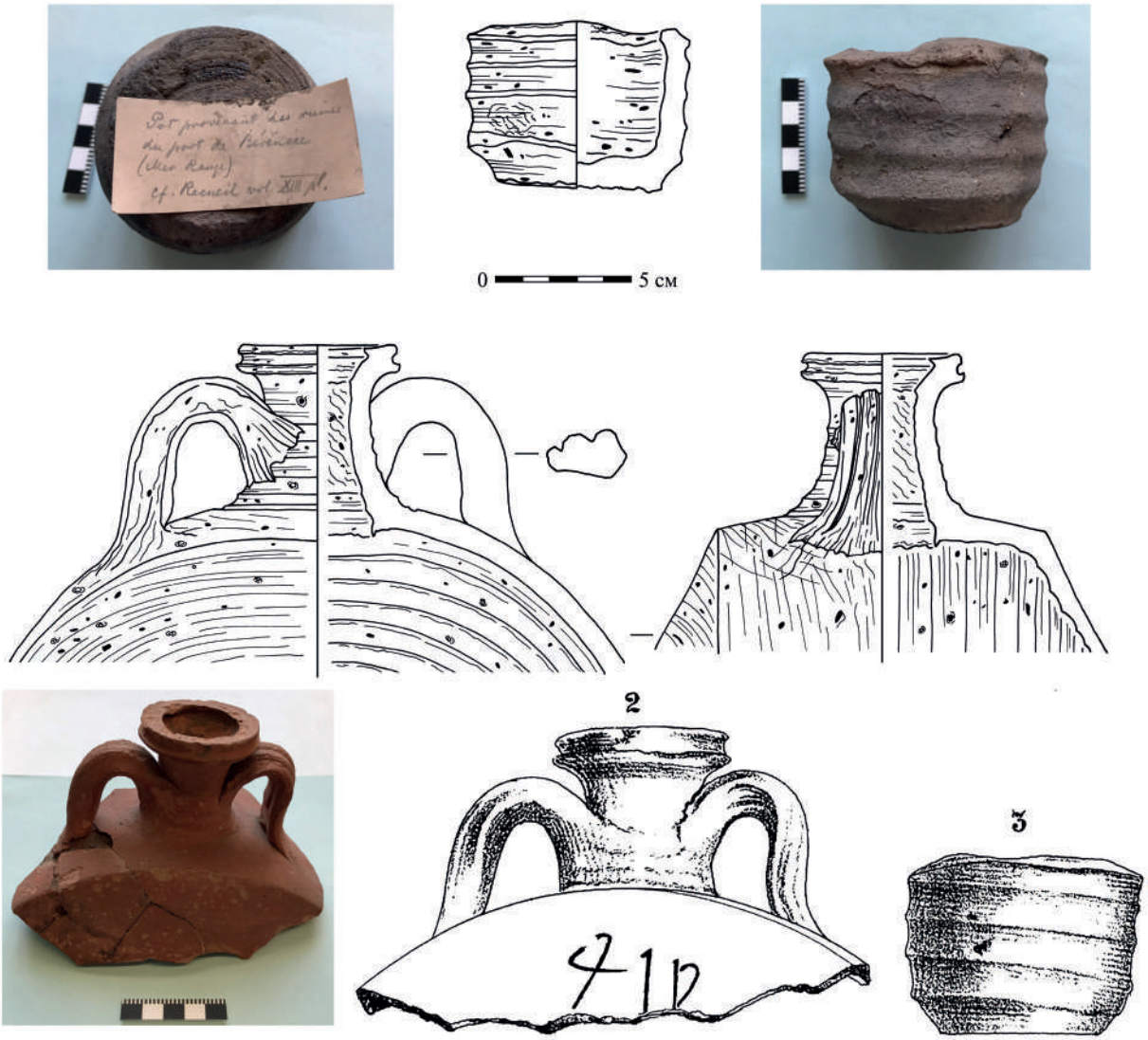
Также из предметов, лично найденных Голенищевым в Египте, в коллекции ГМИИ имеются два керамических сосуда Римского периода (30 г. до н. э.–395 г. н. э.) — форма для выпечки хлеба I, 1а 5399 и верхняя часть винного бочонка I, 1а 4964 (*Илл. 2*). В 1888 г. египтолог посетил руины города-порта Береника на Красном море и предпринял краткие раскопки на его северо-западной окраине. Согласно записке Голенищева, вложенной в хлебную форму, она была обнаружена в развалинах города. Здесь же было указание на публикацию предмета в «Сборнике работ по египетской и ассирийской филологии и археологии», вышедшем в Каире в 1890 г. [Golénischeff, 1890, p. 89, pl. VI.2–3]. Весьма примечательно, что в тексте своей статьи Голенищев упоминает и бочонок, найденный здесь же, причем указывает, что на нем было дипинти черными чернилами, приводя его на своей прорисовке, однако в настоящее время оно бесследно исчезло.

На этом сведения о провенансе керамических сосудов в картотеке Голенищева заканчиваются. Однако при внимательном осмотре самих сосудов удалось выделить несколько экземпляров, содержавших пометки ученого, нанесенные непосредственно на поверхность предметов. Так, три сосуда — чаша I, 1а 1458, цилиндрический кувшин I, 1а 1453 и низкая кольцеобразная подставка I, 1а 4937 — были подписаны словом “Semaine” («Семайна»), начертанным графитовым карандашом (*Илл. 3*). Все они по морфологическим признакам могут быть датированы временем правления XVIII династии. Примечательно, что на чаше I, 1а 1458 Голенищев указал датировку «XIII–XVIII д.» (слово династия обозначено русской прописной буквой «д»), и пометил ее “WG [18]87” — т. е. своими инициалами латиницей и датой приобретения. Карандашные пометки Голенищева были частично скрыты музейной маркой с инвентарным номером.

На цилиндрическом кувшине I, 1а 1453, кроме слова “Semaine”, также есть инициалы — латинские буквы “P. W”. Был соблазн видеть в них имя «Питри Уильям», однако порядок букв заставляет в этом сомневаться, хотя Питри, как мы говорили выше, действительно работал в Диосполисе Парве, в том числе в Семайне, и часть найденных им предметов продавал, чтобы получить средства на раскопки. Поэтому нельзя исключать, что некоторые из приобретенных Голенищевым предметов могли происходить из раскопок английского археолога.

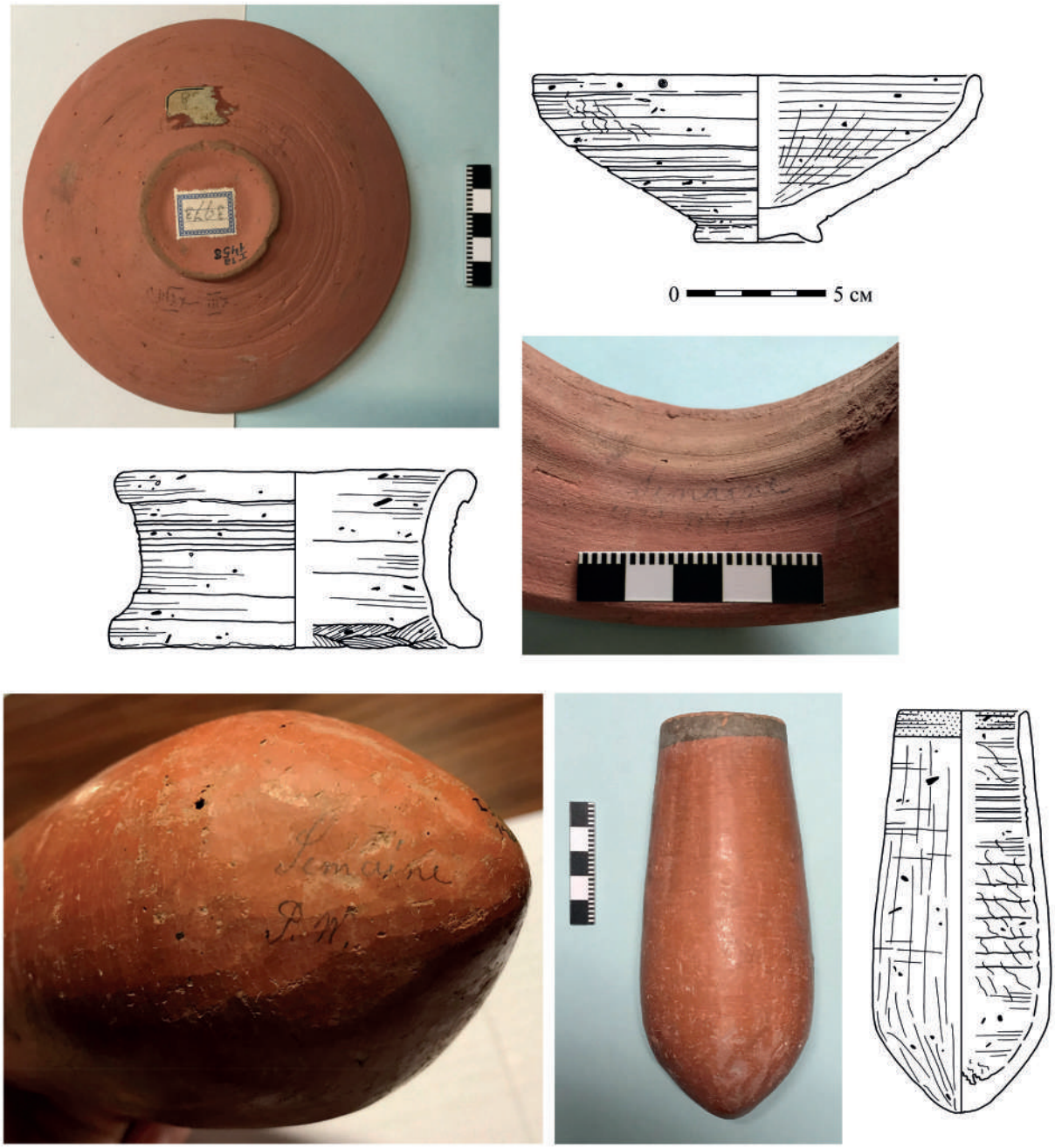
На двух сосудах — биконическом горшке I, 1а 1450 ранней XVIII династии и аскосе I, 1а 1435 Птолемеевского периода — находится надпись “Gebelein”, нанесенная черной тушью почерком Голенищева (*Илл. 4*). Прежде мы уже отмечали, что, согласно картотеке ученого, из Гебелейна происходят и некоторые другие предметы его коллекции, однако информация о провенансе конкретно этих двух сосудов не была задокументирована на бумаге. Примечательно, что птолемеевский аскос по глине можно отнести к гончарным мастерским Асуана [Jacquet-Gordon, 2012, p. 331, fig. 137s], продукция из которых была популярна не только в греко-римском Египте, но и в суданском царстве Мероэ [Малых, 2021, с. 9–10].

Обычно Голенищев делал свои пометки латинскими буквами, однако в некоторых случаях имели место и русскоязычные карандашные надписи. Так, на греко-римском фигурном алабастроне в виде палицы I, 1а 2900 присутствует надпись «Элефантина 1893» [Васильева, Малых, 2016, с. 1006–1007, рис. 5, 8] (*Илл. 5*), указывающая, видимо, на место находки и год приобретения. Еще на двух сосудах — миниатюрном удлиненно-коническом флаконе I, 1а 1465 и одноручном кувшине I, 1а 1445 — географическое



Илл. 2. **Керамика из раскопок В. С. Голенищева в Беренике: хлебная форма I, 1а 5399 и верхняя часть винного бочонка I, 1а 4964.** Источник: коллекция ГМИИ. © фото и рис. С. Е. Малых
Внизу справа рисунок этих же предметов, сделанный В. С. Голенищевым
По: [Golénischeff, 1890, p. 89, pl. VI.2–3]

Fig. 2. **Pottery from the excavations of V. S. Golenischev in Berenice: bread mould I, 1a 5399 and the upper part of the wine keg I, 1a 4964.** The Pushkin State Museum of Fine Art. © photo and drawing by Svetlana E. Malykh
Bottom right — Vladimir S. Golenischev's drawing of the same objects
Source: [Golénischeff, 1890, p. 89, pl. VI.2–3]



Илл. 3. **Чаша I, 1a 1458, низкая кольцеобразная подставка I, 1a 4937 и цилиндрический сосуд I, 1a 1453 времени правления XVIII династии из Семайны с пометками В. С. Голенищева**
Источник: коллекция ГМИИ, © фото и рис. С. Е. Малых
Fig. 3. **Bowl I, 1a 1458, low ring-shaped stand I, 1a 4937, and cylindrical jar I, 1a 1453 of the 18th Dynasty from Semaine with notes by Vladimir S. Golenischev**
The Pushkin State Museum of Fine Art, © photo and drawing by Svetlana E. Malykh

Илл. 4. **Биконический горшок I, 1а 1450 ранней XVIII династии, аскос I, 1а 1435 и фигурный алабастрон I, 1а 2900 греко-римского времени из Гебелейна и Элефантины, миниатюрный удлиненно-конический флакон I, 1а 1465 с пометками В. С. Голенищева**

Источник: коллекция ГМИИ, © фото и рис. С. Е. Малых

Fig. 4. **Biconical pot I, 1a 1450 of the early Dynasty XVIII, askos I, 1a 1435, and figured alabastron I, 1a 2900 of the Graeco-Roman Period from Gebelein and Elephantine, miniature elongated conical flacon I, 1a 1465 with notes by Vladimir S. Golenischev**

The Pushkin State Museum of Fine Art. © photo and drawing by Svetlana E. Malykh

Илл. 5. **Кувшин I, 1a 1445 времени правления XVIII династии с пометками В. С. Голенищева**
Источник: коллекция ГМИИ. © фото и рис. С. Е. Малых
Fig. 5. **Jug I, 1a 1445 of the Dynasty XVIII with notes by Vladimir S. Golenischev**
The Pushkin State Museum of Fine Art. © photo and drawing by Svetlana E. Malykh

наименование отсутствует, но есть датировка предмета, как определял ее В. С. Голенищев, в одном случае «Д Ц» и «III–VI д», указывающие на Древнее царство, в другом случае «Н. Ц.» — т. е. Новое царство.

В целом же, если смотреть на всю группу древнеегипетских керамических сосудов из собрания Голенищева, то информация об их происхождении имеется у немногим более десятка предметов. Понятно, что коллекционирование и музейное дело на начальной стадии не предъявляло к собирателям каких-либо требований, а их интерес был именно к предмету, а не к его окружению или, говоря современным языком, к археологическому контексту. В связи с этим для остальной керамики из коллекции Голенищева провенанс может быть лишь предположительным, базируясь на основе морфологических и технологических признаков (например, место изготовления для отдельных групп сосудов можно установить по глине, однако это совершенно не значит, что они были найдены там же, где сделаны). В отдельных случаях изучение провенанса становится своего рода детективом с туманным финалом, как произошло с группой архаических чаш [Малых, 2022]. Однако внимательное отношение к конкретным предметам позволяет получить новые данные о них даже спустя более чем 100 лет после передачи египетского собрания В. С. Голенищева в Музей изящных искусств в Москве.

Список литературы / References

Васильева О. А., Малых С. Е. Древнеегипетские рельефные керамические сосуды греко-римского времени из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина. *Вестник древней истории*. 2016. № 4. С. 981–1010 [Vassilieva O. A., Malykh S. E. Ancient Egyptian Relief Ceramics of Greek-Roman Times from the Collection of Pushkin State Museum of Fine Arts. *Vestnik Drevney Istorii*. 2016. No. 4. Pp. 981–1010 (in Russian)].

Малых С. Е. Египетская керамика в Нубии: этапы бытования. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 6–15 [Malykh S. E. Egyptian Pottery in Nubia: Stages of Existence. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 6–15 (in Russian)].

Малых С. Е. Fide et diffide: древнеегипетская архаическая керамика в собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина, или к вопросу о реатрибуции музейных предметов. *Восточный курьер.* 2022. № 3. С. 58–65 [Malykh S. E. Fide et diffide: Ancient Egyptian Archaic Pottery in the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts, or To the Question of the Reattribution of Museum Objects. *Oriental Courier.* 2022. No. 3. Pp. 58–65 (in Russian)].

Путь к бессмертию. Памятники древнеегипетского искусства в собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина. Каталог выставки. М.: Восточная литература РАН, 2002. 320 с. [*Path to immortality. Monuments of Ancient Egyptian Art in the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts. Exhibition catalogue*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002. 320 p. (in Russian)].

Gallorini C. *Incised Marks on Pottery and Other Objects from Kahun: Systems of Communication in Egypt during the Late Middle Kingdom*. PhD dissertation. London: University College London, 1998a. 281 p.

Gallorini C. *Incised Marks on Pottery and Other Objects from Kahun: Systems of Communication in Egypt during the Late Middle Kingdom. Catalogue of Marked Sherds from Kahun*. PhD dissertation. London: University College London, 1998b. 249 p.

Golénischeff W. Une excursion a Bérénice. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes: pour servir de bullletin à la Mission Française du Caire*. 1890. Vol. XIII. Pp. 75–96.

Hope C. *Pottery of Egyptian New Kingdom: Three Studies.* (Victoria College Archaeology Research Unit, Occasional Paper No. 2). Melbourne: Victoria College Press, 1989. 126 p.

Jacquet-Gordon H. *Karnak-Nord X. Le trésor de Thoutmosis Ier. La céramique*. Le Caire: IFAO, 2012. 582 p.

Petrie W. M. F. *Kahun, Gurob and Hawara.* London: K. Paul, Trench, Trübner, 1890. —84 p.

Petrie W. M. F. *Diospolis Parva. The Cemeteries of Abadiyeh and Hu. 1898–9.* London: Egypt Exploration Fund, Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., B. Quaritch, Asher & Co., 1901. 116 p.

DOI: 10.18254/S268684310028345-7

От дельты до Дельты: о природных условиях и поселенцах на Главном Ниле в 5-м тысячелетии до н. э. Часть III

From the Delta to *the Delta*: Natural Conditions and Settlers on the Main Nile in the Fifth Millennium BC. Part III

© 2023 **Дмитрий Борисович Прусаков**

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия
dmprusakov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-6065-4610

Dmitry B. Proussakov

DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of the Oriental Studies (RAS), Moscow, Russia
dmprusakov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-6065-4610

Неолит в долине Нила в 5-м тысячелетии до н. э. был распространен от суданской Гезиры до Среднего Египта в виде круглогодичных поселений и сезонных стоянок осваивавших скотоводство охотников-собирателей. Некоторые исследователи находили в нем признаки культурной общности, но это скорее противоречит известным археологическим фактам, не подтверждающим также теорию массовой миграции в ту эпоху неолитических племен Сахары на Нил под воздействием иссушения климата. В целом, построение «убедительной модели неолитизации» указанного макрорегиона все еще остается актуальной проблемой египетско-суданской археологии. На севере, в Верхнем Египте с основным скоплением в районе Асиута, расположены памятники ранненеолитических культур Таса и Бадари (первую рассматривают также как начальную стадию второй), предпочитавших речной пойме плоскогорья, вади и кромку прилегающих «пустынь»; при этом уже «тасийцев» некоторые ученые считали земледельца-

ми, выращивавшими хлебные злаки, хотя имеющиеся археологические данные позволяют говорить разве что о зарождении земледелия в малонаселенном тасийско-бадарийском Египте. На юге, тяготея к области слияния Белого и Голубого Нила от Гезиры в направлении 6-го порога, господствовала культура неолитического Хартума, пришедшая на смену «мезолитическому» (раннему) Хартуму, от которого в хозяйственном отношении ее отличал переход к скотоводству; следы земледелия в ее ареале, как и на ранних памятниках сахарско-суданского неолита, полностью отсутствуют. Неолитический Хартум, по-видимому, испытывал подсыхание вмещающего ландшафта во второй половине 5-го тыс. до н. э., чему едва ли мог благоприятствовать теплый и влажный климат на пике большого атлантического оптимума голоцена; вероятнее, имело место изменение гидрологии и гидрографии речной сети в районе сосредоточения этой культуры, связанное со стабилизацией «блуждающего» устьевого русла Голубого Нила около его сегодняшнего положения.

Ключевые слова: Египет, Судан, Главный Нил, климат, гидрология, археология, неолит

Для цитирования: Прусаков Д. Б. От дельты до Дельты: о природных условиях и поселенцах на Главном Ниле в 5-м тысячелетии до н. э. Часть III. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2023. № 3. С. 149–159. DOI 10.18254/S268684310028345-7

Neolithic in the Nile Valley in the 5th millennium BC was spread from the Sudanese Gezira to Central Egypt in the form of year-round settlements and seasonal camps of hunter-gatherers mastering the cattle breeding. Some researchers argued that it was a kind of cultural community, but this rather contradicts the known archaeological facts, which also do not confirm the theory of mass migration of the Neolithic tribes of the Sahara to the Nile in that era because of climate drying. Generally, “a convincing Neolithisation model” for this macroregion is still an actual problem of the Egyptian-Sudanese archeology. In the north, in Upper Egypt with the main concentration closer to Asiut, there are sites of the early Neolithic cultures of Tasa and Badari (the former is also considered as the initial stage of the latter) which preferred plateaus, wadis and edges of the adjacent “deserts” to the river floodplain; nevertheless, some scholars claimed the “Tasians” already to have been farmers growing cereals, although the available archaeological data allow us to speak at best about the beginnings of agriculture in the sparsely populated Tasian-Badarian Egypt. In the south, close to the confluence of the White and Blue Nile from the Gezira to the Sixth cataract, the culture of Khartoum Neolithic dominated, replacing Early Khartoum (Khartoum Mesolithic), from which it differed economically by the transition to cattle breeding; any traces of agriculture in its area, as well as in the early sites of the Saharan-Sudanese Neolithic, are absent. Khartoum Neolithic apparently experienced some drying of its containing landscape in the second half of the 5th millennium BC, and this could hardly be favored by the warm and moist climate at the peak of the Atlantic thermal optimum of the Holocene; most likely, there was a change in the hydrology and hydrography of the river network in the area of concentration of this culture, associated with the stabilization of the “meandering” estuary channel of the Blue Nile in its current position.

Keywords: Egypt, Sudan, the Main Nile, climate, hydrology, archaeology, the Neolithic age

For citation: Proussakov Dmitry B. From the Delta to *the Delta*: Natural Conditions and Settlers on the Main Nile in the Fifth Millennium BC. Part III. *Oriental Courier.* 2023. No. 3. Pp. 149–159. DOI 10.18254/S268684310028345-7

Начало неолита в среднем течении Нила[1], как отмечалось во второй части настоящей статьи, специалисты предлагают датировать около 5050–4850 гг. до н. э. [Прусаков, 2022, с. 73]. Хронологическим интервалом 4500–4050 гг. до н. э. в Нубии выделяют средний неолит [Dittrich, 2015, p. 28, 54], тогда как в египетской Долине этот интервал соответствует раннему неолиту, ассоциирующемуся прежде всего с пришлой (пока неясного происхождения) культурой Бадари[2], археологически сконцентрированной неподалеку от Асиута и обнаруживающей разрозненные следы (стоянки, погребения) в Верхнем Египте и Вади Хаммамат [Прусаков, 2009, с. 96–101]. Между тем население Сахары к 5000 г. до н. э. было уже «полностью неолитизировано», и «эти пастухи и создатели наскальной живописи и резьбы» активно осваивали просторы Северной Африки «от Атлантики до Красного моря» [Midant-Reynes, 2000, p. 100]. Однако «неолитизацию долины среднего Нила» в 5-м тыс. до н. э., особенно с учетом данных археологии и палеоклиматологии в их социоестественной цельности, «нельзя рассматривать исключительно как движение из пустынь на восток по теории, продвигаемой Купером и Крёпелином» [Dittrich, 2015, p. 28; ср.: Прусаков, 2022, с. 73–75]. Предложенная ими геоархеологическая модель «массового исхода» людей из восточной Сахары, развернувшегося около 5300 г. до н. э. по причине иссушения климата[3], предполагает незамедлительное, причем массовое же, заселение и хозяйственное окультуривание мигрантами берегов Главного Нила, включая Египет, что едва ли подтверждается опубликованными материалами и результатами раскопок: “A convincing Neolithisation model still remains a desideratum” [Linstädter, 2013, p. 272].

Обозначенную территорию исследований, которая протянулась вдоль Реки почти на 2500 км, ученые представляют еще как «макрорегион между Средним Египтом[4] и Хартумом в Судане», обладавший определенной материально-культурной гомогенностью (в частности, близким сходством погребений[5] и основных видов керамики[6]) [Gaston, 2009–2011, tab. II–IV], с существенными отличиями от «культур, располагавшихся севернее» (к ним относятся прежде всего Меримде на юго-западном краю формирующейся Дельты и Фаюм А в соседнем с Нилом оазисе [Прусаков, 2009, с. 35–56, 74–75]). При этом — «поразительно» — контакты с ними не прослеживаются, а континуум традиций «резко обрывается в Среднем Египте» [Gaston, 2009–2011, p. 32, 36], что, впрочем, укладывается в мою гипотезу о покрывавшем его тогда «голоценовом море» (озере) [Прусаков, 2018 (а), с. 74–77; Прусаков, 2018 (б)], которая могла бы прояснить данную загадку вырисовывающейся, но пока «твердо не установленной» [Gaston, 2009–2011, p. 35] макрорегиональной археологической картины. По мнению ряда специалистов, в долине Нила «от Бадари до Хартума» в 5-м тыс. до н. э. люди вели бродячий (или полуоседлый) образ жизни охотников-собирателей, осваивавших скотоводство и оставивших по-

1 «Средним Нилом» называют отрезок Реки с шестью порогами от Нижней Нубии до Гезиры, см.: [Dittrich, 2015, fig. 2].

2 Существование предшествовавшей или параллельной ей культуры Таса, памятники которой распознавали среди бадарийских, до сих пор является предметом дискуссий (см. ниже).

3 См.: [Kuper, Kröpelin, 2006].

4 Районом Эль-Бадари (мухафаза Асиут) на его условной южной границе.

5 Характерны скорченные (часть умерших, возможно, связывали) трупоположения с тенденцией к их одинаковой пространственной ориентации если не повсеместно, то в отдельных могильниках, на растительных циновках и звериных шкурах и/или покрытые (обернутые?) ими, с погребальным инвентарем (морские раковины; изготовленные из разнообразных материалов — яичной скорлупы, кости, камня — бусы, серьги, браслеты, ожерелья, косметические палетки, навершия булав и др.), в засыпанных красной охрой ямах и т. д.

6 Так называемой черноверхой посуды («B-ware» по классификации Флиндерса Питри, см.: [Petrie, 1901]) и колоколовидных кубков с округлым донцем.

сле себя сезонные стоянки, где местами найдены кости крупного рогатого скота, коз и овец («первичная скотоводческая общность» на Реке, по мысли Д. Уэнгроу, подметившего для той эпохи «замечательную похожесть» погребальных практик «во всем этом регионе» [Wengrow, 2006, p. 26–29]); одновременно они находились в «динамичном взаимодействии с пустынями и вади» к западу и востоку от Нила, вероятно, постоянно перемещаясь также туда и обратно [Gaston, 2009–2011, p. 34–36].

Вместе с тем наблюдаемые в целом сходные вещественные, структурные, обрядовые и прочие черты соответствующих памятников распределены между ними неравномерно, а порой разделены огромными расстояниями, что делает шаткой сопутствующую идею о «ветвях одной культуры» [Gaston, 2009–2011, p. 32], спорную и для случаев тесного соприкосновения причастных людских коллективов. Наверное, самое показательное разногласие этого плана связано с «тасийско-бадарийской культурной дихотомией» [Horn, 2017 (a), S. 74], выявленной в 1920-е гг. Гаем Брантоном, который среди сотен могил открытой им к югу от Асиута доисторической «цивилизации» Бадари [Brunton, Caton-Thompson, 1928; Brunton, 1929] выделил 45 взрослых и детских погребений с «несколькими особенностями», касавшимися устройства ям, состава и материала инвентаря, краниологии покойников и др. и позволившими ему заявить об отдельной археологической культуре, названной по расположенному в районе раскопок местечку Дейр Таса [Brunton, 1937, p. 5–7, 25–33]. Данная позиция, с одной стороны, встретила возражения тех исследователей, которые отстаивали «бадарийскую идентичность» Тасы и отказывали ей в самостоятельности, рассматривая ее как «раннюю фазу» или «локальный вариант» культуры Бадари (они, в частности, не видели существенной разницы между бадарийской и тасийской каменными индустриями) [Baumgartel, 1947, p. 20–21; Baumgartel, 1965, p. 7–8; Holmes, 1989; Midant-Reynes, 2000, p. 166; Horn, 2017 (a); Horn, 2017 (b)]. С другой стороны, выводы Г. Брантона получили дополнительно аргументированную поддержку[7]: например, по некоторым предметам и признакам керамики «тасийцев» относили к кругу (или сфере влияния) нижнеегипетских племен и к непосредственным предкам позднеолитической амратской культуры Верхнего Египта (Нагада I, ок. 3800–3600 гг. до н. э.) [Kaiser, 1985, S. 71–79]; в качестве альтернативы допускали, что «тасийцы» образовывали независимую, синхронную бадарийцам группу, обитавшую в «пустынных областях» преимущественно восточнее, а также западнее Нила и снабжавшую жителей речной долины окрестным сырьем: поделочным камнем, медью, «свинцовым блеском» и др. [Friedman, 1999, p. 9]. Сам Г. Брантон считал свою «тасийскую культуру» предшественницей бадарийской, находя в ней черты «древнейшей культуры Фаюма» и неолитических традиций Нубии [Brunton, 1937, p. 32; ср.: Hendrickx, Vermeersch, 2000, p. 40]. С его «полевой» хронологической реконструкцией согласуется современная инструментальная датировка принадлежавшего, как полагают, тасийцам группового (возможно, семейного) захоронения[8] в золотоносном Вади Атулла центральной Восточной пустыни, которое впадает с севера в ведущее к Красному морю магистральное Вади Хаммамат: полученные для этого памятника радиоуглеродные даты 5850 ± 50 и 5760 ± 70 некалибр. л. н. дают «удивительно ранние калиброванные зна-

7 Показательна оговорка одного из сегодняшних оппонентов Г. Брантона, что «археологическое» единство Бадари, к которому он сводит «тасийские и бадарийские материалы», не тождественно социально-этнической общности [Horn, 2017 (a), S. 85].

8 Разграблено; насчитывало как минимум 14 сильно поврежденных и по большей части утраченных костяков детей до 4–5 лет, подростков, взрослых и одного «старика» (погребения осуществлялись в разное время, для чего яму несколько раз вскрывали) [Friedman, Hobbs, 2002, p. 184].

чения между 4940 и 4455 гг. до н. э.»[9] [Friedman, Hobbs, 2002, p. 178, 182, 186]; для сравнения, древнейшая из имеющихся радиоуглеродных дат культуры Бадари — 5580 ± 80 некалибр. л. н. [Hedges et al., 1994, p. 367–368; Hendrickx, 1999, p. 63], т. е. около 4485–4344 гг. до н. э.

Наряду со «старшинством» по отношению с Бадари, давно было замечено, что Таса, которую сегодня теоретики ее самобытности характеризуют как «широко распространенную культуру пустыни» [Friedman, Hobbs, 2002, p. 189; ср.: Schild, Wendorf, 2001; Darnell, 2002; Hope, 2002], тяготела не к пойменным берегам Реки, а к отрогам подступавших к ним плоскогорий [Baumgartel, 1947, p. 3; Чайлд, 1956, с. 81; Кинк, 1964, с. 20]. При этом тасийцев причисляли к первым земледельцам египетской долины Нила, которые, «вне всякого сомнения, занимались выращиванием … злаков» [Чайлд, 1956, с. 68]. Найденные Г. Брантоном «в тасийских поселениях» 18 каменных зернотерок и особенно сами зерна, единично или «мелкими скоплениями» (включая шелуху, колоски и мякину) попадавшиеся в хранилищных ямах (?), кухонных сосудах, могилах и мусоре обследованного культурно-территориального кластера близ Мостагедды, виделись ему «веским доказательством» того, что зерно здесь уже производилось и перемалывалось для выпечки хлеба [Brunton, 1937, p. 31]. Ботаники Г. Брантона (Дж. Персиваль, Р. Биффен и др.) распознали среди обнаруженных им злаков Тасы–Бадари пшеницу обыкновенную *Triticum vulgare* или двузернянку *Triticum dicoccum* (эммер, полбу) и ячмень обыкновенный четырехрядный *Hordeum vulgare* (менее вероятно шестирядный *Hordeum hexastichon*) [Brunton, 1937, p. 32, 58–59]. Оставались, однако, некоторые неясности с «зернохранилищами», как местные рабочие экспедиции, опередив ученых[10], назвали круглые (диаметром от 0,7 до 1,7 м), глубокие (от 1,0 до 4,5 м), расширяющиеся книзу ямы, встречавшиеся на «многих поселениях» рассматриваемого археологического комплекса и не содержавшие никаких предметов, кроме «одного или двух» случайных керамических сосудов и черепков доисторического и фараоновского времени; зафиксированные в «значительном количестве» и обычно засыпанные песком, они при раскопках подверглись лишь частичной выборке, поскольку «результаты не оправдывали труда по их полной расчистке» [Brunton, 1937, p. 68]. Эти крупные земляные емкости («если они вообще зернохранилища» [Brunton, 1937, p. 69]) резко отличались, например, от десятков надежно идентифицированных зерновых ям[11] неолитического Фаюма (см.: [Caton-Thompson, 1927; Caton-Thompson, Gardner, 1934]), которые, будучи близкого с ними возраста, сильно уступали им размерами, не достигая даже метровой глубины, и имели в массе случаев хорошо сохранившиеся плотные соломенные выстилки стенок и дна, порой сплетенные в настоящие корзины[12], а также, как недавно выяснилось, специально изготовленные толстые (15–25 см) крышки из очень твердого «бетоноподобного», замешанного на ракушечном песке материала, которые исследователи раньше принимали за природные образования и старательно скалывали молотками и зубилами [Gardner, Caton-Thompson, 1926, p. 314; Wendrich, Cappers, 2005, p. 14]. При этом большие ямы Г. Брантона — изначально «определенно не могилы»[13] — могли располагаться на современных им кладбищах [Brunton, 1937, p. 15–17; pl. IV]; принципиально, что в его отчетах все «зернохранилища» уверенно атрибути-

9 От себя уточню, что нижний калиброванный предел, в соответствии с первой из двух радиоуглеродных дат, должен быть повыше: около 4750 г. до н. э.; калиброванная (календарная) дата 4940 г. до н. э. отвечала бы радиоуглеродной около 6055 некалибр. л. н.

10 "… our workmen were, no doubt, quite right when they called them *matamir* or granaries" [Brunton, 1937, p. 68].

11 Археологи извлекли из них около 3,5 кг зерна [Wendrich, Cappers, 2005, p. 12].

12 Несколько таких «корзин» Гертруде Кэтон-Томпсон удалось отделить от грунта и перевезти в Англию [Wendrich, 2007, fig. 3, 4].

13 Заключали в себе редкие впускные погребения Старого царства и римского периода [Brunton, 1937, p. 68].

рованы как бадарийские, а найденные зерна злаков только дважды упомянуты в контексте Тасы, причем в одном случае речь идет о ничтожном количестве, а в другом о невразумительных следах в горшке [Brunton, 1937, p. 8, 10, 31, 69]. С представленной картиной коррелируют данные зубной антропологии предположительно тасийского «семейного» захоронения в Вади Атулла, которые предварительно показали, что «эти люди, возможно, ели некую обработанную высокоуглеводную пищу, но не на уровне потребления развитых земледельческих обществ»; наоборот, состояние их зубов говорит скорее об «интенсивном собирательском типе экономики», где эксплуатация растений с высоким содержанием углеводов (хлебных злаков) не играла заметной роли [Friedman, Hobbs, 2002, p. 184]. В сумме, у археологов «недостаточно свидетельств того, что выращивание зерновых стало важным хозяйственным занятием в Египте ранее 4-го тыс. до н. э. (т. е. до периода Нагада I)» [Wengrow, 2006, p. 63–64]. Характеризуя Тасу и Бадари как неолитические культуры с начатками скотоводства и земледелия [Прусаков, 2005; Прусаков, 2016] и предпочитаемым жизненным пространством на удалении от нильских берегов, на кромке или в пределах прилегающих «пустынь», постулирую в свете актуальных археологических знаний *общую отсталость* земледельческих практик (как минимум для Тасы еще и их полное отсутствие в заливной пойме Реки[14]) при сравнительно малой и, вероятно, выборочной заселенности поречья [Прусаков, 2009, с. 17–19; Прусаков, 2022, с. 73] на египетском краю неолитического макрорегиона 5-го тыс. до н. э. в долине Главного Нила.

Переместимся на противоположный край, где в ту эпоху доминировала пришедшая на смену «мезолитическому» Хартуму Э. Аркелла [Прусаков, 2022, с. 68–70] открытая им же культура «скругленных долот» (“gouges”), больше известная как неолитический Хартум [Arkell, 1949 (a); Arkell, 1949 (b); Arkell, 1953]. Она распространялась от области слияния Белого и Голубого Нила до речной полосы Шенди при впадении в Главный Нил Атбары, однако ее «основной ареал» тяготел к отрезку между Хартумом и Гейли выше 6-го порога [Winchell, 2001, p. 110]; в целом, напомню, это был тот самый участок долины среднего Нила, на котором к концу 7-го тыс. до н. э. стоянки «мезолитического» (раннего) Хартума обнаружили тенденцию к укрупнению, связываемую с ростом оседлости здешних «охотников-собирателей» [Прусаков, 2022, с. 71–72].

Неолитический Хартум впервые был обозначен раскопанным Э. Аркеллом в 1949 г. поселением Шахейнаб на левом берегу Главного Нила в 50 км от столицы Судана (в сочетании с разбитым рядом с ней на северной оконечности Гезиры тестовым раскопом Эль-Коц, вскрывшим также следы «мезолита» и стратиграфически четко определившим относительный возраст двух культур[15]) [Arkell, 1949 (b), p. 219; Arkell, 1953, p. 97, 101–102]. Оно занимало наносный глинистый холм длиной 200 м и шириной до 30 м (культурный слой нигде не превышал 1 метра) на гравийно-галечниковой террасе, которая фиксирует «неолитический берег Нила почти в полумиле к западу от современного речного берега» и поднимается примерно на 4,5 м над уровнем высочайших из регистрировавшихся в этих местах нильских разливов. Радиоуглеродные даты Шахейнаба 5445 ± 380, 5060 ± 450, 5360 ± 80 и 5260 ± 80 некалибр. л. н. (две первые получены еще Уиллардом Либби) сводятся к среднему калиброванному значению около 4260–4060 гг. до н. э. [Hassan, 1986, p. 89, tab. 1]. Таким образом, поселение возникло практически на пике большого атлантического оптимума голоцена [Прусаков, 2022, с. 73] и функ-

14 Бадарийцы здесь также, «по-видимому, не внесли сколько-нибудь существенного вклада в возделывание почв» [Midant-Reynes, 2000, p. 160].

15 «Вопрос о том, произошла ли неолитическая непосредственно из мезолитической, не столь ясен» [Midant-Reynes, 2000, p. 129].

ционировало в условиях сильного увлажнения климата, что подтверждают сопутствующие находки раковин земляной улитки *Limicolaria flammata*, для выживания которой требуется не менее 400–500 мм годовых осадков [Arkell, 1953, p. 105; Прусаков, 2009, с. 63].

В Шахейнабе археологи не увидели даже намеков на жилые конструкции; о предполагаемых «домах» им оставалось только строить догадки вроде той, что это были «хлипкие хижины из травы». Отсутствовали и синхронные погребения неолита[16] (хотя удобный, недоступный для речных и грунтовых вод холм памятника позже служил людям кладбищем в самые разные исторические эпохи, от протодинастической до арабо-мусульманской в египетской периодизации) [Arkell, 1949 (a), p. 42; Arkell, 1949 (b), p. 212–213]. И все же Э. Аркелл отнес Шахейнаб не к временным (сезонным) стоянкам, а к базовым, круглогодично обитаемым поселкам: его важной чертой являлись многочисленные, частью выстланные мелким песчаниковым булыжником кухонные очаги диаметром от 0,5 до 1,5 м, содержавшие керамические черепки, фрагменты орудий, обломки костей животных, раковины моллюсков и другие бытовые отходы [Arkell, 1953, p. 79–80, 102]. Керамика, насчитывавшая тысячи осколков и ни одной целой вещи[17], характеризовалась линейно-волнистым и зигзагообразным орнаментом из вдавленных точек и (отличительное новшество неолитического Хартума) лощением до или после его нанесения, а особый обжиг придавал ей сходство с красной черноверхой посудой культуры Бадари [Arkell, 1949 (b), p. 213–214; Arkell, 1953, p. 68–78].

Находки включали различные украшения: бусины из амазонита и скорлупы страусиных яиц, подвески из цеолита, звериных клыков и раковин. Полукруглые и дисковидные камни для растирания охры (гранит, песчаник), помимо применения по назначению, могли здесь переделываться («развиваться») в навершия булав; микролиты из нильского кварцевого галечника и кремнистого сланца (найдены тысячи сегментов) использовались для изготовления наборных наконечников стрел и зубчатых лезвий. Имелись также каменные скребки и проколки, костяные лощила, иглы, шилья и гарпуны с несколькими (минимум тремя) зубьями, рыболовные крючки из раковин нильских устриц (*Aetheria elliptica* и др.), вставлявшиеся в деревянные рукоятки частично полированные костяные и полированные каменные топоры-тесла (первые, возможно, были прототипами вторых). Но «самым массовым» орудием Шахейнаба, давшим всей культуре предварительное название, являлся грубоватый, полированный только с одной стороны риолитовый топорик («долото») с вогнутым режущим краем, «должно быть, для деревообработки, вероятно, прежде всего для выдалбливания каноэ», без которых Э. Аркелл не представлял жизнь и промысел на Ниле в неолите [Arkell, 1949 (b), p. 214–218; Arkell, 1953, p. 31–39, 56–66].

Хозяйство обитателей Шахейнаба и в целом неолитического Хартума сразу квалифицировали как непроизводящее: «создатели этой культуры все еще не занимались земледелием, а продолжали охотиться … и ловить рыбу» [Чайлд, 1956, с. 87]; не обнаружено «никаких свидетельств» культивирования растений и выращивания хлебных злаков [Arkell, 1949 (b), p. 218; Winchell, 2001, p. 114; Sadig, 2013, p. 26]. В отдельных поселениях (Кадеро[18] и др.) на керамических черепках были зафиксированы десятки отпечатков зерен «тропических таксо-

16 «Единственное возможное принадлежало негроидному ребенку» [Arkell, 1949 (b), p. 213], но оно в литературе, как правило, не учитывается.

17 Установлено лишь, что высота и диаметр «больших горшков» достигали по меньшей мере 40 см [Arkell, 1949 (b), p. 214].

18 Радиоуглеродные даты от 5610 ± 55 до 5030 ± 70 некалибр. л. н., принятые усредненные календарные — от 4425–4235 до 4100–3930 гг. до н. э. [Hassan, 1986, p. 89, tab. 1].

нов» проса *Eleusine coracana* и сорго *Sorghum vulgare*[19], объявленных (исходя из их размеров) доместицированными [Klichowska, 1984], но не признанных таковыми по результатам позднейших микроскопических исследований [Stemler, 1990], что в итоге склонило специалистов к выводу о собирательстве с потреблением «морфологически диких» зерновых [Haaland, 1999]. «Нет ни макроботанических данных, ни признаков видоизменения ландшафтов, которые бы подтверждали заявления о культивировании злаковых в Африке раньше начала 4-го тыс. до н. э.» [Marshall, Weissbrod, 2011, p. S404]. Жители Шахейнаба и его культурного ареала «продвинулись дальше в неолит», в первую очередь (и, возможно, первыми в Судане) заведя одомашненных животных: рогатый скот и, вероятно, собаку. Добывавшаяся ими дикая фауна, позволяющая высоко оценить организационно-промысловый потенциал «общин» неолитического Хартума, была несравнимо разнообразнее: буйвол, слон, носорог, жираф, бородавочник, дикобраз, гиена, гиппопотам, крокодил, варан, питон, речная черепаха, «несколько видов нильских рыб» и др.; допускают, что интенсивная охота даже могла привести к депопуляции и исчезновению некоторых ее представителей, например, тростниковой крысы, водяного мангуста и болотного козла Буффона (*Kobus kob*) — «антилопы саванн и обводненных равнин» [Arkell, 1949 (b), p. 216, 219; Bate, 1953, p. 15–18; Midant-Reynes, 2000, p. 128].

С другой стороны, убыль указанных влаголюбивых видов с появлением ряда иных (кустарникового дукера[20], мартышки гривет, улитки *Limicolaria kambeul*, предпочитающей лесную растительность) привели ученых к мысли о подсыхании речной долины и сокращении к концу 5-го тыс. до н. э. пойменно-болотистых угодий центрального Нила, «современных культуре раннего Хартума» [Gautier, 1989, p. 356; Winchell, 2001, p. 114; Прусаков, 2022, с. 70–71]. Непосредственной причиной этого в естественноисторическом контексте атлантического термического оптимума логичнее полагать не критические колебания климата, а *изменения гидрологии и гидрографии самой реки, точнее, речной сети* при «конфлюенции» Белого, Голубого и Главного Нила. Ее сегодняшние очертания восходят к стабилизации устьевого русла Голубого Нила около 6000 некалибр. л. н. ≈ 4879 г. до н. э., когда он или еще пребывал на заключительной стадии «блуждания по илистой равнине севернее Эль-Гетейны[21]», или уже окончательно устремился «к своему нынешнему слиянию с Белым Нилом у Хартума» [Williams, 1966, p. 271]. Тезис Э. Аркелла о том, что скотоводство на Ниле в Судане зародилось именно в этом районе [Arkell, 1949 (b), p. 219], отличавшемся в среднем голоцене повышенной увлажненностью, вызывает ассоциацию с «тучными пастбищами влажного Низовья» — очагом египетского скотоводства в Дельте, которая стала его основным местом распространения и процветания «на подножном корму» в эпоху фараонов [Перепелкин, 1988, с. 200], и где если не с доисторических, то с протодинастических времен (последняя треть 4-го тыс. до н. э.) паслись стотысячные и миллионные поголовья крупного и мелкого рогатого скота [Прусаков, 2006].

Окончание следует.

Список литературы / References

Кинк Х. А. *Египет до фараонов. По памятникам материальной культуры*. М.: Наука, 1964. 194 с. [Kink H. A. *Egypt Before the Pharaohs. According to the Monuments of Material Culture*. Moscow: Nauka, 1964. 194 p.].

Перепелкин Ю. Я. *Хозяйство старо-египетских вельмож*. М.: Наука, 1988. 304 с. [Perepelkin Yu. Ya. *The Household of the Old-*

19 Датированы радиоуглеродным методом в вероятных пределах около 5700–3750 гг. до н. э. [Winchell et al., 2018, p. 487].

20 Вид мелких антилоп.

21 Город на Белом Ниле в 80 км от Хартума.

Egyptian Nobles. Moscow: Nauka, 1988. 304 p. (in Russian)].

Прусаков Д. Б. Бадарийская культура. *Большая Российская энциклопедия.* Т. 2. М: БРЭ, 2005. С. 640 [Proussakov D. B. Badarian Culture. *Great Russian Encyclopedia*. Vol. 2. Moscow: Great Russian Encyclopedia Publ., 2005. P. 640 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. Люди и скот в дельте Нила накануне цивилизации: палеоэкология, геоархеология и ценз булавы «Нармера». *Петербургские египтологические чтения 2005. Доклады*. Ред. А. О. Большаков. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2006. С. 116–142 [Proussakov D. B. People and Cattle in the Nile Delta on the Eve of Civilization: Paleoecology, Geoarchaeology, and Census of the "Narmer" Macehead. *St. Petersburg Egyptological Readings 2005. Proceedings of the Conference*. Ed. by A. O. Bolshakov. St. Petersburg: The State Hermitage Publishers, 2006. Pp. 116–142 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. *Древний Египет: почва цивилизации (этюд о неолитической революции).* М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 152 с. [Proussakov D. B. *Ancient Egypt: Soil of the Civilization (an Essay on the Neolithic Revolution).* Moscow: LIBROKOM Publ., 2009. 152 p. (in Russian)].

Прусаков Д. Б. Тасийская культура. *Большая Российская энциклопедия.* Т. 31. М: БРЭ, 2016. С. 681–682 [Proussakov D. B. Tasian Culture. *Great Russian Encyclopedia*. Vol. 31. Moscow: Great Russian Encyclopedia Publ., 2016. Pp. 681–682 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. Озера на доисторическом Ниле: «гидрологические» перспективы египетской археологии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018 (а). № 1. С. 70–80 [Proussakov D. B. Lakes on the Prehistoric River Nile: "Hydrological" Outlook for Egyptian Archaeology. *Vestnik Instituta Vostokovedenija RAN*. 2018 (a). No. 1. Pp. 70–80 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. «Голоценовое море» в Среднем Египте: к независимым обоснованиям гипотезы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018 (б). № 6. С. 72–85 [Proussakov D. B. A "Holocene Sea" in Middle Egypt: Independent Validations of the Hypothesis. *Vestnik Instituta Vostokovedenija RAN*. 2018 (b). No. 6. Pp. 72–85 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. От дельты до Дельты: о природных условиях и поселенцах на Главном Ниле в V тысячелетии до н. э. Часть II. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 3. С. 66–81 [Proussakov D. B. From the Delta to *the Delta*: Natural Conditions and Settlers on the Main Nile in the Fifth Millennium BC. Pt. II. *Oriental Courier*. 2022. No. 3. Pp. 66–81 (in Russian)].

Чайлд Г. *Древнейший Восток в свете новых раскопок*. М.: Иностранная литература, 1956. 384 с. [Childe G. *New Light on the Most Ancient East*. Moscow: Inostrannaya Literature Publ., 1956. 384 p. (in Russian)].

Arkell A. J. Excavations at Esh Shaheinab, Sudan (1949). *Proceedings of the Prehistoric Society.* 1949 (a). Vol. 15. Pp. 42–49.

Arkell A. J. The Excavation of a Neolithic Site at Esh Shaheinab. *Sudan Notes and Records.* 1949 (b). Vol. 30. Pp. 212–221.

Arkell A. J. *Shaheinab: An Account of the Excavation of a Neolithic Occupation Site Carried Out for the Sudan Antiquities Service in 1940–1950*. London: Oxford University Press, 1953. 114 p.

Bate D. M. A. The Vertebrate Fauna. *Shaheinab: An Account of the Excavation of a Neolithic Occupation Site Carried Out for the Sudan Antiquities Service in 1940–1950*. A. J. Arkell. London: Oxford University Press, 1953. Pp. 11–19.

Baumgartel E. J. *The Cultures of Prehistoric Egypt.* London: Oxford University Press, 1947. 122 p.

Baumgartel E. J. Predynastic Egypt. *The Cambridge Ancient History.* Vol. 1. Ch. 9. Eds. I. E. S. Edwards, C. J. Gadd, N. G. L. Hammond. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. 39 p.

Brunton G. The Beginnings of Egyptian Civilization. *Antiquity*. 1929. Vol. 3. Pp. 456–467.

Brunton G. *Mostagedda and the Tasian Culture. British Museum Expedition to Middle Egypt 1928, 1929.* London: Quaritch, 1937. 163 p.

Brunton G., Caton-Thompson G. *The Badarian*

Civilisation and Predynastic Remains Near Badari. London: British School of Archaeology in Egypt, 1928. 128 p.

Caton-Thompson G. Explorations in the Northern Fayum. *Antiquity*. 1927. Vol. 1. Pp. 326–340.

Caton-Thompson G., Gardner E. W. *The Desert Fayum.* Vol. 1. London: Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, 1934. 167 p.

Darnell D. Gravel of the Desert and Broken Pots in the Road: Ceramic Evidence from the Routes Between the Nile and Kharga Oasis. *Egypt and Nubia: Gifts of the Desert.* Ed. R. Friedman. London: British Museum Press, 2002. Pp. 156–177.

Dittrich A. Dating the Neolithisation Process in the Middle Nile Valley: A Critical Approach. *Hunter-Gatherers and Early Food Producing Societies in Northeastern Africa*. Eds. J. Kabaciński, M. Chłodnicki, M. Kobusiewicz. Poznán: Poznán Archaeological Museum, 2015. Pp. 15–64.

Friedman R. Badari Grave Group 569. *Studies in Egyptian Antiquities. A Tribute to T. G. H. James*. Ed. W. V. Davies. London: British Museum Press, 1999. Pp. 1–12.

Friedman R., Hobbs J. J. A 'Tasian' Tomb in Egypt's Eastern Desert. *Egypt and Nubia: Gifts of the Desert.* Ed. R. Friedman. London: British Museum Press, 2002. Pp. 178–191.

Gardner E. W., Caton-Thompson G. The Recent Geology and Neolithic Industry of the Northern Fayum Desert. *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1926. Vol. 56. Pp. 301–323.

Gaston J. L. A Brief Overview of the Cultural Continuity Along the Nile Valley During the 5th Millennium B. C. *Ankh: Journal of Egyptology and African Civilizations*. 2009–2011. No. 18–20. Pp. 20–49.

Gautier A. A General Review of the Known Prehistoric Fauna of the Central Sudanese Nile Valley. *Late Prehistory of the Nile Basin and the Sahara.* Eds. L. Krzyzaniak, M. Kobusiewicz. Poznan: Poznan Archaeological Museum, 1989. Pp. 353–358.

Haaland R. The Puzzle of the Late Emergence of Domesticated Sorghum in the Nile Valley. *The Prehistory of Food: Appetites for Change.* Eds. C. Gosden, J. Hather. London: Routledge, 1999. Pp. 397–418.

Hassan F. A. Chronology of the Khartoum "Mesolithic" and "Neolithic" and Related Sites in the Sudan: Statistical Analysis and Comparisons with Egypt. *The African Archaeological Review.* 1986. Vol. 4. Pp. 83–102.

Hedges R. E. M., Housley R. A., Bronk-Ramsey C., Klinken G. J. van. Radiocarbon Dates from the Oxford AMS System: Archaeometry Datelist 18. *Archaeometry*. 1994. Vol. 36. Pp. 337–374.

Hendrickx S. La chronologie de la préhistoire tardive et des débuts de l'histoire de l'Egypte. *Archéo-Nil.* 1999. No. 9. Pp. 13–81.

Hendrickx S., Vermeersch P. Prehistory: From Palaeolithic to the Badarian Culture (c. 700000–4000 BC). *The Oxford History of Ancient Egypt.* Ed. I. Shaw. Oxford: Oxford University Press, 2000. Pp. 17–43.

Holmes D. L. The Badari Region Revisited. *Nyame Akuma.* 1989. Vol. 31. Pp. 15–19.

Hope C. A. Early and Mid-Holocene Ceramics from the Dakhleh Oasis: Traditions and Influences. *Egypt and Nubia: Gifts of the Desert.* Ed. R. Friedman. London: British Museum Press, 2002. Pp. 39–61.

Horn M. Late Neolithic Superimposed Burials in the Qau-Matmar Region: The Final Nail in the Tasian Coffin? *Interkulturalität: Kontakt — Konflikt — Konzeptualisierung: Beiträge des sechsten Berliner Arbeitskreises Junge Aegyptologie (BAJA 6) 13.11.–15.11.2015.* Hrsg. S. Beck, B. Backes, A. Verbovsek. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2017 (a). S. 73–91.

Horn M. Re-Appraising the Tasian-Badarian Divide in the Qau-Matmar Region: A Critical Review of Cultural Proxies and a Comparative Analysis of Burial Dress. *Egypt at Its Origins 5. Proceedings of the Fifth International Conference "Origin of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt", Cairo, 13th – 18th April 2014.* Eds. B. Midant-

Reynes, Y. Tristant. Leuven: Peeters Publishers, 2017 (b). Pp. 335–377.

Kaiser W. Zur Südausdehnung der vorgeschichtlichen Deltakulturen und zur frühen Entwicklung Oberägyptens. *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo.* 1985. Bd. 41. S. 61–87.

Klichowska M. Plants of the Neolithic Kadero (Central Sudan): A Palaeoethnobotanical Study of the Plant Impressions on Pottery. *Origin and Early Development of Food-Producing Cultures in North-Eastern Africa.* Eds. L. Krzyzaniak, M. Kobusiewicz. Poznan: Poznan Archaeological Museum, 1984. Pp. 321–326.

Kuper R., Kröpelin S. Climate-Controlled Holocene Occupation in the Sahara: Motor of Africa's Evolution. *Science*. 2006. Vol. 313. Pp. 803–807.

Linstädter J. Book Review: Zur Neolithisierung des Mittleren Niltals und angrenzender Regionen. Kultureller Wandel vom Mesolithikum zum Neolithikum im Nord- und Zentralsudan. By Annett Dittrich. B. A. R. International Series 2281. Archaeopress, Oxford, 2011, ix + 454 pp. *Journal of African Archaeology*. 2013. Vol. 11. Pp. 271–272.

Marshall F., Weissbrod L. Domestication Processes and Morphological Change: Through the Lens of the Donkey and African Pastoralism. *Current Anthropology.* 2011. Vol. 52. Pp. S397–S413.

Midant-Reynes B. *The Prehistory of Egypt. From the First Egyptians to the First Pharaohs*. Oxford: Blackwell, 2000. — 328 p.

Petrie W. M. Flinders. *Diospolis Parva: The Cemeteries of Abadiyeh and Hu.* London: Egyptian Exploration Fund, 1901. 62 p.

Sadig A. M. Reconsidering the "Mesolithic" and "Neolithic" in Sudan. *Neolithisation of Northeastern Africa.* Ed. N. Shirai. Berlin: Ex Oriente, 2013. Pp. 23–42.

Schild R., Wendorf F. The Combined Prehistoric Expedition Results of the 2001 Season. *American Research Center in Egypt Bulletin.* 2001. Vol. 180. Pp. 16–17.

Stemler A. B. L. A Scanning Electron Microscopic Analysis of Plant Impressions in Pottery from the Sites of Kadero, El Zakiab, Um Direiwa and El Kadada. *Archéologie du Nil Moyen*. 1990. T. 4. Pp. 87–105.

Wendrich W. Gertrude Caton Thompson (1888–1985). Famous Footsteps to Fill. *Archéo-Nil.* 2007. No. 17. Pp. 89–106.

Wendrich W., Cappers R. Egypt's Earliest Granaries: Evidence from the Fayum. *Egyptian Archaeology. The Bulletin of the Egypt Exploration Society*. 2005. No. 27. Pp. 12–15.

Wengrow D. *The Archaeology of Early Egypt: Social Transformations in North-East Africa, 10,000 to 2650 BC.* Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — 343 p.

Williams M. A. J. Age of Alluvial Clays in the Western Gezira, Republic of the Sudan. *Nature*. 1966. Vol. 211. Pp. 270–271.

Winchell F. Khartoum Neolithic. *Encyclopedia of Prehistory. Vol. 1. Africa.* Eds. P. N. Peregrine, M. Ember. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2001. Pp. 110–115.

Winchell F., Brass M., Manzo A., Beldados A., Perna V., Murphy C., Stevens C., Fuller D. Q. On the Origins and Dissemination of Domesticated Sorghum and Pearl Millet Across and Into India: A View from the Butana Group of the Far Eastern Sahel. *The African Archaeological Review.* 2018. Vol. 35. Pp. 483–505.

DOI: 10.18254/S268684310028145-7

Общественно-политический статус женщины в Египте при президенте Абдельфаттахе ас-Сиси

Socio-Political Status of Women in Egypt during President Abdel Fattah Al-Sisi's Rule

© 2023 **Дарья Андреевна Константинова**

студентка факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия
kdasa6073@gmail.com
ORCID ID: 0009-0004-1528-4138

Daria A. Konstantinova

Student of the Faculty of Social and Humanitarian Studies, RUDN University, Moscow, Russia
kdasa6073@gmail.com
ORCID ID: 0009-0004-1528-4138

Египет считается родиной феминистического движения на Арабском Востоке, поскольку именно там начали свою деятельность первые женские активистки, а в дальнейшем и первые женские организации. События Арабской весны 2011 г. оказали значительное влияние на весь регион Арабского Востока: некоторые арабские страны встали на путь демократизации, в том числе и в области решения «женского вопроса». После политических изменений 2011–2014 гг. египтянки столкнулись со многими трудностями в разных сферах деятельности, которые необходимо было преодолеть, чтобы наладить их социальное и экономическое положения. В статье рассматривается общественно-политический статус женщины в Египте при действующем президенте Абдельфаттахе ас-Сиси. В работе проанализированы правовые основы женского участия в деятельности государственных органов и политических партий, а именно международные документы и статьи Конституции Египта 2014 г., относящиеся к данной тематике. Более того, приведены сравнительные статистические данные по количеству женщин в национальном пар-

ламенте. В статье также характеризуется деятельность гендерно-ориентированных институтов в контексте расширения политических прав египтянок, в том числе цели и направления «Национальной стратегии расширения прав и возможностей египетских женщин на период до 2030 г.», дополнительного приложения к стратегии страны “Egypt Vision 2030”. Автор делает выводы о роли египтянки, степени ее участия в общественно-политической жизни современного Египта, а также об основных трудностях, среди которых, в первую очередь, выделились низкая осведомленность населения о гендерных вопросах и недостаточное финансирование программ. В заключении высказываются предположения о перспективах расширения женского присутствия в политической сфере страны.

Ключевые слова: Египет, гендерные права, общественно-политический статус женщины, политические права женщин, женский вопрос

Для цитирования: Константинова Д. А. Общественно-политический статус женщины в Египте при президенте Абдельфаттахе ас-Сиси. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 3. С. 160–169. DOI: 10.18254/S268684310028145-7

Egypt is considered to be the birthplace of the feminist movement in the Arab East, because the first women activists began their activities in this country, and later the first women’s organizations were founded. The events of the Arab Spring of 2011 had a significant impact on the entire region of the Arab East: some Arab countries embarked on the path of democratization, including in the field of solving the “women’s issue”. After the political changes of 2011–2014 Egyptian women have also faced numerous difficulties and obstacles in various spheres of life. In this paper, the author examined the socio-political status of women in Egypt under the current President Abdel Fattah al-Sisi. The paper analyzes the legal foundations of women’s participation in the activities of state bodies and political parties, namely international documents and articles of the Egyptian Constitution of 2014 related to this topic. Moreover, comparative statistics on the number of women in the national Parliament are provided. The article also described the activities of gender-oriented institutions in the context of the political empowerment of Egyptian women, including the goals and directions of the “National Strategy for the Empowerment of Egyptian Women 2030: Vision and Pillars”, additional annex to the country’s strategy “Egypt Vision 2030”. The author drew conclusions about the role of the Egyptian women, the degree of their participation in the socio-political life of modern Egypt, as well as about the main difficulties, among which, first of all, in society stood out the problems of low awareness of the population about gender issues and insufficient funding of programs. In conclusion, suggestions were made about the prospects for expanding the female presence in the political sphere of the country.

Keywords: Egypt, women rights, gender rights, socio-political status of women, political rights, women’s issues

For citation: Konstantinova Daria A. Socio-Political Status of Women in Egypt during President Abdel Fattah Al-Sisi’s Rule. *Oriental Courier.* 2023. No. 3. Pp. 160–169. DOI: 10.18254/S268684310028145-7

Положение женщины в арабских странах активно дискутируется в науке, что во многом связано с индивидуальной спецификой каждой страны арабского региона. В Египте, на родине феминистического движения на Арабском Востоке, статус женщины в разных сферах деятельности также менялся и продолжает меняться в зависимости от направлений и приоритетов политики государства.

Целый ряд экономических, социальных и политических проблем наряду с «дискриминационными» законами по отношению к населе-

нию, в частности к женщинам, стали причиной демонстрации 2011 г. в Египте, когда и мужчины, и женщины вышли на улицы с требованиями смены правительства и отставки Хосни Мубарака, а после отставки женщины настаивали на участии в построении нового государства и выстраивании политики страны. События Арабской весны негативно повлияли на положение египтянки, поскольку любая дестабилизация и смена власти повышает уровень насилия и преступности в стране. Так, в этот период значительно вырос уровень сексуального насилия [Study on Ways… 2013, p. 4–5]. Более того, Арабская весна привела к росту исламистских настроений, что замедлило расширение политических и социальных прав женщин в стране.

Автор подробно останавливается здесь на участии женщин в общественно-политической жизни при действующем президенте Египта Абдельфаттахе ас-Сиси. Для определения современного общественно-политического статуса женщины в Египте необходимо проанализировать правовую основу ее участия в политической жизни, женское представительство в парламенте, партиях и органах местного самоуправления, охарактеризовать институты, которые стимулируют участие женщин в государственной деятельности Египта. Более того, определив обозначенные выше области, важно выделить перспективы и трудности развития данного вопроса в стране.

Правовые аспекты политического участия женщин

События Арабской весны привели к еще большей дестабилизации общества и практически абсолютному аннулированию достижений, связанных с гендерным равенством и участием женщин в общественно-политической и экономической жизни страны. Однако ситуация стала меняться к лучшему после стабилизации обстановки и прихода к власти Абдельфаттаха ас-Сиси в 2014 г. Новый президент стал активно заниматься решением насущных экономических, политических и социальных проблем, в том числе и «женским вопросом». Одним из путей решения данной проблемы стало расширение и создание правовой основы для участия в женщин в политике.

Четкие ориентиры, касающиеся расширения политических прав и возможностей женщин, содержатся в многочисленных международных конвенциях и документах по правам человека, касающихся гражданских и политических прав и ликвидации всех форм дискриминации. Страны, ратифицирующие данные документы, несут ответственность за выполнение и применение обязательств посредством своих институтов. Египет, в свою очередь, ратифицировал некоторые из конвенций ООН, среди которых можно выделить Международную конвенцию о политических правах женщин [МКПЧ, 1981] (ратифицирована в 1981 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах [МПГПП, 1966] (1982 г.), Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [КЛДЖ, 1979] (1981 г.), Резолюцию 1325 Совета Безопасности о женщинах, мире и безопасности [Резолюция 1325 СБ ООН, 2000] в 2000 г. и др., став одной из первых арабских стран, ратифицировавших упомянутые документы. Во многом именно на их базе он формирует свою политику в отношении женщин и разрабатывает программы по улучшению их социально-политического и экономического положения.

Если же говорить о принятии международных стандартов в отношении гендерного равенства и о расширении женского представительства в различных сферах, Египет все еще не подписал многие конвенции относительно экономических условий труда и дискриминации женщин в трудовой сфере, например, Протокол 1990 г. к конвенции (пересмотренной) 1948 г. о ночном труде женщин [Protocol… 1990]. Ратификация данных международных документов представляется необходимой, так как экономическая и политическая сферы тесно связаны друг с другом. Политические кампании и политическая

деятельность — достаточно затратное занятие, которое могут позволить себе только те, у кого есть средства, поэтому, сталкиваясь с экономическими трудностями в работе, женщины имеют меньше возможностей для самореализации в сфере государственного управления.

Помимо международных конвенций и договоров важно отметить особенности национального законодательства в отношении женщины, а именно — рассмотреть положение женщины в рамках Конституции Египта. События Арабской весны 2011 г. и дальнейший приход к власти «Братьев-мусульман»[1] привели к росту исламистских настроений, что, в свою очередь, замедлило расширение как политических, так и социальных прав женщин в стране. Ситуация изменилась после проведения референдума и принятия нового проекта конституции с приходом к власти А. ас-Сиси в 2014 г.

Новая конституция [Конституция Египта, 2014] обеспечивает «равные возможности для всех граждан без дискриминации» (ст. 9), а также отдельно подчеркивает, что любая дискриминация, в том числе на основании «пола», является «преступлением, наказуемым законом» (ст. 53). Более того, в новом Законе Египта была выделена отдельная статья (ст. 11), посвященная положению женщины, где отмечается, что «государство обязуется достичь равенства между женщинами и мужчинами во всех гражданских, политических, экономических, социальных и культурных правах», а также «предоставляет женщинам право занимать государственные должности и высшие руководящие должности в государстве, а также право назначения в судебные органы и организации без дискриминации». Несмотря на то что в данной статье не указаны гарантии обеспечения данного права, ее принятие способствовало расширению политического участия женщин на разных уровнях.

Конституция Египта 2014 г. также предусматривает деятельность независимых национальных советов, куда входят национальные советы по правам человека, по вопросам женщин, детства и материнства и т. д. Данные советы пользуются финансовой и административной независимостью и имеют право уведомлять государственные органы о любых нарушениях, связанных с их деятельностью (ст. 214). Более подробно деятельность данных институтов будет разобрана ниже.

Участие женщин в политических институтах Египта

На основании вышеупомянутых статей Конституции в Египте начался очередной этап процесса расширения политического участия женщин, который ранее был прерван в результате роста внутриполитической нестабильности. Одним из первых результатов реализации принятых норм является Закон № 46 Палаты представителей 2014 г., в котором были определены квоты в избирательных списках для разных категорий населения (ст. 5). Так, существует четыре списка: два с 45 кандидатами в каждом и два с 15 кандидатами в каждом. Список из 15 мест должен содержать:

— трех кандидатов-христиан;

— двух кандидатов из числа рабочих или фермеров;

— двух кандидатов из числа молодежи;

— кандидата с ограниченными возможностями;

— кандидата–египтянина, проживающего за границей.

Кроме того, в эти или другие группы должно входить не менее 7 женщин.

В свою очередь, списки с 45 местами должны содержать по крайней мере следующие категории и количество кандидатов:

— девять кандидатов-христиан;

— девять кандидатов из числа рабочих или фермеров;

1 Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ.

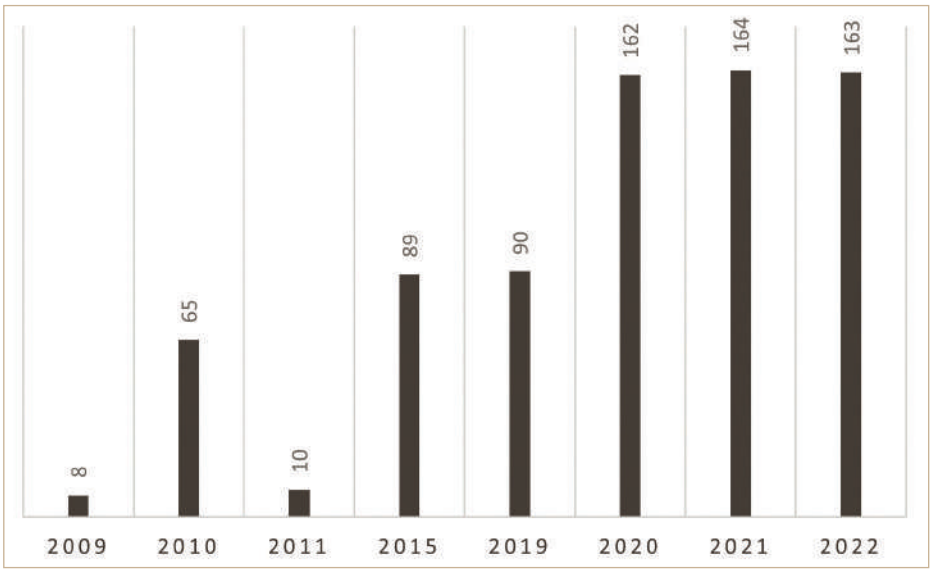


Рис. 1. **Количество женщин в египетском парламенте с 2009 по 2022 г.**
Построено автором на основе: IPU Parline: Egypt.
URL: https://data.ipu.org/node/53/data-on-women?chamber_id=13379 (accessed 10.02.2023)
Fig. 1. **Number of women in Egyptian Parliament from 2009 to 2022**
Made by the author based on: IPU Parline: Egypt.
URL: https://data.ipu.org/node/53/data-on-women?chamber_id=13379 (accessed 10.02.2023)

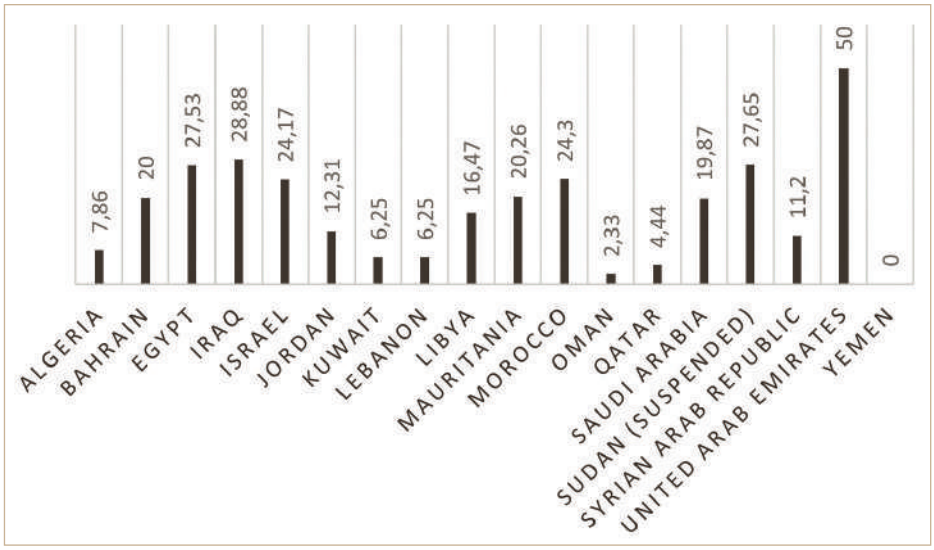


Рис. 2. **Процент женщин в нижних и однопалатных парламентах на Ближнем Востоке и в Северной Африке, 2022 г.** (в процентах). Построено автором на основе: IPU Parline: Egypt (см. ниже)
Fig. 2. **Percentage of women in lower chambers and unicameral parliaments in the Middle East and North Africa, 2022.** Made by the author based on: IPU Parline: Egypt. URL: https://data.ipu.org/compare?field=chamber%3A%3Acurrent_women_percent&region=middle_east_and_north_africa&structure=any__lower_chamber#map (accessed 10.02.2023)

— шесть кандидатов из числа молодежи;
— трех кандидатов–инвалидов.

В эти или другие группы должно входить не менее 21 женщины [Law № 46, 2014].

Если сравнить количество женщин в Палате представителей с 2009 по 2022 г., можно наблюдать скачок почти в 9 раз (*Рис. 1*). Рост с 2019 по 2020 г. связывается, в первую очередь, с принятием поправок в Конституцию, согласно которым как минимум ¼ от числа мест в парламенте должны занимать женщины [How The Constitutional Amendments… 2019]. Таким образом, определив точную квоту участия женщин в деятельности египетского парламента, мы можем сделать вывод о положительной динамике в том, что касается расширения женского представительства в органах власти Египта.

Рассматривая актуальные данные по количеству женщин, участвующих в деятельности национальных парламентов стран Арабского Востока, мы можем увидеть, что на 2022 г. Египет занимает четвертое место по проценту женщин в парламенте (27,53%), уступая ОАЭ (50%), Ираку (28,8%) и Судану (27,65%) (*Рис. 2*).

Кроме национальных парламентов участие женщин в политической жизни страны проявляется в их работе в местных советах. Как и в случае с парламентами, выборы в локальные советы также претерпели ряд изменений после событий Арабской весны и последующим приходом к власти А. ас-Сиси. Согласно Конституции 2014 г., при выборах в местные советы должны соблюдаться следующие требования: «Одна четверть мест должна распределяться среди молодежи до 35 лет, одна четверть — среди женщин, и 50 процентов — среди рабочих и фермеров» [Конституция Египта, 2014]. До введения данной квоты женщины добились наибольших успехов на районном уровне и наименьшего прогресса — в деревнях. Эти различия были обусловлены тем, что районы часто расположены в крупных городах, где социальные нормы могут быть более снисходительными к включению женщин в политическую сферу, чем в деревнях.

Несмотря на введение квоты, участие женщин в политической деятельности на местном уровне происходит медленными темпами, поскольку проведение выборов на муниципальном уровне откладывается с 2014 г., несмотря на проведение в 2020 г. общенациональных выборов в парламент. До этого выборы в муниципальные советы проводились лишь в 2008 г. Исходя из этого отсутствуют какие-либо данные о текущей представленности женщин в местных органах власти, поэтому невозможно сделать выводы о позитивном или негативном влиянии мер, принятых действующим правительством.

Наряду с участием женщин в национальных и местных институтах государственной власти, египтянки все более активно включаются в деятельность политических партий. После событий Арабской весны количество партий в Египте резко возросло. Перед новыми выборами в январе 2014 г. Хала Шукралла, активистка партии «Ад-Дустур» была избрана ее председателем, что стало первым прецедентом в Египте. Данный факт был расценен многими как значимое и уникальное событие в современной истории страны [Турк, 2017, с. 70].

В разных политических партиях сформированы различные взгляды на место и роль женщины в обществе, ее участие в общественно-политической жизни страны. В большинстве из них были созданы внутренние структуры для женщин. Так, например, партия «Вафд» включала в число своих специализированных органов Женский комитет, в задачи которого входило проведение мероприятий и исследований, посвященных женщинам. Либеральная и Насеристская партии включали центральный женский секретариат, где в каждой мухафазе партия стремилась нанять женщину-секретаря [OECD, 2018, p. 53].

Таким образом, общественно-политическая активность женщин с вступлением на пост президента Абдельфаттаха ас-Сиси значительно возросла вследствие введения квот в национальный парламент, а также поощрения их деятельности в политических партиях и мест-

ных советах. Несмотря на положительные статистические результаты участия женщин в политике, в частности в парламенте, остаются вопросы относительно эффективности прописанных в Конституции норм, поскольку выборы в местные советы откладываются, а деятельность женщин в партиях и государственных органах зачастую ограничивается лишь решением «женских вопросов».

Деятельность гендерно-ориентированных институтов

С приходом к власти ас-Сиси, наряду с такими традиционными политическими институтами, как парламент, местные советы и политические партии, в стране стали развиваться структуры, ориентированные на продвижение гендерного равенства и расширение социальных и политических прав женщин.

Активную деятельность в стране ведет Национальный Совет по делам женщин. Основанный еще в 2000 г. президентским указом для консолидации всех национальных усилий по обеспечению гендерного равенства и расширению прав и возможностей женщин, Совет значительно активизировал свою деятельность при президенте Абдельфаттахе ас-Сиси. Так, в 2017 г. в качестве дополнения к общей стратегии государства «Egypt Vision 2030» [Sustainable Development Strategy, 2016] была принята «Национальная стратегия расширения прав и возможностей египетских женщин на период до 2030 г.: видение и основные принципы» — документ, в котором выделены основные цели Совета в области улучшения положения египтянки [National Strategy, 2017]. Среди этих целей особое внимание отводилось расширению политических прав и возможностей женщин, повышению политического потенциала и навыков женщин.

Программа расширения политических прав и возможностей позволила Национальному Совету добиться значительного прогресса. Так, еще до формирования египетской стратегии по отношению к женщинам, в преддверии парламентских выборов 2015 г. Совет запустил кампанию, направленную на повышение осведомленности женщин об избирательном процессе, роли парламента и местных советов, важности и праве женщин на свободное и тайное голосование на выборах [OECD, 2018, p. 44].

Для мониторинга достижений принятой стратегии была создана Египетская национальная обсерватория по делам женщин [Egyptian Women's Observatory], которая следит за достижением целевых показателей в области положения женщин в 2017–2030 гг. посредством мониторинга и оценки, включая установление базовых и дополнительных показателей для измерения и отслеживания прогресса в этой сфере.

Национальный Совет по делам женщин играет центральную роль в продвижении равноправия и выявлении любых форм дискриминации в политических институтах Египта. Правительство Египта создало подразделения по обеспечению равных возможностей в 29 министерствах и три дополнительных подразделения в государственном аппарате. Эти подразделения работают в поддержку реализации политики гендерного равенства путем включения гендерной проблематики в планы и программы министерств, обучения сотрудников министерств вопросам учета гендерной проблематики во всех программах и проектах и урегулирования жалоб, связанных с дискриминацией женщин на рабочих местах. Однако данные гендерные подразделения сталкиваются с многочисленными проблемами, связанными во многом с отсутствием политической воли у министерских и административных руководителей в принятии и реализации выдвигаемых предложений, недостаточным финансированием, а также ограниченностью полномочий самих гендерных структур.

Таким образом, активизация деятельности таких гендерно-ориентированных институтов, как Национальный Совет по делам женщин, является безусловным достижением правительства ас-Сиси в области улучшения положения жен-

щин в стране. В рамках женской национальной стратегии были предприняты важные шаги по расширению экономических и политических возможностей египтянок, проведены кампании по привлечению женщин к общественной жизни, а также сформированы особые подразделения в политических органах, занимающихся решением гендерных вопросов. Однако уровень эффективности проведения всех вышеперечисленных мер ставится под сомнение, поскольку их реализация сопровождалась рядом трудностей, вызванных, в первую очередь, неосведомленностью и неподготовленностью сотрудников в области гендерных вопросов.

Перспективы и трудности расширения общественно-политического участия женщин в Египте

Рассмотрев основные современные направления по расширению общественно-политического участия женщин в Египте, можно сделать вывод о значительных достижениях в этой области при действующем президенте А. ас-Сиси. Привлечение женщин к принятию государственных решений и движение к формированию гендерного баланса в политической сфере относятся к перспективным направлениям администрации Египта. Однако многие из упомянутых ранее достижений во многом показательны лишь в сравнении с результатами предыдущих администраций. Если же рассматривать последние годы руководства ас-Сиси, можно прийти к выводу, что в области обеспечения женщин политическими правами и привлечения их к активной общественной деятельности наблюдаются в последнее время медленные и незначительные улучшения, т. к. решение «женского вопроса» сталкивается с многочисленными трудностями.

Во-первых, наблюдается недостаточная осведомленность населения о гендерных вопросах, а также неподготовленность сотрудников политических институтов к изменениям, касающимся включения женщин в деятельность государственных структур. Поскольку процесс достаточно нов для страны, действующие политические деятели лишь начинают знакомиться и приспосабливаться к новым реалиям и требованиям гендерно-ориентированных структур.

Во-вторых, имеет место неготовность политических институтов к притоку женских рабочих кадров. Данная проблема вытекает из предыдущего пункта и подразумевает необходимость создания механизмов и условий для женского присутствия в политической сфере. Кроме того, необходимо создать и улучшить инфраструктуру, учитывающую гендерные аспекты, в том числе центры по уходу за детьми, а также разработать политику по борьбе с дискриминацией на рабочих местах и ограничить работу в ночное время. Отсутствие приемлемых условий труда значительно затрудняет приток женского населения в сферу политики и экономики.

В-третьих, деятельность женщин в политических органах существенно ограничена. Несмотря на рост числа женщин в парламенте и партиях, их реальный вклад и вес не столь значительны, поскольку часто их сфера деятельности ограничивается решением именно «женского вопроса». Необходимо включать женщин в решение более широкого круга вопросов, так как преобразованный, учитывающий гендерные аспекты парламент и другие государственные структуры будут лучше отражать потребности, интересы и опыт мужчин и женщин в решении ключевых проблем, затрагивающих все население страны.

Согласно исследованию Египетской национальной обсерватории, после 2018 г. 54% египтян считают, что женщины способны быть парламентариями наравне с мужчинами. Более того, около 72% верили, что женщины могут быть министрами, однако только 54% считали, что женщина способна быть премьер-министром, а 25% выразили согласие с тем, что женщина может занимать пост президента. Следует отметить, что данные результаты отражают изменение представлений египтян о возможностях женщин в лучшую сторону, так как в

2014 г. уверенность в том, что женщины способны быть президентом, демонстрировали только 13% опрошенных, а премьер-министром — лишь 43% [Girgis, 2019, p. 7]. Предполагается, что вышеупомянутые показатели, рассчитанные за 2022 г., продемонстрируют рост ввиду продолжения политики расширения политических прав женщин, однако необходимость решения указанных проблем остается актуальной.

Таким образом, проведенное исследование выявило, что общественно-политический статус женщин значительно укрепился с приходом к власти А. ас-Сиси. Такой вывод подтверждается новыми конституционными нормами, высокими — по сравнению с прошлыми периодами — показателями участия женщин в национальном парламенте и активизацией деятельности Национального Совета по делам женщин. Степень вовлеченности женщин в политическую жизнь страны будет увеличиваться, если будет решен ряд вышеперечисленных проблем, которые не позволяют женщинам вносить более весомый вклад в принятие важных государственных решений.

Список литературы / References

КЛДЖ. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. *Официальный сайт ООН*. 1979 [Convention on the Elimination of all Forms of Discrimination Against Women. *Official site of the UN*. 1979 (in Russian)]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (accessed 26.01.2023).

Конституция Египта. 2014 [*Constitution of Egypt*. 2014. (in Russian)]. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Egypt_2014.pdf (accessed 26.01.2023).

МКПЧ. Международная конвенция о политических правах женщин. *Официальный сайт ООН*. 1981 [Convention on the Political Rights of Women. *Official site of the UN*. 1981 (in Russian)]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/women_politrights.shtml (accessed 26.01.2023).

МПГПП. Международный пакт о гражданских и политических правах. *Официальный сайт ООН*. 1966. [International Covenant on Civil and Political Rights. *Official site of the UN*. 1966 (in Russian)]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (accessed 26.01.2023).

Резолюция 1325 Совета Безопасности о женщинах, мире и безопасности. *Официальный сайт ООН*. 2000 [United Nations Security Council Resolution 1325, on women, peace, and security. *Official site of the UN*. 2000 (in Russian)]. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/SC_ResolutionWomenPeaceSecurity_SRES1325%282000%29%28russian%29.pdf (accessed 26.01.2023).

Турк С. Н. Феминистское движение в Египте во второй половине XX – начале XXI в.: проблемы и перспективы. *Общество: философия, история, культура*. 2017. № 2. Pp. 69–71 [Turk S. N. The Feminist Movement in Egypt in the Second Half of the 20th – early 21st Centuries: Problems and Prospects. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2017. No. 2. Pp. 69–71 (in Russian)].

Egyptian Women's Observatory. *Official site*. URL: https://en.enow.gov.eg/المرصد20%عن (accessed 26.01.2023).

Girgis H. Egyptians' Perceptions Regarding Appointing Women in Leadership Positions in Egypt. *Egyptian National Observatory for Women*. 2019. 10 p. URL: https://en.enow.gov.eg/Report/07.pdf (accessed 26.02.2023).

How The Constitutional Amendments Are Empowering Women in Egypt. *Egypt Forward*. 17.04.2019. URL: https://egyptfwd.org/Article/99/286/How-The-Constitutional-Amendments-Are-Empowering-Women-in-Egypt (accessed 24.09.2023).

IPU Parline: *Egypt*. URL: https://data.ipu.org/node/53/data-on-women?chamber_id=13379 (accessed 10.02.2023).

Law No. 46 on the House of Representatives. *National Election Authority*. 2014. URL: https://www.elections.eg/images/pdfs/laws/HouseOfRepresentatives2014-46_en.pdf (accessed 26.01.2023).

National Strategy for the Empowerment of Egyptian Women 2030: Vision and Pillars. *National Council for Women: official site.* 2017. URL: https://docs.euromedwomen.foundation/files/ermwf-documents/8056_4.170.nationalstrategyfortheempowermentofegyptianwomen2030–visionsandpillars.pdf (accessed 26.01.2023).

OECD. *Women's Political Participation in Egypt: barriers, opportunities and gender sensitivity of select political institutions.* 2018. 72 p. URL: https://www.oecd.org/mena/governance/womens-political-participation-in-egypt.pdf (accessed 26.01.2023).

Protocol of 1990 to the Night Work (Women) Convention (Revised). *International Labour Organization.* 1990. URL: https://web.archive.org/web/20100828134810/http://www.ilo.org/ilolex/cgi-lex/convde.pl?P089 (accessed 26.01.2023).

Study on Ways and Methods to Eliminate Sexual Harassment in Egypt. *UN Women*. 2013. Archived from the original on 21 July 2017. Retrieved 16 February 2016. URL: https://web.archive.org/web/20170721200450/http://www.dgvn.de/fileadmin/user_upload/DOKUMENTE/English_Documents/Sexual-Harassment-Study-Egypt-Final-EN.pdf (accessed 24.09.2023).

Sustainable Development Strategy: Egypt's Vision 2030. Ministry of Planning, Monitoring and Administrative Reform Cairo, Egypt. 2016. URL: https://andp.unescwa.org/sites/default/files/2020-09/Sustainable%20Development%20Strategy%20%28SDS%29%20-%20Egypt%20Vision%202030.pdf (accessed 26.01.2023).

DOI: 10.18254/S268684310026641-3

Популяционно-генетическая история Китая в контексте популяционно-генетической истории Восточной Азии

Population-Genetic History of China in the Context of the East Asian Population History

© 2023 **Андрей Сергеевич Коньков**

Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра палеоэтнологических исследований, Москва, Россия
andrey.s.konkov@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-4681-2007

Andrey S. Konkov

PhD (Biology), Senior Research Scholar, Paleoethnology Research Centre, Moscow, Russian Federation
andrey.s.konkov@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-4681-2007

Территория современного Китая была зоной активных трансформаций населения с самого начала ее заселения представителями нашего вида. Именно здесь находилась зона формирования прародителей всех монголоидных популяций, связанных с восточным стволом неафриканцев. Древнейшая сформировавшаяся здесь группа связана с населением, жившим в районе пещеры Тяньюань (田園洞). Затем в южных районах современного Китая выделяется кластер южных и северных популяций. На основе северных групп сформируется современное население северной половины Китая, Японии и Кореи, а также Монголии, Сибири и Америки, а на основе южных групп — население Индокитая, Индонезии, восточной Океании. С начала эпохи неолита между обеими группами начинается двустороннее взаимодействие. В эпоху распространения земледелия выходцы из верховий реки Хуанхэ (黄河) активно расселяются в Тибет, в юго-западные провинции Китая, формируя основу генофонда современных тибетцев, других тибето-бирманцев и

прародителей ханьцев. Также выходцы из долины реки Хуанхэ влияют на население долины реки Силяохэ (西辽河), связанное с другой подгруппой северного кластера монголоидов. Из бассейна этой реки данное население заселяет Корейский полуостров, а оттуда и Японский архипелаг.

В историческое время, особенно в эпохи Цзинь, Тан и Сун, проникновение северян на территории к югу от Хуанхэ усиливается. Они поглощают местные группы, влияя на генофонды местных сино-тибетских и хмонг-мьенских групп, избежавших ассимиляции. Прибытие ханьцев, вероятно, вызывает отток части тибето-бирманских групп в северо-восточную Индию. Вторжения степных кочевников не изменили генофонд Китая, наоборот переселения ханьцев-земледельцев в степь оставляли ощутимую примесь в населении Монголии с эпохи сюнну до современности. Таким образом, население Китая издревле имеет не только бурную внутреннюю популяционную историю, но с самых ранних эпох влияет на остальное население ойкумены: в Сибири, Новом Свете, Индостане, Юго-Восточной Азии и Океании.

Ключевые слова: Китай, древняя ДНК, генетика, ханьцы, Яншао, тибето-бирманцы, Силяохэ

Для цитирования: Коньков А. С. Популяционно-генетическая история Китая в контексте популяционно-генетической истории Восточной Азии. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 3. С. 170–179. DOI 10.18254/S268684310026641-3

The territory of modern China was a zone of active population transformations from the time of its occupation by human species. There was the formation zone of the progenitors of all Mongoloid populations associated with the eastern trunk of non-Africans. The most ancient group is associated with the population of Tianyuan cave (田園洞). The basal steam split, after Tianyuan branch separation into two clusters of southern and northern populations. The north groups formed a gene pool base for the modern population of the northern half of China, Japan, Korea, as well as Mongolia, Siberia, and America. The southern groups formed a gene pool core for the population of Indochina, Indonesia, eastern Oceania. From the beginning of the Neolithic era, two-way interaction begins between both groups. During the agricultural spread, people from the region of the upper Yellow River actively settled in Tibet, the southwestern provinces of China, the lower reaches of the Yellow River, forming the basis of the gene pool of modern Tibetans, other Tibetan-Burmans and progenitors of the Han. Also, the migrants from the valley of Yellow River influence the population of the western Liao River, associated with another subgroup of the northern Mongoloid cluster. And the basin of this river, this population inhabits the Korean Peninsula, and from there to the Japanese archipelago.

In historical time, especially in the Jin, Tang and Song eras, the penetration of northerners south of the Yellow River intensified. It absorbs local groups and affects the gene pools of local Sino-Tibetan and Hmong-Mien groups that have escaped assimilation. At the same time, the southern groups of Han Chinese also receive a noticeable admixture from the southern Mongoloid groups of the southern cluster. The arrival of the Han Chinese probably causes the outflow of part of the Tibeto-Burman groups to northeast India. The invasions of the steppe nomads did not change the gene pool of China. On the contrary, the resettlement of Han farmers in the steppe left a noticeable admixture in the population of Mongolia from the Xiongnu era to the present. Thus, the population of China since ancient times has not only a turbulent internal population history but had been influencing since the earliest epochs to rest of the population of the Inhabited parts of the World like Siberia, both Americas, India, South-East Asia and Oceania.

Keywords: China, ancient DNA, genetics, Han, Yangshao, Tibeto-Burman group, Western Liao River

For citation: Konkov Andrey S. Population-Genetic History of China in the Context of the East Asian Population History. *Oriental Courier*. 2023. No. 3. Pp. 170–179. DOI 10.18254/S268684310026641-3

Реконструкция популяционно-генетического прошлого населения Восточной Азии крайне важна для понимания генезиса населения Китая и населения сопредельных с ним стран. Современные данные, полученные на основе полногеномного анализа современного и древнего населения, позволяют достаточно точно восстановить ключевые события в популяционной истории региона.

Древнейшее население региона

Первые представители нашего вида могли появиться на территории современного Китая во время первых попыток выхода человека из Африки. Они могут быть связаны с жителями пещер Фуюань (福 岩洞) и Люцзян (柳江), возрастом 130–120 тысяч лет [Liu, 2015; Shen, 2002]. Однако вне африканской колыбели потомки этих ранних волн бесследно исчезли — как в Китае, так и в других частях Старого Света: мы не располагаем данными об их популяционно-генетическом облике, а информация о древней ДНК из их костных останков пока отсутствует.

Во время последней переселенческой волны из Африки, имевшей место 70–60 тыс. лет назад, произошло новое заселение Восточной Азии. Не только предки нынешних жителей Восточной Азии, но и все современные неафриканцы происходят от ее представителей [Vallini, 2022; Bae, 2017; Pagani, 2016]. После выхода из Африки предки всех неафриканцев разделились на несколько стволов: 1) ствол базальных евразийцев в Западной Азии, не сохранившихся в чистом виде, но оставивших ощутимую примесь в населении Ближнего Востока, особенно Аравии [Almarri, 2021]; 2) ствол палеолитических людей, связанных с могильником Златы Кун в Чехии [Vallini, 2022]; 3) западный ствол, связанный с прародителями современного населения Европы, Западной Азии и древним палеолитическим населением Сибири — так называемой группы ANE (Ancient North Eurasian) [Vallini, 2022]; 4) восточный ствол, который связан с прародителям всех популяций монголоидной расы в Восточной Азии и за ее пределами, с популяциями австралоидной расы, с представителями еще двух групп: с палеолитическими людьми из Усть-Ишима в Сибири и Бачо-Киро в Европе [Vallini, 2022]. Эти две ветви восточного ствола исчезли в Северной Азии и на европейском субконтиненте, будучи замещены около 37 тыс. назад представителями западного ствола неафриканцев [Vallini, 2022].

Таким образом, предки современного населения Китая и Восточной Азии связаны с потомками восточного ствола неафриканцев, во время миграции с Ближнего Востока заселившими территории от Европы до Океании. Ветвь этого ствола, занявшая территорию современных Китая и, вероятно, северного Индокитая, стала прародительницей как всех древних и современных жителей восточноазиатского региона, так и вообще всех популяций монголоидной расы [Vallini, 2022]. Так, современные жители Китая — прямые потомки первых групп нашего вида, которые проникли в этот регион после последнего исхода *Homo sapience sapience* из Африки [Vallini, 2022].

Представители группы первопредков, т. е. прародителей всех популяций Восточной Азии, пока не обнаружены в палеогенетической летописи. Самые ранние образцы ДНК из Восточной Азии описаны для могильника Тяньюань 40-тысячелетнего возраста, находящегося в северном Китае [Yang, 2017]. Тяньюаньская группа представляла боковое ответвление, самостоятельную дочернюю ветвь, вычленившуюся из общего ствола всех первопредков восточноазиатов [Mao, 2021; Yang, 2017]. Эти люди расселились по всему северу Восточной Азии вплоть до Амура и Монголии [Mao, 2021; Massilani, 2020] около 33 тыс. лет назад. Формирование предков других групп восточноазиатского населения должно было находиться ближе к современным южным районам Китая [Mao, 2021].

Оставшиеся представители восточноазиатского населения разделились на две группы — северную и южную. Обе эти группы исходно, ско-

рее всего, занимали южные районы Китая [Mao, 2021; Yang, 2020]. На основе северной группы сформировался популяционно-генетический фундамент современных популяций севера Восточной Азии, Монголии, Сибири, обеих Америк [Mao, 2021; Massilani, 2020; Yu, 2020; Damgaard, 2018; Raghavan, 2014]. На основе южной группы сформировался популяционно-генетический фундамент современных популяций Индокитая, отчасти южных районов Китая, Малайского и Филлипинского архипелагов и Полинезии [Zhang, 2022; McColl, 2018; Mallick, 2016; Scoglund, 2016; Lipson, 2014].

Популяционные трансформации в Восточной Азии с периода ледникового максимума до неолита и их влияние на другие регионы Ойкумены

Предки современных популяций Индокитая и Южного Китая формируются на территориях к югу от реки Янцзы на основе самых южных групп восточноазиатов. В составе этих популяций выделяются несколько отличающихся популяционных кластеров, родственные связи между которыми требуют уточнения [Zhang, 2022; Mallick, 2016]. Именно это население сформировало основу генофонда популяций будущих австроазиатских, тай-кадайских и австронезийских народов [He, 2023; Wang, 2021; McColl, 2018; Lipson, 2014].

Северная группа древних популяций Восточной Азии (из линии, близкой жителям пещеры Тяньюань) исчезает в регионе с началом оледенения и не оставляет потомков. Уже в период ледникового максимума, север Восточной Азии заселяется с юга новой ветвью монголоидов. Не позднее 19 тыс. лет назад они проникают на территорию современного китайского Приамурья [Mao, 2021]. Эти люди повторяют путь своих предшественников, но заселяют и более широкие территории, охватывающие весь север Азии к востоку от Енисея. В Сибирь из северного Китая они проникают в составе, как минимум, трех волн миграции. Первая волна проникает в Якутию еще 16 тыс. лет назад с носителями дюктайской культуры. Эта волна внесла некоторую лепту в генофонд арктических монголоидов [Kılınç, 2021]. Вторая, палеосибирская волна сформировала основу популяций арктических монголоидов и американдов [Sikora, 2019; Flegontov, 2019; Yu, 2020]. Третья, неосибирская волна сформировала фундамент большей части популяций коренного населения Сибири [Kılınç, 2021; Sikora, 2019; Yu, 2020]. Еще одна группа выходцев из Китая, заселяя российское Приморье, смешивалась с группами, близкими айнам и дзёмонцам [Wang, 2023, Jeong 2016, Jinam, 2012]. Группы, оставшиеся на территории севера Китая, сформируют ядро неолитических популяций этой области.

Популяционные трансформации населения Восточной Азии с эпохи неолита до начала 1-го тыс. н. э.

Уже в начале неолитической эпохи в середине 8-го — середине 6-го тыс. до н. э. начинаются двусторонние перемещения представителей северной и южной групп в прибрежной зоне Китая. Отдельные группы северян расселяются по береговой линии до современных южных приморских провинций КНР. Синхронно в это же время в обратном направлении южные группы восточноазиатского населения проникают на север до Шаньдуна и Желтого моря. В контактной зоне приморских районов обе группы формируют смешанное население. Двусторонние перемещения происходят исключительно в зоне побережья. Внутренние материковые районы остаются не охваченными этими перемещениями до конца неолита [Wang, 2021; Yang, 2020].

Во внутриконтинентальных районах современного Китая происходили иные миграционные процессы. Представители северной группы восточноазиатов послеледникового времени проникают со стороны верхнего и среднего те-

чений реки Хуанхэ в Тибет. Это проникновение происходит либо во время распространения земледелия в горную зону в 4-м тыс. до н. э., либо даже прежде его возникновения в начале голоцена [Liu, 2022, Wang, 2021]. На территории нагорья они смешиваются с местной группой популяций, имеющих неясные систематические связи с остальными группами современного и древнего человечества [Liu, 2022]. Эти люди становятся прародителями популяций современных тибетцев [Liu, 2022; Wang, 2021].

Другая группа северных восточноазиатов, также выходцев из верховьев Хуанхэ, обошла Тибетское нагорье через окраинные предгорные районы в сторону Индокитая. Эти люди стали прародителями большинства популяций тибето-бирманских народов. Точное время этой миграции требует уточнения. По мере продвижения на юг они смешивались с местными группами южных восточноазиатов южного Китая и Индокитайского полуострова [Zhang, 2022; Wang, 2021]. В некоторых случаях на юге ареала тибето-бирманских языков, группы прибывших передавали свои языки, но поглощались генофондом южных восточноазиатских групп. Так это произошло в случае предков хани и лаху [Zhang, 2022].

Третья группа переселенцев со среднего и верхнего течений Хуанхэ в 4-м тыс. до н. э. направилась в сторону низовьев этой реки и на юг — на пространства Великой Китайской равнины. Эти люди сформировали основу генофонда населения культуры Яншао, а также прародителей будущих хуася и северных ханьцев [Wang, 2021]. По мере продвижения на юг от реки Хуанхэ представители третьей группы переселенцев, так же, как и проникающие на юг предки тибето-бирманцев, смешивались с южными группами восточноазиатов. Примесь со стороны южных групп была значительной и увеличивалась по мере удаления от старта миграции северян, достигая 40%. К моменту проникновения выходцев из низовий реки Хуанхэ на Великую Китайскую равнину и в бассейн реки Янцзы, здесь уже проживало многочисленное население, возможно связанное с рисоводческим сельскохозяйственным комплексом. Уже в древности эта особенность, в виде примеси южных групп, определила специфику генофонда южных китайцев-ханьцев и их отличия от генофонда прародителей северных китайцев-ханьцев [Wang, 2021].

Зона бассейна реки Силяохэ, расположенная к северу от Желтого моря, была стартовой зоной миграций в Восточной Азии. Исходно, в 7-м тыс. до н. э. она была занята группами, близкими к населению Амура (отдаленно родственному выходцам из верховий Хуанхэ, но существенно отличающемуся от него). Эти люди могли доместицировать просо независимо от соседних групп, живших в верхнем течении Хуанхэ. Ближе к концу неолита в среду этих популяций проникли выходцы из района среднего и верхнего течений Хуанхэ и смешались с прежним населением. В 4-м тыс. до н. э. выходцы из региона Силяохэ стали расселяться на восток, в сторону современной территории Кореи, а из Кореи они переселяются через море в начале 1-го тыс. до н. э. в Японию [Robbeets, 2021; Wang, 2021; Ning, 2020]. Перед переселением на Японские острова, обитающие на Корейском полуострове прародители японцев и корейцев получают еще одну примесь со стороны новой группы мигрантов с Шаньдуньского полуострова, которая приносит с собой рисовое земледелие [Robbeets, 2021].

На Японском архипелаге выходцы из Восточной Азии смешиваются с потомками дзёмонцев (генетически близких айнам), поглощая местных обитателей, но и ощутимо с ними смешиваясь. На основе смешения потомков дзёмонцев и переселенцев с Корейского полуострова, связанных с населением культуры Яёй, формируется генофонд японцев [Watanabe, 2023; Wang, 2021, Jeong, 2016; Jinam, 2012].

Со стороны южных районов Китая одна из южных групп восточноазиатского населения распространяется вместе с носителями австронезийских языков путем морских миграций. На первом этапе, в 4-м тыс. до н. э. эта группа населения заселяет

Тайвань, откуда распространяется на территории Филиппин, Индонезии, а далее, на рубеже 3-го и 2-го тыс. до н. э. проникает в Океанию [Wang, 2021; Scoglund, 2016; Lipson, 2014].

Популяционные трансформации в Китае в историческое время

Среди более поздних событий методами популяционной генетики установлено проникновение китайцев-ханьцев в районы к югу от Янцзы и поглощение популяций южных племен в эпохи Цзинь, Тан, Сун [Wen, 2004]. Выявлен сильный миграционный поток со стороны популяций китайцев-ханьцев в генофонды популяций сино-тибетских народов бай, и, цян [Zhang, 2022]. Также установлено, что этот приток ограниченно повлиял и на хмонг-мьенские (мяо-яо) народы во 2 половине 1-го тыс. н. э. [He, 2023].

В эпоху династии Тан (618–907), известной активными торговыми, культурными, политическими контактами с более западными странами, произошла ограниченная инфильтрация выходцев из западной части Евразии в Китай, оставившая незначительный след (2–4%) в некоторых локальных популяциях современных ханьцев [Wang, 2021].

Вторжения кочевников степной зоны в северный Китай, напротив, значимо не изменяли генофонд ханьцев и хуася. Наоборот, начиная с эпохи сюнну до монгольского завоевания, в населении монгольских степей всегда присутствовала значительная доля переселенцев из земледельческих районов Китая [Jeong, 2020].

На рубеже 1-го и 2-го тыс. н. э. произошло проникновение популяций тибето-бирманских народов с территории юго-западных провинций Китая на северо-восток Индии [Metspalu, 2018; Tamang, 2018].

Выводы

Территория Китая играла ключевую роль в истории населения всей ойкумены.

1) Именно на юге современной КНР находился исходный очаг возникновения предковой популяции всех монголоидных групп.

2) Вплоть до эпохи последнего оледенения прародители всего современного монголоидного населения отсутствовали и в Сибири, и южнее Индокитая, занимая в основном территорию Китая.

3) В эпоху последнего оледенения на севере Китая формируется группа прародителей всего современного населения северной половины Восточной Азии, Сибири, Америки и востока евразийских степей. Именно с территории Китая они заселяют Приморье, восток Монголии, а через окрестности Байкала — Сибирь и Новый Свет.

4) В южных районах Китая, включая, вероятно, и северные районы Индокитая, в ледниковую эпоху формируются прародители современного населения материковой и островной частей Юго-Восточной Азии, а также коренного населения Тайваня и Полинезии.

5) В раннем неолите между северной и южной группами восточноазиатов начинается взаимодействие в прибрежных районах Китая.

6) В эпоху распространения земледелия выходцы из верховьев Хуанхэ становятся основой формирования большинства современных сино-тибетских народов (кроме ряда групп в Индокитае и на юге Юньнани, которые, переняв тибето-бирманские языки, сохранили генофонд групп, характерный для популяций южных монголоидов Индокитая).

7) Одна из этих групп заселила Тибетское нагорье, откуда проникла в высокогорную зону Гималаев, другая заселила юго-западные провинции Китая, сформировав основу нетибетских тибето-бирманских народов. Третья группа, расселявшаяся в низовья Хуанхэ и Великую Китайскую равнину, сформировала генофонд китайцев-ханьцев. Также не исключено более раннее проникновение выходцев из долины реки Хуанхэ в Тибет в доземледельческий период.

8) Уже в неолитическую эпоху прямые прародители современных тибето-бирманцев и

современных ханьцев по мере продвижения на юг смешивались с южными группами восточноазиатов, связанных с южномонголоидным населением.

9) Другая группа земледельцев переселялась на север, смешиваясь с обитателями долины реки Силяохэ, заселяя оттуда Корею, а из Кореи смешиваясь с носителями культуры Яёй, Японию.

10) В Историческое время поток переселений ханьцев усилился во времена династий Цзинь, Тан и Сун. Группы ханьцев-переселенцев поглощали местное население и влияли на генофонд синотибетских и хмонг-мьенских групп, избежавших ассимиляции и сохранявших этническое своеобразие. Но южные группы ханьцев также получали примесь от представителей южного кластера популяций, что и определило популяционно-генетическое своеобразие южных ханьцев.

11) Описанные передвижения могли вызвать исход части тибето-бирманского населения в северо-восточные районы Индии на рубеже 1-го и 2-го тыс. до н. э.

12) Вторжения степных кочевников из Монголии и возникновение «варварских династий и держав» на территории Китая, не оказали существенного популяционного влияния на его генофонд. Однако переселенцы из земледельческих районов Китая, непрерывно переселяясь в степную зону Монголии с эпохи сюнну до эпохи Чингизидов, оставляли существенный вклад в генофонде степного евразийского пояса, который прослеживается здесь до сих пор.

Многие популяционные процессы, происходившие на этой территории, напрямую меняли генофонд населения сопредельных стран восточноазиатского макрорегиона, а нередко их влияние выходило и за эти рамки и охватывало также и другие области Евразии (полуостров Индостан, в Сибирь, Юго-Восточную Азию), а вместе с ними и Океанию. Даже те популяционные процессы, которые имели меньший масштаб и происходили, преимущественно, во внутренних границах Китая, оказывали сильное популяционное воздействие на соседние территории Восточной Азии.

Список литературы / References

Almarri M. A., Haber M., Lootah R. A., Hallast P., Al Turki S., Martin H. C., Xue Y., Tyler-Smith C. The Genomic History of the Middle East. *Cell.* 2021. Vol. 184. No. 18. Pp. 4612–4625.

Bae C. J., Douka K., Petraglia M. D. On the Origin of Modern Humans: Asian Perspectives. *Science.* 2017. Vol. 358. No. 6368. URL: https://www.science.org/doi/10.1126/science.aai9067?url_ver=Z39.882003&rfr_id=ori:rid:crossref.org&rfr_dat=cr_pub%20%200pubmed (accessed 29.09.2023)

Damgaard P. B., Marchi N., Rasmussen S., Peyrot M., Renaud G., Korneliussen T., Moreno-Mayar J. V., Pedersen MW., Goldberg A., Usmanova E., Baimukhanov N., Loman V., Hedeager L., Pedersen A. G., Nielsen K., Afanasiev G., Akmatov K., Aldashev A., Alpaslan A., Baimbetov G., Bazaliiskii V. I., Beisenov A., Boldbaatar B., Boldgiv B., Dorzhu C., Ellingvag S., Erdenebaatar D., Dajani R., Dmitriev E., Evdokimov V., Frei K. M., Gromov A., Goryachev A., Hakonarson H., Hegay T., Khachatryan Z., Khaskhanov R., Kitov E., Kolbina A., Kubatbek T., Kukushkin A., Kukushkin I., Lau N., Margaryan A., Merkyte I., Mertz I. V., Mertz V. K., Mijiddorj E., Moiyesev V., Mukhtarova G., Nurmukhanbetov B., Orozbekova Z., Panyushkina I., Pieta K., Smrčka V., Shevnina I., Logvin A., Sjögren K. G., Štolcová T., Taravella A. M., Tashbaeva K., Tkachev A., Tulegenov T., Voyakin D., Yepiskoposyan L., Undrakhbold S., Varfolomeev V., Weber A., Wilson Sayres MA., Kradin N., Allentoft M. E., Orlando L., Nielsen R., Sikora M., Heyer E., Kristiansen K., Willerslev E.1 37 Ancient Human Genomes from across the Eurasian Steppes. *Nature.* 2018. Vol. 557. No. 7705. Pp. 369–374.

Flegontov P. Changmai P., Zidkova A., Logacheva M. D., Altınışık N. E., Flegontova O., Gelfand M. S., Gerasimov E. S., Khrameeva E. E., Konovalova O. P., Neretina T., Nikolsky Y. V., Starostin G., Stepanova V. V., Travinsky I. V., Třísk a M., Tříska P., Tatarinova T. V. Paleo-Eskimo Genetic Ancestry and the Peopling of Chukotka and

North America. *Nature.* 2019. Vol. 570. No. 7760. Pp. 236–240.

He G., Wang J., Yang L. Genome-Wide Allele and Haplotype-Sharing Patterns Suggested One Unique Hmong-Mein-Related Lineage and Biological Adaptation History in Southwest China. *Human Genomics.* 2023. Vol. 7. No. 1. URL: https://humgenomics.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40246-023-00452-0 (accessed 29.09.2023).

Jeong C., Nakagome S., Di Rienzo A. Deep History of East Asian Populations Revealed through Genetic Analysis of the Ainu. *Genetics.* 2016. Vol. 202. No. 1. Pp. 261–272.

Jeong C., Wang K., Wilkin S., Wang K., Wilkin S., Taylor WTT., Miller BK., Bemmann JH., Stahl R., Chiovelli C., Knolle F., Ulziibayar S., Khatanbaatar D., Erdenebaatar D., Erdenebat U., Ochir A., Ankhsanaa G., Vanchigdash C., Ochir B., Munkhbayar C., Tumen D., Kovalev A., Kradin N., Bazarov B. A., Miyagashev D. A., Konovalov P. B., Zhambaltarova E., Miller A. V., Haak W., Schiffels S., Krause J., Boivin N., Erdene M., Hendy J., Warinner C. A Dynamic 6,000-Year Genetic History of Eurasia's Eastern Steppe. *Cell.* 2020. Vol. 183. No. 4. Pp. 890–904.

Jinam T. A., Nishida N., Hirai M., Kawamura S., Oota H., Umetsu K., Kimura R., Ohashi J., Tajima A., Yamamoto T., Tanabe H., Mano S., Suto Y., Kaname T., Naritomi K., Yanagi K., Niikawa N., Omoto K., Tokunaga K., Saitou N. The History of Human Populations in the Japanese Archipelago Inferred from Genome-Wide SNP Data with a Special Reference to the Ainu and the Ryukyuan Populations. *Journal of Human Genetics.* 2012. Vol. 57. No. 12. Pp. 787–795.

Kılınç G. M., Kashuba N., Koptekin D., Bergfeldt N., Dönertaş H. M., Rodríguez-Varela R., Shergin D., Ivanov G., Kichigin D., Pestereva K., Volkov D., Mandryka P., Kharinskii A., Tishkin A., Ineshin E., Kovychev E., Stepanov A., Dalén L., Günther T., Kırdök E., Jakobsson M., Somel M., Krzewińska M., Storå J., Götherström A. Human Population Dynamics and *Yersinia Pestis* in Ancient Northeast Asia. *Science Advances.* 2021. Vol. 7. No. 2. URL: https://www.science.org/doi/10.1126/sciadv.abc4587 (accessed 29.09.2023).

Lipson M., Loh P. R., Patterson N., Moorjani P., Ko Y. C., Stoneking M., Berger B., Reich D. Reconstructing Austronesian Population History in Island Southeast Asia. *Nature Communications*. 2014. Vol. 5. URL: https://www.nature.com/articles/ncomms5689 (accessed 29.09.2023).

Liu C. C., Witonsky D., Gosling A., Lee J. H., Ringbauer H., Hagan R., Patel N., Stahl R., Novembre J., Aldenderfer M., Warinner C., Di Rienzo A., Jeong C. Ancient Genomes from the Himalayas Illuminate the Genetic History of Tibetans and Their Tibeto-Burman Speaking Neighbors. *Nature Communications*. 2022. Vol. 13. No. 1. URL: https://www.nature.com/articles/s41467-022-28827-2 (accessed 29.09.2023).

Liu W., Martinón-Torres M., Cai Y. J., Xing S., Tong H. W., Pei S. W., Sier M. J., Wu X. H., Edwards R. L., Cheng H., Li Y. Y., Yang X. X., de Castro J. M., Wu X. J. The Earliest Unequivocally Modern Humans in Southern China. *Nature.* 2015. Vol. 526. No. 7575. Pp. 696–699.

Mallick S., Li H., Lipson M., Mathieson I. et al. The Simons Genome Diversity Project: 300 Genomes from 142 Diverse Populations. *Nature.* 2016. Vol. 538. No. 7624. Pp. 201–206.

Mao X., Zhang H., Qiao S., Liu Y., Chang F., Xie P., Zhang M., Wang T., Li M., Cao P., Yang R., Liu F., Dai Q., Feng X., Ping W., Lei C., Olsen J. W., Bennett E. A., Fu Q. The Deep Population History of Northern East Asia from the Late Pleistocene to the Holocene. *Cell.* 2021. Vol. 184. No. 12. Pp. 3256–3266.

Massilani D., Skov L., Hajdinjak M. et al. Denisovan Ancestry and Population History of Early East Asians. *Science.* 2020. Vol. 370. No. 6516. Pp. 579–583.

McColl H., Racimo F., Vinner L. The Prehistoric Peopling of Southeast Asia Science. *Science.* 2018. Vol. 361. No. 6397. Pp. 88–92.

Metspalu M., Mondal M., Chaubey G. The Genetic Makings of South Asia. *Current Opinion in Genetics & Development* 2018. Vol. 53. Pp. 128–133.

Ning C., Li T., Wang K., Zhang F., Li T., Wu X., Gao S., Zhang Q., Zhang H., Hudson M. J., Dong G., Wu S., Fang Y., Liu C., Feng C., Li W., Han T., Li R., Wei J., Zhu Y., Zhou Y., Wang C. C., Fan S., Xiong Z., Sun Z., Ye M., Sun L., Wu X., Liang F., Cao Y., Wei X., Zhu H., Zhou H., Krause J., Robbeets M., Jeong C., Cui Y. Ancient Genomes from Northern China Suggest Links Between Subsistence Changes and Human Migration. *Nature Communications*. 2020. Vol. 11. No. 1. URL: https://www.nature.com/articles/s41467-020-16557-2 (accessed 29.09.2023)

Pagani L., Lawson D. J., Jagoda E., et al. Genomic Analyses Inform on Migration Events During the Peopling of Eurasia. *Nature.* 2016. Vol. 538. No. 7624. Pp. 238–242.

Raghavan M., Skoglund P., Graf K. E., et al. Upper Palaeolithic Siberian Genome Reveals Dual Ancestry of Native Americans. *Nature.* 2014. Vol. 505. No. 7481. Pp. 87–91.

Robbeets M., Bouckaert R., Conte M. et al. Triangulation Supports Agricultural Spread of the Transeurasian Languages. *Nature.* 2021. Vol. 599. No. 7886. Pp. 616–621.

Scoglund P., Posth C., Sirak K., Spriggs M., Valentin F., Bedford S., Clark G. R., Reepmeyer C., Petchey F., Fernandes D., Fu Q., Harney E., Lipson M., Mallick S., Novak M., Rohland N., Stewardson K., Abdullah S., Cox M. P., Friedlaender F. R., Friedlaender J. S., Kivisild T., Koki G., Kusuma P., Merriwether D. A., Ricaut F. X., Wee J. T., Patterson N., Krause J., Pinhasi R., Reich D. Genomic Insights into the Peopling of the Southwest Pacific. *Nature*. 2016. Vol. 538. No. 7626. Pp. 510–513.

Shen G., Wang W., Wang Q., Zhao J., Collerson K., Zhou C., Tobias P. V. U-Series Dating of Liujiang Hominid Site in Guangxi, Southern China. *Journal of Human Evolution*. 2002. Vol. 43. No. 6. Pp. 817–829.

Sikora M., Pitulko V. V., Sousa V. C., Allentoft M. E., Vinner L., Rasmussen S., Margaryan A., de Barros Damgaard P., de la Fuente C., Renaud G., Yang M. A., Fu Q., Dupanloup I., Giampoudakis K., Nogués-Bravo D., Rahbek C., Kroonen G., Peyrot M., McColl H., Vasilyev S. V., Veselovskaya E., Gerasimova M., Pavlova E. Y., Chasnyk V. G., Nikolskiy PA., Gromov A. V., Khartanovich V. I., Moiseyev V., Grebenyuk P. S., Fedorchenko A. Y., Lebedintsev A. I., Slobodin S. B., Malyarchuk B. A., Martiniano R., Meldgaard M., Arppe L., Palo J. U., Sundell T., Mannermaa K., Putkonen M., Alexandersen V., Primeau C., Baimukhanov N., Malhi R. S., Sjögren K. G., Kristiansen K., Wessman A., Sajantila A., Lahr M. M., Durbin R., Nielsen R., Meltzer D. J., Excoffier L., Willerslev E. The Population History of Northeastern Siberia since the Pleistocene. *Nature.* 2019. Vol. 570. No. 7760. Pp. 182–188.

Tamang R., Chaubey G., Nandan A., Govindaraj P., Singh V. K., Rai N., Mallick C. B., Sharma V., Sharma V. K., Shah A. M., Lalremruata A., Reddy A. G., Rani D.S., Doviah P., Negi N., Hadid Y., Pande V., Vishnupriya S., van Driem G., Behar D. M., Sharma T., Singh L., Villems R., Thangaraj K. Reconstructing the Demographic History of the Himalayan and Adjoining Populations. *Human Genetics.* 2018. Vol. 137. No. 2. Pp. 129–139.

Vallini L., Marciani G., Aneli S., Bortolini E., Benazzi S., Pievani T., Pagani L. Genetics and Material Culture Support Repeated Expansions into Paleolithic Eurasia from a Population Hub out of Africa. *Genome Biology and Evolution.* 2022. Vol. 14. No. 4. URL: https://academic.oup.com/gbe/article/14/4/evac045/6563828 (accessed 29.09.2023).

Wang C. C., Yeh H. Y., Popov A. N., Zhang H. Q., Matsumura H., Sirak K., Cheronet O., Kovalev A., Rohland N., Kim A. M., Mallick S., Bernardos R., Tumen D., Zhao J., Liu Y. C., Liu J. Y., Mah M., Wang .K., Zhang Z., Adamski N., Broomandkhoshbacht N., Callan K., Candilio F., Carlson K. S. D., Culleton B. J., Eccles L., Freilich S., Keating D., Lawson A. M., Mandl K., Michel M., Oppenheimer J., Özdoğan K. T., Stewardson K., Wen S., Yan S., Zalzala F., Chuang R., Huang C. J., Looh H., Shiung C. C., Nikitin Y. G., Tabarev A. V., Tishkin A. A., Lin S., Sun Z. Y., Wu X. M., Yang T. L., Hu X., Chen L., Du H., Bayarsaikhan J., Mijiddorj E., Erdenebaatar D., Iderkhangai TO., Myagmar E., Kanzawa-Kiriyama H., Nishino M.,

Shinoda KI., Shubina O. A., Guo J., Cai W., Deng Q., Kang L., Li D., Li D., Lin R., Nini, Shrestha R., Wang L. X., Wei L., Xie G., Yao H., Zhang M., He G., Yang X., Hu R., Robbeets M., Schiffels S., Kennett DJ., Jin L., Li H., Krause J., Pinhasi R., Reich D. Genomic Insights into the Formation of Human Populations in East Asia. *Nature.* 2021. Vol. 591. No. 7850. Pp. 413–419.

Wang K., Yu H., Radzevičiūtė R., Kiryushin Y. F., Tishkin A. A., Frolov Y. V., Stepanova N. F., Kiryushin K. Y., Kungurov A. L., Shnaider S. V., Tur S. S., Tiunov M. P., Zubova A. V., Pevzner M., Karimov T., Buzhilova A., Slon V., Jeong C., Krause J., Posth C. Middle Holocene Siberian Genomes Reveal Highly Connected Gene Pools throughout North Asia. *Current Biology.* 2023. Vol. 33. No. 3. Pp. 423–433.

Watanabe Y., Ohashi J. Modern Japanese ancestry-derived variants reveal the formation process of the current Japanese regional gradations. *iScience.* 2023. 26. Issue 3. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2589004223002079 (accessed 29.09.2023).

Wen B., Li H., Lu D., Song X., Zhang F., He Y., Li F., Gao Y., Mao X., Zhang L., Qian J., Tan J., Jin J., Huang W., Deka R., Su B., Chakraborty R., Jin L. Genetic Evidence Supports Demic Diffusion of Han Culture. *Nature.* 2004. Vol. 431. No. 7006. Pp. 302–305.

Yang M. A., Fan X., Sun B., et al. Ancient DNA Indicates Human Population Shifts and Admixture in Northern and Southern China. *Science.* 2020. No. 369. Vol. 6501. Pp. 282–288.

Yang M. A., Gao X., Theunert C. et al. 40,000-Year-Old Individual from Asia Provides Insight into Early Population Structure in Eurasia. *Current Biology.* 2017. Vol. 27. No. 20. Pp. 3202–3208.

Yu H., Spyrou M. A., Karapetian M., Shnaider S., Radzevičiūtė R., Nägele K., Neumann G. U., Penske S., Zech J., Lucas M., LeRoux P., Roberts P., Pavlenok G., Buzhilova A., Posth C., Jeong C., Krause J. Paleolithic to Bronze Age Siberians Reveal Connections with First Americans and Across Eurasia. *Cell.* 2020. Vol. 181. No. 6. Pp. 1232–1245.

Zhang Z., Zhang Y., Wang Y., Zhao Z., Yang M., Zhang L., Zhou B., Xu B., Zhang H., Chen T., Dai W., Zhou Y., Shi S., Nielsen R., Li S. C., Li S. The Tibetan-Yi Region Is Both a Corridor and a Barrier for Human Gene Flow. *Cell Reports.* 2022. Vol. 39. No. 4. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2211124722004818 (accessed 29.09.2023).

DOI: 10.18254/S268684310028132-3

«Повелитель Золотой черепахи», или Надписи на мьянманских лаках из собрания Государственного музея Востока

"Lord of the Gold Turtle", or The Myanmar Lacquers' Inscriptions from the State Museum of Oriental Art Collection

© 2023 **Наталья Анатольевна Гожева**

кандидат искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного музея Востока, Москва, Россия
natalina38@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-6068-9546

Natalia A. Gozheva

PhD (Art History), Principal Research Fellow, State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia
natalina38@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-6068-9546

Особенности своеобразной «лаковой эпиграфики» Мьянмы, т. е. надписей на лаках, рассматриваются в статье на примерах произведений из собрания Государственного музея Востока. Появление надписей на предметах лакового искусства, называемого в Мьянме *пан-юн*, восходит к древней традиции сопровождения донаторскими текстами культовых памятников, что было во многом связано с буддийской идеей приобретения заслуг, влияющих на будущую жизнь человека. В средневековый период надписи на лаках наносились в основном на предметы религиозного назначения, и только в XX столетии они становятся традиционными и в бытовой сфере. Лаковая «эпиграфика» содержит благопожелания, комментарии сюжетных сцен, сообщения о традиционности и высоком качестве изделий, место изготовления, название мастерской, имя заказчика или мастера и реже — дату изготовления. Анализ надписей при-

водит автора к выводу, что в целом они остаются в рамках буддийской парадигмы накопления и передачи религиозных заслуг.

Ключевые слова: Мьянма, лаковое искусство *пан-юн*, надписи, Паган, религиозная заслуга

Для цитирования: Гожева Н. А. «Повелитель Золотой черепахи», или Надписи на мьянманских лаках из собрания Государственного музея Востока. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2023. № 3. С. 180–195. DOI: 10.18254/S268684310028132-3

Features of the peculiar “lacquer epigraphy” of Myanmar, i. e. lacquer inscriptions are considered in the paper on examples of artworks from the collection of the State Museum of Oriental Art. The appearance of inscriptions in lacquer art, called *pan-yun* in Myanmar, dates to the ancient tradition of accompanying cult monuments with donor texts, which was largely associated with the Buddhist idea of acquiring merit that affects a person’s future life. In the medieval period, lacquerware’s inscriptions were applied mainly to religious objects, and only in the 20th century did they become traditional in the domestic sphere as well. The “lacquer epigraphy” contains good wishes, comments on pictorial narratives, messages about the traditional and high quality of products, the place of manufacture, the name of the workshop, customer, or master, and less often, the date of production. An analysis of the inscriptions leads the author to the conclusion that, overall, they remain within the Buddhist paradigm of accumulating and passing on religious merit.

Keywords: Myanmar, pan-yun lacquer art, inscriptions, Bagan, religious merit

For citation: Gozheva Natalia A. “Lord of the Gold Turtle”, or The Myanmar Lacquers’ Inscriptions from the State Museum of Oriental Art Collection. *Oriental Courier.* 2023. No. 3. Pp. 180–195. DOI: 10.18254/S268684310028132-3

По классификации некоторых культурологов Мьянмы лаковое искусство относится к главным традиционным видам мьянманского художественного творчества наряду с зодчеством, скульптурой, живописью и рядом ремесел, объединенных термином *пан-схэмьоу* — «десять цветов искусства»[1]. В этом соцветии лаковое ремесло — *пан-юн* — считается одним из важных видов искусства, ярко отражающих особенности национальной культуры.[2]

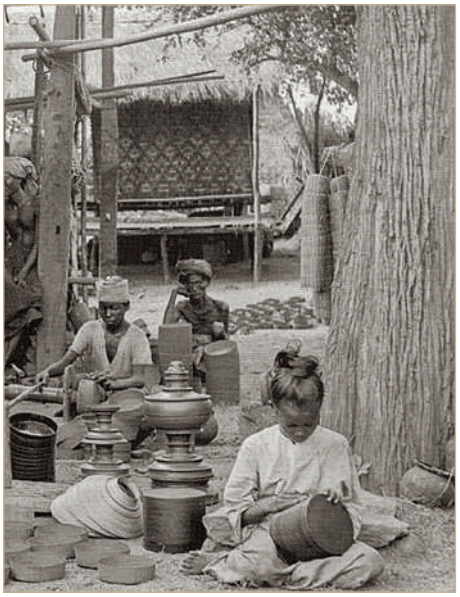
На превосходное качество лаков Мьянмы обращали внимание еще представители Великобритании, покорившей эту страну в XIX в. Так, английский дипломат Генри Берни, составивший в 1832 г. первый европейский отчет о лаковом производстве Авы (Мьянмы) [Burney, 1832][3], отмечал, что лаковые произведения «отличаются легкостью и элегантностью форм, превосходным блеском лака и красок»[4]. Позднее европейские фотографы не раз запечатле-

1 В десятку традиционных искусств входят: *пан-ян* (кирпичная и каменная архитектура), *пан-чи* (живопись), *пан-то* (стуковый декор), *пан-тамо* (каменная скульптура), *пан-бу* (архитектура и скульптура из дерева и слоновой кости), *пан-тейн* (торевтика и ювелирное искусство), *пан-тин* (художественный металл), *пан-бе* (кузнечное дело), *пан-юн* (лаковое искусство), *пан-пут* (токарное ремесло) [Than Htaik, 2002, p. 183; *Десять цветов искусств*, 2017, с. 14–15]. Возможно, идея объединения видов искусств в *пан-схэмьоу* пришла в Мьянму из Сиама, где еще в эпоху Аюттхаи (XIV–XVIII вв.) возникло понятие о «десяти главных искусствах» [Simatrang, 2002, p. 140].

2 В 2020 г. в Республике Союз Мьянма даже была выпущена серия марок, посвященная всем десяти видам искусств и ремесел, в том числе и *пан-юн*.

3 Г. Берни (1792–1845) служил в качестве британского резидента в 1830–1837 гг. в Аве (Инве), бывшей в 1823–1841 гг. центром страны, которую традиционно называли именем столицы. Называя в статье лаки «японскими», Берни имел в виду общие технологические особенности лакового искусства Мьянмы и Японии, поскольку в отличие от известных тогда на Западе японских лаков, о мьянманских не знали практически ничего.

4 В цитате речь идет о лаковых изделиях из штата Шан. Цит. по: [Isaacs, Blurton, 2000, p. 41].



Илл 1. **Лаковая мастерская в Пагане**
Фото ок. 1890 г.
Fig. 1. **Lacquer workshop in Pagan**
Photo ca. 1890
Source: URL: https://www.burmese-buddhas.com/burma/story-of-burmese-lacquerware/ (accessed 30.06.2023)

вали сложный и трудоемкий процесс создания *юндэ* — лаковых изделий (*Илл. 1*).

Своеобразной чертой *пан-юн* является включение в дизайн некоторых изделий надписей, что наблюдается еще в ряде ремесел Мьянмы, например в торевтике, изготовлении колоколов, холодного оружия. Нельзя сказать, что это чисто мьянманская оригинальная традиция. Довольно часто, например, встречаются надписи на предметах декоративно-прикладного искусства в странах Ближнего Востока. Однако в сфере лакового производства Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии эта черта присуща, пожалуй, только изделиям Мьянмы.

Истоки «лаковой эпиграфики» восходят к возникшей еще в I тыс. н. э. традиции сопровождения донаторскими текстами культовых произведений, которая получила большое распространение с периода образования Паганской политии (XI–XIII вв.). Во многом это связано с принятием основателем политии, государем Пагана Анойатхой (ок. 1044 — ок. 1077) буддизма тхеравады в качестве государственной религии. Идея приобретения религиозных заслуг, благотворно влияющих на карму человека, на его будущее перерождение, проникла тогда во все слои общества. Начиная с короля, каждый житель столицы вносил посильный вклад в создание буддийских памятников. Многочисленные паганские надписи на каменных стелах и керамических вотивных таблицах (на языках мон, пали, пью, реже на санскрите, а с XII в. и на бирманском[5]) в основном восхваляют религиозные деяния во славу *сасаны* — учения Будды. Причем упоминаемые в текстах имена относятся, как правило, не к авторам памятников, а к донаторам, к тем, кто совершил пожертвование на создание священной статуи Будды, буддийского сооружения или культового предмета[6]. Примером подобной донаторской надписи может

5 Первой надписью на бирманском считается текст на знаменитой стеле Мьязэди 1112–1113 гг., обнаруженной в 1886 г. в Пагане. На четырех ее гранях выбиты одинаковые тексты на языках пью, мон, пали и бирманском. Стелу называют «бирманским розеттским камнем», ибо она позволила дешифровать давно забытый к тому времени язык пью.

6 В Пагане, столице первого мьянманского государства, обнаружено около 750 эпиграфических текстов, большинство из которых являются донаторскими. Изучение надписей до XIX в. было спорадическим, только в конце коунбаунской эпохи (1752–1885) возник серьезный научный интерес к этой области. На первом этапе в ней более всего преуспели ученые Г. Х. Люс (1889–1979) и У Пе Маун Тин (1888–1973) [Luce, U Pe Maung Tin, 1933–1956]. Позднее исследования были продолжены Археологическим департаментом, а затем Департаментом истори-

Илл. 2. **Вотивная таблица с изображением пяти будд.** Мьянма, г. Паган. XII–XIII вв. Глина, обжиг
© Собрание ГМВ, инв. № 5357 II
В монской надписи на таблице сообщается, что ее донатор — Матраджикар, правитель Матры
Fig. 2. **Votive tablet depicting the Five Buddhas.** Myanmar, Pagan. 12th–13th centuries. Baked clay
© SMOA Collection, Inv. No. 5357 II
The Mon inscription on the tablet says that it was donated by Matrajikar, the ruler of Matra

служить вотивная таблица XII–XIII вв. из собрания Музея Востока, на которой на монском языке написано: «*Этот Будда-мудрец был создан (?) Матраджикаром* [правителем Матры]» (*Илл. 2*)[7].

В лаковом искусстве надписи сначала были чрезвычайно редки, и наносились обычно на предметы религиозного назначения, как, к примеру, на хранящуюся в Британском музее великолепно выполненную панель от сундука *садай* для манускриптов, датируемую концом XVIII – началом XIX в. (инв. № OA 1995 4–5.1). Помещенный на ней вверху большой текст носит типично буддийский характер, и в нем среди дарителей сундука монастырской библиотеке фигурирует имя его создательницы Ма Пху (что бывает редко на таких предметах). В тексте подчеркивается, что религиозную заслугу, полученную в результате этого «благого дела», она, ее муж и вся их семья разделяет «со всеми небесными и человеческими существами»[8]. Кроме того, в изобразительное пространство панели включено большое количество сделанных курсивом на бирманском языке надписей, которые поясняют сюжетные сцены, посвященные джатаке «Махосадха»[9]. Обозначение донаторов и комментирование визуальных нарративов в культовых памятниках, в целом характерные для средневекового искусства большинства стран, в Мьянме сохраняются до настоящего времени.

На бытовых лаковых изделиях надписи появляются спорадически и лишь с начала XX столетия становятся традиционными. Чаще всего их наносят на произведения, декорированные в технике полихромной гравировки (бирм. *юн*), считающейся наиболее оригинальной в лаковом искусстве Мьянмы. Выполненные желтым цветом небольшие тексты располагают обычно в черных картушах (иногда в красных) среди орнаментальных фризов в верхней и нижней частях предметов, на крышке или донышке (*Илл. 3*). Иногда их размещают не в картуше, без рамки или в виде арки, обрамляющей сюжетную сцену. Надписи на черно-золотых лаках, украшенных в технике *швейзэва* («золотой листок»), встречаются намного реже, как и позолоченная барельефная лепка букв и знаков из лаковой мастики (техника *тайо швейчха*)[10]. Тематика «лаковой эпиграфики» довольно обширна: она может содержать благопожелания и посвящения, комментарии сюжетных сцен, сообщения о традиционности и высоком качестве изделий

ческих исследований Министерства по делам религии и культуры Мьянмы (МРК). Подробнее об изучении надписей Мьянмы см. в статье Т. Фрэша [Frasch, 2018].

7 Таблица была передана Музею Востока в 1976 г. в результате обмена художественными произведениями между Министерством культуры СССР и Министерством по делам религии и культуры Социалистической Республики Бирманский Союз (с 2010 г. Республика Союз Мьянма). Таблица атрибуирована по идентичным паганским вотивным таблицам XII–XIII вв., которые были опубликованы с переводом надписи Г. Люсом [Luce, vol. 2, 1939, p. 51; vol. 3, 1939, Pl. 62 a, b].

8 Панель сундука и перевод надписи с бирманского языка на английский опубликованы в книге «Образы Золотой страны. Бирма и лаковое искусство» [Isaacs, Blurton, 2000, Cat. 102, p. 158]. «Лаковое произведение, подаренное библиотеке, выполнено женой Ко Та Кауна из деревни Пхо Тейн Тан. Это благое дело, дар библиотеке, совершено Ко Та Кауном из деревни Пхо Тейн Тан, его женой Ма Пху, дочерью и всей их семьей с целью достижения ниббаны [нирваны]. Мы разделяем эту заслугу со всеми небесными и человеческими существами, и пусть это доброе дело вызовет у них одобрение: ‘Отлично сделано (*тадy*)’. Да достигнем мы благодаря нашим заслугам ниббаны, где исчезнут все загрязнения. Да обретем мы божественное зрение, с помощью которого сможем увидеть цикл перерождений, судьбу существ и процесс искоренения всей скверны» (переведено с английского автором статьи).

9 Джатака «Махосадха» (бирм. «Махотада»), рассказывающая о красноречивом мудреце-пандите Видхуре, входит в «Маханипата-джатаку» («Десять великих историй рождения Будды») из собрания «Джатака», включенного в «Сутта-питаку» — вторую часть канона «Типитака».

10 В данной статье не рассматривается техника создания лаковых манускриптов (они отсутствуют в коллекции ГМВ), тексты на которых нередко писались поверх целиком орнаментированных методом *швейзэва* длинных пластин. Подробнее о технологии лакового производства см. [Fraser-Lu, 1985, p. 19–32; Fraser-Lu, 1994, p. 222–245; Isaacs, Blurton, 2000, p. 31–40; Гожева, 2023, с. 16–33].

Илл. 3. **Чарутница (сигаретница)**
Мьянма, г. Паган, район Чаунхмо, мастер У Ба Тин. 1960 – начало 1970-х гг.
Бамбук, лак, полихромная гравировка
© Собрание ГМВ, инв. № 5763/1–2 II
Fig. 3. ***Cheroot* (Cigarette) box**
Myanmar, Pagan, Kyaunhmo Ward, master U Ba Tin, 1960s – early 1970s
Bamboo, lacquer, polychrome incised technique
© SMOA Collection, Inv. No. 5763/1–2 II

(так называемые демонстративные надписи), место изготовления, название мастерской, имя заказчика или мастера и гораздо реже — дату изготовления (атрибутивные надписи).

Художники Мьянмы стали «подписывать» свои произведения и ставить на них знак или торговую марку мастерской, главным образом под влиянием европейской культуры. Одним из стимулов для возникновения этой традиции стало участие бирманских мастеров в грандиозной Индийской выставке художественных ремесел 1902–1903 гг. в Дели, приуроченной к так называемому Имперскому *дурбару*[11]. Во время подготовки к этому событию представители британских колониальных властей в Мьянме посещали лаковые центры, отбирали лучшие произведения и просили мастеров выгравировать на них свои имена. Это необходимо, как им объясняли, если их работы будут отмечены призами, медалями или сертификатами качества. И часть из них действительно получила выставочные награды [Isaacs, Blurton, 2000, p. 42–43, 82–83]. Надо отметить, что отбор изделий происходил в основном в Пагане — крупнейшем лаковом центре страны. Именно здесь закрепился обычай нанесения авторских подписей и другого рода текстов на лаковые произведения, который восприняли, хотя и в меньшей степени, мастера других лаковых школ[12].

Конечно, большинство лаковых изделий XX – начала XXI вв., особенно бытовых, не являются авторскими, и далеко не на всех из них есть надписи. Около 70 имен художников обнаружили английские ученые Р. Айзэкс и Р. Бластон при исследовании паганской лаковой продукции XX в., находящейся в музейных и частных собраниях [Isaacs, Blurton, 2000, p. 42–45, 230–232]. Следует, однако, заметить, что они анализировали лаки, имеющие, как правило, исторически подтвержденный провенанс, которые коллекционеры собирали целенаправленно, отдавая предпочтение не только высоко-

11 Этот *дурбар* (от перс. «царский двор, аудиенция») проводился в Дели по случаю провозглашения 1 января 1903 г. короля Великобритании и Ирландии Эдуарда VII (1901–1910) императором Британской Индии и сопровождался пышными торжествами, ярмарочными и выставочными мероприятиями.

12 Значимую роль в распространении «лаковой эпиграфики» сыграла в дальнейшем основанная в 1924 г. Государственная лаковая школа в Пагане [Fraser-Lu, 1986, p. 116], переименованная в 2003 г. в Паганский колледж лакового искусства.

Илл. 4. **Коробка *кун-и* для бетеля**
Мьянма, г. Паган, мастерская «Свет золотой луны», мастер Чи
1972 г. Бамбук, лак, полихромная гравировка
© Собрание ГМВ, инв. № 5759/1–4II
Fig. 4. **Betel-box *kun-it***
Pagan, «Golden Moonlight Lacquerware» workshop, master Kyi, 1972. Bamboo, lacquer, polychrome incised technique
© SMOA collection, Inv. No. 5759/1–4II

художественным, но и подписным вещам (что нередко совпадало). В небольшой коллекции Музея Востока из 170 произведений только на 22 присутствуют надписи, и лишь в восьми из них содержатся имена мастеров или владельцев мастерской. В авторской подписи перед собственным именем часто ставится возрастная частица, которая по укоренившейся в Мьянме традиции меняется у человека в течение жизни в зависимости от возраста, пола и статуса в обществе. Мужскому имени сначала предшествует «Маун» (младший брат), потом «Коу» (старший брат), а далее «У» (дядя, господин). Перед женскими именами обычно стоит «Ма» (сестра) и «До» (тетя, госпожа)[13]. Поэтому может оказаться, например, что Маун Тин Тун, Коу Тин Тун, У Тин Тун или просто Тин Тун — это один и тот же человек в разные периоды жизни, что важно учитывать при прочтении имен на лаковых изделиях и их атрибуции.

Нередко перед именем пишется слово «схэя» — «мастер, учитель», которое используется как с возрастной частицей, так и без нее. Например, на музейной коробке *кун-и* для бетеля[14], покрытой редким для таких предметов терракотово-красным лаком, в верхних картушах написано: «*Схэя Чи*», т. е. «*Мастер Чи*», и название лакового центра «*Швейлайаун юндэ*» (*Лаковое изделие [из мастерской]* ‘*Свет золотой луны*’) (*Илл. 4*). Необходимо учитывать, что указанное имя не всегда говорит о том, что подписное изделие сделано целиком одним человеком, поскольку его создание — это коллективный труд нескольких специализирующихся на разных процессах ремесленников. Скорее всего, это имя главного мастера-дизайнера, руководившего всем процессом и подписавшего его на последнем этапе декорировки изделия. Он может быть одновременно и владельцем мастерской, что типично для небольших производств. В нижнем картуше

13 Подробнее об особенностях бирманской антропонимики см. [Западова, 1980, с. 42–44].

14 Коробки *кун-и* для ингредиентов бетельной смеси являются одними из самых распространенных среди бытовых лаковых изделий. *Кун-и* традиционно имеет цилиндрическую форму, глубокую крышку и один или два вкладыша-подноса *пхэла*. Чтобы сделать бетельную жвачку *кунью*, известковой пастой намазывают лист бетеля (*Piper betle*), кладут на него измельченные орешки арековой пальмы (*Areca catechu*) и добавляют по вкусу специи: кардамон, анис, куркуму, гвоздику, сладкий корень лакричника, кожуру лимона и др. [Than Htun, 2013, p. 18].

Илл. 5–6. **Надписи на блюде *тхамин-оу*: *«Магазин-мастерская традиционных мьянманских лаков ‘Повелитель Золотой черепахи’»* и *«Паган, около ступы Бупхэя. 1350 г.»*.** Мьянма, г. Паган. 1988 г. Бамбук, лак, полихромная гравировка. © Собрание ГМВ, инв. № 8590/1–2II

Fig. 5–6. **Inscriptions on the *htamin-ok* bowl: *“Workshop of the traditional Myanmar lacquerware ‘Lord of Golden Turtle’” and “Pagan, Buhpaya stupa vicinity*, 1350”.** Myanmar, Pagan, 1988. Bamboo, lacquer, polychrome incised technique © SMOA collection, Inv. No. 8590/1–2II

этой же коробки указана дата по так называемой мьянманской эре — «1334», что соответствует 1972 г. григорианского календаря[15].

Использование местного летосчисления является давней традицией, и с датами по мьянманскому календарю до сих пор нередко выходят публикуемые в Мьянме книги. Так же датировано музейное блюдо с крышкой *тхамин-оу*, которое предназначено для подачи на стол вареного риса и других горячих блюд (*Илл. 5–6*). В двух надписях на его широком бортике можно прочитать и год создания изделия (1350 г. мьянманской эры, т. е. 1988 г.), и название другой известной паганской мастерской — «Повелитель Золотой черепахи». Владелец этого лакового производства не случайно дал ему такое имя, поскольку в мьянманской мифологии полисемантичный образ черепахи связан не только с символикой защиты, достатка и плодородия, но и с представлением о космологической роли гигантской черепахи, на которой держится Вселенная. Определение «золотая» ассоциируется с Суваннабхуми — «Золотой землей», которой, по мнению мьянманцев, и является их страна[16]. К тому же мастерская находилась в королевской части города, недалеко от ступы Бупхэя (IX в.)[17], что также указано в надписи, и «Повелитель», по-видимому, мыслился как обобщенный символ паганского государя.

Авторским является блюдо с крышкой для любимого мьянманцами кушанья *лэпхэ* — маринованных чайных листьев — или для других салатов (инв. № 5765/1–2 II). Съемная крышка украшена астрологическим узором *чжо-шилон*: это круговая композиция с изображениями в многолепестковых медальонах восьми животных — символов планет и дней недели. В этом очень популярном в искусстве Мьянмы орнаменте нашли отражение мифологические представления и ритуальная практика, связанная с культом планет[18]. На стенке крышки блюда есть два черных картуша, и один из них содержит

15 Мьянманская эра, согласно хроникам, была введена пьюским государем Сораханом из Шрикшетры и начинается она с 22 марта 638 г. См. Burmese Calendar. *Wikipedia*. URl: https://en.wikipedia.org/wiki/Burmese_calendar (accessed 22.04.2023).

16 Большинство ученых соотносит название Суваннабхуми (санскр. Суварнабхуми), которое встречается в ряде канонических и постканонических буддийских текстах («Джатака», «Маханиддеса», «Милиндапанха», цейлонская хроника «Махавамса» и др.), с южными территориями Мьянмы, Таиланда и частично с островами Малайского архипелага [Moure, San Win, 2007, p. 202–204; Revire, 2018, p. 167–170; Всеволодов, 1978, с. 15]. Однако точное расположение Суваннабхуми до сих пор остается предметом дискуссии.

17 В 1991 г. мастерская переехала в Новый Паган, поселение к югу от археологической зоны старого Пагана.

18 Согласно традиционной мьянманской космографии, в нашей Вселенной существует девять планет и каждой из

Илл. 7–8. **Надписи на столешнице: «*Схэя У Кан Эй. Паган, Тайсуя*» и «*Мастерская по производству старых лаков*».** Мьянма, г. Паган, район Тайсуя. Мастер У Кан Эй. 1950-е гг. Дерево, лак, полихромная гравировка
© Собрание ГМВ, инв. № 7368 II

Fig. 7–8. **Inscriptions on the table-top: "*Hsaya U Kan Aye. Pagan, Taiksuya*" and "*Old lacquerware workshop*"**
Myanmar, Pagan, Taiksuya Ward, master U Kan Aye. 1950s. Wood, lacquer, polychrome incised technique
© SMOA collection, Inv. No. 7368 II

надпись с указанием имени мастера — «*У Пха Та*». Второй картуш пустой, где, вероятно, также предполагалось размещение текста, но по каким-то причинам не было сделано. Надо сказать, что пустые картуши есть и на ряде других музейных лаковых предметах. Возможно, это просто следование сложившейся изобразительной схеме, и осмыслялось как один из орнаментальных элементов. Тем не менее такие картуши явно указывают на их первоначальное назначение.

Довольно часто в надписях на лаках содержится сообщение о превосходном качестве и традиционности созданного произведения. В музее хранится стол типа *даун-лан* со съемной восьмиугольной крышкой и складными ножками, покрытый черным лаком и украшенный гравированными узорами желтого, сине-зеленого и красного цветов. В центре столешницы помещен профильный силуэт мифической утки *хинты* с пышным хвостом и драгоценностью в клюве, окруженной повторяющимися изображениями скачущих всадников и бегущих среди пальм людей с расставленными в стороны руками[19]. А на широком бордюре столешницы вверху среди растительных арабесок и фигурок бегущих животных в черном картуше написано: «*Схэя* [*мастер*] *У Кан Эй. Паган, Тайсуя* [*район*]». Внизу, в другом картуше, симметрично расположенном напротив первого, вторая надпись: «*Мастерская по производству старых лаков*», т. е. выполненных с соблюдением старинной технологии, что само по себе рассматривалось мьянманцами как знак качества (*Илл. 7–8*).

Наиболее содержательны и пространны надписи, комментирующие нарративные изобра-

них соответствуют один из дней недели, сторона света и животное. А поскольку в неделе всего семь дней, астрологи вставили «дополнительный день», позаимствовав часть суток у среды и четверга. Цепочка соответствий выглядит так: Солнце — воскресенье, северо-восток, птица *галоун*; Луна — понедельник, восток, тигр; Марс — вторник, юго-восток, лев *чинтэ*; Меркурий — среда до заката солнца, юг, слон; мифическая планета Яху (Раху) — от заката солнца в среду до восхода в четверг, северо-запад, слониха без бивней; Юпитер — четверг от восхода солнца, запад, крыса; Венера — пятница, север, морская свинка; Сатурн — суббота, юго-запад, змей *нага* [Ожегов, 1970, с. 114].

19 Орнамент, в котором растительные мотивы гармонично сочетаются с изображениями бегущих людей, всадников и животных, называется *пабве-йоуле* и его можно условно трактовать как «сцены охоты».

Илл. 9. **Фрагмент лаковой картины «*Знаменательные встречи будущего Будды*»**
Мьянма, г. Паган. 1960–1970-е гг. Дерево, лак, полихромная гравировка
© Собрание ГМВ, инв. № 8150 II
Fig. 9. **Fragment of the lacquer picture “Notable Encounters of the Future Buddha”**
Myanmar, Pagan, 1960–1970s. Wood, lacquer, polychrome incised technique
© SMOA collection, Inv. No. 8150 II

жения. Как правило, это буддийские легенды, сказания, хроникальные предания. Ярким образцом такой «лаковой эпиграфики» может служить музейная картина со сценами из жизни Будды. Разделенное орнаментальными рамками на четыре части квадратное панно иллюстрирует важные эпизоды из жизнеописания принца Тейдатхи (Сиддхартхи), будущего Будды. Это момент рождения принца, происходящий в роще Лумбини, состязание женихов, в котором герой побеждает в стрельбе из лука, свадьба Тейдатхи и принцессы Ятодэи (Ясодхары) и так называемые знаменательные встречи. Текстовые пояснения к этим сценам помещены в верхней части каждого квадрата, причем три из них соответствуют сюжетному изображению, а четвертая, последняя, обозначена как «*Уход Тейдатхи из дворца в лес*» (*Илл. 9*). В действительности здесь показаны три из знаменательных встреч будущего Будды — со старцем, больным и монахом, тогда как эпизод ухода его из дворца в лес имеет совсем иную иконографию[20]. Мастер следовал традиционному фризообразному расположению текста, восходящему еще к нарративным росписям Пагана. Но в отличие от живописных надписей, которые отделялись от изображения обычно простыми линиями, изречения на этой картине заключены в узкие длинные картуши, что часто, как уже упоминалось, встречается на лаках, выполненных в технике полихромной гравировки.

Однако на небольших картинах, на донышках и крышках бытовых изделий комментирующие изобразительную сцену слова могут помещаться без обрамляющей рамки. Таков триптих из небольших лаковых пластин, рисующих девушек в старинных одеяниях. На двух из них обозначены только имена бирманок — «Мати» и «Мала», а надпись на третьей гласит: «Девушка, делающая макияж в паганском стиле» (*Илл. 10*). И действительно, созданный художником женский образ напоминает красавиц с настенных росписей Пагана. Стоит она в сложной позе с S-образно изогнутым торсом, со слегка повернутой влево головой и поднятой правой рукой, которой она красит брови. И одета девушка по «паганской моде». На ней несшитая юбка *тхэмейн-нангве* с геометрическими и растительными узорами, спущенная ниже пупка и подхваченная поясом, короткая облегающая блузка *ийнкхан* и длинный узкий шарф *пава*, переброшенный через плечи.

Единственным примером надписи в технике *швейзэва* в музейной коллекции является декоративная пластина с позолоченным рельефным изображением процессии музыкантов, одетых в национальные костюмы народа акха и играющих на традиционных инструментах (*Илл. 11–12*). На обратной стороне пластины в продолговатом «клейме» из сусального золота написано: «*Тяйнтоун сто*» («*Магазин Тяйнтоуна*»). Тяйнтоун — бирманское имя Кенгтунга, крупного города на юге штата Шан (Верхняя Мьянма). Владелец магазина и мастерской, где в конце 1960-х гг. было сделано это изделие, происходил, по-видимому, из семьи потомственных мастеров, принадлежавших к тайскому этносу кхын[21]. А так как в окрестностях города издавна проживали и другие народы, прежде всего тибето-бирманские акха, то, несомненно, их своеобразные обычаи и костюмы вдохновили мастера на создание ярких образов на этой декоративной пластине.

На двух предметах коллекции надписи сделаны на бумажных наклейках, а одна на металлической пластине. Судя по включению в них марки торгового предприятия, его адреса и имени

20 В сцене тайного ухода принца ночью из дворца его изображают обычно едущим на своем коне Кантхаке, копыта которого поддерживают четыре божества, чтобы стук копыт не разбудил королевскую стражу и не помешал будущему Будде покинуть дворец. Такая иконография сюжета утвердилась в мьянманском изобразительном искусстве с паганской эпохи, и одним из самых ранних ее примеров является каменный рельеф конца XI – начала XII вв. из храма Ананды в Пагане [Stadtner, 2005, p. 112].

21 В XV–XIX вв. Кенгтунг был центром княжества Мыанг кхын (Страна кхынов), поскольку тайский этнос кхын имел в ней титульный статус. В 2011 г. мне посчастливилось побывать в этом городе и посетить мастерскую-магазин, который назывался «Шанские традиционные искусства». На стене центрального зала магазина висела почти точно такая же пластина, как музейная.

Илл. 10. **Девушка, делающая макияж в паганском стиле.** Мьянма, г. Паган, 1960-е – начало 1970-х гг. Бамбук (дерево?), лак, полихромная гравировка. © Собрание ГМВ, инв. № 6593 II
Fig. 10. **Girl, Applying Make-up in Pagan Style.** Myanmar, Pagan, 1960 – the beginning of 1970s Bamboo (wood), lacquer, polychrome incised technique. © SMOA collection, Inv. No. 6593 II

Илл. 11–12. **Декоративная пластина с изображением музыкантов народа акха с надписью «Тяйнтоун»** Штат Шан, г. Кенгтунг, мастерская «Тяйнтоун». Конец 1960-х гг. Дерево, лак, сусальное золото, резьба, техника *тайо швейчха* и *швейзэва*. © Собрание ГМВ, инв. № 5755 II
Fig. 11–12. **Decorative panel depicting musicians of Akha people with inscription "Kyainton"** Myanmar, Shan State, Kengtung, workshop «Kyainton», late 1960s. Wood, lacquer, gold leaf, carving, *thayo shweicha* and *shweisawa* technique. © SMOA collection, Inv. No. 5755 II

Илл. 13–14. **Сосуд *схун-оу* для подношений и его внутренний поднос *пхэла***
Мьянма, г. Мандалай, район Садай, магазин У Ба Бэя
1950-е гг. Бамбук, дерево, лак, сусальное золото, стекло, резьба, техники *тайо* и *хманзи швейчха*
© Собрание ГМВ, инв. № 4314/1–3 II
Fig. 13–14. ***Hsun-ok* offering vessel and its inner tray hpala**
Myanmar, Mandalay, Sadai District, U Ba Bey workshop, 1950s. Bamboo, wood, lacquer, gold leaf, glass, carving, *thayo* and *hmanzi shweicha* techniques
© SMOA collection, Inv. No. 4314/1–3 II

владельца, они являются своеобразными рекламными текстами. Так, на внутреннем подносе церемониального сосуда *схун-оу* для преподнесения пищи буддийскому монастырю приклеена бумажная этикетка с белой звездой в центре на красном фоне (по-видимому, марка мастерской) и круговой надписью: «*У Ба Бэй — торговец культовыми предметами. Садайтан* [*торговый район Мандалая*]» (*Илл. 13–14*). Так как при лаковых мастерских обычно была торговая лавка, не исключено, что У Ба Бэй был не только владельцем, но и лаковых дел мастером, и сам (или вместе с подмастерьями) изготовил этот сосуд.

Кроме того, на лаках изредка встречаются надписи, выполненные не на бирманском, а на английском языке. Это характерно, прежде всего, для вещей, имеющих экспортное или подарочное назначение. В коллекции Музея Востока есть, например, коробка в виде совы с надписью на донышке «Burma» (инв. № 11037/1–2 II). Дарственный текст помещен на бумажной наклейке на дне подсвечника (инв. № 4595 II), который был преподнесен советской делегации во время визита в Мьянму в 1955 г.: «*Товарищам Хрущеву и Булганину от всех рабочих Полиграфического союза Рангуна* [Янгона])». Сама европейская форма изделия, нетипичная для бирманского быта, говорит о том, что подсвечник был, вероятно, изготовлен по особому заказу для европейских гостей. Следует только

Илл. 15. **Крышка коробки *кун-и* для бетеля**
Мьянма, штат Шан, предп. г. Лейкха, 1857 г. (?)
Бамбук, лак, металл, плетение, полихромная гравировка, чеканка
© Собрание ГМВ, инв. № 10571/1–4 II
Fig. 15. **Cover of betel-box *kun-it***
Myanmar, Shan State, presumably Leihka town, 1857 (?). Bamboo, lacquer, metal, weaving, polychrome incised technique, engraving
SMOA collection, Inv. No 10571/1–4 II

Илл. 16. **Шкатулка**
Мьянма, г. Паган, 1950-е гг.
Бамбук, лак, роспись
© Собрание ГМВ, инв. № 4680/1–2 II
Fig. 16. **Jewel box**
Myanmar, Pagan, 1950-s
Bamboo, lacquer, painting
© SMOA collection, Inv. No. 10671/1–4 II

добавить, что верующие буддисты рассматривают подобные светские подарки, даже для людей иной конфессии, как благородные, благие поступки, увеличивающие «копилку» добрых деяний дарителя. А получаемые за это религиозные заслуги (вспомним упоминаемую выше надпись на сундуке для манускриптов) они разделяют со всеми людьми, в том числе, как в данном случае, и с высокими гостями.

Сообщения о владельцах или производителях, которые являются своего рода информационно-рекламными текстами, могут писаться также на коробках или футлярах, сделанных специально для хранения лаковых вещей. В деревянном футляре, оббитом внутри красной тканью, поступил в музей струнно-щипковый инструмент *саун* (или *саун-гау*), представляющий собой тип горизонтальной арочной арфы (инв. № 7654 II). На одной из внутренних стенок футляра приклеена металлическая табличка с надписью на бирманском языке: «*У Шве. № 33, бульвар Вэги, № 493, Пьилан* [улица Пьи], *почтовое отделение района Камают, Янгон, Мьянма» и дата «23 – 2 – 1971»*, судя по которой *саун* был сделан не позднее 23 февраля 1971 г. А так как создание подобных инструментов занимает довольно длительное время, от одного до трех лет, то можно датировать его 1960-ми гг. Указанное здесь имя «У Шве» принадлежит, возможно, мастеру, изготовившему саун, но, скорее всего, это имя янгонского продавца ин-

струментов, поскольку производят такие арфы главным образом в Верхней Мьянме[22].

Особенно привлекательны, с точки зрения покупателей лаков, благопожелательные тексты. Так, на крышке бетельной коробки, стенки которой украшают металлические пластины с фигурами животных — символов планет и дней недели, выгравировано: «*Пусть будут здоровы и благополучны сыновья и дочери всех семи дней недели*» (*Илл. 15*). Мастер, не оставивший, к сожалению, здесь своего автографа, нашел удивительно точный вербальный комментарий изобразительному дизайну. Текст полукругом обрамляет пластину, на которой изображен буддийский монах и коленопреклоненный перед ним мужчина. Возможно, он просит монаха сделать предсказание или астрологические расчеты по поводу какого-то события в его жизни (например, рождения ребенка, свадьбы и т. п.). Вот этому сюжету и соответствует «астрологический дизайн» (*чжо-шилон*) на стенках *кун-и*. Еще одна надпись есть на донышке коробки: «*1219 г.* [мьянманской эры]», т. е. 1857 г. по григорианскому календарю. Однако рисунок начертания букв и стиль письма не соответствуют бирманскому правописанию середины XIX в., а характерны, скорее, для первой половины XX в. и более позднего времени. Возможно, во время гравировки была сделана ошибка: вместо «1319» написано «1219», и в таком случае изделие датируется 1957 г.[23].

Выполненные красивыми округлыми буквами бирманского письма, подобные лаковые надписи являются органичной частью всего декоративного убранства *юндэ*. Но иногда мастера используют другой шрифт — с более жесткой графикой, как на шаровидной музейной шкатулке, на крышке которой написано «*Процветайте*» (*Илл. 16*). За своеобразные, порой прямоугольные, очертания букв шрифт получил название «*мачизэй*», что означает «семя тамаринда», и применяют его в основном в буддийских рукописях на лаковых пластинах. Другая сторона крышки украшена росписью лаковыми красками с изображением пышной цветочной ветви, что гармонично соотносится с помещенным с другой стороны благопожеланием.

Надписи подобного рода, несмотря на присутствие в них характерной для XX в. коммерческой составляющей, остаются в целом в рамках буддийской парадигмы приобретения и передачи религиозных заслуг. Именно такую цель, как накопление добрых дел (не только для себя, но и для других людей), преследуют мьянманские мастера, нанося благопожелательные фразы на лаковые предметы. В них выражаются пожелания достатка, здоровья, долгой жизни, множества друзей, доброты, радости, успеха, удачи в бизнесе и т. п. Порой они бывают удивительно поэтичны. Вот что начертано на созданном в 1920-х гг. подносе, который хранится в Отделе восточных древностей Британского музея (инв. № OA 1996. 5–1.50):

Я, Маун Эйе Пхай, сделал этот поднос,
И мольбу возношу я всем сердцем за то,
Чтобы тот человек, кто купит его,
Каждый день получал блага мира сего,
Драгоценностей дождь пусть прольет на него[24].

22 Этот оригинальный тип горизонтальной арфы, похожей на маленькую ладью с высоко изогнутым носом-грифом, пришел в страну из Индии во второй половине 1-го тыс. н. э. Изображение *сауна* можно видеть уже в паганских росписях и рельефах XII–XIII вв., а игра на нем входила в число придворных искусств [Западова, 1980, с. 163–164]. *Саун* стал особенно популярным в период позднего средневековья, и сейчас считается символом национальной музыкальной культуры.

23 На несоответствие даты бирманской письменной стилистике XIX в. указал известный российский бирманист, доктор исторических наук, дипломат Н. А. Листопадов, которому автор статьи благодарен за прочтение и перевод большинства надписей на лаковых изделиях в коллекции Музея Востока.

24 Переведено автором статьи с английского переложения стихотворной бирманской надписи на данном подносе [Isaacs, Blurton, 2000, p. 51, 214, cat. 170].

Список литературы / References

Всеволодов И. В. *Бирма: религия и политика (Буддийская сангха и государство)*. М.: Наука, 1978. 270 с. [Vsevolodov I. V. *Burma: Religion and Politics (Buddhist Sangha and State)*. Moscow: Nauka, 1978. 270 p. (in Russian)].

Гожева Н. А. *«Свет золотой луны». Лаковое искусство Мьянмы*. М.: ГМВ, 2023. 60 с. [Gozheva N. A. *"Light of the Golden Moon". Lacquer Art of Myanmar.* Moscow: SMOA, 2023. 60 p. (in Russian)].

Десять цветов искусств. Каталог выставки. Автор текста Н. А. Гожева. М.: ГМВ, 2017. 72 с. [Ten *Colours of Art. Exhibition Catalogue*. Gozheva N. A. Moscow: SMOA, 2017. 72 p. (in Russian)].

Западова Е. А. *В стране, где течет Иравади*. М.: Наука, 1980. 294 с. [Zapadova E. A. *In the Land, Where the Irawwaddy Flows*. Moscow: Nauka, 1980. 294 p. (in Russian)].

Ожегов С. С. *Архитектура Бирмы*. М.: Наука, 1970. 198 с. [Ozhegov S. S. *Burman Architecture.* Moscow: Nauka, 1970. 198 p. (in Russian)].

Burmese Calendar. *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Burmese_calendar (accessed 22.04.2023).

Burney H. Some Account of the Lacquered or Japanese Ware of Ava. *Journal of the Asiatic Society of Bengal*. 1832. No. 5. Pp. 169–182.

Frasch T. Myanmar Epigraphy — Current State and Future Tasks. *Writing for Eternity: A Survey of Epigraphy in Southeast Asia*. Paris: EFEO, 2018. Pp. 47–73. 478 p.

Fraser-Lu S. The Government Lacquer School and Museum of Pagan. *Arts of Asia*, 1986. Vol. 16. No. 4. Pp. 104–111.

Fraser-Lu S. *Burmese Crafts: Past and Present*. Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1994. 420 p.

Fraser-Lu S. *Burmese Lacquerware*. Bangkok: The Tamarind Press, 1985. 222 p.

Isaacs R., Blurton R. *Visions from the Golden Land. Burma and the Art of Lacquer*. London: British Museum Press, 2000. 240 p.

Luce G. H. *Old Burma — Early Pagan*. 3 vols. New York: J. J. Augustin, 1969–1970. 422; 337; 455 p.

Luce G. H., U Pe Maung Tin (comp.). *Inscriptions of Burma*. 5 vols. Rangoon: Oxford University Press, 1933–1956.

Moure E., San Win. Suvannbhumi, the Gold Coast: Lower Myanmar Walled Sites of the First Millennium AD. *Asian Perspectives*, 2007. № 46 (1). Pp. 202–232.

Revire N. Facts and Fiction: The Myth of Suvaṇṇabhumi through the Thai and Burmese Looking Glass. *Trans-Regional and National Studies of Southeast Asia*. 2018. Vol. 6. No. 2. Pp. 167–205.

Simatrang Sone. The Art and Industry of lacquerware in Thailand. *Lacquerware in Asia, today and yesterday*. Ed. by M. Kopplin. Printed in France, 2002. Pp. 133–141.

Stadtner D. M. *Ancient Pagan. Buddhist Plain of Merit*. No. 42, Bangkok: River Books, 2005. P. 112.

Than Htaik. Myanmar Traditional Lacquerware Techniques. *Lacquerware in Asia, Today and Yesterday.* Ed. by M. Kopplin. Printed in France, 2002. Pp. 183–185.

Than Htun (Dedaye). *Lacquerware Journeys. The Untold Story of Burmese Lacquer*. Bangkok: *River Books*, 2013. 380 p.

DOI: 10.18254/S268684310028134-5

От искусства пространства к искусству понимания: о выставочном проекте ГМИИ им. А. С. Пушкина «Всеобщий язык»

From the Art of Space to the Art of Understanding: The "Universal Language" Exhibition Project of the Pushkin State Museum of Fine Arts

© 2023 **Татьяна Михайловна Горяева**

доктор исторических наук, руководитель проекта «Дом Текста» ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва, Россия
tatiana.goryaeva@arts-museum.ru
ORCID ID: 0009-0006-5732-9773

Tatiana M. Goryaeva

DSc (History), Head of the "House of Text" project, Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow Russia
tatiana.goryaeva@arts-museum.ru
ORCID ID: 0009-0006-5732-9773

Выставочный проект ГМИИ им. А. С. Пушкина «Всеобщий язык» был посвящен идее единства мира в разнообразии языков и культур, в стремлении человечества обрести единый язык. Эта выставка прежде всего говорила о важности многообразия человеческого общения, об обретении взаимопонимания через мудрость вероучений и путешествия, через дипломатию и повседневные ритуалы. Это многоязычие было представлено разнообразными письменностями с традициями, насчитывающими не одну тысячу лет, дешифрованными текстами и иероглифическими надписями, а также совсем молодыми языковыми системами, возникшими всего несколько десятилетий назад. Сокровища отечественных музеев, архивов, библиотек и академических институтов, многие из которых были впервые извлечены из хранилищ, позволили совершить воображаемое путешествие по странам и эпохам, заглянуть не только на много веков назад, но и увидеть в этом отражение нас сегодняшних.

Ключевые слова: ГМИИ им. А. С. Пушкина, «Всеобщий язык», выставки, эпиграфика Востока, берестяные грамоты, иероглифика

Для цитирования: Горяева Т. М. От искусства пространства к искусству понимания: о выставочном проекте ГМИИ им. А. С. Пушкина «Всеобщий язык». *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 3. С. 196–207. DOI: 10.18254/S268684310028134-5

The Pushkin State Museum of Fine Arts' "Universal Language" exhibition project was dedicated to the idea of the world's unity in its diversity of languages and cultures, and the desire of mankind to find a common language. This exhibition was primarily about the importance of the diversity of human communication, about finding mutual understanding through the wisdom of teachings and travel, through diplomacy and everyday rituals. This multilingualism was represented by a variety of scripts with traditions dating back thousands of years, deciphered texts, characters, and hieroglyphs, as well as very young language systems that emerged only a few decades ago. The treasures of Russian museums, archives, libraries, and academic institutes, many of which were first extracted from the vaults, allowed us to make an imaginary journey through countries and epochs, to look not only many centuries ago, but also to see reflection of ourselves today.

Keywords: Pushkin State Museum of Fine Arts, "Universal Language", exhibitions, Eastern epigraphy, birch bark manuscripts, Chinese characters

For citation: Goryaeva Tatiana M. From the Art of Space to the Art of Understanding: The "Universal Language" Exhibition Project of the Pushkin State Museum of Fine Arts. *Oriental Courier.* 2023. No. 3. Pp. 196–207. DOI: 10.18254/S268684310028134-5

В последнее время на фоне поиска новых форм и способов организации выставочного пространства обострился интерес к сколь широко известному, столь и загадочному атласу Аби Варбурга «Мнемозина» [Варбург, 2008], ставшему объектом множества исследований, реконструкций, публикаций и даже выставок. Одна из таких выставок, претендующих на полноту, прошла некоторое время назад в Берлине. Выставка представляла листы — картинки из книг, репродукции, гравюры, связанные между собой пытливым умом Варбурга и известным куратором Жаном-Юбером Мартеном[1] и его же выставкой «Карамболь», прошедшей в 2016 году в Гран-Пале в Париже. Два года назад Мартен стал куратором выставки ГМИИ «Бывают разные сближения»[2], ставшей одновременно и событием, и испытанием для публики на способность восприятия оригинальных кураторских идей. И если проект Мартена предполагал включение посетителя в своеобразную интеллектуальную игру «разгадай замысел куратора», то наш проект ставил перед собой совсем другую задачу.

Выставка ГМИИ им. А. С. Пушкина «Всеобщий язык» (16 декабря 2022 г. — 19 марта 2023 г.)[3] была посвящена идее единства мира в разнообразии языков и культур. Одна из привлекательных иллюзий человечества о всеобщем языке, особенно характерная для культуры Просвещения с ее оптимистическим мировоззрением и подаренная нам Франсиско Гойей, заключалась в том, что как только люди обретут единый язык, они смогут преодолеть разделенность мира, а народы позабудут распри и проти-

1 Жан-Юбер Мартен — французский искусствовед и куратор. На протяжении профессиональной карьеры работал над расширением взглядов на современное искусство и установлением диалога между культурами.

2 Выставка «Бывают странные сближенья». *ГМИИ им. Пушкина*. URL: https://pushkinmuseum.art/events/archive/2021/exhibitions/martin/index.php (дата обращения 16.07.2023).

3 Автор идеи проекта М. Д. Лошак, кураторы Т. М. Горяева, А. А. Данилова, М. А. Тимина.

Илл. 1. **Библия Полиглотта. Т. 1: Пятикнижие Моисеево с Пролегоменами, статьями, таблицами и картами**
Тексты и переводы на девяти языках под ред. Брайана Уолтона. Лондон: тип. Томаса Ройкрофта, 1657
Место хранения: Российская государственная библиотека, Москва
По: Путеводитель по выставке «Всеобщий язык» в ГМИИ им. А. С. Пушкина. 2022. С. 128
Fig. 1. **Polyglot Bible. Vol. 1: The Pentateuch of Moses with Prolegomena, articles, tables and maps**
Texts and translations in nine languages, ed. by Brian Walton. London: Thomas Roycroft's Publ., 1657
From Russian State Library, Moscow
Source: Guide to the exhibition "Universal Language" at the Alexander S. Pushkin Museum of Fine Arts. 2022. P. 128

воречия. Подобная мечта владела человечеством с незапамятных времен — с нею же связано известное библейское предание о Вавилонской башне, когда после Всемирного потопа население земли говорило на одном языке, но люди вознамерились построить башню до небес и Господь разрушил башню, лишив людей понимания через создание множества языков.

Однако разделение языков, которое мы по воспринимаем как проклятие, на самом деле является промыслом Божиим: подарив человечеству языки, Он поселил в нашем мире великое разнообразие народов и обычаев. Поэтому выставка ГМИИ была посвящена прежде всего многообразию человеческого общения, формам обретения взаимопонимания через мудрость вероучений и географические открытия, через повседневные ритуалы и благопожелания. Это многоязычие было представлено как разнообразными письменностями с традициями, насчитывающими не одну тысячу лет, дешифрованными текстами и иероглифами, так и совсем молодыми языковыми системами, возникшими всего несколько десятилетий назад (*Илл. 1*). Сокровища отечественных музеев, архивов, библиотек и академических институтов[4] позволили совершить воображаемое путешествие по странам и эпохам, заглянуть не только на много

4 В проекте приняли участие 21 учреждение культуры, в том числе и негосударственные, а также частные коллекции. Это Музеи Московского Кремля, Государственный Эрмитаж, Государственный музей Востока, Государственный исторический музей, Российская государственная библиотека, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Центральный военно-морской музей имени Петра Великого, Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей, Государственный музей архитектуры имени А. В. Щусева, Государственная Третьяковская галерея, Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербургский Институт истории РАН, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Российский государственный архив древних актов, Российский государственный архив литературы и искусства, Российский государственный архив военно-морского флота, Историко-документальный департамент МИД РФ, Архив внешней политики Российской Империи, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы имени М. И. Рудомино, Фонд Марджани.

Илл. 2, 3. **Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, Букварь славено-греко-латинский.** Москва: Синодальная типография [Печатный двор], июнь 1701 г. (Российская государственная библиотека); Большой «Канон врачебной науки» Ибн Сины (Авиценны) с частичным еврейским комментарием, Испания, конец XIV – начало XV века (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург)
По: Путеводитель по выставке «Всеобщий язык» в ГМИИ им. А.С. Пушкина. 2022. С. 55, 56

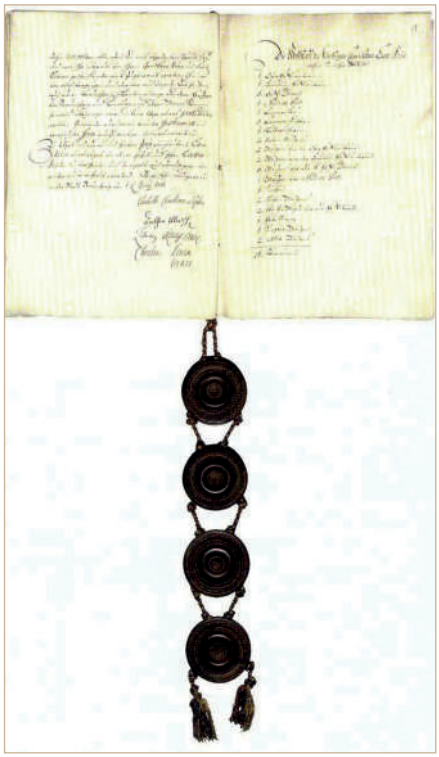
Fig. 2, 3. **Fedor Polikarpovich Polikarpov-Orlov, Slavonic-Greek-Latin Primer.** Moscow: Synodal Printing House [Printing Courtyard], June 1701. From Russian State Library; Large "Canon of Medicine" by Ibn Sina (Avicenna) with a partial Jewish commentary. Spain. Late 14th – early 15th century. From Institute of Oriental Manuscripts RAS, Saint Petersburg
Source: Guide to the exhibition "Universal Language" at the Alexander S. Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow: MoFA, 2022. P. 128

веков назад, но и увидеть в этом зеркале нас сегодняшних [*Всеобщий язык*, 2022, с. 6–7].

Структура выставочного проекта соответствовала концепции и состояла из семи разделов с отдельными развивающими тему сюжетами, складывавшимися в итоге в единое высказывание о богатстве и разнообразии культур и «роскоши человеческого общения». При этом мы стремились к максимальному разнообразию — временному, художественному, типологическому. Единственным ограничением стали высокие эстетические требования ГМИИ им. А. С. Пушкина, музея с мировым именем, и чрезвычайно жесткие сроки, тем не менее не помешавшие нам собрать все выявленные и отобранные экспонаты: подавляющее большинство из этих реликвий и раритетов впервые покинули хранилища (*Илл. 2, 3*).

Несмотря на эклектику и мозаичность выставка не превратилась в «Вавилон» или в парафраз сложной смысловой конструкции, воплотив в себе стремление уйти от линейного выстраивания экспозиционного ряда к более объемному восприятию через эмоциональную реакцию, способную при определенных условиях сформировать мировоззренческую установку: нас много, мы все разные, но в чем-то очень похожи. Несмотря на то, что между людьми во все времена существовали распри и непонимание, люди всегда умели договариваться.

У кураторов была абсолютно уникальная возможность отбирать, изучать и анализировать, а главное — выстраивать в один вербально-изобразительный нарратив клинописные таблички, берестяные грамоты, гадательные панцири черепах, свитки и старопечатные книги, документы, живопись и скульптуру, прикладное искусство, этнографический материал. Для историка классической школы источниковедения это оказалось феноменальным опытом: ведь **гипотетическая реконструкция источника является грубейшим нарушением понятия**



Илл. 4. **Трактат, заключенный между Петром I и герцогом Брауншвейг-Люнебургским Антоном-Ульрихом о супружестве царевича Алексея Петровича с Шарлоттой-Христиной-Софией, урожденной принцессой Вольфенбюттельской 21 мая / 1 июня 1711 г.** Подписи-автографы Шарлотты, герцогов Брауншвейг-Люнебурских Антона-Ульриха и Людвига-Рудольфа, герцогини Христины-Луизы Бумага, чернила. Печати красного сургуча. На немецком языке, РГАДА. Ф. 67. Оп. 3. Д. 1 Л. 47 об, 48.
По: Путеводитель по выставке «Всеобщий язык» в ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.: ГМИИ, 2022. С. 90
Fig. 4. **Treatise concluded between Peter I and Duke Anton-Ulrich of Brunswick-Lüneburg on the marriage of Tsarevich Alexei Petrovich with Charlotte-Christina-Sophia, nee Princess of Wolfenbüttel. May 21 (June 1) 1711.** Signatures and autographs of Charlotte, Dukes of Brunswick-Lüneburg Anton-Ulrich and Ludwig Rudolf, Duchess Christina Louise. Paper, ink. Red sealing wax seals. In German, from RSAAD
Source: Guide to the exhibition “Universal Language” at the Alexander S. Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow: MoFA, 2022. P. 128

«канонический текст» и «авторская воля». Попав в водоворот бездонного колодца истории, в котором смешаны тысячелетия, народы и материки, по-новому оцениваешь возможности компаративистики, феноменологии, истории повседневности — во всяком случае в музейных исследовательских проектах.

Конечно, в таком обилии материала (всего было представлено 500 экспонатов) нас неизбежно ждали удивительные встречи и воспоминания. Документы и экспонаты говорили друг с другом через эпохи и страны, образовывали между собой связи и истории — своего рода «жизнь после смерти». Такова, например, история Петра Алексеевича, сына Петра Великого: от трактата о морганатическом супружестве царевича Алексея Петровича и Шарлотты-Христины-Софии, урожденной принцессы Брауншвейг-Вольфенбюттельской 21 мая / 1 июня 1711 г.[5] до его тайной записной книжки с до сих пор не расшифрованными записями[6] и донесением графа Петра Толстого, тайного советника Петра Первого[7], с шифрованными донесениями о побеге царевича Алексея в Европу (*Илл. 4*).

Или история путешествий Николая Гумилева в Абиссинию, где в 1913 г. в Харэре произошла его встреча с губернатором этого города Тэфэри Мэконнын. Его фотография, сделанная самим Гумилевым, стала визитной карточкой будущего императора Эфиопии Хайле Селассие I[8] и, возможно, повлияла на дальнейшие дружественные контакты между нашими странами: так, во время одного из визитов Хайле Селассие преподнес Л. И. Брежневу библию на эфиопском языке, продемонстрировав единство христианской веры[9]. Это произошло ровно через 50 лет после знаменательной встречи с Николаем Гумилевым.

5 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 55. Оп. 3. Д. 2. Л 16 об. –17.
6 РГАДА. Ф. 135. Отд. V. Рубр. III. Д. 14.
7 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1717 г. Д. 13. Л. 29 об, 30.
8 Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ). Кунсткамера. № 2198-161; МАЭ № 2198-163;
9 ВГБИЛ. Инвентарный № 177967. R XX.D 533.

Илл. 5. **Анри Матисс. Новогодние поздравления Лидии Делекторской на 1948 и 1949 годы**
(ГМИИ им. А. С. Пушкина)
По: Путеводитель по выставке «Всеобщий язык» в ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.: ГМИИ, 2022. С. 125
Fig. 5. **Henri Matisse. New Year's greetings to Lydia Delectorskaya (1948 and 1949).** From Alexander S. Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow; Wine vessel in the form of the fu character (福; happiness)
Source: Guide to the exhibition "Universal Language" at the Alexander S. Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow: MoFA, 2022. P. 125

Илл. 6. **Сосуд для вина в форме иероглифа фу (福; счастье)**
Китай, период Канси (1662–1723)
Государственный музей Востока, Москва
По: Путеводитель по выставке «Всеобщий язык» в ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.: ГМИИ, 2022. С. 116
Fig. 6. **Wine vessel in the form of the fu character (福; happiness)**
China. Kangxi period (1662–1723)
State Museum of the Oriental Art, Moscow
Source: Guide to the exhibition "Universal Language" at the Alexander S. Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow: MoFA, 2022. P. 116

Очень важными разделами стали «Благопожелания» и «Повседневные договоренности», в которых мы попытались показать, как люди разных эпох общались друг с другом, как разрешали бытовые конфликты и проблемы, заключали официальные соглашения и просто обменивались приветствиями и пожеланиями (*Илл. 5, 6*).

Именно через повседневность открываются двери в изучение истории — науке о человеке, в которой любая мелочь является частью общей картины; не зная этих мелочей, мы не сможем составить представление о целом (*Илл. 7*).

Долгое время историю человечества было принято понимать как череду великих свершений и бедствий, через которые проходят различные народы, направляемые выдающимися личностями. При таком подходе главными действующими лицами истории становились массы — нации и классы. При этом неизбежно терялись конкретный человек и его обыденная жизнь, его психология и практики поведения в обществе и семье.

Одними из первых научные подходы к изучению повседневности предложили представители школы «Анналов» (Марк Блок, Люсьен Февр и др.)[10]. На смену повествовательному

10 Марк Блок (1886–1944) в работе «Апология истории, или ремесло историка» (пер. с фр. Таллин: Ээсти раамат, 1983) подробно останавливается на методологических подходах, тесно связанных с современностью. Предметом исторического исследования, согласно концепции Блока, является человек во времени; он исходит из позиции о том, что сознание человека не является единым на протяжении времени, а изменяется под воздействием тех или иных факторов и историку необходимо эту разницу учитывать. У истоков научного течения стоял великий исто-

Илл. 7. **Повседневные договоренности, Кано Эйгаку**
Китайский каллиграф Ван Сичжи. Япония, первая половина XIX века (шелк, тушь, водорастворимые краски, кисть, ГМИИ им. А. С. Пушкина)
По: Путеводитель по выставке «Всеобщий язык» в ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.: ГМИИ, 2022. С. 104
Fig. 7. **Everyday arrangements, Kano Eigaku**
Chinese calligrapher Wang Xizhi
Japan, first half of the 19th century (silk, ink, mineral paints, brush, from Alexander S. Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow)
Source: Guide to the exhibition “Universal Language” at the Alexander S. Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow: MoFA, 2022. P. 104

историописанию, которое сосредоточивалось на восстановлении хода политических событий, началось изучение феномена повседневности в его различных проявлениях. Ученые занялись «культурой безмолвствующего большинства» — социальных и этнических групп, лишенных «голоса» в иерархических обществах и потому не заметных в истории великих событий. Эти исследования обогатили наше знание об обычаях, ритуалах, морали и этике поколений наших предков и научили по-новому относиться к собственной жизни: наша ежедневная рутина обретает ценность как совокупность индивидуальных привычек, способов выражения чувств и форм общения. Во многом история повседневности предстает перед нами как история различных форм коммуникации, как непрерывная и плотная ткань, расцвеченная разнообразными, как само человечество, красками и узорами. Используя эту методику, историк отбирает те памятники, анализ которых может раскрыть проблему ретроспективно и более глубоко [Ле Гофф, 1991; Ле Гофф, Гуревич, 2005; Бессмертный, 1991; Бахтин, 1990; Лесевицкий, 2015; Крюков, 2012].

Во все времена людей волновали и тревожили одни и те же вопросы, которые надо было решать изо дня в день, из года в года на протяжении всей жизни — повседневные заботы. Неизбежно возникающие межличностные отношения и противоречия решались путем установления договоренностей в рамках «живого права» естественным способом — на рынке, в финансах, в формах собственности, в семейных отношениях.

В отдельных документальных феноменах отражены безграничные возможности человеческого взаимодействия. Достижения археологии

рик XX в. Люсьен Февр. В 1929 г. он основал исторический журнал, носящий ныне название «Анналы. Экономики, общества, цивилизации» («Annales. Economies. Societes. Civilisations»). Из книг Л. Февра (1878–1956) на русский язык были переведены «Бои за историю» (М., 1991) — собрание его методологических статей разных лет.

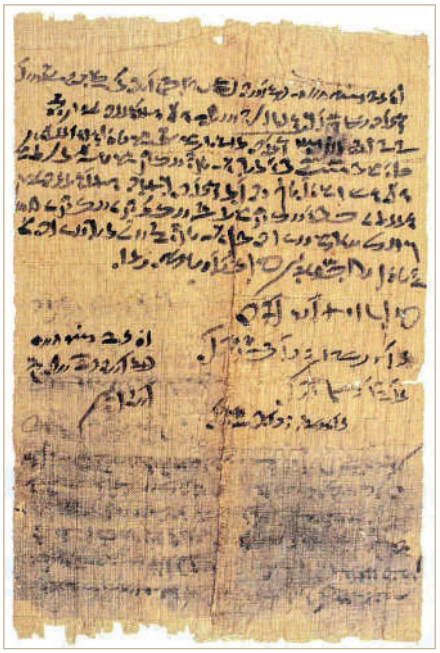
Илл. 8. **Берестяная Грамота № 1009.** Новгород, вторая четверть — середина XII века. Троицкий раскоп, древненовгородский диалект
Береста, процарапывание, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
По: Путеводитель по выставке «Всеобщий язык» в ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.: ГМИИ, 2022. С. 101
Fig. 8. **Birchbark Charter No. 1009.** Novgorod, second quarter — mid-12th century. Troickij excavation, Trevnenovgorod dialect (birch bark, scratching, Novgorod State United Museum)
Source: Guide to the exhibition "Universal Language" at the Alexander S. Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow: MoFA, 2022. P. 101

Илл. 9. **Хозяйственный документ о выдаче содержания гонцам.** Умма, новошумерский период, XXI в. до н. э.
Глина, ГМИИ им. А. С. Пушкина, № I26560
По: Путеводитель по выставке «Всеобщий язык» в ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.: ГМИИ, 2022. С. 89
Fig. 9. **Cuneiform document on the issuance of allowances to messengers.** Umma, New Sumerian period, 21st century BC
Clay, from Pushkin State Museum of Fine Arts, No. I2b560
Source: Guide to the exhibition "Universal Language" at the Alexander S. Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow: MoFA, 2022. P. 89

в виде памятников материальной культуры позволяют нам не только заглянуть на много веков назад, но и увидеть в этом отражении нашу сегодняшнюю повседневность. Клинописные глиняные таблички с просьбой «разрешить расходовать продовольствие пока не получены деньги» или «о контрабандном провозе товаров в целях неуплаты пошлин и сборов на торговом пути» перекликаются с посланиями новгородских берестяных грамот о «несостоявшейся покупке беличьего меха и просьбе отдать деньги за коня», о покупке заморского товара или скорейшей выдачи «соленья и свежих рыбок». Грамота представляет собой частное письмо с сообщением о том, что авторам (Луке и Ивану) не удалось купить греческого товара, и с просьбой к отцу поискать «заморского» товара. Термин «грьчьскыи» означает товар из Византии, термин «заморьскыи» — из Западной Европы. Никогда не встречавшийся ранее **древнерусский глагол «подъпродатися»,** судя по контексту, означает «подраспродать свое имущество». Интересно, что этот же глагол используется в нынешнем жаргоне биржевых игроков и маклеров: «подпродаться» означает «частично продать свои акции» (*Илл. 8*).

Документы на разнообразных носителях освещают и множество других житейских ситуаций. Например, клинописная табличка о выдаче содержания гонцам: по прибытии в разные города гонцы предоставляли в местный дворец табличку с рационом и получали продукты питания — хлеб, пиво, масло, чеснок и оташ (мыло) (*Илл. 9*).

За тысячелетия были выработаны устойчивые формы деловой документации: акты и договоры, финансовые и долговые расписки, чековые книжки и доверенности. Так, в экспозиции были представлены финансовые документы XV, XVI и XIX вв. из европейской части коллекции Н. П. Лихачева, хранящейся в Санкт-Петербургском Институте истории РАН. Это распоряжение о выдаче помесячной оплаты из апостольской камеры за роспись Папских поко-



Илл. 10. **Договор о разводе.** Древний Египет. Демотика, 494 г. до н. э., папирус (ГМИИ им. А. С. Пушкина ИГ-4819. I.1.б 419)
По: Путеводитель по выставке «Всеобщий язык» в ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.: ГМИИ, 2022. С. 90
Fig. 10. **Divorce agreement.** Ancient Egypt. Demotica, 494 BC, papyrus From Pushkin State Museum of Fine Arts. IG-4819. I.1.b 419
Source: Guide to the exhibition "Universal Language" at the Alexander S. Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow: MoFA, 2022. P. 90

ев художнику Пьетро Перуджино[11], финансовая расписка в получении процентов по долговым обязательствам Лукаса Кранаха Младшего[12], чек из чековой книжки, заполненный Чарлзом Диккенсом[13].

Раздел семейного имущества между членами семьи успешно разрешался в Древнем Вавилоне[14], как и возмещение долга в Древнем Египте XV–XIV вв. до н. э. путем фиктивного усыновления. Для обхода запрета должник-общинник «*отдавал долг своим неотчуждаемым общинным земельным наделом и потому усыновлял своего кредитора для передачи надела по наследству*».

Покупка и аренда земли, скота и других видов собственности — важная часть деловой коммуникации. Например, покупка земли жрицей Мардука свидетельствовала о высоком статусе жриц и об их финансовой свободе, поскольку жрица рассчиталась собственными средствами, серебряными кольцами[15]. Или аренда бычка (зоатика) в Ферраре XIV века супругой, которая имела право распоряжаться частью имущества самостоятельно и получать от него доход[16].

Не стоит забывать, что создание семейных союзов также рассматривалось как часть экономических отношений, которые упорядочивались с помощью заключения брачных договоров (*Илл. 10*). Брачные договоры и «супружественные трактаты», сопутствующие им списки подарков и приданного (например, четыре фрагмента списка свадебных даров на берестяных грамотах: каждый участник церемонии дарил

11 Италия, Рим. 1 мая 1493 г., базилика Св. Петра. Латинский и итальянский языки. Бумага. 1 л. Кол. 3. Картон 267. № 5. Место хранения: ФГБУН Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук (СПбИИ РАН).

12 Германия, Верхний Лаузиц. 28 июля 1576 г. Немецкий язык. Бумага. 1 л. Кол. 28. Картон 411. № 44. Место хранения: СпбИИ.

13 Великобритания. 9 марта 1860 г. Английский язык. Кол. 18. Картон 387. № 16. Место хранения: СпбИИ.

14 Глина. № I2б1581. Место хранения: ГМИИ им. А. С. Пушкина.

15 Сиппар. Старовавилонский период. XVIII в. до н. э. Аккадский язык. Глина. ГМИИ им. А. С. Пушкина. № I2б1369. Место хранения: ГМИИ им. А. С. Пушкина.

16 Италия, Феррара. 1330 г. Латинский язык. Пергамен. СПбИИ. 1 л. Кол. 4. Картон 133. № 29. Место хранения: СпбИИ.

обязательно одно или несколько блюд, а кроме того, некую одежду или материал, ткань или кожу. Фигурируют также: полстка, т. е. коврик, «кошма из козьего пуха, чатровая рубаха, портище голубине отрез по количеству, потребное на один кафтан»[17].

При этом рядная запись купеческой дочери переславского дворянина Т. О. Ананьина на выдачу замуж его сестры Марии дворянину Б. Е. Нейпирову, с распиской последнего о получении приданого[18] и отпускная крестьянке (сговорная запись крестьянина помещика В. Ф. Янова В. Федорова в замужество его дочери Ульяны крестьянину помещика И. П. Порошина Я. Семенову[19]. оформлялись документально в одном формате и скреплялись сургучными печатями. Все эти многочисленные в своем разнообразии памятники демонстрируют цивилизационную историю брачно-семейных отношений на всех ступенях социальной лестницы, от царствующих особ до крепостных людей. Например, следующие **брачные договоры:**

- *Трактат, заключенный между Петром I и герцогом Брауншвейг-Люнебургским Антоном-Ульрихом о супружестве царевича Алексея Петровича с Шарлоттой-Христиной-Софией, урожденной принцессой Вольфенбюттельской 21 мая / 1 июня 1711 г. Подписи-автографы Шарлотты, герцогов Брауншвейг-Люнебурских Антона-Ульриха и Людвига-Рудольфа, герцогини Христины-Луизы.* Бумага, чернила. Печати красного сургуча. На немецком языке. РГАДА. Ф. 67. Оп. 3. Д. 1. Л 47 об, 48.
- *Брачный («супружественный») трактат царевны Екатерины Ивановны с герцогом Мекленбург-Шверинским Карлом Леопольдом.* 22 января (н. ст.) 1716. На немецком языке. Бумага, чернила. Печати красного сургуча. На немецком языке. *РГАДА. Ф. 67. Оп. 3. Д. 1. Л. 47 об, 48.*
- *Договор о разводе.* Древний Египет. Демотика. 494 г. до н. э. Папирус. ГМИИ им. А. С. Пушкина. ИГ-4819. I.1.б 419.

Но особенно всех впечатлил трактат «Сентенции об управлении семьей», в котором даются практические предписания главе семьи, заботящемуся о своем моральном облике: как правильно воспитывать детей, выстраивать отношения с родственниками, распоряжаться финансами и др.[20].

В качестве примера приведем несколько древних посланий, которые сегодня звучат очень актуально и воспринимаются как современные речевые интерфейсы.

Клинописные таблички

Например, юридические документы из ГМИИ им. А. С. Пушкина — протокол об изъятии незаконно присвоенных товаров. Торговец Ур-Абзу и его жена конфисковали имущество умершего торговца Ур-силалуха, который, по всей видимости, был компаньоном Ур-Абзу. Энси (правитель) Уммы распорядился вернуть имущество. Данный документ предоставляет интересные сведения об организации торговли в Шумере в XXI веке до н. э.: у торговцев были собственные просторные складские помещения, а упоминание в списке свидетелей старшего торговца может говорить о существовании в период III династии Ура объединения торговцев наподобие купеческой гильдии.

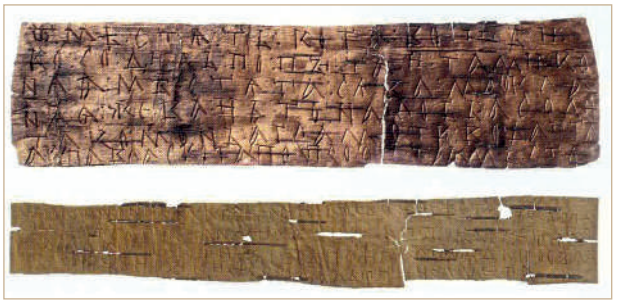
17 Грамота № 261/262/263/264. Новгород. 1360–1380. Место хранения: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник.

18 Список 1670 г. Ф. 1209. Ст. по Н. Новгороду. № 437/20856. Л. 4. Место хранения: Российский государственный архив древних актов.

19 26 октября 1652 г. Бумага, чернила; скоропись. Ф. 196. Оп. 3. Д. 1672. Л. 1. Место хранения: Российский государственный архив древних актов.

20 Автор текста Чжу Болюй (1627–1698), автор каллиграфии Ван Сюнь (1845–1915). Китай. Текст, копия кон. XIX–нач. XX в. с оригинала XVII в. Издательство «Вэйсинь мэйшу шэ», Шанхай, Китай, кон. XIX – нач. XX в. Бумага китайская, литография (ГМИИ им. А. С. Пушкина. А.гр. –1385 – А.гр. 1388).

Илл. 11. **Документ о фиктивном усыновлении для возмещения долга.** Аррапха. Нузи, XV–XIV вв. до н. э. (ГМИИ им. А. С. Пушкина)
По: Путеводитель по выставке «Всеобщий язык» в ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.: ГМИИ, 2022. С. 89
Fig. 11. **False adoption document for debt reimbursement.** Arrapha. Nuzi, 15th–14th centuries BC (Alexander S. Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow)
Source: Guide to the exhibition "Universal Language" at the Alexander S. Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow: MoFA, 2022. P. 89



Илл. 12. **Берестяная грамота № 422**
По: Путеводитель по выставке «Всеобщий язык» в ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.: ГМИИ, 2022. С. 88
Fir. 12. **Birchbark charter No. 422**
(From Novgorod State United Museum)
Source: Guide to the exhibition "Universal Language" at the Alexander S. Pushkin Museum of Fine Arts Moscow: MoFA, 2022. P. 88

Согласно другому договору об усыновлении, Аршуах, сын Кенненна, усыновляет человека по имени Вуллу и отдает ему городские дома и усадебные земли (*Илл. 11*). Обычно подобного рода усыновления скрывали за собой сделки, связанные с долговыми отношениями. Должник-общинник, который не имел права отдать кредитору свой неотчуждаемый общинный надел, усыновлял его, чтобы кредитор получил возмещение долга путем наследования земли. Некоторые представители элиты Аррапхи многократно «усыновлялись» своими должниками, существенно увеличивая свои земельные владения.

Берестяные грамоты

Например, грамоты из Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, в одной из которых Лука и Иван обращаются к отцу: *«От Луки и от Микулы к Сновиду. Мы (двое) не купили ничего: заволочская белка (беличья пушнина) — 8 гривен. А ты дай нам (двоим) какую-нибудь весть поскорее. Мы бы уже были дома, да распутица! И приветствую вас. Домке отдайте денег (добавлено над строкой: 14 кун) из семи гривен для Саввы Гюровича. Подсуньте до моего приезда, скажите, что вы участвуете [в деле]»* (перевод)[21]. В следующей берестяной грамоте — незатейливое житейское послание: *«От Местяты к Гавше и Сдиле. Поищите для меня коня. А Местята вам (двоим) кланяется. Если вам что нужно, то шлите ко мне, а [посланному] дайте грамоту. А денег попросите у Павла. А Местя[та]…» (Илл. 12).*

«А ведь посмеются над нами лет через триста! Странно, скажут, людишки жили. Какие-то, скажут, у них были деньги и паспорта. Какие-то акты гражданского состояния и квадратные метры жилищной площади... Ну что ж! Пущай смеются. Одно обидно: не поймут ведь, черти, половину. Да и где ж им понять, если жизнь у них такая будет, что, может, нам и во сне не снилась. Автор не знает и не хочет загадывать, какая у них будет жизнь. Зачем же трепать нервы

21 Грамота № 1045, вторая четверть — середина XII в. Место хранения: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник.

и расстраивать здоровье — все равно бесцельно, все равно не увидит автор этой будущей прекрасной жизни», — замечал Михаил Зощенко со свойственными ему наблюдательностью и иронией [Зощенко, 1927, с. 86]. Но писатель ошибался: потомкам очень важно и поучительно знать и понимать, как жили их предки, о чем они беспокоились и говорили. Эти голоса будто оживали в залах Музея, и Апсида в Белом зале Главного здания музея — особенно к вечеру — заполнялась гулом площадей, шумом повозок, криками торговцев, разноязыкими голосами далеких предков.

Список литературы / References

Бахтин М. М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. М.: Художественная литература, 1990. 543 с. [Bakhtin M. M. *Works of Francois Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1990. 543 p. (in Russian)].

Бессмертный Ю. Л. «Анналы»: переломный этап? *Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня*. М.: Наука. 1991. С. 7–25 [Bessmertny Yu. L. "The Annals": A Turning Point? *Odysseus. Man in History. Cultural-Anthropological History Today*. Moscow: Nauka. 1991. Pp. 7–25 (in Russian)].

Варбург А. *Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения античности* (с биографическим очерком-предисловием И. А. Доронченкова). СПб.: Азбука-Классика, 2008. 382 с. [Warburg A. *The Great Migration of Images. Research on the History and Psychology of the Revival of Antiquity* (with a biographical sketch-foreword by I. A. Doronchenkov) St. Petersburg: Azbuka-Klassika, 2008. 382 p. (in Russian)].

Всеобщий язык. Путеводитель. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2022. 255 с. [*Universal Language. The Guide*. Moscow: Alexander S. Pushkin Museum of Fine Arts, 2022. 255 p. (in Russian)].

Зощенко М. М. *О чем пел соловей. Сентиментальные повести*. Л.: Госиздат, 1927. 194 с. [Zoshchenko M. M. *What the Nightingale Sang about. Sentimental Stories*. Leningrad: Gosizdat, 1927. 194 p. (in Russian)].

Крюков А. В. Становление истории повседневности в современной российской историографии. *Антро*. 2012. № 2 (11). С. 17–27 [Kryukov A. V. Formation of the Everyday Life History in Modern Russian Historiography. *Anthro*. 2012. No. 2 (11). Pp. 17–27 (in Russian)].

Ле Гофф Ж. С небес на землю. *Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня*. М.: Наука, 1991. С. 29–44 [Le Goff J. *From Heaven to Earth. Odysseus. Man in History. Cultural-Anthropological History Today*. Moscow: Nauka, 1991. Pp. 29–44 (in Russian)].

Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада*. Пер. В. А. Бабинцева; послесл. А. Я. Гуревича. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 558, [1] с.: ил., карты (Великие цивилизации / сост. В. Харитонов). Библиогр. в подстроч. примеч. послесл. загл. и авт. ориг.: La civilisation de l'occident medieval / Jacques Le Goff [Le Goff J. *Civilization of the Medieval West*. Transl. by V. A. Babintsev; Afterword by A. Ya. Gurevich. Yekaterinburg: U-Factoriya, 2005. 558, [1] p.: ill., maps; 22 cm. (Great Civilizations / Compiled by V. Kharitonov). Bibliography in subline notes, afterword, header and author of the original: La civilization de l'occident medieval / Jacques Le Goff (in Russian)].

Лесевицкий А. В. Концепция «конца истории» в политической философии Ф. Фукуямы, С. Хантингтона и Ф. М. Достоевского. *Антро*. 2015. № 2 (17). С. 54–61 [Lesevitsky A. V. The Concept of the "End of History" in the Political Philosophy of Francis Fukuyama, Samuel P. Huntington and Fyodor M. Dostoevsky. *Anthro*. 2015. No. 2 (17). Pp. 54–61 (in Russian)].

DOI: 10.18254/S268684310028131-2

«Верх — низ»: индийские слуги и хозяева на киноэкране
Часть II

Top & Bottom: Indian Servants and Masters on Screen
Part II

© 2023 **Евгения Юрьевна Ванина**

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН; Москва, Россия
eug.vanina@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-7992-3013

Eugenia Yu. Vanina

DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia
eug.vanina@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-7992-3013

© **Анастасия Сергеевна Крылова**

Научный сотрудник Института востоковедения РАН
krylova_anastasi@bk.ru
ORCID ID: 0000-0002-2286-3304

Anastasia S. Krylova

Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia; krylova_anastasi@bk.ru
ORCID ID: 0000-0002-2286-3304

Статья продолжает анализ индийского кинематографа, начатый в первой части [Ванина, Крылова, 2023]. На примере четырех фильмов — трех индийских и американского (экранизации индийского романа) статья рассматривает кинематографические образы крайне важных, но традиционно остающихся «невидимками» в социуме и общественном мнении тружеников — домашних слуг, без которых немыслим даже небогатый индийский дом. Разумеется, кинематограф отражает не социальные явления как таковые, а общественные представления о них, о том, как должно и не должно быть. Обычно в индийском кино, как и в жизни, слуги играют эпизодические роли, мелькая как тени, но привлеченные для исследования фильмы интересны тем, что домашние работники, их труд и взаимоотношения с хозяевами выступают на первый план, являясь основой сюжета и авторского замысла. Различные по жанру (комедия-водевиль, социальная драма, «мотивационный фильм» и триллер), степени талантливости сценаристов и постановщиков, эти фильмы, каждый по-своему, реконструируют взаимно притягивающиеся и отталкивающиеся миры хозяев и слуг, многозначительно умалчивая при этом о проблеме, лежащей в основе этих притяжения и отталкивания — кастовой иерархии.

Ключевые слова: Индийский кинематограф, домашние слуги, Мринал Сен, каста, «Исключенный» (*Kharij*), «Слуга» (*Naukar*), «Никчемная» (*Nil Baṭṭe Sannaṭā*), «Белый тигр» (*White Tiger*)

Для цитирования: Ванина Е. Ю., Крылова А. С. «Верх — низ»: индийские слуги и хозяева на киноэкране. Часть II. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 3. С. 208–221. DOI: 10.18254/S268684310028131-2

The paper continues the analysis of Indian cinema begun in its first part [Vanina, Krylova, 2023]. Four films, three Indian and one American adaptation of an Indian novel, are sources for the authors' analysis of the cinematographic presentation of domestic servants, traditionally 'invisible' but vitally important members of almost every, even modest, Indian household. Cinematic art, to be sure, reflects not just social phenomena as such, but their perception by public opinion determining what should and what should not be. In Indian cinema plots, usually, domestic servants play episodic roles, glimpsed like shadows. However, the films chosen for analysis are significant as the servants, their work and relations with their employees appear on the forefront as a basic clue of the story and the author` s concepts. Differing by genre (a vaudeville comedy, a social drama, a 'motivational' movie, and a thriller) as well as by the creators' talent, those films, each in its own way, reconstruct mutually attracting and repelling worlds of servants and masters, keeping silence on the core problem of those relations, caste hierarchy.

Keywords: Indian cinema, domestic servants, Mrinal Sen, caste, *Kharij*, *Naukar*, *Nil Baṭṭe Sannaṭā*, *White Tiger*

For citation: Vanina Eugenia Yu., Krylova Anastasia S. Top & Bottom: Indian Servants and Masters on Screen. Part II. *Oriental Courier*. 2023. No. 3. Pp. 208–221. DOI: 10.18254/S268684310028131-2

«Мотивационный фильм»: «Никчемная», или «Светлый путь» по-индийски

В знаменитом советском фильме Г. В. Александрова «Светлый путь» (1940) о неграмотной домработнице Тане, ставшей героиней труда, инженером и депутатом Верховного Совета СССР, присутствовали многочисленные отсылки к «Золушке» и даже фантастический эпизод полета героини на волшебном автомобиле над страной Советов; при этом постоянно подчеркивалось, что своим успехом героиня обязана не фее, а Советской власти и собственному тру-

Илл. 1. **Кадры из фильма «Никчемная» (*Nil Baṭṭe Sannaṭā*),** 2015 г. Реж. А. А. Тивари
Fig. 1. **Stills from the movie "The New Classmate",** 2015. Directed by A. I. Tiwari
Source: Nil Battey Sannata Official Trailer with Subtitle | Swara Bhaskar, Ratna Pathak. YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=rGrhXaVyltc (accessed 09.07.2023)

долюбию. Индийский фильм «Никчемная» (*Nil Baṭṭe Sannaṭā*)[1] режиссера Ашвини Айер Тивари (2015) также рисует «светлый путь» домработницы, и — хотя такой ослепительной карьеры, как Таня, героиня не делает и личного счастья не обретает — ее историю в немалой степени можно назвать сказочной.

Сюжет

Мать-одиночка Чанда воспитывает дочь Апекшу (Апу), работая приходящей прислугой в разных домах Агры. Больше всего времени она проводит в доме одинокой пожилой дамы-парсийки, доктора Диван, будучи для хозяйки скорее подругой, чем служанкой. Некогда вынужденная когда-то бросить школу, Чанда отдает все силы на то, чтобы дать дочери достойное образование и открыть для нее возможность повысить социальный статус. Беда, однако, в том, что Апу совсем не расположена учиться: ее и ее подружек больше интересуют кино и наряды. Особенно плохо ей дается математика, а средствами на репетитора Чанда не располагает. Все попытки убедить дочь разбиваются о железный аргумент Апу: зачем учиться, если она все равно повторит участь матери и тоже станет прислугой, тем более Чанда все равно не сможет оплачивать высшее образование.

Доктор Диван, с которой Чанда делится своими переживаниями, предлагает оригинальный выход: пусть Чанда сама устроится в школу, где учится ее дочь, и своими успехами пробудит в девочке дух соперничества. Госпожа (несмотря на дружеское отношение к служанке она не додумывается просто дать ей денег на репетитора, хотя многие великодушные хозяева помогают слугам обучать детей; впрочем, тогда не о чем было бы снимать кино) отправляется вместе с Чандой к директору школы — своему давнему знакомому и убеждает его принять немолодую ученицу. Не обращая внимание на придирки учителя математики и насмешки одноклассников, которые, впрочем, вскоре полюбили ее (*Илл. 1*), Чанда, с помощью отличника Амара, начинает показывать блестящие результаты в математике, что несказанно раздражает Апу. Чанда обещает дочери покинуть школу, как только Апу покажет на предстоящей контрольной лучшие результаты, чем у матери.

1 В оригинале «ноль разделить [на ноль] — ничто (букв. пустота, безмолвие)», сленговая идиома, означающая «никчемность», «ноль без палочки». В международном прокате фильм получил название A *New Classmate* («Новая одноклассница»). В общедоступном онлайн-формате фильм отсутствует; фрагменты можно увидеть здесь: Nil Battey Sannata Full Movie Scenes | Swara Bhaskar Movie Scene | Pankaj Tripathi Movie Scene. *YouTube*. URL: https://youtu.be/2eGj7XVSSys?si=bOSuQUlMPo9KNHlD (accessed 27.09.2023)

Наконец, Апу добивается желаемых результатов, но Чанда отказывается уйти из школы, ибо видит, что дочь все же учится без должной мотивации и не испытывает подлинного интереса к занятиям. Вынужденная из-за учебы отказаться от обслуживания одного из домов, Чанда устраивается на ночную работу в ресторан. Ее отсутствие в доме по ночам Апу воспринимает как тайное занятие проституцией; похитив сбережения матери, она тратит их на наряды и лакомства, заявив матери, что эти деньги добыты как угодно, но не честным трудом. Чанда бросает школу и отдается работе, мечтая о том, что ее дочь когда-то сможет сдать экзамен на государственную службу и стать чиновницей. Она даже посещает коллектора[2], который принимает ее с искренним сочувствием и обещает всяческую помощь. Тем временем Апу узнает от Амара, что беспричинно оскорбила мать. Охваченная раскаянием, она просит прощения у Чанды, заставляет ее вернуться в школу, начинает увлеченно учиться, и обе — мать и дочь — с одинаково блестящими результатами получают среднее образование. Счастливый финал: повзрослевшая и, очевидно, успешно закончившая колледж Апу с блеском проходит экзамены на государственную службу, а в ответ на поздравления воздает должное матери, которой обязана успехом: теперь Чанда бесплатно занимается с детьми математикой.

Как сделать баи госпожой?

Традиция называть домашних служанок *баи* (*bāī*) пришла, судя по всему, из Мумбаи — это слово на языке маратхи означает «женщина» и традиционно используется для выражения почтения, уважения, просто для вежливого обращения к женщине или упоминания о ней в значении «госпожа», «дама» [3]. Во многих регионах Индии слово стало общепринятым термином для обозначения женской прислуги. В фильме нет никакого обозначения для служанок, кроме *баи*: нередко это слово употребляется во множественном числе как обозначение профессиональной или социальной группы; так, одна из учениц, защищая опоздавшую на урок Чанду, говорит разгневанному учителю, что у «баи нет даже воскресений [для отдыха]».

Как и в других подобных фильмах, в «Никчемной» никто не употребляет слово «каста». Кстати, судя по фамилии Сахай, Чанда и ее дочь относятся не к низкой, а к довольно высокой по статусу касте — каястхов[4]. В фильме ничего не говорится о том, что заставило женщину стать *баи*, была ли она замужем. Нищета принудила ее бросить школу, отправиться в Агру (видимо, из деревни, о чем свидетельствует диалект, на котором говорит в фильме героиня, в то время как у ее выросшей в большом городе дочери вполне приличный стандартный хинди) и зарабатывать обслуживанием богатых домов. Школа, куда ходит Апу и куда поступает Чанда, явно государственная, где учатся, в основном, бедняки: более зажиточные семьи предпочитают тратить непомерные суммы на обучение детей в частных школах — комфортных и дающих образование гораздо более высокого уровня, чем бесплатные государственные; так что никто из учеников не презирает девочку и ее мать за принадлежность к прислуге; насмешки детей вызывает лишь то, что «большая тетя, из-за которой доски не видно» стала их одноклассницей.

Казалось бы, у Апу есть шанс выучиться и подняться по социальной лестнице, но девочка уверена: «сын инженера становится инженером,

2 Глава районной администрации.

3 Не случайно *баи* являлось элементом имени княгинь и других знатных женщин: пример — национальная героиня Индии Лакшми-баи (1828–1858).

4 Каястхи — специфическая социальная группа профессиональных писцов, секретарей, чиновников, возникшая, видимо, на рубеже древности и средневековья. Одни средневековые тексты относили их к «дваждырожденным», другие — к шудрам, многие — к потомству от смешанных браков. С развитием государственного аппарата каястхи стали претендовать на высокий кастовый статус, если не равный брахманам, то ненамного ниже их. Сахай — довольно распространенная среди каястхов Северной Индии и особенно Бихара фамилия.

сын доктора — доктором, а дочь *баи* все равно может стать только *баи*». За повторение такого высказывания мать угрожает дочери «здоровой оплеухой»: она ни в коем случае не хочет, чтобы девочка повторила ее судьбу. В конце концов, и Апу проникается убеждением матери: в финале, когда, поздравляя девушку с успешной сдачей экзамена, член комиссии спрашивает, почему она хочет поступить на гражданскую службу, дочь Чанды откровенно заявляет: «Чтобы не стать *баи*». Таким образом, работа домашней прислуги оценивается, в полном соответствии с реальностью, как исключительно малопрестижное занятие, уйти от которого необходимо любой ценой: для Чанды главная жизненная цель — не позволить Апу повторить судьбу матери.

Если в фильме Александрова фигурируют отрицательные персонажи, то у Ашвини Айер Тивари обе героини существуют в идеальных социальных условиях. Живут они в бедном квартале, хотя и не в трущобе; их квартира, состоящая из одной комнаты, часть которой — кухня, все же лучше, чем каморки героев фильма «Слуга» или пространство под лестницей из «Исключенного»[5]. Девочка ходит в школу; Чанда экономит на стирке белья (не отдает его стиральщику-*дхоби*, как делают многие, даже бедные, индийцы, а сама стирает на берегу реки Ямуны, традиционным способом колотя о камни и расстилая для сушки на берегу[6]). При этом женщина может при необходимости позволить себе ездить на авторикше. Нигде она не встречает грубого обращения (не говоря о побоях): все с ней и ее дочерью вежливы и доброжелательны. Доктор Диван, которую Чанда, по обычаю многих служанок, называет *диди* («старшая сестра»), ведет себя по-родственному и искренне поддерживает — обе женщины беседуют на равных, и Чанда даже садится рядом с хозяйкой, причем на одном с ней уровне. Сущим ангелом выступает районный коллектор (правда, не совсем ясно, чем он помог Апу).

Трудно определить, как изменилось бы положение Чанды и Апу, а также отношение к ним, будь они *далитами*, а не членами вполне «чистой» касты. С одной стороны, женщина не на официальном уровне, но в общении с работодателями или иными «дваждырожденными», равно как и ее дочь в школе, могли столкнуться со стигматизацией или презрительно-брезгливым отношением. С другой, будь мать Апу *далиткой*, а не «миссис Сахай», девочка получила бы возможность воспользоваться многочисленными льготами, установленными правительством Индии для «позитивной дискриминации» бывших неприкасаемых и членов низших каст[7]. В любом случае, создатели фильма «Никчемная» старательно избегают упоминания о кастовых аспектах взаимоотношений слуг и хозяев, сводят неравенство между ними только к имущественному и статусному, причем статус никак не связан с кастой, представлениями о «чистоте» и «осквернении».

Сравнение фильмов «Светлый путь» и «Никчемная» обнаруживает, при всех различиях предвоенного СССР и современной Индии, одну общую черту: главный пафос, который бы в СССР / России назвали агитационным или пропагандистским, а в Индии, в многочисленных интернет-откликах, именуют «мотивационным» и «вдохновляющим». Абсолютное большинство зрительских откликов, с которыми довелось познакомиться, хвалит фильм за трогательную историю, отсутствие сцен насилия, актерскую игру, но главное — за «мотивирование» выходцев из бедных и низких по социальному статусу семей стремиться, несмотря на все препоны, к образованию и повышению статуса [Users' Reviews, 2023]. И лишь в одном из более сотни просмотренных мнений некий Райян Мулла (Rayyan), воздав должное замыслу авторов, призывает зрителей «видеть реальность», а она такова, что Чанда никоим образом не смогла бы найти средств на достойное обучение доче-

5 См. часть I: [Ванина, Крылова, 2023].

6 Всякий, кто бывал в Агре и видел степень загрязнения Ямуны, не может смотреть эту сцену без содрогания.

7 См. подробнее: [Юрлова 2003, с. 298–368].

Илл. 2. **Кадр из фильма «Белый тигр»,** 2020 г. Реж. Р. Бахрани
Fig. 2. **Still from the "The White Tiger" movie,** 2020. Directed by R. Bahrani
Source: The White Tiger | Official Trailer. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=35jJNyFuYKQ (accessed 09.07.2023)

ри и на дорогих репетиторов, без помощи которых, даже при блестящих способностях, Апу не получила бы высоких баллов, так что мечты «родителей из трущоб», которые занимаются «унизительным трудом», чтобы построить лучшее будущее для своих детей, так и остаются мечтами [Audience reviews, 2023].

Постколониальный триллер: «Белый тигр»

Фильм «Белый тигр» вышел на экраны относительно недавно — в 2021 г. Режиссер Рамин Бахрани, американец из семьи иранских иммигрантов, не впервые обращается к теме «третьего мира», но именно об Индии ранее не снимал. «Белый тигр» является экранизацией романа Аравинда Адиги «Белый тигр», написанного на английском языке, получившего Букеровскую премию и переведенного на многие языки мира, в том числе на русский [Адига, 2010]. Сопоставление с книгой позволяет понять, что экранизация Бахрани, несмотря на неизбежные сокращения, достаточно близка к тексту. При этом сокращению, в частности, подверглись именно те моменты, которые могли бы вызвать наибольшее неприятие у индийского зрителя в Индии: это и все откровенные сцены, и высказывания, связанные с проституцией, и самые радикальные формулировки мыслей главного героя о богах, и некоторые самые язвительные шпильки в адрес «крупнейшей демократии в мире». Тем не менее фильм вызвал у индийцев весьма неоднозначную реакцию[8].

Сюжет

Повествование построено в форме серии писем молодого бангалорского предпринимателя Ашока Шармы (прежнее имя — Балрам Халваи, а самое первое — Мунна) китайскому премьеру Вэнь Цзябао, в которых он рассказывает о своем взрослении и становлении в бизнесе. «Белый тигр» — монолог бывшего слуги, многому научившегося благодаря своим наблюдениям. Балрам, умный и предприимчивый парнишка из бедной бихарской деревни, не закончил школу, так как еще в детстве был вынужден работать (*Илл. 2*). Он полуобразован, но обладает недюжинными аналитическими способностями, которые, вместе с решительным характером, индивидуализмом и моральным релятивизмом позволяют ему шаг за шагом выйти в «свет», как он называет мир богачей. В его картине мира огромную роль играет метафора «петушиной клетки» — речь о том, что помимо власти богачей, над рядовым индийцем имеет огромную власть семья, и две эти силы полностью лишают

8 Подробнее о критике «Белого тигра» см., например: [Thiagarajan, 2021].

зажатого между ними человека свободы и надежды на будущее.

Хозяева Балрама, очень богатая семья, занятая угольным бизнесом, состоит из четырех человек: пожилого землевладельца по прозвищу Аист, люди которого занимались рэкетом среди рыбаков Лакшмангарха, родной деревни Балрама; Мукеша и Ашока — старшего и младшего сыновей Аиста, и Пинки — жены Ашока. Родители Балрама умерли, когда он был еще ребенком, но семья у него большая. Балрам рожден в касте *халваи*, традиционное занятие которой — изготовление сладостей. В школе Балрам, единственный в классе, выучился читать по-английски, и инспектор, приехавший с проверкой, обещал ему стипендию для учебы в Дели, но мальчик так и не закончил школу: из-за смерти отца и долгов семьи перед землевладельцами он был вынужден податься в чайную, занимаясь колкой угля.

Однажды увидев дружелюбного к деревенским детям, непохожего на других землевладельцев Ашока, Балрам понял, что хочет быть его слугой, и уговорил главу своей семьи, бабушку Кусум, дать ему денег на обучение вождению (с тем уговором, что весь заработок он будет отдавать в пользу семьи). Научившись водить машину, Балрам упрашивает семью Аиста взять его вторым шофером. Вскоре выясняется, что быть вторым водителем — совсем не то, что быть первым: в его обязанности входит уборка по дому, массаж ног Аиста и другие малоприятные обязанности. Балрам терпеливо сносит надменное отношение хозяев и первого шофера, которого в глубине души ненавидит. Вместе с тем, Балрам ближе знакомится с Ашоком и Пинки, которые долгое время жили в Америке, не одобряют кастовых запретов, и общаются с ним просто и дружелюбно.

Балрам выслеживает первого водителя и узнает его тайну: истово верующий индус оказывается мусульманином, вынужденным скрывать собственную идентичность, так как Аист и его домочадцы, полные религиозных предрассудков, не потерпят подобного соседства. В дом Аиста является Великая Социалистка — главный министр штата, женщина-политик из низкой касты, которую Балрам до сих пор видел только на плакатах. Она требует от бизнесменов финансовой поддержки перед предстоящими выборами, обещая за это продлить разрешение использовать государственные угольные шахты без уплаты налогов. На семейном совете принимается решение о том, что Ашок и Пинки должны ехать в Дели и подкупать конкурентов Великой Социалистки, у которых большие шансы победить на выборах. Их должен везти первый водитель, но Балрам угрожает разоблачить его и вынуждает уйти — так начинающий предприниматель одерживает первую победу над конкурентом. Балрам становится единственным водителем и везет Мукеша, Ашока и Пинки в Дели.

Хозяева заселяются в дорогой отель, Балрам живет в гараже вместе со слугами других постояльцев. Основным занятием хозяев Балрама становятся встречи с делийскими политиками и чиновниками с целью передачи денежных взяток в красной спортивной сумке. Какое-то время Мукеш руководит коррупционным планом, но затем уезжает домой, и Ашок оказывается единственным хозяином Балрама. Балраму не нравится общество вульгарных и циничных делийских шоферов, но он счастлив в обществе демократичных и доброжелательных Ашока и Пинки и пытается перенять их манеры и образ мышления, насколько ему позволяют финансы и образование. Впрочем, между Ашоком и Пинки обнаруживается скрытый разлад: Пинки, выросшая в США, чувствует себя неуютно в откровенно коррумпированной и мафиозной среде индийских богачей, и убеждает Ашока вернуться в США, хотя ее семья индийских эмигрантов-христиан живет там совсем небогато: мать торгует в небольшой лавочке, сама Пинки выросла в бедности.

Ашок избегает откровенных разговоров с женой, но явно чувствует себя более уверенно в окружении всесильной семьи и послушных слуг. Он мечтает о развитии нового, прогрессивного предпринимательства в Индии, но в действи-

тельности оказывается неспособен сделать ни шагу без контроля со стороны семьи. Отношения Балрама с собственной семьей также усложняются. Во время краткого визита Ашока, Пинки и Балрама в Лакшмангарх бабушка Кусум упрекает Балрама в том, что он не сдержал обещание и перестал посылать деньги семье, когда уехал в Дели, и обещает вскоре женить его. Балрам в гневе отталкивает предложенную еду и уходит. Ашок также раздосадован визитом к родным, которые не хотят принять его вестернизированный образ жизни. Он в очередной раз начинает мечтать вслух о новом предпринимательстве, и Балрам предлагает немедленно отправиться в Бангалор. Но на это Ашок оказывается неспособен.

Жизнь Балрама и его отношение к хозяевам круто меняется после страшного события в день рождения Пинки. Сильно выпив, она садится за руль и на огромной скорости посреди пустой ночной делийской улицы сбивает ребенка. В слезах женщина требует вызвать полицию, но Балрам берет ситуацию в свои руки: он убеждает Ашока успокоить ее, посадив на заднее сиденье, садится за руль и уезжает. В гараже Балрам отмывает бампер от следов происшествия и ложится спать, довольный тем, как в тяжелый момент выручил любимых хозяев. На следующее утро, поднявшись в хозяйские апартаменты, он видит там Аиста и Мукеша, которые встречают его необычайно ласково. Приглашен и юрист. Балрама сажают на диван, угощают бетелем и предлагают подписать бумагу, в которой он сознается в том, что ехал в машине один, сбил ребенка и покинул место происшествия. Его семья якобы уже знает обо всем и одобрила этот план.

Балрам в ужасе, но не возражает, так как опасается за жизнь родных. Он подписывает бумагу и с тяжелым сердцем уходит, ожидая ареста и проклиная удел слуги. Однако через несколько дней хозяева вновь вызывают его. Привычное грубое обращение Мукеша и Аиста возвращается. Недоумение Балрама разрешает заплаканная Пинки, которая объявляет ему, что о гибели ребенка никто не заявил в полицию, поэтому его жертва больше не нужна хозяевам. Балрам счастлив, чего нельзя сказать о Пинки: ее терзают угрызения совести, а Мукеш и Аист негодуют по поводу ее желания найти родственников погибшего ребенка и дать им денег. Вскоре Мукеш и Аист уезжают, а через несколько дней Пинки приходит в гараж к Балраму рано утром и просит отвезти ее в аэропорт. Выходя из машины, она выплачивает ему около полутора его месячных зарплат.

Узнав о бегстве жены, Ашок обвиняет во всем Балрама, негодует и уходит в запой. Балрам играет роль верного слуги, который помимо своих обычных обязанностей, должен теперь и заботиться о здоровье хозяина вместо жены. В то же время чувства Балрама к хозяину после всего пережитого теперь крайне амбивалентны: он одновременно любит и жалеет его, и в то же время ненавидит, завидует и презирает. Также амбивалентно и отношение Ашока к Балраму, который то обнимается с ним, говорит, что хотел бы жить простой жизнью, как он, и предлагает вместе организовать музыкальную группу, то отталкивает в гневе и жалеет, что Балрама не посадили в тюрьму за чужое преступление.

Вернувшийся Мукеш организует развод Ашока и помогает брату вернуться к деловым встречам. Вид красной сумки, набитой наличными, сводит Балрама с ума. В мысленном разговоре со своим отцом он признается себе, что взять красную сумку не будет преступлением, ведь эти взятки нужны для того, чтобы богачи могли уходить от налогов, тогда как налоги нужны, чтобы улучшить жизнь бедняков, таких, как он сам. Великая Социалистка выигрывает выборы, несмотря на все усилия семьи Аиста, и требует огромных отступных. Эту сумму Ашок должен отвезти через несколько дней в отель «Шератон».

В надежде на обучение вождению к Балраму приезжает юный племянник из деревни с письмом, в котором бабушка обещает в ближайшее время пожаловаться хозяину на его скупость и прислать в дом хозяина будущую жену Балрама. Мукеш рекомендует Ашоку подыскать нового водителя, и Ашок уже подыскивает кандидатуру.

Пути назад нет. Перед поездкой в отель «Шератон» Балрам прячет под сиденье пакет с чистой одеждой и заранее изготовленную «розочку» из бутылочного горлышка. Племяннику он кладет в карман небольшую сумму денег, надеясь, что мальчик догадается бежать, когда дядя не вернется под утро. По пути в отель на темной дороге под страшным ливнем Балрам останавливается, хитростью выманивает Ашока из машины и перерезает ему горло. Завладев красной сумкой, он приходит на вокзал, но в последний момент перед бегством вспоминает о племяннике и возвращается в гараж, чтобы забрать мальчика с собой.

Беглецы катаются по всей стране, пересаживаясь с поезда на поезд, чтобы запутать следы, и наконец оседают в Бангалоре, где Балрам реализует свой бизнес-план. Он дает взятку начальнику отдела полиции, чтобы тот арестовал всех таксистов с просроченными лицензиями, после чего занимает освободившуюся нишу на рынке, организовав свой таксопарк. Внешне Балрам полностью преображается, и даже заимствует имя своего хозяина: Ашок Шарма. Он ведет бизнес по новым правилам, принимая на себя добровольно некие требования социальной ответственности: все его водители работают по письменным договорам, он никогда не допускает фамильярного обращения с ними, а в случае дорожных происшествий берет ответственность на себя, одновременно «подмазывая» полицию, выплачивая компенсацию родственникам погибших и приглашая их на работу в таксопарк. Несмотря на то, что ему жаль убитого хозяина, жаль и собственную семью, которая была зверски убита по приказу Аиста, он не раскаивается в том, что сделал, поскольку убийство Ашока было для него единственной возможностью почувствовать себя свободным.

Из «тьмы» в «свет»: путь атланта

Система персонажей «Белого тигра» также очевидно отражает разделение на «хозяев» и «слуг». Интересно, что хотя имущественный разрыв между ними значительно больше, чем в фильме Мринала Сена, этот разрыв оказывается преодолимым: Балрам на экране представлен сразу в двух образах: восторженного улыбчивого слуги и вальяжного хозяина. Другими персонажами, выбравшимися из «тьмы» в «свет», являются Пинки и Великая Социалистка. И, конечно, то же преображение вместе с Балрамом переживает его юный племянник. Как и у отсутствующего Палана из «Исключенного», у Балрама есть своеобразные двойники — персонажи, с которыми он сам себя постоянно сравнивает: его отец и брат в мире слуг и Ашок в мире хозяев.

В фильме несколько локаций, повествование очень динамично, и в рамках жизнеописания Балрама почти все эти локации — промежуточные пункты между нищей деревней Лакшмангарх и сверкающим офисом в Бангалоре. Господский дом в Бихаре, как и шикарный делийский отель, разделены на пространства хозяев и слуг уже знакомой оппозицией «верх — низ»: в имении Аиста водители живут в помещении на уровне земли с отдельным входом и собственной газовой плиткой, в Дели — в подземном гараже, где для них оборудован минимум удобств. Бросается в глаза противопоставление света, чистоты, блестящих поверхностей, люстр и зеркал в «пространстве хозяев» темноте, обшарпанности и грязи интерьеров пространства слуг — так реализуется метафора «Индия света и Индия тьмы». При этом одной из самых важных локаций является автомобиль, в котором водитель и хозяева вступают в максимально близкий контакт, тем не менее, и здесь пространства четко разделены: когда Ашок однажды пытается сесть на водительское место, Мукеш его останавливает. И единственный случай, когда Пинки садится за руль, приводит к трагедии. При этом для самого Балрама места, где его селят, представляются чуть ли не хоромами, ведь это отдельные помещения, каких не было в его родном доме, а в гараже делийского отеля он даже спит на кровати.

В костюмах героев «Белого Тигра» оппозиция не очень явная, так как больше бросается в гла-

за противопоставление индийской и западной одежды. Балрам счастлив получить форменную одежду водителя, которая выгодно отличает его от деревенской родни в растянутых футболках, однако чуть позже испачканная форма становится для него уже предметом стыда, когда его отчитывает Пинки. От форменной одежды он избавляется, переодевшись после убийства, а позже, в облике предпринимателя, меняет прическу, носит дорогие костюмы и золотые украшения, одеваясь даже богаче бывших хозяев. И конечно, нельзя не отметить карнавальное переодевание Балрама в ночь, когда Пинки села за руль, а он невольно оказался на хозяйском месте в нелепом наряде махараджи. Все эти внешние превращения совпадают с трагическим переворотом в душе героя после зловещего происшествия.

Мизансцены в фильме Бахрани отражает ту же метафорическую оппозицию «верх — низ», но при этом оппозиция много раз явно сознательно нарушается — когда Пинки, а позже Аист и Мукеш усаживают Балрама на диван рядом с собой, когда Пинки садится рядом с ним на пол, когда Ашок садится на кровать Балрама в гараже, и т. д. Как и в «Исключенном», хозяева говорят, а слуги молчат и слушают, даже подслушивают, причем всезнание слуг подчеркнуто особо — Балрам умеет читать по губам даже то, чего не слышит ушами. При этом для зрителей молчание героя компенсируется его откровенным монологом в исполнении закадрового голоса. Для хозяев Балрама, напротив, его молчание не несет никакой тайны: радостная щенячья улыбка и постоянные уверения в любви и почтении создают облик этакой души нараспашку, верного, наивного и чистого деревенского парнишки.

Довольно интересно и неоднозначно оппозиция хозяев и слуг отражается в речевых переключениях. Язык «Белого Тигра» — это постоянная языковая смесь хинди и английского. В разговорах слуг между собой звучит только хинди (как в деревне, так и в интернациональном Дели!), тогда как закадровый голос героя (его письмо китайскому премьер-министру) — чистый английский с легким индийским акцентом. С хозяевами Балрам поначалу говорит на хинглише (разговорном гибриде хинди и английского языка), с постоянными языковыми переключениями, но по прошествии времени начинает разделять хинди и английский более четко, по-видимому, подхватывая от Ашока и Пинки некоторые английские слова, понятия и выражения. Став предпринимателем, Балрам разговаривает только по-английски даже со своим племянником, с которым прежде говорил на хинди с небольшой примесью английского. Среди хозяев ситуация сложнее: Пинки и Ашок говорят только по-английски, хотя Ашок понимает хинди. Аист и Мукеш употребляют хинглиш, хотя в разговорах между хозяевами в присутствии слуг, по-видимому, предпочитают английский. Таким образом, языковая оппозиция частично сходна с оппозицией в одежде, но отчасти отображает и противопоставление хозяев и слуг.

Основной конфликт «Белого тигра», безусловно, классовый, как и в фильме Мринала Сена. Сам Балрам осмысляет его как борьбу «света» и «тьмы», «людей с большими животами» и «людей с маленькими животами». С его наивной точки зрения многочисленные кастовые различия — дело прошлого, для него важно только бинарное противопоставление богатых и бедных.

«*В прежние времена, когда Индия была богатейшей страной*, — говорит Балрам, — *существовали тысячи каст и судеб. В наши дни есть лишь две касты. Люди с большими животами и с маленькими. И есть лишь две судьбы: есть самому или быть съеденным*».

История героя служит подтверждением этой (конечно, совершенно неверной с точки зрения современной социологии) позиции, ведь он смог оторваться от своей касты и перейти в высший класс общества (даже сменив фамилию кондитера Халваи на брахманскую Шарма). При этом классовый конфликт показан гораздо более кровавым, чем у Мринала Сена: в обоих фильмах по безответственности богатых гибнет бедный ребенок, но «Белый тигр» добавляет к

этой смерти и убийство семьи Балрама, и расстрел «хозяевами» семьи какого-то безымянного проворовавшегося слуги, и убийство Балрамом Ашока, и смерть отца Балрама от туберкулеза из-за того, что предназначенные на здравоохранение деньги разворованы. Смертей в этой борьбе очень много, но сама она напоминает уже не марксистскую борьбу классов, а гоббсовскую войну всех против всех. Ни о каком объединении угнетенных и речи нет: отношения Балрама с другими водителями находятся в спектре от равнодушного отчуждения до зависти, а отношение к семье противоречиво: он и любит, и ненавидит родных, и в конце концов спасает только своего юного племянника, жертвуя остальными.

Поскольку «хозяев» представляет не городской средний класс, а классические для индийского кино жестокие землевладельцы, «деньги в обмен на службу» — лишь одна сторона экономических отношений между двумя мирами. Еще в детстве герой видит, как Мукеш и Аист собирают дань с таких бедняков, как его отец, зарабатывающих тяжким трудом. В результате свадебных трат семьи отец Балрама оказывается в дополнительном долгу перед Аистом, и Балрам лишается возможности получить образование. Уже попав в дом Аиста, Балрам наблюдает, как «хозяева» дают взятки политикам, чтобы уклониться от налогов. Эмоционально особенно интересна сцена, в которой Великая Социалистка призывает Балрама в свидетели жадности его хозяев, вымогая у них взятку. Балрам не только не осуждает продажного главного министра штата, он втайне восхищается ею (как и многие бедняки): она, вышедшая из самых низов общества, вытирает ноги о землевладельцев, делает то, о чем другие, родившиеся во «тьме», могут только мечтать.

Кроме того, необходимым элементом этой экономики является семья, на обеспечение нужд которой уходят почти все заработанные бедняками деньги. Хотя, в отличие от Палана, Балрам сам получает жалованье, почти все оно уходит семье. При этом, в отличие от голодной бенгальской деревни 80-х годов, откуда в «Исключенном» отец отправляет Палана в надежде на двухразовое питание в городе, семья Балрама не голодает физически, они даже едят жирную курицу с рисом, а основные нужды семьи — это свадьбы, приданое невест и покупка буйволиц, тогда как образование и здоровье членов семьи как базовые потребности ни самой семьей, ни окружающим обществом не рассматриваются. Как замечено в [Gajarawala, 2009, p. 22], *халваи* относят к варне *вайшьев*, и положение семьи Балрама по меркам сельской Индии совсем не катастрофично.

В начале своей карьеры Балрам готовит чай, прибирается и колет уголь в чайных, совсем как Палан в доме Сенов. Условия устного договора Балрама с хозяевами не предполагают работы за еду, как в случае Палана — питание Балрам обеспечивает себе сам, зато ему выдают форменную одежду. При этом, как и у Палана, круг его обязанностей довольно широк — помимо вождения, он занимается уборкой, носит тяжести, готовит чай и сладости (а после развода — еще и готовит хозяину еду и выводит его из запоя), развлекает хозяев, выступая их партнером по играм, массирует ноги хозяев, заказывает им готовую еду из ресторанов или с уличного лотка на вокзале. Это требует от него очень хорошо знать их физические и психические особенности. После бегства Пинки Балрам также занимается эмоциональным обслуживанием своего страдающего хозяина. Самым большим шоком для него оказывается подразумеваемая хозяевами «почетная обязанность» оказаться в тюрьме за совершенное хозяйкой преступление. В конце концов он начинает считать, что похищенные им деньги — справедливая оплата за все пережитое (включая несостоявшееся тюремное заключение и грядущую гибель его семьи).

Эмоциональные отношения Балрама с хозяевами во многом являются загадкой для него самого и со временем претерпевают изменения. Он с самого начала ненавидит и боится Аиста и Мукеша, при этом нагло льстит им, сравнивая мироеда Аиста с Махатмой Ганди, отказывает-

ся от зарплаты в деловых переговорах, называя будущих хозяев своими родителями (разумеется, Аист и Мукеш, хозяева «старой школы», ни на секунду не принимают его лесть всерьез, тогда как вестернизированные Ашок и Пинки, действительно, изумлены его сердечностью и простодушием). Отношение Балрама к Пинки включает и раздражение ее «американским» поведением, и невольное вожделение, и страх слуги перед хозяйкой, и некоторое уважение к ее решительности и независимости. Ее упреки по поводу дурных привычек и внешнего вида он не отвергает, прикрываясь лестью, а принимает как важный урок на своем пути из «тьмы» в «свет».

К Ашоку Балрам относится двояко — с одной стороны, видит в нем пример для подражания, перенимает у него представления о современном предпринимательстве, речь, пищевые привычки, даже имя, а в начале их пребывания в Дели их отношения можно назвать почти дружескими. С другой стороны, после ДТП и бегства Пинки Балрам сам не может понять, любит он хозяина или ненавидит. Этот эмоциональный кризис кончается убийством, о котором Балрам не жалеет, хотя в то же время говорит, что ему до сих пор не хватает Ашока. Отношение хозяев к Балраму, конечно, гораздо проще. Для Аиста и Мукеша он почти что говорящая вещь, но в то же время его лицемерие и лесть для них достаточно прозрачны — ведь ничего другого от слуги они не ждут. Мягкосердечные Ашок и Пинки в то же время ведут с ним задушевные разговоры, шутят, называют другом, возмущаются побоями, которые он терпит, сочувствуют (или иногда сентиментально завидуют) его условиям жизни, интересуются его чувствами. В то же время они, обливаясь слезами, позволяют Мукешу и Аисту возложить на него ответственность за ДТП, именно в силу своей безответственности. Пинки требует от Балрама хороших манер, уговаривает его проявлять больше самоуважения, но сама пытается в его присутствии заняться сексом на заднем сиденье машины, а на замечание Ашока, что они не одни, отвечает «ну это же просто Балрам». И то, и другое, как видно, совершенно искренне, и зависит лишь от ее душевного состояния в данный момент. После бегства Пинки Ашок, также в зависимости от настроения, то демонстрирует дружеские чувства и умиление верностью слуги, то обращается с ним грубо, словно копируя своего брата Мукеша: освободившись от влияния вестернизированной жены, он полностью подпадает под влияние брата. Эти непредсказуемые перемены в отношении Ашока к Балраму несколько напоминают зрителю эксцентричного миллионера из комедии Чаплина «Огни большого города», тогда как Балрам в своей любви-ненависти к хозяину остается цельной личностью, осознавая и совмещая обе стороны своего чувства.

***

Мы «посмотрели» четыре фильма, разные по жанру, направленности и таланту создателей. Все их объединяет интерес к социальной проблематике, с которой сталкиваются почти все индийцы, но при этом почти не говорят о ней, как о чем-то привычном, обыденном и вечном. Обращаясь к теме домашней прислуги, создатели фильмов осознают: во взаимоотношениях слуг и хозяев что-то неладно. Это «что-то» кинематографисты декларируют как абстрактную несправедливость со стороны злых и жестоких господ, однако солидарно умалчивают о корне проблемы — кастовой иерархии с ее важнейшим принципом ритуальной чистоты/нечистоты. В трех из проанализированных фильмов слово «каста» даже не произносят, в «Белом тигре» Балрам считает этот институт уделом далекого и счастливого прошлого, а в наше время, по его мнению, существуют лишь две касты: люди с большими животами и люди с маленькими. Однако ему самому оказывается недостаточно разбогатеть и войти в круг обладателей больших животов: он меняет имя и фамилию, причем именно на брахманские, и не просто для того, чтобы скрыться от возможных преследований полиции, но и для того, чтобы возвыситься в кастовом отношении. Балрам хорошо знает: брахман, даже «с маленьким животом», ритуаль-

но чист и уважаем, а разбогатевший выходец из низкой касты подобного статуса не добьется.

Именно кастовым статусом объясняется все изображаемые на экране условия работы и жизни слуг, и это ярко проявляется в сюжете, видеоряде, костюмах, во всех деталях киноистории. Эти люди не просто мало зарабатывают или вообще трудятся, как мальчик Палан, за еду. Они спят в каморках или под лестницей, занимают в любом пространстве «низ», сидят и едят на полу. Каморка, в которой жили герои фильма «Слуга», еще не худший вариант: современные индийские богачи предпочитают селиться не в традиционных особняках, где были помещения для слуг, а в огромных многоквартирных комплексах, где такие каморки вообще не предусмотрены. Слуги приходят на целый день и работают, не имея доступа к воде или туалету. Жестокость хозяев? Ни в коем случае, они просто берегут свой мир от «загрязнения», при этом говорят не о касте («что вы, мы современные люди»), а о том, что живущая в бедных кварталах или трущобах, малограмотная уборщица «занесет инфекцию». «Границы между странами обозначаются заграждениями и охраной», — резюмирует журналист Трипти Лахири, автор информативной и глубокой книги «Служанка в Индии», — «границы между классами — тем, где ты можешь сидеть, куда ты можешь сходить в туалет, где и с кем тебе позволено есть» [Lahiri, 2017, p. xii].

Среди хозяев, изображенных в фильмах, только Дурга из «Слуги» да Аист с Мукешем из «Белого тигра» — воплощенные злоба и жестокость. Супруги Сен, Амар, Ашок с Пинки, доктор Диван — вполне добросердечные, искренне называющие слуг «членами семьи». Только эти «члены семьи» — как бы не совсем люди или существа низшего порядка: им там, «внизу», не положены теплая одежда и одеяло, комната, стул и все прочее, что составляет мир «наверху», не нужны образование, культура, элементарное уважение со стороны тех, кто готов даже сексом в их присутствии заниматься — ведь собаки или кошки они бы не постеснялись. Именно поэтому Чанда из «Ничтожной», живущая, в сравнении с Паланом или Гитой как настоящая леди, готова на все, чтобы ее дочь не стала *баи*. Но авторы фильмов предпочитают молчать о том, что взаимоотношения слуг и хозяев — не просто наем, не рыночный обмен «работа — оплата», а контакт двух миров, которые не могут друг без друга обойтись и, соприкасаясь, всячески сохраняют традиционную иерархию «верх — низ», «чистые — нечистые». И в том, что кино, даже созданное самыми прогрессивными авторами, предпочитает об этом умолчать, сводя ее к тривиальному противостоянию «хороших» и «плохих» или к абстрактной констатации общественной несправедливости, свидетельствует об одном: проблему чувствуют, но о ней не говорят, потому что не знают, как преодолеть.

Список литературы / References

Адига А. *Белый тигр.* М.: Фантом пресс, 2010. 352 с. [Adiga A. *The White Tiger*. Moscow: Fantom Press, 2010. 352 p. (in Russian)].

Ванина Е. Ю., Крылова А. С. «Верх — низ»: индийские слуги и хозяева на киноэкране. Ч. I. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 2. С. 144–159 [Vanina E. Yu., Krylova A. S. Top & Bottom: Indian Servants and Masters on Screen. Pt. I. *Oriental Courier*. 2023. No. 2. Pp. 144–159 (in Russian)].

Юрлова Е. С. *Индия: от неприкасаемых к далитам. Очерки истории, идеологии и политики*. М.: ИВРАН, 2003. 394 с. [Yurlova E. S. *India: From the Untouchables to the Dalits*. Moscow: IOS RAS, 2003. 394 p. (in Russian)].

Audience reviews. Nil Battey Sannata. *Google.* URL: https://tinyurl.com/yc5fuc87 (accessed 08.05.2023).

Gajarawala T. The Last and the First. *Economic and Political Weekly*. 2009. Vol. 44. No. 50. Pp. 21–23.

Lahiri T. *Maid in India. Stories of Opportunity and Inequality within Our Homes*. Delhi: Aleph, 2017. 314 p.

Nil Battey Sannata Full Movie Scenes | Swara Bhaskar Movie Scene | Pankaj Tripathi Movie Scene. *YouTube*. URL: https://youtu.be/2eGj7XVSSys?si=bOSuQUlMPo9KNHlD (accessed 27.09.2023).

Nil Battey Sannata Official Trailer with Subtitle | Swara Bhaskar, Ratna Pathak. *YouTube*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=rGrhXaVyltc (accessed 09.07.2023).

The White Tiger | Official Trailer. *YouTube*. https://www.youtube.com/watch?v=35jJNyFuYKQ (accessed 09.07.2023).

Thiagarajan K. What Indians Who've Known Poverty Think of Netflix's 'The White Tiger' Movie. *NPR*. 2021. URL: https://www.npr.org/sections/goatsandsoda/2021/01/29/961620648/what-formerly-poor-indians-think-of-netflixs-the-white-tiger-movie (accessed 11.05.2023).

Users' Reviews. Nil Battey Sannata. *The Times of India*. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/entertainment/hindi/movie-details/nil-battey-sannata/etmovie_comments/61285898.cms (accessed 08.09.2023).

DOI: 10.18254/S268684310028144-6

Не только Хокусай: три волны японской культуры на Западе. Часть I

Not Just Hokusai: Three Waves of Japanese Culture in the West Part I

© 2023 **Елена Леонидовна Катасонова**

Доктор исторических наук, кандидат филологических наук, заведующая Центром японских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия
katasonova@rambler.ru
ORCID ID: 0000-8065-4671

Elena L. Katasonova

DSc (History), PhD (Philology), Head of the Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia
katasonova@rambler.ru
ORCID ID: 0000-8065-4671

Вот уже более полутора веков мода на японское искусство является одним из важнейших трендов западной культуры. Ее своеобразным символом стала известная гравюра Кацусика Хокусая «Большая волна в Канагаве» (1830–1832) из прославленной серии «36 видов Фудзи». Но что послужило причиной того, что рисунок, созданный японским художником для своих соотечественников много лет тому назад, глубоко запал в души европейцев? Существует несколько ответов на этот вопрос, и один из них сводится к тому, что волны, изображенные на гравюре, олицетворяют собой открытие Японии для внешнего мира, от которого страна была отделена более двух столетий (1641–1853 гг.).

Ключевые слова: японская культура, Кацусика Хокусай, Утагава Хиросигэ, укиё-э, импрессионизм, Моне, Ван Гог

Для цитирования: Катасонова Е. Л. Не только Хокусай: три волны японской культуры на Западе. Часть I. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 3. С. 222–233. DOI: 10.18254/S268684310028144-6

For more than a century and a half, the fashion for Japanese art has been one of the most important trends in Western culture. The famous engraving by Katsushika Hokusai "The Great Wave in Kanagawa" (1830–1832) from the famous series "Thirty-Six Views of Mount Fuji" became its peculiar symbol. But how could it happen that this drawing, created by a Japanese artist for his own compatriots many years ago, sunk so deeply into the souls of Europeans? There are several answers to this question, and one of them boils down to the fact that the waves depicted in the engraving represent the opening of Japan to the outside world, from which the country was separated for more than two centuries (1641–1853).

Keywords: Japanese culture, Katsushika Hokusai, Utagawa Hiroshige, ukiyo-e, impressionism, Claude Monet, Vincent Van Gogh

For citation: Katasonova Elena L. Not Just Hokusai: Three Waves of Japanese Culture in the West. Part I. *Oriental Courier*. 2023. No. 3. Pp. 222–233. DOI: 10.18254/S268684310028144-6

Почему Хокусай, или С чего все начиналось?

Вот уже около двух веков мода на японское искусство является одним из важнейших трендов западной культуры. Его своеобразным символом стала известная гравюра Кацусика Хокусая «Большая волна в Канагаве» (1830–1832) из прославленной серии «36 видов Фудзи» (*Илл. 1*), вошедшая в японское классическое наследие. Работа выдающегося японского мастера стала одним из самых популярных произведений япон-

Илл. 1. **Кацусика Хокусай. Большая волна в Канагаве**
Из серии «36 видов Фудзи». Гравюра на дереве. 1830–1832 гг.
Fig. 1. **Katsushika Hokusai. The Great Wave off Kanagawa**
From the series "36 Views of Mount Fuji". 1830–1832
Source: URL: https://artchive.ru/news/4628~Bol'shaja_volna_Khokusaja_ustanovila_novyj_rekord#show-media://photo/7514732 (accessed 18.09.2023)

ского изобразительного искусства за пределами его родной страны, а в наши дни ее изображение можно встретить по всему миру на сувенирных чашках, вазах, футболках, обложках книг, на школьных ранцах и т. д., поэтому «Волна» порой воспринимается поклонниками массовой культуры как один из ее самых растиражированных образов. Правомерность этого суждения — вопрос спорный, впрочем, нельзя отрицать и того, что до сих пор не существует единого мнения о секрете притягательности этой гравюры и о скрытом смысле, заключенном в ней.

С художественной точки зрения картина представляет собой синтез восточного и западного искусства, и интересна, прежде всего, тем, что Хокусай в этой работе первым из японских художников совместил технику создания классических японских гравюр с европейскими живописными традициями. Речь о том, что он первым в Японии начал применять к традиционному искусству законы линейной перспективы, и, насколько это возможно в японской живописи, добавил в него элементы реализма. Гравюру отличают внимание к деталям и наличие некой философской идеи, что совершенно не характерно для работ японских художников.

На зрителя буквально накатывается изображенная в сине-белых тонах гигантская волна, на гребне которой вздымается морская пена, напоминая когти фантастического животного и производя впечатление чего-то необузданного и зловещего. В самом центре разыгравшейся стихии едва заметно проступают очертания трех лодок с гибнущими рыбаками, чудесное спасение которых зависит только от сил природы. При этом на заднем плане безмятежно возвышается величественная гора Фудзи, над вершиной которой как бы зависли хлопья пены, что создает потрясающий оптический эффект падающего снега. Возможно, именно сочетание хаоса и покоя, бессилия людей и безграничности силы природы покорило любителей искусства, но и это объяснение далеко не полностью позволят понять, как этой гравюре Хокусая удалось завоевать мир [Лантаци, Маттеуцци, 2022].

Существуют и другие толкования шедевра, в том числе, связанные с историческими событиями, которые образно запечатлел в гравюре Хокусай. Речь об открытии Японии после почти двух с половиной веков мирной изоляции от остального мира, проводимой военным правительством *бакуфу* (幕府) под флагом защиты единства и независимости государства в 1641–1853 гг. Изображенная на гравюре морская стихия — символ непоколебимости, непреодолимого барьера, своеобразного «железного занавеса» вокруг Японии, призванного на протяжении долгих лет защищать ее уникальность и самобытность от иноземного влияния.

Но существует и другая трактовка «Волны», сторонники которой видят в этой необузданной стихии идею скорого крушения всех искусственно возведенных преград для общения Японии с миром и приобщения ее к внешнему миру. Последняя версия лучше вписывается в нашу схему рассуждений о трех основных этапах проникновения японской культуры на Запад, начало которому положили традиционные японские гравюры, а также другие предметы декоративно-прикладного искусства, ставшие для жителей европейских стран своеобразной визитной карточкой этой тогда еще малознакомой, но удивительно привлекательной страны.

Образно говоря, вслед за «Большой волной» Хокусая из Японии на Запад хлынул мощный культурный поток, обогативший мировую цивилизацию и новыми формами, и новым содержанием. Он продолжает бурное и порой непредсказуемое течение и в наши дни, начав формирование нового образа культуры Японии для миллионов людей на Западе и на Востоке.

Первая культурная волна: экспорт фарфора и оберточные материалы

В конце XIX в. коммодор Мэтью Перри (Mathew C. Perry; 1794–1858) силами американской флотилии положил конец мирной изоляции Японии. Однако полного «закрытия»

страны до этого события не произошло: в распоряжении голландцев оставался небольшой искусственный остров Дэдзима возле г. Нагасаки, откуда в Европу продолжали вывозить мелкими партиями местные товары: предметы декоративно-прикладного искусства — лаковые изделия: вазы, веера и декоративные ширмы, но особую ценность для иностранцев в то время представлял японский фарфор.

Производство фарфора началось в Японии достаточно поздно по сравнению с соседними Китаем и Кореей, овладевшими этим искусством еще в VIII в. Спустя несколько веков корейские гончары, привезенные на остров Кюсю местным князем, поделились секретами мастерства с японцами, а те, в свою очередь, по национальной традиции, изрядно поработали над представленными образцами, дополнив их оригинальным и изящным декором, начиная от изысканного растительного узора, заимствованного из японской живописи, и заканчивая золотым оформлением, имитирующим парчовые ткани. Таким образом, в первой половине XVII в. японский фарфор пережил период массового экспорта в Европу, да и в Азию [*Керамика и фарфор Дальнего Востока…* 2012].

Но речь не о самом фарфоре, а о том, что вместе с ним в Европу стали проникать японские гравюры, которые в дальнейшем произвели настоящую революцию в европейском искусстве. **Правда тогда эти маленькие шедевры выполняли роль красивой и плотной оберточной бумаги.** В Японии тоже в то время мало ценили это искусство. Гравюры продавали по цене чашки лапши, и несли они преимущественно утилитарную функцию: украшали скромные жилища горожан, рекламировали изделия ремесленников и развлечения ночного города, изображали актеров театра кабуки, куртизанок, борцов сумо, иллюстрировали бульварное чтиво и т. д.

В качестве произведений искусства японские гравюры впервые предстали перед европейцами лишь после официального открытия государственных границ. Знакомство произошло на международных промышленных выставках — сначала в Лондоне в 1862 г., а затем в Париже в 1867 г. Последнее событие случилось ровно за год до того, как в Японии произошла реставрация императорской власти Мэйдзи (1868 г.), и страна стала ускоренными темпами входить в капиталистическую стадию общественного развития.

К 1870-м годам волна японских поделок и произведений искусства уже захлестнула Париж — охотники за редкими диковинками устраивали чуть ли не настоящие баталии за право стать их обладателем, а подлинные коллекционеры заказывали специальные деревянные витрины с прозрачными дверцами для хранения японских шкатулок, фигурок нэцкэ, лаковых изделий. Но в первую очередь внимание местной художественной интеллигенции привлекли к себе японские гравюры на дереве в жанре *укиё-э* (浮世絵). В переводе с японского языка это название означает «картинки изменчивого мира», что как нельзя лучше отражало дух набиравшего в те годы популярность нового художественного движения — импрессионизма.

Французский художник Гюстав Курбе (1819–1877), которого считают предтечей импрессионистического движения, якобы, прежде чем написать свою знаменитую серию картин Атлантического океана летом 1869 г., долго восторгался гравюрой Хокусая «Большая волна в Канагаве», а также работами тогда еще малоизвестных в Европе японских мастеров, кардинально изменивших его представления о художественной эстетике (*Илл. 2*): «в то время как в XIX веке европейские художники идеализировали красоту природы, Курбе предложил интенсивное видение бурного моря, мучительного и тревожного, со всей дикой мощью природных сил в действии» [Kulturologia, 2021].

Новое ощущение природы, столь эмоционально переданное в картинах Курбе, глубоко встревожило ярых традиционалистов Парижского Салона, долгие годы диктовавших европейскому искусству строгие каноны и рьяно их оберегавших. Зато для молодых художников, буквально изнывавших от бремени надоевшего

Илл. 2. **Гюстав Курбе. Бурное море**
1869 г. 117 × 160,5 см
Fig. 2. **Gustave Courbet. Stormy Sea**
1869. 117 x 160.5 cm
Source: URL: https://allpainters.ru/kurbe-gjustav/12075-burnoe-more-gyustav-kurbehtml?ysclid=lmyy7bqup1292110264 (accessed 25.09.2023)

академизма, ставшего тормозом в дальнейшем развитии искусства, знакомство с искусством Японии во многом расширило горизонты творчества. Этих художников влекли новые художественные идеи, новые сюжеты, новые средства выразительности, новое восприятие мира. Все это они смогли найти и прочувствовать в японском искусстве [Калитина, 1981].

В этом новом, недавно открывшемся для молодых авторов художественном пространстве художников привлекало буквально все: и оригинальное использование цвета, и диагональные композиции, и вертикальный формат, и совершенно иное видение и передача перспективы. А японские ирисы, пионы, бамбук, бабочки, стрекозы и многие другие явления природы вместе с атрибутами японской экзотики — иероглифами, лаковыми ширмами, кимоно и пагодами стали неиссякаемым источником вдохновения, осмысления и самовыражения.

С этого времени на Западе началось формирование ставшего впоследствии расхожим на многие десятилетия представления о Японии как о завораживающей стране с утонченной эстетикой, неповторимым колоритом и древними самобытными традициями. Европу охватил настоящий бум японской культуры, в первых рядах поклонников которой оказались художники — Клод Моне, Эдуар Мане, Мари Кассат, Эдгар Дега, Анри де Тулуз-Лотрек, Винсент Ван Гог и др.[1]

В книгах по зарубежному искусству тиражируется история о том, как Клод Моне (1840–1926) еще в 1871 г. совершенно случайно обнаружил в продовольственной лавке в Амстердаме японские гравюры [Бобкова, 2018]. К удивлению художника, продавец привычно упаковывал в них сыр, рыбу и прочую гастрономию. Но самое поразительное ждало Моне впереди, когда он увидел в подсобке магазинчика целый ящик этой бесценной «оберточной бумаги», которая по тем временам стоила сущие копейки. Тогда бедный начинающий художник, несмотря на ограниченность в средствах, скупил все эти запасы разом, положив начало своей богатой коллекции гравюр, число которых со временем превысило две сотни работ [Бобкова, 2018].

Маленькие шедевры служили для художника не только предметом гордости, но и великолепным украшением его скромного жилища, а главное — бесценным учебным материалом. Моне постоянно копировал рисунки японских мастеров, перенимая манеру письма, овладевая особой техникой создания тончайших линий и яркой многоцветной палитрой. Но главное, в чем он стремился достичь мастерства восточных учителей, — это создание больших серий работ на заданную тему. Так родилась известная серия картин «Руанский собор», написанная в 1892–1895 гг. (*Илл. 3, 4*).

На всех полотнах изображался фасад одного и того же знаменитого собора в разное время су-

1 А. Арсеньева. Влияние Японии на европейских художников. *Искусство видеть*. 30.09.2019. URL: https://annaeveart.ru/japan/ (accessed 30.09.2023)

Илл. 3. **Клод Моне. Западный фасад**
Из серии «Руанский собор». 1894 г.
Fig. 3. **Claude Monet. Western Façade**
From the "Rouen Cathedral" series, 1894
Source: URL: https://kartinny.ru/mirovye/ruanskij-sobor-klod-mone?ysclid=lmyz0og7b0499478129 (accessed 25.09.2023)

Илл. 4. **Клод Моне. Фасад (закат), гармония золотого и голубого**
Из серии «Руанский собор». 1892–1894 гг.
Fig. 4. **Claude Monet. "Façade (Sunset), Harmony in Gold and Blue**
From the "Rouen Cathedral" series, 1892–1894
Source: URL: https://kartinny.ru/mirovye/ruanskij-sobor-klod-mone?ysclid=lmyz0og7b0499478129 (accessed 25.09.2023)

ток, в разные сезоны, при разной погоде, с разных ракурсов. Общее число видов первоначально приближалось к 40, но часть эскизов была со временем утеряна, и до наших дней дошло всего лишь 30. Невольно вспоминаешь и «36 видов Фудзи» Хокусая, которых в реальности было написано 46, и шедевры другого прославленного японского мастера гравюр — Утагавы Хиросигэ, знаменитого масштабными художественными циклами «53 станции Токайдо» и «100 известных видов Эдо» (199 зарисовок). Так что поспорить с японцами в количественном отношении Моне тогда не удалось.

И все-таки мастер поставил своеобразный художественный рекорд, посвятив последние 30 лет жизни созданию самого знаменитого цикла работ в технике масляной живописи. Это 250 полотен, объединенных под общим названием «**Кувшинки**», которые принесли художнику мировую известность (*Илл. 5*). Конечно, и здесь не обошлось без влияния японской эстетики. Дело в том, что пруд с цветущими кувшинками, или водяными лилиями (ненюфарами), — тоже плод реализованной фантазии Моне, создавшего в своей усадьбе в Живерни маленький уголок Японии. Для этого художник разбил японский сад, соорудил в нем типичный японский пруд, запустил туда кувшинки и построил японский мостик, что, по признанию художника, стало его самым значительным шедевром, данью увлечению Японией, пронесенному через всю жизнь.

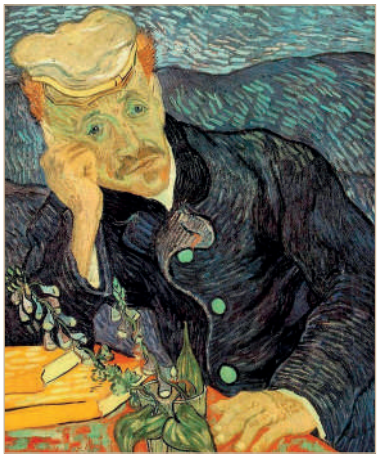
Япония ответила прославленному живописцу такой же преданной любовью к его творчеству, чему можно найти много свидетельств. Одно из них — специальная экспозиция работ великого француза в одном из известнейших музеев современного искусства, построенном в 2004 г. по проекту известного архитектора Тадао Андо (安藤忠雄, род. 1941 г.) на небольшом острове Наосима во внутреннем море Сэто-Найкай [Aier, 2011]. В музее все необычно, начиная с того, что основные его помещения находятся под землей, чтобы не затрагивать красивые природные пейзажи и предоставить каждому возможность переосмыслить отношения между природой и человеком. Привлекает внимание и богатая постоянная коллекция музея, где можно

Илл. 5. **Клод Моне. Пруд с кувшинками** (Японский мостик)
Из серии «Кувшинки». 1899 г. 90,5 × 89,7 см
Fig. 5. **Claude Monet. Pond with Water Lilies** (Japanese Bridge)
From the "Water Lilies" series. 1899. 90.5 × 89.7 cm
Source: URL: https://muzei-mira.com/kartini_francii/2651-prud-s-kuvshinkami-japonskij-mostik-klod-mone-opisanie-kartiny.html (accessed 25.09.2023)

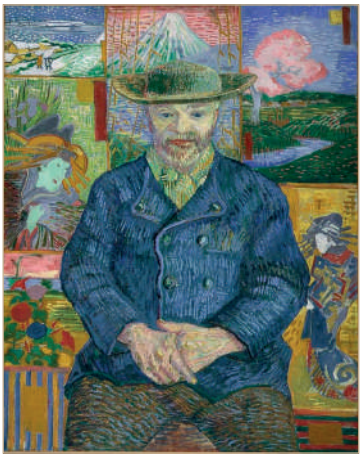
увидеть работы художников Уолтера де Марии (Walter De Maria; 1935–2013), Джеймса Тарелла (James Turrell; род. в. 1943 г.) и других.

Но, пожалуй, самая впечатляющая часть коллекции — пять картин Клода Моне из серии «Кувшинки», которым отведено специальное пространство, позволяющее наслаждаться произведениями французского живописца при естественном освещении. Все здесь обустроено так, что в течение дня и в течение всех четырех сезонов вы имеете возможность увидеть эти полотна в разном световом обрамлении. Но не только это поражает в зале Моне: его размер, дизайн и используемые материалы тщательно подобраны так, чтобы объединить картины художника с окружающим пространством. Для этого в минимальном отдалении от стен здания разбит сад, состоящий из почти двухсот видов цветов и деревьев, похожих на посаженные Моне в Живерни. Это и те же водяные лилии, которыми так увлекался художник, и ивы, и ирисы, и другие растения, которые он любил изображать. Более того, **в музейном магазинчике вам предложат печенье и варенье, приготовленные по рецептам Моне**. Так что невидимая, но остро ощущаемая художественная связь между Клодом Моне и Страной восходящего солнца остается чрезвычайно прочной и в наши дни.

Хорошо известно, что японцы чуть ли не самые преданные поклонники французских импрессионистов. Причем этот огромный интерес зародился не сегодня и не вчера, а буквально в первом десятилетии XX в., когда началось настоящее культурное паломничество из Японии во Францию, куда отправлялись самые отчаянные фанаты современного искусства, чтобы побывать на выставках работ кумиров, посетить их мастерские, увидеть, как те работают, а если



Илл. 6. **Винсент Ван Гог. Портрет доктора Гаше**
1890 г. 67 × 56 см
Fig. 6. **Vincent Van Gogh. Portrait of Doctor Gachet**
1890. 67 × 56 cm
Source: URL: https://kulturologia.ru/blogs/270216/28604/?ysclid=ln8wgbsnnh509483566 (accessed 25.09.23)



Илл. 7. **Винсент Ван Гог. Портрет папаши Танги**
1887 г. 92 × 75 см
Fig. 7. **Vincent Van Gogh. Portrait of Père Tanguy**
1887. 92 × 75 cm
Source: URL: https://gallerix.ru/album/Vincent-Van-Gogh/pic/glrx-1142395910 (accessed 26.09.23)

повезет и познакомиться с ними. В наше время японцы стали основными покупателями картин знаменитых импрессионистов на самых престижных международных аукционах.

Ван Гог

Настоящей сенсацией в 1987 г. стала покупка страховой компанией *Yasuda Fire&Marine Insurance* на аукционе *Christie's* картины Винсента Ван Гога «Подсолнухи» за рекордную на то время сумму в 40 млн. долл. Правда, сегодня специалисты утверждают, что картина принадлежит кисти не Ван Гога, а его друга Поля Гогена [40 млн долларов… 2001]. Так или иначе, то были не первые «Подсолнухи», купленные японцами: Ван Гог написал семь таких картин, и они уже выставлялись на продажу. Но на этом интерес к работам великого мастера в Японии не исчез. Уже в начале 1990-х гг. японский миллиардер Рёэй Сайто бьет рекорд своего предшественника, став обладателем «Портрета доктора Гаше» кисти Ван Гога (*Илл. 6*) и выложив за него 82.5 млн. долл. [Контрелев, 1999]. В течение почти 15 лет после этой сделки картину называли самым дорогим полотном в мире, проданным на аукционе. Сегодня же она переместилась на седьмое место в постоянно меняющемся списке раритетов. Правда, самое печальное в этой истории состоит в том, что дальнейшая судьба шедевра Ван Гога вызывает серьезные опасения искусствоведов. Имеются сведения о том, что после смерти Сайто у картины появился новый владелец, но ни его имя, ни местонахождение работы до сих пор неизвестны.

Нечто подобное уже не раз случалось с картинами Ван Гога, многие из которых буквально переходили из рук в руки, хотя при жизни художника была продана всего лишь одна его работа. Сегодня произведения этого мастера бьют все ценовые рекорды в мире, но больше всего его чтят и любят в Японии. Наверное, срабатывает та же реакция японцев, как и в случае с Моне, ведь большая часть творческой жизни Ван Гога прошла под влиянием его огромного интереса к культуре и искусству этой страны, бывшей для художника чем-то вроде Атлантиды [Жуковская, 2023].

Ван Гог никогда не был в Стране восходящего солнца, но она постоянно присутствовала в его

бесконечных творческих фантазиях, в особенности во время его пребывания во Франции, когда восточное искусство было там на пике моды. Именно здесь он создал в воображении свою маленькую «внутреннюю» Японию — идеализированный островок красоты и комфорта, который ассоциировался у него, прежде всего, с югом Франции — местечком Арль в Провансе. Здесь художник провел свою «японскую весну», изображая все новые цветущие деревья как на гравюрах японских мастеров; он даже намеревался создать коммуну художников наподобие поселения японских буддийских монахов.

Однако более плотное знакомство Ван Гога с японским искусством произошло несколько позже в Антверпене, в Голландии, не прерывавшей контактов с Японией, из-за чего японские изделия не пользовались там таким же спросом, как во Франции, и цены на них были куда демократичнее. Эти обстоятельства подвигли начинающего художника к первым приобретениям, на которые он тратил все деньги, в конечном счете оказавшись в большом выигрыше и собрав первоклассную коллекцию японских гравюр. При этом Ван Гог не только бережно хранил эти маленькие шедевры, наслаждаясь их красотой, но и переписал в масле практически все приобретенные работы, в том числе произведения Хиросигэ и других японских мастеров. Если раньше он отдавал предпочтение портретам и городским пейзажам, то теперь центральное место на его картинах заняла природа — растения, животные и предметы быта. Новое восприятие живописи наложило отпечаток и на другие работы художника, в частности, на портреты. Самые известные из них — это автопортрет в образе буддистского монаха и «Портрет папаши Танги» (*Илл. 7*) на фоне фрагментов японской живописи.

В мае 1886 г. журнал "*Paris Illustre*" выпустил специальный номер, посвященный японскому искусству, обложку которого украсила гравюра Кэйсая Эйсэна «Куртизанка» в интерпретации Ван Гога, привнесшего много нового в хорошо известное произведение (*Илл. 8*). Художник поместил героиню на яркий желтый фон, расцветил ее кимоно чистыми локальными красками, а рамку украсил не иероглифами, как в оригинале, а изображением бамбука и аистов в пруду.

При этом важно отметить, что японское влияние на творчество Ван Гога нельзя считать ни буквальным, ни систематическим, поскольку найти прямое сходство каждой работы с японским оригиналом обнаружить можно не всегда. Тем не менее японское искусство сопровождало Ван Гога на протяжении всей жизни. Художник любил повторять, что стал смотреть на мир «японскими глазами», что «хотел понять, как чувствует и рисует японец».

А еще японские гравюры послужили основой для экспериментов Ван Гога с импрессионизмом: он убирал глубину цвета и тени, добавлял яркий фон и заливку однородной краской и т. д. Так родилось новое художественное направление — постимпрессионизм, появившийся в тесной взаимосвязи с японским искусством. В свою очередь, постимпрессионизм достаточно тесно связан со стилем модерн, столь любимым в Европе рубежа XIX–XX вв., в эстетике которого нетрудно заметить эстетические особенности дальневосточного искусства.

Япония и модерн

Много написано о том, что среди поклонников Японии рубежа веков были не только художники, но и писатели, композиторы и деятели культуры, ставшие первыми профессиональными ценителями и коллекционерами японских гравюр, кимоно, вееров, фарфора. Достаточно назвать прославленного писателя Эмиля Золя, дом которого буквально утопал в японских гравюрах. Японскими рисунками восхищался и известный поэт Шарль Бодлер — любитель всего необычного и экстравагантного, и братья Эдмон и Жюль де Гонкур, усилиями которых во Франции вышли книги о творчестве Кацусика Хокусая и Китагава Утамаро.

Но, пожалуй, больше всех преуспел в увлечении Японией писатель **Робер де Мон-**

Илл. 8. **Кэйсай Эйсэн. Куртизанка**
(в интерпретации Винсента Ван Гога)
Обложка журнала «Paris Illustre». 1886 г.
Fig. 8. **Keisai Eisen. Oiran**
(interpreted by Vincent Van Gogh)
Cover of "Paris Illustre" magazine. 1886
Source: URL: https://www.pivada.com/en/vincent-van-gogh-copy-works-2

Илл. 9. **Эмиль Галле. Ваза с карпами в стиле ар-нуво**
Fig. 9. **Emile Galle. Vase with carps in Art Nouveau style**
Source: URL: https://vsemart.com/art-nouveau-glass-maker-emile-galle/ (accessed 26.09.23)

тескью (Robert de Montesquiou; 1855–1921). Известный эстет и любитель роскоши, он с головой ушел в изучение японской религиозной философии, для чего даже возвел на своем участке домик в японском стиле, где устраивал чайные церемонии. Вдобавок ко всему он выписал садовника из Японии и обустроил в саду красивый пруд в японском стиле, где по примеру Моне стал выращивать водяные лилии. Он часто срывал их и отправлял другу — известному художнику по стеклу **Эмилю Галле** (1846–1904), делавшему по ним эскизы, слепки и запускавшему в работу. Так рождались растительные орнаменты, изогнутые линии стеблей, причудливые формы водяных лилий, парящие в воздухе бабочки и стрекозы. Все это пришло из японской традиции и стало основой популярного во всем мире стиля модерн, авторство которого по одной из версий приписывается Эмилю Галле — талантливому и загадочному по духу французскому художнику, соединившему в своем искусстве дерево, стекло и ботанику, яркому представителю неумирающего стиля ар-нуво (L'Art Nouveau), французского образца модерна (*Илл. 9*).

На самом деле, слово пошло от названия магазина, где торговали японскими гравюрами и фарфором. Его открыл в Париже в 1895 г. коллекционер и коммерсант **Зигфрид Бинг** (Siegfried Bing, 1838–1905), и так вошел в историю мирового искусства. И это всего лишь несколько примеров, позволяющих судить о художественной революции, которую совершило японское искусство в Европе, и, в первую очередь, во Франции на рубеже XIX–XX вв. Ее влияние распространилось и на архитектуру, на ландшафтный дизайн, на моду и даже на музыкальные представления. Достаточно назвать уже забытую сегодня **оперетту «Микадо»** (The Mikado; 1885) **Артура Салливана** (Arthur Sullivan; 1842–1900) или до сих пор весьма популярную у зрителей оперу Джакомо Пуччини «Чио-Чио-сан» (1904).

Если обратиться к европейской одежде, то на память прежде всего приходит имя известного французского модельера (англичанина по про-

Илл. 10. **Поль Пуаре. Пальто в японском стиле для модного Дома Ворт.** 1910 г.
Fig. 10. **Paul Poiret. Japanese-style coat for the fashion House of Worth.** 1910
Source: URL: https://vita-colorata.livejournal.com/856377.html?ysclid=ln081wdymr355007262 (accessed 26.09.23)

Илл. 11. **Мадлен Вионне. Вечернее платье «Японский веер».** 1925 г.
Fig. 11. **Madeleine Vionnet. Evening gown "Japanese Fan".** 1925
Source: URL: https://ru.pinterest.com/pin/540080180295169670/ (accessed 26.09.23)

исхождению) **Чарльза Ворта** (Chatles Worth; 1825–1895), который не только был восхищен японским кимоно, но и творил с ним разные чудеса. Для начала он облачил богатых клиенток в японское кимоно как в нарядную домашнюю одежду, и женщинам пришлась по вкусу эта задумка модного кутюрье, получившая в дальнейшем оригинальное продолжение. Не только кимоно, но и вся японская одежда предоставила западным модельерам много новых идей — от многоярусного платья с воланами, названного «пагодой» по аналогии с архитектурной формой, и заканчивая так называемыми цилиндрическими конструкциями, ставшими изобретением дизайнеров-новаторов — Мадлен Вионне (Madeleine Vionnet; 1876–1975) и Поля Пуаре (Paul Poiret; 1879–1944) (*Илл. 10, 11*).

Исторически сложилось так, что любой факт влияния японской культуры на западное искусство, начавшегося со второй половины XIX в., стали объединять в понятие «**японизм**», ставший крупным художественным движением в конце XIX — начале XX вв. У истоков термина «японизм» стоял известный французский искусствовед и коллекционер **Филипп Бюрти** (Philippe Burty; 1830–1890): в 1872 г. именно под таким названием он выпустил серию статей, опубликованных в журнале «*Литературное и художественное возрождение*» и *Gazette des Beaux-Arts* с мая 1872 по февраль 1873 г. И хотя принято считать, что уже к 1920-м годам понятие «японизм» себя исчерпало, оно не теряет актуальности и по сей день.

Список литературы / References

40 млн долларов за подделку под Ван Гога. 19.10.2001. *Тихоокеанская звезда* [40 Million Dollars for a Van Gogh Fake. 19.10.2001. *Tihookeanskaya Zvezda* (in Russian)]. URL: https://toz.su/arkhiv/?ELEMENT_ID=59891&ysclid=ln8spf97i2797171220 (accessed 30.09.2023).

Арсеньева А. Влияние Японии на европейских художников. 30.09.2019. *Искусство видеть*.

[Arsenyeva A. The influence of Japan on European artists. 30.09.2019. *Iskusstvo videt'* (in Russian)]. URL: https://annaeveart.ru/japan/ (accessed 30.09.2023).

Жуковская Д. История культуры. Влияние японской графики на творчество Ван Гога. *Historicus.* 2023 [Zhukovskaya D. History of Culture. The Шnfluence of Japanese Пraphics on Van Gogh's Work. *Historicus.* 2023 (in Russian)]. URL: https://historicus.media/vliyanie_yaponsloi_grafiki_na_tvorchesvo_Van_Goga/?ysclid=ln8sxkws4n621600690 (accessed 30.09.2023).

Калитина Н. *Гюстав Курбе. Очерк жизни и творчество*. М.: Искусство, 1981. 184 с. [Kalitina N. *Gustave Courbet. Essay on life and creativity*. Moscow: Iskusstvo, 1981. 184 p. (in Russian)].

Керамика и фарфор Дальнего Востока: проблемы стиля и взаимовлияний. Труды Государственного Эрмитажа. Т. 59. СПб: Эрмитаж, 2012. 184 с. [Ceramics and porcelain of the Far East: problems of style and mutual influences. Proceedings of the State Hermitage. Vol. 59. St. Petersburg: Hermitage, 2012. 184 p. (in Russian)].

Контрелев Ф. Японский миллионер в одном гробу с Ван Гогом и Ренуаром. 29.07.1999. *Коммерсантъ* [Kontrelev F. Japanese millionaire in the same coffin with Van Gogh and Renoir. 29.07.1999. *Kommersant* (in Russian)] URL: https://www.kommersant.ru/doc/222717?ysclid=ln8ssy9fs8382792241 (accessed 30.09.2023).

Лантаци Дж., Маттеуцци Ф. Хокусай. *Великая волна, прокатившаяся по всему миру*. М.: Эксмо, 2022. 128 с. [Lantazi G., Matteuzzi F. Hokusai. A Great Wave that Swept Across the World. Moscow: Eksmo, 2022. 128 p. (in Russian)].

Aier P. Museum Peace: Japan's Naoshima Island. *The Guardian*. 10.07.2011. URL: https://www.theguardian.com/travel/2011/jul/10/japan-travel-art-island-naoshima (accessed 30.09.2023).

Kulturologia. Откуда появились японские мотивы в творчестве Клода Моне и других известных западных художников. 24.01.2021. *Культурология* [Kulturologia. Where Did Japanese Motifs Come from in the Works of Claude Monet and Other Famous Western Artists. 24.01.2021. *Kulturologia* (in Russian)]. URL: https://kulturologia.ru/blogs/240121/48736/ (accessed 10.06.2023).

DOI: 10.18254/S268684310028209-7

Японизм в русской печатной графике рубежа XIX–XX веков

Japonisme in Russian Printed Graphics at the End Of the 19th – the Beginning of the 20th Century

©2023 **Анна Игоревна Чернышева**

Научный сотрудник, хранитель русской и советской гравюры XX века,
Отдел графики ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва, Россия
anna.chernisheva@arts-museum.ru
ORCID ID: 0000-0003-3888-561X

Anna I. Chernysheva

Researcher, curator of Russian and Soviet engravings of the 20th century, Graphic Department of The Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia
anna.chernisheva@arts-museum.ru
ORCID ID: 0000-0003-3888-561X

Японизм — сложнейшее явление, в основе которого лежит проникновение японской культуры в западное общество. Русские художники постигали его преимущественно в Европе одновременно с новейшими течениями в западном искусстве. В их воспоминаниях часто встречаются имена Хокусая, Хиросигэ и Утамаро: именно знакомство с гравюрами этих мастеров оказало решающее воздействие на изобразительный язык целого поколения художников. Погружение в технику японской гравюры укиё-э на дереве вело к экспериментам, итогом которых стала рецепция русскими художниками целого ряда принципов графической интерпретации изображаемых предметов, пространственной структуры и композиции.

Одной из первых занялась цветной гравюрой М. В. Якунчикова (1870–1902), в работах которой заметен сплав различных тенденций, сочетавших новаторские идеи европейских художников, влияние японской гравюры на дереве и эстетизм «Мира искусства». Основные черты офортов Якунчиковой — лаконичность и сдержанность композиций, отсутствие чрезмерной детализации, плавность линий и силуэтность построения. Огромное влияние на развитие ксилографии в начале XX века оказала А. П. Остроумова-Лебедева, обогатившая ее цветом и от-

казавшаяся от штриха. Ее произведения характеризуются тонким лиризмом и строго выстроенной композицией.

В технике линогравюры, новейшей в печатной графике начала XX века, работал В. Д. Фалилеев. Он создал ряд талантливых работ, которые продемонстрировали ее широкие изобразительные возможности. Наряду с признанными мастерами, такими, как Якунчикова, Остроумова-Лебедева и Фалилеев, свой вклад в развитие русской цветной гравюры внесли и менее известные мастера, такие, как Н. Н. Зедделер и А. П. Сомова-Зедделер. Их творчество до недавних пор не привлекало внимание исследователей, однако в начале XX века их работы были органичной частью художественной жизни. Несмотря на наличие довольно большого числа публикаций, посвященных японизму и его влиянию на европейское искусство, в русском искусстве эта тема остается недостаточно изученной. Японизм стал одной из важных черт стиля модерн, для которого характерны пространственная условность, силуэтность построения, ритм пятен цвета и другие приемы, направленные на создание лаконичных и декоративных художественных образов.

Ключевые слова: японизм, Остроумова-Лебедева, Фалилеев, Якунчикова, Зедделер, Сомова-Зедделер, модерн, печатная графика

Для цитирования: Чернышева А. И. Японизм в русской печатной графике рубежа XIX–XX веков. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 3. С. 234–261. DOI: 10.18254/S268684310028209-7

Japonisme is a complex phenomenon, based on the pervasion of Japanese culture into Western culture. Russian artists comprehended it mainly in Europe at the same time as the latest trends in Western art. In their memoirs, the names of Hokusai, Hiroshige and Utamaro are often found: The acquaintance with the engravings of these masters had a great influence on the visual language of a generation of artists in Europe and Russia. Immersion in the technique of Japanese ukiyo-e woodcuts led to experiments, the result of which was the reception by Russian artists of several principles of graphic interpretation of depicted objects, spatial structure, and composition. One of the first Russian artists, who began to work in color engraving was M. V. Yakunchikova. In her works a fusion of various trends is noticeable, among which are the innovative ideas of European artists, and the influence of Japanese woodcuts, and the aestheticism of the "Mir Iskusstva". The main features of Yakunchikova's etchings are the conciseness and restraint of the compositions, the absence of excessive detail, the smoothness of the lines and the silhouette of the construction. A. P. Ostroumova-Lebedeva enriched Russian woodcut with color and abandoned the stroke, putting the silhouette and the generalized line in the first place. Her works are characterized by subtle lyricism at the same time as a strictly built composition.

V. D. Falileev also worked in the technique of linocut. He created several talented works that demonstrated her wide visual capabilities. Along with recognized masters such as Yakunchikova, Ostroumova-Lebedeva and Falileev, lesser-known masters such as N. N. Zeddeler and A. P. Somova-Zeddeler. Until recently their works did not attract the attention of researchers, but at the beginning of the twentieth century their work was an integral part of artistic life. Despite the presence of a fairly large number of publications devoted to Japonisme and its influence on European art, this topic remains insufficiently studied in Russian art. Japonisme has become one of the important features of the Art Nouveau style, which is characterized by spatial convention, silhouette construction, the rhythm of color spots and other techniques aimed at creating laconic and decorative artistic images.

Keywords: Japonisme, Ostroumova-Lebedeva, Falileev, Yakunchikova, Zeddeler, Somova-Zeddeler, modern, Art Nouveau, printed graphics

For citation: Chernysheva Anna I. Japonisme in Russian Printed Graphics at the End Of the 19th – Beginning Of the 20th Century. *Oriental Courier*. 2023. No. 3. Pp. 234–261. DOI: 10.18254/S268684310028209-7

Илл. 1. **В. Д. Фалилеев. Косари**
1905 г.
Бумага, цветная ксилография
33,5 × 24,5 см
© ГМИИ им. А. С. Пушкина
Fig. 1. **V. D. Falileeff**
The Mowers. 1905
Paper, color woodcut
33,5 × 24,5 cm
© State Pushkin Museum
of Fine Arts

Японизм как явление — сложнейший феномен, в его основе лежит рецепция японской культуры западным обществом. К концу XIX века в Европе увлечение японским искусством, которое началось в конце 1860-х — начале 1870-х гг. вскоре после открытия японских границ в эпоху Мэйдзи, достигло своей кульминации, в то же время русские художники только начинали свое знакомство с ним. Они усваивали японскую эстетику преимущественно в Европе, в частности, в Париже и Мюнхене, одновременно с новейшими течениями в западном искусстве, и именно японское искусство оказалось созвучно творческим поискам и эстетическим идеалам ряда русских художников XIX–XX вв.

Обращение к печатной графике на рубеже XIX–XX вв. в русском искусстве было сопряжено как с возросшим интересам к гравюре старых мастеров (многие художники в мемуарах и воспоминаниях отмечали, что большое значение для них имело изучение гравюр Дюрера, Рембрандта, итальянских мастеров эпохи Ренессанса), так и с увлечением японской гравюрой на дереве — укиё-э. В этот период к гравюре в своей работе обратились такие мастера как М. В. Якунчикова (цветной офорт), А. П. Остроумова-Лебедева (ксилография), В. Д. Фалилеев (ксилография и линогравюра), А. П. Сомова-Зедделер (линогравюра), Н. Н. Зедделер (линогравюра) и многие другие. Результатом этих поисков стало обновление образного языка печатной графики.

Русский японизм внутри русского модерна

Русский японизм является неотделимой частью стиля модерн. Именно в японской гравюре на дереве, укиё-э, художники нашли новые

средства художественной выразительности, ставшие созвучными этому стилю. В эпоху модерна природа превратилась в неиссякаемый источником идей для художников. По словам Н. С. Николаевой «сознательный поиск модерном органической формы, выражавшей идею роста, естественного развития, способствовал обращению к природе и как принципу формообразования, и просто использованию природных мотивов» [Николаева, 1996, с. 328]. Вместе с тем, именно в японском искусстве интерес к природе находится на первом месте, и никто так тонко и глубоко не чувствует изменчивость природы, как японские мастера. Необозримость и воздушность японских пейзажей, их лаконизм, выразительность линий и пятен послужили источником множества неожиданных находок и открытий для западных и русских художников.

Уже в начале XX в. современники отмечали значение японской гравюры на дереве укиё-э. На немецком языке на рубеже XIX–XX вв. вышло две книги о японском искусстве: коллекционера Адольфа Фишера [Fischer, 1900] и известного немецкого искусствоведа Вольдемара фон Зейдлица [Seidlitz, 1910]. И. Э. Грабарь посвятил японскому искусству статью во втором номере журнала «Мир искусства» за 1902 г. [Грабарь, 1902, с. 31–34], там же были опубликованы многочисленные рисунки Хокусая, Хиросигэ и других мастеров, и небольшую книгу, изданную в 1903 г. [Грабарь, 1903], причем в списке использованной литературы он указывает 15 европейских изданий, посвященных японскому искусству. Искусствовед А. Брюнинг в 1902 г. опубликовал статью о влиянии Китая и Японии на европейское искусство [Брюнинг, 1902, с. 156–176]. В 1908 г. вышла переведенная на русский язык книга С. Гартмана «Японское искусство» [Гартман, 1908].

А. Н. Бенуа в книге «Мои воспоминания» неоднократно упоминает японскую культуру, в частности пишет, что она настолько полюбилась ему и его друзьям, «что многие из нас обзавелись коллекцией японских эстампов, а Хокусай, Хиросигэ, Куниоси, Утамаро стали нашими любимцами» [Бенуа, 2003].

Упоминания японского искусства неоднократно встречаются в воспоминаниях Добужинского, который познакомился с японской гравюрой при участии Грабаря [Добужинский, 1987, с. 192], а также в мемуарах Остроумовой-Лебедевой [Остроумова-Лебедева, 2003, с. 590]. Последняя познакомилась с японским искусством в 1896 г. на выставке произведений из коллекции С. Н. Китаева[1].

Деятели искусства начала XX в. достаточно часто писали о японском влиянии на европейскую художественную культуру. Так, в своей статье об искусстве книжной графики Н. Э. Радлов писал, что «красоту быстрого, мимолетного, случайного движения открыли нам японцы» и затем продолжал: «японцы открыли Европе книжное искусство, их заветы восприняли англичане и на примере Бирдслея показали нам европейское искусство книги» [*Аполлон*, 1913, с. 14]]. Много внимания японскому искусству уделял М. А. Волошин в своих статьях, которые собраны в книге «Лики творчества» [Волошин, 1988]. Написал статью о японской гравюре и Н. Н. Пунин [Пунин, 1915, с. 1–35]. Она снабжена иллюстрациями, среди которых пейзаж Хиросигэ, лист из «Жизнеописания монаха Нитирэна» Куниёси [Утагава Куниёси, 1835–1836], «Автопортрет», «Красная Фудзи» [Кацусика Хокусай, 1830–1832] и «Ирисы» Хокусая [Кацусика Хокусай, 1820-е], несколько рисунков и гравюр Сяраку, изображающих актеров и драматические сцены, куртизанки, гейши и бытовые сценки работы Утамаро, Сюнсё и Харунобу.

Таким образом, очевидно, что знакомство с японским искусством воспринималось современниками как органическая и значимая часть художественного процесса.

Влияние японизма на русских художников затрагивается исследователями в значительном числе публикаций. Н. И. Романов в книге о

1 С. Н. Китаев (1864–1927) был одним из первых знатоков и коллекционеров японского искусства в России. Собранная им коллекция произведений искусства находится в ГМИИ им. А. С. Пушкина.

В. Д. Фалилееве цитирует самого художника, который говорил, что «манера резьбы у меня до сих пор осталась — взятая у итальянцев, и только японские гравюры, которые также показал мне впервые Василий Васильевич[2], научили меня многоцветности» [Романов, 1923, с. 31–32].

О влиянии японского искусства на Грабаря, Остроумову-Лебедеву и Билибина упоминал А. А. Сидоров, настаивая на том, что «преувеличивать “влияние” японцев ни на общеевропейскую, ни тем более на русскую графику, никак не надо» [Сидоров, 1969, с. 114]. П. А. Белецкий посвятил статью сравнению русской графики начала XX века и японской ксилографии [Белецкий, 1972, с. 226–231]. Отмечалось влияние японского искусства и на Д. И. Митрохина. Художник писал в очерке, предваряющем каталог его выставки: «Постоянно вспоминаю бессмертного Хокусая, непревзойденные “Манга”» [*Митрохин. Каталог выставки,* 1973, с. 10]. В том же каталоге М. В. Алпатов подчеркивал: «Митрохин всю жизнь увлекался японской гравюрой, особенно мастерами, которые с завидной для европейца проникновенностью умели передать, как порхающая бабочка неслышно и легко садится на цветок [*Митрохин. Каталог выставки,* 1973, с. 21]. Увлечение японским искусством и его влияние на Остроумову-Лебедеву отмечал М. И. Флекель [Флекель, 1987, с. 343].

Важным трудом для понимания такого явления, как японизм, является труд В. Э. Молодякова [Молодяков, 1996]. Японской культуре, восприятию Японии и японского искусства, а также японским мотивам в искусстве модерна посвящен целый ряд работ Н. С. Николаевой [Николаева, 1996] [Николаева, 2009], [Николаева, 1994, с. 312–326]. Диссертация Е. Л. Курапова посвящена влиянию японского искусства в художественной графике России конца XIX – начала XX века [Курапова, 1998]. В монографии А. Е. Завьяловой творческая практика мастеров объединения «Мир искусства» рассмотрена в контексте влияния на нее японской гравюры на дереве укиё-э [Завьялова, 2014]. Исключительно значим каталог выставки «Остроумова-Лебедева. Художник и коллекционер», прошедшей в 2016 г. в Русском музее, где подробно освещается коллекция японских гравюр художницы и ее увлечение японским искусством [Павлова, Чудиновская, 2016]. В статье А. И. Струковой рассматривается рецепция особенностей китайского и японского искусства в советском искусстве в 1920–1930-е гг. [Струкова, 2015, с. 452–464]. В статье Д. С. Титаревой проанализировано влияние укиё-э на графику Остроумовой-Лебедевой [Титарева, 2021, с. 47–57]. Значима и диссертационная работа А. В. Познанской, посвященная роли японизма в становлении художественной системы британского мастера Д. Уистлера [Познанская, 2008], в парижской студии которого училась в 1898–1899 гг. Остроумова-Лебедева.

Знакомство русских художников с японской гравюрой укиё-э вылилось в плодотворные творческие процессы, во многом определившие лицо русского графического искусства рубежа веков, поэтому необходимо продолжить изучение роли японизма и проанализировать степень его влияния на русских художников-графиков начала XX века.

В России впервые познакомиться с японским искусством стало возможно в 1896-м г. на выставке, организованной коллекционером Сергеем Николаевичем Китаевым (1864–1927) в петербургской Академии художеств (в начале 1897 г. эта же выставка проходила в Историческом музее в Москве, а в следующий раз коллекция Китаева была показана на выставке в 1905 г.). Силу воздействия японского искусства можно оценить, обратившись к воспоминаниям Остроумовой-Лебедевой о выставке: «Меня она совершенно потрясла. Новый, чуждый мир,

2 Василий Васильевич Матэ (1856–1917) — русский художник и гравер, академик и действительный член Императорской Академии Художеств. Матэ много преподавал и увлек страстью к гравюре ряд молодых художников, в том числе Остроумова-Лебедева и Фалилеева, осваивавших в его мастерской техники гравюры, изучавших с его подачи искусство старых мастеров в Эрмитаже и совершенствовавших мастерство.

странный и неожиданный. Раньше я не знала японского искусства. Много часов я просиживала на выставке, очарованная небывалой прелестью форм и красок» [Остроумова-Лебедева, 2003, с. 96].

Еще раз русская публика могла познакомиться с японским искусством в 1902 году. Добужинский писал о выставке: «На ней были первосортные оттиски из тех, что привез Хасэгава[3], которые теперь находились в руках, главным образом, Бенуа, Грабаря и Сомова (выставил и я одну из гравюр), а также из замечательной коллекции морского офицера Китаева» [Добужинский, 1987, с. 194].

Русские художники и деятели искусства, регулярно посещавшие Париж на рубеже веков, имели возможность познакомиться с современным им европейским искусством. Также они имели возможность напрямую осваивать язык японской гравюры, поскольку она была доступна для приобретения в их собственные коллекции. В свою очередь, французское искусство открыло для себя Японию уже два с лишним десятилетия назад и к концу XIX в. сумело впитать и переработать японские влияния. Поэтому узнавание японской культуры и, вместе с тем, поиски новых идей и средств выразительности, происходили сразу в нескольких направлениях. Эти процессы шли параллельно во всех европейских странах и в России, и, в первую очередь, они вытекали из потребности в переосмыслении и преобразовании окружающей действительности. Особенная связь человека и природы, чувство вечности и сопряженные с этим глубоко личные переживания стали важной частью эстетики символизма и модерна. Поэтому появление в поле европейского искусства японской гравюры имело особенное значение. Для целого поколения японская гравюра стала окном в новый мир, полный гармонии и созерцания. Она расширила диапазон их художественного языка, при том, что далеко не все мастера напрямую заимствовали из нее мотивы и элементы.

Мосты, реки и ракурсы «картин меняющегося мира»

Понятие *укиё-э*, которое буквально означает «картины меняющегося мира», является абсолютно уникальным явлением в японском искусстве. Традиционными жанрами *укиё-э* были пейзаж, изображения цветов и птиц, а также повседневная жизнь горожан в конце периода Эдо (1603–1868) и начале эпохи Мэйдзи (1868–1912). Особенностью *укиё-э* стало обращение к гравюре на дереве, которая позволяла тиражировать изображения и стала важнейшим атрибутом жизни в указанные периоды.

Изображения мостов, рек и лодок были одними из самых популярных мотивов в укиё-э. Мосты над рекой Сумида стали одним из выдающихся символов Эдо, как пишет в эссе к выставке «Укиё-э через призму японизма» Масако Танабэ [*Ukiyo-e Viewed through Japonisme*, 2022, p. 251], и множество японских художников, в частности Хиросигэ в знаменитых видах Эдо, запечатлели их в своих гравюрах. Особенностью этих пейзажей были острые, неожиданные ракурсы, которые выбирали японские мастера, делая центром композиции опоры моста или его пролеты. Этот подход можно заметить у Остроумовой-Лебедевой в гравюрах «Сальной буян» (1903)[4] (*Илл. 3*) и «Цепной мост» (1901)[5]. Здесь можно проследить взаимосвязи с гравюрами Утагавы Хиросигэ «Вечерняя луна у моста Рёгоку» [Утагава Хиросигэ, 1831] и «Прохладный вечер на мосту Рёгоку» [Утагава Хиросигэ, 1854] (*Илл. 2*). Они выражаются в тождестве композиционного решения и мотивов, становящихся центром композиции.

3 Это имя встречается в мемуарах Добужинского: «в 1902 г. в Петербурге появился маленький и веселый японец Хасэгава, немного говоривший по-русски, который посещал многих художников и приносил превосходные японские гравюры, и их у него охотно раскупали, тем более, что и цены были невысокие [Добужинский, 1987, с. 192].

4 ГМИИ, инв. ГР-8933.

5 ГМИИ, инв. ГР-9248.

Илл. 2. **Утагава Хиросигэ. Вечерняя луна у моста Рёгоку.** 1831 г.
Fig. 2. **Utagawa Hiroshige Twilight Moon at Ryōgoku Bridge,** 1831
Source: URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/45294 (accessed 29.09.2023)

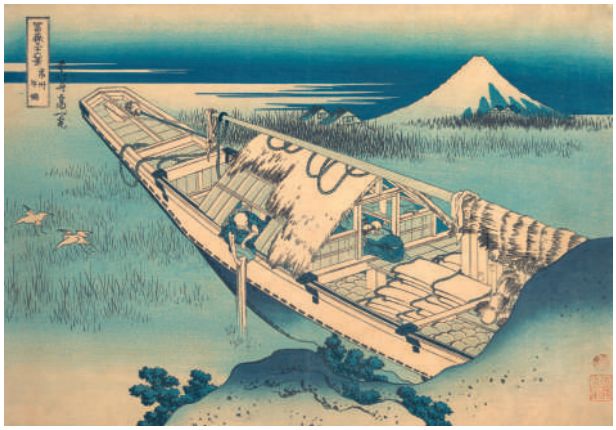
Илл. 3. А. П. **Остроумова-Лебедева. Сальной буян** 1903 г.
Бумага, ксилография. 9,2 × 14,2 см
© ГМИИ им. А. С. Пушкина
Fig. 3. A. P. **Ostroumova-Lebedeva. Sal'noy Buyan.** 1903
Paper, woodcut. 9,2 × 14,2 cm
© State Pushkin Museum of Fine Arts

Задача изображения изменчивого мира в японской гравюре была близка фотографической — запечатленные пейзажи и сценки представляли собой мгновенный снимок натуры. Отсюда преобладание композиционных приемов, позволявших создать эффект случайно замеченного мотива или события. Зритель получал возможность увидеть мир через призму взгляда художника, акцентировавшего внимание на нетипичных деталях, ракурсах, взаимосвязях между людьми и предметами в пространстве, на состояниях природы и других аспектах повседневности, вызывавших в комплексе эмоциональный отклик, создававших особенное настроение и побуждавших зрителя к взаимодействию с произведением искусства.

Изображения лодок и водных путей можно увидеть и у Кацусики Хокусая, например, в гравюре «Усибори в провинции Хитати» [Кацусика Хокусай, 1830–1832] (*Илл. 4*). К композиции этой работы обращалась Остроумова-Лебедева при работе над ксилографией «Барка»[6] (ГР-125400, 1904). Однако если в гравюре Хокусая в первую очередь на себя обращает внимание декоративность изображения, которая выражается в плоскостности изображения и в определенном ритмическом рисунке, то Остроумова-Лебедева, строя композицию сходным образом, на первый план ставит выразительность силуэта и линеарного решения. Сходный мотив можно видеть в одноименных работах В. Д. Фалилеева «Белая ночь на Неве»[7] (*Илл. 5*). Идея была реализована Фалилеевым в двух вариантах: в офорте (1908), а двумя годами позднее — в линогравюре. В линогравюре главным выразительным средством стал цвет: деликатные оттенки серого, лилового и розового в сочетании с плавным живописным штрихом рождают лирический образ Петербурга. Одно из качеств листа — передача атмосферы — воздуха. Офорт с его доминантой линеарного начала отличается большей динамичностью. Центральное внимание здесь сосредоточено на вертикалях и диагоналях корабельных мачт, цепей, веревок.

Определенное сходство композиций, как, например, у Хокусая в гравюре «Восход у моста Рёгоку с берега реки Сумида» [Кацусика Хокусай, 1830–1831] (*Илл. 6*) и у Остроумовой-

6 ГМИИ, инв. ГР-71812.
7 Офорт: ГМИИ, инв. ГР-8683. Линогравюра: ГМИИ, инв. ГР-10251.



Илл. 4. **Кацусика Хокусай. Усибори в провинции Хитати**
Fig. 4. **Katsushika Hokusai. Ushibori in Hitachi Province**
(*Jōshū* Ushibori)
From the series "Thirty Six Views of Mount Fuji"
(Fugaku *sanjūrokkei*)
Source: URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/56135 (accessed 29.09.2023)

Илл. 5. **В. Д. Фалилеев. Белая ночь на Неве.** 1910 г.
Бумага, цветная линогравюра. 26,7 × 37,5 см
© ГМИИ им. А. С. Пушкина
Fig. 5. **V. D. Falileeff. White Night on the Neva River.** 1910
Paper, color linocut. 26,7 × 37,5 cm
© State Pushkin Museum of Fine Arts

Илл. 6. **Кацусика Хокусай. Восход у моста Рёгоку с берега реки Сумида**
Fig. 6. **Katsushika Hokusai. Viewing the Sunset over Ryōgoku Bridge from the Onmaya Embankment**
(*Onmayagashi yori Ryōgokubashi sekiyō o miru*)
From the series "Thirty Six Views of Mount Fuji" (Fugaku sanjūrokkei)
Source: URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/37362 (accessed 29.09.2023)

Лебедевой в гравюре «Цепной мост», подчеркивает принципиально разный подход к трактовке пейзажа. Если в ксилографии Хокусая на себя обращает внимание плоскостность и статичность композиции, то Остроумова-Лебедева создает романтический пейзаж, в котором отчетливо чувствуются взволнованность и тревога. Мотив лодок, идущих по реке или сгрудившихся у пристани, очень часто встречается у художницы. Как для японцев в гравюре на дереве отличительным знаком стали их мосты над рекой Сумида и лодки, разрезающие ее волны, так и для Остроумовой-Лебедевой петербургские мосты и лодки стали одним из излюбленных мотивов ксилографий.

Водная стихия Хокусая и Фалилеева

Для Фалилеева одной из самых значимых тем в его художественной биографии стала Волга. Он много времени проводил в имении Кенчурка, располагавшемся в долине реки Инзы, одного из притоков Волги, а также на даче под Ярославлем. Широта и простор этой величественной реки очаровали его на всю жизнь: «Утро, вечера на воде, с зорями как павлинье перо, полдни с контрастами света, широта и простор воды, и небо такое, какого нет нигде кроме как над Волгой, давали такой богатый материал (в виде акварелей и рисунков) для цветных гравюр и офорта, какой я не использовал еще и до сих пор» [Романов, 1923, с. 38].

Одной из первых работ на волжскую тему стала линогравюра «Плот во время дождя» (1909)[8] (*Илл. 7*). Как и в других работах на волжскую тему, основной темой здесь является впечатление от экспрессии стихии. Ее можно сравнить с гравюрой Хокусая «Рыбак в Кадзикадзава» [Кацусика Хокусай, 1830–1832]: их объединяет общий мотив противостояния человека и природы, но если Хокусай строит композицию на контрастах силуэтов, линий и цвета, противопоставляя суровый характер утеса, на котором стоит неподвижный рыбак, и декоративному изобразительному началу морских волн, то в композиции Фалилеева на первый план выходит бурное движение и мощь стихии. Сходный сюжет, но трактовка, которую предлагает Фалилеев, говорит о заметном романтическом начале его произведений. Художественный язык Фалилеева более непосредственный и прямой, он лишен иносказательности, но ярче окрашен эмоционально.

Фалилеева, как и японских мастеров, вдохновляли различные состояния природы. Отдельные элементы, характерные для японских гравюр, и Фалилеев, и Остроумова-Лебедева перенесли в свои работы. Так, в гравюрах «Ночной дождь в Коидзуми» (1835–1839) [Утагава Хиросигэ, 1835–1839] и «Внезапный ливень над мостом в Атакэ» (1857) [Утагава Хиросигэ, 1857] (*Илл. 8*) Утагава Хиросигэ изображает дождь выразительными черными косыми линиями. У Остроумовой-Лебедевой этот изобразительный мотив встречается в ксилографиях «Екатерининский канал под дождем» (1920)[9], «Павловск. Перспектива на дворец. Дождь» (1922)[10]. Аналогичную трактовку можно увидеть у Фалилеева в вышеописанном «Плоте во время дождя» и в целом ряде других работ[11].

В других гравюрах Фалилеева, например, в «Возвращении на Шексну» (1909)[12] (*Илл. 9*) прекрасно передано ощущение тишины посредством сопоставления ровной синей глади воды и контрастных ей желтоватых парусов. Предельно лаконичная композиция по образному поэтическому строю напоминает работу Хокусая «Река Тама в Бусю» [Кацусика Хокусай, 1830–1832]. Похожее природное состояние

8 ГМИИ, инв. ГР-10250.
9 ГМИИ, инв. ГР-9278.
10 ГМИИ, инв. ГР-113293.
11 «Плоты в дождь» (1919): ГМИИ, инв. ГР-103836, «Плоты»: ГМИИ, инв. ГР-32877.
12 ГМИИ, инв. ГР-103801.

Илл. 7. **В. Д. Фалилеев. Плот во время дождя.** 1909 г. Бумага, цветная линогравюра. 21 × 36,75 см
© ГМИИ им. А. С. Пушкина
Fig. 7. **V. D. Falileeff. Raft in the Rain.** 1909. Paper, color linocut. 21 × 36,75 cm
© State Pushkin Museum of Fine Arts

Илл. 8. **Утагава Хиросигэ. Внезапный ливень над мостом в Атакэ.** 1857 г.
Fig. 8. **Utagawa Hiroshige. Sudden Shower over Shin-Ōhashi Bridge and Atake** (*Ōhashi Atake no yūdachi*)
From the series “One Hundred Famous Views of Edo” (Meisho Edo hyakkei). 1857
Source: URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/36461 (accessed 29.09.2023)

Илл. 9. **В. Д. Фалилеев. Возвращение на Шексну.** 1909 г. Бумага, цветная линогравюра. 13,3 × 19,1 см
© ГМИИ им. А. С. Пушкина
Fig. 9. **V. D. Falileeff. Returning to Sheksna.** 1909. Paper, color linocut. 13,3 × 19,1 cm
© State Pushkin Museum of Fine Arts

передает линогравюра А. П. Сомовой-Зедделер «Облако»[13], однако ее отличает выраженный декоративный характер. Эту работу можно сравнить с гравюрой Хокусая «Лодка на реке Тонэ в провинции Симоса» [Кацусика Хокусай, 1833]. Из японской гравюры укиё-э Сомова-Зедделер заимствовала такие качества, как условность пространственных построений, интерес к выразительности силуэта, лаконизм цветового решения. Колорит Сомовой-Зедделер всегда приглушенный, сдержанный, в то время как для Фалилеева характерны более смелые цветовые решения. Вместе с тем все эти свойства трансформируются в соответствии с эстетическими представлениями стиля модерн, становясь органическими чертами этого стиля.

Работы Фалилеева — тонкие по настроению, с виртуозной передачей различных состояний природы, стремлением к поискам внутренней гармонии. При этом он никогда не работал с натуры, в отличие от многих художников, в том числе и упомянутой выше Остроумовой-Лебедевой. Для него было важно, чтобы впечатление от натуры улеглось и устоялось его душе, тогда все несущественные мелкие детали исчезали, и оставался только цельный образ, который затем переносился в гравюру. Одна из лучших работ на волжскую тему — линогравюра «Разлив Волги» (1916)[14]. Это произведение нельзя сравнить с какой-либо конкретной японской гравюрой на дереве укиё-э, но по композиционному строю она напоминает видовые гравюры Хиросигэ. Волга Фалилеева — это беспредельность водной глади, сияющее солнце и стихия, пристани, причалы, баржи, лодки, погрузка бревен, сезонные работы и будничная жизнь. Эти сюжеты наилучшим образом соотносятся с основными сюжетами японской гравюры на дереве укиё-э, поскольку японские мастера отражали повседневную жизнь, ее спокойное и умиротворяющее течение.

Волны и струящиеся потоки воды были одновременно символом вневременности и вечного

13 ГМИИ, инв. ГР-10480.
14 ГМИИ, инв. ГР-110980.

Илл. 10. **В. Д. Фалилеев. Волна Капри.** 1911 г.
Бумага, цветная линогравюра
13,3 × 19,1 см
© ГМИИ им. А. С. Пушкина
Fig. 10. **V. D. Falileeff. The Wave Capri.** 1911
Paper, color linocut. 13,3 × 19,1 cm
© State Pushkin Museum of Fine Arts

движения, они создавали ощущение безграничности пространства и постоянства времени. Это пространственное и красочное начало, в котором много динамики и воздуха, ярче всего выражено в линогравюрах Фалилеева «Волна. Капри» [ГР-103816, 1911] (*Илл. 10*) и «Волна» [ГР-9321, 1911][15], которые можно сравнить с работой Хокусая «Фудзи в больших волнах в Канагава (Большая волна)» [Кацусика Хокусай, 1830–1835] и Хиросигэ «Водовороты Наруто. Провинция Ава» [Утагава Хиросигэ, 1853]. Круглящиеся линии волн, бьющихся о скалы, и морская пена у Фалилеева, практически тождественны гравюре Хиросигэ, в то время как характер изображения у Хокусая намного более плоскостный. «Большая волна» Хокусая представляет собой визуальный парадокс: художник виртуозно обыгрывает пространственную перспективу, делая акцент на гребне огромной волны, которая вот-вот поглотит гору Фудзи на дальнем плане, кроме того, он обозначает динамическое начало, которое подчеркивает контрастом между движением волны и неподвижностью горы Фудзи. Однако сам характер штрихов, ритма линий и пятен цвета сообщает этой композиции статичность и уравновешенность. У Фалилеева сильнее отражен изменчивый и текучий характер морской стихии.

Мотив волны был одним из самых распространенных в гравюре укиё-э, и вслед за Хокусаем множество японских художников повторяли его в своих работах. Позже этот мотив стал одним из самых известных в искусстве японизма.

Начало русского японизма

Одной из первых занялась цветной гравюрой М. В. Якунчикова. С 1893 по 1895 г. [Маркова, 2020] она создала ряд выразительных произведений в крайне сложной технике цветного офорта, мало знакомой ее современникам в России. В

15 Этот же мотив неоднократно встречается у французских художников, в качестве примера можно привести литографию Анри Ривьера «Волна» (1894).

работах этого периода заметен сплав различных тенденций, среди которых и новаторские идеи европейских художников, и влияние японской гравюры на дереве, и эстетизм, который в дальнейшем будет развивать «Мир искусства».

По версии исследователей, Якунчикова открыла для себя японское искусство в 1889 г. или в 1890-х гг. в Париже. В письме от 28 мая 1890 г. [Курапова, 1998, с. 71] она сообщает, что посылает Е. Д. Поленовой «японские тетрадки». В то же время в 1889 г. Поленова отметила [Каштанова, 2020] в записках журнал «*Искусство Японии*» («*Le Japon artistique*»), который выпускал один из основных популяризаторов японского искусства антиквар **Зигфрид Бинг** (1838–1905). Интересно, что этот аспект художественной биографии Якунчиковой в должной мере не освещен. Вместе с тем, творческие поиски, которые вела молодая художница, шли в контексте развития художественных процессов рубежа XIX–XX вв. и затрагивали как современных ей французских авторов (она внимательно следила за выставками и салонами, проходившими в Париже), так и внутренние эмоциональные процессы художницы, реализованные в ее произведениях.

Наполненность работ Якунчиковой тонкими лирическими переживаниями, которые пробуждала в ней природа, важность натурных впечатлений и, вместе с тем, опора на национальные истоки, привели к формированию особенного строя ее работ, что, в первую очередь, выразилось в пейзаже: «Именно в работах Якунчиковой, одной из первых на новом уровне психологического и пластического толкования (по сравнению с романтизмом и реализмом), складывается характерный для иконографической системы русского модерна образ сада (или парка) как символистской модели идеального пространства, возникающего на стыке поэтической мечты и воспоминаний, призрачных внушений прошлого (пассеизма, если обратиться к лексике мирискусников) и реальных впечатлений от природы: «Природа, вечная, неизменная, говорит, вот Я, а вы, люди, как ни живите, ни волнуйтесь, ни сомневайтесь, Я все тут, и что ваши сомнения перед моей вечностью и непоколебимостью», — записывает Мария Васильевна в своем дневнике, приоткрывая характер субъективных переживаний, отраженных в ее пейзажных образах» [Давыдова, 2020].

Художественные задачи, связанные с новым уровнем восприятия пейзажа, занимали и Остроумову-Лебедеву. Она много внимания уделяла этому жанру и писала о своих занятиях летом 1899 года: «В это лето я работала над пейзажем, все больше рисовала. Меня очень интересовал принцип обобщения и принцип стилизации. Бывало, часами сидела и рисовала дорогу, с деревьями, уходящими вдаль. Вырисовывала мельчайшие подробности стволов, листвы, даже делала контур каждого листа. Потом этот же рисунок я дома обобщала, сохраняя всю типичность деревьев. Я задавалась целью передать самой упрощенной и обобщенной линией характер деревьев, их породу. Дуб, береза, ель, сосна, липа — все должны были иметь свой характерный росчерк» [Остроумова-Лебедева, 2003, с. 171]. Одним из результатов этой напряженной творческой работы можно назвать ксилографию «Луна» [ГР-8973, 1900] (*Илл. 12*), в которой художница создала поэтический пейзаж. Изящные силуэты деревьев, сдержанный колорит и светящийся диск луны в этом листе рождают проникновенное лирическое настроение. В ксилографии Утагавы Хиросигэ «Осенняя луна» [Утагава Хиросигэ, 1838] (*Илл. 11*) на первый план также выходит изящный, склонившийся к воде, силуэт дерева и лунный диск, расположенный прямо над ним. Здесь, при общей схожести изобразительного мотива, особенно хорошо заметен эмоциональный строй гравюр Остроумовой-Лебедевой, их трепетность, взволнованность и наполненность движением. Еще один пример описанного выше подхода художницы заметен в гравюре «Весенний мотив» [ГР-9002, 1904]. Прихотливо изогнутый графичный контур ветвей дерева и решетки, а также образ заснеженного пейзажа в целом перекликается с гравюрой Хиросигэ «Лисьи огни в новогоднюю

Илл. 11. **Утагава Хиросигэ. Осенняя луна.** 1838 г.
Fig. 11. **Utagawa Hiroshige. Autumn Moon on the Tama River.** 1838
Source: URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/56519 (accessed 29.09.2023)

Илл. 12. **А. П. Остроумова-Лебедева. Луна.** 1900 г.
Бумага, цветная ксилография. 30,5 × 38 см
© ГМИИ им. А. С. Пушкина
Fig. 12. **A. P. Ostroumova-Lebedeva. The Moon.** 1900
Paper, color woodcut. 30,5 × 38 cm
© State Pushkin Museum of Fine Arts

ночь у дерева эноки в Одзи» (1857) [Утагава Хиросигэ, 1857]. Аналогичное решение можно увидеть в офорте Уистлера «Спик холл» (1870) [Джеймс Уистлер, 1870] и очень близком с ним по композиции офорте Якунчиковой «Дача» [ГР-9242, 1895]. Тонкая динамика, которую создает переплетающийся ритм черных веток, рождает поэтическое настроение. Вместе с тем, все описанные выше ксилографии отличает лаконизм художественного языка, изысканные силуэты и легко прочитывающаяся композиция. Близкие выразительные приемы использованы Волошиным в офорте «Весна» [ГР-9156] и Сомовой-Зедделер в линогравюре «В Баварии» [ГР-10469, 1907]. В последней обращает на себя внимание не только сходная с Хиросигэ трактовка веток, но и общий образ заснеженного пейзажа.

Если для Остроумовой-Лебедевой основной лирической темой был облик Петербурга, то для Якунчиковой таким смыслом были наполнены усадебные образы, в первую очередь, Введенского (недалеко от Звенигорода), с которым было связано множество глубоких личных ассоциаций: «Утром, когда в открытое окно приходит теплый запах сена и косые лучи солнца, мечтаю о Введенском» [Астафьева, 2020]. В этой усадьбе Якунчикова провела детство, и тяжело переживала расставание с ней, когда в 1884 г. ее отец продал усадьбу. Позднее, в 1894 г., она получила от новых владельцев разрешение там работать.

В гравюрах «Кладбище близ Введенского» [ГР-8948] и «Собор в Звенигороде» [ГР-34540] нет прямых отсылок к японскому искусству, однако они заставляют вспомнить некоторые листы Хокусая из «36 видов Фудзи». В «Кладбище близ Введенского» (*Илл. 13*) эти ассоциации вызывает построение планов композиции цветом и интерпретация отдельных элементов, например деревьев, которая восходит к японской ксилографии. Камерность композиции подчеркивает скромный колорит, а живой штрих сообщает ей живописный характер. В «Соборе в Звенигороде» общий тональный аккорд и структура композиции соотносится с гравюрой Хиросигэ «Ночной дождь над Коидзуми» [Утагава Хиросигэ, 1835–1839]. Обе работы проникнуты поэтическим созерцанием, внутренней сосредоточенностью и лиричностью. В пейзажах Якунчиковой взаимодействие с натурой соединяется с обращением к памятным эпизодам жизни. Кажущаяся простота сюжетов скрывает в себе лирико-философское переосмысление окружающего мира и, как следствие, пересоздание его в виде наполненных ностальгией и глубоким личностным смыслом целостных образов.

Еще один пейзаж Якунчиковой, — «Ночь» [ГР-34539] — выполненный, как и два предыдущих, в технике цветной акватинты, передает впечатление от глубокой ночи. Позаимствовав у японцев лаконичность художественных средств, Якунчикова создала романтический образ, наполненный поэтическим настроением. Его можно сопоставить с гравюрой «Заколдованный лес» Зедделера [ГР-10178, 1908], тождественной ей по образному строю. У Зедделера мы видим вымышленный пейзаж со сказочными и средневековыми мотивами (рыцари, падающая комета, дремучий лес), характерными для модерна. Тем не менее ряд деталей, в частности, прорисовка контуров деревьев, гора и огромная луна на дальнем плане, сообщают о влиянии Хокусая, а сдержанная композиция и монохромный колорит — произведений Хиросигэ. Гравюра Якунчиковой гораздо ближе к европейскому символизму, с японским искусством эту работу роднит умение уловить первое эмоциональное впечатление от природного явления, а с символизмом — развить его до мистического образа, насыщенного философским смыслом.

Образ падающей кометы, использованный Зедделером, встречается в культуре Серебряного века неоднократно. Эта деталь может быть связана с появлением кометы Галлея в 1910 году, явление которой было отражено в произведениях не только художников, но и поэтов. Так, например, в 1909 г. **М. Волошин** написал венок сонетов «Corona Astralis», первая строчка которого — «В мирах любви, — неверные кометы». Волошин, хорошо известный как поэт-сим-

Илл. 13. **М. В. Якунчикова. Кладбище близ Введенского.** Бумага, цветной офорт, акватинта. 36,2 × 53 см
© ГМИИ им. А. С. Пушкина
Fig. 13. **M. V. Yakunchikova. Cemetery near Vvedenskoe.** Paper, color etching, aquatint. 36,2 × 53 cm
© State Pushkin Museum of Fine Arts

Илл. 14. **М. А. Волошин. Весна.** Бумага, офорт. 25,5 × 17,5 см
© ГМИИ им. А. С. Пушкина
Fig. 14. **M. A. Voloshin. Spring.** Paper, etching. 25,5 × 17,5 cm
© State Pushkin Museum of Fine Arts

волист, также известен и как художник, но его опыты в печатной графике до настоящего времени не привлекали внимания исследователей. Упоминавшийся выше офорт Волошина «Весна» (*Илл. 14*) насыщен внутренней динамикой, манера изображения неба тождественна той, что можно увидеть в ксилографии Остроумовой-Лебедевой «Цепной мост».

На Волошина-художника очень сильно повлияло изучение японского искусства, хотя выявить прямые заимствования в его печатной графике достаточно сложно, в первую очередь, в силу ее малочисленности. В гравюрах «Натурщик» [ГР-9157] и «Апаш» [ГР-9159] нестандартные ракурсы изображения людей восходят к манере японских мастеров. В офорте «Улица в Париже» [ГР-9160] чувствуется влияние Хиросигэ, в частности, композицию можно сопоставить с «Кварталом Сарувака ночью» из «100 знаменитых видов Эдо» [Утагава Хиросигэ, 1856]. Эта серия Хиросигэ оказала колоссальное влияние на искусство японизма. В обеих работах на первый план выходит взгляд на изображаемое сверху, однако у Волошина композиция более динамична, тектонична и построена на контрастах. Поскольку азы рисования и живописи он постигал в мастерской Е. С. Кругликовой в Париже [*Максимилиан Волошин — художник*, 1976, с. 98], можно сделать вывод, что и с техникой офорта он познакомился благодаря ей. Это позволяет предположительно датировать упомянутые работы 1900-ми гг. Он делал множество зарисовок будничной парижской жизни, интересовавшей его намного больше, чем академические занятия.

Вокруг мастерской Кругликовой в Париже сложился русский кружок, куда с большой вероятностью входили и Сомова-Зедделер, и Зедделер[16], увлеченные цветной гравюрой с начала 1900-х годов. Зедделер начал заниматься цветной гравюрой в японском духе в Мюнхене, где он учился в студии Ашбе. Вместе с Сомовой они занимались живописью в летней школе Кандинского и тесно общались с кругом Явленского-Веревкиной, а затем на протяжении нескольких лет жили и работали в Париже, где активно участвовали в выставках.

Художественный строй произведений Зедделера следует за общими для многих его современников принципами создания образов. Если в гравюрах Сомовой-Зедделер заметно следование за впечатлением от натурных наблюдений, то для Зедделера на первый план выходят более иносказательные сюжеты. «Горный козел» [ГР-10636, 1908] и «В ущелье» [ГР-69920, 1908] полны метафор. Сложный дымчатый колорит, вертикально вытянутые композиции и достаточно экзотичные мотивы гравюр Зедделера придают визуальной убедительности этим сценам. Окружающая действительность здесь преображается в призрачный потусторонний мир, и эти метаморфозы, столько характерные для художников символистского направления, передают сложный комплекс чувств. Умение трансформировать явь в лаконичный, насыщенный внутренним смыслом, образ, роднит его с японскими мастерами.

История одной мистификации

Говоря о пейзаже, нельзя не отметить работы Остроумовой-Лебедевой, непосредственно связанные с укиё-э. В автобиографических записках она упоминает любопытный розыгрыш: «В 1902 году, в самый разгар этого увлечения, я решила вырезать гравюру, подделываясь под стиль Хиросигэ. Эта гравюра впоследствии шла под названием “Подражание Хиросигэ”, или “Мыс Фиолент” [ГР-8939, 1902] (*Илл. 15*).

16 А. П. Сомова приехала в Париж учиться в Академии Коларосси в 1903 г. и благодаря рекомендации К. А. Сомова познакомилась с Е. С. Кругликовой, С. П. Яремичем, А. П. Остроумовой-Лебедевой, А. Н. Бенуа и др. С Н. Н. Зедделером они поженились в Париже в 1904 г. Кроме того, и Зедделер, и Остроумова-Лебедева, и Кругликова, и Добужинский, и Лансере и многие другие художники принимали участие в одних и тех же выставках русского искусства (в частности, в Осеннем салоне 1906 г.).

Илл. 15. **А. П. Остроумова-Лебедева. Мыс Фиолент.** 1902 г. Бумага, цветная ксилография. 16,5 × 23 см
© ГМИИ им. А. С. Пушкина
Fig. 15. **A. P. Ostroumova-Lebedeva. Cape Fiolent.** 1902. Paper, color woodcut. 16,5 × 23 cm
© State Pushkin Museum of Fine Arts

Я задумала устроить мистификацию — выдать ее за японскую, подсунув в мое собрание японских гравюр, и тем обмануть моих товарищей и подшутить над ними. Как-то вечером, когда среди собравшихся у меня друзей зашел неизбежный разговор о японских гравюрах, я дала на рассмотрение мое собрание, среди которого находилась и поддельная моя гравюра. Бенуа, Сомов, Бакст не заметили обмана, приняв ее за японскую. Только когда мое собрание попало в руки Е. Е. Лансере, который недавно вернулся из путешествия по Восточной Сибири и Японии, он, увидав эту гравюру, удивленно сказал: “Как странно! На этой гравюре пейзаж совсем не японский. Откуда она у вас?”» [Остроумова-Лебедева, 2003, с. 263].

Эту гравюру можно сравнить с «Пейзажем» (1800) другого японского мастера — Китагавы Утамаро (1784–1806) [Китагава Утамаро, 1800], которая привлекает внимание сходной композицией и деликатными отношениями цвета. Для обоих произведений характерно отсутствие сильных контрастов и разреженный ритм линий, создающий впечатление вневременного и безграничного пространства. Отсылая зрителя к пейзажам японских мастеров, Остроумова-Лебедева в то же время в «подделке» строит композицию четкой контурной линией, не характерной для японских ксилографий. Построение формы цветом тоже отсылает к работам японских художников, однако, в отличие от них, художница выбирает монохромный колорит. Манера, в которой Остроумова-Лебедева запечатлела небо в своей гравюре, заставляет вспомнить гравюры Хиросигэ, например, уже упомянутое выше произведение «Вечерняя луна у моста Рёгоку» или же «Лодку на реке Сумида» [Утагава Хиросигэ, 1817–1858]. Используя отдельные элементы, заимствованные из ксилографий укиё-э, Остроумова-Лебедева создала достаточно убедительную стилизацию.

В художественной биографии Фалилеева также много пейзажей, в которых встречаются мотивы, заимствованные из произведений японских мастеров. К технике ксилографии, типичной для укиё-э, Фалилеев впервые обратился в 1905 году, когда увлекся творчеством Феликса Валлоттона. Фалилеева поразил лаконичный язык его работ, их строгость, предельная выразительность и простота формы. За творчеством

Валлоттона следила и Якунчикова, и общеизвестно, что на этого мастера большое влияние оказало японское искусство. Фалилеев, как и Остроумова-Лебедева, осваивал технику ксилографии в мастерской В. В. Матэ, и к концу 1905 г. создал серию цветных гравюр на дереве, в которых изобразил сезонные крестьянские работы и разнообразные сельские пейзажи.

В ксилографии «Косари» [ГР-9439, 1905] (*Илл. 1*) художник изображает возвращающихся с сенокоса усталых крестьян и виртуозно передает вечернее освещение. В этой работе Фалилеев впервые использует мотив свисающих ветвей дерева. Этот мотив достаточно часто встречается в японской ксилографии, наиболее известными являются листы Хиросигэ из серии «100 знаменитых видов Эдо», в частности, «Храм Судзин и Массаки на реке Сумида», «Мост Яцуми», «Река Аясэ и Канэгафути», «Окрестности храма Тэндзин в Камэйдо» [Утагава Хиросигэ, 1856–1858 гг.]. В дальнейшем это заимствование еще встретится в работах Фалилеева, например, в одном из его лучших листов под названием «Полдень» [1907] (*Илл. 16*) и в гравюрах «По дороге» [ГР-8899, 1905] и «Ветер» [ГР-8910, 1905]. Ветви березы на первом плане решены в декоративном ключе, уподоблены прихотливому графичному орнаменту, через который раскрывается лиричность пейзажа. Поэтичность этого образа, его прозрачная красота раскрывает прелесть русской природы. В «Ветре» этот прием добавляет композиции выразительности, динамики и свободы. В дальнейшем этот прием можно увидеть у Остроумовой-Лебедевой в гравюрах «Этюд. Ветки» [ГР-8945, 1908] и «Паутина» [ГР-113305, 1908], и у Сомовой-Зедделер в работе «Осеннее утро» [ГР-12443, 1915].

Объем предметов и пространственные планы в работах Фалилеева строятся цветом, важное значение имеет соотношение движущихся масс и ритм подвижных круглящихся линий.

Расцвет цветной гравюры на рубеже XIX–XX вв. непосредственно связан с интересом художников к японской гравюре на дереве укиё-э. В России к этому времени значение ксилографии резко упало. Высокий технический уровень исполнения гравюры на дереве к середине XIX в. позволял использовать ее для создания книжных иллюстраций и воспроизводить живописные оригиналы, однако ксилография утратила художественное значение, и ее роль свелась к прикладной. Знакомство русских и европейских мастеров с японским искусством вдохнуло новую жизнь в этот вид искусства, художники стремились к возрождению гравюры на дереве как полноценного вида искусства. Произведения Хокусая, Хиросигэ, Утамаро и других обогатили образный язык русской цветной гравюры. Добужинский вспоминал, что его особенно поражал «Хиросигэ своей неожиданной композицией и декоративностью своих пейзажей. Его выбор угла зрения и “отрезка натуры” были огромным для меня открытием» [Добужинский, 1987, с. 192].

Новые идеи и новые media

Одновременно с этим художники большое внимание уделяли новым техникам и материалам. В начале XX в. многие мастера обратились к линолеуму. Первыми его использовали для своих плакатов художники группы «Мост», а в России этот материал появился в 1907 г. [Флекель, 1987, с. 342]. Фалилеев одним из первых стал использовать линолеум для производства гравюр. Вслед за ним в этой технике начали работать и другие художники, например, Сомова-Зедделер, Зедделер и многие другие. Некоторые работы уже упоминались выше, однако необходимо рассмотреть ряд других произведений, поскольку в них очень сильно влияние японского искусства.

Так, в гравюрах Сомовой-Зедделер один и тот же мотив объединяет гравюры «Версаль» [1907], «Финляндия» [ГР-10472, 1911], «Домик» [ГР-10479, 1913] и «Лес» [ГР-10486, 1915]. В этих композициях преобладает вертикаль, они характеризуются спокойным ритмом и по многим признакам восходят к пейзажам Хокусая, например, «Району Ходогая, тракт Хоккайдо», «Озеру Сувако в провинции Синано» и «Бухте Эдзири

Илл. 16. **В. Д. Фалилеев. Полдень.** 1907 г.
Бумага, цветная ксилография. 16,4 × 8,9 см
© ГМИИ им. А. С. Пушкина
Fig. 16. **V. D. Falileeff. Midday.** 1907
Paper, color woodcut. 16,4 × 8,9 cm
© State Pushkin Museum of Fine Arts

Илл. 17. **А. П. Сомова-Зедделер. Тироль.** 1913 г.
Бумага, цветная линогравюра. 25,4 × 15,5 см
© ГМИИ им. А. С. Пушкина
Fig. 17. **A. P. Somova-Seddeler. Tyrol.** 1913
Paper, color linocut. 25,4 × 15,5
© State Pushkin Museum of Fine Arts

в провинции Суруга» из «36 видов Фудзи» [Кацусика Хокусай, 1830–1832].

«Горный пейзаж» [ГР-10487, 1915] Сомовой-Зедделер по характеру композиции и колориту очень близок к гравюре Хокусая «Местность Умэдзава в провинции Сагами» из «36 видов Фудзи». Сочетание трех оттенков — синего, зеленого и белого — является общим для обеих гравюр. Сомова-Зедделер заимствует из японского искусства принцип изображения облаков, однако для ее пейзажа характерно большее обобщение форм и четкое выделение планов цветов.

Композицию целого ряда работ Сомовой-Зедделер «Берег моря» [ГР-10483, 1914], «Снопы» [ГР-10485, 1915] и «Тироль» [ГР-10478, 1913] (*Илл. 17*) можно сопоставить с гравюрой Хиросигэ «Хаккэйдзака, Сосна Повешенного Доспеха» [Утагава Хиросигэ, Хаккэйдзака, 1856] и с пейзажами Кэйсэя Эйсэна из серии «69 станций Кисокайдо» (1835) [Кэйсэй Эйсэн, Утагава Хиросигэ, 1834–1842], а структура гравюры «Финляндия» [ГР-10473, 1911] практически полностью повторяет композицию Хиросигэ «Сосна Сюбиномацу на берегу Он-

Илл. 18. **Н. Н. Зедделер Искусство и критика.** 1906 г. Бумага, цветная линогравюра 26,1 × 26,5 см © ГМИИ им. А. С. Пушкина
Fig. 18. **N. N. Seddeler. Art and Critique.** 1906 Paper, color linocut. 26,1 × 26,5 © State Pushkin Museum of Fine Arts

маягася на реке Асакуса» [Утагава Хиросигэ, 1855–1858]. Для пейзажей Сомовой-Зедделер характерен сдержанный колорит, который восходит к гравюрам Хиросигэ, и четкий ритмический рисунок. Как и Фалилеев, она выстраивает пространственные планы цветом, однако сильно обобщает силуэты, что делает ее композиции достаточно статичными и сообщает им плоскостность и декоративность.

Русские художники достаточно активно черпали из ксилографии укиё-э способы изображения отдельных мотивов и состояний природы. Изображение падающих хлопьев снега как неокрашенных участков листа можно заметить у Утагавы Хиросигэ в гравюре «Мост в Мэгуро» (1854) [Утагава Хиросигэ, 1854] и у Хиросигэ II в «Снег в храме Тэндзин в Юсиме» [Утагава Хиросигэ II, 1862]. Первой этот изобразительный ход переняла Остроумова-Лебедева и отразила его в своей ксилографии «Летний сад» [ГР-71844, 1902]. Аналогичный графический принцип можно увидеть и в пейзаже Сомовой-Зедделер «Улица зимой» [ГР-10464, 1907].

Показательна гравюра Зедделера «Искусство и критика» [ГР-10638, 1906]: в ней художник практически дословно воспроизводит композицию Хокусая «Одержимость» из «Ста страшных историй» [Кацусика Хокусай, 1831–1832]. У Хокусая змея обвивает памятную табличку с именем недавно усопшего, а в композиции Зедделера напротив каменной плиты с надписью «L'art et la critique», которую также обвивает змея, изображен индюк. Обращение Зедделера к этому нетипичному для европейского искусства сюжету безусловно можно объяснить хорошим знанием японского искусства. Индюк же является одним из героев французской басни «Соловей, индюк и змея» [Rousset, 1848, p. 235–237], в которой он вступает в схватку со змеей и выходит победителем *(Илл. 18)*. Гравюра позволяет предложить две версии интерпретации сюжета. Это может являться метафорой нападок критиков на новаторские течения в искусстве, но также и рефлексией автора по поводу смерти искусства и художественной критики.

В произведениях Сомовой-Зедделер и Зедделера заметно, как влияния японского искусства шли параллельно с восприятием новейших идей европейского искусства.

Цветы и птицы

Еще одним сюжетом укиё-э является изображение цветов и птиц. Образы японской гравюры вдохновляли своей экзотикой, и европейские, а вслед за ними и русские художники, привносили в свое искусство мотивы цветущих ветвей, цветов (особенно популярными стали ирисы), различных птиц и животных. Одной из таких работ является цветной офорт Якунчиковой «Скворечник» [ГР-9241]. Лаконичный и воздушный, он относится к тем работам, где художница следует впечатлениям от окружающего предметного мира. Маленький скворечник буквально парит в облаках. Немногословные и ясные выразительные средства, которые использует Якунчикова, отражают прелесть едва уловимого мгновения, его неустойчивость и тем более острое переживание его исчезающей красоты. Бег белых облаков, который сам по себе воплощает извечное движение, на фоне ясного голубого неба, контрастирующий с ним коричневый изящный силуэт скворечника, и вся асимметричность, как будто незавершенность этой композиции, рождают чувство гармонии и сопричастности чему-то большему, чем обыденный материальный мир.

Близкие лирико-поэтические переживания можно встретить в произведениях **Митрохина**. Он писал: «Я пытаюсь найти и донести до восприятия зрителя поэтическую и философскую сущность изображаемого» [Митрохин, 1973, с. 9]. Хотя до нас не дошли его ранние произведения, созданные в 1900-е гг., известно, что в 1905–1906 гг. состоялась его поездка в Париж, где он «изучал японскую гравюру на дереве в музее Гиме, занимался в вечерних рисовальных классах в академии Де ла Гран Шомьер у Т. Стейнлена и Э. Грассе» [*Заслуженный деятель искусств…* 1988, с. 26]. Митрохин начал заниматься цветной линогравюрой в 1912 году, его проводником в этот мир стал Фалилеев, однако он сделал всего несколько линогравюр [Митрохин, 1934, с. 10]. Линогравюры Митрохина этого времени не сохранились, а произведения в технике гравюры резцом, ксилографии и литографии, созданные после 1920-го г., выходят за временные рамки, которые рассматриваются в статье. Однако можно предположить, что рисунки, которые он делал для журнала «*Аполлон*», дают представление и о его печатной графике. Например, в тех, что были опубликованы в номере 6 от 1913 г. [*Аполлон*, 1913, с. 6–7], присутствует сразу несколько изобразительных мотивов, которые восходят к японским ксилографиям. Силуэт дерева на первом плане обоих рисунков можно сопоставить сразу и с «Сосной Сюбиномацу на берегу Онмаягася на реке Асакуса» Хиросигэ, и с «Районом Суругадай в Эдо» из серии «36 видов горы Фудзи» Хокусая. Целый ряд его более поздних гравюр, например, «Чайник и яблоко» [ГР-94135, 1932], «Детская площадка» [ГР-94140, 1933], «Лодка» [ГР-119088, 1937], «Василек и колокольчики» [ГР-95699, 1938] и многие другие несут несомненное влияние японского искусства. Его искусство камерное, но полное сильной внутренней сосредоточенности, он находит гармонию в самых прозаических и незаметных атрибутах быта: «Митрохина всегда занимала и скромная каждодневность в жизни человека, предметы домашнего обихода, груды плодов на столе и особенно букеты цветов. Цветы более всего приходились ему по душе. И если из художников нашего времени нужно было бы назвать одного из самых верных, преданных этой стародавней теме искусства всех времен и народов, то, пожалуй, Митрохин более других имеет право именоваться присяжным поэтом земной флоры» [Митрохин, 1973, с. 13].

В работах Митрохина самые обыденные предметы преображаются в одухотворенные образы, полные живого трепета и чувства. Эмоциональность его работ строится ритмом мягко изогнутых контуров и причудливо переплетенных штрихов. Непосредственность и свежесть эмоционального впечатления, присутствующие в его работах, прямо восходит к мастерству японских художников, остающихся непревзойденными в передаче самых тонких и неуловимых природных состояний.

Илл. 19. **А. П. Сомова-Зедделер Птицы.** 1917 г.
Бумага, цветная линогравюра
10,2 × 9,9 см.
© ГМИИ им. А. С. Пушкина
Fig. **19. A. P. Somova-Seddeler Birds.** 1917
Paper, colour linocut
10,2 × 9,9 cm
© State Pushkin Museum of Fine Arts

В гравюрах других упоминавшихся мастеров также встречаются цветочные мотивы. «Цветы (горошек)» [ГР-10463, 1907] и «Белые бегонии» [ГР-10462, 1907] Сомовой-Зедделер можно соотнести с «Вьюнком и древесной лягушкой» Хокусая [Кацусика Хокусай, 1832]. «Ирисы» [ГР-10470, 1909] Сомовой-Зедделер первым делом заставляют вспомнить множество японских гравюр, в частности «Ирисы и кузнечик» Хокусая [Кацусика Хокусай, 1820-е.] и «Ирисы в Хорикири» [Утагава Хиросигэ, май 1857] из «Ста знамених видов Эдо» Хиросигэ. Ее же «Птицы» [ГР-10493, 1917] (*Илл. 19*) синонимичны «Экзотическим птицам» Китао Масаёси [Китао Масаёси, 1800], однако, в отличие от тонко детализированной японской композиции, Сомова-Зедделер обобщает форму и в ее композиции на первый план выходят выразительность силуэтов и яркий колорит: черно-белые фигуры птиц представлены на активном охряном и зеленом фоне. Уже упоминавшаяся выше гравюра Зедделера «Горный козел» по композиции близка «Кабану» Хиросигэ [Утагава Хиросигэ, 1830-е.]. Однако наиболее яркий и характерный мотив, напрямую привнесенный из японской ксилографии, можно заметить в работе Фалилеева «Весна» [ГР-10255, 1916]. Силуэты деревьев, утопающих в розовом цвету, и сама композиция этого пейзажа, восходят к «Фудзи с холма Готэняма» Хокусая [Кацусика Хокусай, 1830–1832].

Выводы

Влияние японской гравюры укиё-э в работах Остроумовой-Лебедевой, Фалилеева, Якунчиковой, Волошина, Сомовой-Зедделер и Зедделера заключается в одном основополагающим аспекте. Через рефлексию искусства прошлого — приемов японских мастеров XVII–XIX столетий — художники рубежа XIX–XX вв. стремились найти собственный выразительный язык, образный мир. Увлечение японской гравюрой не только примета времени, обозначающая один из основных его эстетических идеалов. Благодаря ему, русские художники смогли создать радикально отличный от мастеров предшествующей эпохи и многих современников образ природы, изменчивой и в то же время постоянной, наполненной созерцательностью. Преображение окружающей действительности происходило путем создания лаконичных и цельных по своему образному строю произве-

дений. Художники отказались от штриха и поставили на первое место силуэт, обобщенную линию и пятно цвета наряду со сдержанными, строго выстроенными композициями. Глубокий лирико-философский смысл и тончайшие переживания различных природных состояний, которые нашли отражение в японском искусстве, а также выработка русскими художниками целой системы собственных художественных средств на базе воспринятых ими особенностей образного строя японских произведений, привели к переосмыслению ценности печатной графики и определению ее как полностью самостоятельного художественного явления.

Изменение художественного языка происходило, во-первых, благодаря использованию отдельных, характерных только для японского искусства мотивов, ранее не встречавшихся в русском искусстве. Во-вторых, знакомство с японской гравюрой на дереве укиё-э дало художникам импульс к принципиально новым экспериментам с техникой и цветом, что в итоге возродило русскую ксилографию, позволило продемонстрировать ее широкие изобразительные возможности и создать абсолютно иной язык русской печатной графики.

Список литературы / References

Аполлон. СПб: Книгоиздательство Аполлон. 1913. № 6. С. 6–14 [*Apollo*. St. Petersburg: Book Publishing House Apollo, 1913. No. 6. Pp. 6–14 (in Russian)] URL: https://imwerden.de/pdf/apollon_1913_06.pdf (accessed 30.06.2023).

Астафьева М. Документальные материалы семьи Якунчиковых. *Третьяковская Галерея.* 2020. № 3 (68) [Astafieva M. Documentary Materials of the Yakunchikov Family. *Tretyakov Gallery.* 2020. No.3 (68) (in Russian)]. URL: https://www.tg-m.ru/articles/3-2020-68/dokumentalnye-materialy-semi-yakunchikovykh (accessed 24.07.2023).

Белецкий П. А. Русская графика начала XX века и японская цветная ксилография. *Книга и графика. Сборник статей. Посвящается 80-летию чл.-кор. АН СССР А. А. Сидорова*. М.: Наука, 1972. 315 с. [Beletsky P. A. Russian Graphics of the Early Twentieth Century and Japanese Color Woodcuts. *Book and Graphics. Collection of Articles: Dedicated to the 80th Anniversary of Corresponding Member, Academy of Sciences of the USSR A. A. Sidorov.* Moscow: Nauka, 1972. 315 p. (in Russian)].

Бенуа А. Н. *Мои воспоминания: в 2 кн*. М.: Захаров, 2003. 1552 с. [Benoit A. N. *My Memories: in 2 books*. Moscow: Zakharov, 2003. 1552 p. (in Russian)].

Брюнинг А. Влияние Китая и Японии на европейское искусство. *Вестник воспитания: научно-популярный журнал для родителей и воспитателей*. Ред. Н. Ф. Михайлов. М: 1902, С. 156–176. [Bryuning A. Influence of China and Japan on European art. *Bulletin of Education: Popular Science Magazine for Parents and Educators*. Ed. N. F. Mikhailov. Moscow: 1902. Pp. 156–176 (in Russian)].

Волошин М. А. Лики творчества. Л.: Наука, 1988. 844 с. [Voloshin M. A. Faces of Creativity. Leningrad: Nauka, 1988. 844 p. (in Russian)]. URL: https://imwerden.de/pdf/voloshin_liki_tvorchestva_1988_text.pdf (accessed 30.06.2023).

Гартман С. *Японское искусство.* Пер. с англ. О. Кринской. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1908. 104 с. [Hartman S. *Japanese Art*. Transl. from English by O. Krinskaya. St. Petersburg: R. Golike and A. Vilborg Partnership, 1908. 104 p. (in Russian)].

Грабарь И. Э. *Японская цветная гравюра на дереве.* СПб: изд. кн. С. А. Щербатова и В. В. ф. Мекк, 1903. 25 с. [Grabar I. E. *Japanese Color Woodcut*. St. Petersburg: eds.: S. A. Shcherbatova and V. V. f. Mekk, 1903. 25 p. (in Russian)].

Грабарь И. Э. Японцы. *Мир искусств*. 1902. № 2. С. 31–34 [Grabar I. E. The Japanese. *World of Arts*. 1902. No. 2. Pp. 31–34 (in Russian)].

Давыдова О. Расширение «горизонтов»: Мария Якунчикова и символизм. *Третьяковская Галерея*. [Expanding “Horizons”: Maria Yakunchikova and Symbolism. *Tretyakov Gallery.* 2020. Add. To No. 3 (68) (in Russian)]. URL: https://www.tg-m.

ru/articles/prilozhenie-k-3-2020-68/rasshirenie-gorizontov-mariya-yakunchikova-i-simvolizm (accessed 13.07.2023).

Добужинский М. В. *Воспоминания.* М.: Наука, 1987. 477 с. [Dobuzhinsky M. V. Memories. Moscow: Nauka, 1987. 477 p. (in Russian)].

Завьялова А. Е. *Мир искусства. Японизм*. М.: БуксМарт, 2014. 95 с. [Zavyalova A. E. *World of Art. Japonisme*. Moscow: BuksMart, 2014. 95 p. (in Russian)].

Заслуженный деятель искусств РСФСР Дмитрий Исидорович Митрохин (1883–1973). Рисунок, акварель, гравюра и литография, книжное оформление и иллюстрации: каталог выставки. Союз художников СССР; авт. ст. М. В. Алпатов и др.; сост. кат. Л. А. Петрова. М.: Советский художник, 1988. 104 с. [*Honored Artist of the RSFSR Dmitry Isidorovich Mitrokhin (1883–1973). Drawing, Watercolor, Engraving and Lithography, Book Design, and Illustrations: Exhibition Catalogue*. Union of Artists of the USSR; ed. by M. V. Alpatov et al; comp. by L. A. Petrova. Moscow: Soviet Artist, 1988. 104 p. (in Russian)].

Кацусика Хокусай. Восход у моста Рёгоку с берега реки Сумида. 1830–1831 [Katsushika Hokusai. Viewing the Sunset over Ryōgoku Bridge from the Onmaya Embankment. 1830–1831]. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/37362 (accessed 05.09.2023).

Кацусика Хокусай. Вьюнок и древесная лягушка. 1832 [Katsushika Hokusai. Convolvulus and Tree-Frog", 1832]. URL: https://collection.beta.fitz.ms/id/image/media-1322102672 (accessed 27.07.2023).

Кацусика Хокусай. Кузнечик и Ирисы. Поздние 1820-е. [Katsushika Hokusai. Grasshopper and Iris, late 1820s]. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/37192 (accessed 27.07.2023).

Кацусика Хокусай. Лодка на реке Тонэ в провинции Симоса. 1833 [Katsushika Hokusai. Soshu Tonegawa (The Tonegawa River in Shimosa Province). 1833]. URL: https://ukiyo-e.org/image/harvard/HUAM-CARP03402 (accessed 27.07.2023).

Кацусика Хокусай. Река Тама в Бусю. 1830–1832 гг. [Katsushika Hokusai. Tama River in Musashi Province", 1830–1832]. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/56392 (accessed 27.07.2023).

Кацусика Хокусай. Рыбак в Кадзикадзава. 1830–1832 [Katsushika Hokusai. Kajikazawa in Kai Province", 1830–1832]. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/56727 (accessed 05.09.2023).

Кацусика Хокусай. Усибори в провинции Хитати. 1830–1832 [Katsushika Hokusai. Ushibori in Hitachi Province. 1830–1832]. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/56239 (accessed 05.09.2023)

Кацусика Хокусай. Фудзи в больших волнах в Канагава (Большая волна)», Серия «36 видов Фудзи», 1830–1835 [Katsushika Hokusai. The Great Wave of Kanagawa. 36 Views of Mount Fuji. 1830–1835]. URL: http://japaneseprints.ru/data/engravings/great_wave_hokusai.php?sea_val=%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B0%D1%8F%20%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%B0 (accessed 27.07.2023).

Кацусика Хокусай. Фудзи с холма Готэнъяма. 1830–1832 [Katsushika Hokusai. Fuji from Gotenyama at Shinagawa on the Tōkaidō. 1830–1832]. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/56135 (accessed 27.07.2023).

Кацусика Хокусай. Фудзи в ясную погоду (Красная Фудзи). 1948 г. Серия «36 видов Фудзи». [Katsushika Hokusai. Fine Wind, Clear Morning, also known as Red Fuji. 1948]. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/36490 (accessed 14.09.2023).

Кацусика Хокусай. 36 видов Фудзи. 1830–1832 [Katsushika Hokusai. 36 Views of Mount Fuji. 1830–1832]. URL: https://www.hokusai-katsushika.org/36-views-of-mt-fuji-seri36.html (accessed 27.07.2023).

Кацусика Хокусай. Сто страшных историй. 1831–1832 [Katsushika Hokusai. One Hundred Ghost Stories. 1831–1832]. URL: https://www.hokusai-katsushika.org/100-ghosts-stor100.html (accessed 27.07.2023).

Каштанова Е. «...Можно очень редко видаться, а связь внутренняя». Елена Поленова (1850–

1898) и Мария Якунчикова (1870–1902). *Третьяковская Галерея.* 2020. № 3 (68) [Kashtanova E. "...You can see each other very rarely, but the connection is internal". Elena Polenova and Maria Yakunchikova. *Tretyakov Gallery.* 2020. No. 3 (68) (in Russian)]. URL: https://www.tg-m.ru/articles/3-2020-68/mozhno-ochen-redko-vidatsya-svyaz-vnutrennyaya-elena-polenova (accessed 12.07.2023).

Китагава Утамаро. Пейзаж. 1800 [Kitagawa Utamaro. Landscape. 1800]. URL: https://ukiyo-e.org/image/famsf/5050161218020081 (accessed 27.07.2023).

Китао Масаёси. Экзотические птицы. 1800 [Kitao Masayoshi. Two Exotic Birds. 1800]. URL: https://ukiyo-e.org/image/artelino/28193g1 (accessed 27.07.2023).

Курапова Е. Л. *Влияния традиционного японского искусства в художественной графике России конца XIX — начала XX вв*. Диссертация на соиск. степ. канд. искусств.: 17.00.04. Санкт-Петербург, 1998. 216 с. [Kurapova E. L. *Influence of Traditional Japanese Art in the Artistic Graphics of Russia in the Late 19th — Early 20th Centuries*. PhD Thesis (art history): 17.00.04. St. Petersburg, 1998. 216 p. (in Russian)].

Кэйсай Эйсэн, Утагава Хиросигэ. 69 станций Кисокайдо. 1834–1842 [Keisai Eisen, Utagawa Hiroshige. The 69 Stations of the Kisokaidō Road. 1834–1842]. URL: https://www.hiroshige.org.uk/Kisokaido_Road/Kisokaido_Road.htm (accessed 27.07.2023).

Маркова Н. Два женских лика цветного офорта. Мария Якунчикова и Елизавета Кругликова в Париже. *Третьяковская Галерея.* 2020. № 3 (68) [Markova N. Two Female Faces in Color Etching. Maria Yakunchikova and Elizaveta Kruglikova in Paris. *Tretyakov Gallery.* 2020. No. 3 (68) (in Russian)]. URL: https://www.tg-m.ru/articles/3-2020-68/dva-zhenskikh-lika-tsvetnogo-oforta-mariya-yakunchikova-i-elizaveta-kruglikova-v- (accessed 21.07.2023).

Митрохин Д. И. *Гравюры на дереве*. Л: Издательство Ленинградского областного союза советских художников, 1934. 64 с. [D. I. Mitrokhin. *Wood engravings*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo oblastnogo soyuza sovetskih hudozhnikov, 1934. 64 p. (in Russian)].

Митрохин Д. И. Заслуженный деятель искусств РСФСР. Каталог выставки. М.: Советский художник, 1973. 62 с. [D. I. Mitrokhin. Honored Art Worker of the RSFSR. Exhibition catalogue. Moscow: Soviet artist, 1973. 62 p. (in Russian)].

Молодяков В. Э. *Образ Японии в Европе и России второй половины XIX — начала XX века.* Москва, Токио: Институт Востоковедения, 1996. 182 с. [Molodyakov V. E. *The image of Japan in Europe and Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries*. Moscow, Tokyo: Institute of Oriental Studies, 1996. 182 p. (in Russian)].

Николаева Н. С. *Образы Японии: очерки и заметки*. М.: Восточная литература, 2009. 204 с. [Nikolaeva N. S. *Images of Japan: Essays and Notes.* Moscow: Oriental Literature, 2009. 204 p. (in Russian)].

Николаева Н. С. *Япония-Европа: Диалог в искусстве, середина XVI — начало XX вв*. М: Изобразительное искусство, 1996. 397 с. [Nikolaeva N. S. *Japan–Europe: Dialogue in Art, Mid-16th — Early 20th Centuries.* Moscow: Izobrazitelnoe Iskusstvo, 1996. 397 p. (in Russian)].

Николаева Н. С. Японские мотивы в искусстве модерна. *Вопросы искусствознания*. № 2–3, 1994. С. 312–326. [Nikolaeva N. S. Japanese Motifs in Modern Art. *Questions of Art History*. No. 2–3, 1994. Pp. 312–326 (in Russian)].

Остроумова-Лебедева А. П. *Автобиографические записки.* Сост., автор вступ. ст. и примеч. Н. Л. Приймак. Т. 1–2. М: Центрполиграф, 2003, 590 с. [Ostroumova-Lebedeva A.P. *Autobiographical Notes*. Comp., introd. and notes by N. L. Priymak. Vols. 1–2. Moscow: Tsentrpoligraf, 2003, 590 p. (in Russian)]. URL: https://imwerden.de/pdf/ostroumova-lebedeva_avtobiograficheskie_zapiski_tom_1-2_2003__ocr.pdf (accessed 28.06.2023).

Павлова Г., Чудиновская Т. *Остроумова-Лебедева. Художник и коллекционер.* СПб.: Palace ed., 2016. 131 с. [Pavlova G., Chudinovskaya T.

Ostroumova-Lebedeva. Artist and collector. St. Petersburg: Palace ed., 2016. 131 p. (in Russian)].

Познанская А. В. Роль японизма в становлении художественной системы Джеймса Макнейла Эббота Уистлера: диссертация кандидата искусствоведения: 17.00.04. М., 2008. 159 с. [Poznanskaya A. V. The Role of Japanism in the Formation of the Artistic System of James McNeil Abbott Whistler: Ph. D. (Art history) thesis: 17.00.04. Moscow, 2008. 159 p. (in Russian)].

Пунин Н. Н. Японская гравюра: Иллюстрированная монография. *Аполлон.* 1915. № 6–7. С. 1–35 [Punin N. N. Japanese Engraving: An Illustrated Monograph. *Apollo*. 1915. No. 6–7. Pp. 1–35 (in Russian)].

Романов Н. И. *В. Фалилеев*. Москва, Петроград: Государственное издательство, 1923, 94 с. [Romanov N. I. *V. Falileev*. Moscow, Petrograd: State Publishing House, 1923, 94 p. (in Russian)].

Сидоров А. А. *Русская графика начала XX века. Очерки истории и теории.* М.: Искусство. 1969. 249 с. [Sidorov A. A. *Russian Graphics of the Early Twentieth Century. Essays on History and Theory*. Moscow: Iskusstvo. 1969. 249 p. (in Russian)].

Сост. Попова Р. И. *Максимилиан Волошин — художник*. М.: Советский художник, 1976. 237 с. [Comp. Popova R. I. *Maximilian Voloshin — an Artist*. Moscow: Sovetskiy Hudozhnik, 1976. 237 p. (in Russian)].

Струкова А. И. Влияние искусства Китая и Японии на советскую живопись и графику 1920–1930-х годов. *Проблемы истории, филологии, культуры.* 2015. № 3 (49). С. 452–464 [Strukova A. I. The Influence of Chinese and Japanese Art on Soviet Painting and Graphics in the 1920s–1930s. *Problems of History, Philology, Culture*. 2015. No. 3 (49). Pp. 452–464 (in Russian)].

Титарева Д. С. Влияние укиё-э на художественный язык станковой графики А. П. Остроумовой-Лебедевой 1900-20-х гг. (на примере Санкт-Петербургского цикла гравюр). *Культура и искусство*. 2021. № 3. С. 47–57 [Titareva D. S. The Influence of Ukiyo-e on the Artistic Language of Easel Graphics by A. P. Ostroumova-Lebedeva in the 1900–20s. (On the Example of the St. Petersburg Cycle of Engravings). *Culture and Art*. 2021. No. 3. Pp. 47–57 (in Russian)].

Уистлер Джеймс. Спик холл. 1870 г. [James McNeill Whistler. Speke Hall. 1870]. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/347418 (accessed 27.07.2023).

Утагава Куниёси. Жизнеописание монаха Нитирэна. 1835–1836 гг. [Utagawa Kuniyoshi. Monk Nichiren in Exile on Sado Island. From the *Illustration of Famous Monks* series. 1835–1836]. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/57049 (accessed 14.07.2023).

Утагава Хиросигэ. Вечерняя луна у моста Рёгоку. 1831 [Utagawa Hiroshige. Twilight Moon at Ryōgoku Bridge. 1831]. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/45294 (accessed 30.06.2023).

Утагава Хиросигэ. Внезапный ливень над мостом в Атакэ. 1857 [Utagawa Hiroshige. Sudden Shower over Shin-Ōhashi Bridge and Atake. 1857]. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/36461 (accessed 26.07.2023).

Утагава Хиросигэ. Водовороты Наруто. Провинция Ава. 1853 г. [Utagawa Hiroshige. Naruto Whirlpool. Awa Province. 1853]. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/53783 (accessed 27.07.2023).

Утагава Хиросигэ. Ирисы в Хорикири. 1857 г. [Utagawa Hiroshige. Horikiri Iris Garden. 1857]. URL: https://www.brooklynmuseum.org/opencollection/objects/121670 (accessed 27.07.2023).

Утагава Хиросигэ. Кабан. 1830-е гг. [Utagawa Hiroshige. Japanese Bush Clover and a Wild Boar. 1830s]. URL: https://ukiyo-e.org/image/honolulu/4067 (accessed 27.07.2023).

Утагава Хиросигэ. Квартал Сарувака ночью. Серия «100 знаменитых видов Эдо». 1856 [Utagawa Hiroshige. Night View of Saruwaka-machi (Saruwaka-machi Yoru no Kei). No 90 from *One Hundred Famous Views of Edo*. 1856]. URL: https://www.brooklynmuseum.org/opencollection/objects/121704 (accessed 27.07.2023).

Утагава Хиросигэ. Лисьи огни в новогоднюю ночь у дерева эноки в Одзи. 1857 [Utagawa Hiroshige. New Year's Eve Foxfires at the Changing Tree, Ōji. 1857]. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/55553 (accessed 13.07.2023).

Утагава Хиросигэ. Лодка на реке Сумида. 1817–1858 [Utagawa Hiroshige. Boat on the Sumida River. 1817–1858]. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/460337 (accessed 27.07.2023).

Утагава Хиросигэ. Мост в Мэгуро. 1854 [Utagawa Hiroshige. Meguro Drum Bridge and Sunset Hill. 1854]. URL: https://www.brooklynmuseum.org/opencollection/objects/121723 (accessed 27.07.2023).

Утагава Хиросигэ. Ночной дождь в Коидзуми. 1835–1839 [Utagawa Hiroshige "Night Rain at Koizumi", 1835–1839]. URL: https://ukiyo-e.org/image/mfa/sc209021 (accessed 26.07.2023).

Утагава Хиросигэ. Осенняя луна. 1838 г. [Utagawa Hiroshige "Autumn Moon on the Tama River", 1838]. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/56519 (accessed 13.07.2023).

Утагава Хиросигэ. Прохладный вечер на мосту Рёгоку. 1854 [Utagawa Hiroshige. In the Cool of the Evening at Ryōgoku Bridge. 1854]. URL: https://ukiyo-e.org/image/harvard/HUAM-CARP05983 (accessed 27.07.2023).

Утагава Хиросигэ. Сосна Сюбиномацу на берегу Онмаягася на реке Асакуса. Ок. 1855–1858. [Utagawa Hiroshige. Pine of Success and Oumayagashi, Asakusa River. 1855–1858]. URL: http://japaneseprints.ru/data/engravings/List_25_54_Sosna_Syubinomacu_na_beregu_Onmayagasya_na_reke_Asakusa.php (accessed 27.07.2023).

Утагава Хиросигэ. Хаккэйдзака, Сосна Повешенного Доспеха. 1856 [Utagawa Hiroshige. The Armor-hanging Pine at Hakkeizaka. 1856]. URL: https://ukiyo-e.org/image/loc/01327v (accessed 27.07.2023).

Утагава Хиросигэ II. Снег в храме Тэндзин в Юсиме. 1862 [Utagawa Hiroshige II. Snow at the Yushima Tenjin Shrine. 1862]. URL: https://ukiyo-e.org/image/famsf/5050161217250063 (accessed 27.07.2023).

Утагава Хиросигэ. 100 знаменитых видов Эдо. 1856–1858 [Utagawa Hiroshige. One Hundred Famous Views of Edo. 1856–1858]. URL: https://www.hiroshige.org.uk/100_Views_Of_Edo/100_Views_Of_Edo.htm (accessed 27.07.2023).

Флекель М. И. *От Маркантонио Раймонди до Остроумовой-Лебедевой: Очерки по истории и технике репродукционной гравюры XVI–XX в.* М.: Искусство, 1987. 367 с. [Flekel M. I. *From Marcantonio Raimondi to Ostroumova-Lebedeva: Essays on the History and Technique of Reproduction Engraving of the 16th–20th Centuries*. Moscow: Iskusstvo, 1987. 367 p. (in Russian)].

Fischer A. *Wandlungen im Kunstleben Japans*. Berlin, 1900. 112 p.

Rousset A. *Fables par Alexis Rousset*. Lyon: Imprimerie de Léon Boitel, 1848. 254 p.

Seidlitz W. von. *Geschichte des Japanischen Farbenholzschnittes*. Mit 116 abbildungen, darunter 16 farbigen. Dresden: Gerhard Kühtmann, 1910. 228 p.

Ukiyo-e Viewed through Japonisme. Catalogue. Chiba: City Museum of Art, 2022. 288 p.

DOI: 10.18254/S268684310028342-4

Eastern and Western Influence in Wall Paintings of Abuna Yemata Guh Church (Ethiopia)

Восточное и западное влияние в стенописи церкви Абуна Йемата Гу (Эфиопия)

© 2023 **Valeria Z. Kuvatova**

Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS,
Moscow, Russia
kintosha@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-8932-6490

Валерия Зуфаровна Куватова

Научный сотрудник, Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия
kintosha@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-8932-6490

The rock-hewn church Abuna Yemata Guh, situated in the Gheralta Mountains of the Ethiopian Tigray region, houses one of the best preserved and least studied wall paintings of medieval Ethiopia. The pictorial program is dated to the second half of 15th century, by stylistic and iconographic characteristics. In fact, no well-proved date has been suggested so far.

This research seeks to bridge the existing scholarly gap by conducting a comprehensive analysis of the iconographic and stylistic attributes of the paintings. It also considers the historical backdrop of the church, identifying key conduits of cultural influence. Furthermore, the study incorporates a scientific examination of the pigments employed in the paintings of Abuna Yemata Guh, comparing them with those found in other Ethiopian churches.

The artistic motifs found within the paintings of Abuna Yemata Guh indicate an amalgamation of influences, notably drawing from Osman and Goan Christian art traditions. Additionally, traces of the iconographic style seen in the Roman icon *Salus populi romani* are evident, with a copy of this icon only arriving in Ethiopia after the 1570s. Consequently, the most plausible timeframe for the execution of the wall paintings falls within the latter part of the 16th c.

Keywords: Ethiopian art, Ethiopian painting, Abuna Yemata Guh, Ethiopian roch-hewn churchs, Eastern Christian art, Tigray

For citation: Kuvatova Valeria Z. Eastern and Western Influence in Wall Paintings of Abuna Yemata Gus Church (Ethiopia). *Oriental Courier.* 2023. No. 3. Pp. 262–272. DOI 10.18254/S268684310028342-4

Скальная церковь Абуна Йемата Гу в Тиграе — один из самых целостных и, одновременно, практически не исследованных памятников средневековой монументальной живописи Эфиопии. Живописная программа датируется по стилю ориентировочно второй половиной XV века. По сути, обоснованная датировка росписей церкви до сих пор не была предложена. Настоящее исследование представляет собой первую попытку такой датировки, базирующейся на комплексном анализе иконографии, стиля, исторического контекста памятника, векторов художественного влияния, а также сопоставлении имеющихся технико-технологических исследований красочного слоя росписей церкви Абуна Йемата Гу и других эфиопских памятников монументальной живописи. В живописи явно усматриваются черты османской культуры, гоанской христианской живописи, а также иконографического типа Богоматери *Salus populi romani,* копия которой была доставлена в Эфиопию не ранее 70-х гг. XVI в. Соответственно, наиболее вероятная датировка росписей — последняя четверть XVI века.

Ключевые слова: эфиопское искусство, эфиопская живопись, Абуна Йемата гу, эфиопские скальные церкви, восточно-христианское искусство, Тиграй

Для цитирования: Куватова В. З. Восточное и западное влияние в стенописи церкви Абуна Йемата Гу (Эфиопия). *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2023. № 3. Pp. 262–272. DOI 10.18254/S268684310028342-4

The rock-hewn church of Abuna Yemata Guh, located in the Gheralta Mountains of the Ethiopian Tigray region, accommodates one of the best-preserved yet least-studied wall paintings of medieval Ethiopia. The lack of publications is likely due to its extreme inaccessibility. The church is carved into a cliff, and its interior comprises two interconnected, approximately square domed rooms aligned on a single axis perpendicular to the entrance. To the right side of the entrance, three arcs supported by two cross-shaped columns lead to a rectangular room. Part of this room serves as a sacred space inaccessible to visitors (*Fig. 1*).

According to local legend, the church in question was carved during the prosperous era of the Axumite Kingdom in the 6th century. However, there is no scientific confirmation or refutation of this date. Based on their style, the wall paintings are loosely dated to the second half of the 15th century [Lepage, Mercier, 2005, p. 154; Gebremaryam, Kvittengen, Nicholson, 2016, p. 1]. Claire Bosque-Tiessé argues that a well-grounded dating is yet to be established [Bosc-Tiessé, 2020, p. 342]. The

Fig. 1. **Rock-hewn Church of Abuna Yemata Guh The Geralta Mountains, Tigray**
Photo courtesy of Vladimir Melnik ©
Илл. 1. **Скальная церковь Абуна Йемата Гу в Тиграе**
Фото из личного архива Вл. Мельника ©

stylistic and iconographic characteristics of the wall paintings appear to reflect different periods and have sparked some controversy. Additionally, at least one scene of the pictorial program was partially repainted [Gebremaryam, Kvittengen, Nicholson, 2016, p. 4, 6, 8].

The church and its pictorial program are dedicated to nine Syrian saints (Aftse, Alef, Aragawi, Garima, Guba, Liqanos, Pantelewon, Tsahma, and Yemata) who spread Christianity in Ethiopia during the 6th century. The program also includes depictions of Old Testament figures, apostles, archangels, and local saints. Analizing these wall paintings requires an understanding of the historical context of the Ethiopian Christian Kingdom during the 14th–16th centuries.

Ethiopia in the 14–16th Centuries

The Abyssinian Solomonic dynasty was founded in 1270, upon the overthrow of Zagwean kings. To legitimate the takeover, the first Solomonides promoted a narrative (a legendary epos *Kebra Negast*, which means "the glory of kings") on the origins of the dynasty from the King Solomon and the queen Makeda, that was identified as a queen of Sheba. Their son Menelik was the mythical ruler of Ethiopia.

The founder of the dynasty likely came from Shewa, a region in the highlands to the northeast of Addis Ababa. The political center initially shifted from Lalibela to Shewan Tagwelat, but the town never officially became a capital city. Instead, the Solomonides opted for an unusual, semi-nomadic lifestyle, frequently moving across Shewa and neighboring provinces [Hovath, 1969, p. 207]. During the first century of their rule, they kept Tagwelat as a temporary royal residence but since 1412 the royal court had been constantly migrating. The court moved several times per year [Hovath, 1969, p. 206]. The Ethiopian Christian king are likely to had chosen this lifestyle due to persistent threat coming from Islamic neighbor strates [Hovath, 1969, p. 213], and the future proved their fears were justified.

The nomadic lifestyle significantly reduced temple construction activities, nearly halting them altogether. However, there were a few rock-hewn churches built in the 14th century, though, as is the case with Abuna Yemata Guh, the exact dates of their construction are difficult to determine. Many of the Gheralta churches' wall paintings can be dated back to the 14th–15th centuries. These churches, like Abuna Yemata Guh, are all rock-hewn and artfully concealed within the mountains.

During the 14th and 15th cc, panel painting and manuscript illumination flourished. Some painters traveled with the royal court, while others established workshops in the relatively secure region of Gojam, situated to the south of Lake Tana. The rapid development of these new forms of fine arts was greatly influenced by foreign sources. While the wall paintings of the Zagwean period were primarily inspired by Coptic art, the Solomonides established close connections with Western Europe. The earliest interactions occurred in the early 15th century, when an Ethiopian embassy reached Venice, resulting in the delivery of embroidered European clerical apparel and engraved church plates to Ethiopia in 1403 [Salvadore, 2017, p. 21]. Ethiopia received not only traders but also painters, as some Spanish artists accompanied an Ethiopian embassy to the court of Alfonso de Aragon in the early 15th century [Trasselli, 1941, p. 266].

In the late 14th century, Cretan icons are believed to have arrived in Ethiopia, sparking a widespread practice of icon worship [Chojnacki, 2000, p. 22]. In the 15th century, Italian presence dominated the artistic scene. Italian artists worked in Gojam toward the end of the century, with Nicolo Brancaleon (c.1460 – after 1526) being one of the most renowned among them [Chojnacki, 2000, p. 25; Salvadore, 2017, p. 136].

Starting from the 16th century, the Portuguese became the most noticeable foreign power in the Solomonid kingdom [Martinez D'Alos-Moner, 2011, p. 5]. In 1520, Portuguese military and diplomatic fleet arrived in Ethiopia. Prior to this, the mission had spent some time in the Portuguese colony of Goa in India. Portuguese Jesuits brought

Fig. 2. **Abuna Yemata Guh church**
Abuna Yemata and his servant
Photo courtesy of Vladimir Melnik ©
Илл. 2. **Церковь Абуна Йемата Гу**
Абуна Йемата и его слуга
Фото из личного архива Вл. Мельника ©

Fig. 3. **Abuna Yemata Guh church**
Abuna Benyam and an unknown horse-rider
Photo courtesy of Vladimir Melnik ©
Илл. 3. **Церковь Абуна Йемата Гу**
Абуна Йемата и неизвестный всадник
Фото из личного архива Вл. Мельника ©

engravings and printed samples to the country, some of which were produced in Goa, a long-standing center of Jesuit missionary expansion in India. Goan masters created engravings and illustrations for Christian holy books, adding elements of their own tradition to Western European iconography. Moreover, from Goa to Ethiopia were also brought book miniatures of the Empire of the Great Mughals, as well as works of Persian secular painting. Ethiopian masters adopted the oriental Goan interpretation of clothing, so from the 16th century onwards, male characters are most often depicted in oriental attire.

Features of the Iconographic Program

All these vectors of influence were reflected both in the selection of subjects and in the style of Ethiopian painting, including the murals of the Abuna Yemata Gu church. Its iconographic program is quite unusual. The church consists of two conventionally domed spaces, which is not typical for medieval Ethiopia. A significant part of Ethiopian temples were built according to the conventional basilica type. An unusual feature is the placement of the figurative program in the domes. As a rule, the vaults of Ethiopian churches were adorned with carved or painted ornamental decor, and only in a few churches does figurative painting appear under the dome.

The choice of scenes for dome painting is also surprising: One of them depicts nine of the twelve apostles, the second — eight of the nine Syrian saints. The theme of the apostles first entered Ethiopian monumental painting in the 14th century, apparently under the influence of book miniature. However, no surviving monument contains a standard depiction of all twelve. As a rule, artists chose several apostles and placed them in the company of biblical prophets and the most venerated saints in Ethiopia. Of all the Ethiopian monuments, including images of apostles, the scene from the Abuna Yemata Gu church is closest to the Byzantine tradition. Somehow, through the Middle East or Coptic Egypt, the vector of Byzantine influence, whose impulse had almost faded by the 16th century, returned to Tigray at this period.

The central scene of the iconographic program of the walls is the image of the church's patron, Abuna Yemata, on horseback, accompanied by Abuna Benjamin, servants and another rider

Fig. 4. **Abuna Yemata Guh church. Mary with the Child and apostles Peter and Paul**
Photo courtesy of Vladimir Melnik ©
Илл. 4. **Церковь Абуна Йемата Гу. Дева Мария с апостолами Петром и Павлом**
Фото из личного архива Вл. Мельника ©

Fig. 5. **Abuna Yemata Guh church. Archangel Michael**
Photo courtesy of Vladimir Melnik ©
Илл. 5. **Церковь Абуна Йемата Гу. Архенгел Михаил**
Фото из личного архива Вл. Мельника ©

Fig. 6. **Ottoman official.** Turkey, Istanbul, ca 1650. Aga Khan Museum, Toronto, Canada. Ink, watercolor, gold on paper
Илл. 6. **Османский чиновник.** Турция, Стамбул, прибл. 1650 г. Музей Ага Хана, Торонто, Канада
Open source: URL: https://clck.ru/35jsnq

Fig. 7. **Rock-hewn church of Abuna Debre Tsion The Geralta Mountains, Tigray**
Photo courtesy of Vladimir Melnik ©
Илл. 7. **Скальная церковь Абуна Дебре Цион в Тиграе**
Фото из личного архива Вл. Мельника ©

(*Figs. 2, 3*). The rest of the wall and support surface are occupied by images of the Virgin Mary with the infant in the company of apostles, as well as saints and archangels. And immediately noticeable is the difference in the interpretation of faces and clothes of different characters.

The interpretation of the Virgin Mary and infant Christ, whose faces bear Ethiopian traits, is striking (*Fig. 4*). These traits are emphasized by dark carnation. However, the apostles flanking Mary clearly belong to the Europoid type. In the history of Ethiopian painting, no other monuments with such an interpretation have been preserved. It is possible that it is connected with the aforementioned epic Kebra Nagast, according to which the Ethiopian dynasty of the Solomons traces its origin to Solomon and, consequently, is related to Mary and Christ. In addition, in the scene with Abuna Yemata, there is another character with Ethiopian appearance — the third rider. The combination of ethnically different characters will be encountered in wall-painting in the future.

Dating Issues

In the iconography and style of the murals of the Abuna Yemata Guh church, there are indeed elements indicating the 15th century. The most noticeable parallels are found with the murals of another church in Gheralta — Debre Zion. Its program was executed in several stages. On the colophon of one of the manuscripts preserved in Debre Zion, there is an inscription stating that the second stage of the murals, which shows similarities with Abuna Yemata Guh, dates back to the 1460s, during the reign of Emperor Zara Yaqob [Friedlander, Frielander, 2007, p. 79]. The most apparent parallels can be seen in the depiction of the apostles Peter and Paul, flanking the image of the Virgin Mary (*Figs. 4 and 7*). Some resemblance is also noticeable in the interpretation of the garments.

Several characters in Abuna Yemata Guh are depicted wearing specific headdresses that sharply contrast with Ethiopian traditions (*Figs. 2, 3*). Similar headwear is rarely seen in other monumental paintings, except in Debre Zion (*Figs. 7*). Similar depictions of saints with such headdresses can also be found on a 16th century icon from the collection of the Institute of Ethiopian Studies in Addis Ababa [Chojnacki, 2000, p. 169, cat. 150].

These headdresses seem to have their origins in Venetian, Aragonese, and Portuguese sallet helmets, which had a characteristic element covering the neck (*Fig. 9*). These helmets were made not only of metal but also of leather, and according to Italian tradition, noble knights wore sallets covered in velvet [Бехайм, 1995, p. 39]. Ethiopian artists may not have directly seen these helmets, but their depictions were often present in engravings and decorative art objects, possibly imported from Venice. Additionally, Spanish artists working in Ethiopia during the reign of Emperor Zara Yaqob (the same period as the second phase of Debre Zion's murals) could have depicted such helmets in their works. Foreign artists were active at the imperial court, and foreign art objects likely remained within the court's confines. However, the masters of Debre Zion clearly saw some examples, possibly created by Ethiopian artists.

Apart from the specific headdresses, there is noticeable similarity in the ornamental decor of Debre Zion and Abuna Yemata Guh. Such decor is not found in other churches in Gheralta or the broader Tigray region. It likely entered monumental painting from book illumination. Illuminated pages of Ethiopian manuscripts from the 14th to 16th centuries were often adorned with similar ornamentation [Gnisci, 2019, Figs. 1.1, 2.1, 3.1, 4.2]. For instance, a comparable ornamental decor can be seen in the Bodleian Psalter, dated to the late 15th to 16th cc. [Gnisci, 2019, p. 51], as well as on a sensul (a fan or foldable icon) dated to the 15th century, kept in Debre Zion (*Fig. 10*). The sensul itself might have served as a model for the masters painting Debre Zion.

Despite several stylistic and iconographic similarities, there are noticeable differences between the paintings of Abuna Yemata Guh and Debre Zion, which prevent an automatic synchronization

Fig. 8. **Icon Salus populi romani.** 6th century, restored in 13th century
Santa Maria Maggiore, Rome
Илл. 8. **Икона Salus populi romani «Спасение народа Римского»**
VI в., отреставрирована в XIII в.
Санта-Мария Маджоре, Рим
Source: URL: https://en.m.wikipedia.org/wiki/File:Virgin_salus_populi_romani.jpg

Fig. 9. **Martin Bernat, fragment of Crucifixion**
1480–1490, San Diego Museum of Arts
Илл. 9. **Фрагмент Распятия, Мартин Бернат**
1480–1490, Художественный музей Сан-Диего
Source: URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:The_Crucifixion_by_Martin_Bernat,_c._1480-1490,_oil_on_panel_-_San_Diego_Museum_of_Art_-_DSC06599.JPG

Fig. 10. **Sensul from Abuna Debre Tsion,** 15th century
Photo courtesy of Vladimir Melnik ©
Илл. 10. **Икона-веер из церкви Абуна Дебре Цион,** XV в.
Фото из личного архива Вл. Мельника ©

of their dating. Based on several characteristics, the style and iconography of the murals lean more towards the tradition of the 16th century.

An unusual interpretation of the halo of Christ is noteworthy: the arms of the cross have the shape of bordered ellipses. A similar form is infrequently seen but can be found on Ethiopian icons confidently or tentatively dated to the 16th century [Chojnacki, 2000, cat. 27, 70, 78, 161].

The garments of Abuna Yemata and his companions differ from the attire of the apostles, saints, and archangels. Researchers do not have clear insights into the local costume traditions of the 15th and 16th centuries. However, the attire of the character with Ethiopian facial features, distinct from traditional interpretations of the garments of saints and apostles, cautiously suggests that the Ethiopian elite of that period may have worn such clothing (*Fig. 3*). Moreover, neither he nor Abuna Yemata's servant wears a headdress. It is also necessary to pay attention to the horse trappings depicted with many details. Such details do not carry specific semantic significance; artists depict them based on their own visual experience. Until the 16th century, for example, following the Coptic style, horse heads were always depicted in a three-quarter view, and the trappings were portrayed very simply. In the 14th c., profile images emerged, but the interpretation of the trappings remained minimalistic. Suddenly, the master painting Abuna Yemata Guh preferred a highly realistic approach.

The majority of the Ethiopian Christian kingdom was situated in highland areas with rugged cliffs. A stable tradition of horseback riding could not have formed there. What samples could local artists have copied? Looking at the monuments of regions with a developed equestrian culture that influenced Ethiopian painting, one can notice a lack of similarity in the interpretation of horse harnesses. At the same time, there is an obvious resemblance to the interpretation of trappings in depictions of Ottoman riders, including coloristic solutions[1]. This circumstance appears initially mysterious. In the 15th century, which is the dating of the paintings of Abuna Yemata Gu, the Ottoman Empire focused on conquering Anatolia, and only in the early 16th century did its interests expand to Egypt and the Red Sea coast. The beginning of the 16th century also saw active involvement of the Turks in the military actions waged by the neighboring Adal Sultanate against Christian Ethiopia. Located in the territory of modern-day Somalia, Adal had long been a concern for the Ethiopian kingdom, but in the 16th century, its aggression against the Christian neighbor multiplied. Similarly to the case of the Christian Ethiopian kingdom, there is virtually no information about the clothing and harnesses used by Adal warriors. It is possible that the tradition was shaped under Turkish influence, but it cannot be ruled out that Turkish costumes and harnesses found their reflection in the paintings of Abuna Yemata Guh's church.

Could Ethiopian artists of the 15th century have seen examples of Ottoman art and copied them? The development of Ottoman painting occurred in the 16th century, so when it comes to the appearance of Turkish costumes and horse harnesses earlier, one has to rely on Western European painting and graphics. It is unimaginable that Europeans brought such works to Ethiopia. Historical realities raise doubts about the accuracy of the proposed dating of the paintings of Abuna Yemata Gu to the 15th century.

The second characteristic detail is the distinctive headwear. Above all, the voluminous turbans, previously unseen in Ethiopian painting, catch the eye. The depictions of archangels are interpreted in an Oriental manner, but it is difficult to determine a specific vector of influence (*Fig. 5*). When comparing the paintings of Abuna Yemata Gu with Iranian and Middle Eastern traditions, their concise monumentality, characteristic of certain directions within Ethiopian and Nubian painting, becomes apparent. As for the interpretation of turbans, one can see that it is closest to the Turkish version of this headwear. The resemblance becomes even more

1 See the Albrecht Durer's engraving of *The Osman Horseman* (1495, Albertina Museum, Vienna): URL: https://www.albrecht-durer.org/Turkish-Horseman.html (accessed 23.09.2023).

noticeable when comparing the paintings of Abuna Yemata Gu's church with examples of Turkish painting from the 16th to 17th centuries (*Fig. 6*). Similarities are evident not only in the forms but also in the coloristic solutions. Thus, regardless of whether the Ethiopian master worked with artistic samples or relied on their own visual experience, dating the paintings to the 15th century seems too early.

The iconography of the Mother of God with the Child also raises many questions. The 15th c. marks the beginning and explosive growth of the veneration of Marian icons. As a result, Ethiopian masters used various models for copying, including Western European and Cretan examples. Consequently, in the 15th century, several styles emerged that differed from one another. The same variety can be observed in the transitional period of the 16th century, moving from earlier variations to the unified first Gondarine style. However, attributing the image from Abuna Yemata Gu in terms of style and iconography is challenging. At first glance, the interpretation of garments in Abuna Yemata Gu resembles the so-called "moonface" style of the 15th century, but the personal differences are more than evident. The other styles of the 15th century offer even fewer parallels to the paintings of Abuna Yemata Gu. Nevertheless, in the 16th century, there were still directions where the folds of the garments were interpreted in a somewhat similar manner.

The most unusual feature of the iconography of the scene is the white object in the hands of the Mother of God. It does not appear in any other monument. In 15th century icons, the Mother of God either holds a flower or her hands are free. The white object in Abuna Yemata Gu partly resembles a book or scroll, and on many icons from the 17th century, a book is indeed present, but in the hands of Christ, while the Mother of God holds a veil. In the examined composition, the object is depicted where the book in the hands of Christ is usually placed on Ethiopian icons from the 17th to 19th century. At the same time, Mary's hands are not folded on her knees but hold the child in such a way that the object ends up in the left hand of the Mother of God. This raises the question of the origin of such a detail.

Another important element that supports this hypothesis is the cross on the forehead of the Mother of God. None of the depictions of the Mother of God dating back to the period before the 17th century show this element. However, its origin is evident and seems to stem from the same prototype as the origin of the white object in the hands of Mary. In 1569, the Jesuits obtained permission from Pope Pius V to make a copy of the famous icon *Salus Populi Romani* [Chojnacki, 2000, p. 33; Heldman, 1993, p. 75] (*Fig. 8*). The copy was brought to Ethiopia and had a significant influence on the development of the iconographic type of the Mother of God with the Child. It is associated with the tradition of depicting a cross on the forehead of Mary and the veil in her hand [Chojnacki, 2000, p. 304]. However, the question of when it was actually brought into the country remains debatable. S. Hojnacki, following E. Pennec's argumentation, suggests that it could not have appeared in Ethiopia before 1603 [Chojnacki, 1991, p. 359; Chojnacki, 2000, p. 33; Pennec, 1995, p. 135–165], while M. Heldman believes it could have been as early as the early 1570s [Heldman, 1993, p. 75].

However, the presumed time of the appearance of the copy of *Salus Populi Romani* in Ethiopia does not play a fundamental role in the question of dating the church frescoes, as the conducted technical and technological study has shown that it is specifically the scene with the Mother of God that bears traces of later additions [Gebremaryam, Kvittengen, Nicholson, 2016, p. 10]. The fresco contains vermilion, auripigment, and lead white, which are not found elsewhere in figurative compositions or ornamental décor. These pigments themselves cannot aid in dating, as they were used in Ethiopian monumental painting earlier [Gebremaryam, Kvittengen, Nicholson, 2013, p. 1]. However, their absence in other areas indicates subsequent alterations made to the specific composition. The cross and embellishment of the Mother of God's maphorion are executed with auripigment, and the white object in her hands is likely done with lead white.

Neither the cross on the maphorion nor the object resembling a book and a *mappula* in the hand of Mary could have appeared in the Marian iconography before the Jesuits brought the copy of *Salus Populi Romani* to Ethiopia. Regarding the latter, it is possible that in this case, what is known as iconographic contamination occurred: While copying the new iconography for themselves, especially not from the original but from one of the copies of the original, the artists did not fully grasp what they were seeing. The unusual interpretation of Christ's figure with the missing lower part confirms this assumption. Consequently, the changes to the scene were made no earlier than the 1570s. The subsequent intervention might also explain the peculiar interpretation of the left hand of the Mother of God, which is not outlined from the maphorion with a black contour, as is the case with all other instances, including the right hand of Mary. The impression is that the garment was painted directly over her hand, and rather uncertainly at that. Researchers did not take samples of the blue pigment used for the maphorion, yet, judging visually, it is present only in this scene. Apparently, the attire of the Mother of God also underwent subsequent modifications.

Furthermore, the research results indicate the presence of limestone in both the preparatory and paint layers [Gebremaryam, Kvittengen, Nicholson, 2016, p. 7]. Meanwhile, A. Wion suggests that the use of this mineral is linked to either Portuguese or Turkish influence [Wion, 2004, p. 109]. Both vectors of influence prominently manifested themselves in the 16th century.

Indirectly, the potential period of the frescoes is also indicated by their location. Abuna Yemata Gu is one of the most remote, if not the most inaccessible, churches in Tigray. Without knowing its location, it is practically impossible to discover. The interest of Ethiopian Christians in such places was particularly pronounced during periods of military conflicts within the Christian kingdom. In 1529, Imam Ahmed ibn Ibrahim from Harar invaded the territory of the Christian kingdom and, during a fourteen-year campaign, inflicted immense destruction upon the lands of the Solomonic dynasty. Numerous churches and monasteries were destroyed, and hundreds of manuscripts were burned [Fauvelle-Aymar, François-Xavier, Hirsch, Bertrand, 2004, p. 47; Binns, 2017, p. 121–122]. The military campaign continued until 1543, when King Gelawdewos (1540–1549), with the assistance of the Portuguese, emerged victorious over the forces of the imam [Binns, 2017, p. 122–123].

Conclusions

Thus, from a stylistic perspective (the interpretation of faces, figures, garments, and Christ's halo), the frescoes of Abuna Yemata Gu Church lean towards the tradition of the 16th century. The oriental rendering of faces of archangels and certain other characters resembles Goan style. During the initial wave of missionary activity in the 1520s, the Portuguese introduced Ethiopian art to Goan Christian painting, which in turn had been influenced by Persian art. This may also explain the oriental treatment of clothing for some figures. It was the Goan version of attire that dominated Ethiopian painting in the 16th to 17th centuries. The manner of depicting garments and horse harnesses, reflecting Turkish tradition, also points to the 16th century.

Certain similarities with the second phase of the frescoes at Abuna Debre Zion Church could be attributed to the direct reference of the artists to this neighboring monument. Abuna Debre Zion is one of the largest churches in Tigray, possessing splendid manuscripts and ecclesiastical treasures, while Abuna Yemata Gu is small, inaccessible, and unsuitable for grand religious ceremonies. There are no signs of royal patronage for the latter. Referring to the monument of Abuna Debre Zion as a model seems entirely reasonable.

In its final form, the scene of the Mother and Child appears to be an attempt to modify the original iconographic type to resemble the *Salus Populi Romani* type. This is evidenced, among other things, by the contradictory interpretation of Christ's figure and the object in the Mother's

hand, as well as the appearance of the cross on the maphorion.

The frescoes of the rock-hewn church of Abuna Yemata Gu give the impression of an experimental platform where the artist attempted to combine established traditions of Ethiopian painting with elements of new vectors of influence. They distinctly exhibit features of Ottoman culture, the Goan Christian tradition, and the iconographic type of the Salus Populi Romani Mother of God. The most likely dating of the frescoes is the 16th century. Most likely, the depiction of Mary was transformed into the *Salus Populi Romani* type in the 17th century, when the fashion for this specific iconographic type spread during the late Renaissance and Baroque periods, roughly from the 16th to the 17th century.

References / Список литературы

Бехайм В. *Энциклопедия оружия*. СПб: Санкт-Петербург оркестр, 1995. 576 с. [Behaim, B. *Encyclopedia of Weapons.* SPb: Sanct Petersburg Orchestra, 1995. 576 p. (in Russian)].

Binns J. *The Orthodox Church of Ethiopia. A History*. London, New York: I. B. Tauris, 2017. 297 p.

Bosc-Tiessé C. Christian Visual Culture in Medieval Ethiopia: Overview, Trends and Issues. Kelly S. (ed). *A Companion to Medieval Ethiopia and Eritrea*. Leiden, Boston: Brill, 2020. Pp. 322–365.

Chojnacki S. Recherches sur l'art chrétien d'Ethiopie au cours des quatre décennies. *École pratique des hautes études, Section des sciences religieuses. Annuaire*. 1991–1992. T. 100, 1991. Pp. 353–360.

Chojnacki S. Eth*iopian Icons. Catalogue of the Collection of the Institute of Ethiopian Studies, Addis Ababa University*. Skira Editore: Milan, 2000. 516 p.

Fauvelle-Aymar F.-X., Hirsch B. Muslim Historical Spaces in Ethiopia and the Horn of Africa: A Reassessment. *Northeast African Studies*. Vol. 11. No. 1. 2004. Pp. 25–53.

Friedlander M.-J., Frielander B. *Hidden Treasures of Ethiopia. A Guide to the Remote Churches of an Ancient Land*. London: I. B. Tauris, 2007. 322 p.

Gebremaryam K. F., Kvittengen L., Nicholson D. G. Multianalytical Investigation into Painting Materials and Techniques: The Wall Paintings of Abuna Yemata Guh Church. *Heritage Science*, 2016. No. 4:32. Pp. 1–14.

Gebremaryam K. F., Kvittengen L., Nicholson D. G. *Application of a Portable XRF Analyzer to Investigate the Medieval Wall Paintings of Yemrahanna Krestos Church, Ethiopia*. Wiley Online Library, Wiley & Sons Ltd., 2013.

Gnisci J. *Treasures of Ethiopia and Eritrea in the Bodleian Library, Oxford.* Oxford: Manar al-Athar, Oxford University, 2019. 130 p.

Heldman M. E. *African Zion. The Sacred Art of Ethiopia*. New Haven & London: Yale University Press, 1993. 304 p.

Hovath R. J. The Wandering Capitals of Ethiopia. *The Journal of African History*. 1969. Vol. 10. Issue 02. Pp. 205–219.

Lepage C.; Mercier J. *Art éthiopien. Les Églises historiques du Tigray / Ethiopian Art. The Ancient Churches of Tigrai*. Paris: ADPF Éditions recherches sur le Civilisations, 2005. 247 p.

Martinez D'Alos-Moner A. Early Portuguese Emigration to the Ethiopian Highlands: Geopolitics, Missions and Métissage. S. C. A. Halikowski Smith (ed.) *Reinterpreting Indian Ocean Worlds: Essays in Honor of Kirti N. Chaudhuri*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2011. Pp. 2–33.

Pennec H. La mission jésuite en Éthiopie au temps de Pedro Paez (1583–1622) et ses rapports avec le pouvoir éthiopien. *Rassegna di studi etiopici*. 1995. No. XXXVII. Pp. 135–165.

Salvadore M. *The African Prester John and the Birth of Ethiopian-European Relations, 1402–1555*. London: Routledge, 2017. 248 p.

Trasselli C. Un Italiano in Etiopia nel secolo XV: Pietro Rombulo di Messina. *Rasegna di Studi etiopici*. 1941. No. I. Pp. 2–66.

Wion A. Analysis of 17th-Century Ethiopian Pigments. M. J. Ramos, I. Boavida (eds). *The Indigenous and The Foreign in Christian Ethiopian Art. On Portuguese-Ethiopian Contacts in the 16th–17th Centuries*. Ashgate: Routledge Taylor & Francis Group, 2004. Pp. 103–111.

DOI: 10.18254/S268684310024294-1

Первый из первых: история одного портрета Фетх Али-шаха

First of the First: The Story of Fath Ali Shah's Portrait

© 2023 **Анна Эдуардовна Щербакова**

ведущий библиограф Сектора сводных каталогов отдела обработки и каталогов, Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия
annyheels@gmail.com aeshcherbakova.art@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-0127-2310

Anna E. Shcherbakova

Leading Bibliographer of the Sector of Consolidated Catalogs of the Department of Processing and Catalogs, National Library of Russia, St. Petersburg, Russia
aeshcherbakova.art@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-0127-2310

Статья посвящена истории и атрибуции первого портрета Фетх Али-шаха в отечественной прессе, опубликованного в № 12 журнала «Вестник Европы» за 1815 г. В ходе исследования определяется первоисточник изображения. Обнаруживаются промежуточные копии между русской гравюрой и оригиналом в масле. Предпринимается попытка установить время создания портрета на основе работы Аббаса Аманата «Корона Кианидов и восстановление Каджаром королевской власти». Раскрываются обстоятельства судьбы оригинального портрета, а также его репродукций и вариаций вплоть до XX в. Изучение провенанса ведется в искусствоведческом, историческом и книговедческом поле.

Ключевые слова: Фетх Али-шах, Каджары, «Вестник Европы», гравюра, каджарская живопись

Для цитирования: Щербакова А. Э. Первый из первых: история одного портрета Фетх Али-шаха. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 3. С. 273–282. DOI: 10.18254/S268684310024294-1

The author of the present paper researches the history and attribution of the first portrait of Fath-Ali Shah in the Russian press, published in the 12th issue of the *Vestnik Evropy* magazine in 1815. In the study there was determined the source of the image, there were found intermediate copies between the Russian engraving and the original in oil. An attempt is made to establish the time of its creation based on the work of Abbas Amanat "The Crown of the Kiyanids and the Restoration of Royal Power by Qajar". Therefore, the author revealed the fate of the original portrait, as well as its reproductions and variations up to the 20th century. The study of provenance is conducted in the field of art history, history, and book studies.

Keywords: Fath-Ali Shah, Qajars, Vestnik Evropy, engraving, Qajar painting

For citation: Shcherbakova Anna E. First of the First: The Story of Fath Ali Shah's Portrait. *Oriental Courier.* 2022. No. 3. Pp. 273–282. DOI: 10.18254/S268684310024294-1

К началу XIX в. российское общество мало знало об Иране[1]. Возможность познакомиться с этой страной давали немногочисленные сочинения иностранных авторов. Русско-персидские войны 1804–1813 гг. и 1826–1828 гг. усилили потребность русской публики в знании соседа в лицо. Делами Персии в первую очередь интересовались представители власти: «мотивы частных лиц могут быть очень хорошо описаны словами той эпохи: "Жизнь человеческая принадлежит, без всякого сомнения, к числу предметов, наиболее для нас занимательных: кому не любопытно знать пределы оной в разных странах при разных обстоятельствах?"» [Ларин, 2013, с. 4].

Пионером в живописании жизни Ирана для широкой публики стал журнал «Вестник Европы». В 1810–1820-х гг. в нем были опубликованы статьи «Еще известия о нынешнем состоянии Персии» [Дюпре, 1819], «Об Испагани» [Журден, 1815, № 11], «О народах, обитающих в Персии» [Журден, 1815 (a)], «О нынешнем Шахе Персидском» [Журден, 1815 (b)], «О Тегеране, столице Персидского Шаха» [О Тегеране… 1815], «Извлечение из письма в Париж из Тавриса» [Беланже, 1825], «Персия древняя и нынешняя» [Персия… 1826], «Сравнение Тахмас Кулы-Хана и Буонапарта» [Жондо, 1815]. Тексты стали не единственным источником информации об экзотической стране и ее правителе. Ценным дополнением к ним стала иллюстрация, помещенная в № 12 Ч. 81. за 1815 г. [Вестник Европы, 1815].

Офорт с портретом Фетх Али-шаха Каджара (1771–1834 гг.; правил в 1797–1834 гг.) (*Илл. 1*) — самое раннее изображение персидского монарха в отечественной печати, и оно заметно выделяется на фоне объемных фигур, публиковавшихся на страницах журнала (рисовальщики и граверы, работавшие над оформлением издания, прекрасно владели приемами перспективы и светотеневой моделировки, а уровень граверного мастерства русских художников Александровской поры был достаточно высоким). Иллюстрация вместе с текстом статьи была заимствована из книги Амабля Журдена «Персия, или описание управления, верований и литературы этой империи» 1814 г. [Jourdain, 1814]. Однако французское гравировальное искусство безусловно отличалось не меньшей виртуозностью. Статичная поза портретируемого, преимущественно плоскостная трактовка пространства и форм в сочетании с особенностями пластической моделировки лица, скрупулезно проработанные детали одежды и аксессуаров говорят о том, что перед нами гравюра с произведения каджарского искусства.

1 Автор статьи выражает благодарность суперинтенденту читальных залов специальных коллекций Бодлианских библиотек Сэмюэлу Сейлзу (Samuel Sales) за помощь, оказанную при проведении исследования.

Илл. 1. **Портрет Фетх Али-шаха**
Офорт с резцом
По: «Вестник Европы». 1815. Ч. 81. № 12
Fig. 1. **Portrait of Fath Ali Shah**
Chisel engraving
Source: “Vestnik Evropy” magazine .1815
Part 81. No. 12.

Роль парадного портрета при дворе Фетх Али-шаха не отличалась от роли парадного портрета при дворе любого европейского самодержца. Главной задачей портрета было прославление власти и укрепление авторитета правителя. Каджарская живопись всячески подчеркивала величие и богатство шаха. Фетх Али-шах нередко посылал свои портреты западным монархам вместе с другими подарками на заре «Большой игры» [Ибрагимов, 2013, с. 75]: надо полагать, он считал, что мало чем уступал величием Наполеону, почему и стремился запечатлеть себя в наилучшем свете.

Придворные художники Тегерана следовали определенным канонам, формирование которых пришлось на конец XVIII — первую четверть XIX в. — время правления Фетх Али-шаха. Значительные группы картин с изображением шаха объединены общей композицией. Основные различия заключаются лишь в деталях: в цвете и в орнаментах одежды, в видах драгоценных камней, в антураже. До нас дошло большое количество изображений шаха в различных вариациях. Однако портрет из «Вестника Европы» не соответствует ни одному произведению из фондов крупнейших собраний персидского искусства (например, Эрмитажа [Иран в Эрмитаже… 2004] или музея Востока [Роскошь заката… 2021]).

Первый ключ к поиску первоисточника изображения кроется во внешнем виде модели. Очевидно, оригинальный портрет был написан в период с 1797 по 1813 г. (с начала правления Фетх Али-шаха и вплоть до верхней хронологической границы, до которой изображение могло оказаться во Франции). Согласно принятому канону на голову шаха водружена «корона Киани». Эта деталь портрета чрезвычайно важна, поскольку позволяет точнее определить раннюю границу хронологических рамок. В русскоязычных источниках принято считать, что Фетх Али-шах заказал корону в год восшествия на престол [Национальная сокровищница… 2022]; ее носил не только государь, но и члены правящей семьи (головной убор шаха отличался наличием эгрета и перьев). Такая визуальная репрезентация мощи правящего дома способствовала легитимации власти. Потребность в этом у Каджаров стояла очень остро — после убийства основателя династии Аги Мохаммед-шаха в персидском государстве развернулась очередная борьба за власть. Объявив себя единственным наследником дяди, Фетх Али-шах пытался удержаться на троне в ходе противостояния конкурирующим политическим группировкам.

Дизайн каджарской «Короны Киани» менялся при каждом последующем правителе. Для Аги Мохаммед-шаха был изготовлен куполообразный венец (*Илл. 2*). Корона Фетх Али-шаха более вытянутая и имеет возвышения. Интересно, что на портретах первых лет

Илл. 2. **Ага Мохаммед-шах Каджар.** Ок. 1820 г.
167.7 × 105.1 см. Холст, масло
Аукционный дом Christie's, Лондон
Fig. 2. **Agha Mohammed Shah Qajar.** Ca. 1820
167.7 × 105.1 cm. oil, canvas
Auction house Christie's, London
Source: URL: https://www.christies.com/en/lot/lot-4892517 (accessed 06.09.2023)

Илл. 3. **Мирза Баба Исфахани. Фетх Али-шах Каджар.** 1799 г. Лондон, Британская библиотека
Fig. 3. **Mirza Baba Isfahani. Fath Ali Shah Qajar**
1799. London, British Library
Source: https://artuk.org/discover/artworks/fath-ali-shah-king-of-persia-17971834-191067 (accessed 06.09.2023)

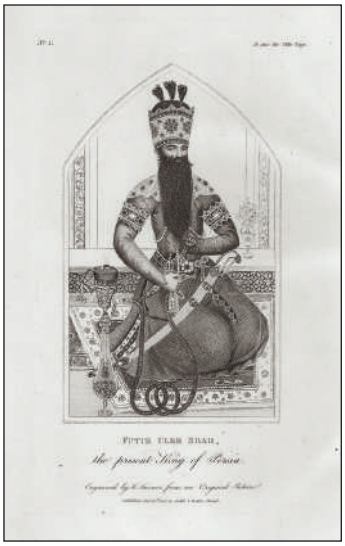
правления он предстает в тюрбане. В статье Аббаса Аманата «Корона Кианидов и восстановление Каджаром королевской власти» подробно исследуется вопрос использования шахских атрибутов в придворной живописи новой династии. Согласно автору, ранние изображения Фетх Али-шаха свидетельствуют об отсутствии у него короны [Amanat, 2001], что объяснимо, вероятно, частыми случаями похищения шахских сокровищ претендентами на престол. Сакральное содержание символов политического могущества имело для соперников большое значение: обладать ими означало быть законным монархом.

Опираясь на данную теорию, рассмотрим две известные картины — Мирзы Баба 1799 г. (*Илл. 3*) и Голама Мехра Али Мирзы 1800–1806 гг. (*Илл. 4*). В первом случае на шахе тюрбан[2], во втором — корона. Следовательно, оригинальное полотно, с которого предположительно была сделана гравюра из «Вестника Европы», было написано в XIX в.

Второе направление поисков несет книговедческий характер. Продолжительное пребывание европейских послов и путешественников в Персии оставило след в издательской деятельности (вышеупомянутые статьи из «Вестника Европы» написаны именно по материалам таких поездок).

2 У А. Аманата упоминается подробное изучение другого портрета Фетх Али-шаха из частной коллекции, написанного в 1798 г. На голове шаха изображен головной убор, представляющий собой нечто среднее между тюрбаном и короной. В 1996–1999 гг. в рамках кураторской работы Эндрю У. Меллона была сделана рентгенография картины. Результаты исследования показали, что изначально на голове шаха был изображен тюрбан. Позже, поверх него была написана расшитая драгоценными камнями и жемчугом материя, которая стала обтягивать прежний головной убор. Таким образом была создана имитация цилиндрической короны. Более подробные детали анализа хранятся в Бруклинском музее [Amanat, 2001, p. 25].

Илл. 4. **Голам Мехр Али Мирза. Фетх Али-шах Каджар.** 1800–1806 гг. Лувр, Париж
Fig. 4. **Golam Mehr Ali Mirza. Fath Ali Shah Qajar** 1800–1806. Louvre, Paris
Source: https://www.louvrelens.fr/en/exhibition/lempire-des-roses/?tab=oeuvres (accessed 06.09.2023)



Илл. 5. **Тернер Ч. Фетх Али-шах, действующий шах Персии.** По: [Waring, 1807]
Fig. 5. **Turner Ch. Fath Ali Shah, current Shah of Persia** Source: [Waring, 1807]

Зачастую публикации очерков государственного устройства, географии и культурных особенностей этой страны включали и иллюстративный ряд. Отношения Ирана и Франции не были теплыми, за исключением небольшого отрезка времени в 1807 г. [Кулагина, 2010, с. 35–52]. О том, посещал ли упомянутый выше А. Журден Персию, сведений нет. Наиболее близкие связи в этот период шахский двор имел с Англией. В 1804 г. в Лондоне и Мумбаи вышла книга Эдварда Скотт Уоринга «Путешествие в Шираз по маршруту Казрун и Ферозабад; с различными замечаниями о нравах, обычаях, законах, языке и литературе персов» [Waring, 1807]: писатель оставил занимательный источник о жизни Персии в начале XIX века, к которому обращаются не только современные востоковеды, но и Журден, который, однако, был знаком не с первым, а со вторым изданием. Именно в варианте «Путешествия в Шираз» 1807 г. нам встречается портрет Фетх Али-шаха, выполненный Чарльзом Тернером (*Илл. 5*).

Сопоставив все три иллюстрации из «Вестника Европы», книг Журдена и Э. Скотта Уоринга, можно увидеть, где именно художники пытались следовать образцу, а где дали волю фантазии. Очевидна попытка каждого последующего мастера воспроизвести работу предшественника как можно точнее. Основные отличия заключаются в штрихе, наличии или отсутствии фона, в некотором изменении ракурса головы шаха и в проработке мелких узоров и инкрустаций. Однако главная особенность гравюры Тернера состоит в том, что ее подпись гласит: «С оригинала». Форма рамки, в которую заключен портрет, повторяет аркообразную форму каджарских картин, что говорит о том, что холст наверняка предназначался для украшения одного из залов шахского дворца [Ибрагимов, 2013, с. 49], а вот где и как автор иллюстрации познакомился с картиной можно лишь предполагать. В 1800-х гг. Тернер жил и работал в Лондоне, поэтому оригинал он мог увидеть только в английской столице, однако у нас нет сведений о

Илл. 6. **Портрет Фетх Али, шаха Ирана** (1772–1834) 1800–1806 гг. 159 × 94 см. Холст, масло Бодлианская библиотека, Оксфорд
Fig. 6. **Portrait of Fath Ali, Shah of Iran** (1772–1834) 1800–1806. 159 × 94 cm. Oil on canvas Bodleian Library, Oxford
Source: URL: https://digital.bodleian.ox.ac.uk/objects/4731f3aa-de32-483a-b1c8-5f246f63c7e6/ (accessed 29.11.2022)

Илл. 7. **Мирза Махмуд. Портрет каджарской женщины-музыканта.** 1797–1798 гг. 126 × 83 см. Холст, масло. Бодлианская библиотека, Оксфорд
Fig. 7. **Mirza Mahmud. Portrait of a Qajar female musician.** 1797–1798. 126 × 83 cm. Oil on canvas Bodleian Library, Oxford
Source: https://digital.bodleian.ox.ac.uk/objects/bec84b75-26c3-4eb9-89de-fcffa14e0748/ (accessed 29.11.2022)

том, является ли автором рисунка именно Тернер. Если между живописцем и гравером существовало промежуточное звено, то рисовальщик мог сделать рисунок на месте и лишь затем привезти его в Англию.

Чарлз Тернер был известным гравером своего времени, работавшим преимущественно в технике меццо-тинто. Ему удалось создать большую портретную галерею своих современников, в которой можно обнаружить и портрет политического агента Джона Скотта Уоринга, отца автора книги «Путешествие в Шираз» [Waring, 1807]. Гравюра относится к 1802 г., очевидно, что она сделана с картины маслом, однако свидетельства знакомства Тернера с кем-либо из семейства дипломата до нас не дошли.

В 1918 г. писатель Уильям Генри Винсент Рид (William Henry Vincent Reade (1872–1943 гг.)) передал Индийскому институту Оксфордского университета две картины [Bodleian Library, 2022], принадлежащие каджарскому стилю живописи. На первом холсте изображена девушка, играющая на музыкальном инструменте, а на втором — Фетх Али-шах (*Илл. 6*). Работа Тернера в точности копирует картину. Манера ее письма имеет мало общего с искусством персидских придворных художников начала XIX в. Особенно привлекает внимание работа автора над лепкой черт лица: он стремится не только к натуроподобию изображения — портрет отражает черты характера модели и лишен привычной для каджарских лиц отрешенности взгляда. Нахмуренная бровь придает лицу ее обладателя выражение суровости и надменности, а использование светотеневой моделировки приближает произведение к традиции западноевропейского парадного портрета. Мирза Махмуд написал картину с изображением женщины в 1797 г. (*Илл. 7*); она составляла пару с изображением Фетх Али-шаха, но способы изображения лиц в обеих работах заметно отличаются. Гравюра с этого полотна

Илл. 8. **Портрет Фетх Али-шаха из альбома У. Фрейзера.** Ок. 1815–1820 гг.
12.5 × 9.8 см. Бумага, тушь, непрозрачная акварель. Галерея «Франческа Гэлловей», Лондон
Fig. 8. **Portrait of Fath Ali Shah from W. Fraser's album.** Ca. 1815–1820
12.5 × 9.8 cm. Paper, ink, opaque watercolor. Francesca Galloway Gallery, London
Source: https://francescagalloway.com/usr/documents/exhibitions/list_of_works_url/45/the-patrons-taste-final-2019.pdf (accessed 06.09.2023)

также была опубликована в книге Э. Скотта Уоринга [Waring, 1807].

Сегодня портреты хранятся в персидской коллекции Бодлианской библиотеки и известно о них крайне мало. Первые попытки атрибуировать полотна не сразу привели исследователей к фигуре Фетх Али-шаха, причиной чему послужили обстоятельства появления работ в Лондоне. Их детали изложены в «Каталоге портретов Бодлианской библиотеки» [Garlick, Poole, 2004, p. 130–135]. В конце XIX в. большая часть произведений из дворца Сардхана была перевезена в Дом правительства в Аллахабаде. В 1894 г. коллекционер из Мератха Т. Р. Уайер (T. R. Wyer) купил оставшиеся во дворце картины, на которых были запечатлены чиновники, слуги и знакомые градоначальницы Сардханы Бегум Самру (Begum Samru of Sardhana (1750–1836 гг.)). В 1913 г. Уайер безуспешно попытался продать работы на аукционе Sotheby's и вскоре подарил их Индийскому Институту Оксфордского университета. Сотрудник Уайера Х. Г. Кин (H. G. Keene) записал, что портреты принадлежат Дживану Раму (Jivan Ram), «очень знаменитому местному художнику». Биографии портретируемых практически не установлены. Одна из работ была записана в список поступлений как «Генерал Фрейзер» (в настоящий момент считается утерянной) [Garlick, Poole, 2004, p. 130].

Стилистическое сходство персидской и индийской живописи дало искусствоведам возможность предположить, что на картинах, полученных от Х. В. Рида, изображены Бегум Самру и ее второй супруг француз Лавассолю (Lavassoult). В том же году в протоколе хранителей № 5 они были описаны как «два портрета шаха Персии и его жены, сделанные персидским художником по рождению, датированные 1807 г.» [Garlick, Poole, 2004, p. 131]. В 1964 г. полотна перешли в фонды Бодлианской библиотеки. Со временем ученым удалось атрибуировать женский портрет. Изменилась каталожная запись и о портрете мужчины. Британские ученые полагают, что перед нами Фетх Али-шах, позировавший художнику не ранее 1799 г. [Garlick, Poole, 2004, p. 131]. Опираясь на теорию А. Аманата

о позировании шаха в «короне Киани», можно предположить, что время создания картины 1800–1806 гг.

Можно допустить, что портрет шаха был привезен в Англию в качестве подарка из дипломатической поездки в начале XIX в. Между тем, присутствие Индии в судьбе произведения не ограничивается ранними попытками сравнения с коллекцией из Сардханы. В лондонской галерее «Франческа Гэлловей» представлен другой вариант этого изображения, датированный 1815–1820 гг. (*Илл. 8*) Он выполнен в ином колористическом решении, акварелью и золотом на бумаге. Заказчиком работы выступил агент генерал-губернатора Индии и комиссар территории Дели Уильям Фрейзер (Fraser W.). Установить, имеет ли он отношение к утраченному портрету генерала Фрейзера из Сардханы, сложно. Известно лишь, что комиссар был большим поклонником искусства и заказывал работы у известных художников эпохи Великих Моголов. Произведения, посвященные Индии того времени, находились в составе так называемого «Альбома Фрейзера». В едином виде он до нас не дошел: рисунки и прочее содержимое этой коллекции на сегодняшний день хранится в частных и государственных коллекциях.

Примечательно, что загадочный портрет из Бодлианской библиотеки не окончил свой графический путь на страницах «Путешествия в Шираз» и «Вестника Европы». Гравюры с этой картины (или других гравюр с нее) встречаются в книге Ф. Шоберла «Персия» [Shoberl, 1828] и английской иллюстрированной Библии 1836 г. [The Pictorial Bible, 1837]. Любопытная версия этого произведения хранится в музее Виктории и Альберта. Выполненное непрозрачной акварелью и золотом на бумаге изображение Фетх Али-шаха было также выполнено в XIX в. [Fath ‘Ali Shah Qajar, 2009]

В 2021 г. на английском аукционе *Chiswick* была выставлена на продажу репродукция портрета шаха (*Илл. 8*). Картина написана в начале XX в. Ее главное отличие от оригинала — наличие уходящей вдаль перспективы вида из окна и отсутствие вазы с цветами. На холсте имеется картуш с надписью на фарси: «Фатх Али-шах Каджар. Султан». На закате каджарской эпохи Персия переживала политический и социальный кризис. Тем не менее представители элиты продолжали верить в силу правящей династии. Именно они стали главными заказчиками репродукций произведений персидского искусства XIX в. [Fellinger, 2018, p. 294–297].

Такие живописные оды Каджарам были распространенным явлением. Данная работа воплощает в себе все основные черты последней каджарской школы королевского портрета: он проникнут ностальгией и отдает дань изобразительной традиции, перевернувшей представление о персидской живописи — традиции, отошедшей от мелкомасштабных интимных миниатюр докаджарских времен и достигшей монументальных размеров. Иконография правителя соответствует канонам, установленным при правлении Фатх Али-шаха, однако выражение лица шаха кажется более спокойным и по сравнению с ранним портретом.

Судьба оригинальной картины не разгадана до конца, но интересна. Как видно из истории атрибуции произведения, вплоть до сегодняшнего дня ему уделялось мало внимания. Так или иначе, оно способно стать ценным историческим и искусствоведческим источником. У нас есть все основания полагать, что масляный портрет Фетх Али-шаха был написан в 1800–1806 гг. Тот факт, что правитель изображен в «короне Киани», а не в тюрбане, говорит об устоявшейся власти Каджаров в Персии того периода. Произведение стало одним из самых ранних свидетельств упрочившейся власти Фетх Али-шаха, поэтому желание персидского государя продемонстрировать с его помощью свою политическую силу другим монархам вполне естественно. Это соображение объясняет возможность создания копий с портрета и последующую их отправку восточным и европейским лидерам.

Помещенная в «Вестнике Европы» гравюра уникальна. Она стала самым первым изображением Фетх Али-шаха в русской книге и перио-

дике. Более того, она была сделана с одного из самых первых парадных портретов, изображающих главу персидского государства, обладающего уже неоспоримой властью и непререкаемым авторитетом в своей стране. Поэтому дальнейшей задачей шаха было укрепление своего международного статуса. Тиражирование рассмотренного изображения в графике способствовало созданию определенного имиджа не только в глазах политиков, но и среди более широкой публики. Картина служила Каджарам более ста лет, ей суждено было ознаменовать окончательное и триумфальное укрепление новой династии, а ее репродукции — стать лебединой песней каджарской эпохи.

Список литературы / References

Беланже Ж. Л. И. Извлечение из письма в Париж из Тавриса. *Вестник Европы.* М.: В Университетской типографии у Любы, Гария и Попова, 1825. № 18. С. 127–134 [Bellange J. L. H. Extract from a Letter to Paris from Tabris. *Herald of Europe.* Moscow: At the University Printing House at Lyubi, Gary and Popov, 1825. No. 18. Pp. 127–134 (in Russian)].

Вестник Европы. М.: В Университетской типографии у Любы, Гария и Попова, 1815. Ч. 81. № 12. 339, [1] с., [2] л. ил. [*Herald of Europe.* Moscow: At the University Printing House at Lyubi, Gary and Popov, 1815. Pt. 81. No. 12. 339, [1] p., [2] ill. (in Russian)].

Дюпре А. Еще известия о нынешнем состоянии Персии. *Вестник Европы.* М.: В Университетской типографии у Любы, Гария и Попова, 1819. Ч. 106. № 16. С. 299–306 [Dupre A. More News about the Current State of Persia. *Herald of Europe.* Moscow: At the University Printing House at Lyubi, Gary and Popov, 1819. Pt. 106. No. 16. Pp. 299–306 (in Russian)].

Жондо Э. Сравнение Тахмас-Кулы-Хана и Буонапарта. *Вестник Европы.* М.: В Университетской типографии у Любы, Гария и Попова, 1815. № 80. С. 140–156 [Jondeau E. Comparison of Tahmasp Quli Khan and Bonaparte. *Herald of Europe.* Moscow: At the University Printing House at Lyubi, Gary and Popov, 1815. Pt. 80. No. 8. Pp. 140–156 (in Russian)].

Журден А. Л. М. М. Б. О народах, обитающих в Персии. *Вестник Европы.* М.: В Университетской типографии у Любы, Гария и Попова, 1815 (a). Ч. 80. № 8. С. 284–293. [Jourdain A. L. M. M. B. About the Peoples Living in Persia. *Herald of Europe.* Moscow: At the University Printing House at Lyubi, Gary and Popov, 1815 (a). Pt. 80. No. 8. Pp. 284–293 (in Russian)].

Журден А. Л. М. М. Б. О нынешнем шахе персидском. *Вестник Европы.* М.: В Университетской типографии у Любы, Гария и Попова, 1815 (b). Ч. 80. № 8. С. 293–2305. [Jourdain A. L. M. M. B. About the Current Shah of Persia. *Herald of Europe.* Moscow: At the University Printing House at Lyubi, Gary and Popov, 1815 (b). Pt. 80. No. 8. Pp. 293–305 (in Russian)].

Журден А. Л. М. М. Б. Об Испагани. *Вестник Европы.* М.: В Университетской типографии у Любы, Гария и Попова, 1815. Ч. 81. № 11. С. 228–237. [Jourdain A. L. M. M. B. About Isfahan. *Herald of Europe.* Moscow: At the University Printing House at Lyubi, Gary and Popov, 1815. Pt. 81. No. 11. Pp. 228–237 (in Russian)].

Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций. СПб.: Славия, 2004. 255 с. [*Iran in the Hermitage. Formation of collections.* Saint-Petersburg: Slavia, 2004. 255 p. (in Russian)].

Ларин А. Б. Вчерашний враг, сегодняшний друг? Государство и армия Ирана Каджаров глазами российских военных и дипломатов до и после войны 1826–1828 годов. *Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции, 15–17 мая 2013 года.* СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. Ч. 3. С. 3–17 [Larin A. B. Yesterday's Enemy, Today's Friend? The State and Army of Qajars of Iran through the Eyes of Russian Military and Diplomats before and after the War of 1826–1828. *War and Weapons: New Research and Materials. Proceedings of the Fourth International Scientific and Practical Conference, May 15–17, 2013*. Saint Petersburg: Military Historical Museum

of Artillery, Engineers and Signal Corps, 2013. Pt. 3. Pp. 3–17 (in Russian)].

Кулагина Л. М. *Россия и Иран (XIX — начало XX века)*. М.: Ключ-С, 2010. 271 с. [Kulagina L. M. *Russia and Iran (19th – Early 20th Century)*. Moscow: Klyuch-S, 2010. 271 p. (in Russian)].

Ибрагимов Т. *Живопись каджарского периода.* Баку: Восток–Запад, 2013. 139 с. [Ibragimov T. *Painting of the Qajar Period.* Baku: Vostok-Zapad Publ., 2013. 139 p. (in Russian)].

Национальная сокровищница Центрального банка Ирана. *Энциклопедия Иранистика*, 27.11.2022 [National Treasury of the Central Bank of Iran. *Encyclopedia of Iranian Studies*, 27.11.2022 (in Russian)]. URL: https://iranistika.com/2022/11/27/ (accessed 11.01.2023)

О Тегеране, столице персидского шаха. *Вестник Европы.* М.: В Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1815. Ч. 81. № 11. С. 223–228 [About Tehran, the Capital of the Persian Shah. *Herald of Europe.* Moscow: At the University Printing House at Lyubi, Gary and Popov, 1815. Pt. 81. No. 16. Pp. 223–228 (in Russian)].

Персия древняя и нынешняя. *Вестник Европы.* М.: В Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1826. № 21–22. С. 112–117 [Persia Ancient and Present. *Herald of Europe.* Moscow: At the University Printing House at Lyubi, Gary and Popov, 1826. No. 21–22. Pp. 112–117 (in Russian)].

Роскошь заката. Иран эпохи Каджаров (конец XVIII в. – 1925). Москва: ГМВ, 2021. 231 с. [*Splendor of the Sunset. Iran of the Qajar era (late 18th Cent. – 1925)*. Moscow: State Museum of the East, 2021. 231 p. (in Russian)].

Amanat A. The Kayanid Crown and Qajar Reclaiming of Royal Authority. *Iranian Studies* 2001. Vol. 34. No. 1–4. Pp. 17–30.

Bodleian Library LP 844. *Digital Bodleian.* URL: https://digital.bodleian.ox.ac.uk/objects/4731f3aa-de32-483a-b1c8-5f246f63c7e6/ (accessed 29.11.2022).

Garlick K., Poole L. *Catalogue of Portraits in the Bodleian Library*. Oxford: Bodleian Library, University of Oxford, 2004. 362 p.

Jourdain A. L. M. M. B. *La Perse, ou Tableau de l'histoire, du gouvernement, de la religion, de la littérature, etc. de cet Empire de moeurs et coutumes de ses habitants*. Paris: Ferra, et J.B. Imbert, 1814. 357 p.

Fath 'Ali Shah Qajar. *Victoria and Albert Museum,* 25.06.2009. URL: https://collections.vam.ac.uk/item/O405531/fath-ali-shah-qajar-painting-unknown/ (accessed 06.09.2023).

Fellinger G. *L'Empire des roses: chefs-d'œuvre de l'art persan du XIXe siècle.* Lens: Louvre-Lens, 2018. 426 p.

Shoberl F. *Persia.* Philadelphia: J. Grigg, 1828. 181 p.

The Pictorial Bible. London: Charles Knight & Co., 1837, Vol. 2. P. 104.

Waring E. S. *Tour to Sheeraz, by the Route of Kazroon and Feerozabad: With Various Remarks on the Manners, Customs, Laws, Language, and Literature of the Persians.* London: W. Bulmer and Co, 1807. XV, 329 p.

DOI: 10.18254/S268684310028347-9

Тибетский буддизм в индийской долине Кангра: история и современность

Часть II

Tibetan Buddhism in Kangra Valley: History and Modernity

Part II

© 2023 Ирина Павловна Челышева

кандидат исторических наук, независимый исследователь, Москва, Россия; de_chelyshev@list.ru
ORCID ID: 0000-0002-3803-907X

Irina P. Chelysheva

PhD (History), independent researcher, Moscow, Russia
de_chelyshev@list.ru
ORCID ID: 0000-0002-3803-907X

Во второй части статьи (см. Часть I [Челышева, 2023]) раскрывается роль легендарного озера Ревалсар в истории тибетского буддизма, подчеркивается роль древней традиции *махасиддха* в формировании учений тибетского буддизма. Дается описание расположенных на берегах озера индусских храмов и буддийских монастырей. В тексте также описаны некоторые популярные современные буддийские монастыри, расположенные в долине Кангра. Рассказывается о жизни наиболее значимых из этих монастырей, с опорой на личные впечатления описывается их облик и совершаемые в них ритуалы. Одновременно с этим, автор прослеживает процесс органической инкорпорации этих религиозных центров в новую культурную, социальную и конфессиональную среду. Повествование основывается на

неоднократных посещениях автором данных монастырей в период с конца 1990-х до начала 2000-х гг. и сопровождается авторскими фото.

Ключевые слова: Ревалсар, Кангра, Падмасамбхава, махасиддха, Шераблинг, Таши Джонг, гурдвара

Для цитирования: Челышева И. П. Тибетский буддизм в индийской долине Кангра: история и современность. Часть II. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 3. С. 283–300. DOI 10.18254/S268684310028347-9

The second part of the paper (see Part I [Челышева, 2023]) reveals the role of legendary Rewalsar lake in the history of Tibetan Buddhism, underlines the role of mahasiddha's ancient spiritual tradition in the formation of its teachings. Detailed description of monasteries, located on its banks are also provided. Apart from this the author dwells upon the history and present life of the most significant contemporary Buddhist monasteries in Kangra Valley. The description of their religious life and practice, based on personal impressions, are provided. Parallel to this the author traces the process of these religious centers' incorporation into new cultural, social and confessional background. Article is based on the personal impressions of the author's several trips to this region in the late 1990s — beginning of 2000s and supplemented by personal photos.

Keywords: Rewalsar, Kangra, Padmasambhava, Mahasiddha, Sherabling, Tashi Jong, gurdvara

For citation: Chelysheva Irina P. Tibetan Buddhism in Kangra Valley: History and Modernity. Part II. *Oriental Courier.* 2023. No. 3. Pp. 283–300. DOI 10.18254/S268684310028347-9

Священное озеро Ревалсар Влияние индийской мистической практики на школы тибетского буддизма

Можно ли считать судьбоносное путешествие Падмасамбхавы в Тибет реальностью или это лишь популярная легенда? Как бы то ни было, в раннем Средневековье тибетский буддизм действительно перекочевал в долину Кангра и получил там развитие, впитав в себя местные верования и традиции.

В долине Кангра в начале VIII столетия буддизм ваджраяны получил мощный стимул для развития благодаря известному проповеднику Падмасамбхаве[1], или, как его называют в Непале и Тибете, — **гуру Римпоче**. С его именем неразрывно связано расположенное неподалеку от древнего города Манди священное озеро Ревалсар, высоко чтимое не только буддистами, но также индусами и сикхами. Небольшое поселение, возникшее возле него, ныне относится к округу Манди в штате Химачал-Прадеш в полутораста километрах от Кангры. Но в давние времена нынешних административных границ не существовало. Место вызывает особые ощущения: в нем слились воедино, тесно переплетясь, различные религиозные традиции и верования. На романтический лад настраивает даже природная составляющая — округлое зеркало воды, словно блюдце, случайно оброненное богами в гористой местности, с окружающими его невысокими, покрытыми кустарником холмами и маленькими зелеными островками посреди водной глади. Нестройная многоголосица храмовых служб и перезвон храмовых колокольчиков порой нарушают звенящую тишину (*Илл. 1, 2, 3*).

По периметру озера располагаются многочисленные монастыри и храмы. Индусские посвящены Шиве, Кришне и Ломас Риши, — мо-

1 Падмасамбхава (досл. «рожденный из лотоса») — учитель индийской тантры VIII в. Оказывал помощь в строительстве первого буддийского монастыря в Тибете, после чего вернулся в Индию из-за придворных интриг. В тибетском буддизме считается эманацией будды Амитабхи. Считается, что он является верующим в видениях и открывает места хранения тантрийских текстов. Буддийская школа *ньингма* почитает его как второго Будду. Создал линию устной передачи религиозных знаний, известную как *кама*, которая переходит от учителя к ученику.

ществленному мифическому аскету, по легенде предававшемуся здесь тысячелетней медитации и аскезе во славу Шивы. Властелин Вселенной в знак признательности за такую преданность создал здесь озеро и наполнил его водами священных рек — Ганги и Ямуны. Как и в любом сакральном месте, рыба, обитающая здесь, считается священной, и кормление ее рассматривается как ритуальное подношение богам. Внушительного размера карпы, которыми кишит водоем, буквально вылезают на берег, завидя человека с кормом. Удивительно, но их можно даже погладить (*Илл. 4, 5*).

Особо почитается расположенная на озере Ревалсар сикхская гурдвара. С ней связаны памятные страницы в истории активного противостояния местного населения могольской экспансии во времена правления императора Аурангзеба (1618–1707), известного антипатией к инакомыслию. История свидетельствует, что десятый гуру Гобинд Сингх пригласил сюда местных раджей, чтобы обсудить стратегию борьбы с мусульманскими завоевателями, в память о чем здесь в 30-е гг. XX в. построили гурдвару. Этот сикхский храм особенно популярен среди сикхов секты *намдхари*, известных нетерпимостью к любым формам иноземного вмешательства и непримиримой борьбой с британским владычеством.

Но все-таки основную известность озеро Ревалсар приобрело благодаря устойчивой вере, что именно отсюда легендарный Падмасамбхава отправился с проповеднической миссией в Тибет.

Легенда возникла не на пустом месте: она связана с преданиями о таинственном царстве Захор, якобы существовавшем здесь в VIII в. (о нем говорится, в частности, в тибетских *термах*[3], в индийских же источниках мы его

Илл. 1. Статуя Падмасамбхавы издали[2]
Fig. 1. Statue of Padmasambhava from afar

Илл. 2. На берегах озера Ревалсар
Fig. 2. On the shores of lake Rewalsar

Илл. 3. Статуя Падмасамбхавы вблизи
Fig. 3. Close view of the statue of Padmasambhava

2 Здесь и далее все фотографии © И. П. Челышева, 2023 г. Hereafter all photos © by Irina P. Chelysheva, 2023.

3 *Терма* — тайные сокровища, содержащие важные тантрийские тексты и разные предметы, относящиеся к ритуальной практике ваджраяны, скрытые

Илл. 4. Священных карпов в озере Ревалсар можно даже погладить. Ловля рыбы здесь категорически запрещается, поэтому карпы стали совсем ручными
Fig. 4. You can even pet the sacred carps in Rewalsar Lake. Fishing is strictly prohibited here, and the fish has become completely tame

Илл. 5. На берегах Священного озера
Fig. 5. On the shores of the Sacred Lake

не находим), поэтому неизвестно, входили ли окрестности озера Ревалсар в территорию этого царства: исторические сведения противоречивы и туманны. Некоторые исследователи полагают, что царство Захор вполне могло входить в состав могущественной Кашмирской империи, охватывавшей в VIII в. огромную территорию вплоть до реки Ямуна на северо-востоке. Как бы то ни было, до сих пор не удалось обнаружить достоверных документов, подтверждающих существование царства, но местные предания настолько устойчивы, что их берут за основу такие известные историки, как Август Франк (1870–1930) [Francke, 1992, p. 123], утверждавший, что Падмасамбхава жил здесь, и именно отсюда религиозные книги доставлялись в Тибет.

Базирующиеся на *термах* тибетские традиции и местный фольклор поддерживают общую легенду о Ваджрачарье (знатоке Ваджраяны) из Наланды, в которого влюбилась дочь правителя Аршадхара из Захора, принцесса Мандарава. **Когда отец решил сжечь избранника дочери, языки пламени превратились в водоем с чистой водой, а сам Ваджрачарья появился на расцветшем лотосе**, приобретя имя Падмасамбхава — «рожденный из лотоса», а озеро стали называть Падмакан — «озеро лотоса». Поросшие бамбуковыми стеблями и местной лечебной травой плавучие островки на его поверхности священны для каждого буддиста: люди верят, что здесь постоянно присутствует дух Падмасамбхавы.

Народные сказания о принцессе Мандараве складывались на протяжении многих поколений. В итоге она обрела высочайший сакральный статус среди местного населения, и ей стали поклоняться представители разных конфессий: тибетские буддисты стали почитать ее одной из тантрийских богинь, а индусы — отождествлять с одним из воплощений Шакти. Храм в ее честь находится в нескольких десятках километров от озера Ревалсар в древнем городе Манди.

Ныне на берегу озера Ревалсар расположены три буддийских монастыря. Самый древний, основание которого относят к XIV в., представляет направление *ньигма*[4] и находится непо-

Падмасамбхавой, его супругой и другими видными буддийскими учителями в VIII–IX вв. н. э. в Тибете и предназначенные для грядущих поклонений.

4 *Ньигма* — одна из старейших школ тибетского буддизма, созданная в VIII–IX вв. н. э. усилиями приглашенных из

средственно на берегу озера. После нескольких перестроек, — а последнюю провели в конце XIX в., — монастырь разросся и превратился в многоэтажную постройку в стиле пагоды. В холле собраний центральное место занимает величественная скульптура Падмасамбхавы в образе гуру Римпоче — «драгоценного учителя». Римпоче фланкируют две женские фигуры — легендарная Мандарава, как считается, бывшая его постоянной спутницей во время путешествий по Тибету, и **Еше Цогьял — тибетская фея небес**. На стенах изображены различные сцены из жизни Падмасамбхавы и его проповеднической деятельности. Здесь же установлены ряды небольших молитвенных барабанов — *дангьюров.*

Выше по склону холма расположено здание современного монастыря, обитатели которого следуют канонам школы *кагью,* традиции которой заложили в незапамятные времена индийские йоги Тилопа и Наропа[5].

Йогин Наропа, систематизировавший наставления его учителя Тилопы, передал знания Ламе Марпе (1012–1097), великому переводчику, трижды приезжавшему в Индию из Тибета за наставлениями, а тот в свою очередь поведал их самому способному ученику, ставшему впоследствии одним из величайших йогинов Тибета — Миларепе (1052–1135).

Миларепа много путешествовал по Тибету, пытаясь постичь тайные знания, переданные учителем, жил уединенно, в безлюдных местах и пещерах. Собственный мистический опыт он воплотил в стихотворной форме в произведении «Сто тысяч песен», популярном в Тибете среди монахов школы *кагью* и других школ буддизма. В поэмах Миларепа следовал, судя по всему, творческой манере одного из 84 буддийских *махасиддхов* Индии — Сарахи, создавшего знаменитую «Царскую песню» Дохакоши[6]. В поэмах сиддхи пытались суммировать и облечь в доступную словесную форму мистический опыт, но имевшийся словарный запас, похоже, был слишком беден, что делает их поэмы неопределенными, туманными и труднодоступными для понимания. Тем не менее Миларепа почитается как величайший из тибетских поэтов и часто изображается приложившим правую руку к уху, словно слушает наставления учителя. Его учеником стал Гампопа (1079–1153), отправившийся в Индию изучать йогу, основанную на «Шести йогах Наропы».

Известный исследователь западно-гималайского региона доктор О. Ч. Ханда считает, что возникновение школы восходит к древней индийской традиции *махасиддха* [Handa, 2001, p. 279] — особой страницы в формировании религиозного сознания и эзотерической практики в индийских Гималаях. Духовное звание Сиддха, или «совершенный» обретали люди, в результате многолетней медитативной и тантрийской практики овладевшие сверхъестественными способностями: могли принимать

Индии проповедников, в том числе Падмасамбхавы. Многие ритуалы школы содержат переосмысленные понятия необуддизма, элементы шаманизма и древней прарелигии бон. *Ньигма* именуется также традицией Старых переводов, возникших во времена второй волны проникновения буддизма в Тибет. Последователи этой школы не признают новые переводы санскритских текстов XI–XII вв. Огромную роль в традиции школы *ньингма* играют *термы*.

5 Одним из основоположников школы *кагью* считается йогин Тилопа (988–1089) родом из северной Индии. Характерной чертой этой школы является традиция устной передачи мистического опыта от учителя, дословно «шепотом на ухо», в противовес широко распространившейся в более поздние времена практики изучения философии и теории, заучивания текстов наизусть и участия в дебатах. Основоположник передал учение другому индийскому йогину — Наропе (1016–1100), систематизировавшему его и объединившему в «Шесть йог Наропы», считающихся одним из центральных учений в школе *кагью*.

6 Сараха («выпускающий стрелу») считается родоначальником нового витка в развитии учений тантры. Дата его рождения не известна, а жизнь и события, связанные с овладением и передачей духовного опыта, окутаны тайной. Некоторые исследователи полагают, что он родился в VII–IX вв. Считается, что в совершенстве овладев тантрийскими дисциплинами, Сараха обрел бессмертие. Так, в буддийской общине Бурятии бытует поверье, что в 20-е гг. прошлого века Сараха посетил один из тамошних монастырей.

различные обличья, годами обходиться без воды и еды, мгновенно перемещаться в пространстве на огромные расстояния, читать мысли других людей и внушать им свои, понимать язык зверей и птиц. Кроме того, сиддхи, если верить преданиям, обладали чудесным даром целительства и даже способностью воскрешения из мертвых. Места обитания и аскезы этих людей, о которых повествуется в местном фольклоре, — а они как правило жили в пещерах и труднодоступных уединенных районах, — стали именоваться *сиддха-питха*, что может переводиться как «место пребывания сиддхи». Существует немало свидетельств, что в раннем Средневековье эта эзотерическая практика получила широкое распространение на всей территории Индии. В X–XI вв. на севере Индии в древнее мистическое учение влилась шиваистская тантрийская школа натхов, или «владык», так или иначе связанная с ваджраяной.

С течением веков в религиозной жизни и общественном сознании обитателей предгималайских районов, в том числе долины Кангра и пограничных с ней областей, многое изменилось, но эзотерико-мистическое наследие сиддхов и натхов по-прежнему играет весомую роль в местном традиционном укладе.

Со временем *кагью* стала одной из самых популярных школ тибетского буддизма. В настоящее время этой традиции следуют более двухсот монастырей в Тибете, свыше тридцати в Индии и Непале. Согласно статистике, ее адептами являются около 20% выходцев из Тибета, проживающих в Индии с 1959 года. Последователи учения составляют от 30 до 50% от общей численности населения Непала, Сиккима, Бутана и Ладакха, а свыше ста тысяч последователей *кагью* проживают в Юго-Восточной Азии, Европе и Северной Америке.

В конце XII в. в школе *кагью* возникло несколько реформаторских течений. Главной причиной «раскола» стала неспособность многих монахов следовать строгой аскезе и затворничеству в соответствии с канонами древнего учения. Одним из самых популярных направлений стала школа *карма-па*, основанная в 1154 г. ламой Карма Ранг-чхун Дордже (1109–1192) в Лхасе [Handa, 2001, p. 281].

Еще один монастырь этого направления находится на некотором удалении от основного, на берегах озера Ревалсар. Все три буддийских монастыря принимают многочисленных паломников. В регионе всегда царит особое оживление: небольшие гостиницы и ресторанчики, магазины с атрибутикой тибетского буддизма никогда не пустуют. Повышенным спросом пользуются тибетские обереги в виде нанизанных на веревку разноцветных флажков, на которых запечатлены буддийские мантры и символика. Как считается, они очищают атмосферу от негативных вибраций и способствуют нисхождению божественной благодати. После приобретения гирлянды относят к служителю монастыря, а тот выполняет особый ритуал освящения, чтобы гирлянда аккумулировала благотворную энергию, идущую на пользу человека, приобретшего оберег.

Особая часть почитания гуру Римпоче — восхождение на холм, возвышающийся над озером. Длинная вереница ступеней ведет к вершине, где находится пещера с фигурой Падмасамбхавы. На пути каждый может поклониться священным для буддиста каменным отпечаткам стоп проповедника. В верхней части пещеры луч света находится природное отверстие, через которое на изображение попадает. Еще одна внушительная скульптура гуру Римпоче, обращенная в сторону Тибета, воздвигнута на вершине холма.

Судя по всему, буддизм ветви ваджраяны, который проповедовал Падмасамбхава, далеко не сразу прижился в Тибете, где превалировали поверья монголоидных тибетских племен, в основе которых лежали различные анимистические и натуралистические культы духов, включающие магию, колдовство и шаманизм, известные под собирательным термином *бон*. Падмасамбхава постарался аккумулировать архаичные тибетские культы и адаптировать их в том или ином виде в систему ваджраяны.

В XII веке, через несколько столетий после ухода Падмасамбхавы из жизни, его оставши-

еся в Индии последователи, преследуемые мусульманскими завоевателями, были вынуждены мигрировать в Тибет. В итоге буддизм надолго покинул долину Кангра и сопредельные с ней территории, но только лишь для того, чтобы вновь вернуться сюда в XX столетии в обновленном виде.

Современные тибетские монастыри и их жизнь под индийским небом

Сохранили ли тибетские школы свою былую изолированность и таинственность? Может ли тибетский буддизм стать открытой книгой для иностранцев и в какой мере?

Совершим воображаемой путешествие в некоторые монастыри долины. Начнем с самого крупного и значимого — Палпанг Шераблинг. «Пал» в переводе с тибетского может означать «совершенство», «панг» — как усиливающий это понятие слог, иными словами, наивысшее совершенство, или совершенство, не знающее себе равных, «шераб» — «мудрость», а «линг» — «место». Монастырь принадлежит к школе *карма* — одному из наиболее популярных направлений, возникших на основе древней буддийской школы *кагью.*

Прототипом монастыря, строительство которого началось в 10 км к северо-западу от древнего индусского храма Байджнатх в 1975 г., послужил одноименный древний буддийский храм в восточном Тибете, прекративший существование в XVII в. в результате гонений китайских властей.

О. Ч. Ханда утверждает, что за редким исключением практически ни один буддийский монастырь, основанный в долине Кангра с в 1960 г., когда сюда перебрался Далай-лама, нельзя считать «новым» в полном смысле этого слова: «Они являются современными (или индийскими) копиями древних монастырей, процветавших в Тибете до китайской аннексии этой территории, после которой большинство из них прекратило свое существование» [Handa, 2004, p. 221]. Исследователь пишет, что беженцы из Тибета приложили титанические усилия, чтобы в иной культурно-исторической и природной среде воссоздать религиозную и духовную атмосферу, царившую в древних монастырях, воспроизвести характерные архитектурные особенности и элементы внутреннего убранства. Ученый также обращает внимание на немаловажную деталь — места для строительства монастырей в Кангре выбирались не произвольно, а с учетом проживания последователей того или иного направления.

Дорога к Палпанг Шераблинг проходит через город Палампур в сторону местечка Байджнатх, где расположен древний храм, посвященный Шиве в его инкарнации покровителя целителей — Вайдьянатха. Эти места в течение многих столетий были знаковыми в истории Кангры: в Средние века они носили название Кираграма, что говорит об их опосредованном отношении к тибетскому буддизму. Одними из древних племен, пришедшими в предгималайские районы, были *кираты* или *кира*, приверженцы анимистических верований древней религиозной системы *бон,* впоследствии ассимилировавшиеся в буддизме, проповедуемом в Тибете Падмасамбхавой (*Илл. 6*).

Кираты селились на землях верхней части долины Кангра в районе современного Байджнатха. С течением столетий брахманизм, проникающий сюда из долин Индостана, существенным образом преобразовал религиозное сознание и жизненный уклад местных жителей. С экономической точки зрения Байджнатх стал важнейшим торговым узлом на пути из долин Индостана через Кангру и далее в долину Кулу к высокогорным областям Ладакха и конечной цели — городам Центральной Азии. Здесь проживали богатые торговцы. Двое из них — братья Маньюка и Ахука, — спонсировали строительство храма Шиве в 1204 г. [*Where Mortals and Mountain Gods Meet*, 2002, p. 88]. Позже, в 1786 г., во времена правления в Кангре раджи Сансар Чанда II, храм был реставрирован и перестроен, о чем можно судить по письменам, выбитым на каменных плитах. Но индийские

Илл. 6. Древний индусский храм Байджнатх в окрестностях Палампура, посвященный Шиве
Fig. 6. The ancient Indian temple of Baij Nath in the vicinity of Palampur, dedicated to Shiva

Илл. 7. Священные буддийские ступы встречают посетителей монастыря Палпанг Шераблинг
Fig. 7. Sacred Buddhist stupas greet visitors of the Palpang Sherabling Monastery

Илл. 8. Международный институт изучения буддизма в монастыре Палпанг Шераблинг
Fig. 8. International Institute for the Study of Buddhism at Palpang Sherabling Monastery

Илл. 9. Главный храм монастыря Палпанг Шераблинг
Fig. 9. The main temple of Palpang Sherabling Monastery

историки считают, что и до 1204 г. здесь находилось древнее святилище, в котором поклонялись Шиве в образе *джоятир лингама*, иными словами «сверкающему, источающему свет» фаллическому символу. Таких мест в Индии, как повествуют древние тексты *пураны*, очень немного — всего двенадцать. Их местоположение определить невозможно — сакральные тексты указывают на различные географические локации. Любопытно, что катастрофическое землетрясение 1905 г., стершее с лица земли в долине Кангра многие уникальные памятники древности, практически не затронуло Байджнатх. Огромный бык Нанда, расположенный перед входом в святилище, по-прежнему охраняет его, а в *гарба-грихе* (наиболее сакральной части храма), красуется массивный священный символ Шивы.

Но вернемся в монастырь Палпанг Шераблинг. Дорога, идущая в долину Кулу, разветвляется в Байджантхе, и далее узкое, хотя и асфальтированное полотно вьется вдоль реки Бинва. Затем появляются засеянные злаковыми культурами поля местных жителей и, наконец,

через 9–10 км взору открывается вереница белых буддийских ступ, возвышающихся на вершине холма. Ритуальные сооружения, украшенные буддийскими оберегами, служат своего рода форпостом, доминирующим над огромной территорией в 70 акров и прилегающими покатые склонами трех горных хребтов, также принадлежащих монастырю. Окончательно не завершенный к тому времени, как мы оказались в нем, монастырь строился, начиная с 1975 г. по архитектурным планам прототипа в Тибете. По аналогии с предтечей он был задуман не только как религиозный центр: сфера деятельности монастыря, также по аналогии с тибетским тезкой в Тибете, включает исследования тибетского искусства, истории, астрологии и медицины. Большое внимание уделяется переводам с тибетского на санскрит *(Илл. 7)*.

Плохо представляя, где находится главный храм этого комплекса, мы свернули наугад на одну из первых аллей и оказались перед большим современным зданием. Вокруг не было ни души. Все казалось вымершим, и только минут через двадцать нам встретился первый обитатель — местный технический работник. От него мы узнали, что основной монастырь расположен гораздо дальше, а здесь находится Международный институт изучения буддизма, среди слушателей которого немало иностранцев, в основном из Европы *(Илл. 8)*.

Вскоре показалось двухэтажное здание монастырского храма, разделенного на два здания (первое — нижнее, было наглухо закрыто: там шла служба, на которой посетителям присутствовать не дозволялось). Двери в храм на втором этаже были закрыты, но пока мы осматривали танки и изображения божеств, которыми оформлена окружающая галерея, к нам подошел монах и сказал, что откроет для нас храм. Так мы оказались в сакральном помещении, где танки свешивались с потолочных балок. Колонны с затейливым тибетским рисунком, огромные церемониальные барабаны, и, конечно, статуя Майтрейи — будущего Будды, возвышающаяся на 47 футов в центральной части сакрального зала, составляли традиционную атрибутику зала. Стены молитвенного холла были щедро декорированы яркой росписью и священной атрибутикой; сочетание красного, желтого, бирюзового, зеленого и розового цветов характерно для буддийского сакрального искусства *(Илл. 9, 10, 11, 12)*.

Красный цвет олицетворяет огонь, зеленый — воду, желтый — землю, голубой — небо, белый — облака. Иными словами, монахи всегда стремились привнести в оформление храмов гармонию, заложенную в окружающем мире. Однако в данном случае есть одно существенное «но», на что обращает внимание признанный авторитет в области изучения буддизма в предгималайских районах доктор О. Ч. Ханда: «Буддийские монахи, трудившиеся над росписью и декорированием храмов, без сомнения делали все возможное, чтобы адекватно передать священную тематику и стилистику тибетского искусства. И тем не менее **режущие глаз яркие и блестящие эмалевые краски, использованные в сочетании с характерным индийским базарно-лубочным китчем, существенно исказили утонченный и возвышенный стиль традиционного тибетского искусства**», — отмечает исследователь [Handa, 2004, p. 223].

С этим трудно не согласиться. Сакральные изображения и символы грешат изъянами, на которые указывает ученый. Неизбежный компромисс в пользу современных материалов, позволяющих быстро расписать помещения, отсутствие танок ручного производства и замена их на фабричную штамповку несомненно привели к обеднению атмосферы буддийских монастырей, несмотря на внешнюю праздничность и яркость традиционной атрибутики.

Несколько сохранившихся буддийских монастырей в предгорьях Гималаев — Табо, Лалунг, Нако, Канум, Алши, расположенных в областях Ладакха, а также Лахаула и Спити, остаются немногими оазисами исконной религиозной атрибутики и особой атмосферы. В 2009 г. в Национальном музее Дели прошла редчайшая экспозиция — выставка раритетных фотографий

Илл. 10, 11. **Интерьер главного храма монастыря Шераблинг — реплика его одноименного предтечи в Тибете, прекратившего существование в XVII в.**
Fig. 10, 11. **The interior of the main temple of the Sherabling Monastery is a replica of its eponymous forerunner in Tibet, which ceased to exist in the 17th century**

Илл. 12. **Молитвенный зал монастыря Шераблинг**
Fig. 12. **The prayer hall of the Sherabling monastery**

из монастыря Алши, расположенного в 70 км от города Лех в Ладакхе. Росписи монастыря по мастерству превосходят стенописи других сохранившихся монастырей, в том числе такого значимого, как Табо в области Лахаул Спити.

К сожалению, сами буддийские монахи не всегда должным образом отстаивают свое наследие. Так, доктор Наванг Тсеринг, составлявший каталог и комментарии к экспозиции в Дели, упоминает печальную историю с известным монастырем Хемис в окрестностях Леха. Однажды росписи сфотографировал иностранный турист, но вернувшись в эти места через несколько лет, он обнаружил, что старые постройки с уникальными росписями снесены, а на их месте стоит новое монастырское здание [*Alchi. The Living Heritage of Ladakh*, 2009, IX]. К сожалению, это не единственный пример безвозвратной утраты уникальных памятников древности и только благодаря энтузиазму и подвижническим усилиям некоторых современников памятники сохраняются в памяти потомков. Нельзя не вспомнить выдающегося русского художника Василия Верещагина, совершившего в XIX в. путешествие по высокогорным областям Ладакха, а также Лахаула и Спити, и запечатлевшего в своих работах уникальные фрески старых буддийских монастырей.

Кроме высокого мастерства, отличающего работы средневековых буддийских монахов, их работы выполнены в совершенно иной цветовой гамме, для которой характерны более приглушенные, естественные тона, достигавшиеся благодаря использованию красок, полученных перетиранием определенных минералов, изысканное сочетание оттенков. Такая сакральная живопись дает ни с чем не сравнимое восприятие древних буддийских мест поклонения. Нельзя сказать, что исторические традиции оказались полностью забыты. Например, в культурном буддийском центре Норбулинка в Кангре пытаются сохранить искусство изготовления танки и буддийской скульптуры. Однако в целом планка сакральной атрибутики монастырей на индийской земле оказалась не только существенно пониженной, но и значительно искаженной (*Илл. 13*, *14*, *15*).

Всего в 5 км от монастыря находится небольшой городок Бир, считающийся крупнейшим в Кангре центром тибетских беженцев. Население Бира не превышает пятисот человек, большинство из которых выходцы из Тибета, в основном занятые работой на чайных плантациях.

Культивация чая в Кангре началась еще в XIX в. благодаря смелой инициативе британского суперинтенданта доктора Джеймсона. В 1849 г. он привез сюда из Китая саженцы этого кустарника. Растение хорошо прижилось в новых условиях, и с годами чайные плантации, расположенные на горных плато высотой от 800 до 1600 м над уровнем моря, превратились в прибыльный бизнес. Здешний чай по праву конкурирует с элитными сортами и является «визитной карточкой» долины Кангра. Особый, ни с чем не сравнимый аромат здешней чайной культуре придают сосновые леса. Но главное, что доходы от продажи чайной продукции позволяют тибетской общине обеспечивать существование монастырей в Бире.

Все монастыри располагаются на сравнительно небольшой территории. В этом отношении они не могут, конечно же, соперничать с Шераблингом. В основу деятельности двух из них —мона-

Илл. 13. Буддийский храм в монастырском комплексе Норбулинка
Fig. 13. Buddhist temple in Norbulingka monastery complex

Илл. 14. Молитвенные барабаны в монастырском комплексе Норбулинка, основанном в 1988 г. Департаментом религии и культуры правительства Тибета в изгнании, неподалеку от Дхарамшалы
Fig. 14. Prayer drums in the Norbulingka monastery complex, founded in 1988 by the Department of Religion and Culture of the Government of Tibet in Exile, near Dharamshala

Илл. 15. Внутреннее убранство главного святилища в Норбулинке
Fig. 15. Interior decoration of the main sanctuary in Norbulingka

стырей Чоклинг и Пальюл Чолинг, положены постулаты древней буддийской школы *ньигма*, родоначальниками которой были легендарный Падмасамбхава и знаменитый йогин Тилопа. Третий тибетский буддийский монашеский колледж Дзонгсар относится к буддийской школе *сакья*, основанной известный буддийским проповедником Кхон Чонг Гьялпо (1034–1103). Первый монастырь новой школы был построен в Тибете в 1073–1074 гг. и представлял собой внушительных размеров строение высотой в семь этажей. Видимо поэтому его порой называли «фортом *сакья*».

Доктрина *сакья* восходит к учению индийского *махасиддхи* Вирупы, провозгласившего принцип «плод — результат», согласно которому цель пути непосредственно реализуется в процессе его прохождения. Любопытно, что последователи этого направления приняли в пантеон тантрийские божества Самвару, Ваджрасану и некоторых других из системы *ваджраяны (Илл. 16–31)*.

Илл. 16. Статуя Будды Шакьямуни в главном храме Норбулинки
Fig. 16. Statue of Buddha Shakyamuni in the main temple of Norbulingka

Илл. 17. Монастырь в Бире
Fig. 17. A monastery in Bir

Илл. 18. Буддийская вихара в поселении Бир Биллинг
Fig. 18. Buddhist vihara in Bir Billing settlement

Илл. 19. Во внутреннем дворике одного из монастырей Бира
Fig. 19. In the courtyard of one of the Bir's monasteries

Илл. 20. Благоустройство территории и уход за зелеными насаждениями — неотъемлемая часть монастырской жизни
Fig. 20. Landscaping and shrubbery maintenance are an integral part of monastic life

Илл. 22. Воссоздавая вихары в Индии, выходцы из Тибета стремились сохранить их первоначальный облик и воссоздать особую духовную атмосферу
Fig. 22. Recreating viharas in India, the natives of Tibet sought to preserve their original appearance and recreate their special spiritual atmosphere

Илл. 23. Декор входа в одну из вихар Бира
Fig. 23. Entrance decor in one of Bir's viharas

Илл. 24. Холл для проведения религиозных церемоний
Fig. 24. Ceremonial hall

Илл. 25. Изображения буддийских святых в одной из вихар городка Бир
Fig. 25. Images of Buddhist saints in one of the viharas of the town of Bir

Илл. 26. В буддийской традиции число 108 считается священным. Именно столько скульптурных изображений Будды запечатлено на барельефе в монастыре Бира
Fig. 26. In Buddhist tradition, the number 108 is considered to be sacred. That is how many sculptural images of the Buddha are captured on the bas-reliefs in the Bir monastery

Илл. 27. Убранство вихары в Бире
Fig. 27. The interior of a vihara in Bir

Илл. 28. Молитвенный зал в одной из вихар Бира
Fig. 28. A prayer hall in Bir's vihara

Илл. 29. Статуя Будды в монастырском комплексе в Бире
Fig. 29. Buddha statue in the monastery complex of Bir

Илл. 30. Интерьер монастыря в Бире
Fig. 30. The interior of a monastery in Bir

Илл. 31. Интерьер одного из монастырей в Бире
Fig. 31. The interior of a monastery in Bir

Илл. 32. Главное святилище монастыря Таши Джонг, основанного в конце 50-х гг. неподалеку от Бира
Fig. 32. The main sanctuary of the Tashi Jong Monastery, founded in the late 50s near Bir

Илл. 33. Убранство вихары в монастыре Таши Джонг
Fig. 33. The interior of the vihara at Tashi Jong Monastery

Илл. 34. Монастырь Таши Джонг
Fig. 34. Tashi Jong Monastery

Илл. 35. Монастырь Дорзонг в долине Кангра
Fig. 35. Dorzong Monastery in Kangra Valley

Илл. 36. Внутренний дворик монастыря
Fig. 36. Inner courtyard of the monastery

Атмосфера, царящая в монастырях Бира, свидетельствует о размеренной, регламентированной, но не изолированной жизни. Монахи охотно вступают в разговор, хотя бывают немногословны, что, скорее всего, объясняется не скрытностью, а скудными навыками разговорного английского. Находящийся здесь институт под названием «Олений парк», созданный для популяризации буддизма и обучения некоторым видам *садханы,* время от времени проводит обучение на открытом воздухе и приглашает всех желающих, что несомненно говорит о более гибком и адаптивном характере современного буддизма в Кангре. В 1999 г. территория монастырей в Бире даже стала местом съемок фильма «Кубок» (Phörpa). В основу его сюжета легли реальные события, происходившие здесь во время трансляции финальных игр чемпионата миру по футболу *(Илл. 32, 33, 34).*

Неподалеку от Бира находится еще одно небольшое поселение — Таши Джонг, где в конце 50-х гг. восьмой Кхамтрул Ринпоче — Донгью Нима основал монастырь Кхампагар. Местная община отдает предпочтение традиционным ремеслам: ковроткачеству, резьбе по дереву, изготовлению сакральных танок. Монахи проводят дни в изучении буддийской философии, овладевают практикой различных буддийских дисциплин. Среди монахов особо выделяются сумевшие превратить йогическую практику и медитацию (именно саму практику, а не конечный результат) в главный смысл существования и достичь уровня *тогдена.* На тибетском это означает человека, который постиг истинную природу ума, преодолел все разрушительные качества — гордыню, тщеславие, лицемерие, избавился от мирских привязанностей и стремления к успеху. Этих, ведущих изолированную жизнь монахов, трудно увидеть при посещении монастыря. Зато другая часть монашества общительна.

Когда я в очередной раз посетила Таши Джонг, один монах рассказал, что в монастыре готовится праздник, во время которого послушники будут исполнять традиционный танец *чам,* представляющий собой одну из форм тантрийской медитационной танцевальной практики. В в VIII–IX вв. этот танец выступал неотъемлемым элементом эзотерического ритуала, при котором могли присутствовать только избранные. Суть танца состоит в том, что в состоянии экстатичного эмоционального состояния его исполнители перестают ощущать себя обычными людьми и входят в образ гневного божества. Танцоры держат в руках муляжи ритуального божественного оружия и иную характерную атрибутику. Представление, неразрывно связанное со специальными йогическими дисциплинами, призвано проиллюстрировать появление бодхисатв — тех, кто достиг просветления, но остался в миру ради спасения человеческого рода, а также мирных *дахини* —демонических женских сущностей и грозных божеств.

Уже собираясь покинуть Таши Джонг, я обратила внимание на небольшую группу монахов-послушников, мальчиков лет 8–12, активно обсуждавших что-то возле основного храма. Вернувшись в бунгало, которое мы обычно снимали у хозяина и хорошего друга Раджа Чаудхри, я вспомнила о мальчишках из монастыря. Радж оживился и сказал, что буквально в 15 минутах от нас есть еще один монастырь, где обучаются мальчики из тибетской общины беженцев. Объяснения дороги заняли добрых полчаса (указателей к монастырю здесь, разумеется, не было). Пару раз пропустив неприметный поворот в сторону гор и ругая Раджа за невнятные инструкции, мы все-таки нашли искомое. На ровной площадке на вершине холма, размещался монастырь Дорзонг и аффилированный с ним буддийский колледж *(Илл. 35, 36, 37).*

Это был еще один прототип древнего буддийского монастыря школы *кагью,* который существовал в Тибете до тех пор, пока его не уничтожили китайские завоеватели. Индийская реплика была открыта сравнительно недавно, в сентябре 2010 г. Далай-ламой. На закладке первого камня в 2003 г. присутствовал действовавший тогда главный министр штата Химачал-Прадеш раджа Вирбхадра Сингх, что свидетель-

Илл. 37. **Молодые монахи монастыря Дорзонг за молитвой**
Fig. 37. **Young monks of Dorzong Monastery praying**

ствует о том, что независимо от политической ориентации власти штата всегда благосклонно относились к присутствию и развитию здесь тибетского буддизма.

Из большого храма доносились гортанные звуки буддийских молитв. Я осторожно заглянула в приоткрытые створки дверей и увидела за расположенными в несколько рядов низкими столикам совсем юных послушников, лет 6–7. Дети есть дети: заметив иностранку, подглядывающую за происходящим, некоторые отвлеклись от молитвы и указаний учителя. Пришлось ретироваться, чтобы не мешать этому процессу.

Обойдя вихару, я с удивлением заметила статую знаменитого сикхского полководца махараджи Ранджит Сингха. В первой половине XIX в. он возглавил борьбу с *гуркхами* Непала, осуществлявшими кровопролитные набеги в Кангру. Как же здесь оказался этот монумент, ведь сикхи практически не живут в Кангре? Покинув буддийский институт, я получила ответ, обнаружив на вершине холма строящуюся сикхскую гурдвару и небольшой мемориальный холл, посвященный известному сикхскому проповеднику баба Нанд Синдху Калеранвале, достигшему небывалых высот в духовной практике.

Пожилой *сикх*, неотлучно находящийся при мемориале, рассказал, что этот высоко чтимый подвижник, родился в Пенджабе в сельской местности, неподалеку от Лудхианы. Когда именно это произошло, неизвестно, зато считается, что в эти места проповедник пришел в 1920 г. Примерно в 300–400 м отсюда, у подножья холма, где протекает маленькая речушка, он с двумя помощниками выкопал небольшую пещеру, где медитировал в течение многих лет. Успехи его были столь впечатляющими, что со временем проповедник стал почитаться святым и приобрел множество последователей. Пещера существует до сих пор, и в сопровождении сторожа-сардара я легко добралась до цели. Пещера была очень небольшой, максимум на трех человек. Ко входу вел небольшой земляной коридор. Мой провожатый рассказал, что до сих пор в эти места приезжают многие поклонники святого отшельника и верят в особую энергетику этого места, проводя по несколько часов в день в течение одной-двух недель.

Я попросила ненадолго оставить меня в пещере одну. Огонек масляного светильника освещал своды. Пахло влажной землей, было душновато. Через несколько минут голову стало стягивать как обручем, и я была вынуждена выйти наружу. Мой «гид» с улыбкой взглянул на меня. Я по-

делилась своим скромным опытом. «Приходите завтра», — предложил он. Но желания экспериментировать у меня уже не было, поблагодарив его, я отправилась обратно. Подумалось, что по завершению строительства сикхской гурдвары, это место, скорее всего, станет очень популярным среди верующих.

***

Заканчивая рассказ, посвященный тибетскому буддизму в Кангре, отметим, что он органическим образом вписался в поликонфессиональную палитру Индии, растворился в ней и не остался инородным элементом в религиозной и общественной жизни страны, хотя новая религия не снискала подлинно массовой популярности и не приобрела здесь значительного числа последователей. Кангра продолжает жить в соответствии с давно устоявшимися религиозными традициями, не отвергая тибетские верования, но и не растворяясь в них. Важно, что тибетский буддизм за годы существования в индийских Гималаях утратил присущие ему изначально закрытость и камерность, став более доступным, в том числе для европейцев, желающих приобщиться к его ранее табуированным практикам. Впрочем, тенденция обретения все большей международной популярности не свидетельствует о размытости учения. Адаптация к запросам современного мира, стремление к популяризации различных школ тибетского буддизма не затрагивает основ системы. Раскрывая отдельные элементы эзотерической практики, тибетский буддизм оставляет в неприкосновенности фундаментальные принципы, которые навсегда останутся для непосвященных тайной за семью печатями.

Список литературы / References

Челышева И. П. Тибетский буддизм в индийской долине Кангра: история и современность. Часть I. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2023. № 2. С. 233–254 [Chelysheva I. P. Tibetan Buddhism in Kangra Valley: History and Modernity. Part I. *Oriental Courier*. 2023. No. 2. Pp. 233–254 (in Russian)].

Alchi, The Living Heritage of Ladakh. Leh: Central Institute of Buddhist Studies, Jammu and Kashmir, 2008. 150 p.

Francke A. H. *Antiquities of Indian Tibet*. Vol. 1. Asian Educational Services, 1992. 123 p.

Handa O. C. *Buddhist Monasteries of Himachal*. New Delhi: Indus Publishing, 2004. 344 p.

Handa O. C. *Buddhist Western Himalaya*. Pt. 1. New Delhi: Indus Publishing, 2001. 400 p.

Where Mortals and Mountain Gods Meet. Ed. by Laxman S. Thakur, Shimla: Indian Institute of Advanced Study, 2002. 396 p.

DOI: 10.18254/S268684310028343-5

Рецензия на:
Соколов Б. В. *Барон Унгерн и Гражданская война на Востоке*
Москва: Вече, 2022; ISBN: 978-5-4484-3355-9. 448 с.

Review of:
Sokolov B. V. *Baron Ungern and Civil War in the East*
Moscow: Veche, 2022; ISBN: 978-5-4484-3355-9. 448 p.

© 2023 **Сергей Львович Кузьмин**

доктор исторических наук, кандидат биологических наук,
ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН,
Москва, Россия
s.kuzmin@ivran.ru
ORCID ID: 0000-0001-9544-1359

Sergius L. Kuzmin

DSc (History), PhD (Biology), Principal Research Fellow,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
s.kuzmin@ivran.ru
ORCID ID: 0000-0001-9544-1359

В настоящей рецензии рассматривается книга филолога, публициста, литературоведа, литературного критика и историка Б. В. Соколова «Барон Унгерн и Гражданская война на Востоке», опубликованная в 2022 г. Книга позиционируется как «портрет» барона Р. Ф. Унгерна — участника Гражданской войны на востоке России и военных действий в Монголии, восстановившего независимость последней в 1921 г. Книга содержит ряд выдержек из документов и мемуаров, призванных обосновать авторские оценки исторических событий того времени, деятельности Унгерна и некоторых других участников этих событий. Проведенный анализ данной книги показал ряд существенных ошибок и неточностей, которые обсуждаются в рецензии.

Ключевые слова: барон Р. Ф. Унгерн, Б. В. Соколов, Монголия, Гражданская война, рецензия

Для цитирования: Кузьмин С. Л. Рецензия на: Соколов Б. В. Барон Унгерн и Гражданская война на Востоке. Москва: Вече, 2022. *Восточный Курьер / Oriental Courier*. 2023. № 3. С. 301–307. DOI 10.18254/S268684310028343-5

This review considers the book by philologist, publicist, literary critic, and historian B. V. Sokolov "Baron Ungern and the Civil War in the East", published in 2022. The book is positioned as a "portrait" of Baron R. F. von Ungern-Sternberg, participant in the Civil War in the East of Russia and in military operations in Mongolia, who restored the independence of the latter country in 1921. The book contains some excerpts from documents and memoirs designed to substantiate the author's assessment of the historical events of that time, the activities of Ungern and some other personalities participated in these events. Analysis of this book revealed a number of significant mistakes and inaccuracies discussed in this review.

Keywords: Baron R. F. Ungern, B. V. Sokolov, Mongolia, Civil War, book review

For citation: Kuzmin Sergius L. Review of: Sokolov B.V. Baron Ungern and the Civil War in the East. Moscow: Veche, 2022. *Oriental Courier*. 2023. No. 3. Pp. 301–307. DOI 10.18254/S268684310028343-5

Рецензируемая книга посвящена барону Р. Ф. фон Унгерн-Штернбергу, восстановившему независимость Монголии в 1921 г. Это дополненный вариант предыдущей книги того же автора [Соколов 2007]. В «Предисловии» автор формулирует постановку проблемы и предлагает свое видение историографии, в ряде аспектов верное. Однако нельзя согласиться, что монголы признали себя вассалами Китая и что в XVII в. Монголия была завоевана Китаем (с. 32, 114)[1]: они признали власть маньчжурских императоров, а не Китая. Из источников особо выделены заметки Б. Н. Волкова — одного из главных критиков Унгерна. На основе этого автор ставит целью «набросать по возможности объективный, но не беспристрастный портрет» [sic!] Унгерна (с. 13–14). В главе «Детство и юность» даны краткие сведения не только об этом, но и о роде Унгернов. Как и почти везде далее, автор не дает точных ссылок на источники. Поэтому можно лишь догадываться, где заимствованные данные, а где авторские.

Глава «В первый раз в Монголии» посвящена поездке Унгерна туда перед войной. Дан очерк соглашений по Внешней Монголии. «Главой Монголии стал ламаистский первосвященник Богдо-геген Джебцзун-Дамба-хутухта, или же просто Богдо-хан» (с. 33). Термин «ламаизм» не используется в современном религиоведении как некорректный. Богдо-гэгэн — титул буддийского иерарха, а Богдо-хан — императора. Соглашением 1915 г. признавался не суверенитет (с. 33), а сюзеренитет Китая над Внешней Монголией (это не одно и то же).

В главе «Унгерн в Первой мировой войне: герой и забияка» собраны данные о его действиях на фронтах. Главный источник — мемуары и документы. Документы о награждении Унгерна орденом Св. Георгия приводятся не полностью. Автор сомневается в истинности донесения, что Унгерн и другие находились «в ф. Подборок в 400–500 шагах от окопов противника под ружейным и шрапнельным огнем» (с. 40, 42): «на дистанции в 500 шагов вряд ли возможна прицельная стрельба. Да и насчет того, что артиллерия преднамереннно обстреливала отряд Унгерна, есть большие сомнения» — немцы могли при желании поджечь фольварк, а из-за обстрела в течение нескольких часов были бы убитые или раненые, так что немцы вели лишь беспокоящий предупредительный огонь. Эти сомнения неубедительны. 500 мужских шагов — ок. 400 м. Дальность действительного огня (на которой сохраняются достаточно высокая вероятность

1 Здесь и ниже в такой форме приводятся ссылки на страницы из рецензируемой книги [Соколов, 2022].

поражения цели и эффективное действие боеприпаса) для немецких и австрийских винтовок того времени (Маузер, Манлихер и др.) — до 400 м, для артиллерии — больше. Далее подвиг Р. Ф. Унгерна сравнивается с таковым Константина Унгерна и делается вывод, что «их описания совпадают как две капли воды» (с. 43–44). Это не следует из приводимого описания. Хорошая организация снабжения сотни Унгерна трактуется автором как результат «обычного грабежа» (с. 48), но доказательств он не приводит.

Глава «На Гражданской войне» начинается с 1916 г. Далее приведен пассаж из мемуаров Г. М. Семенова о характере и мировоззрении Унгерна. Затем Б. В. Соколов переходит к его антисемитизму и «невыносимому характеру», их-за чего в итоге многие дезертировали, казаки восстали, а монголы передали его красным из рук в руки (с. 64, 244–254, 263). Последнее обсуждается в конце главы, где дан перевод объяснения революционерам Сундуй-гуна, с монголами связавшего Унгерна (из кн.: [*Барон Унгерн в документах и мемуарах*, 2004, с. 194–197]). Аргументация автора такая: Сундуй писал, что вез Унгерна к красным; если бы Сундуй это выдумал, его могли опровергнуть соратники-монголы; если они везли Унгерна на восток, значит, в Маньчжурию, а что им там было делать, в отличие от русских; монголы хотели выкупить себе жизнь у красного командира П. Е. Щетинкина головой Р. Ф. Унгерна; Сундуй сказал Унгерну, что везет его к белым, а сам вез к красным; связывать и везти к белым Унгерна не было смысла — проще было пристрелить на месте. Подобное изложение хода событий неубедительно, т. к. не согласуется с показаниями Унгерна, с отчетом Щетинкина и с другими документами. Монголы везли Унгерна на восток, чтобы сдать уходившим в Маньчжурию белым, а самим уйти на запад Монголии. Они связали Унгерна, т. к. понимали: добровольно он к покинувшей его дивизии не поедет. Застрелить же его боялись, т. к. верили, что он неуязвим для пуль; могли опасаться и мести унгерновцев. Надо отметить, что исследование о Сундуе [Доржсүрэн, 1993] показывает, что Сундуй кое-что присочинял для самооправдания. Далее, по мнению Б. В. Соколова, показания Унгерна на допросе о попытках самоубийства есть основания считать фантазиями, т. к. монголы его связали (с. 252–253). Однако после доставки в лагерь красных его должны были развязать.

Не стоит включать калмыков и «монголов-хараченов» в список «инородцев Забайкалья» (с. 66). Калмыки к ним не относятся, да и харачины из Внутренней Монголии служили там у белых. Автор сравнивает действия Унгерна и Семенова, приводит сведения о женитьбе Унгерна на принцессе Цзи. Довольно реалистично говорится о панмонгольском движении, но не без неточностей: панмонголисты не предполагали включать в состав «Великой Монголии» ни Туву, ни в перспективе Тибет (с. 70, 72). Обсуждаются реквизиции Унгерном имущества из поездов: «Да и взаимоотношения в Азиатской дивизии больше напоминают порядки бандитской шайки: круговая порука, каждый должен держать язык за зубами и беспрекословно подчиняться атаману» (с. 92). Круговой поруки в дивизии не было, а остальное объясняется воинской дисциплиной.

Описана деятельность Унгерна во Внешней Монголии: «Унгерн не был оригинален, когда выдвигал план объединения “желтой расы” в лице Великой Монголии, Синьцзяна, Тибета и Китая с восстановленной там императорской династией Цин. Он только выполнял план, разработанный и предложенный Семеновым» (с. 94). Доводы в пользу этого сомнительны: знание Семеновым монгольского и китайского языков; то, что он был наполовину бурят; его знакомство с влиятельными монгольскими ламами и князьями, с Богдо-гэгэном (последнее неверно).

Интересны и в основном логичны размышления автора о том, как бы разворачивались события дальше, если бы Унгерн вторгся в Монголию не в октябре, а в августе 1920 г. Далее — о подготовке и боевых действиях в Монголии, в основном по нескольким мемуарам, в том числе

Торновского (кое-где почему-то «Торчинского»: с. 102, 108, 159). Автор верно заключает, что Унгерн мог рассчитывать на русских беженцев в Монголии как на ресурс для мобилизации, но большинство из них не питали к нему симпатий. Приводятся архивные сведения по биографии Б. Н. Волкова, описано его пребывание в Монголии. Обсуждается биография работавшего у Унгерна К. Н. Ивановского (который, однако, не был полковником; см. с. 119, 174: см. [Маркелов, 2012, с. 14–25]). Рассказывается о К. И. Клуге и его сыновьях в связи с колчаковской армией (с. 181–201). Автор справедливо сомневается в достоверности указания на его пребывание в Урге, однако требует доказательств предположение, что Клуге — это служивший у Унгерна Войцехович. Обсуждаются жестокости Сипайло, Безродного и некоторых других. Цитаты из наименее достоверного источника — мемуаров Блохина с подробным описанием извращений и пыток трудно объяснить иначе как смакованием больных фантазий Блохина.

Автор приводит цитату из мемуаров Князева о приказе Унгерна, чтобы ему отвели в Урге большой дом, тогда как он отказался и приказал поставить юрты: «Нет людей глупее, чем у меня в штабе. Приказываю чинов штаба и коменданта города лишить всех видов довольствия на три дня». Трактовка автора следующая: «…текст упоминаемого им приказа так до сих пор не найден. Сама эта история больше смахивает на легенду, призванную оттенить аскетизм барона и его нетерпимость к тем, кто искал хоть какого-то комфорта» (с. 160). Однако текст этого приказа есть в архиве и опубликован [*Барон Унгерн в документах и мемуарах*, 2004, с. 89]. Князев почти в точности повторил его § 4. Судя по списку литературы, автору эта публикация должна быть известна.

Автор удивляется причинам, по которым на пути к Урге и позже Унгерн делил свою и без того небольшую дивизию, и полагает, что это решение было вызвано тем, что Унгерн был неуверен в управлении в бою массой всадников в тысячу человек (с. 98). Однако объяснение этому более простое: такое дробление повышало мобильность и позволяло избежать нехватки корма для лошадей.

В главе есть и фактические ошибки. Жамболон перед освобождением Урги был сотником, а не «бурятским князем (нойоном)», есаулом (с. 103, 196–197). Китайская кавалерия во главе с Гао Си Линем не занимала кяхтинский Маймачен на севере (с. 104), а ушла на юго-восток, в Китай. Китайский гарнизон Урги состоял не из «частью разбойников-хунхузов, частью из… ополченцев» (с. 107), а из солдат китайской армии и ополченцев. Машинопись статьи под псевдонимом «Случайный» найдена в архиве Волкова — но это не «безусловно, доказывает его авторство» (с. 116–117). В известной Б. В. Соколову статье [Маркелов, 2012, с. 14–25] есть сведения из судебного дела К. Н. Ивановского, что «Случайный» — это псевдоним Ивановского, а не Волкова. Соколов приводит сведения из этой статьи (с. 158–159), но в заключение утверждает, что псевдоним «Случайный» Ивановскому якобы придумали чекисты (с. 165–166), а на самом деле это Волков. Автор считает и Голубева псевдонимом Волкова (с. 28, 30, 32 и др.). Однако в статье Маркелова есть показания Ивановского о том, что он находился в хороших отношениях именно с Голубевым. И если бы Голубев был Волковым, вряд ли последний оставил бы нелестные отзывы о нем (с. 178). Видна и разница между Голубевым и Волковым по содержанию и стилю. Неубедительны аргументы автора, что Пономарев — еще один псевдоним Волкова (с. 102, 107, 114, 115, 117, 119, 122, 127, 128). Ради разных «псевдонимов» автор создает сложную конструкцию (с. 114–127), но в науке в таких случаях принято пользоваться бритвой Оккама...

В. И. Ленин встречался с монгольскими революционерами не в 1920 г. (с. 129), а в 1921. Автор считает слова мемуариста Торновского о том, что зимой 1921 г. через Гоби к Чойрыну двигались китайские войска, «фантастикой» (с. 133–134). Однако харбинская пресса писала в феврале 1921 г. об отправке этих войск через

Калган (это как раз через Гоби к Чойрыну) против Унгерна. При походе на Сибирь Унгерн не стал присоединять действовавшие на западе Монголии белые отряды к своей дивизии не потому, что «не хотел концентрировать все силы в одном месте, опасаясь, что не сможет управлять большой массой войск» (с. 225), а потому что надеялся на успех на широком фронте вдоль границы. Предположение, что Богдо-гэгэн VIII скончался от «природного алкоголизма» (с. 234) — выдумка Соколова. Безродный не был «главным подручным Сипайлова» (с. 238) — он действовал отдельно. Тибетцы не дезертировали из Азиатской дивизии после взятия Урги красными (с. 239): они отделились от перекрывавшего путь на Ургу белого дивизиона после его поражения, а красные вошли в Ургу примерно через неделю. Монгольские революционеры коммунистами (с. 255) не были.

Пафос заключительных рассуждений сводится к обвинениям Унгерна, некоторые из которых обоснованы, а некоторые — нет. Впрочем, с последней фразой можно согласиться: «Так что большевики, как в России, так и в Монголии, далеко превзошли в жестокости барона Романа Федоровича фон Унгерна» (с. 267).

Далее идет приложение «Унгерниада. Записки Б. Н. Волкова». Первой идет статья «В осажденной Урге» «Случайного». Но «Случайный» — это не Волков, а Ивановский (см. выше). Затем приведены записки настоящего Волкова «Об Унгерне». Это рукопись из архива: газетные статьи Волкова, дополненные им позже. Рукопись и статьи существенно различаются, что требует археографического исследования. Обилие имен, названий и терминов, ошибки, неверные или искаженные транскрипции китайских и монгольских слов требуют комментариев. Когда-то я кратко отметил лишь основные неточности у Волкова [Кузьмин, 2011, с. 9–10]. Однако в книгах Соколова 2007 и 2022 гг., где перепечатаны записки Волкова, комментариев к ним нет.

Далее идут материалы Пономарева, который тоже неверно трактуется как псевдоним Волкова. У него много несогласований с последним. В связи с этим автор формирует интересную, но неубедительную конспирологическую теорию. В материалах Пономарева много непроверяемых данных и оставленных без комментариев ошибок. Далее приведен материал Волкова «О красных монголах», его письма в 1920-е годы, три материала его переписки с Н. М. Рябухиным.

Затем в книге приводится статья Б. В. Соколова «“Будьте хоть на один момент истинно русским человеком — застрелитесь!” Адъютант барона Унгерна, или русский маркиз де Сад», где, наконец, даны корректные ссылки на источники. Разбираются упомянутые выше мемуары Блохина. По «рапорту» и книге Оссендовского реальность Блохина установлена, и сам Блохин упоминает этот «рапорт». Из Оссендовского следует, что в штабе Унгерна Блохин не служил. Но Соколов делает вывод: раз Блохин пишет, что служил там, а Оссендовский — нет, значит, это другой Блохин…

Далее следует информация о мемуарах А. С. Макеева — адъютанта Унгерна. Предположив, что Макеев перебрался из Маньчжурии в США, Б. В. Соколов допускает, что изданная на английском «Азиатская одиссея» Д. Алешина — это вариант мемуаров Макеева (с. 393–394). Автор мог бы узнать, что это не так, прочитав самого Алешина и послесловие к его русскому переводу с биографией [Дементьев, 2017, с. 364–370]. «По всей вероятности, Макеев также является автором мемуаров, написанных от имени некоего Г. Голубева» (с. 394). А ведь автор писал, что Голубев — это Волков (см. выше)… «Алексей Макеев, писавший под фамилиями Голубев, Макеев, Блохин, Тихонов и Алешин, оказался автором наибольшего числа мемуаров об Унгерне». Унгерновцы знали Макеева, адъютанта барона, что «вовсе не означает, что это его настоящая фамилия» (с. 394–395). Тут верно лишь одно: материалы Макеева действительно опубликованы в США под псевдонимом «Тихонов». Остальное — фантазии (о биографии Макеева см.: [Хисамутдинов, 2017, с. 77]).

Справедливо сомневаясь в достоверности сведений Блохина, автор сравнивает их с творчеством маркиза де Сада, но отмечает, что садистские сюжеты есть во многих воспоминаниях об Унгерне. Пример — «некто, укрывшийся под псевдонимом Н. П. Даурец» (с. 396). Однако существуют данные, что под этим псевдонимом укрывался как раз Волков [Хисамутдинов, 2018, с. 42]. Большие цитаты из мемуаров Блохина даны почти без комментариев, а его фантазии с пытками, убийствами и извращениями перепечатаны в полном объеме. Они столь ярки и детальны, что книгу Б. В. Соколова следовало бы снабдить знаком информационной продукции 18+, а не 12+. Кроме того, у Блохина очень много выдумок и ошибок [Кузьмин, 2011, с. 11, 614–615]. Однако автор рецензируемого издания не стал их обсуждать, а дал лишь несколько комментариев, качество которых читатель оценит сам: сойоты — одно из тувинских племен, Урянхайский край (но при этом почему-то не упомянута Бурятия); племя солоны, по мнению Соколова, — это «салопы» (надо понимать, по названию накидки европейских горожанок); существовал не «цехорский», а «чохарский отряд» (на самом деле чахарский или цахарский); Ассентовский (на самом деле Оссендовский); вставка из Булгакова к «письму» Кайгородова Унгерну (выдуманному Блохиным); комментарий к выдуманному Блохиным «письму» Унгерна Богдогэгэну; из слов «распутный вор барон Унгерн» в советской газете Соколов делает вывод о его гомосексуализме (правда, не зная, откуда это переведено: в некоторых монгольских документах того времени использован оборот *самуун хулгай* — «смутьян-вор, смутьян-бандит», наиболее частые значения *самуун* — «смутьян, смутный, шальной» и т. п., реже — «распутный». Доктор филологических наук Б. В. Соколов должен бы знать о многозначности некоторых иностранных слов в зависимости от контекста).

И, наконец, если обозначение Цинской династии как «Цинн» объяснимо опечаткой, то обозначать ее как «Циньскую» уж совсем неверно: Цин и Цинь — это разные империи.

«Библиография» книги включает 33 названия. В конце даны иллюстрации без ссылок на источники. По крайней мере часть их перепечатана еще и без разрешения правообладателя (карты из сборника [*Легендарный барон…* 2004, с. 32, 203, 211, 216]). Впрочем, это вопрос скорее к издательству, чем к автору. Однако не вполне ясно, кому следует адресовывать вопрос об иллюстрации «Урга. Новый дворец Богдо-гегена», на которой изображен отнюдь не дворец Богдогэгэна, а храм Мэгжиджанрайсэг.

Итак, рецензируемая книга, хотя и включает много выдержек из документов и мемуаров (в основном без ссылок на источники), в целом представляет результат «фильтрации» данных для создания негативного образа Унгерна и его дивизии. Книга содержит много ошибок, неверных трактовок, транскрипций и (меньше) опечаток. Ряд важных данных не приводится, но присутствует весьма много оценочных суждений. Книга достигла поставленной автором цели: в ней дан отнюдь не беспристрастный портрет Р. Ф. Унгерна. Правда, «портрет» этот довольно смутный из-за сумбурного стиля изложения. Однако присутствует в работе и новизна — в основном, благодаря нескольким довольно точным авторским оценкам событий и введению в оборот фантазий и сомнительных сведений из мемуаров Блохина, снабженных недостаточными и малопрофессиональными комментариями. Можно посочувствовать «широкому кругу читателей» и «всем любителям военной истории» (на которых, согласно аннотации, ориентирована данная книга), если они будут познавать историю по такого рода публикациям.

Список литературы / References

Барон Унгерн в документах и мемуарах. М.: КМК, 2004. 661 с. [*Baron Ungern in Documents and Memoirs*. Moscow: KMK Sci. Press, 2004. 661 p. (in Russian)].

Дементьев А. Послесловие. Алешин Д. *Азиатская Одиссея*. М.: Циолковский, 2017. С. 364–

370 [Dementiev A. Afterword. Alyoshin D. *Asian Odyssey*. Moscow: Tsiolkovsky, 2017. Pp. 364–370 (in Russian)].

Доржсүрэн Д. *Бароныг баривчилсан хүн*. Улаанбаатар: Шувуун саарал, 1993. 133 с. [Dorjsuren D. *Man Who Captured The Baron*. Ulaanbaatar: Shuvuun saaral, 1993. 133 p. (in Mongolian)].

Кузьмин С. Л. *История барона Унгерна*. М.: КМК, 2011. 659 с. [Kuzmin S. L. *History of Baron Ungern*. Moscow: KMK Sci. Press, 2011. 659 p. (in Russian)].

Легендарный барон. М.: КМК, 2004. 336 с. [*The Legendary Baron*. Moscow: KMK Sci. Press, 2004. 336 p. (in Russian)].

Маркелов И. Этот загадочный начальник штаба дивизии Унгерна. *Казань*. 2012. № 4. С. 14–25 [Markelov I. This Enigmatic Chief of Staff in the Ungern's Division. *Kazan*. 2012. No. 4. Pp. 14–25 (in Russian)].

Соколов Б. В. *Барон Унгерн и Гражданская война на Востоке*. Москва: Вече, 2022. 448 с. [Sokolov B. V. *Baron Ungern and Civil War in the East*. Moscow: Veche, 2022. 448 p. (in Russian)].

Соколов Б. В. *Барон Унгерн. Черный всадник*. М.: АСТ – Пресс книга, 2007. 448 с. [Sokolov B. V. *Baron Ungern. The Black Horseman*. Moscow: AST – Press Kniga, 2007. 448 p. (in Russian)].

Хисамутдинов А. А. *Русские литераторы-эмигранты в Китае*. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2017. 127 с. [Khisamutdinov A. A. *Russian émigré Writers in China*. Vladivostok: Far Eastern Univ., 2017. 127 p. (in Russian)].

Хисамутдинов А. А. *Литературные псевдонимы русских эмигрантов в Китае, Японии и Корее*. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2018. 112 с. [Khisamutdinov A. A. *Literature Pseudonyms of Russian émigrés in China*. Vladivostok: Far Eastern Univ., 2018. 112 p. (in Russian)].

Подписано в печать 15.11.2023
Формат 84x108/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 30.40. Тираж 500 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Государственный академический университет гуманитарных наук»
119049, г. Москва, Мароновский пер., 26

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12

Департамент научных изданий
Научно-инновационного управления
Государственного академического
университета гуманитарных наук
e-mail: dsp@gaugn.ru
https://gaugn.ru/science/dni/

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами в
ООО «Институт информационных технологий»
170021, г. Тверь, ул. Дачная, д. 33, офис 1